Mélanges asiatiques

tirés du

Bulletin de l'Académie Impériale des sciences

de

St.-Pétersbourg.

Tome XVI.

(1913–1914).

Petrograd.

Contenu.

———

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Имирзекъ лѣтомъ 1912 г.

А. Лорисъ-Калантара.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 16 января 1913 г.).

Развалины Имирзека, отнюдь не единственныя въ ущеліи рѣки Азатъ (Гарни-чай), обратили на себя вниманіе академика Н. Я. Марра обиліемъ армянскихъ надписей. Возникла мысль о неотложномъ эпиграфическомъ изслѣдованіи этого неизвѣстнаго древняго пункта. На мою долю выпала честь быть исполнителемъ этой задачи.

12 іюля 1912 г., получивъ нужныя указанія, я выѣхалъ изъ Ани. По пути слѣдованія въ Гарнійскомъ археологическомъ районѣ я осмотрѣлъ въ самомъ Гарни древности, открытыя раскопками академика Н. Я. Марра, и находящійся по близости монастырь һАвуц-тʻаръ съ церковью Аменапʻркичъ; миновавъ затѣмъ монастырь Сурп-Степаносъ, оставшійся на верхней дорогѣ въ Имирзекъ, и слѣдуя по нижней — по теченію рѣки Азатъ (Гарни-чай), я ознакомился съ замѣчательною по древности маленькой церковью въ турецкомъ селеніи Байбуртъ, базиличнаго типа, хорошо сохранившейся, нынѣ превращенной въ хлѣвъ. 15-го вечеромъ я уже былъ въ Имирзекѣ.

Имирзекъ (нижній), небольшое турецкое селеніе въ Эриванской губерніи и уѣздѣ того же названія, на правомъ берегу рѣки Азатъ въ ущеліи Милп, лежитъ на склонѣ горы.

Развалины — уцѣлѣвшія и сохранившіяся in situ нижнія части стѣнъ церкви — находятся въ центрѣ селенія на скалѣ; потому то свалившіяся архитектурныя части и надписи не только разбросаны около стѣнъ, въ оградѣ церкви и на полу, но разсыпаны по всему скату въ сторону ущелья

и скатились въ русло ручья, впадающаго въ рѣку Азатъ, на днѣ котораго тоже попадаются эти обломки.

Помимо этого, мѣстные жители широко использовали какъ самыя развалины, помѣстивъ на нихъ и пристроивъ къ нимъ кругомъ рядъ саманниковъ, хлѣвовъ и гуменъ, такъ и отпавшія части, послѣднія — въ качествѣ строительнаго матеріала: надписи, рельефы, орнаменты и крестные камни (хачкары) пошли на разныя постройки по всему селенію.

Такое состояніе развалинъ и разбросанность археологическаго матеріала, разумѣется, очень затрудняли его изученіе. Располагая помощью опытнаго рабочаго, взятаго мною изъ Ани, я немедленно приступилъ къ приведенію въ порядокъ развалинъ. Но предстояло разрѣшить трудный вопросъ, какъ быть съ расположенными въ самой церкви и пристроенными къ ней помѣщеніями изъ камней и развалинъ церкви.

Путемъ дружескихъ бесѣдъ и подробныхъ объясненій, которыя я давалъ на мѣстѣ, удалось добиться того, что враждебно относившіеся сначала жители и хозяева на третій же день сами принялись разбирать свои постройки.

Послѣ этого дѣло стало спориться, и оно пошло бы быстрѣе, если бы не недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Мѣстные люди, несмотря на то, что ходили безъ дѣла, полуголые и голодные, очень неохотно соглашались работать, то уклоняясь отъ дневныхъ работъ вслѣдствіе очень высокой температуры днемъ (они сами работаютъ до восхода и послѣ захода солнца), то оцѣнивая очень дорого свой трудъ; къ тому же, они для нашихъ работъ оказались въ первое время совершенно негодными.

Пришлось выписать изъ Ани еще одного рабочаго. Имѣя уже двухъ опытныхъ помощниковъ, я безъ особаго труда могъ справиться съ работой. Тѣмъ временемъ и мѣстные стали привыкать къ нашему дѣлу и принимать участіе въ бо̀льшемъ количествѣ: въ день работало уже до 6—8 человѣкъ.

Проработавъ такимъ образомъ больше 3-хъ недѣль, мы совершенно очистили церковь и площади съ западной и сѣверной сторонъ ея. Здѣсь на всемъ пространствѣ было открыто кладбище; наружныя стѣны (сухой кладкою) пристроекъ мною не снесены: онѣ теперь составляютъ какъ-бы ограду церкви. Оказавшіеся здѣсь церковные камни собраны всѣ и сложены или въ церкви или на западной ея сторонѣ въ оградѣ. На скатахъ съ восточной и южной сторонъ церкви откопано много камней съ надписями; часть ихъ, по разстоянію и величинѣ поддававшаяся нашимъ силамъ, перенесена внутрь той же ограды.

Церковь, въ планѣ продолговатый четыреугольникъ (обмѣрилъ ее Я. И. Смирновъ), отличалась не столько величиной, сколько изяществомъ: она

построена въ началѣ XIII в., какъ гласятъ надписи. Независимо отъ этого, какъ типичныя особенности церкви, такъ и обиліе надписей, въ большинствѣ дарственныхъ, пышность и красота архитектурной отдѣлки, богатство и разнообразіе орнаментовъ, множество интересныхъ рельефовъ — указываютъ на XIII в., эпоху возрожденія и разцвѣта новаго армянскаго искусства. Въ рельефахъ кромѣ фигуры строителя въ позѣ молящагося (костюмъ со стилизованными складками) бросаются въ глаза изображенія орловъ (одноглаваго, двуглаваго), павлина, грифа, сфинкса, драконовъ и др. Декоративная рѣзьба состоитъ по обыкновенію изъ розетокъ, плетеній и геометрическихъ рисунковъ. Тонкой рѣзьбою покрыты и крестные камни (хачкары), найденные въ большомъ количествѣ. Въ самихъ крестахъ замѣчается преобладаніе экземпляровъ съ парою кружочковъ или почекъ на двухъ концахъ каждаго крыла. Рельефы не всѣ исполнены художественно; есть довольно грубыя изображенія людей, лошади, доспѣховъ и т. п., преимущественно на надгробныхъ памятникахъ позднѣйшаго времени.

Почти всѣ камни снабжены мѣткою мастера; многіе изъ нихъ, болѣе крупные, имѣютъ ручки для перевозки. Это замѣчается преимущественно въ надгробныхъ камняхъ.

Число собранныхъ и прочитанныхъ надписей превышаетъ 64 (четыре изъ нихъ найдены въ ближайшихъ окрестностяхъ Имирзека).

Имирзекскія надписи всѣ имѣютъ отношеніе прежде всего къ мѣстной церкви; сообщаются въ нихъ между прочимъ имена настоятелей (առաջնորդ) монастыря. Найдена въ 2-хъ кускахъ, лежавшихъ отдѣльно и далеко другъ отъ друга на противоположныхъ сторонахъ церкви, очень важная надпись о постройкахъ, связанныхъ съ какою то каѳедрою. Открыты могильныя плиты епископовъ. Первое впечатлѣніе получилось такое, будто въ самомъ Имирзекѣ была епископская каѳедра. Но, повидимому, рѣчь идетъ о *каѳедрѣ* или *мѣстопребываніи* особо чтившейся святыни. Выясняется также названіе церкви (Աստուածածին «Богородица»), древнее названіе Имирзека (Vanəstan), упоминаются имена извѣстныхъ въ исторіи лицъ, рядъ географическихъ названій и т. п. Въ надписяхъ же есть указаніе и на какое то отношеніе одного изъ имирзекскихъ дѣятелей къ строительству въ «Хор-вирапѣ».

Имирзекскія или ванэстанскія надписи, въ довершеніе, представляютъ большой палеографическій интересъ, между прочимъ частымъ примѣненіемъ вязи.

Сдѣлано до 100 фотографическихъ снимковъ общаго вида развалинъ, архитектурныхъ частей, декоративныхъ деталей и рельефовъ, равно и надписей. Надписи высѣчены всѣ на камняхъ кромѣ одной, написанной на стѣнѣ

церкви розовой краской. Большинство надписей XIII и XIV вѣковъ. Къ позднѣйшимъ относятся однѣ надгробныя; позднѣе XVI в. надписей нѣтъ. Одна изъ надписей въ окрестностяхъ Имирзека именно въ Кепри-Кулакѣ, — времени царицы Хосровануйши (X в.).

Замѣтивъ все болѣе и болѣе возраставшій интересъ среди мѣстныхъ жителей къ археологическимъ находкамъ, болѣе сознательное и сочувственное ихъ отношеніе къ нашимъ работамъ, я нашелъ нужнымъ попросить трехъ представителей населенія — Али-кули-бека Султанова, муллу и помощника старшины, чтобы они приняли на себя охрану имирзекскихъ памятниковъ, на что они изъявили полную готовность, польщенные такимъ довѣріемъ.

Въ окрестностяхъ Имирзека осмотрѣно мною еще нѣсколько памятниковъ, прочитаны надписи и нѣкоторыя сфотографированы. Въ самомъ Имирзекѣ работы кончились 6-го августа вечеромъ.

Обратный путь совершенъ черезъ Гегардскій монастырь.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.

Н. Я. Марръ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 16 января 1913 г.).

V.

1) *арм.* **tat** [< * **tat-**$^{e}/_{i}$] *бабушка*; **h. han-**$^{e}/_{i}$ (**han-ik**) > **han** *бабушка;*—2) **h. шid̂-** [< * **шud̂-**] *угасаніе*: **шid̂-an-em** *гасну*, **шid̂-u**ϑ̇**-an-em** *гашу*.

1) Въ терминахъ родства, какъ и въ другихъ лексическихъ отдѣлахъ языковъ Арменіи вскрываются слова, происходящія изъ различныхъ яфетическихъ источниковъ; въ случаѣ, касающемся первыхъ двухъ словъ, армянскій языкъ сохранилъ терминъ изъ -n—развѣтвленія яфетической вѣтви, hайскій языкъ, если наша яфетическая этимологія h. han-i не вызвана случайнымъ созвучіемъ, — изъ -q—развѣтвленія той же вѣтви[1]).

a) Въ ḱарт́скомъ, т. е. въ одномъ изъ яфетическихъ языковъ -n развѣтвленія, какъ извѣстно, *мать* гласитъ დედაჲ ded-a-y, что̀ представляетъ видъ съ усѣченной формою женскаго рода (-a < -al); слово сохранилось и съ полною формою того же ж. окончанія (-al), но въ значеніи *самка* (вульг. преимущественно *самка курица*): დედალი ded-al-i. Давно уже выясненъ какъ корень этого слова dd(< wdd||bdd>bd) въ связи съ установленіемъ родства яфетическихъ языковъ съ семитическими (яф. wdd || сем. wld), такъ контингентъ

1) Только-что совершенная мною лингвистическая поѣздка въ Абхазію дала матеріалъ для пересмотра яфетической теоріи въ отношеніи къ вопросу не только объ абхазскомъ, но и о сванскомъ и объ языкѣ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей. Главное пріобрѣтеніе, требующее поправки въ соотвѣтственной части яфетической теоріи, состоитъ въ томъ, что въ яфетической вѣтви языковъ приходится признать по образованію мн. числа и другимъ морфологическимъ особенностямъ два развѣтвленія, одно—состоящее изъ языковъ -n (ḱарт́скій и тубал-каинскіе), другое — изъ языковъ -q (абхазскій и примыкающіе къ нему); сванскій въ наличномъ теперь видѣ и языкъ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей относятся къ мѣшанымъ типамъ. Подробнѣе особо.

словъ отъ того же корня въ грузинскомъ и въ ближайше сродныхъ съ нимъ языкахъ. По этимъ матеріаламъ видно, что ded-al-i > ded-a-y, получившее въ ќартскомъ значеніе *мать > самка*, собственно значитъ *родительница*. Сейчасъ рѣчь не о тѣхъ матеріалахъ, а о формѣ даннаго слова, прежде всего объ его суффиксѣ ж. рода -al > -a[1]). Тубал-кайнское идеально точное соотвѣтствіе ќартскаго ded-al было бы *dad-ol, что̀ и сохранилось съ обычнымъ передвиженіемъ o > u въ м. დადული dad-ul-i *самка*, *курица* (въ ч. только *курица*, а по Февзи-бею «*цыплята*», вѣроятно, «*молодая курочка*»), съ усѣченною формою ж. окончанія დადუ dad-u id.[2]).

Могъ бы существать языкъ яфетическій, въ которомъ наше слово, съ ж. окончаніемъ означающее *мать > самка*, безъ ж. окончанія значило бы *отецъ* (*родитель*) > *самецъ*, но въ общемъ яфетическіе языки мы застаемъ на такой ступени развитія (разрушенія), что отожествлять грамматическій родъ непремѣнно съ поломъ нѣтъ никакого основанія: слова, обозначающія лицъ мужского пола, часто снабжены женскимъ окончаніемъ, напр. слово *отецъ*, *самецъ*, въ ќартскомъ гласящее მამალი mam-al-i > მამაჲ mam-a-y, также проявляетъ ж. окончаніе (-al > -a), происходя правда отъ другого корня (mm < ʗmm || bb < ʗbb и пр.). Потому то основа ded- и безъ женскаго окончанія могла бы означать *мать < самка* (въ ла̄шхскомъ нарѣчіи сванскаго запм. изъ ќарт. დედ ded такъ и значитъ *самка*); тубал-кайнское точное соотвѣтствіе такого слова безъ ж. окончанія звучало бы dad-$^e/_i$, что̀ и сохранилось въ м. დადი dad-i, но въ значеніи *бабушка*. Первоначальное значеніе *мать* тубал-кайнской разновидностью сохранено въ мокскомъ курдскомъ нарѣчіи, гдѣ *мать*, по доставленнымъ I. A. Орбели матеріаламъ, гласитъ դադէ dȧd-e (наличныя тамъ же դէ d-e *мать* и դա- dȧ- въ сложномъ դապիր dȧ-pir̯ *бабушка*, *повивальная бабка*[3]) представляютъ, очевидно, усѣченныя формы въ первомъ случаѣ безъ начальнаго слога, во второмъ — безъ конечнаго (ср. Н. Марръ, *Еще о словѣ «челеби»*, стр. 139, прим. 2)[4]). Семасіологическое основаніе для использованія слова, означающаго *мать*, въ патріархальномъ быту въ

1) Нужно ли напоминать, что исходный i > (послѣ гласнаго:) y есть яфетическое окончаніе II. падежа, специально ќартское, въ тубал-кайнскихъ представленное закономѣрно гласнымъ e.

2) Я не привожу здѣсь сванскихъ эквивалентовъ (Н. Марръ, *Яфет. происх. абх. терминовъ родства*, стр. 425), представляющихъ по существу, какъ это теперь выясняется, тубал-кайнскій вкладъ въ сванскій языкъ.

3) Ср. ќ. დედაბერი deda-ber-i *старуха*. Кстати, въ нашей фонетической транскрипціи арм. буква ե имѣетъ первоначальное значеніе русск. э = лат. e, а не ye, что въ записяхъ діалектическихъ текстовъ армянскимъ письмомъ слѣдуетъ передавать черезъ յե.

4) Къ усѣченію դադէ dȧd-e въ դապիր dȧ-pir̯ *бабушка* параллель представляетъ усѣченіе мокскаго курдскаго բաբ bȧb въ мок. курд. բապիր bȧ-pir̯ *дѣдушка* (есть и въ другихъ нарѣчіяхъ съ инымъ произношеніемъ).

значеніи *бабушки* не нуждается въ особомъ поясненіи [1]); то же самое наблюдаемъ въ одномъ изъ армянскихъ говоровъ съ картскимъ «დედი» ded-i: у лорійскихъ армянъ, по словамъ А. А. Лорисъ-Калантара, դէ՛դի dèd-i значитъ *бабушка* [2]); въ другомъ тубал-кайнскомъ языкѣ, именно въ чанскомъ დადი dad-i значитъ *тетка* (какъ по матери, такъ и по отцу), и это семасическое использованіе слова, первоначально означавшаго *мать*, также легко получаетъ свое оправданіе [3]), но та-же тубал-кайнская разновидность dad-$^{e}/_{i}$ сохранила и въ тубал-кайнскихъ языкахъ слѣды основного значенія «*мать*»: въ чанскомъ языкѣ დადე dad-e > მდადე m-dad-e значитъ *посаженная мать*, какъ впрочемъ и въ гурійскомъ говорѣ грузинскаго языка; въ другихъ говорахъ грузинскаго языка это — «дружка со стороны невѣсты»; а въ мингрельскомъ языкѣ не только «дружка», но и «шаферъ» (и жениха и невѣсты). Въ грузинскомъ языкѣ и его говорахъ эта разновидность съ огласовкою а вм. е заимствована изъ тубал-кайнскихъ, чанскаго или мингрельскаго. Изъ того же источника происходитъ, очевидно, какъ сохранен-

---

1) Въ связи съ этимъ и появленіе термина ბაბა bab-a (h. պապ pap) у свановъ въ значеніи *дѣдъ*, какъ мнѣ теперь представляется, правильнѣе толковать какъ новое семасическое развитіе слова ბაბა bab-a *отецъ*, а не какъ особое сложное слово, означающее *отецъ отца* (ср. Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе абхазскихъ терминовъ родства*, стр. 424). Любопытно, что картская разновидность слова *отецъ*, у лорійскихъ армянъ означающая *дѣдъ* (см. ниже, прим. 2), въ курдскомъ, гдѣ она сохранилась въ качествѣ яфетическаго переживанія (рядомъ съ bav [въ мокскомъ нарѣчіи բա̊բ bȧb] *отецъ*, Н. Марръ, *Еще о словѣ «челеби»*, ц. м.) въ формѣ mȧm означаетъ *дядю* (со стороны отца) (отсюда duϑmȧm *двоюродная сестра*, букв. *дочка дяди*, pəsmam *родственникъ не первой крови*, букв. *сынъ дяди*); такъ обстоитъ дѣло, по личному сообщенію I. А. Орбели, въ мокскомъ курдскомъ нарѣчіи, отсюда и въ мокскомъ армянскомъ нарѣчіи: պըսմա̊մ pəsmȧm, однако съ простымъ а въ Р. падежѣ, պըսմամվը pəsmamüϑ и во мн. ч. պըսմամքթիր pəsmamqtir. Justi въ *Dictionnaire Kurde-Français* для курд. pəsmam приводитъ значеніе «племянникъ», а для его разновидности, къ сожалѣнію, по малонадежному Garzoni, bsman — «cousin», хотя pusmān свидѣтельствуется и Lerch'омъ; такую же разновидность съ n (вм. m) приводитъ Justi и для duϑmam (< «doukht-mam» [duqϑ-mam] подъ دومام «doumam» [du-mam]); арабская ороографія для курд. слова mam, resp. mȧm, въ видѣ معم, какъ это приведено въ цитованномъ словарѣ, находится въ зависимости отъ искусственной этимологіи: Justi производилъ курд. *дядя* отъ араб. عمّ (см. ц. с. подъ پسمام и معم)! Съ другой стороны, и для меня представляетъ большой вопросъ, могъ ли яфетическій терминъ, означающій *отца*, да еще съ потерею ж. окончанія, быть перенесенъ на существо ж. пола, и посему сомнѣваюсь, чтобы арм. «մամէ» [մամե] mam-e > մամի mam-i > մամ mam, означающее *бабушку*, иногда *прабабушку* (С. Аматуни, Հայոց բառ ու բան, Вагаршапатъ 1912, s. v., въ формѣ մամ mam терминъ проникъ и въ haйскій языкъ у Мхитара Гоша въ *Судебникѣ*), и курдское mam-i со значеніемъ *самка курица* (ср. Justi, *Dictionnaire Kurde-Français*, s. v.) могли быть отнесены къ яфетическимъ матеріаламъ.

2) Картская разновидность слова *отецъ* (მამაჲ mam-a-y) безъ женскаго окончанія въ томъ же лорійскомъ армянскомъ говорѣ звучитъ մա̊մի mȧm-i и значитъ *дѣдъ*.

3) Приходится, конечно, отказаться отъ соблазнявшей мысли усматривать въ dad-i сложное слово съ первоначальнымъ значеніемъ «сестра (da) матери (dia)», при каковомъ толкованіи оно должно было быть картскимъ, а не тубал-кайнскимъ.

ное курдскимъ, въ частности въ его мокскомъ нарѣчіи—դա̊դե dåd-е съ первоначальнымъ значеніемъ *мать*, такъ наличное въ армянскомъ языкѣ տատ tat (< *tat-$^e/_i$) *бабушка*: все отличіе армянскаго эквивалента—въ мутуаціи, столь характерной для языковъ Арменіи. Въ армянскомъ же это слово входитъ въ составъ сложнаго տատմայր tat-mayr *повивальная бабка*, діал. տատմեր tat-mer (изъ посредствующей формы *tat-meyr *տատմեյր, въ hайск. транс. *տատմէր, ср. курд. դա̊պիր då-pir̯); любопытно аналогичное по первой части грузинское (въ Гуріи) составное слово въ значеніи *повивальной бабки*—დედამანია deda-mani-a, гдѣ въ соотвѣтствіе арм. տատ tat, resp. т.-к. dad-$^e/_i$ появляется его картскій эквивалентъ съ женскимъ окончаніемъ დედაჲ ded-a-y̆.

Итакъ въ яфетическихъ языкахъ -n развѣтвленія форма безъ ж. окончанія проявляетъ въ основѣ то-же значеніе *мать* > *самка*, какъ и форма съ ж. окончаніемъ. Быть можетъ, это явленіе не первичное, а связано съ тѣмъ, что въ значеніи [*родитель*] *отецъ* > *самецъ* возобладалъ корень mm (< ꞓmm | ꞓmw, resp. ꞓbb | ꞓbw > bb | bw > b), отъ котораго происходятъ к̒. მამალი mam-al-i и его разновидности.

Какъ бы то ни было, если обслѣдованное выше слово, съ ж. окончаніемъ имѣя значеніе *мать* > *самка*, безъ женскаго окончанія обнаружило бы значеніе *отецъ* > *самецъ*, то это, какъ было уже сказано, насъ не должно было бы смутить, т. е. не было бы основанія недоумѣвать, если бы, напр., т.-к. dad-$^e/_i$, resp. съ армянскою мутуаціею *tat-$^e/_i$ > tat, въ какомъ либо яфетическомъ языкѣ всплыло со значеніемъ *отецъ* > *самецъ*, но къ этой подробности придется еще вернуться въ связи съ вопросомъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ темѣ настоящей замѣтки.

b) Другое, именно hайское, слово հանի han-$^e/_i$ (հանիկ han-ik) > հան han въ значеніи *бабушки* сейчасъ не требуетъ столь долгаго объясненія съ формальной стороны; достаточно указать, что въ немъ также имѣемъ, по всей видимости, яфетическое слово, первоначально означавшее *мать*, и оно съ такимъ значеніемъ налицо въ языкахъ -q—развѣтвленія яфетической вѣтви: это абх. à-an *мать* и его эквиваленты (см. Н. Марръ, *Яфет. происх. абх. терминовъ родства*, стр. 425), въ числѣ которыхъ не надо упускать изъ виду черк. или адыг. han-e *мать*, сохранившаго въ началѣ спирантъ, наличный и въ hайскомъ «заимствованіи». Здѣсь, правда, возникаетъ иное затрудненіе: выяснено уже индоевропейское происхожденіе հա̊նի han-$^e/_i$ цѣлымъ рядомъ иныхъ фактовъ[1]). Но мнѣ кажется, что, когда внѣшнее созвучіе имѣетъ

1) Hübschmann, *AG*, стр. 463,226.

свое оправданіе въ системѣ дѣйствительно существующихъ соотношеній языковъ, нельзя умалчивать о фактахъ, хотя бы пока они казались лишь заманчивыми. Тѣмъ болѣе, что съ одной стороны, наука въ лицѣ наиболѣе авторитетныхъ своихъ представителей упорно игнорируетъ даже безспорное историческое въ теченіи тысячелѣтій взаимное общеніе сближаемыхъ нами языковъ и отнюдь не учитываетъ очевидныхъ его результатовъ для вопроса о лингвистическихъ скрещеніяхъ и перерожденіяхъ въ обширной части древняго культурнаго міра, а, съ другой стороны, несмотря на заманчивость и индоевропейскихъ эквивалентовъ спорнаго слова, у самихъ индоевропеистовъ-лингвистовъ, такъ у Hübschmann'а, въ данномъ случаѣ замѣчается основательное колебаніе касательно пріемлемости индоевропейской этимологіи.

2) Наблюденія надъ абхазскимъ языкомъ, притомъ непосредственно надъ живою рѣчью, вскрыли новый путь къ распознаванію и признанію яфетическихъ элементовъ въ языкахъ Арменіи. Остановлюсь на одномъ случаѣ, именно абх. а-φsə, которое значитъ одновременно и [*дыханіе* >] *душа* и [*замираніе* >] *мертвецъ*: такъ обстоитъ дѣло въ абжуйскомъ нарѣчіи или, пожалуй, говорѣ; что касается бзыбскаго (точнѣе—bzəb'скаго) говора, то въ немъ *душа* гласитъ а-φsə, а мертвецъ—а-φs̱ə, т. е. съ дебелымъ s̱. Казалось бы, какъ то полагаютъ сами абхазы, по крайней мѣрѣ бзыбцы, напр. глубокій знатокъ родной рѣчи о. Н. С. Патейпа, бзыбскій говоръ сохранилъ первоначальное состояніе языка, а въ абжуйскомъ звуковыя различія стерлись, и слова, не имѣющія по существу ничего общаго, наоборотъ, означающія «діаметрально» противоположныя понятія, случайно совпали. Сначала такъ представлялось дѣло и мнѣ. И мнѣ казалось, что такое созвучіе словъ, выражающихъ эти совершенно противоположныя понятія, свойственно только абхазскому. На самомъ же дѣлѣ звуковая дифференціація находится въ связи съ семасическою дифференціаціею, первоначально опредѣлявшеюся контекстомъ и фонетически не выражавшеюся. Какъ уже выяснено [1]), абх. φs представляетъ перестановку sw, и основа слова а-φsə *душа*, т. е. φsə (<*swə) представляетъ эквивалентъ ќарҭскаго sul-i *душа*, происходящаго отъ корня swl. И вотъ это слово лежитъ въ основѣ глаголовъ 1) ќ. სულებაჲ sul-eba-y, resp. съ предлогомъ და da—დასულებაჲ da-sul-eba-y, который означаетъ *умолканіе*, *замолкать* [букв. *угасаніе*, *замираніе*, *успокаиваться* [2])], 2) ќ. სულბვაჲ sul-bva-y *теряніе сознанія* [букв. *угасаніе*, *замираніе*], съ предлогами და da—დასულბვა da-

1) Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, Мат. по яфет. языкозн. V, стр. 6.

2) Пов. სულე sul-e *успокойся*, *умолкни* (Ш. Руставскій, 239, 1, изд. Карич., 229, 1).

sul-bva[1]), შე ше — შესულბვა ше-sul-bva[2]). Однако, грузинскій языкъ въ значеніи *угасанія, замиранія* растерялъ чисто к̆арт̆скаго происхожденія глаголы (отъ основы სულ sul). Изъ двухъ ново-грузинскихъ словъ въ значеніи *угасанія | гашенія*, ქრობა qr-oba (ср. к̆. ქარი qar-i *вѣтеръ*) и ფსება φs-eba, послѣдній, теперь ясно до очевидности, представляетъ заимствованіе изъ абхазскаго языка[3]); въ основѣ его лежитъ абхазская разновидность яфетическаго слова *душа* — a-φsə, использованная въ значеніи *угасанія | гашенія*; этотъ абхазскій вкладъ въ грузинскомъ, хотя теперь появляющійся преимущественно въ гурійскомъ и имерскомъ говорахъ,—давнишній, и значитъ не только *угасаніе | гашеніе*, но и *гибель | разореніе*. Въ связи съ дополненіемъ თვალი θval-i (др.-гр. თუალი θual-i) *глазъ* то-же слово означаетъ *ослѣпленіе* (букв. *угасаніе | гашеніе свѣта*, resp. [*зрѣнія*] *глазъ*), и въ этомъ выраженіи глаголъ обыченъ и въ карталинскомъ говорѣ; корень извѣстенъ и безъ подъема w, resp. v | m въ φ: произносятъ такъ же и теперь — დავსება da-vseba | დამსება da-mseba (ср. выше φsə < *swə), но, не говоря о ново-грузинскомъ, и въ древне-грузинскомъ ихъ вытѣснило заимствованное изъ родственнаго яфетическаго языка слово: такъ въ древне-грузинскомъ въ значеніи *гашенія* господствуетъ შრეტაჲ шr-et-a-y (аор. შრიტა шr-it-a *онъ погасилъ*); глаголъ находится въ формѣ породы -t, не занесенной мною въ *Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка*[4]), такъ какъ она появляется лишь спорадически у весьма немногочисленныхъ глаголовъ, однако корень въ ней въ данномъ случаѣ представленъ не полностью, а истерто — съ потерею второго кореннаго w, какъ наблюдаемъ то въ породѣ -t и у к̆арт̆скаго глагола წრეტაჲ ṭr-et-a-y *изсушать до дна*, въ основѣ котораго лежитъ корень ṭwr (ср. отсюда к̆. ṭura-y *выжимать, исчерпывать до дна*). Такимъ образомъ интересующій насъ глаголъ шr-et-a-y происходитъ отъ корня шwr, т. е. явнаго тубал-каинскаго эквивалента к̆арт̆скаго swl, т. е. отъ того тубал-каинскаго корня, отъ котораго въ ч̌анскомъ и мингрельскомъ налицо შური шur-i *дуновеніе, дыханіе, душа, запахъ* и т. п., эквивалентъ к̆арт̆скаго სული sul-i. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ и въ другихъ яфетическихъ языкахъ противоположныя понятія *угасаніе, зами-*

---

1) Н. Марръ, «Ипполитъ, *Толкованіе Пѣсни Пѣсней*», стр. L. Впрочемъ, быть можетъ, -ბვა -bva представляетъ параллельную разновидность (v | m) глагола ბმაჲ bma-y *связываніе, связывать*, и въ такомъ случаѣ სულბვაჲ sul-bva-y въ корнѣ означаетъ *захватываніе дыханія*.

2) Н. Марръ, *Физіологъ*, армяно-грузинскій изводъ, стр. XLV.

3) Понятно, эта разновидность яфетическаго слова, заимствованная изъ абхазскаго, не можетъ быть использована какъ доказательство родства грузинскаго съ абхазскимъ (ср. Н. Марръ, *Къ вопросу о полож. абх. языка среди яфетическихъ*, стр. 35, прим. 1).

4) С.-Пб., 1908, табл. XI.

раніе и *дыханіе*, *душа* выражаются или выражались однимъ и тѣмъ же словомъ или словами во всякомъ случаѣ одного и того же корня. Постепенно однако смысловая диффоренціація вызывала звуковое перерожденіе. Въ абхазскомъ одинъ изъ говоровъ, бзыбскій, этого достигъ перерожденіемъ s въ ṣ въ соотвѣтственномъ словѣ, когда оно употребляется въ значеніи *угасанія* > *замиранія*, resp. *мертвеца*: а-φṣә. Въ тубал-кайнскихъ языкахъ прежде всего измѣненіе коснулось гласнаго u (< we [слѣдовательно, первоначально ū]) основы шur: онъ подвергся обычному перебою въ i, но получившуюся основу шir изъ чисто тубал-кайнскихъ языковъ сохранилъ развѣ чанскій въ глаголѣ დოფშირამ do-φ-шir-am *изнашиваю* (букв. **погашаю*, **убиваю*, *изничтожаю*), представленномъ впрочемъ и въ мингрельскомъ შირუა шir-ua *износить*, *изрѣшетить*; что касается мингрельскаго, въ немъ кромѣ того допущено удвоеніе ш въ шq, и отъ этой основы шqir (< шir) со значеніемъ *угасанія* > *замиранія* и образованъ мингрельскій глаголъ породы -t შქირათუა шqir-at-ua (аор. 3-е л. დოშქირითუ do-шqir-it-u), означающій *гашеніе*. Однако тубал-кайнская основа шir безъ удвоенія перваго коренного въ значеніи *угасанія* все таки сохранилась, но съ другимъ, теперь общеизвѣстнымъ, тубал-кайнскимъ діалектическимъ перебоемъ r въ ḓ, resp. nḓ [1]), т. е. въ видѣ шiḓ-: эту діалектическую тубал-кайнскую разновидность сохранилъ hайскій языкъ въ глаголахъ շիջանիմ шiḓ-an-im *гасну*, շիջուցանեմ шiḓ-uϑ-an-em *гашу*. Любопытно, что hайскій языкъ сохранилъ съ такимъ тубал-кайнскимъ діалектическимъ перебоемъ обслѣдуемое слово не только въ значеніи *угасанія* [> *замиранія*], но и *дыханія* > *души*, ибо какъ т.-к. шir со значеніемъ *угасанія* въ hайскомъ языкѣ представленъ въ видѣ шiḓ- въ упомянутыхъ глаголахъ շիջանիմ шiḓ-an-im, շիջուցանեմ шiḓ-uϑ-an-em, такъ т.-к. шur въ значеніи *дыханія*, *души* въ hайскомъ представленъ, какъ было выяснено еще раньше [2]), словомъ շունջ шunḓ *дыханіе*, *душа*, проникшимъ въ вульгарной формѣ շունչ шunϑ и въ армянскій. Вниманія заслуживаетъ лишь одно: тогда какъ u въ шunḓ > шunϑ въ hайскомъ концепцируется какъ краткій или простой гласный, почему Р.—շնջոյ шәnḓ-o-y, въ шiḓ гласный i воспринятъ какъ долгій (iy [3]) или двугласный (ey [4]), иначе въ неударномъ слогѣ онъ также ослабѣлъ бы въ ә, между тѣмъ налицо шiḓ-an-im, а не *шәḓ-an-im. Не возмѣщается ли въ первомъ случаѣ потеря первоначальной долготы звука u (ու) наращеніемъ n на ḓ?

---

1) Н. Марръ, *Къ вопросу о ближайшемъ сродствѣ армянскаго языка съ иверскимъ* [*тубал-кайнскими*], стр. 071—071, его же *Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи*, III, стр. 599.

2) Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 6, d, 1.

3) *шiyḓ, отсюда въ неударномъ слогѣ i: շիջանիմ шiḓ-an-im.

4) -шeyḓ въ h. անշէջ an-шeyḓ *неугасимый*.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Четьи-минеи Іоанна Ксифилина.

(Предварительное сообщеніе).

В. В. Латышева.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 13 февраля 1913 г.).

Издавъ въ 1906 г. свое изслѣдованіе о житіяхъ свв. епископовъ Херсонскихъ[1]), я продолжалъ собирать свѣдѣнія, которыя могли бы способствовать точному выясненію вопроса о времени происхожденія греческаго текста житія ихъ, помѣщеннаго въ рукописи Московской синодальной библіотеки № 376 Влад. Дальнѣйшія изысканія привели меня къ убѣжденію, что всѣ помѣщенныя въ этой рукописи житія святыхъ и «слова» на праздники за февраль и мартъ мѣсяцы принадлежатъ одному и тому же автору, и что другіе три мѣсяца (іюнь — августъ) минеи, составленной тѣмъ же авторомъ, сохранились въ іерусалимской свято-гробской рукописи № 17[2]). Такъ какъ огромное большинство текстовъ изъ той и другой рукописи оказалось неизданнымъ, то я призналъ необходимымъ для ближайшаго изученія этой минеи, которую А. Эргардъ[3]) предложилъ называть «Царскою», прежде всего издать полностью всѣ тексты изъ обѣихъ рукописей. Историко-Филологическое Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ любезно согласилось включить мой трудъ въ серію академическихъ изданій. Первый выпускъ этого труда, содержащій 59 текстовъ за февраль и мартъ изъ московской рукописи 376 Влад., вышелъ въ свѣтъ лѣтомъ 1911 г., подъ заглавіемъ: «Ме-

---

1) *Записки Имп. Ак. Наукъ по ист.-филолог. отд.*, т. VIII, № 3.

2) Ср. наши «Замѣтки къ агіологическимъ текстамъ» въ *Изв. Отд. русскаго яз. и слов. И. Ак. Наукъ*, т. 13 (1908), кн. 3, стр. 1—17.

3) *Byzant. Zeitschr.* 21 (1912), стр. 239.

nologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt. Fasciculus prior, Februarium et Martium menses continens», а второй выпускъ, въ которомъ издаются 93 текста за іюнь — августъ изъ іерусалимской рукописи № 17 съ привлеченіемъ нѣкоторыхъ другихъ рукописей, законченъ печатаніемъ въ самомъ концѣ 1912 года.

Въ предисловіи къ 1-му выпуску мною обѣщано, въ дополненіе къ изданію текстовъ, особое изслѣдованіе, въ которомъ будутъ приведены доказательства принадлежности издаваемыхъ текстовъ одному и тому же автору, выясненъ вопросъ о самомъ авторѣ и опредѣлены по возможности источники, которыми онъ пользовался при обработкѣ своего труда. Этому изслѣдованію я давно уже посвящаю свои досуги отъ печатанія текстовъ минеи и другихъ занятій. По вопросу объ авторѣ я до полученія изъ Іерусалима полной копіи рукописи № 17 по нѣкоторымъ признакамъ предполагалъ, что изучаемый мною сборникъ могъ быть составленъ Ѳеодоромъ Дафнопатомъ, извѣстнымъ историкомъ, дипломатомъ и агіографомъ 1-й половины X в., современникомъ Константина Багрянороднаго. Для того, чтобы точнѣе выяснить степень правдоподобія этого предположенія, я занялся попутно изученіемъ литературной дѣятельности, языка и стиля Дафнопата. Результаты моихъ занятій опубликованы въ 1910 году въ 59-мъ выпускѣ «Православнаго Палестинскаго Сборника» въ видѣ изданія двухъ рѣчей Дафнопата въ честь св. Іоанна Предтечи и житія св. Георгія Побѣдоносца въ связи съ изслѣдованіемъ о жизни и литературной дѣятельности автора.

Между тѣмъ ознакомленіе съ текстами указанной іерусалимской рукописи показало мнѣ малую вѣроятность моего предположенія о принадлежности издаваемой минеи Дафнопату, такъ какъ нашлись неоспоримыя данныя, противорѣчащія такому предположенію. Хотя мы не знаемъ года смерти Дафнопата, но, судя по тому, что онъ родился не позже конца IX в. и что свѣдѣнія о немъ не простираются дальше 959 г., приходится предполагать, что онъ умеръ въ 960-хъ годахъ. Между тѣмъ въ одномъ изъ текстовъ іерусалимской рукописи [1]) встрѣтилось ясное указаніе на то, что онъ написанъ позднѣе года смерти Іоанна Цимисхія (976), такъ какъ о царствованіи его говорится въ прошедшемъ времени. Кромѣ того, въ составѣ текстовъ минеи оказалось нѣсколько такихъ, которые несомнѣнно представляютъ собою сокращенную передѣлку метафрастовскихъ, а Симеонъ Метафрастъ, какъ теперь достовѣрно извѣстно, составлялъ свой агіографическій сборникъ въ послѣдней четверти X вѣка. Такимъ образомъ приходилось искать автора

1) Въ житіи св. Сампсона Страннопріимца, гл. 12. См. Menol. fasc. II, стр. 109, 6.

вновь открытой минеи въ средѣ младшихъ современниковъ Метафраста или въ слѣдующемъ поколѣніи византійскихъ агіографовъ, но во всякомъ случаѣ не позднѣе XI в., къ которому отнесены по палеографическимъ даннымъ обѣ рукописи, сохранившія эту минею, т. е. московская № 376 Влад. и іерусалимская № 17.

Поведенныя въ этомъ направленіи разысканія наши еще не были закончены, какъ по необыкновенно счастливому совпаденію явилась возможность указать имя автора минеи съ большою вѣроятностью. Авторомъ оказывается лицо, о которомъ не думали и не могли думать ни я, ни корифеи современной агіографіи на Западѣ, Ehrhard и Delehaye, почтившіе рецензіями 1-й выпускъ моего изданія минеи[1]). Извѣстный своими трудами по изслѣдованію грузинской агіографической литературы протоіерей о. Корнилій Кекелидзе въ 3-й книжкѣ 1-го тома академическаго изданія «Христіанскій Востокъ», вышедшей въ началѣ января 1913 г., помѣстилъ статью «Іоаннъ Ксифилинъ, продолжатель Симеона Метафраста» (стр. 325—347), въ которой сообщаетъ, что лѣтомъ 1912 г., занимаясь изученіемъ рукописей коллекціи Гелатскаго монастыря (въ 6 в. отъ г. Кутаиса), онъ открылъ въ ней агіографическій сборникъ, содержащій въ себѣ переведенныя на грузинскій языкъ житія, переписанныя абхазскимъ католикосомъ Евдемономъ I Чхетидзе въ 60-хъ годахъ XVI вѣка (переписка октябрьской книги закончена 3 мая 1565 года); въ настоящее время изъ полной годовой коллекціи Евдемона уцѣлѣло 8 мѣсяцевъ въ 5 книгахъ; дефектные мѣсяцы январь, апрѣль и ноябрь восполняются или вполнѣ или частично изъ другихъ рукописей, а май утраченъ совершенно. Въ концѣ августовской книги этой коллекціи сохранился переведенный съ греческаго языка въ высшей степени интересный и важный документъ, который о. Кекелидзе въ своей статьѣ привелъ полностью на грузинскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ (стр. 340—7). Документу предшествуетъ заголовокъ, гласящій въ переводѣ о. Кекелидзе такъ: «Премудраго философа Ксифилина, главнѣйшаго среди дворцовыхъ книжниковъ, метафразировавшаго, т. е. распространившаго и разукрасившаго съ древняго «кимена», нѣкоторыми называемаго также Многоглавомъ, житія, дѣянія, мученія и подвиги святыхъ, воспоминаемыхъ въ теченіе семи сихъ мѣсяцевъ, какъ-то: февраля, марта, апрѣля, мая, іюля и августа, докладъ великому царю Алексію». Слѣдующій далѣе докладъ написанъ отъ лица автора (1-е л. ед. или множ. числа), судя по переводу о. Ке-

---

1) Ehrhard въ *Byz. Zeitschr.* 21, стр. 239 слл.; Delehaye въ *Analecta Bolland.* 31 (1912), стр. 323 слл.

келидзе, очень напыщенно и многословно, такъ что фактическое содержаніе его можетъ быть изложено съ значительными сокращеніями, что мы сейчасъ и сдѣлаемъ, оттѣняя курсивомъ или воспроизводя дословно наиболѣе важныя мѣста. Въ началѣ доклада авторъ повторяетъ отъ своего имени то, что уже было сказано въ заголовкѣ, — что по окончаніи метафразированія, т. е. распространенія чтеній святыхъ, поминаемыхъ въ церквахъ *въ теченіе семи мѣсяцевъ весны и лѣта*, онъ написалъ сіе «вступительное слово» къ царю Алексію. Дѣло въ томъ, что есть древній и воистину благодѣтельный законъ: кто совершитъ какое-либо общеполезное дѣло и обнародуетъ его въ общее пользованіе, написавъ на трудѣ свое имя и обойдя молчаніемъ имя современнаго царя, таковой подлежитъ обвиненію въ двоедушіи къ царю. Имѣя въ виду прежде всего чинъ церковный, а затѣмъ превеликую пользу, которую это дѣло можетъ принести воспитаннымъ въ благочестіи, авторъ приступилъ къ завершенію того, что осталось недоконченнымъ отъ мужа мудраго и божественнаго, впервые начавшаго метафразировать и распространять памяти святыхъ, *воспоминаемыхъ въ зимніе мѣсяцы*, т. е. Симеона Логоѳета. Закончивъ это дѣло и намѣреваясь отдать его святымъ храмамъ и ихъ вождямъ, авторъ въ виду вышеупомянутаго закона предлагаетъ свою работу божественной державѣ великаго самодержца Алексія на разсмотрѣніе и утвержденіе съ тѣмъ, чтобы потомъ она была разослана по церквамъ, какъ произведеніе его величества [1]). Далѣе слѣдуетъ пространная и велерѣчивая похвала императору, которую мы опускаемъ. Затѣмъ авторъ даетъ слѣдующую характеристику своего труда: «Настоящій мой трудъ является, царь, метафразированіемъ или распространеніемъ чтеній о всѣхъ святыхъ, почитаемыхъ въ ежедневныхъ воспоминаніяхъ каѳолической церкви, чтеній, сложенныхъ мірскимъ слогомъ древними, честными и всякаго довѣрія достойными мужами, не трудившимися, подобно другимъ, надъ словами [2]), а равно тѣхъ мученій, которыя написаны кратко и просто и заключены въ древнихъ «кименахъ», т. е. книгѣ, называемой Многоглавомъ».

Обращаясь къ вопросу о виновникѣ и предначинателѣ настоящаго предпріятія, авторъ называетъ таковымъ Логоѳета, т. е. Симеона Метафраста, которому также воздаетъ многословную и напыщенную похвалу. Но задуманное Логоѳетомъ предпріятіе осталось не завершеннымъ. «Ибо

---

1) Позволительно сомнѣваться въ вѣрности грузинскаго перевода этого мѣста. Быть можетъ, авторъ имѣлъ въ виду разсылку его труда *отъ имени* императора.

2) Послѣднюю фразу, вѣроятно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что старинные авторы житій не обращали особеннаго вниманія на литературную отдѣлку своихъ произведеній.

трудъ могучаго сего ритора разукрасилъ путемъ изящнаго распространенія чтенія не всего года, *а памяти только тѣхъ святыхъ, которые воспоминаются въ зимніе мѣсяцы, когда ночь бываетъ слишкомъ длинная и ранняя». Всѣ же древнія памяти святыхъ весенняго и лѣтняго времени онъ оставилъ безъ передѣлки и украшенія*, «ибо въ это время, вслѣдствіе краткости ночи и естественнаго одолѣванія [людей] сномъ, въ честныхъ храмахъ утреннія похвалы бываютъ умѣренны и застигаемы дневнымъ свѣтомъ, а посему чтенія на нихъ какъ будто и излишни». Такъ онъ поступилъ, вынужденный необходимостью облегченія утомленнымъ слушателямъ краткихъ ночей, а не вслѣдствіе пренебреженія надлежащей похвалой словесниковъ въ честь христолюбивыхъ мучениковъ и прочихъ святыхъ». Далѣе авторъ, возвращаясь къ собственному труду, говоритъ, что онъ съ давнихъ поръ готовился приступить къ завершенію того, что осталось недоконченнымъ отъ Симеона, и даже далъ Богу обѣтъ. Къ тому же побуждалъ его «*родственный завѣтъ святого и великаго патріарха нашего Ксифилина*», усиливая его собственное сердечное желаніе. Поэтому, получивъ досугъ и свободу, онъ принялъ на себя трудъ неумѣренный, «ибо не только изслѣдовалъ ложное, не только украшалъ искусно и высокопарно простыя и мірскія слова писанія и строилъ фразы благозвучно для произношенія, что̀ трудно и утомительно, но также и разыскивалъ и находилъ, что̀ еще труднѣе, въ тайнѣ лежавшія разнообразныя древнія повѣствованія и выбиралъ изъ нихъ наиболѣе вѣрное и правдивое».

Прот. Кекелидзе даетъ въ своей статьѣ (стр. 336—9) полный списокъ переводовъ житій Метафраста и Ксифилина, сохранившихся въ изслѣдованныхъ имъ грузинскихъ рукописяхъ, но съ значительными оговорками. Онъ относитъ на ихъ долю «лишь такія житія, которыя не имѣютъ надъ собою надписанія авторскаго имени», объясняя это (въ примѣчаніи) тѣмъ, что въ изслѣдованной имъ коллекціи имѣется «множество словъ и похвалъ разныхъ отцовъ церкви (съ указаніемъ ихъ именъ) на главные праздники и памяти святыхъ; равнымъ образомъ имѣются и житія, надписанныя именами извѣстныхъ писателей; житій этихъ редакторская рука нашихъ Метафрастовъ не касалась». По окончаніи списковъ авторъ говоритъ (стр. 339): «Мы далеки отъ мысли утверждать, что даемъ точный списокъ метафразированныхъ Симеономъ и Іоанномъ житій святыхъ. Возможно, что въ нашъ списокъ попали работы и другихъ авторовъ, возможно и то, что въ немъ пропущены кое-какія житія, обработанныя названными метафрастами; разобраться въ этомъ — дѣло спеціальной работы и нарочитыхъ изысканій».

Обращаясь прежде всего къ Симеону Метафрасту, мы должны замѣ-

тить, что свѣдѣнія, сообщаемыя объ его агіографическомъ трудѣ въ документѣ, открытомъ о. Кекелидзе, вполнѣ совпадаютъ со свѣдѣніями, которыя уже раньше имѣлись изъ другихъ источниковъ: уже давно было извѣстно, что въ метафрастовскую коллекцію входили главнымъ образомъ житія святыхъ за первые пять мѣсяцевъ года, съ сентября по январь, и лишь немногія относились къ остальнымъ семи мѣсяцамъ. Теперь записка Ксифилина объясняетъ причину этой неполноты, притомъ категорически утверждая (не вполнѣ вѣрно), что Симеонъ обработалъ житія *только* за указанные 5 мѣсяцевъ. Опредѣленіе первоначальнаго состава метафрастовской коллекціи давно обращало на себя вниманіе ученыхъ, начиная съ Льва Алляція. Не входя здѣсь въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ попытокъ, замѣтимъ только, что въ новѣйшемъ спискѣ метафрастовскихъ текстовъ, составленномъ о. Ипполитомъ Delehaye[1]), зарегистровано 149 текстовъ, которые распредѣляются по мѣсяцамъ слѣдующимъ образомъ: сентябрь—25, октябрь и ноябрь — по 27, декабрь—24, январь—20, февраль—8, мартъ, апрѣль и іюнь — по 3, май—1, іюль и августъ — по 4. Если изъ этого числа исключить 10 текстовъ, внесенныхъ въ метафрастовскую коллекцію съ именами другихъ авторовъ[2]), то собственно метафрастовскихъ текстовъ по списку Delehaye останется 139, изъ которыхъ на долю первыхъ пяти мѣсяцевъ года придется 117. Списокъ о. Кекелидзе заключаетъ въ себѣ только 100 метафрастовскихъ текстовъ, такъ какъ отъ дефектнаго мѣсяца января сохранилось ихъ всего 7. Сличая этотъ списокъ съ спискомъ о. Delehaye, мы получаемъ слѣдующее: въ сентябрѣ 24 текста совпадаютъ въ обоихъ спискахъ, 1 не помѣщенъ у о. Кекелидзе, какъ имѣющій въ заголовкѣ имя автора (Астерія Амасійскаго похвала священномуч. Фокѣ), и 1 является у него лишнимъ противъ Delehaye (прор. Захарія); въ октябрѣ всѣ 27 текстовъ совпадаютъ; въ ноябрѣ показано 20 текстовъ совпадающихъ и 7 пропущены, въ томъ числѣ 2 съ именами авторовъ (Григорія Нисскаго и Климента); въ декабрѣ 21 текстъ совпадаетъ и 3 пропущены

---

1) «Synopsis Metaphrastica» въ приложеніи къ Bibliotheca hagiographica Graeca, edidd. socii Bollandiani, ed. 2 (Bruxellis 1909), стр. 275—292.

2) Тексты эти слѣдующіе: 22 сентября похвала священномуч. Фокѣ Астерія Амасійскаго; 17 ноября житіе св. Григорія Неокесарійскаго, написанное Григоріемъ Нисскимъ; 25 ноября краткое сказаніе Климента о путешествіяхъ Петра; 27 декабря похвала св. Стефану Первомученику Григорія Нисскаго; 14 января Нила монаха сказаніе объ убіеніи свв. отцовъ въ Синаѣ и Раиѳѣ; 17 янв. житіе св. Антонія, написанное Аѳанасіемъ Александрійскимъ; 6 марта страданіе 42 мучениковъ (Аморійскихъ), изложенное Еводіемъ; 1 апрѣля житіе св. Маріи Египетской, написанное Софроніемъ архіеп. Іерусалимскимъ; 1 августа разсказъ Іосифа (Флавія) о мученіи Маккавеевъ; 16 августа сказаніе императора Константина Багрянороднаго о перенесеніи Нерукотвореннаго образа Спасителя изъ Едессы.

у о. Кекелидзе, въ томъ числѣ 1 съ именемъ автора (Григорія Нисскаго похвала св. первомученику Стефану); въ январѣ изъ 7 сохранившихся въ грузинскомъ переводѣ текстовъ 6 совпадаютъ и 1 является лишнимъ противъ списка Delehaye, именно житіе св. Сильвестра Римскаго[1]).

Такое огромное количество совпаденій (98) является въ высшей степени важнымъ подтвержденіемъ вѣрности выработаннаго совокупными усиліями ученыхъ списка, помѣщеннаго въ «Synopsis metaphrastica» о. Delehaye. Дѣло въ томъ, что, по изысканіямъ о. Кекелидзе (см. стр. 340), метафразы Симеона Логоѳета были переведены на грузинскій языкъ еще въ XI в., вскорѣ послѣ ихъ составленія, когда онѣ, безъ сомнѣнія, существовали еще въ чистомъ видѣ, не успѣвъ подвергнуться замѣнамъ и искаженіямъ, такъ что списокъ ихъ, составленный по грузинскимъ переводамъ, долженъ считаться весьма цѣннымъ.

Перейдемъ теперь къ метафразамъ Ксифилина и прежде всего къ вопросу, кто былъ этотъ Ксифилинъ и когда онъ составилъ свои метафразы. Этимъ вопросамъ уже о. Кекелидзе, естественно, долженъ былъ посвятить часть своей статьи (стр. 330 сл.), такъ что мы можемъ отослать къ нему нашихъ читателей и ограничиться двумя-тремя словами. Это былъ родственникъ патріарха Іоанна VIII Ксифилина (1 янв. 1064—2 авг. 1075 г.), по имени также Іоаннъ, до сихъ поръ извѣстный въ исторіи Византійской литературы только по своимъ эксцерптамъ изъ исторіи Діона Кассія[2]). Никакихъ свѣдѣній объ его жизни и литературной дѣятельности, въ частности агіографической, до сихъ поръ не было, такъ что о. Кекелидзе имѣлъ полное право сказать, что изданный имъ документъ «является своего рода откровеніемъ въ исторіи средневѣковой византійской письменности». Свои метафразы Ксифилинъ составилъ, повидимому, въ первые годы царствованія Алексія I Комнина (1081—1118), стало быть въ два послѣднія десятилѣтія XI вѣка. Изъ документа ясно видно, что имъ составлены четьи-минеи не на цѣлый годъ, а только на 7 мѣсяцевъ, съ февраля по августъ включительно, въ видѣ продолженія труда Симеона Метафраста; цѣль и способъ составленія ихъ также выяснены въ приведенныхъ нами выше выдержкахъ изъ его доклада или записки, представляющей собою, по мѣсту ея помѣщенія

---

1) Считаемъ нелишнимъ отмѣтить замѣченныя нами описки или опечатки въ спискѣ о. Кекелидзе: подъ № 27 названы Кипріанъ и Іулитта вмѣсто Кипріана и Іустины; подъ № 40 — св. Андрей въ Критѣ (по греч. ἐν Κρίσει); подъ № 76 Патаній вм. Патапій; подъ № 92 Маркеллъ акимитъ = ἀρχιμανδρίτης τῆς μονῆς τῶν ἀκοιμήτων.

2) Ср. о немъ Krumbacher, Gesch. d. Byzant. Litter.², стр. 369.

(послѣ августовской книги метафразъ) какъ бы послѣсловіе къ вполнѣ законченному труду.

Въ спискѣ о. Кекелидзе Ксифилину приписано 145 текстовъ за 6 мѣсяцевъ (напомнимъ, что *май не сохранился*), а именно: на февраль 16, на мартъ 24, на апрѣль и іюнь по 27, на іюль 31 и на августъ 20. Апрѣльскіе тексты взяты изъ пергаменной рукописи Гелатскаго монастыря XIII в. № 7, а остальные — изъ Евдемоновской коллекціи XVI в. Хотя о. Кекелидзе нигдѣ не дѣлаетъ оговорки о неполнотѣ февральскихъ текстовъ, но изъ списка ихъ ясно, что первая половина февраля не сохранилась, такъ какъ первый по списку текстъ, именно страданіе св. Памфила и дружины его, относится къ 16-му февраля. Не полонъ также и августъ.

При первомъ же бѣгломъ пересмотрѣ списка Ксифилиновскихъ текстовъ, составленнаго о. Кекелидзе[1]), намъ бросилось въ глаза огромное количество совпаденій житій святыхъ въ этомъ спискѣ съ житіями, находящимися въ изданной нами греческой минеѣ. Правда, при болѣе внимательномъ сличеніи число этихъ совпадающихъ текстовъ оказалось нѣсколько меньше, чѣмъ въ разсмотрѣнномъ выше спискѣ метафрастовскихъ текстовъ, но все же вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы сразу заподозрить связь нашей минеи съ грузинскою, открытою отцомъ Кекелидзе. Несовпадающіе случаи объясняются тѣмъ, что съ одной стороны въ спискѣ о. Кекелидзе отсутствуютъ нѣкоторыя житія, имѣющіяся въ нашей минеѣ[2]), а съ другой — взамѣнъ нѣкоторыхъ изъ этихъ отсутствующихъ включены другія, не имѣющіяся въ нашей минеѣ. Къ крайнему сожалѣнію, въ спискѣ о. Кекелидзе не показаны числа, подъ которыми поставлены въ сборникѣ тѣ или другія житія, такъ что затруднительно опредѣлить, какія именно житія нашей минеи замѣнены въ грузинской другими. Поэтому, впредь до выясненія этого вопроса, мы ограничимся нижеслѣдующею статистическою табличкою, въ которой графа I заключаетъ въ себѣ общее число текстовъ за каждый изъ пяти мѣсяцевъ[3]) въ нашей минеѣ, графа II — общее число текстовъ въ

1) Приходится, къ сожалѣнію отмѣтить, что и въ этомъ спискѣ оказались описки или опечатки. Такъ, въ мартовскомъ спискѣ подъ № 27 названъ *Өеофилъ* Сигріанскій, очевидно, вмѣсто Өеофана, а въ августовскомъ подъ № 145 — Моисей *Угринъ* вмѣсто Мурина.

2) Между прочимъ въ спискѣ о. Кекелидзе отсутствуютъ всѣ «слова» и «памяти» на праздники, имѣющіяся въ нашей минеѣ, какъ напримѣръ: 24 февраля слово на обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи, 25 марта — слово на Благовѣщеніе, 24 іюля — слово на рождество Іоанна Предтечи, 2 іюля — на положеніе ризы Богородицы во Влахернахъ, 6 августа — слово на Преображеніе, 15 августа — слово на Успеніе, 16 августа — память перенесенія Нерукотвореннаго образа изъ Эдессы, 29 августа — слово на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи и 31 августа — положеніе пояса Богородицы.

3) Напомнимъ, что апрѣль и май еще неизвѣстны въ греческой минеѣ, а май отсутствуетъ и въ грузинской.

спискѣ о. Кекелидзе, III — число текстовъ, совпадающихъ въ обоихъ спискахъ, IV — число текстовъ нашей минеи, отсутствующихъ въ спискѣ о. Кекелидзе, и V — число текстовъ этого списка, не имѣющихся въ нашей минеѣ.

Мѣсяцы.	I.	II.	III.	IV.	V.
Февраль	28	16	12	1	4
Мартъ	31	24	16	14	8
Іюнь	30	27	20	11	7
Іюль	31	31	19	12	12
Августъ	32	20	17	15	3
Итого	152	118	84	53	34

Итого 84 совпаденія на 118 текстовъ, т. е. болѣе 71%! Надѣемся, читатели согласятся съ нами, что этотъ фактъ трудно признать случайнымъ и что онъ могъ самъ собою подать поводъ къ предположенію, что изданная нами минея именно и есть Ксифилиновская. Случаи несовпаденій легко могутъ быть объяснены предположеніемъ, что съ теченіемъ времени первоначальный составъ ея (который сохранился, по всей вѣроятности, въ совершенно чистомъ видѣ въ нашихъ греческихъ рукописяхъ, относящихся къ XI — XII в., т. е. ко времени весьма близкому къ ея составленію) могъ измѣняться вслѣдствіе пропуска нѣкоторыхъ житій или замѣны нѣкоторыхъ другими по тѣмъ или другимъ причинамъ, напримѣръ мѣстнымъ. Такого рода искаженія первоначальнаго состава констатированы, какъ извѣстно, и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ метафрастовской коллекціи[1]).

Само собою разумѣется, что одного указаннаго факта изобилія совпаденій совершенно недостаточно для того, чтобы получить право утверждать, что наша минея составлена Іоанномъ Ксифилиномъ. Но этотъ фактъ и не оказался единственнымъ въ статьѣ о. Кекелидзе. Намъ бросилось въ глаза присутствіе въ грузинской коллекціи житія свв. епископовъ Херсонскихъ, сохранившагося на греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, *только* въ нашей минеѣ. Начальныя слова житія св. Ѳеодора Тирона, приведенныя на грузинскомъ языкѣ у о. Кекелидзе на стр. 337, прим. 3, по любезно сообщен-

1) Ср. Delehaye, Synopsis Metaphrastica, въ примѣчаніяхъ къ каждому мѣсяцу.

ному намъ переводу академика Н. Я. Марра, оказались *дословно* соотвѣтствующими началу того же житія въ изданной нами минеѣ.

Наличіе этихъ признаковъ показалось намъ достаточнымъ для того, чтобы обратиться къ о. протоіерею Кекелидзе съ просьбою сообщить намъ 1) русскій переводъ грузинскаго текста житія епископовъ Херсонскихъ и 2) начальныя слова хотя бы нѣсколькихъ другихъ житій изъ числа совпадающихъ въ его спискѣ съ текстами изданной нами минеи.

Въ полученныхъ нами 30 января и 12 февраля двухъ отвѣтныхъ письмахъ о. Кекелидзе любезно сообщилъ, что у него нѣтъ подъ руками полнаго грузинскаго текста житія епископовъ Херсонскихъ, но что онъ немедленно по полученіи моего письма написалъ въ Гелатскій монастырь одному изъ братіи, очень искусному въ чтеніи древнихъ текстовъ, просьбу списать это житіе и по полученіи текста пришлетъ мнѣ переводъ. Что же касается другихъ житій, то начальныя слова указанныхъ нами въ видѣ примѣра февральскихъ житій (именно свв. Памфила 16 февраля, Агапита — 18, Максима, Θеодота и Асклиніодоты — 19, Льва Катанскаго — 20, Архиппа, Филимона и Апфіи — 21, а въ груз. 20, Евстаθія Антіохійскаго — 22, а въ груз. 21, Тарасія — 25, Порфирія Газскаго — 26, Нестора — 27 и Маруθы — 28) оказались *буквально совпадающими* въ греческомъ и грузинскомъ текстахъ.

Этотъ фактъ даетъ намъ право съ большою вѣроятностью предполагать, что такое же совпаденіе окажется и въ другихъ текстахъ (если не во всѣхъ, то въ большинствѣ) или, иначе говоря, — что изданная нами безъ имени автора минея за 5 мѣсяцевъ есть именно Ксифилиновская и что данное нами заглавіе «Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt» можетъ быть замѣнено такимъ: «Ioannis Xiphilini menologii quae supersunt».

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣли въ виду сообщить читателямъ лишь самый фактъ новаго открытія въ византійской агіографической литературѣ. Болѣе точныя свѣдѣнія, которыя, надѣемся, выяснятся изъ нашей дальнѣйшей переписки съ о. протоіереемъ Кекелидзе, найдутъ себѣ мѣсто въ изслѣдованіи, подготовляемомъ нами къ печати.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію.

(Къ этнологическимъ вопросамъ).

Н. Я. Марръ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 27 февраля 1913 г.).

Поѣздка въ Абхазію не была сопряжена ни съ какими трудностями. Выѣхавъ изъ Петербурга 21-го декабря 1912 г., 25-го вечеромъ я съ моря подъѣзжалъ къ Сухуму, гдѣ цѣлый день ушелъ на выясненіе условій жизни въ селеніи Джгердѣ ((D̂ǧarda или D̂gyarda=d̂). У преосвященнаго Андрея[1]), епископа Сухумскаго, которому я писалъ раньше, я узналъ, что по его любезной просьбѣ о. Николай[2]), членъ Переводческаго комитета, живущій на пути въ Джгерду, верстахъ въ 11-ти отъ нея, окажетъ мнѣ всякое содѣйствіе при организаціи моихъ лингвистическихъ работъ. Бесѣда въ Сухумѣ съ Дим. І. Гуліею, другимъ членомъ Переводческаго комитета, бросила первые лучи на работу этого почтеннаго, въ данный моментъ, кажется, ликвидированнаго, учрежденія надъ абхазскимъ языкомъ. Въ третьей средѣ, грузинской[3]), мнѣ рекомендовали абхаза преподавателя Н. С. Джанашію, который оказался выбывшимъ къ себѣ на родину въ Адзюбжу (Aďüʙj̮a) на вакаціи. Мнѣ совѣтовали не рисковать зимнею поѣздкою въ абхазское селеніе, обѣщая пригласить нужныхъ для работы абхазовъ въ Сухумъ, но у меня были основанія не измѣнять испытанному пріему начинать изученіе нелитературнаго языка прежде всего съ одного діалекта, притомъ въ родной его средѣ и атмосферѣ. Рано утромъ 27-го декабря я уже ѣхалъ изъ Сухума въ фаэтонѣ мингрельца-извозчика,

1) Всѣмъ поименованнымъ лицамъ, оказавшимъ мнѣ помощь словомъ или дѣломъ, глубокое спасибо.

2) Н. Солом. Патейпа.

3) Кн. Н. К. Тавдгиридзе, И. З. Цецхладзе, докторъ А. Мачаваріани и др.

сынъ котораго, какъ я потомъ узналъ, — студентъ Харьковскаго университета по медицинскому факультету. Мингрельцы въ этомъ районѣ проявляютъ большую дѣятельность въ мѣстной торговлѣ и извозѣ и не щадятъ средствъ для полученія образованія, понятно, въ утилитарныхъ цѣляхъ, какъ средства бóльшаго заработка. О чисто духовныхъ потребностяхъ, естественно, пока не можетъ быть и рѣчи. Нагоняя многочисленныхъ русскихъ богомольцевъ и особенно богомолокъ въ Драндскій монастырь и встрѣчая возвращавшихся оттуда, извозчикъ серьезно спросилъ меня: «скажите, сударь, вы изъ Россіи, почему столько народа приходитъ сюда молиться? Развѣ дома у нихъ нѣтъ Бога?».

Я ѣхалъ въ Адзюбжу къ Н. С. Джанашіи, чтобы разспросить у него про условія жизни въ Джгердѣ. Привѣтливый хозяинъ Н. С. предложилъ остаться у него дома, обѣщая окружить меня на все время моего пребыванія лучшими знатоками абхазской рѣчи. Чтобы обѣщаніе не показалось пустыми словами, онъ сейчасъ созвалъ гостившую въ селѣ абхазскую учащуюся молодежь, и я повелъ первую повѣрочную работу надъ печатнымъ матеріаломъ, но все-таки остался при мнѣніи, что изученіе абжувскаго говора абхазскаго языка слѣдуетъ вести въ отдаленной отъ проѣзжей дороги и приморья мѣстности, наиболѣе свободной какъ отъ мингрельскаго, такъ отъ иныхъ вліяній, какой рисовалось мнѣ, какъ потомъ оказалось, совершенно правильно, селеніе Джгерда. Вышло очень удачно: Н. С. Джанашія оказался родственникомъ Хабиджа Ашубы (Ḫabid̂ Aŵba), домъ котораго рекомендованъ былъ мнѣ новыми сухумскими друзьями-абхазами для стоянки въ Джгердѣ. Чтобы не терять времени, я изъ Адзюбжи хотѣлъ верхомъ проѣхать въ Джгерду: по картѣ это прямой и, казалось бы, кратчайшій путь, но хозяинъ настойчиво отговаривалъ отъ этого пути, чрезвычайно труднаго ввиду грязи. Я не совсѣмъ вѣрилъ въ неудобопроходимость намѣченнаго пути и напрасно, какъ потомъ я лично испыталъ: топкая и липкая грязь абхазскихъ путей тамъ, гдѣ нѣтъ шоссе, нѣчто неподдающееся описанію. Лошадь, ступая въ нее, съ чрезвычайнымъ трудомъ извлекаетъ изъ нея ногу, и бываютъ случаи, что лошадь не въ силахъ шагать, начинаетъ засасываться въ тягучую массу глинистой почвы, неопытный же всадникъ, выбившись изъ силъ надъ безплоднымъ понуканіемъ, неосторожно слѣзаетъ съ лошади, чтобы освободить ее, и самъ начинаетъ утопать, пока на его отчаянные крики не подоспѣваютъ жители на помощь. Н. С. Джанашія предложилъ ѣхать въ фаэтонѣ по шоссейной дорогѣ вплоть до Тамыша[1]), гдѣ, кстати, можно

---

1) Точное произношеніе по яфетидологической системѣ транскрипціи— Tàməш.

было встрѣтиться съ о. Николаемъ и М. І. Гуліею, авторомъ единственной пока записи образчиковъ абхазской народной словесности.

Утромъ 28-го я ѣхалъ въ Тамышъ вмѣстѣ съ Н. С. Джанашіею, рѣшившимъ сопровождать меня до своего родственника въ Джгердѣ. Н. С. Джанашія—рѣдкій типъ абхаза, освѣдомленнаго въ грузинской исторической литературѣ. Ему принадлежитъ рядъ этнографическо-археологическихъ замѣтокъ объ Абхазіи, печатавшихся въ грузинской прессѣ, между прочимъ, имъ обнародовано въ грузинскомъ пересказѣ абхазское сказаніе объ Abərskil'ѣ (d̂: Abərϑ̂kil, по Д. І. Гуліи: Abrəsk̥əl), двойникѣ Амирана, героя цикла грузинскихъ народныхъ сказаній.

Изъ бесѣдъ съ Н. С. Джанашіею я узналъ, между прочимъ, о любопытной поправкѣ къ моему толкованію одного этно-эпонимнаго лица въ арабской версіи *Крещенія армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ*[1]), именно Ибӣр-[е]б-зхуа, что̀ по моему объясняется изъ мингрельскаго языка въ значеніи «*сынъ* иверовъ»; Н. С. Джанашія связываетъ вторую часть не съ мингрельскимъ словомъ squa *сынъ*, а съ этническимъ терминомъ á-zəq̂u, мн. zəq̂wȁa *зикхи*.

Бесѣдуя о лингвистическихъ и этнографическихъ вопросахъ, мы незамѣтно доѣхали до Тамыша какъ разъ во̀ время, такъ какъ о. Николай (рѣчь о Н. С. Патейпѣ) сидѣлъ уже на лошади и собирался ѣхать въ Сухумъ по дѣламъ. Онъ отложилъ поѣздку и подсѣлъ къ намъ въ фаэтонъ, чтобы сопровождать въ Джгерду и помогать въ моихъ работахъ. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было его сотрудничество, что матеріалъ, собранный Усларомъ, основанъ главнымъ образомъ на бзыбскомъ говорѣ абхазскаго языка, а о. Николай — бзыбецъ. Въ Тамышѣ же успѣлъ я переговорить съ издателемъ абхазскихъ текстовъ живой рѣчи, трехъ сказокъ и трехсотъ съ лишнимъ пословицъ, М. І. Гуліею, который обѣщалъ смѣнить черезъ нѣсколько дней о. Николая, въ сотрудничествѣ со мною. Русскіе переводы сказокъ и пословицъ оказались настолько своеобразны, что безъ непосредственныхъ опросовъ самого автора трудно было, а иногда совершенно невозможно разобраться съ ихъ помощью въ абхазскомъ подлинникѣ. Въ этомъ отношеніи услуга, оказанная мнѣ М. І. Гуліею, неоцѣнима. Въ Джгердѣ, куда мы прибыли часамъ къ тремъ, на обширный дворъ насъ вышелъ встрѣтить изъ деревяннаго дома Хабиджъ Ашуба. Расцѣловавшись съ родственникомъ Н. С. Джанашіею, онъ и меня какъ родственника обнялъ. Съ этого момента я чувствовалъ себя какъ дома, а занятія мои наладились такъ быстро, точно я возобно-

1) Стр. 172.

вилъ прерванную работу, а не впервые принимался за нее въ Джгердѣ. Сочувствіе и всяческое содѣйствіе абхазовъ моимъ работамъ было безпримѣрное. Ничего подобнаго ни почти враждебному отношенію лазовъ въ Лазистанѣ при изученіи ч̒анскаго языка, ни въ большинствѣ равнодушному отношенію свановъ, когда занимался сванскимъ. Абхазы чрезвычайно цѣнятъ свой родной языкъ, и всякое вниманіе къ нему вызываетъ у нихъ восторгъ. Не говоря о необычайномъ гостепріимствѣ, хозяева внимательно слѣдили, чтобы у меня все время были въ распоряженіи объекты изслѣдованія джгердской абхазской рѣчи. Если не сами они, то сосѣди терпѣливо высиживали часами у меня въ комнатѣ, стараясь удовлетворить моимъ вопросамъ. Въ качествѣ освѣдомленныхъ источниковъ о. Николая и М. І. Гулію смѣнили о. Савва[1]), священникъ изъ сосѣдняго села Квитоули, кн. Ачба или Анчабадзе, о. Димитрій изъ селенія Ч̒илоў и извѣстный лингвистъ-самоучка П. Г. Чарая, пріѣхавшій изъ Очемчира. Къ этому надо прибавить, что всѣ дни моего пребыванія, около двухъ недѣль, въ Джгердѣ я слышалъ кругомъ сплошь абхазскую рѣчь и только абхазскую. На обратномъ пути я остановился въ Адзюбжѣ въ домѣ Н. С. Джанашіи и его брата, гдѣ добрую часть собраннаго лексическаго матеріала имѣлъ возможность провѣрить снова на собраніи изъ семнадцати мѣстныхъ абхазовъ, въ числѣ которыхъ былъ великолѣпный знатокъ родной рѣчи кн. Кич̒ина, онъ же Александръ, Сасырковичъ Марганія. Я имѣлъ возможность убѣдиться, что записи мои въ общемъ удовлетворительны и могутъ лечь въ основаніе дальнѣйшихъ работъ надъ абхазскимъ языкомъ.

Прибывъ въ Сухумъ, наканунѣ выѣзда сюда я провелъ вечеръ среди мѣстной абхазской интеллигенціи: ихъ, абхазовъ, оказалось всего на всего нѣсколько человѣкъ во всемъ городѣ. Абхазы давно оттиснуты пришлыми элементами вообще отъ приморья, а особенно отъ Сухума. Тѣ, съ которыми я велъ бесѣду, всѣ горячо заинтересованы изученіемъ родной рѣчи, но, къ сожалѣнію, не располагаютъ ни теоретическою подготовкою, ни досугомъ и средствами, чтобы предаться методическому и планомѣрному занятію абхазскимъ языкомъ. Практическаго знанія и цѣнныхъ и для теоретика наблюденій надъ родной рѣчью у нихъ масса, и я очень жалѣлъ, что не могъ въ первый же пріѣздъ достаточно использовать ихъ знанія.

Сочувственное отношеніе абхазовъ и ихъ безкорыстная готовность содѣйствовать моей работѣ надъ родною ихъ рѣчью, знакомство и всяческое содѣйствіе почти всего состава Переводческаго комитета, вообще столь бла-

---

1) С. Сем. Кація.

топріятно сложившіяся обстоятельства принесли свой плодъ. Практически я достигъ лишь того, что къ концу пребыванія я сталъ въ значительной степени понимать живую абхазскую рѣчь джгердскаго говора, для научной же моей цѣли мнѣ удалось сдѣлать больше, чѣмъ я предполагалъ: я сличилъ весь лексическій матеріалъ, собранный Усларомъ, и дополненія къ нему въ работѣ П. Г. Ч̔араи, удвоилъ этотъ матеріалъ новыми, раньше не записывавшимися словами, проанализировалъ изданныя сказки и болѣе половины пословицъ и поговорокъ, выяснилъ рядъ морфологическихъ и особенно очень сложныхъ синтаксическихъ явленій абхазскаго языка, запасся спискомъ абхазскихъ фамилій, равно мужскихъ и женскихъ именъ, точность записи которыхъ успѣлъ лично провѣрить.

Мусульманскихъ именъ больше, чѣмъ христіанскихъ, даже христіанскія календарныя имена чаще въ мусульманской формѣ, напр. то Equф, то Yaquф (Яковъ, ср. Ч̔арая, ц. с., § 5,13: Yakwȧb) и др.

Абхазскія имена своеобразны; много мужскихъ именъ сложныхъ со словомъ q̇u, означающимъ *удѣлъ*:

Àsaq̇u	Ḫanaq̇u
Abdàq̇u	Ḳerantə̀q̇u (= Kyerantə̀q̇u)
Ḓansə̀qu (= Ḓyansə̀q̇u)	Màq̇u
Ḫabáq̇u	Ramɯ̆əq̇u.

Въ числѣ абхазскихъ фамилій есть рядъ этническаго происхожденія, какъ то Àɯ̆wa, что̀ значитъ *кабардинецъ*, Zuq̇ba *сынъ Зикха*, что̀ говоритъ о зикхскомъ происхожденіи этого дома; есть фамилія Àɯanwa, что̀ значитъ *сваны* [1]); лазскаго или ч̔анскаго происхожденія двѣ фамиліи Ṭàn-ba (мн. Ṭanăà) и Lazba (поздній этническій терминъ laz находится также въ составѣ абхазскаго имени Laznəgu, ср. Nəgu), осскаго или осетинскаго происхожденія двѣ абхазскія фамиліи, одна въ мингрельской формѣ—Osia, другая въ абхазской Ozba (< Os-ba); чрезвычайно любопытно, что существуетъ абхазская фамилія аланскаго происхожденія въ мингрельской формѣ Alani-a не только въ Джгердѣ, но и въ Лыхнахъ; одинъ дворъ съ названіемъ Alan имѣется и въ Тамышѣ.

Изъ фамилій нельзя не указать ввиду историческаго ея значенія на Gubaz: существующій родъ съ этимъ названіемъ, по всей вѣроятности, иной, чѣмъ древній; онъ не играетъ никакой роли, но слѣды большого значенія рода съ тѣмъ же названіемъ находимъ въ географической номенклатурѣ далеко

1) Въ Джгердѣ фамилія Ɯenwa значитъ то же самое, т. е. *сваны*.

за предѣлами нынѣшней Абхазіи, именно въ Гуріи; здѣсь по названію этого рода окрещена рѣка, впадающая въ Супсу: зовется გუბაზთული Gubaz+o-ul-i. Историческій же интересъ, связанный съ этимъ терминомъ, состоитъ въ томъ, что подъ такимъ именемъ извѣстенъ рядъ лазскихъ царей; въ греческомъ костюмѣ это имя — Γοβάζης или Γουβάζης, въ *Грузинскихъ лѣтописяхъ* — გუბაძე Guba-ďe.

Если правильна грузинская передача გუბაძე Guba-ďe, къ которой примыкаетъ и греческая форма Γουβάζη-ς (Γοβάζη-ς), наросшимъ ძე ďe *сынъ* прикрывается абхазская фамилія на ba: терминъ gu-ba въ такомъ случаѣ могъ бы означать «сынъ сердца».

Въ настоящее время Gubazaà — крестьянская фамилія въ Гудаутскомъ участкѣ, на нее кромѣ грузинскаго z (< ďe) успѣло нарасти мингрельское va, въ абхазскомъ теряющее губной v: м. Gubaza-va > абх. Gubaza-à[1]), но рядомъ съ этимъ употребляется форма съ вторичнымъ нарастаніемъ абхазскаго -ba: A-gubaz-bà (форма единичности Gubazbak, мн. Gubazaà).

Къ переживаніямъ историческихъ именъ относится и Paq̇ur, столь излюбленное въ формѣ Bakur въ средѣ грузинскихъ царей, а въ формѣ Pagor извѣстное какъ имя лазскаго царя.

Въ линіи географическихъ названій отложенія абхазскаго языка также намѣчаются на югѣ, гдѣ теперь господство ќарт̒скихъ племенъ; я назову сейчасъ село ჩიბათი (грузинизованное, по всей видимости, абхазское слово ჩიბა ʒ̣i-ba) въ Гуріи, и значительно южнѣе ანჩა an-ʒ̣a (по-абхазски, какъ увидимъ, долженствовавшее означать *богъ Небо*), названіе монастыря, куда привезена была по легендѣ сирійцами нерукотворная икона Спасителя, въ честь которой возникла и Анчис-хатская (Анчхатская) церковь въ Тифлисѣ.

Въ началѣ я очень старался захватить съ собою на работу абхазскій переводъ Евангелія, объ окончаніи печатаніемъ котораго я узналъ лишь по пріѣздѣ въ Сухумъ. Несмотря на всѣ старанія, раздобыть экземпляръ его тогда не удалось. Постепенно я узналъ объ условіяхъ, въ которыхъ самоотверженно исполнялась эта труднѣйшая задача, и я былъ радъ, что работѣ надъ абхазскимъ текстомъ Евангелія не пришлось отвлечь меня отъ наблюденій надъ живымъ абхазскимъ языкомъ.

На абхазскомъ языкѣ, кромѣ Евангелія, имѣется теперь небольшая печатная литература — богослужебная и вообще христіанско-миссіонерская, какъ то: *Требникъ* (Тифлисъ 1907), *Литургія Іоанна* (Тифлисъ 1907), *Молитвы, X Заповѣдей и присяжный листъ* (Тифлисъ 1910), *Важнѣйшіе*

---

1) Впрочемъ въ абхазскомъ мн. на а-«а» можетъ восходить къ а-«га».

праздники православной церкви (Тифлисъ 1910); учебная, какъ-то: *Книга для чтенія на абхазскомъ языкѣ для абхазскихъ училищъ* (2-е изд., Тифлисъ 1911), Ф. Х. Эшбая, *Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для абхазскихъ начальныхъ училищъ* (2-е изд., Тифлисъ 1911); народно-популярная, какъ то: *Береженаго и Богъ бережетъ.* — *Чесотка.* — *Оспа.* — *Холера*, перевелъ на абхазскій языкъ благочинный, прот. Д. Маргани (Тифлисъ 1910), О. И. Ускова, *Краткое руководство къ разведенію гусей*, перев. на абхазскій языкъ смотритель Лыхненскаго 2-кл. училища Н. С. Патейпа (Тифлисъ 1910), *Болѣзни домашнихъ птицъ и ихъ лѣченіе.* Общедоступный лѣчебникъ, собралъ и составилъ птицеводъ-практикъ В. В. Сабинецкій. Перевелъ на абхазскій языкъ смотритель Тамышскаго 2-кл. нормальнаго училища Д. І. Гулія (Тифлисъ 1910), Н. Патейпа, *Краткое руководство по шелководству* (Тифлисъ 1911)[1].

Весь этотъ печатный матеріалъ пришлось отложить въ сторону прежде всего потому, что принятая транскрипція по существу дефектна. Самое использованіе русскаго алфавита ведетъ къ ряду недоразумѣній, которыя, если оцѣнивать съ педагогической стороны, скорѣе способны мѣшать, чѣмъ содѣйствовать правильному усвоенію русской грамоты. Такъ, напр., абхазское э, лат. е=ე транскрибируется русскимъ «е», а ижица—использована какъ начертаніе абхазскаго звука «ə», въ значеніи краткаго «й» одно время пользовались лат. j, а теперь ни полугласный y=ჲ, ни полугласный w=ჳ не имѣютъ въ русской транскрипціи особаго начертанія: ихъ передаютъ простымъ і и у.

При такихъ условіяхъ пользоваться печатнымъ абхазскимъ текстомъ можно, или будучи абхазомъ, или хорошо зная фонетическія особенности, да и лексику абхазскаго языка.

То же самое наблюдаемъ и въ абхазскомъ текстѣ Евангелія, впрочемъ не по недосмотру, а какъ сознательный, и теперь защищаемый авторами пріемъ. «Полугласныхъ не отличали мы отъ гласныхъ», говорилъ мнѣ одинъ изъ переводчиковъ, «потому, что одинъ и тотъ же звукъ въ различныхъ условіяхъ бываетъ различнымъ, напр. u, характеръ 2-го лица, передъ согласнымъ—гласный, а передъ гласнымъ—полугласный, но, изображая ихъ одинаково, мы правильно указываемъ, что они—разновидности одного и того же u».

Переводя евангельскій текстъ, переводчики часто оказывались въ весьма затруднительномъ положеніи отчасти и отъ особенностей абхазскаго языка, такъ, напр., въ абхазскомъ нѣтъ порядковыхъ числительныхъ, и когда въ

1) Статья была сверстана, когда я получилъ сборникъ стихотвореній Д. І. Гуліи на абхазскомъ языкѣ, изданіе Общества распространенія просвѣщенія среди абхазовъ (Тифлисъ 1912).

Мо 20,27 пришлось столкнуться со стихомъ «И кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ», то *быть первымъ* вынуждены были перевести словами aꝕq̇̆a-gəlara = aφq̇ya-gəlara[1]) *впереди стоять.*

Большое затрудненіе представило переводчикамъ и начало стиха Ін 4,24 «Богъ есть духъ». Тутъ затрудненіе возникло на почвѣ полнаго созвучія словъ, означающихъ *духъ* и *мертвецъ*[2]). Въ бзыбскомъ говорѣ эти слова еще различаются: aꝕsə *духъ* и aꝕs̱ə *мертвецъ*, а въ абжувскомъ говорѣ aφsə означаетъ и *духъ*, и *мертвецъ,* между тѣмъ въ составѣ Переводческаго комитета большинство было абжувцевъ, да кромѣ того рѣшено было во избѣжаніе осложненія алфавита не вводить тонкостей бзыбской фонетики, и названный стихъ въ такомъ абхазскомъ переводѣ могъ быть понятъ и «Богъ есть духъ» и «Богъ есть мертвецъ». Мусульмане не упускаютъ случая распространять, что христіане поклоняются мертвому Богу, и великъ былъ соблазнъ, разсказывали мнѣ, когда христіанскій пастырь использовалъ въ словѣ съ амвона въ церкви стихъ Ін 4,24 въ упомянутомъ переводѣ, который молящіеся поняли «Богъ есть мертвецъ».

Добрая часть затрудненій возникала отъ того, что поставлена была несвоевременная задача, для выполненія которой не было никакой серьозной подготовительной работы. Золотыя слова Услара забыты. Еще въ 1862-мъ году онъ писалъ: «Сказки, пѣсни, поговорки, живущія въ устахъ народныхъ, составляютъ единственный, вполнѣ надежный, ничѣмъ посторонним незасоренный источникъ къ изученію языка. Собраніе всего изустно-живущаго въ народѣ должно составить первый письменный памятникъ, послѣ созданія азбуки»[3]). «Одни даже повседневные разговоры, будучи записаны, — доставятъ данныя, которыхъ тщетно стали бы мы отыскивать въ преждевременныхъ переводахъ съ русскаго»[4]).

Еще болѣе затруднялось дѣло отсутствіемъ грамматики абхазскаго языка. Возлагая при такихъ условіяхъ на Переводческій комитетъ изъ трехъ лицъ переводъ Евангелія, иниціаторы дѣла обязывали ихъ не только переводить на абхазскій языкъ, но и выработать свой собственный, обсужденный въ трехъ лицахъ, искусственный или такъ называемый литературный абхазскій языкъ. Несомнѣнно, было допущено сочинительство и въ отношеніи словъ, заставившее переводчиковъ составить себѣ особый словар-

---

1) ађх̆а-гv̀лара.

2) Н. Марръ, *Яфет. элементы въ языкахъ Арменіи,* V, стр. 179 слѣд.

3) Усларъ. Этнографія Кавказа. Языкознаніе. ***Абхазскій языкъ*** (изд. Управл. Кавк. учебн. округа, Тифлисъ, 1887), стр. 103.

4) Ц. с., стр. 104.

чикъ абхазскихъ словъ или совершенно новыхъ, сочиненныхъ, или съ новыми для нихъ значеніями.

Вообще мнѣ бросилось въ глаза, что переводческое дѣло, какъ и вся новая миссіонерская дѣятельность въ Абхазіи, строится не на исторической основѣ: миссіонерство и не искало ея. Въ этомъ отчасти повинны, повидимому, сами абхазы.

Судя по моимъ впечатлѣніямъ отъ бесѣдъ съ рядомъ интеллигентныхъ абхазовъ, въ абхазской средѣ существуетъ мнѣніе, что христіанство оставило весьма мало слѣдовъ въ коренной народной массѣ Абхазіи. Дѣйствительно, христіанство, вносившееся въ Абхазію и съ запада, изъ Византіи, и съ востока, изъ Грузіи, можетъ при первомъ поверхностномъ взглядѣ гордиться скорѣе архитектурными памятниками, чѣмъ религіознымъ строительствомъ въ душахъ коренныхъ абхазовъ. Остатки архитектурныхъ памятниковъ Абхазіи, иногда лишь жалкія развалины, не могутъ ускользнуть и отъ вниманія малопосвященныхъ въ культурную исторію Кавказа. Нерукотворный же памятникъ, возводившійся древнимъ христіанскимъ миссіонерствомъ въ Абхазіи, требуетъ болѣе вооруженнаго соотвѣтственнымъ знаніемъ зрѣнія для правильныхъ наблюденій надъ нимъ. Нѣтъ спора, что въ странѣ, гдѣ христіанская церковь пользовалась языками, недоступными массѣ населенія, сначала греческимъ, потомъ грузинскимъ, она могла разсчитывать на, такъ сказать, демократическій успѣхъ лишь по мѣрѣ пріобщенія «демоса» къ одному изъ языковъ желавшей господствовать религіи. Кромѣ того, и достигнутые такимъ труднымъ путемъ успѣхи христіанства были затѣмъ въ значительной мѣрѣ ослаблены господствомъ мусульманскихъ правителей и вліяніемъ ислама, и тѣмъ не менѣе сѣмена, брошенныя древне-христіанскимъ миссіонерствомъ и въ свое время давшія обильные всходы, не заглохли: во многихъ сторонахъ жизни, въ нѣкоторыхъ праздникахъ и обычаяхъ, а равно въ рѣчи — въ названіяхъ нѣкоторыхъ дней и нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, они сказываются до сихъ поръ, несмотря на мусульманскій налетъ на верхахъ и сильныя языческія переживанія внизу, въ простонародіи. Эти христіанскіе элементы слѣдовало выяснить, собрать и использовать прежде всего въ переводахъ, если новое христіанское миссіонерство хотѣло бы быть продолжателемъ дѣла древне-христіанскихъ миссіонеровъ. Ставшія народными абхазскими формы христіанскихъ именъ устранены, такъ Іісу̀с Хрісто̀с вм. народнаго Yèsa Qrìsta и т. п.

Въ значеніи церкви у абхазовъ принято мингрельское слово a-oq̇wama (этотъ христіанскій терминъ мингрельской чеканки распространенъ и въ извѣстной части Сваніи), но переводчики рѣшили освободиться отъ мингрелизма,

замѣнивъ его абхазскимъ апəħаrϑа, между тѣмъ, послѣднее значитъ собственно *богомолiе*; затѣмъ попробовали было ставить вмѣстѣ оба термина апəħаrϑа-аоqwаmа, а въ концѣ концовъ, бросивъ и мингрельское и коренное абхазское слово, использовали никому по-абхазски непонятное греческое ekklesía (напр. Мѳ. 16, 18).

Откинувъ ставшие народными христiанскiе термины грузинскаго, мингрельскаго или иного происхожденiя, переводчики однако удержали вкладъ ислама въ абхазскую рѣчь, напр. ḍаhаnəm *адъ* (Мѳ 16, 18) и десятокъ другихъ.

Мнѣ говорили, будто была инструкцiя переводить не по смыслу и согласно духу абхазскаго языка, а по буквѣ, придерживаясь рабски славянскаго текста и духа его языка.

Послѣ всего этого будетъ понятно, почему я нашелъ неудобнымъ изученiе абхазскаго языка основывать на абхазскомъ текстѣ Евангелiя и вообще на переводныхъ текстахъ. Пока опасаюсь вносить изъ нихъ лексическiй матерiалъ въ абхазско-русскiй словарь.

Естественно, работая надъ записью живыхъ матерiаловъ абхазской рѣчи, я уже на мѣстѣ замѣчалъ, въ какую сторону ослабляютъ или усиливаютъ они мой взглядъ на положенiе абхазскаго языка среди яфетическихъ, и частью этихъ попутно всплывавшихъ мыслей я и подѣлюсь, хотя до окончательнаго сужденiя по вопросу еще далеко, для этого отнюдь недостаточно и исчерпывающей разработки собраннаго матерiала. Этотъ матерiалъ, во-первыхъ, количественно представляетъ, если не каплю, то все-таки нѣчто слишкомъ незначительное сравнительно съ тѣмъ, что надлежитъ собрать; во-вторыхъ, его слѣдуетъ провѣрить на мѣстахъ еще по двумъ, а то и по тремъ говорамъ, не говоря о подговорахъ.

Абхазскiй языкъ нынѣ распадается на три главныхъ говора: бзыбскiй на сѣверѣ, самурзаканскiй на югѣ и абжувскiй въ средней части, однимъ изъ лучшихъ хранителей котораго является селенiе Джгерда[1]).

О составѣ звуковъ абхазской рѣчи знакомые съ фонетикою яфетическихъ языковъ могутъ получить въ большинствѣ реальное, а въ отношенiи специфическихъ ея звуковъ хотя приблизительное представленiе по прилагаемой таблицѣ (табл. I)[2]). Спѣшу обнародованiемъ ея, такъ какъ въ первомъ

1) Судя по собраннымъ мною даннымъ, эта дiалектологическая терминологiя можетъ быть значительно подробнѣе развита.

2) Послѣ смягченныхъ согласныхъ, въ транскрипцiи снабжаемыхъ подстрочнымъ знакомъ ˬ, обязательна iотацiя гласныхъ, такъ что для полноты передачи этихъ звуковъ къ нимъ слѣдовало бы прибавить полугласный «y», напр. gy, zy, ǰy и т. п. Съ другой стороны, можно бы въ такихъ случаяхъ довольствоваться iотацiею послѣдующихъ гласныхъ, т. е.

моемъ опытѣ[1]), основанномъ не на личныхъ наблюденіяхъ, имѣются непослѣдовательности въ примѣненіи яфетидологической системы транскрипціи и въ связи съ ними неточности. Къ составу звуковъ абхазскаго языка еще одно замѣчаніе: специфическій губной звукъ, о которомъ писалъ П. Г. Ч̒арая[2]), дѣйствительно, оказался, но ни бзыбцы, ни первые опрошенные мною абжувцы его не знали: его слышалъ я первый разъ отъ о. Димитрія Какаліи, священника села Ṭəlow, родомъ изъ Мок̒въ (потомъ и отъ нѣкоторыхъ тамышцевъ) въ словѣ а-ра *тонкій*, въ его произношеніи — ava̱. Этотъ взрывной v̱ произносится также пропускомъ воздуха между губъ, но передъ его произношеніемъ недостаточно соприкосновенія ихъ, а требуется плотное наложеніе верхней губы на нижнюю, заходящую внутрь подъ верхніе зубы, причемъ звукъ получается разрывомъ плотно сложенныхъ губъ.

Я обхожу въ настоящей статьѣ молчаніемъ все то, чему мѣсто въ систематическомъ изложеніи грамматики и исторіи абхазскаго языка или въ матеріалахъ для нихъ. Не останавливаюсь также на новыхъ деталяхъ, подтверждающихъ связь абхазскаго съ һайскимъ языкомъ Арменіи и сванскимъ, а равнымъ образомъ съ языкомъ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей.

Фактическія подробности вынудили меня подвергнуть пересмотру послѣднюю редакцію яфетической теоріи въ части о взаимномъ отношеніи яфетическихъ языковъ и внести въ нее нѣкоторую поправку (см. табл. II). Эта поправка давно назрѣвала, и поѣздка въ Абхазію лишь помогла ускорить ея формулировку. Одновременно выяснилась необходимость перехода въ названіяхъ различныхъ типовъ яфетическихъ языковъ, родовъ и видовъ отъ этнической терминологіи къ чисто лингвистической, во избѣжаніе осложненія совершенно ясной лингвистической перспективы далеко невыясненной этнологической съ ея разнообразіемъ терминовъ, часто многихъ для одного и того же понятія[3]).

ограничиваться прибавкою къ смягчаемымъ согласнымъ полугласнаго «у», напр. gy, zy, ly и т. п., подразумѣвая безъ указанія въ начертаніи самихъ согласныхъ ихъ неизбѣжное въ такихъ случаяхъ смягченіе. Дальнѣйшая работа выяснитъ какъ цѣлесообразность того или иного пріема, такъ болѣе соотвѣтственную передачу еще двухъ, трехъ звуковъ, именно №№ 36, 37, 54.

1) У П. Г. Чараи, *Объ отношеніи абхазскаго языка къ яфетическимъ*, *II*, стр. 55—56. Изъ недосмотровъ въ моей собственной работѣ *О положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ* спѣшу здѣсь указать на случай принятія i > (послѣ гласнаго) «у» въ выраженіи áḃe-y, афе-у и т. п. на стр. 11, хотя и гадательно, за суффиксъ Р. падежа, тогда какъ въ данныхъ примѣрахъ это союзъ *и* (русск.), наличный въ томъ же видѣ i и въ сванскомъ.

2) ц. с., § 11, стр. 56, прим. 1.

3) Слѣдившимъ за яфетидологической литературою не будетъ трудно понять, что въ основу дѣленія на группы положенъ одинъ изъ основныхъ законовъ сравнительной яфетической фонетики, какъ онъ сказывается между прочимъ и въ падежныхъ окончаніяхъ.

Абхазскій языкъ двумя особенностями вынудилъ къ этой поправкѣ: образованіемъ мн. числа на q (> q̇) и истертостью корней, которая сначала мнѣ казалась цѣликомъ благопріобрѣтенной имъ на новой родинѣ. Истертость корней раздѣляется абхазскимъ съ другими яфетическими языками, притомъ далеко отстоящими отъ предѣловъ современной Абхазіи и сохранившимися въ наиболѣе древнихъ памятникахъ, именно въ клинообразныхъ надписяхъ Принимая во вниманіе эту истертость, присущую однимъ, но чуждую другимъ яфетическимъ языкамъ, два типа образованія мн. числа, къ которымъ восходятъ всѣ другія разновидности и съ каждымъ изъ которыхъ связаны и иныя морфологическія особенности, я вынужденъ фактами признать два развѣтвленія яфетическихъ языковъ, одно — -n- развѣтвленіе, другое — -q-развѣтвленіе: -n-развѣтвленіе составляютъ -s-группа, куда относится картскій языкъ, лежащій въ основѣ грузинскаго, и -m-группа, такъ называемая тубал-кайнская, куда относятся мингрельскій и лазскій языки; къ -q-развѣтвленію относится основной яфетическій слой абхазскаго языка и яфетическій языкъ до-арійской Арменіи, отложившійся въ аріизованномъ һайскомъ или древне-литературномъ языкѣ названной страны. Что касается языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, языка ванскихъ клинообразныхъ надписей и сванскаго языка, то они представляютъ яфетическіе языки мѣшанаго типа. По истертости корней всѣ они относятся къ -q-развѣтвленію, по образованію же мн. числа къ -n- развѣтвленію, расходясь однако въ томъ, что языкъ 2-ой категоріи мн. число образуетъ по разновидности -m-группы, а языкъ ванскихъ клинообразныхъ надписей и отчасти сванскій въ образованіи той же формы ближе стоятъ къ -s-группѣ или полностью совпадаютъ съ нею.

Однимъ изъ характернѣйшихъ примѣровъ того, насколько истертъ абхазскій языкъ, можетъ служить фамилія весьма древняго княжескаго рода Margania: въ фамиліи мы имѣемъ два образовательныхъ суффикса, одинъ, позднѣйшій, — мингрельскій на -ia (< -i-va), а другой, наличный и въ сванскихъ фамиліяхъ (ān), — -an. Оставшаяся основа marg представляетъ яфетическаго происхожденія һайское слово, сохранившееся въ грузинскомъ въ значеніи *звѣзды*[1]). Фамилія буквально значитъ «сынъ звѣзды», т. е. то, что въ арамейскомъ мірѣ Баркоба (Бар-коӄба). Эта фамилія не одна астральнаго происхожденія среди абхазскихъ. Въ абхазскихъ фамиліяхъ чисто абхазскимъ суффиксомъ для ихъ образованія является слово pa (> ba > ҩa) *сынъ*, часто затем-

---

1) *marg-i въ მემარგეჲ me-marg-e-y *звѣздочетъ* (Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго* [слѣдовало бы *һайскаго*] *слова margarey пророкъ*, И. А. Н., 1909, стр. 1057, 12, a и b.

няемое наращеніемъ грузинскаго ძე d̆e *сынъ*[1]), такъ, напр., абхазское Аϑba, княжеская фамилія; кстати, оно означаетъ не «сынъ коня» или «коневъ» отъ слова а-ϑə̥, въ какомъ случаѣ фамилія звучала бы *Аϑəba; происходитъ оно отъ тубал-кайнскаго ϑa *небо:* съ абхазскимъ префиксомъ оно должно бы звучать *а-ϑа, но при сложеніи съ -ba префиксъ а- долженъ былъ исчезнуть, и если однако звукъ а- держится, то онъ, вѣроятно, иного происхожденія. И, дѣйствительно, въ грузинскомъ та же фамилія представлена въ видѣ ანჩაბაძე Anϑaba-d̆e, и хотя конечнымъ -d̆e и затемняется абхазское происхожденіе фамиліи, но въ этомъ заимствованномъ грузинами видѣ древняя абхазская форма (Anϑaba) сохранилась полнѣе, чѣмъ въ нынѣшнемъ абхазскомъ Аϑba. И вотъ основа этой древней формы сохранила не только непочато слово -ш-группы — ϑa *небо*, но въ качествѣ приложенія къ нему чрезвычайно любопытное слово an *богъ*, которое въ абхазскомъ появляется обыкновенно какъ plurale tantum anϑa *богъ*, собственно *боги*[2]). Слѣдовательно, княжеская фамилія Anϑaba, нынѣ Аϑba могла бы означать «сынъ бога Неба»[3]). Соотвѣтственно этому въ гурійской фамиліи Тотибадзе ϑoϑ-i-ba-d̆e имѣемъ грузинизованную форму абхазской фамиліи ϑoϑ-ba[4]), произведенной съ абхазскимъ суффиксомъ ba отъ тубал-кайнскаго ϑoϑ (||ϑuϑ), долженствовавшаго означать *мѣсяцъ*, «*лунъ*» (ср. м. и ч. თუთა ϑuϑ-a *луна*): фамилія эта, слѣдовательно, могла бы означать «сынъ мѣсяца» или такъ называемаго мужского бога «луна».

Но возвращаюсь къ вопросу объ истертости абхазскаго языка, для иллюстраціи которой и приведена фамилія Margania: въ абхазскомъ она появляется безъ мингрельскаго нароста -ia, но съ утратою группы rg въ видѣ Maàn (< Margàn), мн. Maànaă.

Къ связи съ языками Арменіи упомяну здѣсь лишь объ одномъ новомъ наблюденіи семасіологическаго характера, именно о томъ, что въ абхазскихъ числительныхъ, когда они стоятъ самостоятельно, появляется суффиксъ -ba, напр. q̇uba *пять*, но основа его q̇u, отсюда q̇un ƫə *пять разъ*, q̇uŭ *пятьсотъ* и т. п. Слово ba (resp. pa или ṗa) въ качествѣ суффикса значитъ *сынъ*, съ его помощью образуются абхазскія фамиліи, но въ числительныхъ его появленіе кажется совершенно непонятнымъ, если не обратить вниманія на

1) Точнѣе, сохранившагося въ грузинскомъ *сынъ*, такъ какъ коренное, т. е. картское слово въ значеніи *сынъ* въ грузинскомъ შვილი шwil-i, а ძე d̆e вмѣстѣ съ глаголомъ ძენა d̆ena *пріобрѣтать, рождать* представляетъ заимствованіе, пожалуй, изъ сванскаго (ср. корень ϑn въ ლითვენი li-ϑveni *рожденіе, рождать*, ლჷთნე lə-ϑne *родимый*, ლითნე li-ϑne *рождаться*, лент. говоръ ლითენი li-ϑeni).

2) П. Чарая, ц. с., § 10, 65.

3) ϑa появляется и въ составѣ мужского имени Θagu.

4) или ϑoϑ i-ba, въ какомъ случаѣ i- — префиксъ отношенія къ опредѣляющему слову (ϑoϑ).

то, что абхазскій не имѣетъ порядковыхъ числительныхъ, какъ будто ихъ не имѣлъ никогда или утратилъ безслѣдно, на самомъ же дѣлѣ онъ утратилъ понятіе о порядковыхъ числительныхъ, сохранивъ ихъ формально, и въ числительныхъ въ сложеніи со словомъ ḃa, означающимъ *сынъ*, имѣемъ переживаніе абхазскихъ порядковыхъ числительныхъ; въ языкахъ Арменіи, и въ ḣайскомъ, и въ армянскомъ такъ, именно съ помощью слова *որդ* ord, остатка *որդի* ordi *сынъ*, образуются порядковыя числительныя отъ количественныхъ, напр. *հինգ* hing *пять* — *հինգերորդ* hinger-ord *пятый*, буквально *сынъ пяти*[1]).

Здѣсь не вхожу въ детали языковыхъ явленій, имѣющихъ хотя и большое значеніе, но исключительно для науки объ языкѣ, для лингвиста-*сравнительника* или историка языка. Остановлюсь я на двухъ, трехъ явленіяхъ, имѣющихъ значеніе для археологіи Кавказа, поскольку археологія заинтересована въ правильномъ освѣщеніи этнологическихъ вопросовъ, и прежде всего для крупной очередной проблеммы объ иммиграціи яфетическихъ племенъ и народовъ съ юга на Кавказъ, объ ихъ разселеніи и взаимномъ треніи.

Что абхазы и сваны двигались съ юга на сѣверъ, въ общихъ штрихахъ намѣчено уже мною какъ въ печатной работѣ *Исторія термина «абхазъ»*[2]), такъ и въ докладѣ, читанномъ въ ноябрьскомъ засѣданіи Археологическаго Общества «Изъ поѣздокъ въ Сванію»[3]). Тогда же выяснялось, что, напр., сванское вліяніе сказалось въ грузинскомъ древне-литературномъ языкѣ, и его отнюдь нельзя объяснять вліяніемъ загнанныхъ въ Кавказскія горы сvaluesновъ на рѣчь грузинъ, а приходится учесть, какъ доказательство наличности на южной окраинѣ Грузіи сванскаго языка или сильно насыщеннаго сванскими элементами какого либо говора к̔арт̔скаго, т. е. грузинскаго языка еще въ эпоху, когда слагалась древне-грузинская христіанская письменность, значитъ по традиціонному представленію — въ V-мъ вѣкѣ.

Такое же значеніе мы придаемъ отложеніямъ абхазской рѣчи въ различныхъ говорахъ грузинскаго, точнѣе к̔арт̔скаго языка, да и въ древне-литературномъ грузинскомъ.

Въ послѣднемъ любопытно отмѣтить такой малозаимствуемый терминъ, какъ названіе одного изъ четырехъ временъ года, изъ древне-грузинскаго перешедшее и въ новый. *Лѣто* по-грузински звучитъ ზაფხული zaṗqul-i (*saφqun); это абхазское слово à-φqən, но эпохи до перебоя сибилянта ш (въ

1) Н. Марръ, *Грамматика древне-армянскаго языка*, § 150. Любопытно, что въ живыхъ армянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ мокскомъ, порядковыя числительныя также утрачены.

2) И. А. Н., 1912, стр. 697—706.

3) Печатается въ Христ. Вост., 1913.

грузинскомъ s префикса sa) въ спирантъ, въ наличномъ абхазскомъ исчезнувшій, и до ослабленія первоначальнаго u въ ирраціональный ə[1]).

Болѣе общее значеніе имѣетъ абхазское образованіе мн. ч. на -ra въ значеніи собирательнаго слова (*роща*, *лѣсъ* и т. п.) въ названіяхъ деревьевъ, такъ

à-φsa *ель*	мн. à-φsa-ra		аш̂ *букъ*	мн. àш̂-ra	
al *ольха*	» àlə-ra		aϑà *липа*	» aϑa-ra	
aḓ *дубъ*	» àḓ-ra		и др.		

Абхазское a-ḓ *дубъ*, т. е. основа ḓ съ префиксомъ a-, въ сванскомъ отложилось въ болѣе полной и древней формѣ ჯიჴ ḓih въ значеніи *желудь*, и, слѣдовательно, оно отнюдь не можетъ быть отнесено къ заимствованіямъ изъ наличнаго абхазскаго въ сванскій, но, что еще болѣе любопытно, отъ сванскаго ჯიჴ ḓih образуется въ сванскомъ же мн. число съ помощью абхазскаго показателя множественности -ra, и эта форма ჯიჴრა ḓih-ra означаетъ въ сванскомъ *дубъ*, согласно, въ свою очередь, той нормѣ, что названія деревьевъ и растеній въ яфетическихъ языкахъ появляются въ формѣ мн. числа.

Въ сванскомъ отъ слова ზექ zeq [*дерево* >] *дрова* образовано такое же мн. число на -ra — ზექრა zeq-ra въ значеніи *избы*, *сложенной изъ множества бревенъ*, т. е. *сруба*. Здѣсь любопытно то, что показатель множественности r не въ сванской формѣ ar, resp. -ǟr или -er, а въ абхазской — -ra служитъ образовательнымъ элементомъ въ сванскомъ словѣ ზექ zeq. Если же и ზექ zeq считать абхазскимъ, то въ сванскомъ его придется признать вкладомъ той далекой эпохи, когда слово не было еще утрачено абхазскимъ: въ наличномъ абхазскомъ его уже нѣтъ.

Но, удаляясь отъ территоріи нынѣшнихъ абхазовъ далѣе, чѣмъ не только близкая географически, но и лингвистически сравнительно болѣе сродная Сванія, мы находимъ названія деревьевъ и растеній въ формѣ мн. числа, образованныя съ помощью того же абхазскаго суффикса -ra, такъ, напр., въ грузинскомъ გვიმრა gvim-ra *папоротникъ*. Въ абхазскомъ этого слова не сохранилось, но что это—абхазская форма мн. числа на -ra отъ основы gvim-, не подлежитъ никакому сомнѣнію: въ языкахъ -ш-группы, такъ, напр., въ мингрельскомъ, съ основою gwim- сросся по обыкновенію первичный характеръ И. падежа «о», и слово съ тѣмъ же окончаніемъ -ra звучитъ გვიმორა gvim-+-o-ra.

1) Ср. П. Чарая, ц. с., § 10, 73. Слѣдовательно, этого слова нельзя приводить въ доказательство родства грузинскаго съ абхазскимъ. Признавать въ префиксѣ za- сванское слово ზაჳ zaw > ზაჲ zay > ზა̈ zä *годъ* трудно, да это по существу не измѣнило бы толкованія основной части слова. Усматривать тотъ же префиксъ въ г. ზამთარი zamϑ-ar-i (<*saϑw-aϑ-i) *зима* не представляется возможнымъ, поскольку послѣднее слово происходитъ отъ трехсогласнаго корня sϑw || сем. шtw (арб. شتاء *зима*).

Если мы двинемся еще дальше, еще южнѣе, то и тамъ найдемъ, такъ въ языкахъ Арменіи, тотъ же суффиксъ мн. числа r, но, какъ въ языкахъ -ш-группы, съ предшествующимъ o-, окаменѣвшимъ именнымъ окончаніемъ основы, въ названіяхъ плодовыхъ деревьевъ и какъ своего рода pars pro toto — самихъ плодовъ, напр. շլոր šəl-or *слива*, խնձոր qən+ǰ-or *яблоко*.

Корни этихъ послѣднихъ словъ — также яфетическіе, такъ — շլոր šəl-or отъ двухсогласнаго корня šl типа -ш- группы, которому въ картскомъ языкѣ долженъ соотвѣтствовать sl, а въ сванскомъ ql или діалектически, съ перебоемъ l въ w, qw: въ hайскомъ на лицо սալոր sal-or *слива*, при томъ же суффиксѣ но корню примыкающее къ типу -s- группы, а корень сванскаго типа ql сохранился въ грузинскомъ ქლიავი qli-av-i (< *qal-iv-i), также въ формѣ мн. числа, но типа -ш-группы.

Въ предшествовавшихъ цитованныхъ уже работахъ намѣчалось однако не только вообще миграціонное движеніе яфетическихъ племенъ съ юга на сѣверъ въ Сванію и Абхазію, но и спеціально то племя, которое проникло въ послѣднюю страну и, осложнивъ языкъ ея населенія яфетическимъ слоемъ извѣстнаго типа, дало ему свое названіе. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно было констатировать въ только-что совершенную поѣздку, что *дворяне* у абхазовъ называются à-aməsϑa, *одинъ изъ дворянъ* aməsϑàk, отсюда a-aməsϑàša *благородный*, *вѣжливый*, *деликатный*, букв. *по-дворянски*. Хотя отъ à-aməsϑa абхазы образуютъ теперь мн. ч. à-aməsϑaϑ̊a, но это — обычное недоразумѣніе, въ устахъ народа съ языкомъ мѣшанаго типа, самому процессу возникновенія котораго сопутствуетъ затемнѣніе языковой психологіи въ отношеніи многихъ категорій. Въ данномъ случаѣ недоразумѣніе основано на потерѣ сознанія, что основа aməsϑa или aməsϑ уже стоитъ во множественномъ числѣ: ϑa > ϑ есть яфетическій показатель множественности, въ качествѣ переживанія появляющійся и въ нѣкоторыхъ абхазскихъ мѣстоименіяхъ[1]); по существу появленіе все-таки показателя множественности ϑ̊a столь же излишне въ концѣ слова, какъ въ началѣ его — вторичное появленіе обычнаго абхазскаго префикса a-, который на лицо уже въ основѣ a+məs[2]). То же самое замѣчаемъ въ національномъ, какъ сейчасъ себя именуютъ абхазы (впрочемъ, повидимому, не всѣ), названіи à-aφs-wa, Стянутая основа φs вм. φas, имѣющая уже абхазскій префиксъ a- (aφs), воспринята какъ чистая основа и снова получила тотъ же абхазскій пре-

1) Н. Марръ, *О положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 14, § 7,a, 2.

2) Если этотъ начальный a въ -aməs, какъ и въ приводимомъ ниже aφs не представляетъ выдвинутой впередъ внутренней огласовки, т. е. aməs, resp. ams вм. mas и aφs вм. φas.

фиксъ à-афs-, но здѣсь другой показатель множественности, какъ сейчасъ увидимъ, позднѣе внесенный въ абхазскую рѣчь.

Что касается термина à-a+məs-ϑa *дворянинъ*, собственно *дворяне*, то его дѣйствительная основа безъ абхазскаго префикса, но съ суффиксомъ мн. числа ϑ или ϑa, т. е. məs-ϑ или məs-ϑa представляетъ, по всей видимости, этническій терминъ, отличный отъ хорошо извѣстнаго mes-q̇ только тѣмъ, что здѣсь другой, также впрочемъ наличный въ абхазскомъ, суффиксъ мн. ч. q̇ (абх. q, resp. q-wa), основа же ихъ тождественна. Итакъ, если раньше, на основаніи исторіи термина абхазъ [1]), точнѣе a-bas-q̇ > a-bas-q, абхазовъ мы въ извѣстной мѣрѣ, именно насколько они по языку связаны съ яфетическими племенами, производили отъ месховъ или «масх»овъ (мосоховъ, маскутовъ), то теперь получаемъ нѣкоторое основаніе, чтобы утверждать, что эти яфетиды «масх»и въ абхазахъ, народѣ мѣшанаго происхожденія, входили преимущественно въ составъ знати, составляли дворянство.

Какъ будто опредѣляется и время, когда въ предѣлахъ позднѣйшей Абхазіи, къ нашему времени значительно сузившихся, появились эти масх- или мэсг- яфетиды, давшіе населявшему ее народу съ новымъ лингвистическимъ матеріаломъ для перерожденія его рѣчи не только *дворянство* — à-a+məs-ϑa, но и общее національное *названіе* — у него самого à-афs-wa, въ устахъ большинства другихъ народовъ — a-bas-q̇ и его разновидности.

Впервые абхазы упоминаются, при томъ — въ совершенно правильной формѣ Ἀβασκοί (A-bas-k вм. A-bas-q), во II-мъ вѣкѣ у Арріана. Это не значитъ, конечно, что до императора Адріана абхазовъ въ этомъ районѣ не было. Страбонъ раньше упоминаетъ о Ζυγοί, а Zi-g'ы или, что — то же, Zi-q̇'ы (Ζικχοί, Ζιγχοί, Ζῆχοι, Ζῆκχοι), нынѣ A-dəg'ы, не только лингвистически, но и по происхожденію самого названія находятся въ тѣсной связи съ абхазами [2]). Фактъ тотъ, что со II-го вѣка по Р. Хр. абхазы начинаютъ играть уже политическую роль, которую, конечно, нѣтъ основанія отожествлять съ этническимъ ихъ существованіемъ въ странѣ. Со II-го вѣка ихъ сила идетъ въ гору, предѣлы ихъ политическаго господства расширяются. Въ первую очередь они вытѣсняютъ эніоховъ (henioq̇). Саны, племя эніоховъ, застряваютъ еще на небольшой полосѣ съ сѣвера, отъ Псу до Сочи, гдѣ они наблюдаются, по Анониму V-го вѣка, до V-го вѣка [3]), но въ теченіе вѣковъ, протекшихъ

---

1) Н. Марръ, *Исторія термина «абхазъ»*, стр. 700.

2) Напомню только зависимость древнѣйшей географической номенклатуры Кавказа, напр. Фазиса и др., отъ этническаго термина a-baz-q̇.

3) Kiessling, и. с., ниже, стр. 276[2].

между Прокопіемъ и Константиномъ Багрянороднымъ, абхазы занимаютъ и страну послѣднихъ сановъ[1]). Рѣчь у Kiessling'а, выводы котораго цитую, очевидно о послѣднихъ санахъ въ предѣлахъ настоящей Абхазіи, но и это не совсѣмъ вѣрно: саны продолжаютъ не только существовать, но и процвѣтать и послѣ V-го вѣка; я съ одной стороны имѣю въ виду «зан»овъ (въ сванской формѣ мн. числа zan-ar, какъ до сихъ поръ называютъ сваны мингрельцевъ), отъ какого этническаго названія сванская форма мѣста La-z[ən][2]) лежитъ какъ въ терминѣ *лазъ*, такъ въ основѣ греческаго названія обширной населявшейся или захватывавшейся лазами территоріи, Λαζική, куда и позже входила Абхазія; съ другой стороны, слѣдуетъ помнить о ṫan'ахъ (въ сванской формѣ мн. числа — ṫan-ar), которые иммигрировали съ давнихъ поръ въ Кавказскія горы въ Сванію и далеко на востокъ отъ нея, гдѣ они извѣстны и позже, съ IX-го вѣка, особенно во время похода арабскаго полководца Буг̆и, писателямъ армянскимъ въ формѣ ծանար ṫan-ar и арабскимъ — въ формѣ صنار (الصنارية), ср. Σαναραῖοι Птолемея).

Конечно, усиленіе абхазовъ съ V-го вѣка продолжается, а нѣсколькими вѣками позднѣе абхазское царство достигаетъ почти предѣловъ распространенія господства древнихъ эніоховъ: абхазы тогда соперничаютъ на югѣ съ армянскимъ царствомъ въ предѣлахъ Ширака, но этнически ихъ въ этомъ царствѣ вскорѣ смѣняютъ к̒арт̒ы или к̒арт̒велы, т. е. грузины.

Этнологическій интересъ имѣетъ смѣна henioq̇'овъ или, что̀ то же, какъ теперь выясняется, ṫan'овъ (san'овъ) абхазами настолько, насколько съ политическимъ возобладаніемъ можетъ быть связана исторія этническихъ миграцій и лингвистическихъ перерожденій. Этотъ вопросъ однако показаніями историческихъ памятниковъ не рѣшить; не помогутъ и греческіе географы. Единственный путь изученія дошедшихъ до насъ богатыхъ этнографическихъ матеріаловъ, прежде и больше всего анализъ самого абхазскаго языка. То, что абхазамъ въ ихъ странѣ предшествовалъ другой народъ, и именно ṫan'ы, какъ будто оставило нѣкоторый слѣдъ и въ весьма скудной историческими отложеніями живой старинѣ абхазовъ. Со словъ Н. С. Джанашіи я записалъ слѣдующее абхазское преданіе: „Первоначально Абхазію населялъ народъ изъ малорослыхъ людей. Ихъ звали à-ṫan, мн. ṫanàà. Единственное животное у нихъ былъ козелъ. Разъ днемъ въ прекрасную погоду люди сидѣли обществомъ, и одинъ изъ нихъ, старецъ, замѣтилъ, какъ у козла тряслась борода. Старецъ сказалъ: «видите-ли, какъ у него трясется борода. Это знаменуетъ, что поднимется страшный вѣтеръ и погибнетъ міръ». И, дѣйствительно, подня-

1) Kiessling, ц. с., стр. 277¹.
2) См. ниже, стр. 331, прим. 3.

лась буря и смела все населеніе малорослыхъ людей. Слѣды того, что они жили въ Абхазіи, — остатки построекъ: это — глыбы камней, называемыя абхазами à-ṫan ərgwàra или ṫanàä rgwàra, т. е. *цанская ограда* или *ограда цановъ*". Кстати, одна фонетическая мелочь не лишена значенія для важнаго по существу вопроса, который встанетъ передъ нами позже: абхазы мнѣ произносили ṫan съ слабымъ n, — настолько слабымъ, что иногда, особенно въ паузѣ, онъ былъ мнѣ неслышенъ.

И по болѣе близкомъ ознакомленіи съ абхазскимъ остается въ силѣ положеніе о сложности яфетическаго его слоя, вскрытой первой же попыткою сравнительно-историческаго анализа даннаго языка. Особенно ярко было въ этомъ смыслѣ свидѣтельство образовательныхъ элементовъ мн. числа. Къ нимъ теперь прибавились другія морфологическія и синтаксическія явленія, которыя дали возможность поставить вопросъ объ ихъ историческомъ генезисѣ. Изъ многочисленныхъ абхазскихъ показателей множественности, характеризующихъ особые типы яфетическихъ языковъ, три заслуживаютъ преимущественнаго вниманія, такъ какъ они особенно сильно конкурируютъ другъ съ другомъ въ абхазской рѣчи и являются наиболѣе существенными ея отличіемъ въ соотвѣтственной категоріи: это 1) r (ra), 2) q, съ которымъ связанъ и ϑ, и 3) wa. Всѣ три, какъ уже выяснилось (а теперь наблюдены къ тому еще и новые случаи), встрѣчаются въ той или иной категоріи словъ и формъ самостоятельно, но обыкновенно они являются въ соединеніи въ видѣ ra-q-wa или ra-ϑa (< *ra-ϑ-wa), свидѣтельствуя во-очію, фактомъ послѣдовательнаго наращенія одного показателя множественности на другой, о постепенномъ наслоеніи элементовъ одного языкового типа на другой и въ связи съ этимъ объ этническомъ осложненіи абхазской народности соотвѣтственными племенными слоями. Что стоящій на послѣднемъ мѣстѣ wa характеризуетъ вліяніе языка такъ называемой тубал-кайнской группы, т. е. -ш- группы, — это уже выяснено, и съ нимъ отпадаетъ вопросъ о наиболѣе позднемъ инородно-яфетическомъ вкладѣ въ абхазскій языкъ, особенно обильный и чанизмами или лазизмами, и всевозрастающими по-сейчасъ мингрелизмами.

Чрезвычайно важнымъ представляется хронологическое опредѣленіе момента слиянія двухъ другихъ элементовъ, составляющихъ остальную часть — ra-q или ra-ϑ. Первымъ изъ нихъ, т. е. ra, абхазскій языкъ становится въ ближайшую связь, съ одной стороны, съ сванскимъ языкомъ (св. мн. -ar), съ которымъ у него и другія точки особаго сродства, съ другой стороны — съ яфетическимъ языкомъ Арменіи, отъ котораго свое образованіе мн. числа на e-ar унаслѣдовалъ аріизованный армянскій языкъ; вторымъ

суффиксомъ, т. е. q, абхазскій языкъ становится въ ближайшую связь съ другимъ яфетическимъ языкомъ Арменіи, отъ котораго унаслѣдовалъ свое образованіе мн. числа на q (равно на ϑ, также наличный въ абхазскомъ), второй аріизованный языкъ Арменіи, именно древне-литературный, мною называемый һайскимъ, хотя тотъ же суффиксъ q въ видѣ первичнаго его недезаспированнаго эквивалента q̇ появляется и въ сванскомъ, но спорадически — лишь въ нѣкоторыхъ категоріяхъ глагольныхъ формъ. И вотъ вопросъ, кардинальный для лингвиста, желающаго уяснить исторію абхазскаго языка, — «который изъ нихъ основной, первоначальный въ абхазскомъ?» и не менѣе важный для этнолога: «гдѣ сошлись эти два элемента?», т. е. произошло ли это сліяніе впервые въ предѣлахъ Абхазіи, куда различныя яфетическія племена притекали все новыми и новыми переселенческими волнами, осложняя одинъ, первичный, яфетическій слой другимъ, вторичнымъ и третичнымъ, или весь этотъ процессъ этническаго и съ нимъ лингвистическаго скрещенія произошелъ еще на первородинѣ или на болѣе древнемъ этапѣ миграціоннаго движенія? Въ послѣднемъ случаѣ, насколько дѣло касается яфетическаго состава абхазской рѣчи, онъ, яфетическій составъ, долженъ былъ проникнуть въ предѣлы Абхазіи уже въ осложненномъ видѣ. Этотъ вопросъ чрезвычайно чреватъ послѣдствіями для основной проблеммы о внѣдреніи съ юга и разселеніи яфетическихъ народовъ по Кавказу. Потому надо собраться со всѣми силами, подготовить матеріалы для освѣщенія поставленнаго вопроса со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ разрѣшать его; между тѣмъ и съ точки зрѣнія однихъ хотя бы лингвистическихъ матеріаловъ Абхазіи дѣло находится въ начальной стадіи разработки, и потому на этомъ ставлю точку. Не скрываю, однако, что сдѣланная уже работа насъ настраиваетъ въ пользу сложности этническаго состава и привнесенной мѣшаности типа языка вселявшагося впервые въ предѣлы Абхазіи яфетическаго народа.

Остановлюсь лишь на двухъ явленіяхъ, правильное освѣщеніе и оцѣнка которыхъ также могли бы представить извѣстный вкладъ въ матеріалы, необходимые для отвѣта на поставленный вопросъ о мн. числѣ въ абхазскомъ, а въ связи съ нимъ — и для рѣшенія основной проблемы о миграціи яфетическихъ народовъ съ юга на сѣверъ, въ первую очередь, понятно, на Кавказъ. Одно явленіе — названія народовъ съ суффиксомъ мн. числа q̇ > q, какъ кол-хи, таохи и др. Теперь совершенно ясно, что хотя этотъ суффиксъ и яфетическій, но онъ не принадлежитъ ни языкамъ -s- группы, напр. грузинскому, ни языкамъ -ш- группы, т. е. иверскому (мингрельскому) и ч̒анскому (лазскому). Суффиксъ мн. числа q̇, слабо представленный и въ

наличномъ сванскомъ, есть неотъемлемая существенная особенность того разветвленія языковъ, которому принадлежитъ, съ одной стороны, одинъ изъ основныхъ слоевъ абхазскаго языка, съ другой—яфетическій языкъ Арменіи, отложившійся переживаніями въ аріизованномъ языкѣ Арменіи, древнелитературномъ или һайскомъ. О кавказскихъ народахъ съ q̇ въ концѣ названій говорятъ наиболѣе древнія свѣдѣнія классическихъ источниковъ о Кавказѣ. Народы эти въ этой, хотя бы, мѣрѣ являются первыми, выступающими на видную для западныхъ народовъ историческую арену. Нѣтъ, конечно, основанія провозглашать абхазами или «абхазоидами» всѣ яфетическія племена, названія которыхъ у классиковъ сохранились по типу съ суффиксомъ q̇; но самый фактъ распространенія этого суффикса свидѣтельствуетъ о первенствующемъ значеніи въ опредѣленномъ районѣ и въ соотвѣтственную эпоху племенъ, лингвистически характеризуемыхъ этимъ показателемъ множественности.

Въ связи съ этимъ едва-ли лишена значенія открывающаяся теперь возможность истолковать матеріалами изъ абхазскаго языка нѣкоторые термины, связываемые греками съ сказаніемъ объ аргонавтахъ, и прежде всего Κύτα, названіе резиденціи царя въ странѣ колховъ. Давно дѣлалось отожественіе его съ Кутаисомъ на Фазисѣ-Ріонѣ; наличное грузинское названіе Quϑ-a-is-i представляетъ огрузинившійся видъ не только окончаніемъ Р. падежа -is, но и суффиксомъ -aϑ, такъ какъ древне-грузинскій видъ названія—Quϑ-aϑ-is-i[1]), отсюда еще у Прокопія—Κουτατίσιον; что касается основы Quϑ или Quϑa, по-грузински она ничего не означаетъ, а по-абхазски это именно и есть форма названій мѣстности, ибо таковыя въ абхазскомъ образуются между прочимъ съ помощью суффикса -ϑa. Болѣе того, весьма возможно, что quϑa||Κύτα по существу и не названіе, а нарицательное имя, означавшее на мѣстномъ языкѣ *село, городъ* или что либо подобное. И, дѣйствительно, на абхазскомъ qəϑa (a-q̇əϑa) значитъ *селеніе*.

Тотъ же абхазскій суффиксъ -ϑa, въ видѣ ли первичной его ступени -ta, какъ его имѣемъ въ древней греческой транскрипціи (Κύ-τα), или переходной — -da и новѣйшей — -ϑa, сохранился въ цѣломъ рядѣ географическихъ названій Абхазіи, какъ, напр., Ṫebel-da, Dran-da, D̮gar-da, Gwa-da, Gumis-ϑa и др.

Сюда же вынуждены мы относить отселѣ и названіе несравненно болѣе важнаго по своему историческому значенію пункта Абхазіи — Пицунды, въ различныхъ его видахъ: *Pitun-ta, воспринятаго греками въ формѣ Πιτιοῦν-τα, какъ В. падежъ, и возведеннаго къ И. Πιτιοῦς, Piϑun-da, и ბიჭვინთა

1) Собственно, какъ видно изъ послѣдующаго, вм. Quϑa-aϑ-is-i.

Biṭvin-ϑa. Любопытно то, что хотя суффиксъ представленъ въ нихъ абхазскій, на всѣхъ трехъ ступеняхъ развитія (-ta > -da > - ϑa), но основа не абхазская. Не касаясь вопроса о созвучіи основы съ греческимъ πίτυς *сосна* и вообще объ ея происхожденіи, въ ней имѣемъ слово, распространенное среди яфетидовъ съ этимъ именно значеніемъ, по-грузински звучащее въ звукосоставѣ -ш- группы — ფიჭუი φiṭu-i (> *biṭu-i), а въ звукосоставѣ -s- группы *piṭu-i (> piϑu-i), откуда съ постановкою ихъ во мн. числѣ картскаго типа *biṭun, *piϑun и съ абхазскимъ суффиксомъ мѣста — *Biṭun-ϑa, съ такъ называемымъ сванскимъ раздвоеніемъ u — Biṭvin-ϑa и Piϑun-da [1]). Въ пользу реальности этого толкованія можно привести не только свидѣтельство Страбона, помѣщающаго здѣсь «сосновый лѣсъ» (Страбонъ могъ руководствоваться созвучіемъ географическаго названія съ греческимъ словомъ Πίτυς), или тотъ фактъ, что слово въ звукосоставѣ Piṭu безъ абхазскаго суффикса -ϑa и съ именнымъ окончаніемъ -e (-ш-группы), именно *Piṭwe (> Piṭe), и появляется въ качествѣ названія приморскаго города Лазистана — Виӡ̂э (Viṭe), у Арріана занесеннаго въ формѣ Πυξίτης.

Значительно сѣвернѣе пункта, гдѣ находилась Пицунда, до сего дня сохранился приморскій поселокъ, нынѣ хорошо извѣстная лѣчебная и дачная мѣстность Сочи, собственно Soṭ-i, основа каковаго названія Soṭ также значитъ *сосна*, но уже на языкахъ другого развѣтвленія яфетическихъ языковъ, къ которому примыкаетъ и абхазскій mza. Эквивалентомъ სოჭი soṭ-i въ мингрельскомъ имѣемъ ნოჭი noṭ-i *сосна*, которому въ грузинскомъ соотвѣтствуетъ вполнѣ закономѣрно ნაძვი nadv-i (< *nawd-i, послѣднее съ озвонченіемъ ожидаемаго у s-группы t, въ соотвѣтствіе ṭ въ -ш- группѣ, восходитъ къ *nawt-i), что̀ однако значитъ и *кедръ*.

Въ высшей степени поучительно это сплетеніе яфетическихъ лингвистическихъ элементовъ различныхъ развѣтвленій въ географической номенклатурѣ Абхазіи, особенно двухъ a) внесенныхъ вліяніемъ -ш- группы и b) основныхъ для абхазскаго: иногда на лицо облеченіе абхазской темы слова въ привнесенный яфетическій морфологическій костюмъ, иногда — нарастаніе абхазскаго морфологическаго элемента па привнесенную яфетическую, особенно изъ -ш-группы, основу.

Отмѣченный фактъ, все болѣе и болѣе наблюдаемый въ различныхъ категоріяхъ терминовъ не только Абхазіи, но и смежныхъ съ нею странъ, открываетъ новый горизонтъ для одного чрезвычайно важнаго этнологиче-

---

1) Biṭvin, resp. Biṭwin могъ бы представлять собою и морфологически особую категорію, именно правильный Р. падежъ по -n-группѣ отъ основы Biṭu, если бы суффиксъ ϑa требовалъ такого падежа.

скаго вопроса, именно вопроса объ эніохахъ или henioq'ахъ. Это и есть то второе, и въ этотъ разъ послѣднее явленіе, на которомъ мнѣ хотѣлось бы остановиться. Вопросъ о heniоq'ахъ въ такой степени лежитъ въ центрѣ всѣхъ вопросовъ о миграціяхъ яфетическихъ народовъ, что недавно Kiessling въ замѣткѣ[1]) объ Ἡνίοχοι, помѣщенной въ новой переработкѣ Paulys Real Encyclopädie, счелъ себя въ правѣ внести — нѣсколько неожиданно — обсужденіе всей проблеммы о разселеніи народовъ въ Закавказьѣ. Интересенъ заключительный выводъ.

«Если приморскіе предѣлы малоазійскихъ эніоховъ опредѣляются довольно точно (recht genau), то нельзя сказать, чтобы совершенно не было у насъ свѣдѣній (Notizen) географическаго и историческаго характера для обрисовки внутренняго распространенія этихъ иммигрантовъ по крайней мѣрѣ въ грубыхъ контурахъ, хотя, правда, свѣдѣнія эти до сихъ поръ не обращали на себя вниманія и безъ пользы пропадали. На основаніи ихъ все-таки можно признать фактъ, въ высшей степени важный антропологически и этнографически, что эніохи проникали далеко во внутрь и въ сторону армянскаго плоскогорія. Ихъ миграціи вовсе не были ограничены однѣми только странами Понтскаго побережья (das pontische Gestadeland). Поэтому эніохи являются съ гораздо болѣе внушительнымъ вліяніемъ: они должны были привести въ движеніе несмѣтныя народныя массы и распространиться по сѣверовостоку Малой Азіи[2])».

Чрезвычайно поучительная обработкою свѣдѣній греческихъ и латинскихъ писателей, статья ставитъ совершенно вверхъ дномъ реально-историческія условія передвиженія мѣстныхъ народовъ. Авторъ не имѣетъ яснаго представленія о мѣстныхъ языкахъ и съ завиднымъ спокойствіемъ классика, отнюдь не интересующагося варварскими матеріалами, предполагаетъ движеніе эніоховъ съ сѣвера на югъ въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что наука въ правѣ считать болѣе или менѣе установленнымъ на основаніи реальныхъ лингвистическихъ данныхъ, да нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній какъ греческихъ, такъ и болѣе древнихъ, библейскихъ.

Собственно Ἐνίοχοι, какъ показалъ уже I. А. Орбели въ статьѣ «Городъ близнецовъ ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΣ и племя возницъ ΗΝΙΟΧΟΙ»[3]), представляетъ искаженную на основѣ греческой такъ называемой народной этимологіи форму первоначальнаго *heniq, двойника sanig (Σανίγ-αι, Sanic-us). Каса-

1) На нее съ обычною предупредительностью обратилъ мое вниманіе Я. И. Смирновъ.

2) Ц. с., стр. 272².

3) Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія, 1911 г., апрѣль, отд. класс. филол., стр. 209—215.

тельно возстановленнаго I. A. Орбели *heniq̇ слѣдуетъ однако сдѣлать одну, другую оговорку. Во-первыхъ, основа hen представлена съ позднѣйшимъ, какъ увидимъ, ослабленіемъ: полная форма этого вида съ огласовкою e — *heyn, а праформа *hayn. Во-вторыхъ, въ *heniq̇, точнѣе *heyniq̇ (< *hayniq̇) гласный передъ этническимъ суффиксомъ q̇, т. е. какъ уже выяснено, сращенное именное окончаніе (i||e[1]) представляетъ въ свою очередь перебой первоначальнаго u||o, такъ что первоначальный видъ термина получаемъ не *hen+i-q̇, а *hen+o-q̇, точнѣе *heyn+o-q̇ (<*hayn+o-q̇). Я лишь мимоходомъ указываю, что при такой разновидности пра-формы получается соблазнительная опора въ созвучіи для гипотезы яфетическаго происхожденія имени *Энохъ*, которою, какъ мнѣ извѣстно, сейчасъ занятъ кн. И. А. Джаваховъ въ работѣ объ яфетическихъ эпонимныхъ именахъ въ библейскомъ родословіи. При существованіи формы *henoq̇ грекамъ оставалось, чтобы признать въ немъ по созвучію свое Ἐνίοχοι, исказить его вставкою не o, а i. Такъ или иначе, намъ сейчасъ важно отмѣтить то, что, принадлежа по суффиксу q̇ къ тому развѣтвленію яфетическихъ языковъ, представителемъ котораго является между прочимъ абхазскій, по основѣ hen или точнѣе heyn (< *hayn), эквиваленту слова san, восходящаго къ пра-формѣ sayn, терминъ относится къ другому, именно -n-развѣтвленію по принятой лингвистической терминологіи[2]).

Разновидности самой основы термина многочисленны, смотря по району распространенія или эпохѣ, которой онѣ принадлежатъ. Есть разновидности по чередованію начальнаго согласнаго, ассибилованнаго ṭ или слабыхъ его представителей—ṭan, ṫan, ḍan, ďan, *šan, san (> zan). Есть разновидности большинства перечисленныхъ видовъ по перегласовкѣ, вызывавшейся утраченнымъ вторымъ кореннымъ полугласнымъ «y» или его двойникомъ w, такъ какъ пра-формы перечисленныхъ разновидностей—*ṭayn, ḍayn, *sayn, *šayn или *sawn, *šawn и т. п., отсюда при извѣстныхъ элементарно простыхъ и давно выясненныхъ перерожденіяхъ гласнаго «a» въ группѣ съ полугласнымъ «y» (русск. «й») или w могли получиться и дѣйствительно существовали — ṭeyn > ṭen, son, šon и т. п.

Теперь уже выяснено, что соны, что̀ то же сваны[3]), носятъ нынѣшнее свое названіе какъ навязанное имъ въ результатѣ политическаго господства

1) I. Орбели, ц. с., стр. 213, см. также 214.

2) Принято было такое пониманіе термина san потому, что такъ и именуется одинъ изъ народовъ второго развѣтвленія, именно лазы, у сосѣдей: грузины до сихъ поръ называютъ лазовъ ч̒анами, а ṭan, resp. ṫan лишь разновидность термина san. Мингрельцы о ṫan'ахъ сохраняютъ представленіе, какъ о народѣ, расположенномъ на югѣ отъ нихъ, въ терминѣ ჭანი ბორია ṫani boria *южный вѣтеръ*, букв. *ц̒анскій* (т. е. *ч̒анскій*) *вѣтеръ* (I. Кипшидзе, *Мингр.-русскій словарь*, подъ ბორია).

3) По карт̒скому раздвоенію «o» въ wa.

чановъ-сановъ, точнѣе *саўновъ (*sawn'овъ) и въ связи съ этимъ—смѣшенія съ ними, отразившагося и на составѣ сванскаго языка, полнаго такъ называемыхъ тубал-каинизмовъ или особенностей языковъ этой -ш-группы.

Въ свою очередь, и видъ san съ перебоемъ s въ спирантъ h представленъ не только съ огласовкою e, какъ напр., въ *henoq̇ или *heniq̇, обращенномъ греками въ Ἡνίοχοι, гдѣ hen восходитъ къ пра-формѣ *hayn, но и въ видѣ hon, восходящемъ къ пра-формѣ *hawn, что помимо армянскаго этническаго термина հոնք hon-q I. А. Орбели правильно указано въ рядѣ географическихъ терминовъ, свидѣтельствующихъ о разселеніи племени съ этимъ именемъ въ предѣлахъ нынѣшней Имеріи (Имеретіи), именно ხონი q̇on-i (<*hon-i), 1) селеніе въ Шорапанскомъ уѣздѣ, 2) мѣстечко и селеніе въ Кутаисскомъ уѣздѣ, и ონი on-i (<*hon-i) въ Рачинскомъ уѣздѣ, во всѣхъ случаяхъ Кутаисской губерніи. Нельзя однако рѣшительно примкнуть къ мнѣнію I. А. Орбели [1]), что съ henioq̇'ами не имѣетъ ничего общаго др.-гр. *ჰონე *hone > ჰუნე hune *конь*, откуда въ сложеніи съ gir, resp. ger *сѣдло* не только ონაგირი onagir-i (< *hona-gir-i) или უნაგირი una-gir-i (< *huna-gir-i), resp. უნაგერი una-ger-i какъ въ грузинскомъ, но и ჰუნგირ hun-gir, какъ въ сванскомъ (діал.: шх, Ч უნგირ ungir, тр ჰინგირ hingir, м ჰჷნგირ həngir, тх უნაგირ unagir). Трудно отказаться отъ мысли о связи древне-грузинскаго названія лошади *ჰონე *hone > ჰუნე hune съ этническимъ терминомъ hon, двойникомъ *henoq̇, искаженнаго въ Ἡνίοχοι, которые, къ слову сказать, славились какъ выдающіеся наѣздники и отчаянные разбойники, пираты. Въ грузинскомъ имѣется и другой этническій терминъ — taṭi-k *арабъ*, въ формѣ ტაიტი taiṭ-i (< *taṭi-i, ср. տաճիկ taṭik), также обратившійся въ нарицательное имя, означающее *коня*, въ частности *мерина*.

Болѣе того, въ грузинскомъ и терминъ *ристать*, *скакать на лошади* ჭენება ṭen-eba происходитъ отъ основы ჭენ- ṭen-, означавшаго, по всей видимости, *коня* [2]), притомъ опять таки въ связи съ этническимъ терминомъ ṭen [3]), указанной уже разновидности названія тубал-каинскаго народа, славившагося ли *конями* или, быть можетъ, имѣвшаго къ лошадямъ какое-либо культовое отношеніе и раздѣлявшаго съ ними названіе.

Въ виду намѣчающейся связи др.-гр. *ჰონე *hon-e > ჰუნე hun-e *конь* съ этническимъ терминомъ hon, при суффиксѣ мн. ч. — honq, возникаетъ вопросъ, не употреблялась ли въ томъ или аналогичномъ значеніи другая

1) Ц. с., стр. 214.

2) Ср. фр. chevaucher, ит. cavalcare.

3) Ср. также (Н. Марръ, *Изъ поѣздокъ въ Сванію*, Хр. Вост., 1913) названіе притока р. Хоби — წენი (вм. ჭენი) წყარი ṫen-i (вм. ṭen-i) ṫkari.

разновидность того же этническаго термина *hen, точнѣе, heyn, съ суффиксомъ мн. числа — *henq, точнѣе heynq, съ наросшимъ на основѣ именнымъ окончаніемъ (hen°/ᵢq̇) лежащая въ основѣ грецизованнаго Ἐνίοχοι? Казалось бы, въ грузинскомъ ცხენი ċq̇en-i *лошадь* имѣемъ сложное слово изъ ც ċ, означающаго собственно *лошадь*, и q̇en (< *hen) [1]), означающаго или породу *hen'скую*, т. е. *henioq̇'скую*, или, быть можетъ, также *лошадь*. Дѣло въ томъ, что по законамъ сравнительной яфетической фонетики картскому, т. е. коренному грузинскому ċ, въ -ш- группѣ языковъ соотвѣтствуетъ ç, но, къ сожалѣнію, ни одинъ языкъ этой группы, ни чанскій (лазскій), ни мингрельскій не сохранилъ своего собственнаго слова для *лошади*, довольствуясь заимствованнымъ изъ грузинскаго сейчасъ обсуждаемымъ ცხენი ċq̇en-i. Ожидавшійся же тубал-каинскій или -ш- группы эквивалентъ ç въ названіи *лошади* сохранили абхазы [2]): по-абхазски лошадь — а-çə. Изъ этихъ двухъ яфетическихъ разновидностей названія *лошади*, именно *ċ-i, выдѣляемаго изъ грузинскаго сложнаго слова, и наличнаго въ абхазскомъ çə (съ префиксомъ а-çə), дѣйствительность отдѣльнаго существованія перваго, т. е. *ċ-i, можно подкрѣпить фонетически къ нему примыкающимъ армянскимъ [3]), наличнымъ и въ древне-литературномъ, т. е. hайскомъ, ձի ǰi *ло-*

1) Ср. Q̇on-i и On-i отъ *Hon-i, см. выше — стр. 327.

2) Впрочемъ слѣдуетъ указать, что цѣликомъ сохранилось слово ჩხენი ç-q̇eni съ такимъ эквивалентомъ ჩ ç вм. ც ċ въ мингрельскомъ названіи села Чхениши на р. Цхенис-цкали, представляющемъ форму мингрельскаго же Р. падежа (çq̇en-i-ši).

3) Что ձի ǰi не hайское, а армянское слово, устанавливается безъ особаго труда исторіею древне-литературнаго или hайскаго языка, который въ качествѣ собственнаго hайскаго слова въ значеніи *лошади* зналъ երիվար erivar. Въ св. Писаніи երիվար erivar употребляется, судя по *Конкордансу* (Համաբարբառ, Іерусалимъ 1895), 103 раза, а ձի ǰi — 62 раза, при этомъ въ Пятикнижіи и далѣе до *Царств.* ձի ǰi употреблено всего *одинъ* разъ, а երիվար erivar — 18 разъ. Эти цифровыя соотношенія не случайны, а свидѣтельствуютъ о постепенномъ вытѣсненіи армянскимъ словомъ hайскаго въ частности и въ текстѣ св. Писанія, но не съ одинаковой легкостью изъ всѣхъ его книгъ. Въ *Парал.* армянское ձի ǰi, берущее верхъ, встрѣчается 8 разъ, а երիվար erivar — 4 раза, но это въ вульгатномъ текстѣ, а въ болѣе древнюю его версію (изд. Г. Халатьянца) изъ тѣхъ восьми случаевъ (I, 18, 4, II, 1, 16, 17; 8, 6; 9, 24, 25. 28; 25, 28) только разъ (II, 1, 17) проникло единовластно ձի ǰi, разъ (II, 25, 28) вм. ձի ǰi вульгаты — ձիաստան, также неологизмъ вм. *ասպաստան *aspastan (ср. I *Макк.* 3, 39: ասպաստանին), разъ (I, 18, 4) вм. ձի ǰi — հեծեալ heteal *всадникъ*, въ остальныхъ случаяхъ — երիվար erivar, причемъ въ II, 9, 25 рядомъ съ երիվար erivar только по интерполяціи и порчѣ текста въ обѣихъ версіяхъ стоитъ и ձի ǰi. Что касается индоевропейскаго происхожденія послѣдняго слова, то отожествленіе его съ санскр. háya (Hübschmann, *AG*, 471, 264) давно слѣдовало бы устранить изъ всякаго строго научнаго сравнительнаго изслѣдованія hайскаго языка, какъ отпадаетъ теперь изъ числа показанныхъ индоевропейскими (всего 13, притомъ значительная часть съ основательнымъ вопрос. знакомъ) большинство словъ, начинающихся съ ǰ, какъ то ձուկն ǰukn *рыба*, ձիր ǰir *даръ*, ձօնեմ ǰawnem *дарю* и др., за выясненіемъ ихъ яфетическаго происхожденія.

шадь[1]). Если здѣсь не имѣемъ случайнаго совпаденія ряда благопріятныхъ созвучій, то грузинское ცხენი ϑ-qeni оказывается сложнымъ словомъ[2]), дѣйствительно, означающимъ, какъ было сказано, *hen'скую*, т. е. *heniод'скую лошадь* или быть можетъ, просто *лошадь*, при чемъ ცხენი ϑ-qen-i пришлось бы признать возникшимъ по типу сложныхъ изъ двухъ синонимовъ (*ϑ-i, qen-i) словомъ[3]). Такимъ образомъ и въ мѣстныхъ матеріалахъ была бы засвидѣтельствована закономѣрность разновидности нашего этническаго термина съ огласовкою «е» — qen < *hen, лежащаго въ основѣ грецизованнаго Ἡνίοχοι. Въ подтвержденіе существованія все той же разновидности hen, казалось бы, чего легче, какъ указать на hайское слово հէն heyn (<*heyn-i)[4]), мн. հէնք heynq (< *heyniq), означающее *наѣздника, разбойника, пирата, наѣздъ,* равно *наѣздниковъ, разбойничьи набѣги, пиратовъ*, словомъ, судя по свидѣтельству древнихъ грековъ, истыхъ эніоховъ (Ἐνίοχοι), но такому сопоставленію ложится поперекъ дороги то, что h. հէն сближаютъ съ иранскимъ авест. haēnā- *войско, полчище враждебныхъ, діавольскихъ* или *неарійскихъ силъ* и съ санск. sēnā- *войско*[5]).

Если, однако, примѣръ случайнаго совпаденія и въ этотъ разъ имѣемъ на сторонѣ исканія индоевропейской этимологіи для hайскаго հէն heyn, то фактъ обращенія этническаго термина въ *разбойный* могъ бы быть подкрѣпленъ и другими случаями, такъ, напр., въ грузинскомъ этническій терминъ ქურდ-ი qurd-i *курдъ* является обычнымъ нарицательнымъ именемъ, выражающимъ понятіе *воръ*. Въ древне-грузинскомъ этническій терминъ ჯიქი ḍiq-i *зикхъ*, напоминаетъ мнѣ І. А. Кипшидзе, имѣетъ и значеніе *свирѣпый, жестокій*[6]),

———————

1) Если бы не эта поддержка, можно бы было предположить, что начальная группа ϑq представляетъ обычное удвоеніе q въ возмѣщеніе ослабленія двугласнаго еу: *qeyn-i > ϑqen-i. Кстати, основы для выраженія ѣзды верхомъ также одного происхожденія въ древне-грузинскомъ и hайскомъ, именно h. heṫ || k. qed (< *qeḋ) > ново-гр. qed, отсюда h. հեծանել heṫ-an-el *ѣздить верхомъ*, др.-гр. ქედნაჲ qed-n-a-y id., h. հեծեալ heṫ-eal *всадникъ*, др.-гр. მქედარი m-qed-ar-i id.

2) Придется въ то же время признать, что ḳарṫскаго, коренного грузинскаго слова полностью не имѣемъ, такъ какъ истертость корней до односогласности свойственна абхазскому и яфетическимъ переживаніямъ въ одномъ изъ языковъ Арменіи, а ḳарṫскому, какъ и тубал-каинскимъ, только въ сложеніяхъ, но дополнить недостающіе согласные трудно. Не помогаетъ и св. ცჷ ϑāj *лошадь*.

3) Я лишь ставлю, но не рѣшаю вопроса о томъ, этническій ли терминъ обратился въ названіе лошади или слово, означавшее *лошадь*, было использовано въ качествѣ этническаго термина.

4) Р. հինի hini, какъ извѣстно, представляетъ замѣну «е» вульгарнымъ i.

5) Hübschmann, *AG*, стр. 180,345, Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, s. v. haēnā стр. 1729.

6) Ср. Шота Руставскій, ვეფხის ტყაოსანი, 26, 3, ср. Н. Марръ, *Вступ. строфы*, стр. 2 (четв. 4, 3), пер., стр. 7 (четв. 4, 3), поясн., стр. 23—24.

по Чубинову — *упрямый*[1]). Въ hайскомъ языкѣ въ качествѣ *разбойнаго отряда* употребляется խուժան q̇ujan, а въ значеніи *варвара*, *дикаря* и т. п. — խուժ q̇uj, представляющія собой этническій терминъ «хузъ», «хузистанецъ». Въ обоихъ языкахъ Арменіи въ значеніи *разбойникъ* употребляется еще աւազակ avaz-ak, въ армянскомъ только это слово и употребляется въ указанномъ значеніи, и возможно, что въ древне-литературный языкъ Арменіи, т. е. въ hайскій онъ внесенъ изъ армянскаго[2]), а въ качествѣ заимствованія слово въ формѣ ავაზაკი avaz-ak-i прошло и въ грузинскій, гдѣ оно въ живой рѣчи соединяется съ ქურდი qurd-i въ сложное ქურდავაზაკი qurd-avaz-ak-i для выраженія полноты грабительскихъ качествъ — въ значеніи *и воръ и разбойникъ*[3]). Этотъ терминъ, по всей вѣроятности, происходитъ отъ этническаго термина a-vaz, названія avaz-g'овъ или abaz-g'овъ, т. е. абхазовъ. Впрочемъ понятіе *наѣздъ*, *разбойничій набѣгъ*, съ этническимъ терминомъ hen- могло быть связываемо и въ зависимости отъ употребленія, какъ его двойникъ hon въ грузинскомъ (*ჰონე *hon-e > ჰუნე hun-e), въ значеніи *коня*, *лошади*: отъ пр. asp *лошадь* происходитъ h. ասպատակ asp-at-ak, означающее *наѣздъ*, *разбойничій набѣгъ*. И раньше было ясно, что греческое названіе рѣки Ἵππος было переводомъ мѣстнаго термина, по-грузински звучащаго ცხენისწყალი ʒ̇qenis-ṫkal-i; теперь же намѣчается, быть можетъ, болѣе правильное объясненіе, что рѣка такъ называлась не въ связи съ *лошадью*, а, какъ въ большинствѣ названій кавказскихъ рѣкъ и ущелій, по населявшему ихъ племени, по названію племени hen'овъ или hon'овъ, получавшему или имѣвшему въ устахъ окрестныхъ племенъ значеніе *коня* и давшему соотвѣтственное основаніе для обращенія «рѣки hen'овъ» (> henioq'овъ) или «hon'овъ» въ «рѣку *лошади*»: Ἵππος, ცხენისწყალი ʒ̇qenis-ṫkal-i.

Страннымъ можетъ показаться, что отъ обсуждаемаго вида нашего термина съ начальнымъ спирантомъ h вм. сибилянта s имѣются разновид-

---

1) Тотъ же этническій терминъ имѣемъ, повидимому, и въ грузинскомъ словѣ ჯიხვი ǰiq̇v-i, въ мингрельскомъ звучащемъ ძიხვი ʒiq̇v-i, что въ обоихъ означаетъ *туръ* (capra caucasica), буквально, слѣдовательно, — «зикхское» (животное). Но вопросъ объ этническихъ терминахъ въ названіяхъ животныхъ требуетъ самостоятельной разработки.

2) Въ hайскомъ текстѣ книги *Парал.* աւազակ awaz-ak встрѣчается всего разъ, въ II, 36, 5, т. е. въ той главѣ, которой вовсе нѣтъ въ древней версіи (изд. Г. Халатьянца), въ двухъ же другихъ мѣстахъ (I, 12, 21, II, 22, 1) и вульгатный текстъ даетъ հէն heyn, древняя же версія въ первомъ случаѣ удерживаетъ безъ перевода (Գեդուր Gedur), какъ LXX (Γεδδούρ), евр. слово גְּדוּד, переводомъ чего является հէն heyn *разбойный отрядъ* въ другой версіи, въ данномъ стихѣ сохранившей болѣе древнее чтеніе армянской Библіи, а во второмъ случаѣ замѣняетъ синонимомъ խուժադուժ q̇ujaduj, терминомъ въ основѣ (խուժ q̇uj) этническаго происхожденія. Любопытно, что во всѣхъ трехъ случаяхъ др.-грузинскій переводъ Библіи читаетъ ავაზაკი avaz-a-k-i, по крайней мѣрѣ въ Московскомъ изданіи.

3) См. Чуб., s. v.

ности съ огласовкою «е»—hen (hen + $^{o}/_{i}$-q̇) и «о»—hon (honq<*hon-q̇), но какъ будто нѣтъ разновидности съ первоначальной огласовкою «а» — han (hani), мн. *hanq̇ > *haniq̇, а равно пра-формы *hayn, но это—только видимость, создаваемая существованіемъ особаго закона, по которому звукъ n въ паузѣ отпадалъ; особенно часто происходитъ это въ яфетическихъ языкахъ со слабымъ n, наличнымъ, какъ мы видѣли, въ абхазскомъ произношеніи термина ṫan (a-ṫan)[1]).

На этомъ то основаніи пра-форма этническаго термина ṭayn должна была перевродиться въ ṭay, что съ потерею полугласнаго «у» и съ наращеніемъ абхазскаго префикса а- имѣемъ, по всей видимости, а) въ формѣ абхазскаго мн. числа на -ra въ აჭარა A-ṭa-ra, названіи извѣстнаго края въ Батумской области, «Адчары» или «Аджары», нынѣ населенной грузинами-мусульманами[2]), b) въ формѣ абхазскаго ед. числа *a-ṭə, 1) поставленнаго въ грузинскомъ Р. падежѣ въ названіи рѣки აჭის წყალი A-ṭis ṫkal-i (на 5-иверстной картѣ—«Ачисъ-цкари», точнѣе Aṭis ṫkari, т. е. съ мингрелизаціею (r вм. l) грузинскаго слова ṫkal-i *вода, рѣка, рѣчка*), 2) поставленнаго въ грузинскомъ И. падежѣ აჭი A-ṫ-i въ названіи села съ древней грузинской церковью на упомянутой рѣчкѣ. На той же рѣчкѣ въ 3—4 верстахъ ниже отъ Aṭi село ჭანიეთი ṭan+i-eϑ-i также съ древнею грузинской церковью (Дм. Бакрадзе, *Археологическое путешествіе по Гуріи и Адчарѣ*, СПБ. 1878, стр. 101—107, Е. Такайшвили, არხეოლოგიური მოგზაურობანი და შენიშვნანი, Тифлисъ 1907, стр. 24—26). Какъ ჭანიეთი Ṭan+i-eϑ-i значитъ «страна ч̔ановъ», «Ч̔анія», такъ село აჭი A-ṭ-i — «ч̔анск'ое село», აჭის წყალი A-ṭ-is ṫkal-i— «ч̔ан'ская рѣчка»[3]), а აჭარა A-ṭa-ra — «ч̔аны». Все на основаніи того же закона

1) Какъ извѣстно, на этомъ основаніи на грузинскомъ языкѣ ქვა qva *камень* получился изъ *qvan (>нов.-гр. qval, отсюда ქოლა qol-a *побивать камнями*), რქა rqa *рогъ* — изъ *rqan (∾*qran), др.-гр. ჩას ჲa-s *кажется* вм. ჩანს ჲan-s, დგას dgan-s *стоитъ* вм. დგანს dgan-s, особенно же назидательна исторія слова შეჳნ шеуn > შეჳ шеу (вульг. შე ше) *внутри* (букв. *постройка, домъ*). Въ то же время не исключается возможность, что исходный n въ названіяхъ народовъ отпадалъ, такъ какъ его воспринимали какъ извѣстный суффиксъ мн. числа, который и могъ отпасть въ такомъ случаѣ при появленіи новаго равнозначущаго суффикса.

2) Очевидно, нельзя и теперь усматривать въ терминѣ Аджара, resp. აჭარა Aṭara двойникъ Eger'а и соотвѣтственно предлагать его этимологію (ср. Н. Марръ, *Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ*, стр. 169, прим. 1).

3) Вопросъ иной, не понималось ли абхазами въ эпоху ихъ господства названіе рѣки Aṭə въ смыслѣ *рѣки Лошади* въ связи съ абхазскимъ словомъ aϑə̀ *лошадь*, которое тогда могло имѣть глухой ṭ, resp. ṭ вм. средняго ϑ. Во всякомъ случаѣ обнаруженіе абхазскаго вліянія въ географической номенклатурѣ этого края имѣетъ реальное значеніе и для позднѣйшей его исторіи до эпохи грузинизаціи. Не менѣе реальное значеніе представляетъ то, что въ терминахъ явно абхазскаго происхожденія A-ṭ-i, Aṭa-ra на лицо лишь одинъ начальный согласный корня ṭyn>ṭn совершенно такъ же, какъ въ терминѣ явно сванскаго происхожденія la-z, resp. la-ḋ — лишь одинъ начальный согласный соотвѣтственной разновидности того же корня: zyn, resp. ḋyn > zn, resp. ḋn.

объ отпаденіи n въ паузѣ дессибилованная разновидность пра-формы этническаго термина ṭan или ṭan, т. е. *ṭayn видоизмѣнилась въ տայ ṭay, съ этническимъ суффиксомъ или, что тоже, съ показателемъ множественности ṭay-q; при сращеніи съ основою архаическаго именного окончанія «o» получается ṭayo, что полностью появляется въ сильныхъ падежахъ hайскаго склоненія, напр. Р. տայոց ṭayo-ϑ, а съ потерею только полугласнаго «у» въ грузинскомъ ტაო tao (<ṭayo), названіи мѣстности, населенной этими «тайоями», наконецъ, при той же потерѣ «у», но съ этническимъ суффиксомъ q̇ въ греческомъ Τάοχοι, упоминаемомъ еще Ксенофонтомъ и лишь позднѣе вытѣсняемомъ у грековъ терминомъ Τζάνοι, лингвистически собственно отнюдь не болѣе позднимъ. То же самое произошло и съ ассибилованнымъ терминомъ *ḓayn, разновидностью ṭayn и ея эквивалентовъ: по утратѣ исходнаго n и сращеніи именного окончанія «o» съ этническимъ суффиксомъ q̇, *ḓayn долженъ былъ перородиться въ *ḓaoq̇i (< *ḓayo-q̇), что и сохранилось (съ картскимъ, да и абхазскимъ раздвоеніемъ «o» въ wa, resp. va) въ видѣ ჯავახი ḓavaq̇-i, арм. ջաւախ ḓawaq̇ [1]).

Соотвѣтственно съ этимъ искомая разновидность *han, точнѣе *hayn, законнѣйшая пра-форма этническаго термина hen'a (Ἐνίοχοι), двойника hon'a (հոնք hon-q), могла измѣниться въ весьма раннюю пору въ hay (съ этническимъ суффиксомъ *hay-q̇), что при сращенномъ архаическомъ именномъ окончаніи (o) должно было дать hayo (съ этническимъ суффиксомъ *hayo-q̇); все это, почти все это имѣется на лицо. Древніе армяне, а по традиціи отъ нихъ и новые, усвоили себѣ это названіе одного изъ яфетическихъ народовъ: каждый изъ армянъ называетъ и теперь себя հայ hay, древніе армяне въ цѣлости называли себя, равно свою страну հայք hay-q (<*hay-q̇), а въ Р. падежѣ мн. ч. հայոց hayo-ϑ на лицо та же основа съ сращеннымъ именнымъ окончаніемъ.

Но эта разновидность нашего этническаго термина была прикрѣплена не только къ югу или къ предѣламъ Арменіи. На самомъ сѣверѣ прослѣживаемаго теперь яфетическаго міра за Ἡνίοχοι и Ζύγοι еще въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр. находился, по свѣдѣніямъ грековъ, народъ Ἀχαιοί: есть ли въ начальномъ а- этого этническаго термина результатъ приспособленія его къ обычнымъ для грековъ ахеямъ или, что по нѣкоторымъ даннымъ вѣроятнѣе, простой абхазскій префиксъ а-, въ обоихъ случаяхъ въ основѣ его лежитъ q̇ay (-χαι-), т. е. тотъ же hay съ подъемомъ спиранта h въ твердый q̇, какъ это наблюдается и въ Арменіи въ нѣкоторыхъ діалектахъ, напр. мокскомъ [2]), да и въ Грузіи, Сваніи и т. п.

---

1) Когда въ hайскомъ это слово во мн. числѣ получаетъ окончаніе ք q (ջաւախք ḓawaq̇q), то въ концѣ слова сходятся два вида (q̇, q) одного и того же суффикса мн. числа.

2) Нѣтъ пока никакого основанія думать, что видъ со слабымъ h есть первичное яв-

Нельзя, однако, утверждать и того, что первичная форма этой разновидности hayn не оставила никакихъ слѣдовъ въ мѣстной географической номенклатурѣ. Какъ на сѣверѣ въ предѣлахъ Кутаисской губерніи этническій терминъ hon сохранился въ названіяхъ селъ и городовъ въ формѣ q̧on-i (< *hon-i), on-i (< *honi), такъ на югѣ въ предѣлахъ Арменіи разновидность того же термина съ потерею полугласнаго «y»—han, двойникъ san'a, съ сращеннымъ именнымъ окончаніемъ i, сохранился въ названіяхъ историческихъ городовъ Հանի Han-i на западной окраинѣ Арменіи, и то же Հանի Hani > Անի Ani у насъ въ Карсской области, гдѣ теперь, какъ извѣстно,—однѣ развалины.

При стоящихъ на очереди лингвистическихъ вопросахъ объ яфетическихъ элементахъ въ языкахъ Арменіи выясненіе происхожденія этническаго термина, которымъ до сего дня продолжаютъ называть себя армяне, имѣетъ вполнѣ реальное значеніе. Ясное дѣло, что яфетическій языкъ эніохскаго, resp. henoq̇'скаго типа долженъ если не господствовать въ яфетическомъ слоѣ языковъ Арменіи, то лежать особо густымъ пластомъ въ его основѣ. Элементы лингвистическаго сродства языковъ Арменіи, съ одной стороны,—съ яфетическимъ слоемъ абхазскаго языка, съ другой — съ коренными особенностями сванскаго языка только и могутъ содѣйствовать въ первую очередь опредѣленію истой физіономіи эніохскаго языка. Для работы надъ этой дальнѣйшей задачею этническіе термины теряютъ значеніе; они сами нуждаются въ разъясненіи, такъ, напр., въ отношеніи того, племена какого развѣтвленія обнимаетъ терминъ hen°/ᵢq̇ (> 'Ενίοχοι) и его фонетически дифференцированныя разновидности. Правда ли, что онъ, этотъ терминъ,—гибриднаго состава, т. е. по суффиксу q̇—одного развѣтвленія яфетическихъ языковъ, а по основѣ—другого? Разновидности основы того же термина бываютъ снабжены вм. этническаго суффикса q̇, показателя множественности, равнозначущими суффиксами другого развѣтвленія яфетическихъ языковъ, — то iv, напр. Ճանիւ ţan-iv, то ar, напр. Ճանար ţan-ar. Не столько фонетическія въ самой основѣ перерожденія, сколько морфологическія колебанія въ образованіи мн. числа, заставляющія относить этническіе термины отъ одного развѣтвленія языковъ къ другому, даже отъ одной группы къ другой, говорятъ ясно, что на нихъ, на

ленie, а съ твердымъ q̧ — позднѣйшее: какъ въ рядѣ разновидностей съ передненебнымъ начальнымъ звукомъ мы констатировали чередованіе слабыхъ согласныхъ съ сильными (san (> zan), šan, ťan, ţan, ďan, d̦an), такъ имѣются соотвѣтственныя разновидности и съ гортаннымъ не только hayn, resp. hen, q̧ayn, resp. q̧en и т. п., но и ķayn (קין, ср. также по существу совершенно правильно отождествляемыхъ Н. Г. Адонцемъ съ цанами Кену и о-кен-итовъ, *Арменія въ эпоху Юстиніана*, СПБ. 1908, стр. 63 сл.), точный перебойный эквивалентъ разновидности ţayn, откуда не только ţeyn (Ճէյնք ţeyn-q) и ţen (ჭენება ţen-eba), но и ჭანი ţan-i.

эти термины, полагаться нельзя, когда рѣчь идетъ о реальномъ ихъ содержаніи. Раскрытіе не политическаго, а природнаго этническаго значенія въ частности термина Ἡνίοχοι (< *ḣen°/ᵢq̇) цѣликомъ зависитъ отъ выясненія реальныхъ размѣровъ того лингвистическаго матеріала, который въ перечисленныхъ языкахъ можетъ быть признанъ, на основаніи сравнительной работы, эніох-скимъ осадкомъ.

Впрочемъ, разновидности нашего термина въ настоящей работѣ отнюдь не исчерпаны. Но, когда я или кто другой вернется къ исчерпывающему, притомъ систематическому ихъ изложенію, то встанетъ вопросъ не только о полнотѣ перечня, но и о классификаціи разновидностей по принадлежности къ тому или иному типу яфетическихъ языковъ. Знакомые съ основами сравнительной яфетической фонетики, сами, по всей вѣроятности, не могли не намѣтить въ общихъ чертахъ этой классификаціи: напр., разновидности a) съ s > ṫ (сюда же съ ď или ϑ̇) относятся къ -s- группѣ (карт̔ской), b) съ ш > ṭ (сюда же съ ḓ или ϑ̣) — къ -ш- группѣ (такъ называемой тубал-кайнской), c) съ h > k̇, resp. q̇ (сюда же и ğ) — къ группѣ основного слоя сванскаго языка, что же касается разновидности съ дессибилованнымъ t, то она можетъ происходить и отъ к̔арт̔скаго (ṫ) и отъ т.-к. (ṭ) прототипа.

Выводъ изъ сказаннаго простой, для меня — единственный: пока, съ одной стороны, даже спеціалисты не берутъ на себя труда основательно познакомиться съ яфетидологическими работами въ предѣлахъ хотя бы печатнаго матеріала и въ полномъ невѣдѣніи ихъ результатовъ пишутъ о Кавказѣ, играя ихъ языками и племенами, какъ мертвыми шахматными фигурами, а съ другой стороны, новое христіанское миссіонерство поучаетъ абхазскій народъ ихъ родной рѣчи по создаваемымъ вновь переводнымъ литературнымъ памятникамъ, надо спѣшить учиться у абхазовъ ихъ живому языку, надо торопиться спасеніемъ устныхъ памятниковъ народной словесности, чтобы завѣтъ Услара, за которымъ полувѣковая давность, пересталъ, наконецъ, быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и тогда только получитъ наука полноту подлинныхъ матеріаловъ, которыхъ она жаждетъ для разрѣшенія цѣлаго ряда назрѣвшихъ историческихъ проблеммъ по кавказскому краю. Что для этого требуется прежде всего подготовка кадра работниковъ, внесеніе изученія абхазскаго языка въ кругъ академическихъ работъ и университетскихъ занятій, для меня также не подлежитъ сомнѣнію: дѣло должно начаться организаціею систематическаго университетскаго преподаванія не только абхазскаго, но и ближайше родственныхъ съ нимъ нелитературныхъ языковъ, если русской наукѣ суждено подняться въ изученіи кавказскаго многоязычія выше устанавливаемаго любителями и самоучками уровня.

Транскрипція абхазскихъ звуковъ [1]).

	Яфетидолог. система.	Мягкіе или смягченные.	Грузин. соотв.	Алфавитъ Переводч. комитета.
1.	a		ა	а
2.	b		ბ	б
3.	g		გ	г
3a.		g̡	мягк. გ (=გჲ)	ґ (ґv)
4.	d		დ	д
5.	đ			д'
6.	e		ე	є [2])
7.	v		ვ	в
8.	v̦		дебел. ვ	—
9.	z		ზ	з
9a.		z̡	смягч. ზ (=ზჲ)	—[з̆]
10.	ə		ჷ [3])	ѵ
11.	ϑ		თ	ђ
12.	ϑ̊ [4])		губн. თ+ფ	ꚍ
13.	i		ი	і [5])
14.	k		კ	к
14a.		k̡	смягч. კ (=კჲ)	—[к̆]
15.	l		ლ	л
15a.		l̡	смягч. ლ (мингр. ლჲ)	—[л̆]
16.	m		მ	м
17.	n		ნ	н
17a.		n̡	смягч. ნ (=ნჲ)	—[н̆]
18.	y		ჲ	—[й]
19.	o		ო	о
20.	p		პ	п
21.	j		ჟ	ж
21a.		j̡	смягч. ჟ (=ჟჲ)	ӂ
22.	ǯ̊		слитн. губн. (ზ+ჟ)+ჳ	зж
22a.		ǯ̡̊	смягч. слитн. губн. (ზ+ჟ)+ჳ	зӂ
23.	r		რ	р
24.	s		ს	с
25.	ș		дебелый ს	—[ҫ]
26.	t		ტ	т
27.	t̊ [6])		слитн. губн. ტ+პ	ҭ
28.	u		უ	у

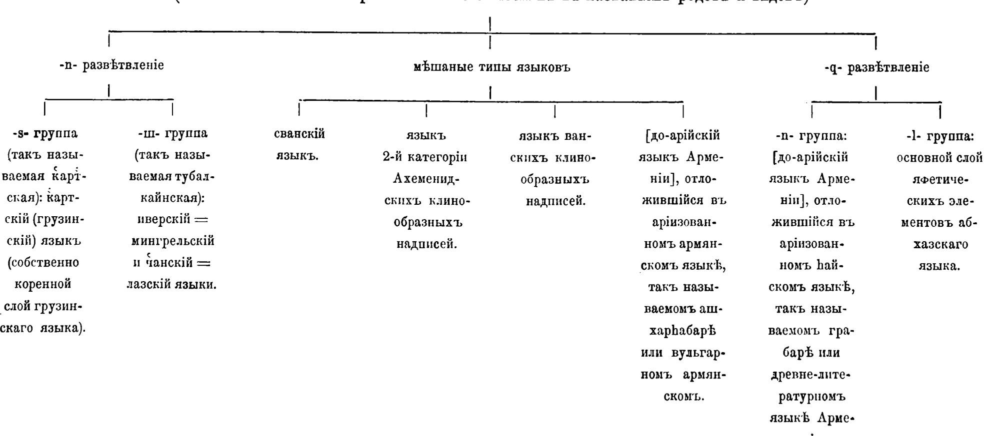
	Яфетидолог. система.	Мягкіе или смягченные	Грузин. соотв.	Алфавитъ Переводч. комитета.
29.	w		ჳ	—[ў̆]
30.	φ		ფ	ҧ
31.	q		ქ	ҕ
31a.		q̡	смягч. ქ (=ქჲ)	ҕ̆
32.	ğ		ღ	ҕ
32a.		ğ̡	смягч. ღ (=ღჲ)	ҕ̆ (ҕ̆v)
33.	k̇		ყ	ԛ
33a.		k̡̇	смягч. ყ (=ყჲ)	ԛ̆
34.	ш		შ	ш
34a.		ш̡ [7])	смягч. შ (=შჲ)	ш̆
35.	ш̊		— слитн. губн. შ+ჳ	щ
36.	ш̡̊		— смяг. слитн. губн. შ+ჳ	щ̆
37.	ϑ̣		ჩ	ч
38.	ϑ̦		— дебел. ჩ	ҿ
39.	ϑ̇		ც	ц
40.	ϑ̦̇		дебел. ც	—
41.	ϑ̊		слитный губн. ც+ჳ	ꚏ
42.	ď		ძ	ӡ
43.	ď̊		слитн. губн. ძ+ჳ	ʒ
44.	t		წ	ҵ
45.	ț		— дебел. წ	—
46.	t̊ [8])		слитн. губн. წ+ჳ	ҵ̆
47.	ṭ		ჭ	ҷ
48.	ṭ̦		— дебел. ჭ	ҿ̆
49.	q̇		ხ	х
49a.		q̡̇	мягк. ხ (=ხჲ)	х̆
50.	ḍ		ჯ	џ
50a.		ḍ̡	мягкій ჯ (=ჯჲ)	џ̆
51.	ḥ [9])		— болѣе глубокій спирантъ чѣмъ h груз. ჰ	һ
52.	ḥ̊		— сліяніе того же звука съ ჳ	ћ
53.	f		ჶ	ф
54.	ẙ [10])		— слитн. ჳ+ჲ съ предш. спирантомъ, близкимъ къ ჸ	ꙍ

1) Ср. П. Г. Чарая, ц. с., § 11, стр. 55—56. 2) Слѣдовало бы э. 3) Наличный въ сванскомъ и мингрельскомъ, равно въ языкахъ Арменіи (ę). 4) а не t̊. 5) Было бы послѣдовательнѣе — и. 6) а не t̊. 7) а не ш̆. 8) а не ϑ̊. 9) а не h = ჰ. 10) а не γ̊.

Табл. II.

Яфетическая вѣтвь языковъ

(съ лингвистическими терминами вм. этническихъ въ названіяхъ родовъ и видовъ)

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Отчетъ о командировкѣ на выставку по буддійскому искусству въ Парижѣ.

С. Ө. Ольденбурга.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 10 апрѣля 1913 г.).

Выставка по буддійскому искусству, устроенная городомъ Парижемъ въ принадлежащемъ ему Музеѣ Cernuschi, открылась 1/14 апрѣля. Академія Наукъ, получившая отъ города Парижа приглашеніе прислать своего представителя, командировала меня, и во исполненіе этого порученія я тщательно осмотрѣлъ выставку, о которой и представляю настоящій краткій отчетъ.

Усилившійся, особенно за послѣднія 10—15 лѣтъ, интересъ къ восточному и болѣе спеціально дальневосточному искусству, съ одной стороны, принесъ большую пользу, съ другой—нанесъ значительный вредъ научному изученію искусства востока. Любители-собиратели, не щадя средствъ, стали собирать памятники живописи, ваянія, художественной промышленности и такимъ образомъ спасли отъ погибели художественныя и научныя сокровища. Но собирая, почти всегда, безъ надлежащей подготовки и преслѣдуя, почти исключительно, цѣли собранія рѣдкихъ и красивыхъ вещей, они не интересовались происхожденіемъ собираемаго въ той мѣрѣ, въ какой это нужно. Благодаря этому и ихъ поставщики, для которыхъ все дѣло было въ наживѣ, посылая своихъ агентовъ на востокъ, заботились только о выгодныхъ покупкахъ; на рынкѣ и въ рукахъ любителей, такимъ образомъ, оказалось много предметовъ, происхожденіе которыхъ совершенно неизвѣстно, и подлинность которыхъ часто можетъ быть заподозрѣваема. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе любители тщательно скрывали добытые ими предметы, пока-

зывая ихъ часто только самымъ близкимъ своимъ друзьямъ. Такое положеніе дѣла, къ счастію, обратило на себя вниманіе просвѣщенныхъ знатоковъ, и Парижъ, которому уже столько разъ принадлежала инициатива во всемъ, что касается искусства и науки, взялъ на себя починъ и по отношенію къ искусству востока и, болѣе спеціально, буддизма.

Нашъ соотечественникъ Викторъ Викторовичъ Голубевъ, знатокъ восточнаго искусства, обладатель цѣнныхъ художественныхъ собраній[1]), и хранитель Музея Cernuschi г. H. d'Ardenne de Tizac, которые уже въ 1912 г. устроили имѣвшую значительный успѣхъ выставку «Exposition de peintures chinoises anciennes»[2]), рѣшили воспользоваться пробудившимся интересомъ къ искусству востока и, заручившись согласіемъ цѣлаго ряда владѣльцевъ частныхъ собраній и содѣйствіемъ парижскаго городского самоуправленія, представили на обозрѣніе спеціалистовъ и любителей богатое и разнообразное собраніе предметовъ буддійскаго искусства, — первую попытку въ этомъ родѣ.

Что невольно прежде всего, какъ-то само собою, выдѣляется на фонѣ этой выставки, это сознаніе того, что, подобно тому какъ буддизмъ для большей части Азіи имѣлъ то значеніе, которое принадлежитъ христіанству на западѣ, такъ и буддійскому искусству, спутнику одной изъ міровыхъ религій, на востокѣ принадлежитъ то мѣсто, которое на западѣ занимаетъ искусство античное. Могучій творческій импульсъ, данный чарующей легендою о царскомъ сынѣ, ставшемъ отшельникомъ, сказался въ искусствѣ всѣхъ странъ востока, куда проникъ буддизмъ, новыми формами, сталъ новымъ словомъ. Несомнѣнно, что разныя страны разно восприняли буддійское вліяніе, и каждая страна претворила его по своему: Индія въ своей скульптурѣ и живописи осталась западною, особенно въ живописи, которую она стремилась сдѣлать пластичною; Китай въ своей живописи сказалъ совсѣмъ новое слово, воспринявъ отъ буддизма главнымъ образомъ лишь извѣстные принципы композиціи и настроеніе махаяническаго культа. Несмотря на громадную разницу въ буддійскомъ искусствѣ разныхъ странъ, оно глубоко объединено въ своихъ основахъ, несмотря на разнообразіе формъ. Сознаніе этого единства было уже

1) Ему же принадлежитъ цѣнное изданіе: «Les dessins de Jacopo Bellini au Louvre et au British Museum. Bruxelles 1908—1912».

2) Изящно изданный краткій каталогъ появился еще во время выставки: Musée Cernuschi. Exposition de peintures chinoises anciennes. Catalogue sommaire. Avril—Mai—Juin 1912 (съ 16 фототипическими таблицами). Подробный каталогъ уже печатается.

у спеціалистовъ, но теперь на парижской выставкѣ оно получило яркое выраженіе, доступное для всякаго внимательнаго наблюдателя.

Второе общее впечатлѣніе, которое даетъ выставка, это появленіе такихъ памятниковъ искусства, которые мы имѣли основаніе считать навсегда потерянными; я имѣю здѣсь главнымъ образомъ въ виду старинныя китайскія бронзы, добытыя изъ Китая нѣкоторыми любителями за большія деньги.

Переходя теперь къ отдѣламъ выставки, мы естественно начнемъ съ Индіи. Отдѣлъ этотъ для неспеціалиста представлялъ мало интереса, такъ какъ, кромѣ небольшого, хотя и отборнаго, собранія образцовъ гандхарскаго, такъ называемаго греко-буддійскаго искусства, Индія была представлена почти только фотографіями. Образчики гандхарскаго искусства въ Европѣ, за исключеніемъ Берлина, очень немногочисленны, такъ какъ индійское правительство, особенно за послѣднее время, когда начались серьезныя раскопки, не дозволяетъ вывозить изъ Индіи предметы древности. Берлинскому Museum für Völkerkunde удалось, за большія деньги, скупить нѣсколько частныхъ коллекцій, особенно извѣстное собраніе д-ра Лейтнера, и, благодаря этому, берлинскіе памятники гандхарскаго искусства уступаютъ по значенію лишь памятникамъ индійскихъ музеевъ. Особенно изященъ былъ находившійся на выставкѣ обломокъ статуи, изъ частнаго англійскаго собранія; онъ и собраніе Mme Michel давали ясное представленіе о характерѣ гандхарскаго искусства и служили прекраснымъ матеріаломъ для сравненій. Но если для неспеціалистовъ индійскій отдѣлъ былъ все же бѣденъ, то для спеціалистовъ онъ представлялъ совершенно исключительный интересъ, благодаря превосходнымъ фотографіямъ изъ знаменитыхъ пещеръ Аджанты, снятымъ по инициативѣ и подъ непосредственнымъ руководствомъ В. В. Голубева. Фотографіи эти открываютъ намъ совершенно новую Аджанту, даютъ яркое представленіе о необыкновенной красотѣ этихъ погибающихъ буддійскихъ фресокъ. В. В. Голубевъ задался цѣлью изучить Аджанту, пока это еще возможно, и изучить ее цѣликомъ, не отдѣляя скульптуры отъ живописи, такъ тѣсно объединенныхъ между собою въ мысли буддійскихъ художниковъ, которымъ мы обязаны устройствомъ этихъ пещеръ. Почтенныя изданія, которыя до сихъ поръ были посвящены Аджантѣ, совершенно почти пренебрегали скульптурой, давая такимъ образомъ чрезвычайно одностороннее представленіе объ Аджантѣ. Недостаточность прежнихъ изслѣдованій происходила еще и отъ того, что, вслѣдствіе техническихъ затрудненій для фото-

графированія, по большей части ограничивались одними кальками; между тѣмъ калька несомнѣнно можетъ служить надежнымъ научнымъ матеріаломъ лишь при наличности соотвѣтственныхъ фотографій. Оттого мы выше и сказали, что фотографіи В. В. Голубева открыли намъ новую Аджанту; потому что только теперь, располагая этими фотографіями, мы видимъ мастерство живописцевъ Аджанты, можемъ отдать себѣ отчетъ во многихъ особенностяхъ ихъ стиля. Фотографіи В. В. Голубева были должнымъ образомъ оцѣнены спеціалистами и обратили на себя особенное ихъ вниманіе на выставкѣ. Считаю не лишнимъ прибавить, что г. Голубевъ вновь отправляется въ Индію, гдѣ онъ не только закончитъ работу надъ Аджантою, но и имѣетъ въ виду фотографировать и Багъ. В. В. Голубевъ приноситъ въ даръ нашей Академіи болѣе 1000 большихъ фотографій индійскихъ и вообще буддійскихъ древностей.

Изъ пріиндійскихъ странъ отмѣтимъ любопытныя, хотя не особенно старинныя непальскія миніатюры; интересъ ихъ заключается въ томъ, что на нихъ мы видимъ главнымъ образомъ чисто индійское вліяніе, даже брахманское, и почти не замѣчаемъ вліянія тибетскаго.

Изъ области непосредственнаго индійскаго вліянія укажемъ на Индонезію: на выставкѣ выдѣлялись изящныя яванскія бронзы, живо напоминающія искусство Аджанты. Давно уже слѣдовало бы кому-нибудь изучить любопытную страницу буддійскаго искусства — работы индійскихъ и яванскихъ художниковъ въ Индонезіи и особенно на Явѣ; европейскіе музеи и, какъ это теперь показала намъ парижская выставка, частныя собранія въ Европѣ богаты яванскими бронзами; въ частности Музей Антропологіи и Этнографіи нашей Академіи обладаетъ недурнымъ собраніемъ яванскихъ бронзъ.

Средняя Азія не была представлена на выставкѣ, такъ какъ богатое собраніе экспедиціи Пелліо находится въ Луврѣ и не могло поэтому быть выставлено въ другомъ мѣстѣ. Мы осмотрѣли его при любезномъ участіи самого профессора Пелліо и съ нимъ же осмотрѣли его великолѣпную серію фотографій, сохраняемыхъ въ Bibliothèque Doucet. Въ собраніи Пелліо особенно любопытны терракотты изъ мѣстности Тумшукъ, по дорогѣ изъ Аксу въ Маралбаши, которыя, съ одной стороны, должны быть сближаемы съ хотанскими терракоттами, съ другой — съ глиняными статуями изъ древнѣйшихъ частей Шикшина, близъ Карашара; великолѣпны отдѣльные образа

и образцы тканей, преимущественно китайскаго типа, среди нихъ нѣкоторые т. н. сасанидскаго типа. Профессоръ Пелліо готовитъ альбомы снимковъ съ этихъ древностей и съ фресокъ Дунхуана.

Большое впечатлѣніе произвели на выставкѣ различныя китайскія до-танскія бронзы, будды и бодисатвы. Среди этихъ бронзъ насъ поразила одна, изображающая несомнѣнно Maitreya, сидящаго со спущенными ногами и руки котораго сложены передъ грудью въ положеніи dharmacakramudrā. Статуетка эта по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ вывезена изъ Китая, между тѣмъ она несомнѣнно индійскаго происхожденія и, по всей вѣроятности, привезена какимъ-нибудь паломникомъ изъ Индіи въ Китай. Мѣстами сохранилась позолота, которая необыкновенно красиво выдѣляется на свѣтло-коричневой патинѣ. Статуетка можетъ относиться къ V—VI вѣку по Р. Хр.

Въ той же витринѣ выдѣлялась статуетка двухголовой kinnarī, подобной тѣмъ, которыя мы встрѣчаемъ на фрескахъ въ Дунхуанѣ и на нѣкоторыхъ старинныхъ тангутскихъ образахъ.

Нѣсколько большихъ китайскихъ каменныхъ стелъ и статуй были особенно интересны тѣмъ, что позволяли наблюдать работу китайскихъ мастеровъ на оригиналахъ; въ снимкахъ онѣ были намъ извѣстны изъ прекрасныхъ изданій профессора Шаванна. Повидимому, искусные поддѣлыватели, побуждаемые высокими цѣнами, которыя любители платятъ за китайскія старинныя статуи (десятки тысячъ франковъ за статую) принялись уже за поддѣлку, и потому въ настоящее время нужна особенная осторожность при покупкахъ китайскихъ древностей, тѣмъ болѣе, что китайцы необыкновенные мастера въ поддѣлкахъ.

Японія и Индокитай были богато представлены какъ статуями, такъ и писанными образами. Тибетъ и ламайское искусство на выставкѣ представлены гораздо бѣднѣе, потому что они, повидимому, мало еще привлекаютъ вниманіе собирателей и мы ихъ находимъ только въ музеяхъ, при чемъ именно въ Парижѣ ихъ пока вообще еще немного. Небезъинтересны были нѣкоторые образа тибетской работы, съ характерными горными пейзажами и пріятными, хотя и яркими тонами красокъ. Весьма вѣроятно, что лучшіе образцы — лхасскаго происхожденія, такъ какъ въ Лхасѣ всегда, повидимому, работали лучшіе мастера, рисунокъ и композиція которыхъ намъ представляются болѣе самостоятельными, менѣе шаблонными, чѣмъ работы китайской ламаистской иконописи.

Подводя итоги выставки, мы должны безусловно считать ее весьма удавшейся и оказавшей большую услугу изученію буддійскаго искусства широкимъ и богатымъ сопоставленіемъ сравнительнаго матеріала. Это заслуга г.г. Голубева и d'Ardenne de Tizac, а также и Парижскаго муниципальнаго совѣта.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.

VI.

Расклиниваніе согласныхъ гласнымъ.

Н. Я. Марръ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 10 апрѣля 1913 г.).

Въ языкахъ Арменіи въ значеніи *правый* имѣется одно слово աջ a-ḍ (осн. a-ḍo, отсюда Р. աջոյ aḍo-y), въ значеніи *лѣвый* — два слова: ահեակ ah-eak и ձախ ďaq̇. Изъ послѣднихъ первое извѣстно въ древне-литературномъ, т. е. hайскомъ, а діалектически, въ живой рѣчи (притомъ скорѣе въ южныхъ говорахъ, которые являются пережитками нарѣчій hайскаго языка), всплываетъ только, повидимому, его разновидность въ формѣ ահոկ ah-ok и въ значеніи *неудачный*, *постыдный*, *вредный*, *негодный*[1]). Въ такой формѣ и съ такимъ значеніемъ слово встрѣчается, какъ извѣстно, и въ средневѣковыхъ памятникахъ армянской литературы[2]). Что касается

---

1) Въ значеніи *лѣваго* именно въ этихъ говорахъ коренное родное слово вытѣснено перс. چپ, звучащимъ, напр., въ мокскомъ ճա̈պ ṭ̈ap. По мокскому говору, если нѣтъ спеціальной оговорки, я пользуюсь справками у I. А. Орбели по матеріаламъ, собраннымъ или провѣреннымъ имъ.

2) См. *Сборники притчъ Вардана*, изд. Н. Марра, ч. II, стр. 108, XCI,6, въ дополненіе къ Больш. сл., гдѣ цитуется Мхит., Բժշկար.; Վաստակ; Ոսկեփոր, а равно Вртанэсъ Грам. и Н. Ламброн., Մեկնութիւն Սաղմ.

ձախ ďaq, это живое и сейчасъ слово, и, хотя оно проникло въ древне-литературный hайскій языкъ наряду со многими другими арменизмами, въ немъ однако имѣемъ собственность армянскаго, а не hайскаго языка[1]).

Живымъ современнымъ словомъ, наличнымъ и во многихъ говорахъ, является также աջ aḓ *правый*, но для даннаго понятія иного слова нѣтъ въ древне-литературныхъ памятникахъ, и одной историко-литературной справкой нельзя сколько нибудь освѣтить вопросъ, принадлежитъ ли оно hайскому языку или армянскому; тѣмъ менѣе можно это сдѣлать, что въ говорахъ особенно рѣзко выраженнаго hайскаго типа, такъ, напр., въ мокскомъ, и понятіе *правый* выражается не роднымъ словомъ, а заимствованнымъ перс. ռաստ ṛast. Въ освѣщеніи же лингвистическихъ фактовъ աջ aḓ могло бы быть отстаиваемо, какъ собственность hайскаго, прежде всего, въ виду его истертости, именно односогласности корня (ḓ), но въ отдѣльныхъ словахъ (не какъ общее явленіе) такая истертость наблюдается во всѣхъ группахъ яфетическихъ языковъ; принадлежность աջ aḓ hайскому могла бы быть поддержана еще одной морфологической его особенностью, если бы въ hайскомъ же ահեակ ah-eak *лѣвый* имѣли, дѣйствительно, не индоевропейское слово, а яфетическое[2]). Въ աջ aḓ *правый* и ահեակ ah-eak *лѣвый* на лицо, можно бы думать—въ обоихъ случаяхъ, образованіе съ префиксомъ a-, столь характерное для одного развѣт-

---

1) Судя по *Конкордансу* (Համաբարբառ, Іерусалимъ 1895), въ вульгатной версіи древнеармянскаго перевода Библіи hайское слово ահեակ ah-eak появляется все-таки почти вдвое чаще (44 раза), чѣмъ арм. ձախ ďaq (24 раза); кромѣ того, въ той книгѣ, для которой у насъ есть сравнительно болѣе древній текстъ, именно въ *Парал.*, по изданной † Г. А. Халатьянцемъ версіи (E), число употребленія арм. ձախ ďaq оказывается еще того меньше: три раза (II П 4, 6, 7, 8) только армянская вульгата (V) читаетъ ի ձախմէ i ďaqmey [или i ďaqme, если читать фонетически точно по нормамъ армянскаго языка, что же касается i ďaqmē, это условная транскрипція для исключительно начертательно точной передачи орѳографіи слова], тогда какъ въ E—ընդ ահեկէ ənd ahekey; E и въ I П 6, 44 обнаруживаетъ арм. слово, но вм. ի ձախմէ i ďaqmey, какъ читается въ V, версія E даетъ неуклюжее чтеніе ձախակողմ կուսէ ďaqa*koḷm kusey* (ср. тоже самое II П 33, 14: E ի հարաւակողմ կոյս, V ընդ հարաւակողմն), очевидно, здѣсь въ архаическое чтеніе съ hайск. կոյս koys *сторона* внесено впослѣдствіи арм. կողմ koḷm сторона (ср. I П 12, 37: E յայն կոյս, V յայնմ կողմանէ), и при этой передѣлкѣ h. ահեակ ah-eak уступило мѣсто армянскому ձախ ďaq.

2) Отожествленіе съ санск. savyā, авест. havya-, какъ извѣстно, отвергается и Hübschmann'омъ, *AG*, стр. 414,10. Имѣется индоевропейская этимологія и աջ aḓ, при томъ, какъ всегда въ сомнительныхъ случаяхъ, не одна, напр. отожествленіе его съ греческимъ ἄξιος *достойный*, но это изъ числа тѣхъ, увы, умножающихся за послѣдніе годы болѣе, чѣмъ рискованныхъ сопоставленій, которыя требуютъ особагo освѣщенія и тогда, когда сопоставляются не случайно созвучныя слова. Это можно сдѣлать при давно назрѣвшемъ общемъ пересмотрѣ прежнихъ и новыхъ призрачныхъ этимологическихъ толкованій не-индоевропейской части «армянскихъ» словъ, построенныхъ на почвѣ индоевропейской сравнительной грамматики безъ всякаго вниманія къ исторіи самихъ языковъ Арменіи и къ реальнымъ отношеніямъ ихъ къ до-арійскимъ языкамъ страны и къ не-арійскимъ языкамъ исконныхъ сѣверныхъ сосѣдей.

вленія яфетическихъ языковъ, къ которому примыкаетъ и основной яфетическій слой аріизованнаго hайскаго языка. Наконецъ, принадлежность этого слова именно hайской рѣчи могла быть мотивирована тѣмъ, что качествомъ согласнаго оно примыкаетъ къ s-группѣ (ḱарт́ской), а не къ ш-группѣ (тубал-кайнской), гдѣ въ соотвѣтствіе ḓ имѣемъ ďg: м. მარძგვანი mar-ďg-wan-i *правый*, გომორძგუა go-mor-ďgua *успѣхъ, побѣда* и т. п.[1]). Дѣло въ томъ, что въ армянскомъ преимущественно отложились и, повидимому, черезъ армянскій проходили въ hайскій тубал-кайнизмы, но пока вопросъ этотъ не дослѣдованъ, да кромѣ того, въ языкахъ Арменіи есть «колеблющійся» слой яфетическихъ переживаній, тяготѣющій огласовкой къ ш-группѣ, а качествомъ согласныхъ — къ s-группѣ. Но hайское ли оно или, быть можетъ, армянское, слово աջ a-ḓ *правый* во всякомъ случаѣ яфетическаго происхожденія. Отъ трехсогласнаго корня въ немъ сохранился лишь первый коренной, притомъ по качеству тождественный съ ḱарт́скимъ первымъ кореннымъ того же слова: полнота этого трехсогласнаго корня въ ḱарт́скомъ имѣетъ видъ ḓvn || ḓmn (<* jvn || *jmn[2]); этотъ корень непочато предлежитъ въ др.-грузинскомъ глаголѣ ჯმნაჲ ḓmna-y *отреченіе, отрекаться* — II пор. аор. იჯმნა i-ḓmna *онъ отрекся*, букв. «онъ отнялъ *десницу*»[3]) и въ составѣ сложнаго или производнаго др.-г. слова მარჯუენეჲ mar-ḓuen-e-y, нов.-г. მარჯვენა mar-ḓven-a «*правая* рука», *десница*, «*правая* сторона»[4]). И въ грузинскомъ языкѣ основное, насъ интересующее слово -ḓven теряетъ третій и даже второй коренной, такъ — 1. მარჯვე mar-ḓve *удалой, ловкій, удачный* (ср. семасіологически h. յաջող yaḓ-oḷ, арм. աջող aḓoǧ[5]), 2. გამარჯობა ga-mar-ḓ-oba *удача, побѣда*, кстати, — обычный грузинскій привѣтъ (ср. семасіологически h. յաջողութիւն yaḓoḷuϑiwn, арм. աջողութիւն aḓoǧuϑyun), 3. მარჯულ mar-ḓ-ul *справа*.

Что касается яфетическаго происхожденія арм. ձախ ďaq̇ *лѣвый*, прежде, чѣмъ выяснять его, надо познакомиться съ расклиниваніемъ согласныхъ

1) Отсюда, діалектически въ качествѣ вклада тубал-кайнскаго слоя въ сванскомъ и с. *правый* (лāшх., лент., муж.-мул., таврар.) ლერსგვენ ler-sgwen, ლარსგვან la̋r-sgwan (ушк.) и др.

2) Закономѣрное соотвѣтствіе яфет. *jvn || *jmn въ семитическихъ выяснено, но въ данный моментъ оно намъ не нужно.

3) Ср. семасіологически перс. دست بر داشتن, арм. ձեռք քաշել, ново-г. ხელის აღება.

4) Касательно первой части მარ- mar-, слово ли это или осложненный наросшимъ r префиксъ ma-, рѣчь будетъ особо; пока достаточно сказать, что она появляется и въ составѣ также сложнаго, resp. производнаго слова მარცხენაჲ mar-ϑq̇ena-y «*лѣвая* рука», «*лѣвая* сторона» (см. ниже, стр. 425).

5) Въ пшавскомъ и хевсурскомъ говорахъ ḱарт́скаго языка, по личному сообщенію студ. А. Шанидзе, მარჯვე mar-ḓve значитъ *близкій* (въ такомъ значеніи встрѣчается слово въ повѣсти Казбега მოძღვარი, гл. XIII, изд. 1891, т. I, стр. 158, 21, 159, 1, 3 = изд. 1904, стр. 554, 8, 14, 16).

гласнымъ. Впервые на это чрезвычайно любопытное фонетическое явленіе натолкнули насъ измѣненія словъ въ сванскомъ, въ частности обращеніе заимствованнаго изъ к̔арт̔скаго დღე dğe *день* въ ლადეღ ladeğ (la- есть обычный сванскій префиксъ): этотъ примѣръ тѣмъ цѣненъ, что dğ въ немъ представляетъ раздвоеніе одного согласнаго, и слѣдовательно вклиненіе въ немъ гласнаго, какъ это видимъ въ сванскомъ заимствованіи, есть безусловно вторичное явленіе, что же касается самого гласнаго, то онъ непостояненъ, въ данномъ случаѣ е (-değ), такъ какъ за расклинившимися согласными (dğ) въ прототипѣ слѣдовалъ тотъ же звукъ е (dğe). Можно бы сказать, что клиномъ служитъ тотъ или иной гласный, продвигающійся впередъ къ началу слова, а это продвиганіе впередъ представляетъ параллель эпентезису, и тотъ языкъ, въ которомъ наиболѣе богато представленъ и донынѣ живучъ эпентезисъ, даетъ и наиболѣе характерные случаи какъ продвиганія гласнаго къ началу слова, такъ расклиниванія имъ согласныхъ. Таковъ еще болѣе, чѣмъ сванскій, тушинскій языкъ. Въ немъ —

1. duk̇ *пара* < *dk̇u изъ г. ტყუბი tk̇ub-i *близнецы*, *пара*, или изъ т.-к.: м. ტყუპი tk̇up-i [1]) и ტკუბი tkub-i id. ч̔. ტყუბი tk̇ub-i (x гов.), ტკუბი tkub-i (px гов.), ტუბი tub-i (A гов.) id.

2. ϑ̣uq̇ *овца* < ϑ̣q̇u изъ т.-к.: ч̔. ჩხური ϑ̣q̇ur-i *овца*, м. შხური шq̇ur-i *овца*. Въ мингрельскомъ сохранилась разновидность съ подъемомъ ш въ ϑ̣, но не въ полной формѣ, какъ въ ч̔анскомъ языкѣ—ϑ̣q̇ur, а въ усѣченной—ჩხუ ϑ̣q̇u, получившей у мингрельцевъ значеніе *коровы*. Такъ объясняетъ это слово І. А. Кипшидзе, справедливо указывая на то, что оно и въ полной формѣ значитъ собственно не *овца*, а *живой*, *животное*, какъ к̔арт̔скій его эквивалентъ ცხოვარი ϑ̣q̇ovar-i *живой*, *овца*, особенно ср. ცხოველი ϑ̣q̇ovel-i *живой* [равно ცხოვრებაჲ ϑ̣q̇ovr-eba-y *жизнь*, მაცხოვარი ma-ϑ̣q̇ovar-i *оживитель*, *жизнедавецъ*, *Спаситель*] [2]). Такимъ образомъ возстанавливаемая

---

1) Въ гурійскомъ говорѣ к̔арт̔скаго языка также ტყუპი tk̇up-i.

2) І. Кипшидзе, *Мингр.-русск. сл.*, s. v. Здѣсь приведены и мингрельскія діалектическія разновидности ჩხუ ϑ̣q̇u, именно ჩხუუ ϑ̣q̇uu S < ჩხოუ ϑ̣q̇ou MZ (мн. ჩხულეფი ϑ̣q̇ul-eφ-i, ჩხოულეფი ϑ̣q̇oul-eφ-i), которыя не только блестяще подтверждаютъ отожествленіе І. А. Кипшидзе, но и бросаютъ свѣтъ на форму შხურ шq̇ur > ჩხურ ϑ̣q̇ur, вскрывая, что и въ нихъ — позднѣйшее перерожденіе огласовки o(w)u, эквивалента к̔арт̔ской огласовки o(v)e, діал. o(v)a.

пра-форма тушинскаго слова совершенно покрывается усѣченной формою мингрельскаго эквивалента.

3\. Sag *олень* < *sga т.-к.: ч̔. სქჳერი sqwer-i (по Ач̔ар.) > მსქჳერი m-sqwer-i, равно სქერი sqer-i (по Rosen'y)[1]), м. სქჳერი sqwer-i *серна*.

Въ отношеніи послѣдняго примѣра важнѣе всего отмѣтить то, что при к̔арт̔ской огласовкѣ «е» (по-к̔арт̔ски *олень*, собств. *козуля*, *серна* — შველი шvel-i[2]) въ тубал-кайнской или ш-группѣ закономѣрна огласовка «а», слѣдовательно, при условіи сохраненія подлинной своей огласовки тубал-кайнскія разновидности слова безъ именного окончанія должны были звучать *sqwar > *sqar, а по діалекту, отложившемуся въ сванскомъ[3]) — *sgwar > *sgar, что̀ и сохранилось mutatis mutandis въ тушинскомъ sag (<*sga).

Само собою понятно, что во всѣхъ перечисленныхъ примѣрахъ изъ тушинскаго языка дѣло имѣемъ съ яфетическими его элементами, и освѣщаемый ими фонетическій законъ характеризуетъ не тушинскій языкъ въ цѣломъ, а опредѣленный его слой, отложившійся въ немъ отъ какого-то яфетическаго языка, примыкавшаго къ тубал-кайнской или ш-группѣ. Въ наличныхъ языкахъ этой группы въ качествѣ эквивалента к̔арт̔скаго შვილი шvil-i имѣемъ слово съ такимъ же закономѣрнымъ соотвѣтствіемъ sk, resp. sq к̔арт̔скому звуку «ш»: ч̔. სკირი skir-i *сынъ*[4]), м. სქირი sqir-i, resp. sqil-i *сынъ* въ сложныхъ словахъ[5]), въ обоихъ случаяхъ съ закономѣрной потерею v передъ i; но въ тѣхъ же языкахъ ш-группы, въ этотъ разъ безъ точнаго и по формѣ соотвѣтствія въ к̔арт̔скомъ языкѣ, имѣется еще м. სქუა squa *сынъ* (мн. სქუალეფი squal-eф-i), восходящее къ пра-формѣ *skwal > *sqwal || *skwar > *sqwar, діал. *sqar < *sgar, что̀ съ замѣною плавнаго r исчезающимъ спирантомъ h, resp. y предлежитъ въ сванскомъ სგჷაჰ sgyah (<sgah-i) *сынъ*[6]). И вотъ столь реально свидѣтельствуемое *sqar<*sgar *сынъ* по указанному фонетическому закону отложившагося въ тушинскомъ яфети-

1) Н. Марръ, *Гр. ч̔ан. яз.*, стр. 187.

2) О законѣ к̔. ш = т.-к. sq, діалектически по отложеніямъ въ сванскомъ sg, см. Н. Марръ, *Изъ поѣздокъ въ Сванію*, ХрВ, 1913, стр. 19.

3) Ц. с., стр. 19.

4) Въ діалектахъ AV,x, о другихъ діалектическихъ разновидностяхъ см. Н. Марръ, *Ч̔ан.-русск. сл.*, s. v.

5) І. Кипшидзе, *Мингр.-русскій словарь*, подъ ოსქირი.

6) Въ самомъ сванскомъ діалектически sgey (ла̄шх. и эцер. ед. სგე sge, мн. ла̄шх. სგეჲარ sgey-ar, эцер. სგეარ sge-ar) и skey (лент. ед. სკე ske, мн. სკეჲარ skey-ar).

ческаго языка, именно по расклину согласныхъ продвигающимся впередъ гласнымъ, должно было преобразиться въ типъ *sak > *sag > *saq; все это и существуетъ въ дѣйствительности. Казалось бы, сохранился даже полный видъ даннаго типа въ шakri, словѣ языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, какъ уже установлено самими кунеологами, въ значеніи *сынъ;* любопытно, что въ тѣхъ же надписяхъ попадаются варіанты чтенія этого слова съ сохраненіемъ w, resp. u—шakur(r)i. Однако, исходные слоги -ri и -u-ri являются мѣстоименными суффиксами, одинъ 3-го (-ri), другой 1-го лица (-u-ri), какъ догадывался по существу вѣрно Hüsing[1]). Наличность второго r въ шakurri способна все-таки поддерживать опасеніе, какъ бы въ данномъ случаѣ не приняли мы часть (ur) возможной полной формы *шakur (шakur-ri) за суффиксъ. Но для нашего вопроса вполнѣ достаточно и того, что въ названномъ языкѣ существовало слово шak *сынъ* съ усѣченнымъ видомъ основы[2]). Усѣченный видъ типа, именно *sak > *sag > *saq, съ озвонченіемъ s въ z имѣемъ въ качествѣ заимствованія[3]) въ сир. ܙܓܐ zag-ā *цыпленокъ* [<*дѣтенышъ*], ново-п. زاق zāḳ *дѣтенышъ* (всякаго животнаго), *дитя* (послѣднее по словарю: طفلان كوچك), ново-г. ზაყი zaq-i *дѣтенышъ буйвола* и др. Его же, именно *zag, имѣемъ, съ подъемомъ z въ ǰ, въ арм.[4]) ձագ ǰag *дѣтенышъ* какъ птицъ, такъ вообще животныхъ[5]). На основаніи того же закона представляется возможнымъ арм.[6]) ցախ ϑaq̇ *хворостъ*, *дрова* возвести къ *ϑq̇a, и у насъ дѣйствительно есть матеріалы, подтверждающіе существованіе этого прототипа въ яфетическихъ языкахъ въ значеніи *лѣса*, *дикой*, resp. *сорной травы* и т. п. Можно бы было еще колебаться, если бы мы имѣли его

1) *Zur Struktur des Elamischen* въ Orientalist. LZ, 1905, стр. 50—51, см. его же *Zur Elamischen Genitivkonstruktion*, ц. ж., стр. 551.

2) Появленіе ш вм. s не требуетъ особаго поясненія для лицъ, знакомыхъ съ фактическимъ матеріаломъ, хотя бы, напр., изъ мингрельскаго, относящимся къ закону k̔. ш=т.-к. sq, ибо sq чередуется въ такихъ случаяхъ въ самомъ мингрельскомъ съ шq (см. Н. Марръ, *Изъ поѣздокъ въ Сванію*, стр. 19). Къ тому же, имѣется прекрасный слѣдъ такой разновидности съ удержаніемъ даже губного w (*шkwa); онъ сохраненъ абхазскимъ, очевидно, въ отложившемся въ немъ тубал-каинскомъ слоѣ, гдѣ *шkwa, resp. *шqwa принялъ видъ φшqa въ словѣ а-φшqa *ребенокъ*, какъ теперь уже установлено, соотвѣтственно звуковымъ нормамъ абхазской рѣчи (Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 6, d, 3, кстати, здѣсь въ указателѣ по недосмотру вм. d, 3 стоитъ 9).

3) Очевидно изъ южнаго, очень вліятельнаго яфетическаго языка выясняемаго типа, а не изъ персидскаго (ср. de Lagarde, *Ges. Abh.*, стр. 41, 104), въ которомъ оно появляется такъ же, какъ и въ грузинскомъ, на правахъ заимствованія.

4) Встрѣчается и въ древне-литературномъ, но вопросъ, было ли оно коренное haйское. Во всякомъ случаѣ слово должно быть исключено изъ списка персидскихъ заимствованій въ «армянскомъ» (ср. Hübschmann, *AG*, стр. 185, 362).

5) Въ мокскомъ съ мутуаціею, притомъ со смягченными ṭ и q: ծ̈ա̈ք ṭäq̆.

6) Встрѣчается и въ древне-литературномъ языкѣ, но въ позднѣйшихъ текстахъ.

только съ дессибилованнымъ, притомъ съ глухимъ эквивалентомъ средняго ϑ, т. е. съ t[1]), въ к̔. ტყე tke (< *tkel) *лѣсъ, дикая* или *сорная трава*, м. ტყა tka (< tkal, отсюда мн. ტყალეფი tkal-eφ-i, ოტყალჷ o-tkalə *охота*), ч̔. ტყა tka, resp. მტყა m-tka *шиповникъ, дикая трава*[2]) (въ производномъ отъ ч̔. ტყა tka прилагательномъ въ А говорѣ исчезаетъ и 2-й коренной: ტური t-ur-i дикій, что̀ указываетъ на существованіе *ტა *ta въ значеніи имени сущ.—*лѣсъ, дикая трава* и т. п.). Но его сохранилъ съ ассибилованнымъ ϑ̇ сванскій языкъ въ качествѣ заимствованія изъ к̔арт̔скаго въ своемъ ცხეკ ϑ̇q̇e-k *лѣсъ;* семасіологически интересно отмѣтить, что какъ въ мингрельскомъ отъ ტყა tka, resp. *tkal *лѣсъ* произведено ოტყალჷ o-tkalə *охота*, такъ въ сванскомъ отъ ცხეკ ϑ̇q̇ek *лѣсъ* образуется отыменный глаголъ ლიცხკიში li-ϑ̇q̇ki-шi, въ ла̄шхскомъ говорѣ означающій *охотиться*[3]) (въ лентехскомъ въ томъ же значеніи *охотиться* — ლიცხეკჷში li-ϑ̇q̇ek[i]-шi). Для семасической стороны нашего вопроса интересна сохранившаяся въ мингрельскомъ разновидность съ врастающимъ w, resp. v ცხვეკი ϑ̇q̇vek-i *хворостъ*[4]). Въ томъ же отношеніи, а также для исторіи самого корня важны разновидности съ полнымъ составомъ его согласныхъ (ϑ̇q̇r, ср. м. tkl), наличныя въ гурійскомъ говорѣ к̔арт̔скаго языка и въ мингрельскомъ языкѣ: г. ჩხერკი ϑ̣q̇er-k-i *изломанныя вѣтви, принесенныя водою и т. п.*[5]) и, опять съ врастающимъ w, resp. v, м. ჩხვერკი ϑ̣q̇ver-k-i *хворостъ*[6]). Появленіе ϑ̣ вм. ϑ̇ указываетъ на вліяніе фонетики тубал-кайнской или ш- группы. Закономѣрный и въ отношеніи огласовки тубал-кайнскій эквивалентъ долженъ былъ гласить *ϑ̣q̇ar-k, resp. *ϑ̣q̇war-k. Любопытенъ исходный k въ г. ϑ̣q̇er-k, resp. с. ϑ̇q̇e-k, не коренной, а, по всей вѣроятности, представляющій первичный видъ показателя множественности яфетическихъ языковъ q-развѣтвленія (k > q̇ > q). Это намъ даетъ ключъ для вскрытія причины, вызвавшей врастаніе лишняго v въ приведенныхъ выше мингрельскихъ разновидностяхъ ცხვეკი ϑ̇q̇vek-i, ჩხვერკი ϑ̣q̇verk-i: v внутри появляется въ силу закона о пере-

---

1) Мутуація ხ q̇, слѣдующаго за этимъ t, въ ყ k̇ есть уже вторичное явленіе, вызванное уподобленіемъ съ t, см. tq̇ > tk̇ въ грузинскомъ глаголѣ I пор. аор. ტეხა teq̇a, съ предлогомъ—გატეხა ga-teq̇a *онъ сломалъ, разбилъ*, страд. III пор. аор. გატყდა ga-tk̇-da *онъ сломался, разбился.*

2) Въ имерскомъ говорѣ к̔арт̔скаго языка существуетъ ტყაჩუ tk̇a-ϑ̣u *лѣсникъ*, букв. *хранитель лѣса*, заимствованное изъ мингрельскаго (В. Беридзе, სიტყვისკონა, s. v.).

3) Въ другихъ говорахъ: *работать въ лѣсу.*

4) I. Кипшидзе, *Мингр.-русск. сл.*, s. v.; объ излишнемъ v см. ниже.

5) И. Чконія, სიტყვისკონა, s. v.

6) I. Кипшидзе, *Мингр.-русск. сл.*, s. v.

скокѣ конечнаго v внутрь[1]), а появленіе v въ концѣ словъ (ϑ̇q̇e-k, ϑ̣q̇er-k), вызвано потребностью снабдить ихъ, т. е. слова, выражающія собирательныя понятія «лѣсъ», «хворостъ», суффиксомъ мн. числа; кстати, *ϑ̇q̇e-kv-, *ϑ̣q̇er-kv- до перескока v внутрь представляли, очевидно, случаи такого же сугубаго мн. числа, какъ образованіе мн. ч. на qw-a въ абхазскомъ. На принадлежности r къ составу корня приходится настаивать какъ на этомъ основаніи, такъ ввиду трехсогласности мингрельскаго эквивалента tkl, вскрываемаго мн. числомъ ტკალეფი tkal-eφ-i и т. п.; кромѣ того, въ сванскомъ всплываютъ разновидности, по всей видимости, того же корня, какъ предполагалъ въ личной бесѣдѣ со мной и I. А. Кипшидзе; именно, къ чистой и по корню (ϑ̣q̇r) и по огласовкѣ (а) тубал-кайнской разновидности нашей полной основы, притомъ съ замѣною суффикса k тубал-кайнскимъ показателемъ мн. числа w, т. е. *ϑ̣q̇ar-w>*ϑ̣q̇war восходитъ съ дессибиляціею ϑ̣ въ ϑ основа сванскаго отыменнаго глагола, означающаго *охотиться* (семасіологически ср. м. ტკალე o-tkalə, с. ლიჭყკიში li-ϑ̇q̇ki-ši): въ таврарскомъ говорѣ—ლიჭყჳარ li-ϑq̇war, въ лентехскомъ ლიჭყუარ li-ϑq̇uar, въ лāшхскомъ и мужальскомъ ლიჭყჳიარ li-ϑq̇wiar и другія формы отъ того же глагола. Но для основной нашей темы объ яфетическихъ элементахъ въ языкахъ Арменіи ближайшій интересъ представляетъ заимствованное изъ к̔ар̔тскаго с. ჭყეკ ϑ̇q̇e-k *лѣсъ* (ср. м. ჭყვეკ ϑ̇q̇we-k<*ϑ̇q̇e-kw *хворостъ*), что̀ съ перегласовкою ш- группы (тубал-кайнской) и должно было дать *ϑ̇q̇a-k[2]), а безъ показателя мн. числа k. — *ϑ̇q̇a. Во всѣхъ отношеніяхъ закономѣрный тубалкайнскій эквивалентъ чистой основы собственно долженъ былъ звучать *ϑ̣q̇a, но тутъ мы сталкиваемся съ характерной особенностью одного слоя яфетическихъ элементовъ въ языкахъ Арменіи: примыкая по огласовкѣ къ ш-группѣ (тубал-кайнской), по качеству согласныхъ онъ роднится съ s-группой (к̔ар̔тской), почему въ арм. мы ожидали бы *ϑ̇q̇a, но согласно закону о расклиниваніи согласныхъ продвигающимся къ началу слова гласнымъ

1) Такой перескокъ не чуждъ и грузинскому, напр., *жеребенокъ* др.-г. კიჭუი kiϑ̇u-i > вульг. კიჭვი kiϑ̇v-i, ново-г. კვიჭი kviϑ̇-i, но особенно часто наблюдается онъ въ мингрельскихъ словахъ, см. I. Кипшидзе, *Гр. мингр. яз.*, § 3, f.

2) Отсюда согласно тому же закону расклиниванія согласныхъ продвигающимся къ началу слова гласнымъ могъ получиться не только *ϑ̇aq̇, но, при условіи сохраненія послѣдняго согласнаго, именно суффикса k, и *ϑ̇aq̇-k: не имѣемъ ли этотъ болѣе полный видъ типа даннаго слова, притомъ соотвѣтственно бо̀льшей его древности съ 1-мъ и 2-мъ согласными на болѣе древней ступени, именно съ звонкими (ď, ğ) вм. среднихъ (ϑ̇, q̇), въ ճաղկ, означающемъ *вѣтвь*, *палку* и съ такимъ значеніемъ наличномъ въ древне-литературномъ hайскомъ языкѣ? Если да, то въ немъ придется признать одинъ изъ многочисленныхъ позднѣе внесенныхъ въ древне-литературный языкъ арменизмовъ, и въ такомъ случаѣ его (ճաղկ) правильное произношеніе будетъ именно ďağ-k, а не ďaḷ-k.

на лицо *ցախ* ǰaq̇. Тоже самое видимъ мы и въ арм. *ձախ* ďaq̇ *лѣвый*, которое представляется возможнымъ, на основаніи все того же закона, возвести къ *ďq̇a, resp. ǰq̇a, что̀ насъ опять таки приводитъ къ яфетическому источнику, ибо ǰq̇ есть остатокъ трехсогласнаго корня к̓. ǰq̇n, т.-к. ǰq̇n: картская разновидность корня предлежитъ въ составѣ упоминавшагося уже [1]) сложнаго г. слова მარცხენაჲ mar-ǰq̇ena-y [2]) «*лѣвая* рука», «*лѣвая* сторона», а также и съ утратою 3-го коренного n въ словахъ — 1) др.-г. მარცხულ mar-ǰq̇-ul *слѣва*, 2) г. მარცხი mar-ǰq̇-i *несчастіе*, *неудача* (про человѣка *неудалый*, *неискусный*), *пораженіе* (ср. и семасіологически — арм. *ձախորդ* ďaq̇-ord, да и *ձախող* ďaq̇-oł, resp. ďaq̇-oǧ *неудачный*, *неудалый*), отсюда г. დამარცხება da-mar-ǰq̇-eba *наносить (причинять)*, resp. *терпѣть пораженіе*, *неудачу;* тубал-кайнская разновидность того же корня сохранена мингрельскимъ въ словахъ [3]) — კვარჩხანი kvar-ǰ̣q̇an-i *лѣвый* [собств. «*лѣвая* рука», «*лѣвая* сторона»], კვარჩხანი ხე kvar-ǰ̣q̇an-i q̇e *лѣвая рука* [ხე q̇e *рука* здѣсь, пожалуй, тавтологически], съ утратой 3-го коренного — კვარჩხი kvar-ǰ̣q̇-i *несчастіе*, *неудача*, *зло*, равно *неудачный (дурной) человѣкъ*. Въ сванскомъ появляется тотъ же корень опять таки съ дессибиляціею ǰ, resp. ǰ̣ въ ϑ, но съ паденіемъ q̇ въ исчезающій спирантъ h (*ϑhn > ϑn): ушк. ლარ-თან lar̋-ϑa̋n (<*la̋r-ϑha̋n) *лѣвый*, ла̄шх., лентех., ипар., мужало-мулах. ლერთენ ler-ϑen (< *ler-ϑhen) id., ла̄шх. ლერთნაჲ ler-ϑna-y *лѣвша* [4]). Словомъ, и *ďq̇a, resp. *ǰq̇a, прототипъ армянскаго *ձախ* ďaq̇ *лѣвый*, относится къ тому яфетическому

---

1) См. стр. 419, прим. 3.

2) Въ др.-г. собственно мы ожидали бы მარცხენე mar-ǰq̇ene-y.

3) I. Кипшидзе, *Мингр.-русск. сл.*, стр. 255, s. v.

4) Сванскій представляетъ особый интересъ первой частью, гдѣ въ параллель mar- въ картскомъ языкѣ и kwar- въ мингрельскомъ онъ проявляетъ la̋r-, resp. ler- > lər; такой же видъ имѣетъ первая часть и въ сванскомъ словѣ, означающемъ *правый* (см. выше, стр. 418, прим. 2). Это какъ будто опредѣляетъ r, какъ обычный въ яфетическихъ языкахъ фонетическій наростъ, особенно часто появляющійся передъ ассибилованными звуками. Признать же префиксъ въ la̋, resp. le>lə вынуждаетъ еще то, что онъ исчезаетъ при появленіи другого префикса m-, въ словѣ *лѣвый* однако придающагося въ большинствѣ сванскихъ говоровъ дополнительно: მურსგვენ mu-r+sgwen *находящійся справа*, *правый*, ушк. მჷვრსგვენ myw-r+sgwen id., მərთენ mə-r+ϑen *находящійся съ лѣвой стороны*, *неудачливый*, *роковой* (*человѣкъ*), въ лентехскомъ говорѣ — მəლერთენოლ mə-le-r+ϑen-ol id., а также таврар. მულურსგვენი mu-lu-r+sgweni *находящійся справа*, მəლəრთენ mə-lə-r+ϑen *лѣвша*, лентехск. მəლერთენი mə-le-r+ϑen-i id. И все-таки вопросъ о первой части пока считаю неразъясненнымъ, хотя въ подтвержденіе наращенія r могли бы мы привести рядъ аналогій, такъ, напр., характерный случай появленія, казалось бы, подобнаго r, и при префиксѣ ma-, какъ въ др.-г. მარჯუენე ma-r+ʒ̣uene-y *правый*, представляетъ м. მარტკინდი ma-r+ṫkind-i *перстень* при ч. მატკინდი ma-ṫkind-i id. (Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 32).

слою языковъ Арменіи, который, примыкая по огласовкѣ къ ш-группѣ, т. е. тубал-кайнской (-ϑ̣q̇an), по качеству перваго согласнаго роднится съ s-группой, т. е. к̔арт̔ской (-ϑ̇q̇en).

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Koptische Miscellen CXXVI—CXXX.

Von
Oscar von Lemm.

(Der Akademie vorgelegt am 10/23 April 1913).

CXXVI. ϣⲗⲏ.

Bei Peyron s. v. lesen wir:

ϣⲗⲏ T. Repere, Obrepere. In *Cod. Paris.* 44 fol. 122. ⲛ̄ⲑⲉ ⲅⲁⲣ ⲛ̄ⲛ̄ϥⲛ̄ⲧ ⲉⲧϣⲗⲏ ϩⲛ̄ ⲙ̄ⲙⲁϩⲧ sicuti enim vermes obrepentes (يدب *habet glossa Arabica*, a دب incessit rependo, obrepsit) in visceribus. Tum Z. 498 pestis *dicitur* ⲉⲧϣⲗⲏ obrepens, *ubi* Zoëga *perperam reddebat* Fodiens».

Bei Tattam s. v. steht nur:

ϣⲗⲏ. Sah. forte idem quod ϭⲣⲉ scalpere, fodere, Ms. Borg. CCII.

Und Bsciai in seinem «Auctarium»[1]) sagt folgendes:

ϣⲗⲏ Repere, Obrepere, Exhalare (odorem), Diffundi. Ⲧⲉⲩⲙⲁⲧⲟⲩ ⲛ̄ϩⲟϥ ⲉⲧϣⲗⲏ ϩⲛ̄ ⲧⲉϥⲯⲩⲭⲏ. Fr. Rossi, fasc. 2. p. 17. Ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉⲥⲟⲩⲱⲛ ⲇⲉ ⲛ̄ⲛ̄ⲣⲟ ⲙ̄ⲡⲉⲥⲕⲟⲓⲧⲱⲛ ⲁⲩϣⲗⲏ ⲟⲩⲥϯⲛⲟⲩϥⲉ ⲁⲩⲱ ⲁⲩⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟⲥ ⲉⲣⲉ ⲡⲉⲥϩⲟ ϩⲁⲉⲟⲟⲩ Fr. Rossi, fasc. 3. p. 35. Haec radix (ni fallor) pertinet ad ϣⲱⲗ διαχεῖν diffundere Prov. XXIII, 32.

1) Ä. Z. XXVI (1888), pag. 126.

Wir sehen hier, dass Peyron ϣⲗⲏ mit keinem anderen ähnlich lautenden Worte zusammenstellt und ihm nur die Bedeutung «repere, obrepere» giebt, wobei er Zoëga's Auffassung von ϣⲗⲏ als «fodere», was offenbar auf einer Verwechselung mit ϭⲣⲉ beruht, zurückweist.

Tattam kennt ϣⲗⲏ nur als Variante von ϭⲣⲉ. Bsciai fügt der Bedeutung «repere» noch die von «exhalare (odorem)» und «diffundere» hinzu, indem er ϣⲗⲏ mit ϣⲱⲗ zusammenstellt.

Doch hier hat nun Peyron, welcher sich bei ϣⲗⲏ nur auf die Bedeutung «repere, obrepere» beschränkt, das Richtige getroffen, und weder hält Tattam's Zusammenstellung mit ϭⲣⲉ «fodere», noch Bsciai's ϣⲗⲏ an der Stelle Rossi I. 3. p. 35 der Kritik gegenüber stand.

ϭⲣⲉ, ϭⲣⲏ bedeutet «graben, fodere, effodere», vgl. z. B. Ps. 7,16. ⲁϥϣⲉⲕⲧ̅ ⲟⲩϣⲏⲓ̈ ⲁϥϭⲣⲏ ⲙ̅ⲙⲟϥ. λάκκον ὤρυξε καὶ ἀνέσκαψεν αὐτόν. Luc. 13,8. ϣⲁⲛϯϭⲣⲏ ⲙ̅ⲡⲉⲥⲕⲱⲧⲉ. ἕως ὅτου σκάψω περὶ αὐτήν. 16,3. ⲙ̅ⲙⲛ̅ϭⲟⲙ ⲙ̅ⲙⲟⲓ ⲉϭⲣⲏ. σκάπτειν οὐκ ἰσχύω. Vgl. noch. Jes. 5,6. Ps. 79 (80),16.

ϣⲗⲏ, das mit ϭⲣⲏ nichts zu schaffen hat, hat nur die Bedeutung «kriechen, schleichen», wie in dem einen von Bsciai angeführten Beispiele Rossi, fasc. 2. p. 17: ⲧⲉⲩⲙⲁⲧⲟⲩ ⲛ̅ϩⲟϥ ⲉⲧϣⲗⲏ ϩ̅ⲛ ⲧⲉϥⲯⲩⲭⲏ[2]). «ihr (plur.) Schlangengift, welches schleicht in seiner Seele (ψυχή)».

Ob nun ϣⲗⲏ wurzelhaft verwandt ist mit ϣⲱⲗ, das wir bis jetzt nur aus Prov. 23,32 kennen, muss noch näher untersucht werden. Die Stelle lautet: ⲁⲩⲱ̅ ⲛ̅ⲑⲉ ⲙ̅ⲡⲉⲛⲧⲁⲩⲕⲩⲣⲁⲥⲧⲏⲥ ⲗⲟⲕⲥϥ̅ ⲉ̅ⲁ ⲧⲙⲁⲧⲟⲩ ϣⲱⲗ ⲉ̅ⲣⲟϥ. καὶ ὥσπερ ὑπὸ κεράστου διαχεῖται αὐτῷ ὁ ἰός. Bis jetzt war nur ein Verbum ϣⲱⲗ mit der Bedeutung «rauben, zerstören» bekannt; schwerlich dürfte aber dieses ϣⲱⲗ mit jenem oben erwähnten identisch sein.

Nun giebt Bsciai ϣⲗⲏ noch die Bedeutung «exhalare (odorem)»; letztere kann aber nur auf das zweite von ihm gegebene Beispiel zurückzuführen sein (Rossi fasc. 3, pag. 35): ⲛ̅ⲧⲉⲣⲉⲥⲟⲩⲱⲛ ⲇⲉ ⲛ̅ⲛ̅ⲣⲟ ⲙ̅ⲡⲉⲥⲕⲟⲓⲧⲱⲛ ⲁⲩϣⲗⲏ ⲟⲩⲥϯⲛⲟⲩϥⲉ. Nach Bsciai wäre das zu übersetzen: «als sie (Eudoxia) aber (δέ) die Thüren ihres Schlafgemaches (κοίτων) geöffnet hatte, strömten sie einen lieblichen Duft aus» das Subject wäre; «die Thüren». Doch da aus dem Zusammenhange der Erzählung hervorgeht, dass das Subject hier «die Eunuchen und die Jungfrauen», die ins Schlafgemach der Eudoxia eintreten, ist, so ist hier diese Übersetzung nicht annehmbar und ϣⲗⲏ muss hier «riechen (trans.), spüren» bedeuten, wie auch schon Rossi diese Stelle richtig übersetzt hat: «sentirono un dolce profumo» (pag. 93).

---

2) Parisin. 78 f. 11r liest: ⲧⲉⲩⲙⲁⲧⲟⲩ ⲛ̅ϩⲟϥ ϩ̅ⲛ ⲧⲉϥⲯⲩⲭⲏ.

Es ist zu beachten, dass der Kopte für «ausströmen (einen Duft), duften, riechen; stinken, olēre» stets das Verbum ϣⲱϣ ⲉⲃⲟⲗ gebraucht z. B. Mart. S. Heraclidis: ⲉⲣⲉ ⲛⲉⲕⲗⲁⲧⲟⲥ ⲉⲡϣⲏⲛ ⲉ̄ⲡⲱⲛϩ̄ ϣⲉϣ-ⲥ̄ⲧⲛⲟⲩϥⲉ ⲉ̄ⲃⲟⲗ[3]). «die Zweige (κλάδος) des Lebensbaumes strömen einen lieblichen Duft aus».

Dem Verbum ϣⲗⲏ mit der Bedeutung «riechen (trans.), olfacere» begegnen wir noch einmal an einer Stelle, die von Bsciai übersehen worden ist. Sie steht Rossi I. 3, pag. 25 (V, 47—51): ⲡⲁϊ (ⲡ)ⲉ ⲡϩⲟⲟⲩ (ⲛ̄)ⲧⲁ ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ϣⲗⲏ (?) ⲟⲩⲥⲧⲛⲟⲩϥⲉ ⲉϥ. . . . ϩⲙ̄ ⲡⲕⲁϩ. Rossi l. l. pag. 89) übersetzt hier: «poichè questo è il giorno in cui il Signore liberò la terra». Hier hat nun Rossi ϣⲗⲏ ⲟⲩⲥⲧⲛⲟⲩϥⲉ einfach übersprungen und nach ⲡϫⲟⲉⲓⲥ (der Herr) gleich ⲉϥ. . . . ϩⲙ̄ ⲡⲕⲁϩ «liberò la terra» übersetzt. Die Ergänzung muss sich Rossi als ⲉϥ[ⲛⲉ]ϩⲙ̄ gedacht haben, da er «liberò» übersetzt. Mir scheint aber diese Ergänzung etwas zweifelhaft zu sein. Ich würde hier eher an ⲉϥ[ⲙⲟⲩ]ϩ ⲙ̄ⲡⲕⲁϩ «welcher die Erde erfüllte» oder, wenn der Raum es gestattet, an ⲉϥ[ⲉⲓ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉⲃⲟⲗ] ϩⲙ̄ ⲡⲕⲁϩ «welcher aufstieg von der Erde» denken und auf ⲥⲧⲛⲟⲩϥⲉ beziehn.

Es entsteht nun natürlich die Frage: Wie verhalten sich die beiden ϣⲗⲏ zu einander?

Mit dem zweiten ϣⲗⲏ «repere, obrepere» (Rossi I. 2, pag. 17) hat es seine Richtigkeit, während im ersten ϣⲗⲏ «odarari, olfacere (l. l. I. 3, pagg. 25 u. 35) sicher ein Fehler vorliegt, mag nun die Handschrift so lesen, oder mag es ein Schreibfehler Rossi's sein. In diesem ϣⲗⲏ sehe ich einen Fehler für ϣⲗⲙ̄, die verkürzte Form von ϣⲱⲗⲙ̄ seq. ⲛ̄ oder ⲉ mit der Bedeutung «odorari, olfacere, riechen (trans.)».

Dass im ersten ϣⲗⲏ aber eine verkürzte Verbalform stecken müsse, war von vornherein anzunehmen, da an beiden Stellen vor ⲟⲩⲥⲧⲛⲟⲩϥⲉ keine Partikel steht, also das directe Object unmittelbar an das Verbum geknüpft ist, was doch nur bei der verkürzten Verbalform vorkommen kann.

Zu ϣⲱⲗⲙ̄ : ϣⲱⲗⲉⲙ, ϣⲗⲙ̄ : ϣⲉⲗⲉⲙ vergl. Gen. 8,21. ⲁⲩⲱ ⲁ ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ϣⲱⲗⲙ̄ ⲉⲩⲥⲧⲛⲟⲩϥⲉ. καὶ ὠσφράνθη κύριος ὁ θεὸς ὀσμὴν εὐωδίας.—Exod. 30, 38. ⲫⲏ ⲇⲉ ⲉⲧⲛⲁⲑⲁⲙⲓⲟ ⲙ̀ⲡⲁⲓⲣⲏϯ ϩⲱⲥⲇⲉ ⲉ̀ϣⲉⲗⲉⲙ ⲥⲑⲟⲩⲛⲟⲩϥⲓ ⲛ̀ϧⲏⲧϥ ⲉⲩⲉ̀ⲧⲁⲕⲟϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ ⲡⲉϥⲗⲁⲟⲥ.

---

3) Meine im Drucke befindlichen «Bruchstücke kopt. Märtyrerakten» I—V, pag. 25 b 20—23.

CXXVII. ⲁⲙⲏⲙ oder ⲁⲙⲏ?

Bei Peyron finden wir ein Wort ⲁⲙⲏⲙ auf Grund der einzigen Stelle Sap. 12,8 angeführt, mit der Bedeutung σφῆκες, vespae. Es steht dort in folgender Verbindung:

ⲉⲁⲕⲧⲛ̄ⲛⲟⲟⲩ ⲛⲁⲩ ⲛ̄ϩⲉⲛⲁⲙⲏⲙ ⲡⲣⲟⲇⲣⲟⲙⲟⲥ.... ⲙ̄ⲡⲉⲕⲥⲧⲣⲁⲧⲉⲩⲙⲁ. (Lagarde). ἀπέστειλάς τε προδρόμους τοῦ στρατοπέδου σου σφῆκας.

Bei Sir Herbert Thompson[4]) steht dafür: [ⲁ]ⲕⲧⲛⲛⲟⲟⲩ ⲛⲁⲩ [ⲛ̄ϩⲉⲛⲁⲙⲏⲙ ⲙ̄]ⲡⲣⲟⲇⲣⲟⲙⲟⲥ ϩⲁⲑⲏ ⲙ̄ⲡ[ⲉⲕⲥⲧⲣⲁⲧⲉⲩⲙⲁ]. In der Fussnote bemerkt Thompson dazu: «[ⲙ̄]ⲡⲣⲟⲇⲣⲟⲙⲟⲥ] om. ⲙ̄ Lag., but I think the space here require the ⲙ̄ which grammar demands».

Wir sehen hier, dass sowohl Lagarde wie Thompson der Meinung sind, dass das Wort ⲁⲙⲏⲙ laute; freilich wäre Thompson in solchem Falle im Recht vor ⲡⲣⲟⲇⲣⲟⲙⲟⲥ noch ein ⲙ̄ einzuschieben. Doch, wie wir gleich sehen werden, bedarf der Lagarde'sche Text keiner Ergänzung, nur ist dort anders abzutheilen, da die richtige Form des Wortes nicht ⲁⲙⲏⲙ ist, sondern ⲁⲙⲏ. Man vergl. dazu folgende Stellen:

Exod. 23,28. ⲁⲩⲱ ϯⲛⲁϫⲟⲟⲩ ⲛ̄ⲛⲁⲙⲏ ϩⲁ ⲧⲉⲕϩⲏ. (Maspero). καὶ ἀποστελῶ τὰς σφηκίας προτέρας σου. — Jos. 24,12. ⲁⲩⲱ ⲁϥϫⲟⲟⲩ ϩⲁⲧⲉⲧⲛ̄ϩⲏ ⲙ̄ⲡⲁⲙⲏ. (Thompson). καὶ ἐξαπέστειλε προτέραν ὑμῶν τὴν σφηκίαν. — Deut. 7,20. ⲁⲩⲱ ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲡⲉⲕⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛⲁϫⲟⲟⲩ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲛ̄ⲛⲁⲙⲏ. (Budge). καὶ τὰς σφηκίας ἀποστελεῖ κύριος ὁ θεός σου εἰς αὐτούς.

Auf Grund dieser Stellen müssen wir jetzt Sap. 12,8 lesen: ⲉⲁⲕⲧⲛ̄ⲛⲟⲟⲩ ⲛⲁⲩ ⲛ̄ϩⲉⲛⲁⲙⲏ ⲙ̄ⲡⲣⲟⲇⲣⲟⲙⲟⲥ ϩⲁⲑⲏ ⲙ̄ⲡⲉⲕⲥⲧⲣⲁⲧⲉⲩⲙⲁ.

Wir können also ⲁⲙⲏⲙ aus dem koptischen Wortschatze streichen und durch ⲁⲙⲏ ersetzen.

CXXVIII. Zu einer Rede des Euhodios[5]) 1.

Rossi, I papiri copti di Torino II. 4, pagg. 8—39. Pag. 8a, 2–8.

(ⲉⲡ)ⲉⲓ̈ⲇⲏ ⲛⲧⲁⲩ	.....ⲙⲟϫⲧ
(ⲥⲩ)ⲛϩⲓⲥⲧⲁ ⲁⲛ	.....ⲛⲉⲩⲣⲁ
ⲛⲛⲉⲓ̈ⲛⲟⲙⲟⲥ	.....ⲁⲁⲃ ⲛ
5 .....ⲁⲩ	

4) The Coptic (Sahidic) Versions of certain books of the Old Testament. Oxford, 1908 pag. 95.

5) Eine Stelle dieser Rede habe ich bereits besprochen Misc. XLIII.

(L. l. pag. 101): «Poscia non si occuparono di questi leggi».......... — Ich ergänze hier:

[ⲉⲡ]ⲉⲓ̈ⲇⲏ ⲛⲧⲁⲩ	[ⲁⲗⲗⲁ ⲁⲩ]ⲙⲟϫⲧ
[ⲥⲩ]ⲛϩⲓⲥⲧⲁ ⲁⲛ	[ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ ⲙⲛ̄] ⲛⲉⲅⲣⲁ
ⲛⲛⲉⲓ̈ⲛⲟⲙⲟⲥ	[ⲫⲏ ⲉⲧⲟⲩ]ⲁⲁⲃ ⲛ
[ⲉⲧⲙ̄ⲙ]ⲁⲩ	

d. h. «da (ἐπειδή) sie nicht widersprachen (συνιστάναι) jenen Gesetzen (νόμος), sondern (ἀλλά) sie vermengten mit den heiligen Schriften (γραφή)......»

Vergl. pag. 12b 24—29.

ⲁϥϩⲙⲟⲟⲥ .ⲁⲩⲙ(ⲟⲩ)	«Er sass und mischte
ϫⲧ ⲛⲉϥϣⲁϫⲉ	seine Worte mit
ⲙⲛ ⲛϣⲁϫⲉ ⲙ	den Worten des
ⲡⲛⲟⲙⲟⲥ ⲛⲑⲉ	Gesetzes (νόμος) wie
ⲛⲟⲩⲉⲃⲓⲱ̄ ⲙⲛ ⲟⲩ	Honig mit Galle».
ⲥⲓ̈ϣⲉ.	

Pag. 8a 9—13.

ⲟⲥ ⲣⲭ......	ⲡⲥⲟⲡⲥ ⲙⲡⲗⲁ..
ⲃⲓⲁ ⲙⲡⲟⲩ...	ⲉⲧⲣⲉⲩϯⲧⲟⲟⲧ..
ⲡⲟⲩⲏⲏⲃ ⲣⲭⲣ..	(ⲛⲙ)ⲙⲁⲩ.

Von Rossi nicht übersetzt. Ich ergänze hier:

[ⲡⲗⲁ]	d. h. «Das Volk (λαός) bedarf
ⲟⲥ ⲣⲭ[ⲣⲓⲁ ⲛ̄ⲧⲡⲣⲉⲥ]	(-χρεῖα) der Fürsprache
ⲃⲓ̈ⲁ ⲙⲡⲟⲩ[ⲏⲏⲃ ⲁⲩⲱ]	(πρεσβεία) des Priesters
ⲡⲟⲩⲏⲏⲃ ⲣⲭⲣ[ⲓⲁ ⲙ̄]	und der Priester bedarf
ⲡⲥⲟⲡⲥ ⲙⲡⲗⲁ[ⲟⲥ]	(-χρεῖα) des Gebets des
ⲉⲧⲣⲉⲩϯⲧⲟⲟⲧ[ⲟⲩ]	Volks (λαός), damit sie
[ⲛⲙ̄]ⲙⲁⲩ.	einander helfen».

Pag. 8b 19–26 (Fol. II).

ⲉⲣϣⲁⲛ....	ⲟⲩⲛ.
ⲗⲏⲛ ⲡⲓ̈ⲟⲩ(ⲇⲁⲓ̈)	ⲁⲛⲟⲕ ϩⲱ..
ϫⲟⲟⲥ ⲛⲁⲓ̈ ϫⲉ (ⲙ̄)	ϫⲡⲓ̈ⲉ ⲧⲉϥⲙ(ⲛⲧ)
ⲡⲉ ⲡϫⲟⲉⲓ̈ⲥ...	ⲁⲧⲑⲏⲧ ⲛ...

(L. l. pag. 101): «Se il pagano, il giudeo dice a me, che il Signore non..... Io stesso rinfaccio la sua stolzessa....»

Ich emendiere und ergänze:

ⲉⲣϣⲁⲛ [ⲟⲩϩⲉⲗ]
ⲗⲏⲛ ⲏ ⲓ̈ⲟⲩ[ⲇⲁⲓ̈]
ϫⲟⲟⲥ ⲛⲁⲓ̈ ϫⲉ [ⲙ̄]
ⲡⲉ ⲡϫⲟⲉⲓ̈ⲥ [ⲧⲱ]
ⲟⲩⲛ.
ⲁⲛⲟⲕ ϩⲱ [ϯⲛⲁ]
ϫⲡⲓ̈ⲉ ⲧⲉϥⲙⲛⲧ
ⲁⲧϩⲏⲧ ⲛ. . . . . sic

d. h. «Wenn ein Grieche (Ἕλλην) oder (ἤ) Jude mir sagt: «Der Herr ist nicht auferstanden», so werde ich selbst seine Thorheit widerlegen».

Pag. 10c 18–23. (Fol. V.).

ⲙⲙⲁⲩ. . . . .
ⲣⲓ̈ⲙⲉ ⲙⲛ ⲡϭ(ⲁϩ)
ϭϩ̄. ⲛⲛⲟⲃϩⲉ
ⲡⲁⲓ̈ ⲉⲧⲉ
ⲙⲡⲟⲩⲧⲁϫⲣⲉ
ⲕⲁⲗⲱⲥ.

(*L. l.* pg. 102): «fra il pianto e lo stridore dei denti. Quegli che non è ben fondato».

Der Anfang ist hier nach Matth. 8, 12 ⲉϥⲛⲁϣⲱⲡⲉ ⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲛ̄ϭⲓ ⲡⲣⲓⲙⲉ ⲙⲛ̄ ⲡϭⲁϩϭϩ̄ ⲛ̄ⲛⲟⲃϩⲉ zu ergänzen. Weiter hat hier Rossi zwischen ⲙⲡⲟⲩⲧⲁϫⲣⲉ und ⲕⲁⲗⲱⲥ ausgelassen: ⲛ̄ⲛⲉϥⲥⲛⲧⲉ, was ganz deutlich in der Handschrift steht. Wir erhalten nun folgenden Text:

[ⲉϥⲛⲁϣⲱⲡⲉ]
ⲙⲙⲁⲩ [ⲛϭⲓ ⲡ]
ⲣⲓ̈ⲙⲉ ⲙⲛ ⲡϭ[ⲁϩ]
ϭϩ̄ ⲛⲛⲟⲃϩⲉ.
ⲡⲁⲓ̈ ⲉⲧⲉ
ⲙⲡⲟⲩⲧⲁϫⲣⲟ
ⲛ̄ⲛⲉϥⲥⲛⲧⲉ
ⲕⲁⲗⲱⲥ.

d. h. «Dort wird sein Weinen und Zähne-knirschen; dieser, dessen Fundamente nicht gut (καλῶς) befestigt waren.»

Pag. 12a 14–20. (Fol. VII).

—— ⲕⲉⲟⲩⲁ ⲁⲩⲛⲟ
. . . ⲛⲃⲁⲣ(ⲃⲁⲣ)
(ⲟⲥ) ⲛ̄ϩⲉⲑⲛⲓ
(ⲕⲟ)ⲥ ϣⲏϩⲧⲏϥ
ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉϫⲱϥ ⲁϥ
ⲛⲧϥ' ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ϩⲙ
ⲡϣⲏⲓ̈.

Es ist hier von Jeremias die Rede. Vgl. Jer. 43, 16 (37, 16). 44, 6. (38, 6). — Wir können hier ergänzen:

14 —— ⲕⲉⲟⲩⲁ ⲁⲩⲛⲟ	[ⲕⲟ]ⲥ ϣⲛϩⲧⲏϥ
[ϫϥ ⲉⲟⲩϣⲏⲓ̈ ⲁ ⲟⲩ]	ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲉϫⲱϥ ⲁϥ
[ⲣⲱⲙⲉ] ⲛⲃⲁⲣ[ⲃⲁ]	ⲛⲧϥ' ⲉϩⲣⲁⲓ ϩⲙ
[ⲣⲟⲥ] ⲛ̄ϩⲉⲑⲛⲓ	ⲡϣⲏⲓ̈.

d. h. «Ein anderer wurde in eine Grube geworfen. Ein Barbar (βάρβαρος), ein Heide (ἐθνικός) erbarmte sich seiner und zog ihn heraus aus der Grube».

Pag. 12a 27 – b 4. (Fol. VII).

ⲁϥⲧⲁⲁⲩ ⲉϩⲣ(ⲁⲓ̈ ⲉ)	ⲡⲣⲣⲟ (ⲙⲃⲁⲃⲩ) sic
ⲧⲟⲟⲧⲟⲩ ⲛⲛϩⲉⲑ	b 1 ⲗⲱⲛ. . . . .
ⲛⲟⲥ ⲛⲧⲁⲩⲣ̄ ⲛ(ⲉ)	ⲉϫⲛ ⲛⲉ. . . .
30 ϩⲃⲏⲩⲉ ⲁϥ. . . .	ⲟⲥ ⲁⲩϫⲓⲧ(ⲟⲩ)
ⲉⲧⲟⲟⲧ(ϥ ⲛⲛⲁ)	ⲉⲡⲏⲓ̈ ⲙ̄ⲡⲣⲣⲟ.
ⲃⲟⲩⲭⲟⲇ(ⲟⲛⲟⲥⲱⲣ)	

(L. l. pag. 103): «e li diede nelle mani di nazioni che il fecero *schiavi* di Nabucodonossore re di Babilonia...... li trassero alla casa del re.»

Man sieht, dass Rossi diese Stelle nicht verstanden hat.

Ich ergänze und emendiere hier:

ⲁϥⲧⲁⲁⲩ ⲉϩⲣ[ⲁⲓ̈ ⲉ]	ⲡⲣⲣⲟ [ⲛ̄ⲧⲃⲁⲃⲩ]
ⲧⲟⲟⲧⲟⲩ ⲛⲛϩⲉⲑ	ⲗⲱⲛ. [ⲁϥⲁⲙⲁϩⲧⲉ]
ⲛⲟⲥ ⲛⲧⲁⲩⲣ̄ ⲛ[ⲉⲓ̈]	ⲉϫⲛ ⲛⲉ[ⲥⲕⲉⲩ]
30 ϩⲃⲏⲩⲉ ⲁϥ[ⲧⲁⲁⲩ]	ⲟⲥ ⲁⲩϫⲓⲧ[ⲟⲩ]
ⲉⲧⲟⲟⲧ[ϥ ⲛ̄ⲛⲁ]	ⲉⲡⲏⲓ ⲙ̄ⲡⲣⲣⲟ.
ⲃⲟⲩⲭⲟⲇ[ⲟⲛⲟⲥⲱⲣ]	

d. h. «Er gab sie in die Hände der Heiden (ἔθνος), die diese Werke thaten; er übergab sie in die Hand Nabuchodonosor's, des Königs von Babylon. Er (Nab.) nahm die Geräthe (σκεῦος) und man brachte sie in das Haus des Königs.»

Der Text sagt hier weiter: ϩⲱⲥ ⲉⲙⲛϣϭⲟⲙ ⲉⲧⲣⲉ ⲛⲓⲟⲩⲇⲁⲓ̈ ⲃⲱⲕ ⲉⲧⲉⲩⲭⲱⲣⲁ ⲉⲧⲙⲧⲣⲉⲩϫⲓ̈ⲧⲟⲩ ⲛⲙⲙⲁⲩ. «Wie (ὡς) wäre es möglich, dass die Juden in ihr Land (χώρα) zurückkehrten, ohne dieselben mit sich zu nehmen!»

Pag. 17a 30—b 25. (Fol. XIII

ⲛϩⲉⲗⲗⲏⲛ ⲇⲉ ⲕⲁⲛ
b ⲙⲡⲟⲩⲱϣ ⲛⲛⲉ
ⲅⲣⲁⲫⲏ ⲁⲗⲗⲁ
ⲁⲕⲙ. . . ⲛϩⲟⲉⲓ̈ⲛⲉ
ⲛϩⲏⲧⲟⲩ ⲁⲩⲕⲁ. .
ⲧⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ ϫⲓ̈ⲛ ⲧⲉ
ⲭⲱⲣⲁ ⲁⲩⲉⲓ̈ ⲉⲧ(ⲣⲉⲩ)
ⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟϥ.
ⲛⲑⲉ ⲉⲧⲉⲣⲉ ⲡⲥⲁϩ
ⲓ̈ⲱϩⲁⲛⲛⲏⲥ ϫⲱ
ⲙⲙⲟⲥ ⲛⲛⲟⲩⲟ
ⲉⲓ̈ⲉⲛⲓⲛ ϩⲛ ⲛⲉϥ
ϣⲁϫⲉ
ⲉⲧⲉ ⲙⲏⲛⲧⲟⲗⲟⲥ [sic]
ⲛϩⲏⲧⲟⲩ ⲛⲓ̈ⲟⲩ
ⲇⲁⲓ̈ ⲛⲧⲟⲟⲩ ⲉⲡⲉⲓ̈
ⲇⲏ ⲛⲇⲁⲓ̈ⲙⲱⲛ
ⲛⲉϣ̅ⲃⲏⲣ̅ ⲛⲉ ⲉⲓ̈
ϣⲁϫⲉ ⲉⲛⲇⲁⲓ̈ⲙ(ⲱ̅)
ⲛⲧⲁⲩⲣϣⲙ. . . .
ⲧⲙⲣⲧⲁⲅⲅ. . .
ϩⲙⲡⲧⲣ. . . .
ⲥⲓ̈ⲁⲍⲉ ⲟⲩ. . . .
ⲧⲁϥⲧ. . . . . . .
ⲕⲁⲥ. . . . . . .
ⲱⲣⲉ. . . . .

(L. l. pag. 105): «I pagani se non hanno letto le scritture, ma. . . . . Alcuni di essi uscirono dalla contrada per venirlo a vedere, come disse il maestro Giovanni ai Greci nelle sue lettere: . . . . . poichè i demoni sono loro compagni, io parlo ai demoni, che. . . . .»

Ich ergänze hier folgendermassen:

a ⲛϩⲉⲗⲗⲏⲛ ⲇⲉ ⲕⲁⲛ
b ⲙⲡⲟⲩⲱϣ ⲛⲛⲉ
ⲅⲣⲁⲫⲏ ⲁⲗⲗⲁ
ⲁⲕⲙ. . . ⲛϩⲟⲉⲓ̈ⲛⲉ
ⲛϩⲏⲧⲟⲩ ⲁⲩⲕⲁⲣ[ⲁ] [sic]
ⲧⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ ϫⲓ̈ⲛ ⲧⲉ
ⲭⲱⲣⲁ ⲁⲩⲉⲓ̈ ⲉⲧ[ⲣⲉⲩ]
ⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟϥ.
ⲛⲑⲉ ⲅⲁⲣ ⲡⲥⲁϩ
ⲓ̈ⲱϩⲁⲛⲛⲏⲥ ϫⲱ
ⲙⲙⲟⲥ ⲛⲛⲟⲩⲟ
ⲉⲓ̈ⲉⲛⲓⲛ ϩⲛ ⲛⲉϥ
ϣⲁϫⲉ
ⲉⲧⲉ ⲙⲏⲛ ⲧⲟⲗⲟⲥ
ⲛϩⲏⲧⲟⲩ ⲛⲓ̈ⲟⲩ
ⲇⲁⲓ̈ ⲛⲧⲟⲟⲩ ⲉⲡⲉⲓ̈
ⲇⲏ ⲛⲇⲁⲓ̈ⲙⲱⲛ
ⲛⲉⲩϣ̅ⲃⲏⲣ ⲛⲉ ⲉⲓ̈
ϣⲁϫⲉ ⲉⲛⲇⲁⲓ̈ⲙ[ⲱⲛ]
ⲛⲧⲁⲩⲣϣⲙ[ⲙⲟ ⲉ]
ⲧⲙⲛⲧⲁⲅⲅ[ⲉⲗⲟⲥ]
ϩⲙ ⲡⲧⲣ[ⲉⲩⲥⲧⲁ]
ⲥⲓ̈ⲁⲍⲉ ⲟⲩ[ⲃⲉ ⲡⲉⲛ]
ⲧⲁϥⲧ[ⲁⲙⲓ̈ⲟⲟⲩ. ⲁⲩ]
ⲕⲁⲥ[ⲕⲥ ⲉⲛϫⲱ]
ⲱⲣⲉ. . . . .

«Die Heiden (῞Ελλην) aber (δέ), wenn sie auch (κἄν) die Schriften (γραφή) nicht gelesen haben, sondern (ἀλλά). . . . . einige von ihnen zogen aus ihrem Lande (χώρα) und kamen um ihn zu sehen, wie der Meister

Johannes den Griechen in seinen Schriften sagt: «In welchen keine Hinterlist (δόλος) ist». Die Juden aber, da (ἐπειδή) die Dämonen (δαίμων) ihre Freunde sind, — ich spreche von den Dämonen (δαίμων), welche sich entfremdeten der Engelschaft (ⲙⲛ̄ⲧⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ = ἀγγελική), als sie sich empörten (στασιάζειν) gegen den, der sie geschaffen hatte, — sie (die Juden) zischelten gegen den Mächtigen . . . . .»

Der Verfasser stellt hier die Juden in ein sehr ungünstiges Licht. Das dem Evangelisten Johannes zugeschriebene Wort: ⲉⲧⲉ ⲙⲛⲛ ⲧⲟⲗⲟⲥ ⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ, welches hier auf die Heiden bezogen wird, geht auf Joh. 1,48 zurück: ⲉⲓⲥ ⲟⲩⲉⲓⲥⲣⲁⲏⲗⲓⲧⲏⲥ ⲛⲁⲙⲉ ⲉⲙⲛ̄ ⲕⲣⲟϥ ⲛ̄ϩⲏⲧϥ̄. Ἴδε ἀληθῶς Ἰσραηλίτης, ἐν ᾧ δόλος οὐκ ἔστι., wo diese Worte sich auf den Juden Nathanael beziehen.

Pag. 21 b 12—23. (Fol. XVII).

ⲛⲟⲩϥ ⲛⲁⲩ
ⲛⲉⲧⲟⲩⲱⲙ ⲙ
ⲡⲙⲁ ⲛⲛⲁ ⲙ
ⲡⲉ ⲛⲉⲩⲉ̈ⲓⲟⲧ(ⲉ)
ⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟϥ ⲧⲉ ϩ[illegible]
ⲛⲛⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ
ⲥⲉⲉⲡⲓ̈ⲑⲩⲙⲉⲓ̈
ⲧⲉϩⲣⲉ ⲛⲛⲣⲓ̈ⲣ ⲉ
ⲧⲉ ⲡϣⲱⲡⲉ ⲡⲉ
ⲙⲛ ⲡⲉⲙⲉⲗⲉ̄ ⲡⲉ
ⲡⲱⲛ ⲙⲛ ⲛⲉⲧ
ⲧⲛ̄ⲧⲱⲛ ⲉⲣⲟⲟⲩ

(l. l. pag. 107): «. . . . . . facendo loro del bene dando a mangiare la manna; non la vedevano i padri loro, ma gli angeli. . . . desideravano il cibo dei porci, che è il melone ed il cocomero, e le cose che a questo somigliano» d. h. «ihnen Gutes thuend (und) Manna zu essen gebend; nicht haben es (das Manna) gesehen ihre Väter, sondern die Engel. . . . sie haben verlangt nach der Speise der Schweine, das ist die Gurke und die Melone und was ihnen ähnlich ist».

Also nach Rossi haben ihre Väter das Manna nicht gesehen, sondern die Engel.

Ich fasse die Sache ganz anders auf. Z. 16 ist am Schluss zu ergänzen: ⲧⲉϩ[ⲣⲉ] und dann zu übersetzen: «ihnen Gutes [gebend]. Welche essen das Manna (μάννα), das ihre Väter nicht gesehen haben, die Speise der Engel (ἄγγελος), verlangen (ἐπιθυμεῖν) nach der Speise der Schweine d. i. die Gurke und die Melone (μηλοπέπων) und was ihnen ähnlich ist».

Es ist im vorhergehenden die Rede von den Juden, welche Barabbas Jesu vorziehen. Jesus wird hier mit dem Manna, der Speise der Engel verglichen, aber mit einem Manna, das doch noch anders ist, als dasjenige, welches ihre Väter in der Wüste gegessen haben. Barabbas wird dagegen mit der Speise der Schweine verglichen.

pag. 29a 27—b 14. (Fol. XXVI).

ⲡⲣⲣⲟ ⲕⲗⲁⲩⲇⲓ̈ⲟⲥ . .
ⲕⲉⲓ̈ ⲛⲛⲉⲓ̈ⲣ . . .
ⲃⲟⲗ ϩⲛ ϩⲣⲱⲙ(ⲏ)
ⲧⲙⲏⲧⲣⲟⲡⲟⲗⲓ̈(ⲥ)
ⲛⲛⲉϩⲣⲱⲙⲁⲓ̈ⲟ(ⲥ)
ϫⲉ ⲛϣⲁϫⲉ ⲙⲡⲓ̈(ⲗⲁ)
ⲧⲟⲥ ⲙⲁⲣⲟⲩⲟϣ . .
ⲉⲙⲙⲁϫⲉ ⲙⲡⲣ
ⲣⲟ̅ ⲛⲉⲩⲥⲉⲃⲏ̅ⲥ̅ .

ⲛⲧⲉⲣⲉ ⲡⲡⲁⲧⲣⲓ̈(ⲁⲣ)
ⲭⲏⲥ ⲇⲉ ⲛⲁⲩ ⲉⲡ . .
ⲑⲩⲃⲟⲣⲟⲥ ⲙⲡⲗⲁ
ⲟⲥ ⲁϥⲣϩⲟⲧⲉ ϫⲉ
ⲛⲛⲉ ϩⲉⲛϩⲱⲧⲃ
ϣⲱⲡⲉ ⲙⲡⲗⲁⲟⲥ
ϩⲛ ⲧⲙⲏⲧⲉ ⲛⲧⲉⲕ
ⲕⲗⲏⲥⲓ̈ⲁ .

pag. 109. «L'imperatore Claudio. . . . . da Roma, la metropoli dei Romani, acciochè la parole di Pilato giungessero alle orecchie del pio Imperatore. Ma avendo il patriarca veduto l'*agitazione* del popolo, temette, che avvenissero stragi in mezzo della chiesa».

Hier ist zunächst in Z. 27—29 zu ergänzen [ⲇⲓⲱ]ⲕⲉⲓ ⲛⲛⲉⲓ̈ⲣ[ⲱⲙⲉ ⲉ]ⲃⲟⲗ ϩⲛ ϩⲣⲱⲙⲏ d. h. «Der König Klaudios vertrieb diese Männer aus Rom».

Z. 4 ist zu ergänzen ⲙⲁⲣⲟⲩⲟϣ[ⲟⲩ]. Z. 3—6 wäre dann zu übersetzen: «Die Worte des Pilatos mögen vorgelesen werden den Ohren des frommen (εὐσεβής) Königs».

Zum Worte ⲑⲩⲃⲟⲣⲟⲥ, bemerkt Rossi: «La piccola lacuna che precede il vocabolo ⲑⲩⲃⲟⲣⲟⲥ mi lascia incerto sul valore a darsi a questa parola, che io congetturalmente traduco per *agitazione*».

Rossi hat hier mit agitazione den Sinn gut getroffen, denn in ⲑⲩⲃⲟⲣⲟⲥ dürfte wohl kaum etwas anderes stecken, als ein corrumpiertes θόρυβος *ⲑⲟⲣⲩⲃⲟⲥ. Der Schreiber hat offenbar an ⲑⲩⲣⲟⲣⲟⲥ (θυρωρός) gedacht, welches in dem Texte mehrfach vorkommt.

Pag. 29 b 20—27.

(ϫⲟ)ⲟⲥ ⲛϭⲓ ⲛⲁⲣ
(ⲭⲱⲛ) ⲙⲡⲓ̈ⲗⲁ
(ⲧⲟⲥ ⲛⲙ) ⲡⲉⲓ̈ⲡⲗⲁ
(ⲛ̄ⲓ̈)ⲟⲥ ϫⲟⲟⲥ ϫⲓ̈ ⲛⲉϥ
. . . ϩ ϫⲉ ⲉⲓ̈ϣⲁⲛ
ⲙⲟⲩ ϯⲛⲁⲧⲱⲟⲩⲛ
ϩⲙ ⲡⲙⲉϩϣⲟ
ⲙⲛⲧ ⲛϩⲟⲟⲩ.

L. l. pag. 109.

«Dissero gli arconti a
Pilato: quest' impestore
ha detto: . . . . . se
io muoio, risuscitero
ai terzo giorno».

In einer Anmerkung zu seiner Übersetzung verbessert Rossi Z. 22. 23 (ϫⲉⲁ) ⲡⲉⲓ̈ⲡⲗⲁ(ⲛ)ⲟⲥ. — Z. 23. 24 theile ich ab und ergänze: ϫⲓ̈ⲛ ⲉϥ[ⲟⲛ]ϩ. Wir erhalten dann folgenden Text:

——— [ⲁⲩ]	«Es sprachen die
[ϫⲟ]ⲟⲥ ⲛϭⲓ ⲛⲁⲣ	Ältesten (ἄρχων)
[ⲭⲱⲛ] ⲙⲡⲓ̈ⲗⲁ	zu Pilatos: Dieser
[ⲧⲟⲥ. ϫⲉ ⲁ] ⲡⲉⲓ̈ⲡⲗⲁ	Betrüger (πλάνος)
[ⲛ]ⲟⲥ ϫⲟⲟⲥ ϫⲓ̈ⲛ ⲉϥ	sagte, während
[ⲟⲛ]ϩ ϫⲉ ⲉⲓ̈ϣⲁⲛ	er noch lebte,
ⲙⲟⲩ ϯⲛⲁⲧⲱⲟⲩⲛ	also: Wenn ich
ϩⲙ ⲡⲙⲉϩϣⲟ	sterbe, werde ich
ⲙⲛⲧ ⲛϩⲟⲟⲩ.	am dritten Tage
	auferstehn.

Vergl. Matth. 27, 63 ⲡⲉⲓⲡⲗⲁⲛⲟⲥ ⲁϥϫⲟⲟⲥ ϫⲓⲛ ⲉϥⲟⲛϩ̄. ϫⲉ ϯⲛⲁ ⲧⲱⲟⲩⲛ ⲙⲛ̄ⲛ̄ⲥⲁ ϣⲟⲙⲛ̄ⲧ ⲛ̄ϩⲟⲟⲩ.

Pag. 30 c 7—9. (Fol. XXVII) pag. 110.

—— ⲛⲧⲉⲣⲟⲩⲛ...	«ed avendo veduto
ⲇⲉ ⲉⲧⲉⲓ̈ⲛⲟϭ ⲛ..	questo grande.....
ⲧⲁⲥⲓ̈ⲁ ⲁⲩϣⲧⲟⲣ..	furono conturbate».

Ich ergänze hier:

—— ⲛⲧⲉⲣⲟⲩⲛ[ⲁⲩ]	«Als sie aber (δέ)
ⲇⲉ ⲉⲧⲉⲓ̈ⲛⲟϭ ⲛ[ⲟⲡ]	diese grosse Erscheinung
ⲧⲁⲥⲓ̈ⲁ ⲁⲩϣⲧⲟⲣ[ⲧⲣ̄.]	(ὀπτασία) sahen,
	erschraken sie».

Pag. 37 c 21—23. (Fol. XXXV).

ⲁⲗⲗⲁ ⲙⲡⲕ...	Von Rossi nicht
ⲣ.ⲥ ⲉⲧⲙⲙⲁⲩ ⲡⲥⲛⲩ	übersetzt.
ⲡⲉ ⲙⲡϫⲓ̈ⲕ...	

Ich ergänze hier:

ⲁⲗⲗⲁ ⲙⲡⲕ[ⲁⲓ]	«aber (ἀλλά) zu jener
ⲣ[ⲟ]ⲥ ⲉⲧⲙⲙⲁⲩ ⲡⲥⲛⲩ	Zeit (καιρός) war die
ⲡⲉ ⲙⲡϫⲓ̈ⲕ[ⲃⲁ]	Zeit der Rache».

pag. 38 b 1–9. Fol. XXXVI

1 ——————— ⲉⲛⲉϥ	pag. 113.
ⲁϩⲉ ⲇⲉ (ⲉⲣ)ⲁⲧϥ ⲛϭⲓ̈ ⲟⲩ	.Era presente un
ⲙⲁⲧⲟⲓ̈ ⲛⲣⲙ̄ⲑⲩⲥⲁⲩ	soldato, uomo di
ⲣⲓ̈ⲁ ⲉϥⲟ ⲛϩⲉⲕⲁ	Isauria e centu-
5 ⲧⲟⲛⲧⲁⲣⲭⲟⲥ.	rione; questi, di
ⲡⲁⲓ̈ ⲡⲉⲛⲧⲁ ⲙⲁⲣ	cui ha parlato
ⲕⲟⲥ ⲡⲉⲩⲁⲅⲅⲉ	Marco l'Evange-
ⲗⲓ̈ⲥⲧⲏⲥ ϯⲣⲓ̈ ⲛϥ	lista, prese......
9 ϫⲓ̈ ⲡⲕⲉⲛⲇⲏⲣⲓ̈ⲟⲛ.	

Hier ist statt ϯⲣⲓ̈ ⲛϥ ϫⲓ̈ zu lesen ϯⲣⲓ̈ⲛϥ ϫⲉ und das Ganze zu übersetzen: «Es stand aber (δέ) da ein Soldat, ein Isaurier, ein Hekatontarch (ἑκατόνταρχος), dieser, welchen der Evangelist (εὐαγγελίστης) Markos nennt den Centurio (κεντυρίων)».

pag. 38 b 19–22 (Fol. XXXVI).

—— ⲛⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ⲁϥ	Von Rossi nicht
. . ⲧϥ ⲛⲧⲗⲟⲅⲭⲏ	übersetzt.
. . . . ⲡⲓ̈ⲣⲉⲧⲟⲩ	
. . . . ⲣⲟϥ ϫⲉ	

Ich ergänze hier:

—— ⲛⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ⲁϥ	«Alsbald schlug
[ⲣⲁϩ]ⲧϥ ⲛⲧⲗⲟⲅⲭⲏ	er ihn mit der
[ⲉⲛϥⲥ]ⲡⲓ̈ⲣ ⲉⲧⲟⲩ	Lanze (λόγχη) in
[ⲁⲃⲃ?]. . . . ⲣⲟϥ ϫⲉ	seine heilige (?) Seite

pag. 38 b 28–32. (Fol. XXXVI) pag. 113

ⲛⲧⲉⲣⲉ ⲡϩ. . .	«avendo veduto quello
ⲣⲟⲥ ⲉⲉ ⲙⲙⲁ. . .	che era accaduto,
ⲛⲁⲩ ⲉⲡⲉⲛⲧⲁϥ	si meravigliò».
ϣⲱⲡⲉ.	
ⲁϥⲣϣⲡⲏⲣⲉ —	

Ich ergänze und emendiere:

ⲛⲧⲉⲣⲉ ⲡϩ[ⲉⲕⲁⲧⲟⲛⲧⲁⲣ]	«Als aber der Hekaton-
ⲭⲟⲥ ⲇⲉ ⲙⲙⲁ[ⲧⲟⲓ]	tarch, der Krieger sah,
ⲛⲁⲩ etc.	was geschehen war,
	verwunderte er sich».

pag. 39 a 7—b 5. (Fol. XXXVI) pag. 113.

ⲗⲟⲓⲡⲟⲛ ⲛⲧⲉⲣⲉ	«Del resto avendo
ⲛⲉⲥⲧⲟⲭⲓ̈ⲟⲛ ϣⲓ̈	Nestochio temuto (?)
ⲡⲉ ϩⲏⲧϥ ⲙⲡⲉⲩ	il loro Demiurgo
ⲇⲏⲙⲓ̈ⲟⲩⲣⲅⲟⲥ ⲡⲉ	Cristo, la morte
ⲭ︦ⲥ︦ ⲁ ⲡⲙⲟⲩ ⲣϩⲟ	ebbe paura di
ⲧⲉ ⲉϯⲡⲉϥⲟⲩⲟⲉⲓ̈	accostarsi a Lui».
ⲉⲣⲟϥ.	

Wir sehen, das Rossi hier ⲛⲉⲥⲧⲟⲭⲓⲟⲛ für einen Personennamen hält, ähnlich wie ⲉⲩⲥⲧⲟⲭⲓⲟⲛ, da er es in seiner Übersetzung gross schreibt. M. E. dürfte in ⲛⲉⲥⲧⲟⲭⲓ̈ⲟⲛ nichts weiter stecken, als ⲥⲧⲟⲓⲭⲉⲓⲟⲛ mit dem Artikel der Mehrzahl, also = τὰ στοιχεῖα. Wir können dann übersetzen: «Hierauf (λοιπόν), als die Elemente (στοιχεῖα) ihren Schöpfer (δημιουργός) Christus ehrten, fürchtete sich der Tod an ihn heranzutreten». Es ist hier von den elementaren Erscheinungen, die bei Christi Tod auftraten, die Rede; sie sollten ein Zeichen der Ehrfurcht sein, die die Elemente ihrem Schöpfer zollten. Als der Tod selber sich fürchtete zu nahen, musste ihm Christus erst ein Zeichen geben und ihm befehlen zu kommen, wie es in unserem Texte weiter heisst:

ⲛⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ⲁ ⲡϫⲟⲉⲓ̈ⲥ ⲕⲓ̈ⲙ ⲛⲧⲉϥⲁⲡⲉ ϫⲉ ⲁⲙⲟⲩ ⲙⲡⲣ̄ⲣϩⲟⲧⲉ ⲁⲛⲟⲕ ⲡⲉⲧⲟⲩⲉϩⲥⲁϩⲛⲉ ⲛⲁⲕ. «Alsbald bewegte der Herr sein Haupt, indem er sprach: komm, fürchte dich nicht. Ich befehle dir!»

CXXIX. ⲫⲩϭⲓ.

Dieses Wort ist bis jetzt nur aus einer einzigen Stelle der «Apophthegmata patrum» bekannt[6]). Steindorff erklärt es im Glossar zu seinen koptischen Lesestücken[7]), wenn auch zweifelnd, mit φεῦ γε (?). Diese Erklärung kann aber schon aus dem einen Grunde nicht richtig sein, weil in demselben Texte daneben auch die Form ⲫⲩⲥⲓ vorkommt. Dieses ⲫⲩⲥⲓ ist aber weiter nichts, als φύσει, der adverbialisch gebrauchte Dativ von φύσις = ἀληθῶς, ὄντως vere, revera[8]).

Die beiden Formen treten in folgenden Verbindungen auf. Z. 292 ⲉⲣⲉ ⲧⲡⲟⲗⲓⲥ ⲉⲣ ⲟⲩ. ⲛ̄ⲧⲟϥ ϫⲉ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁⲩ. ϫⲉ ⲫⲩϭⲓ ⲛⲁⲥⲛⲏⲩ ⲁⲛⲟⲕ ⲙ̄ⲡⲓⲛⲁⲩ

6) Zoëga 292, 15—17.
7) In seiner «Kopt. Grammatik2 pag. 103*.
8) Sophocles s. v. φύσις.

епϩо ⲛ̄ⲗⲁⲁⲩ ⲛ̄ⲣⲱⲙⲉ ⲛ̄ⲥⲁ ⲡⲁⲣⲭⲏⲉⲡⲓⲥⲕⲡⲟⲥ ⲙⲁⲩⲁⲁϥ. Vergl. App. pp. πῶς ἡ πόλις; ὁ δὲ εἶπεν αὐτοῖς· φύσει, ἀδελφοί, ἐγῶ πρόσωπον ἀνθρῶπου οὐκ εἶδον, εἰ μὴ μόνον τοῦ ἀρχιεπισκόπου [9]).

Vitae patrum V. 4, 55. Quomodo est civitas? Ille autem dixit eis: Credite mihi fratres, ego ibi faciem hominis nullius vidi, nisi tantum episcopi [10]).

Zoëga 353: ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ.ⲛ̄ϭⲓ ⲡϩ̄ⲗⲗⲟ.ϫⲉ ⲉⲕⲛⲏⲩ ⲧⲱⲛ.ⲁⲩⲱ ⲉⲓⲥ ⲟⲩⲏⲣ ⲛ̄ⲟⲩⲟⲉⲓϣ ⲕ̄ⲙ̄ⲡⲉⲓⲙⲁ : ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲇⲉ ⲡⲉϫⲁϥ.ϫⲉ ⲫⲩⲥⲓ ⲡⲁⲉⲓⲱⲧ ⲉⲓⲥ ⲙⲛ̄ⲧⲟⲩⲉ ⲛ̄ⲉⲃⲟⲧ ϯϩ̄ⲙ̄ ⲡⲉⲓⲧⲟⲟⲩ. Vitae pp. VI. 3, 5. [11]) Cui senex dixit: Unde venis, aut quantum tempus habes hic? At ille dixit: Vere, abba, habeo undecim menses in monte isto [12]).

In den griechischen Apophthegmen findet sich φύσει noch P. G. 65, 124 C.

Wir hätten also:

ⲫⲩϭⲓ = ⲫⲩⲥⲓ = φύσει.

Es entsteht nun natürlich die Frage: Wie verhält sich ⲫⲩϭⲓ zu ⲫⲩⲥⲓ, resp. φύσει?

Ich meine ⲫⲩϭⲓ so erklären zu müssen. Der Übersetzer oder der Abschreiber hat an Stelle des griechischen σ der Vorlage nicht das koptische ⲥ gesetzt, sondern dasjenige koptische Zeichen, welches dem σ zum Verwechseln ähnlich sieht, nämlich ϭ. Wir haben also in ⲫⲩϭⲓ eigentlich ein ⲫⲩσⲓ, das in ⲫⲩⲥⲓ zu emendieren ist.

Wozu solche Ähnlichkeit von Schriftzeichen in verschiedenen Sprachen leicht führen kann, mögen die folgenden Beispiele aus neuerer Zeit illustrieren.

So finden wir bei Spiegelberg viermal ϑⲁⲣⲙⲟⲩⲥ [13]) statt ⲑⲁⲣⲙⲟⲩⲥ, einmal ⲁⲛϑⲃⲁ [14]) statt ⲁⲛⲑⲃⲁ und siebenmal ⲡⲓϑⲙⲏⲓ [15]) statt ⲡⲓⲑⲙⲏⲓ, also im Ganzen zwölfmal ϑ stat ⲑ [16]). Dies Versehen ist nun aber sehr leicht zu erklären. Spiegelberg schreibt nämlich in seinen Manuscripten, soweit ich sehen kann, stets griech. ϑ für kopt. ⲑ und wird wohl auch in diesen Arti-

9) Migne, P. Gr. 65, 96 A.
10) Migne, P. L. 73, 871.
11) Bei Migne steht fälschlich 4 statt 5.
12) Migne P. L. 73, 1007 B. C.
13) Recueil de travaux XXVI (1904), pag. 36.
14) L. l. XXI (1899) 21.
15) L. l. pag. 22.
16) Erst vor kurzem hat Amélineau, Oeuvres de Schenoudi II, pag. IX f. darauf aufmerksam gemacht. — Ich muss gestehen, dass, als mir die betreffenden Artikel zum erstemal zu Gesicht kamen, ich einen Augenblick stutzte und glaubte, neue Wörter vor mir zu haben.

keln so geschrieben haben. Natürlich setzte der Setzer dasjenige koptische Zeichen, welches dem griech. ϑ am ähnlichsten sieht, nämlich ϧ. Die weitere Folge davon war nun aber die, dass Spiegelberg bei der Correctur das dem ϑ so ähnliche ϧ selbst für ⲑ las und auf diese Weise den Fehler übersah und stehen liess.

Ein ähnliches Versehen ist Schleifer in seiner Besprechung von Seymour de Ricci und Winstedt, Les quarante-neuf vieillards de Scété. (Par. 1910) passiert[17]. Wir finden hier zwölfmal statt ϧ ein gothisches 𝔥 und zwar siebenmal in 𝔥ⲉⲛ für ϧⲉⲛ und je einmal in ⲛ̇𝔥ⲏⲧϥ, ⲛ̇𝔥ⲏⲧⲟⲩ, 𝔥ⲉⲗⲗⲟ, ⲉⲧⲥ𝔥ⲏⲟⲩⲧ und ⲉ𝔥ⲟⲩⲛ statt ⲛ̇ϧⲏⲧϥ, ⲛ̇ϧⲏⲧⲟⲩ, ϧⲉⲗⲗⲟ, ⲉⲧⲥϧⲏⲟⲩⲧ und ⲉϧⲟⲩⲛ. Man könnte nun meinen, dass gothisches 𝔥 gesetzt worden wäre in Ermangelung der Type ϧ. Doch ist das nicht der Fall, da wir pag. 327 dreimal richtig ϧⲉⲛ lesen und pag. 330 ϧⲁϫⲱϥ.[18]

CXXX. Zu den Apophthegmen Makarios des Grossen.

In den sahidischen Apophthegmen lesen wir zu Anfang einer von Makarios dem Grossen handelnden Geschichte folgendes:

ⲁ ⲁⲡⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓⲟⲥ ⲟⲩⲱϩ ϩⲛ̄ ⲧⲛⲟϭ ⲛ̄ⲉⲣⲏⲙⲟⲥ ⲉⲛⲉ ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲙⲁⲩⲁⲁϥ ⲡⲉ ⲉϥⲁⲛⲁⲭⲱⲣⲉⲓ ϩⲙ̄ ⲡⲙⲁ ⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ. ⲙ̄ⲡⲉⲥⲛⲧ ⲇⲉ ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲟⲩⲛ̄ ⲕⲉϫⲁⲓⲏ ⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲉⲩⲛ̄ϩⲏⲧϥ̄ ⲛ̄ϭⲓ ⲟⲩⲙⲏⲛϣⲉ ⲛ̄ⲥⲟⲛ. ⲡϩ̄ⲗ̄ⲗⲟ ⲇⲉ ⲛⲉϥϯⲛ̄ϩⲧⲏϥ ⲉⲧⲉϩⲓⲏ ⲁⲩⲱ ⲁϥⲛⲁⲩ ⲉⲡⲥⲁⲇⲁⲛⲁⲥ ⲉϥⲛⲏⲩ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲥⲭⲏⲙⲁ ⲛ̄ⲣⲱⲙⲉ ⲁⲩⲱ ⲁϥⲡⲁⲣⲁⲅⲉ ⲙ̄ⲙⲟϥ ϩⲱⲥ ⲉⲣⲉ ⲟⲩⲥϯⲭⲁⲣⲓⲟⲛ ⲧⲟ ϩⲓⲱⲱϥ ⲉⲥⲟ ⲛ̄ϭⲱⲧϩϭⲱⲧϩ[19] **ⲁⲩⲱ ⲕⲁⲧⲁ ⲟⲩϣⲕⲟⲗ ⲛⲉⲣⲉ ⲟⲩϩⲛⲁⲁⲩ ⲁϣⲉ. ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ ⲛ̄ϭⲓ ⲡϩ̄ⲗ̄ⲗⲟ. ϫⲉ ⲉⲕⲃⲏⲕ ⲉⲧⲱⲛ. ⲡⲉϫⲁϥ. ϫⲉ ⲉⲓⲛⲁⲃⲱⲕ ⲉϯ-ⲙⲉⲉⲩⲉ ⲛ̄ⲛⲉⲥⲛⲏⲩ. ⲡⲉϫⲉ ⲡϩ̄ⲗ̄ⲗⲟ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲁⲩⲱ ⲉⲕⲣ̄ ⲟⲩ ⲛ̄ⲛⲉⲓϩⲛⲁⲁⲩ ⲧⲏⲣⲟⲩ. ⲡⲉϫⲁϥ. ϫⲉ ϩⲛ̄ⲁⲡⲁⲣⲭⲏ**

---

17) WZKM. XXV (1911), pag. 326—331.

18) Als Curiosum führe ich noch folgendes an. In meinen «Miscellen» CIII (pag. 933) steht an einer Stelle: «and do to the draught». Statt *do* muss es hier aber *go* heissen. Obgleich ich nun in der Correctur mehrfach das *do* in *go* corrigiert hatte, liess es der Setzer trotzdem stehn, so dass ich aus England die Anfrage erhielt, wie es denn eigentlich käme, dass hier *do* statt *go* steht. Die Erklärung ist leicht zu geben. Dieses Versehen beruht darauf, dass die russische Schreibschrift für den Laut *d* ausser dem Zeichen *д* noch das Zeichen *g* besitzt. Der Setzer, der im Manuscript *go* sah, setzte nun hartnäckig statt *g* ein *d*, weil ihm beständig vorschwebte, dass im Russischen *g* = *д* ist.

19) Hs. ⲛ̄ϭⲱϩⲧ̄ϭⲱⲧϩ̄.

ne etpe necnhy ϫi-ϯpe ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ. ⲙⲏⲡⲟⲧⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲧⲙ̄ ⲟⲩⲁ ⲣ̄-ⲁⲛⲁϥ ⲧⲁϯ ⲛ̄ⲕⲉⲟⲩⲁ ⲛⲁϥ. ⲉⲣⲉⲧⲙ̄ ⲡⲉⲓⲕⲉⲧ ⲣ̄-ⲁⲛⲁϥ ⲧⲁϯ ⲛ̄ⲕⲉⲟⲩⲁ ⲛⲁϥ. ⲡⲁⲛⲧⲱⲥ ⲟⲩⲛ ⲟⲩⲁ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ ⲛⲁⲣ̄-ⲁⲛⲁϥ. ⲛⲁⲓ ⲇⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉϥϫⲟⲟⲩ ⲁϥⲃⲱⲕ: ~ ⲡϩⲗ̄ⲗⲟ ⲇⲉ ⲛⲉϥϯ ⲛ̄ϩⲧⲏϥ ⲉⲛⲉϩⲓⲟⲟⲩⲉ ϣⲁⲛⲧⲉ (ⲥ̄ⲙ̄ⲁ̄) ⲡⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲕⲧⲟϥ. ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲇⲉ ⲡⲉϫⲁϥ. ϫⲉ ⲁϣ ⲡⲉ ⲡⲁⲙⲓⲟⲕ. ⲡⲉϫⲉ ⲡϩⲗ̄ⲗⲟ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲉⲧⲃⲉ ⲟⲩ. ⲡⲉϫⲁϥ. ϫⲉ ⲉⲃⲟⲗ ϫⲉ ⲛ̄ⲧⲟⲟⲩ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲁⲩⲣ̄-ⲁⲅⲣⲓⲟⲥ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲣⲟⲓ. ⲁⲩⲱ ⲙ̄ⲡⲉ ⲟⲩⲁ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ ⲁⲛⲓⲭⲉ ⲙ̄ⲙⲟⲓ. ⲡⲉϫⲉ ⲡϩⲗ̄ⲗⲟ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲉⲓⲉ ⲙ̄ⲛ̄ⲧⲁⲕ ⲗⲁⲁⲩ ⲛ̄ϣⲃⲏⲣ [20]) ⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ. ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲇⲉ ⲡⲉϫⲁϥ. ϫⲉ ⲥⲉ. ⲟⲩⲥⲟⲛ ⲛ̄ⲟⲩⲱⲧ ⲡⲉⲧⲉⲟⲩⲛ̄ⲧⲁⲓⲥϥ [21]) ⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ· ⲡⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲥⲱⲧⲙ̄ ⲛ̄ⲥⲱⲓ· ⲁⲩⲱ ⲉϥϣⲁⲛⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟⲓ ϣⲁϥⲉⲓ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲁⲗⲟⲩ. [22])

Der entsprechende boheirische Text dieses Passus lautet nach dem Cod. Vaticanus LXIV folgendermassen:

ⲁⲩϫⲟⲟⲥ ⲉⲑⲃⲉ ⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ ⲡⲓⲛⲓϣϯ ϫⲉ ⲛⲁϥϣⲟⲡ ϧⲉⲛ ⲡⲓϣⲁϥⲉ ⲉⲧⲥⲁϧⲟⲩⲛ ⲛⲑⲟϥ ⲙⲙⲁⲩⲁⲧϥ ⲉⲛⲁϥⲭⲏ ⲙⲙⲁⲩ ⲉϥⲉⲣ-ⲁⲛⲁⲭⲱⲣⲓⲛ. ⲥⲁϧⲟⲩⲛ ⲇⲉ ⲙⲙⲟϥ ⲛⲉ ⲟⲩⲟⲛ ⲕⲉϣⲁϥⲉ ⲙⲙⲁⲩ ⲡⲉ ⲉⲣⲉ (ⲗ̄ⲉ̄) ϩⲁⲛⲕⲉⲥⲛⲏⲟⲩ ⲛϧⲏⲧϥ ⲟⲩⲟϩ ⲁ ⲡⲓϧⲉⲗⲗⲟ ϯ-ϩⲑⲏϥ ⲛⲟⲩⲙⲱⲓⲧ ⲛⲟⲩⲥⲟⲡ. ⲁϥⲛⲁⲩ ⲉⲡⲥⲁⲧⲁⲛⲁⲥ ⲉϥⲛⲏⲟⲩ ϧⲉⲛ ⲟⲩⲥⲭⲏⲙⲁ ⲛⲣⲱⲙⲓ ⲛⲉⲙⲓⲱⲟⲩⲓ ⲛⲁϥⲟⲩⲟⲛϩ ⲡⲉ ⲙⲫⲣⲏϯ ⲉⲣⲉ ⲟⲩⲟⲛ ⲟⲩⲥⲧⲩⲭⲁⲣⲓⲟⲛ ⲛⲓⲁⲩ ⲧⲟⲓ ϩⲓⲱⲧϥ ⲉⲥⲟⲓ ⲛⲭⲟⲗⲭⲟⲗ ⲟⲩⲟϩ ⲕⲁⲧⲁ ⲭⲟⲗ ⲛⲉ ⲟⲩⲟⲛ ⲟⲩⲕⲛⲓⲃⲓ ⲁϣⲓ ⲉⲣⲟϥ. ⲟⲩⲟϩ ⲡⲉϫⲉ ⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ ⲛⲁϥ ϫⲉ ⲡⲓϧⲉⲗⲗⲟ ⲁⲕⲛⲁ ⲉⲑⲱⲛ. ⲟⲩⲟϩ ⲡⲉϫⲁϥ ϫⲉ ϯⲛⲁⲥⲓⲛⲓ ⲛϯⲁϯ ⲫⲙⲉⲩⲓ ⲛⲛⲓⲥⲛⲏⲟⲩ. ⲟⲩⲟϩ ⲡⲉϫⲉ ⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ ⲛⲁϥ ϫⲉ ⲉⲕⲉⲣ ⲟⲩ ⲛⲛⲁⲓⲕⲛⲓⲃⲓ. ⲟⲩⲟϩ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ ϫⲉ ϩⲁⲛⲕⲉⲩⲙⲁ ⲛⲉ ⲉⲓⲱⲗⲓ ⲙⲙⲱⲟⲩ ⲛⲛⲓⲥⲛⲏⲟⲩ. ⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ ⲇⲉ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ ϫⲉ ⲟⲩⲟϩ ⲛⲁⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ. ⲁϥⲉⲣ-ⲟⲩⲱ ⲛϫⲉ ⲡⲓⲇⲓⲁⲃⲟⲗⲟⲥ ⲡⲉϫⲁϥ ⲙⲡⲓϧⲉⲗⲗⲟ ϫⲉ ⲉϣⲱⲡ ⲁⲣⲉϣⲧⲉⲙ ⲫⲁⲓ ⲣⲁⲛⲁϥ ⲛⲟⲩⲁⲓ ϣⲁⲓϯ ⲛⲁϥ ⲛⲕⲉⲟⲩⲓ ⲉϣⲱⲛ ⲟⲩⲛ ⲁⲣⲉϣⲧⲉⲙ ⲡⲓⲕⲉⲟⲩⲁⲓ ⲣⲁⲛⲁϥ ϯⲛⲁϯ ⲛⲕⲉⲟⲩⲁⲓ ⲛⲁϥ ⲡⲁⲛⲧⲱⲥ ⲟⲩⲛ ϩⲱϯ ⲡⲉ ⲛⲧⲉ ⲟⲩⲁⲓ ⲙⲙⲱⲟⲩ ⲣⲁⲛⲁϥ. ⲟⲩⲟϩ ⲛⲁⲓ ⲉⲧⲁϥϫⲟⲧⲟⲩ ⲁϥϣⲉ ⲛⲁϥ. ⲁ ⲡⲓϧⲉⲗⲗⲟ ϩⲉⲙⲥⲓ ⲉϯ ⲛϩⲑⲏϥ ⲉⲡⲓ(ⲗ̄ⲅ̄)ⲙⲱⲓⲧ ϣⲁⲧⲉϥⲧⲁⲥⲑⲟ ⲟⲩⲟϩ ⲉⲧⲁ ⲡⲓϧⲉⲗⲗⲟ ⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟϥ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲙⲓⲱⲟⲩ. ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲁϥⲑⲱⲛ ⲙⲓⲱⲟⲩ ⲛⲉ. ⲟⲩⲟϩ ⲡⲉϫⲉ ⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲉⲑⲃⲉ ⲟⲩ. ⲛⲑⲟϥ ⲇⲉ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲁⲩⲉⲣ-ⲁⲅⲣⲓⲟⲥ [23]) ⲉⲣⲟⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛϫⲉ ⲛⲓⲥⲛⲏⲟⲩ ⲟⲩⲟϩ ⲙⲙⲟⲛ ϩⲗⲓ ⲉⲣ-ⲁⲛⲉⲭⲉⲥⲑⲉ ⲙⲙⲟⲓ. ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲉⲣ-ⲟⲩⲱ ⲛϫⲉ ⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ ⲡⲉϫⲁϥ. ϫⲉ ⲓⲉ ⲙⲙⲟⲛ ϩⲗⲓ ⲛϣⲫⲏⲣ ⲛⲧⲁⲕ ⲙⲙⲁⲩ ⲁⲛ. ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲉⲣ-ⲟⲩⲱ ⲡⲉϫⲁϥ. ϫⲉ ⲟⲩⲗⲁ-ⲟⲩⲁⲓ ⲛϣⲫⲏⲣ ⲛⲧⲏⲓ ⲉⲧⲭⲏ ⲙⲙⲁⲩ

---

20) Hs ϣⲃⲏⲣ ohne ⲛ̄.

21) Hs. ⲡⲉⲧⲉⲟⲩⲛ̄ⲧⲁⲓϥ.

22) Zoëga 316, 25 — 317, 12.

23) Var. l. Cod. Vatic. LIX. ⲁⲩⲉⲣ-ⲁⲅⲓⲟⲥ.

ⲟⲩⲟϩ ⲛⲑⲟϥ ⲉⲧⲥⲱⲧⲉⲙ ⲛⲥⲱⲓ ⲟⲩⲟϩ ⲉϣⲱⲡ ⲛⲧⲉϥⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟⲓ ⲉϥⲕⲱϯ ⲙⲫⲣⲏϯ ⲛⲟⲩⲁⲛⲉⲃⲓ[24]) [25]).

Amélineau übersetzt das folgendermassen:

«On rapporte d'abba Macaire le grand qu'il habitait dans le désert intérieur, lui seul se trouvant là, menant la vie anachorétique. A l'intérieur de celui-là, il y avait encore un autre désert où habitaient des frères. Une fois, le vieillard donna son attention au chemin. Il vit Satan qui venait sous l'habit d'un voyageur. Il paraissait comme s'il eût revêtu d'une toile de lin, percée de trous, et à chaque trou était suspendue une ampoule. Macaire lui dit: «Que fais-tu de ces ampoules?» — Et il lui dit: «Ce sont des aliments que je porte aux frères.» — Abba Macaire lui dit: «Quoi, tout cela?» — Le diable répondit, il dit au vieillard: «Si cette chose ne plaît pas à l'un, je lui en donne une autre, et si l'autre ne lui fait pas plaisir, je lui donne encore une autre; il faut donc que l'une d'elles lui plaise». Et lorsqu'il eut dit cela, il s'en alla. Le vieillard s'assit, faisant attention au chemin, jusqu'à ce que le (démon) s'en retournât. Lorsque le vieillard l'eut vu, il lui dit: «Ils vont bien?» — Il lui dit: «Où est *ils vont bien?*» — Abba Macaire lui dit: «Pourquoi?» — Lui, il lui dit: «Les frères ont été sauvages pour moi et (232) personne ne m'a enduré.» — Abba Macaire prit la parole, il dit: «N'avais-tu aucun ami? — Il lui répondit, il dit: «J'ai un ami qui est là-bas et il m'obéit: s'il me voit, il tourne comme un petit animal».

Später hat dann der Archimandrit Palladius (Palladij) in Kasan nach dem Amélineau'schen Texte, sowohl die Apophthegmen des hl. Antonios, als auch die Makarios' des Grossen ins Russische übersetzt. Letztere erschienen im September 1898[26]).

Palladius' Übersetzung unseres Passus' lautet folgendermassen:

Говорили объ аввѣ Макаріи Великомъ. Онъ обиталъ во внутренней пустынѣ, одинъ находясь тамъ, проводя жизнь отшельническую. Внутри той пустыни была другая пустыня, гдѣ обитали другіе братія. Однажды старецъ обратилъ свое вниманіе на дорогу. Онъ увидѣлъ сатану, который шелъ въ видѣ путешественника. Казалось, онъ былъ одѣтъ въ рубашку льняную,

---

24) Cod. Vat. LIX. ⲛⲟⲩⲁⲛⲉⲙⲓ

25) Amélineau, Histoire des monastères etc. (Paris, 1894), pag. 230 ff. (Annales du Musée Guimet XXV).

26) Архимандритъ Палладій. Новооткрытыя сказанія о преподобномъ Макаріи Великомъ. По коптскому сборнику.—7-й выпускъ патрологическаго отдѣла журнала Православный Собесѣдникъ. — Напечатанъ на средства Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго. — Казань, 1898. (Православный Собесѣдникъ. Изданіе Казанской Духовной Академіи. 1898. Сентябрь. [Приложеніе]. pag. 30 seqq.

которая вся была въ дыркахъ, и на каждой дыркѣ висѣлъ сосудецъ. Макарій сказалъ ему: «Старецъ, куда ты идешь?» — И онъ сказалъ: «Я пройду, чтобы напомнить братіямъ». И сказалъ ему авва Макарій: «Что дѣлаешь ты съ этими сосудами?» — И онъ сказалъ ему: «Это — кушанья, которыя я захватилъ для братій.» — Авва Макарій сказалъ ему: «И все это?» — Діаволъ отвѣтилъ ему. Онъ сказалъ старцу: «Если эта вещь не понравится одному, я даю ему другую; а если и другая не понравится ему, я дамъ ему еще иную; необходимо-же, чтобы одна изъ нихъ понравилась ему». И сказавъ это, онъ ушелъ. Старецъ сѣлъ; онъ смотрѣлъ на дорогу, пока діаволъ вернется. Увидѣвъ его, старецъ сказалъ ему: «Они здравствуютъ?» — Онъ сказалъ ему: «Гдѣ здравствуютъ?» — Авва Макарій сказалъ ему: «Почему?» — Онъ сказалъ: «Братія стали суровы ко мнѣ, и никто не потерпѣлъ меня». — Авва Макарій началъ говорить и сказалъ ему: «Нѣтъ у тебя тамъ ни одного друга?» — Онъ отвѣтилъ ему и сказалъ: «Я имѣю одного друга, который находится тамъ, и онъ меня слушаетъ. Если онъ увидитъ меня, онъ кружится подобно собачкѣ».

Das Wort, welches Amélineau mit «petit animal» und der Archimandrit Palladius mit «собачка» (Hündchen) übersetzt, lautet nach dem Cod. Vatican. LXIV ⲁⲛⲉⲃⲓ und nach Cod. Vat. LIX. ⲁⲛⲉⲙⲓ.

Wie kommen nun aber Amélineau und der Archimandrit Palladius zu ihren Übersetzungen dieses Wortes?

Bei Peyron finden wir zunächst: ⲁⲛⲉⲃⲓ M. ⲟⲩ Catulus, vel simile animal Z. 125. Peyron stützt sich aber auf Zoëga l. l., wo es in der Anmerkung heisst: «Vox mihi ignota catellum vel simile animal denotare videtur».

Es folgt nun daraus, dass Amélineau's «petit animal» auf Peyron und des Archimandr. Palladius «собачка» auf Amélineau zurückgeht.

Weder Amélineau, noch der Archim. Palladius haben die Sache weiter nachgeprüft, sondern sich auf das nächstliegende beschränkt. Beide Übersetzungen sind hier aber falsch. Wenn wir nun die entsprechenden griechischen und lateinischen Texte zu Rathe ziehen, so lesen wir dort folgendes:

καὶ ὅτε ὁρᾷ με, στρέφεται ὡς ἀνέμη, was Cotelerius übersetzt: «cumque me conspicit, instar aurae vertitur»[27]). Die lateinischen «Vitae patrum» Lib. V. 18, 9. bieten dafür: «et quando videt me, convertitur velut ventus».[28])

27) Migne. P. Gr. 65, 261.
28) Migne P. L. 73, 981 D.

Die Übersetzung des Coteleriusʼschen griechischen Textes, verfasst von Eusebius (Jevssevij), Erzbischof von Mohilew, giebt diesen Satz wieder durch:

«и когда увидитъ меня, кружится, какъ вѣтеръ»[29].)

Und der Bischof Bessarion (Wissarion) übersetzt auf Grund der beiden griechischen Handschriften №№ 452 und 163 der Moskauer Synodalbibliothek ebenso, nur schreibt er «видитъ» statt «увидитъ»[30]).

Was ist nun aber das kopt. ⲁⲛⲉⲃⲓ oder ⲁⲛⲉⲙⲓ? Nun natürlich nichts anderes, als das griech. ἀνέμη. Also haben wir in ⲁⲛⲉⲃⲓ, ⲁⲛⲉⲙⲓ kein rein koptisches, sondern ein Lehnwort.

Was nun die Wiedergabe von ἀνέμη durch lat. «aura» und «ventus» betrifft, so ist auch diese nicht richtig. Es lag ja nahe, ἀνέμη mit ἄνεμος zusammenzubringen und von letzterem die Bedeutung «Wind, Wirbelwind» auch auf ersteres zu übertragen, doch erweist es sich bei näherer Prüfung, dass das nicht möglich ist, obgleich noch in neuerer Zeit an der Möglichkeit dieser Bedeutung festgehalten wird[31]).

Schon Ducange s. v. führt für ἀνέμη die Bedeutung «girgillus» an und Crusius, Turcograecia (Basiliae 1578) pag. 255 giebt ἀνέμη durch *girgillus*, haspel wieder. Auch Sophocles s. v. sagt von ἀνέμη, das er aus unserer Apophthegmenstelle belegt: «*windle*, a king of *reel*».

Wie mir nun Herr Privatdocent M. Vasmer freundlichst mittheilt findet sich im Neugriechischen in sehr vielen Dialekten ἀνέμη, doch stets in der Bedeutung «Winde, Garnwinde», dagegen nie in der Bedeutung «Wind, Wirbelwind».

Merkwürdigerweise weicht hier der sahid. Text von dem boheirischen und griechischen ab, denn statt ⲁⲛⲉⲃⲓ, ⲁⲛⲉⲙⲓ liest er ⲁⲗⲟⲩ, was bis jetzt nur in der Bedeutung «Jüngling» bekannt ist[32]).

Betrachten wir noch die folgende Stelle der boheirischen Version:

ⲁ ⲡⲓϫⲉⲗⲗⲟ ϩⲉⲙⲥⲓ ⲉϯ ⲛϩⲑⲏϥ ⲉⲡⲓⲙⲱⲓⲧ ϣⲁⲧⲉϥⲧⲁⲥⲑⲟ ⲟⲩⲟϩ ⲉⲧⲁ ⲡⲓϫⲉⲗⲗⲟ ⲛⲁⲩ ⲉⲣⲟϥ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲙⲓⲱⲟⲩ. ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲁϥⲑⲱⲛ ⲙⲓⲱⲟⲩ ⲛⲉ. ⲟⲩⲟϩ ⲡⲉϫⲉ ⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ ⲛⲁϥ. ϫⲉ ⲉⲑⲃⲉ ⲟⲩ. ⲛⲑⲟϥ ⲇⲉ

29) (Евсевій, архіепископъ Могилевскій). Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ. — Переводъ съ греческаго, составленный при Московской Духовной Академіи. — 2-ое изданіе. Москва. pag. 167.

30) Древній патерикъ, изложенный по главамъ. Переводъ съ греческаго 2. Аѳонскаго русскаго Пантелеймонова монастыря. Москва, 1891. pag. 349.

31) Rich. Löwe in Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. XXXIX (N. F. XIX) 1906, pag. 288.— Den Nachweis dieses Artikels verdanke ich Herrn Privatdoc. M. Vasmer.

32) An ⲁⲗⲱ : ⲁⲗⲗⲟⲩ «Augapfel, Pupille», κόρη dürfte hier wohl kaum zu denken sein.

пежаq наq. же аτερ-ατριος ερоι τηροτ нже нισнηот отоϩ ммон ϩλι ερ-ανεχεсθε ммоι. und vergleichen wir damit die entsprechende Stelle der sahidischen Version:

пϩλλо де неqϯ нϩтнq енеϩιооτе ϣанте петммат нтоq. нтоq де пежаq. же аϣ пе памιон·пеже пϩλλо наq. же етве от. пежаq. же евол же нтоот тнрот атр-атριос еϩотн ерοι. атω мпе ота ммоот анιχе ммоι.

Wir sehen hier nun deutlich, dass der den Worten отоϩ ета пιϩελλо нат ероq пежаq наq. же мιωот des boheirischen Textes entsprechende Satz im sahidischen fehlt. Ich ergänze ihn folgendermassen: ‹атω нтере пϩλλо нат ероq пежаq наq. же мιон›.

Erst wenn wir diese Worte an der betreffenden Stelle einsetzen wird der Text klar, da das weiter stehende памιон ohne ein vorhergehendes мιон ganz unverständlich bliebe.

Wir können jetzt diesen Passus folgendermassen übersetzen: «Der Greis aber (δέ) gab Acht auf die Wege, bis jener zurückkehrte. ‹Und als der Greis ihn sah, sprach er zu ihm: «Wohl dir!»› Er aber (δέ) sprach: «Was ist mein Wohlergehen?» Es sprach der Greis zu ihm: «Weshalb?» Er sprach: «Weil sie alle böse gegen mich geworden sind und keiner von ihnen mich duldet (ἀνέχεσθαι)».

In der boheirischen Version steht für мιон — мιωот und für аϣ пе памιон — аqθωн мιωот не. Indem der sahid. Dialect die 2-te Person des Singulars мιо=н hat, bezieht er das auf den angeredeten Teufel, wogegen der boh. Dialect die 3. Person des Plurals мιω=от hat und also sicher die Mönche meint[33]).

Der sahid. Text steht hier dem griechischen und lateinischen näher; wir lesen da:

Ὁ δὲ γέρων ἔμεινε παρατηρούμενος τὰς ὁδούς, ἕως πάλιν ἐκεῖνος ἐπανῆλθε. Καὶ ὡς εἶδεν αὐτὸν ὁ γέρων, λέγει αὐτῷ· Σωθείης. Ὁ δὲ ἀπεκρίθη· Ποῦ ἔνι μοι σωθῆναι; Λέγει αὐτῷ ὁ γέρων· Διατί; Ὁ δὲ λέγει· Ὅτι πάντες ἄγριοί μοι ἐγένοντο καὶ οὐδείς μοι ἀνέχεται (varr. μοι πείθεται).[34]) Et observabat senex custodiens vias donec ille iterum remearet: et cum vidisset eum senex, dicit ei: Sanus sis. Et respondit ei: Ubi est mihi salus? Et dicit ei senex:

33) Im Sah. ist мιон schon zu einem Substantivun geworden, wie das die Form памιон «mein Wohlergehen, mein Glück» zeigt. — Vergl. zu мιо= Mallon, Notes de philologie copte (Recueil XXVIII (N. S. XI. 1905 pag. 135 f.). Steindorff, Gesios u. Isidoros. (Ä. Z. XXI (1883), pag. 150 lesen wir sah. мιωн τωнοт.

34) Migne, P. G. 65, 261 B.

Quare? Et respondit: Quia modo omnes sanctificati sunt, et nemo mihi acquiescit[35].

Zum Schluss möchte ich hier noch auf eine Stelle in E. T. A. Hoffmanns «Elixiere des Teufels» hinweisen, dem, wie es scheint, unsere oben mitgetheilte Geschichte als Quelle gedient hat. Der Schluss derselben ist bei Hoffmann anders als in den Apophthegmen und die Geschichte wird bei ihm von Antonius dem Grossen erzählt. Ob sie unter den Legenden von Antonius zu finden ist, weiss ich nicht; in der «Vita Antonii» des Athanasius und in den Apophthegmen fehlt sie unter den über Antonius handelnden Geschichten. Letztere erzählen sie nur von Makarius dem Grossen. Hoffmann lässt den Bruder Cyrillus die Geschichte der Herkunft der Elixiere des Teufels dem Bruder Medardus folgendermassen erzählen:

«Dir ist das Leben des heiligen Antonius zur G'nüge bekannt, du weisst, dass er, um sich von allem Irdischen zu entfernen, um seine Seele ganz dem Göttlichen zuzuwenden, in die Wüste zog und da sein Leben den strengsten Buss-und Andachtsübungen weihte. Der Widersacher verfolgte ihn und trat ihm oft sichtlich in den Weg, um ihn in seinen frommen Betrachtungen zu stören. So kam es denn, dass der heilige Antonius einmal in der Abenddämmerung eine finstere Gestalt wahrnahm, die auf ihn zuschritt. In der Nähe erblickte er zu seinem Erstaunen, dass aus den Löchern des zerrissenen Mantels, den die Gestalt trug, Flaschenhälse hervorguckten. Es war der Widersacher, der in diesem seltsamen Aufzuge ihn höhnisch anlächelte und frug, ob er nicht von den Elixieren, die er in den Flaschen bei sich trüge, zu kosten begehre. Der heilige Antonius, den diese Zumutung nicht einmal verdriessen konnte, weil der Widersacher, ohnmächtig und kraftlos geworden, nicht mehr imstande war, sich auf irgend einen Kampf einzulassen und sich daher auf höhnende Reden beschränken musste, frug ihn, warum er denn so viele Flaschen und auf solche besondere Weise bei sich trüge. Da antwortete der Widersacher: «Siehe, wenn mir ein Mensch begegnet, so schaut er mich verwundert an und kann es nicht lassen, nach meinen Getränken zu fragen und zu kosten aus Lüsternheit. Unter so vielen Elixieren findet er ja wohl eins, was ihm recht mundet, und er säuft die ganze Flasche aus und wird trunkau und ergibt sich mir und meinem Reiche»[36].

Vergl. dazu Vitae patrum V. 18,9.

---

35) Migne, P. L, 73, 981 C. D.

36) E. T. A. Hoffmanns Werke. II Teil, pag. 37, 43—38, 23. (Goldene Klassiker-Bibliothek. Berlin, Bong.).

Abbas Macarius habitabat in loco nimis deserto: erat autem solus in eo solitarius. In inferiore vero parte erat alia solitudo, in qua habitabant plurimi fratres. Observabat autem senex ad iter, et vidit Satanam venientem in habitu hominis, ut transiret par cellam ejus. Videbatur autem tunica ut linea omnino vestuta et tota cribrata, et per omnia foramina ejus pendebant ampullae. Et dixit ei senex: Ohe, major. ubi vadis? Et ille respondit: Vado commemorare fratres. Senex autem dixit illi: Ut quid tibi ampullae istae? et dixit illi: Gustum fratribus porto. Et dixit ei senex: Et totas cum gustu portas? Et respondit: Etiam; si unum alicui non placet, offeram aliud; si autem nec illud, dabo tertium, et ita per ordinem, ut modis omnibus vel unum ex eis placeat ei[37]).

Auch Rufinus[38]) und Paschasius[39]) erzählen dieselbe Geschichte von Makarius.

---

37) Migne P. L. 73, 981 B. C.
38) Vitae patrum III n. 61. Migne P. L. 73, 769 D.
39) L. l. VII. Crp. I No 8. Migne P. L. 73, 1027 C.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Koptische Miscellen CXXXI. CXXXII.

Von
Oscar von Lemm.

(Der Akademie vorgelegt am 10/23 April 1913).

CXXXI. Zu einer griechischen Beischrift der Koridethi-Evangelien. — CXXXII. Koptische Denkmäler der Kaiserlichen Eremitage 1.

CXXXI. Zu einer griechischen Beischrift der Koridethi-Evangelien.

In der soeben erschienenen Ausgabe der Koridethi-Evangelien heisst es in der zweiten griechischen Beischrift nach der Übersetzung von Pastor Beermann folgendermassen:

«Ich Priester Gregorios Otonl kaufte von Johannes dem Prediger Sirotopulos den Ort Metochi und zahlte als Preis 30 Opfer und 2 Botinat in Gegenwart des Ältesten-Priesters Johannes und des Markus und des Priesters Michael und des Predigers und des Matesis... Zebas Kurtze. Die Zeugen unterschreiben»[1]).

Das hier mit «Opfer» übersetzte Wort lautet im Original ολοκα^τν, wozu Beermann bemerkt:

«Von besonderem Interesse ist die Erwähnung der dreissig Opfer. Die Abkürzung ολοκα^τν (μ) stammt aus dem Wort ὁλοκαύτωμα, das Brandopfer. In diesem Ausdruck ist ein Stück altorientalischen Christentums enthalten, dessen Vorhandensein für die armenische und grusinische Kirche literärisch bestätigt wird. Das armenische Christentum hatte infolge des judenfreundlichen Zuges

1) Die Koridethi Evangelien Θ 038 herausg. von Gustav Beermann und Caspar René Gregory. Mit 12 Tafeln u. 2 Karten. (Lpz., 1913), pag. 552.

in der Einrichtung eines erblichen Hohenpriestertums (Kahanayepet) und dem Institut des Sühnopfers von Lämmern und Kälbern eine alttestamentliche Färbung[2]). Wahrscheinlich kam dieser Brauch durch die Vermittelung der Syrer zu den Armeniern und von diesen zu den Grusiern. Auf dem Sinaikloster finden sich in altgrusinischen liturgischen Büchern Gebete und alttestamentliche Lektionen zu den Zeremonien der Sühnopfer[3]). Diese Beischrift bestätigt den Brauch der Opfer in der Murgurlschlucht. Jetzt kommt er noch in Swanetien (siehe S. 513) und in der Gegend am Fusse des Kasbek vor».

Mag nun auch der Gebrauch von Opfern in der armenischen und in der grusinischen Kirche existiert und sogar in einzelnen Gegenden sich bis in die neueste Zeit erhalten haben, so scheint es mir doch sehr unwahrscheinlich, dass hier Opfer als Kaufpreis, neben der Münze Botinat gemeint seien.

Pastor Beermann sagt pag. 513 von den Swaneten, dass sie an bestimmten Heiligentagen Opfergaben an Naturalien und Thieren mitbringen, die dort zubereitet und verspeist werden.

Das stimmt nun eigentlich nicht zu ὁλοκαύτωμα, denn dieses bedeutet Brandopfer. Franz Delitzsch sagt zu Anfang seines Artikels «Brandopfer»[4]): «Nicht unpassend nennen wir so diejenige Art der Thieropfer, welcher es wesentlich ist, ohne Mitgenuss der das Opfer Bringenden und der die Opferhandlung Vollziehenden ganz d. h. in der Gesamtheit aller seiner opferbaren Theile verbrannt zu werden».

Wenn aber bei jenen oben erwähnten Opfern Theile derselben verspeist werden, so passt auf sie der Ausdruck ὁλοκαύτωμα nicht.

Im Texte steht die Abkürzung ολοκα$^{\tau\nu}$. Beermann setzt in seiner Erklärung neben das kleine übergeschriebene $^{\nu}$ in Klammern noch ein kleines $^{(\mu)}$; offenbar möchte er das ν als μ gelesen wissen, da in ὁλοκαύτωμα kein ν vorkommt.

Doch nicht nur, dass das ὁλοκαύτωμα mit dem Begriffe eines Opfers, bei welchem Theile desselben verzehrt werden, sich nicht deckt, sondern ausserdem ist auch die Zusammenstellung: «dreissig Opfer und zwei Bo-

---

2) Heinrich Gelzer, Die Anfänge der armenischen Kirche, Ber. üb. die Verhandlungen d. kgl. Sächs. Ges. der Wiss. in Leipzig. Philol.-histor. Cl., 47 Bd. (1895.) S. 137. 138. 144. Nach Faustus bestimmte Gregor der Erleuchter in Aštišat, dem kirchlichen Hauptzentrum der Armenier jährlich sieben Opfer, die in der dortigen Christuskirche dargebracht werden sollten, vgl. Gelzer. S. 137. (Beermann).

3) Марръ, Предварительный отчетъ о работахъ на Синаѣ, веденныхъ въ сотрудничествѣ съ И. А. Джаваховымъ, и въ Iерусалимѣ, въ поѣздку 1902 г. in: Сообщ. Прав. Палест. Общ. Bd. XIV, II. Teil., S. 1—51. (Beermann).

4) Riehm, Handwörterbuch des Biblischen Altertums² I, 237.

tinat» als Kaufpreis etwas merkwürdig. Botinat oder Botaniat ist eine Silbermünze, die nach dem byzantinischen Kaiser Nikephoros III Botaniates (1078—1081) genannt wurde[5]).

Also der Kaufpreis soll bestehn aus «dreissig Opfern und zwei Silbermünzen». Man sollte doch auch an erster Stelle eine Münze erwarten, und zwar eine goldne. Daher möchte ich die Abkürzung ολοκα^{τν} nicht als ὁλοκαύτωμα erklären, sondern als ὁλοκότινον oder ὁλοκοτίνιν (= ὁλοκοτίνιον). Das α in ολοκα^{τν} dürfte ein Schreibfehler für ο sein.

Was ist nun aber ὁλοκότινον?

Wie Erman[6]) schon vor längerer Zeit gezeigt hat, ist dieses der Name der bekannten Goldmünze des Römerreiches, des Solidus. Es ist das koptische ϩⲟⲗⲟⲕⲟⲧⲥⲓ, eine hybride Bildung, bestehend aus griech. ὁλο- und kopt. ⲕⲟⲧⲥ «Kreis», und bezeichnet eine Goldmünze, die noch einen «ganzen Kreis» bildet, wie griech. ὁλότροχον «die kreisrunde vollwichtige Münze». Erman sagt ferner: «Eine Goldmünze hat volles Gewicht, wenn sie unbeschnitten ist, also wenn ihr Rand noch eine «ganzen Kreis» bildet». — «Holokotsi ist ein hybrides Wort, das ursprünglich die unbeschnittene Münze von richtigem Gewicht bezeichnet; wie so viele ähnliche Ausdrücke ist es zuletzt zum Namen einer bestimmten Münzsorte geworden». Über die verschiedenen Formen, in welchen ϩⲟⲗⲟⲕⲟⲧⲥⲓ bei koptischen und spätgriechischen Schriftstellern, auch selbst in nicht auf Aegypten bezüglichen Stellen, vorkommt, vergl. Erman l. l.

Ein dem ϩⲟⲗⲟⲕⲟⲧⲥⲓ entsprechender koptischer Ausdruck für die «vollwichtige Münze» findet sich bei Schenute (Cod. Borg. CLXXXIX). in folgendem Zusammenhange: ⲁⲛⲁⲩ ⲇⲉ ϩⲱⲱϥ ⲛ̅ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ ⲉⲧⲙⲟⲩϩ ⲙ̅ⲡⲉⲩϣⲉⲓ ϩⲉⲓ ⲡⲗⲓⲅⲛⲟⲛ, ⲁⲩⲱ ⲛ̅ⲥ̅ϯϩⲧⲏⲕ ⲉⲛⲉⲓⲛⲟϭ ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ (l. ⲛ̅ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ) ⲉⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ ⲉⲛⲁⲣⲭⲁⲓⲟⲛ ⲉⲧⲟⲩⲱⲧⲃ ⲙ̅ⲡϣⲉⲓ ⲙ̅ⲡⲛⲟⲩⲙⲉⲥ ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̅ⲙⲁⲧⲉ.[7]) «Sieh aber (δέ) da-

5) Beermann, l. l. pag. 542.—V. Langlois, Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie, pag. 35.

6) Holokotsi in Ä. Z. XVIII (1880), pag. 123—125.

7) Amelineau, Oeuvres de Schenoudi I, pag. 256. — Zoëga 436. — Zu ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ = νούμμος, vergl. ϩⲟⲣⲙⲉⲥ von ὅρμος. — ⲗⲓⲅⲛⲟⲛ λίχνον scheint die Geldwage sein, oder sonst ein Instrument zum Prüfen des vollen Gewichts von Münzen, wie das schon Zoëga l. l. vermuthet hat: «ⲗⲓⲅⲛⲟⲛ proculdubio graecum ⲗⲓⲅⲛⲟⲛ est, ex contextu autem patet intelligi instrumentum quo numi explorantur vel probantur». — Amélineau l. l. Note möchte ⲗⲓⲅⲛⲟⲛ anders erklären: «Zoëga a fait observer que le mot ⲗⲓⲅⲛⲟⲛ était le mot grec λίχνον; et qu'il signifiait ici un instrument avec lequel on éprouve et on marque les pièces d'or: le poinçon; je crois qu'on peut expliquer autrement cette opération: le poinçonneur ayant marqué la pièce la jetait dans le couffe avec les autres, et c'est le sens premier du mot grec λίχνον = panier d'osier,

gegen die Münzen (νούμμος, *numus*, *nummus*), welche füllen ihr Gewicht auf der Wage (λίκνον) und gieb Acht auf jene alten (ἀρχαῖος) Münzen (νούμμος), welche über das (Normal) Gewicht der Münze (νούμμος) weit hinausgehn».

«Eine Münze, welche ihr Gewicht auf der Wage füllt» ist «eine Münze die das volle Gewicht hat».

ϩⲟⲗⲟⲕⲟⲧⲧⲓⲛⲟⲥ, eine der häufigeren Varianten[8]) für ϩⲟⲗⲟⲕⲟⲧⲥⲓ, entspricht zuweilen einem griech. νόμισμα, was auch den Solidus bezeichnet, so z. B. in den «Wundern des hl. Mena»[9]). In den altrussischen Menäen steht dafür «златникъ»[10]).

Kehren wir nun schliesslich zu unserem Kaufpreise zurück. M. E. bestand er nicht aus «dreissig Opfern und zwei Botaniaten», sondern aus «dreissig Solidi und zwei Botaniaten».

Nachträglich sehe ich, dass die Lesung Beermanns in der Erklärung der zweiten Beischrift von Gregorys Lesung im Contexte abweicht. Ersterer liest ολοκ$\overset{\tau\nu}{\alpha}$ (pag. 552), letzterer dagegen ὀλοκ$\overset{\tau\gamma}{\omega}$ν (fol. 72^{v} col. 2. Z. 25) Auf der Photographie[10a]) glaube ich dentlich zu sehen: ὀλοκ$\overset{\tau\nu}{\omega}$. Das kleine übergeschriebene ν ist sicher, während das bei Gregory hinter ω stehende ν in der Handschrift nicht zu sehen ist. Einige Zweifel könnten entstehen höchstens inbezug darauf, ob κω oder κα zu lesen sei.

---

couffe en Égypte». — ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ findet sich noch an einer anderen Stelle bei Schenute (Cod. Borg. CCIII. Amélineau, l. l. II pag. 132. Note): ⲡ̄ⲥⲁϣϥ̄ ⲛ̄ϣⲉ ϣⲙⲟⲩⲛ ⲛ̄ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ ⲉⲡⲁⲓⲡⲗⲟⲩⲛ, was Amélineau übersetzt: «sept cent huit (fois) avec l'interêt au double». Dazu bemerkt A. noch in der Fussnote: «Cette traduction n'est pas certaine à cause du mot ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ: cependant on peut comprendre le mot ⲙⲉⲥ dans le sens d'interêt. Hier hat nun Amélineau ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ vollständig verkannt; er glaubt nämlich, dass hier ein Wort ⲙⲉⲥ stehe, das zur Noth die Bedeutung «interêt» haben könnte. Wir kennen ein Wort ⲙⲏⲥⲉ : ⲙⲏⲥⲓ «Zins» und von diesem könnte ja vielleicht eine constructe Form ⲙⲉⲥ existieren. Aber schon aus dem einen Grunde kann hier ⲙⲉⲥ mit ⲙⲏⲥⲉ nicht zusammenhängen, weil es mit keinem darauf folgenden Worte verbunden ist und daher höchstens ein Status absolutus sein könnte. Wenn aber ⲙⲉⲥ ein Substantiv wäre, so müsste man doch fragen: was ist denn aber das unmittelbar vor ihm stehende ⲛⲟⲩ? Es kann doch unmöglich für ⲛⲉⲩ «ihre» (Plur.) dastehn. M. E. haben wir hier aber ⲛⲟⲩⲙⲉⲥ; daher ist hier zu übersetzen: «siebenhundert Münzen doppelt, zweimal». ⲉⲡⲁⲓⲡⲗⲟⲩⲛ ist Adv. = διπλοῦν, gebildet wie ⲉⲡⲉϩⲟⲩⲟ. — Crum, Ostraca Nr. 48.

8) Crum, Cat. Copt. mss. Brit. Museum pag. 157 a.

9) Помяловскій, Житіе преподобнаго Паисія Великаго и Тимоѳея Патріарха Александрійскаго повѣствованіе о чудесахъ Св. Великомученика Мины. (СПбургъ. 1900). pag. 65, z. 27.

10) Великія Минеи Четіи. 11 Ноября. (Чудеса Св. Мины. Чудо 11-е, col. 474).

10a) II Abtheilung der Akadem. Bibliothek sub № XX 0/2.

Den Schluss der Zeile möchte ich lesen βοτανα̅ δύο, abweichend von Gregory, welcher βοτανα̅ταδύο liest.

Noch an einer anderen Stelle dieser Beischrift gehe ich in der Auffassung mit Beermann auseinander.

Auf. S. 552 lesen wir «(...) kaufte von Johannes und dem Prediger Sirotopulos den Ort Metochi». Der Text bei Gregory (fol. 72^r Col. 2. Z. 21—24) liest dafür folgendermassen:

ἠγόρασα
αποτὸνι̅ω̅καιτονκηρι
κονσηριτόπουλ[ον] τοπον
μετοχ́.

In seiner Erklärung setzt Beermann neben das Wort «Prediger» noch in Klammern κήρυξ. Im Texte findet sich aber an dieser Stelle weder κήρυξ, noch κήρυκα, sondern κηρικον, was Beermann mit «Prediger» übersetzt. Dieses κηρικον setzt natürlich einen Nominativ κηρικος voraus, in welchem m. E. der Personenname Κήρυκος steckt. Es ist derselbe Name, den einer der Heiligen trägt, welchen die Kirche geweiht war, wo sich die Koridethi-Evangelien lange Zeit befanden[11]).

Auch sonst ist Κήρυκος als Personenname zu belegen, so häufig in dem griechischen Martyrium der Heiligen Κήρυκος und der Ἰουλίττα[12]), und ferner bei Pape[13]) s. v.

Der Name Κήρικος Cirycus wird häufig verwechselt mit Κυριακός Cyriacus[14]), woher denn auch häufig die lateinische Form Cyricus statt Cirycus anzutreffen ist[15]). Etymologisch haben aber Κήρυκος (von κήρυξ) und Κυριακός (von κύριος) nichts miteiander gemein.

M. E. kaufte also Gregorios Otonl den Ort Metochi von einem Johannes und einem Kirikos, mit dem Beinamen Siritopulos (σηριτόπουλος). Beermann liest Sirotopulos.

---

11) Beermann l. l. pag. 505—509.

12) Analecta Bollandiana I (1882). pag. 194—207.

13) Wörterb. d. griech. Eigennamen.

14) Dillmann, Über die apokryphen Märtyrergeschichten des Cyriacus mit Julitta und des Georgius. (Sitz. Ber. Kgl. preuss. Akad. 1887 pag 339).

15) Analecta Bollandiana l. l. pag. 194.

CXXXII. Koptische Denkmäler der Kaiserlichen Eremitage 1.

1.

Bruchstück der «Memoiren» des Dioskoros[16]).

Papyrus. — 0,23 × 0,098 Cm. — In einer Columne geschrieben. — Von der Paginierung sind nur kümmerliche Spuren erhalten, die nicht mit Sicherheit zu lesen sind. Jedenfalls haben dort zweistellige Zahlen gestanden, wie es scheint aus den Dreissigern, da manche Spuren auf ⲗ weisen. — Erworben von W. v. Bock in Aegypten im Jahre 1896—97.

Ich gebe das vorliegende Fragment nach Photographieen, die ich Herrn Professor W. Beneševič verdanke[17]).

16) In der Abtheilung für Mittelalter und Renaissance.

17) Vergl. Б. А. Тураевъ, Коптскіе тексты, пріобрѣтенные экспедиціей пок. В. Г. Бока въ Египтѣ, pag. 3. 4. — Sep.-Abdr. aus dem II. Bande der «Труды [XI] Кіевскаго Археологическаго Съѣзда». Mit 2 Tafeln: XXII. XXIII. Moskau 1902. Auf dem Umschlage steht: Матеріалы по археологіи Христіанскаго Египта.

Zu den «Memoiren des Dioskoros» vergl. noch:

Zoëga, Catalogus etc. pag. 99—107. — Enthält Auszüge aus dem Cod. Borg. LIV. ex volum. Vatic. LXIIX.

E. Revillout, Récits de Dioscore, éxilé à Gangres, sur le concile de Chalcédoine. (Revue égyptol. I. 1880, p. 187—189; II. 1882, 21—25; III. 1885, 17—24. Unvollendet geblieben. Enthält den Text im Auszuge nach dem Cod. Vaticanus LXVIII, entsprechend den Seiten 92, 1—9. 93, 12—98, 4. 98, 5—99, 7. 119, 13—121, 9. 135, 1—141, 14. der vollständigen Edition von Amélineau (s. weiter unten).

Вас. Болотовъ, Изъ церковной исторіи Египта I. «Разсказы Діоскора о халкидонскомъ соборѣ». (Христіанское Чтеніе 1884, II. p. 581—625; 1885, I, 9—94). — Auch separat p. 1—131. Behandelt den Text nach Revillout (s. o.) und den Auszügen bei Zoëga. — Zu dem unserem Fragmente entsprechenden Abschnitte vergl. p. 15 f. der Separatausgabe.

Amélineau, Panégyrique de Macaire de Tkôou par Dioscore d'Alexandrie in den «Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne aux IV-e et V-e siècles pagg. 92—164. — (Mém. Mission au Caire IV. 1888). — Enthält den vollständigen (boheirischen) Text nach dem Cod. Vatic. LXVIII nebst Übersetzung. Der unserem Fragmente entsprechende Abschnitt steht auf pag. 120,2—121,3.

J. Krall, Koptische Beiträge zur ägyptischen Kirchengeschichte. I. Zu den «Memoiren» des Dioskoros. in den «Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer IV (Wien, 1888), pag. 63—74. — Enthält den sahidischen Text eines Bruchstücks der «Memoiren» nach zwei Pergamentblättern (Inv. kopt. Perg. Nr. 372) der genannten Sammlung. Sie entsprechen den Seiten 134,9—137,9 des boheirischen Textes bei Amélineau.

Die Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer besitzt noch ein Pergament-Blatt derselben Hs. cf. Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung. Wien 1894, pag. 43. Nr. 112.— Inv. kopt. Perg. Nr. 371. Krall giebt daselbst folgende Inhaltsangabe des Blattes: «Diese Memoiren des von den Kopten hochgefeierten Patriarchen Dioskoros sind in die Form einer Lobrede gekleidet, welche der nach Gangres exilirte Patriarch bei Erhalt der Nachricht des Todes eines seiner getreuesten ägyptischen Anhänger, des Mönches Makarios von Kos, gesprochen.

Recto.

[ⲁⲛ]ⲁⲛⲧⲁ ⲉⲡⲣ̅ⲣⲟ [ⲛ̀]ⲁⲧ
[ⲙ]ⲟⲩ ⲡⲉⲭ̅ⲥ̅ · ⲛ̀ⲥⲓ̈
[ⲟⲩ]ⲣ ⲙⲛ̅ ⲛⲉⲡⲁⲧⲣⲓ̈ⲕⲓ̈
[ⲟⲥ] ⲉⲧⲁϩⲉⲣⲁⲧⲟⲩ ⲉⲡⲣ̅ⲣⲟ ·
ϣⲁⲩⲥⲡⲟⲩⲇⲁⲍⲉ
[ⲉ]ⲫⲟⲣⲉⲓ̈ ⲛ̀ⲛⲉⲩϩⲟⲓ̈ⲧⲉ
[ⲉ]ⲧⲛⲁⲛⲟⲩⲟⲩ · ϫⲉ ⲉⲩ
ⲉⲟⲩⲱⲛϩ̅ ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̀ⲥⲁⲓ̈ⲉ
ⲡⲁⲣⲁ ⲛⲉⲧⲁϩⲉⲣⲁⲧⲟⲩ
ⲉⲡⲣ̅ⲣⲟ · ⲧⲁⲓ̈ ϩⲱⲱϥ
[Ⲧⲉ ⲧⲁϩⲉ ϯⲛⲁϩⲁⲣⲉϩ ⲉ̀
ⲧⲁϣⲧⲏⲛ ⲉⲥⲣⲁϩⲉ ⲙⲛ̅
ⲡⲉⲫⲉⲗⲱⲛⲓ̈ⲟⲛ ϣⲁ
ⲡⲛⲁⲩ ⲉϯⲛⲁⲃⲱⲕ ⲧ[ⲁ]
[ϩ]ⲱⲗϭ ⲉⲛ̀ⲛ̀ⲧⲁ ⲧⲁⲯ[ⲩ]
[ⲭ]ⲏ ⲙⲉⲣⲓ̈ⲧⲟⲩ · ⲉⲧⲉ
[ⲓ̈ⲱϩ]ⲁⲛⲛⲏⲥ ⲡⲃⲁⲡ
[ⲧⲓ̈]ⲥⲧⲏⲥ ⲡⲉ ⲙⲛ̅ ⲉⲗⲓ̈ⲥⲥⲁⲓ̈
[ⲟⲥ] ⲡⲉⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ.
[Ⲛ̅ⲧⲉⲣ̅]ϥ̅ϫⲉ ⲛⲁⲓ̈ ⲁⲓ̈[ⲣ̅]
[ϣ]ⲡⲏⲣⲉ ⲛ̀ⲛ̅ϥϣⲁϫⲉ
[ⲉⲧϩ]ⲟⲗϭ · ⲙⲛ̀ⲛ̀ⲥⲁ
[ⲛⲁⲓ̈] ⲁⲩϫⲓ̈ⲧⲛ̅
[ⲉϩⲟⲩⲛ ϣⲁ ⲡⲣ̅ⲣⲟ]
[Ⲁⲩⲱ ⲁϥϣⲁϫⲉ ⲛ̅]

Verso.

ⲧⲁⲡⲟⲗⲟⲅⲓ̈ⲁ ⲙ̀ⲡ[ⲛⲁⲩ]
ⲉⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ ⲛ̀ⲧⲉ[ⲣⲟⲩ]
ⲧⲙ̅ⲕⲁⲁϥ ⲉϩⲟⲩ[ⲛ ⲛⲉ]
ⲙⲁⲛ · ⲉϥϫⲱ ⲙ̀[ⲙⲟⲥ]
ϫⲉ ⲡϩⲱⲥ ⲉⲧⲟ ⲛ̀[ϣⲟ]
ⲙⲛ̅ⲧ ⲛ̀ⲕⲁⲡ ⲙ[ϥ̅]
ϭ[ⲉ]ⲡⲏ ⲉ̀ⲥⲱⲗⲡ̅ ·
ⲉϣϫⲉ ⲙ̀ⲡⲉⲧⲛ̅[ⲕⲁ]
ⲁⲧ ⲛ̀ⲛⲉⲓ̈ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉ[ⲓ̈ⲥ]
ⲛ̅ϣⲟⲙⲛ̅ⲧ ϩⲛ̅ ⲧ
ⲉⲡⲁⲣⲭⲓ̈ⲁ ⲁⲩⲉⲓ̈ ⲉ
ϩⲟⲩⲛ · ⲉⲟⲩⲛ̀ⲧⲁⲩ
ⲙ̀ⲙⲁⲩ ⲙ̀ⲡⲱⲣϫ̅ [ⲛ̀]
ⲧⲡⲓ̈ⲥⲧⲓ̈ⲥ ⲡⲁⲣⲁ ⲉⲡ[ⲓ̈ⲥ]
ⲕⲟⲡⲟⲥ ⲛⲓ̈ⲙ ·
Ⲁⲛⲟⲕ ⲇⲉ ⲛ̅ⲧⲉⲣ[ⲓ̈ⲕⲱ]
ⲧⲉ ⲙ̀ⲡⲉⲓ̈ϩⲉ ⲙⲁ[ⲕⲁ]
ⲣⲓ̈ⲟⲥ ⲉϥⲟ[ⲩⲏϩ ⲛ̀ⲥⲱⲓ̈]
ⲁⲓ̈ⲣ̅ⲑⲉ ϩⲱⲥ ⲛ̅[ⲧⲁⲩⲕⲁ]
ⲡⲁⲗⲁⲥ ϩⲓ̈ⲣⲙ̅ ⲡ[ⲣⲟ]
ⲙⲁⲗⲗⲟⲛ ⲧⲁ[ⲁⲡⲉ]
[Ⲛⲧⲉ]ⲩⲛⲟⲩ ⲁⲓ̈ⲕ[ⲱⲧⲉ ⲙ̅]
ⲡⲁ[ϩ]ⲟ ⲉⲡⲁϩⲟ[ⲩ]
ⲉⲩⲛⲟⲧⲁⲣⲓ̈[ⲟⲥ]
[ⲉϥⲁϩⲉⲣⲁⲧϥ̅]

Cod. Copt. Vatic. (Amélineau l. l. 120,2—121,3).

ⲛⲁϩϯ ⲉⲣⲟⲓ ⲡⲁϣⲏⲣⲓ ϫⲉ ⲉⲛⲉ ⲟⲩⲟⲛⲧⲏⲓ ⲛϩⲁⲛⲕⲉϩⲃⲱⲥ ⲉⲩⲗⲁⲙ ⲉϩⲟⲧⲉ ⲛⲁⲓ ⲛⲁⲓⲛⲁⲧⲏⲓⲧⲟⲩ ϩⲓⲱⲧ ⲛⲧⲁⲉⲣⲫⲟⲣⲓⲛ ϩⲱϥ ⲛϩⲁⲛϩⲃⲱⲥ ⲉⲛⲁⲛⲉⲩ ⲉⲓϩⲏⲗ ⲉⲉⲣ-ⲁⲡⲁⲛⲧⲁⲛ ⲉⲡⲟⲩⲣⲟ ⲡⲭ̅ⲥ̅·ⲛⲓⲥⲓⲟⲩⲣ ⲅⲁⲣ ⲛⲉⲙ ⲛⲓⲡⲁⲧⲣⲓⲕⲓⲟⲥ ⲉⲧⲟϩⲓ ⲉⲣⲁⲧⲟⲩ ⲉⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛⲧⲉ ⲡⲁⲓⲕⲟⲥⲙⲟⲥ ⲟⲩⲟϩ ϣⲁⲩⲓⲛⲓ ⲉⲉⲣⲫⲟⲣⲓⲛ ⲛϩⲁⲛϩⲃⲱⲥ ⟨ⲉ⟩ⲛⲁⲛⲉⲩ ϫⲉ ⲛⲧⲟⲩⲟⲩⲱⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲩⲟⲓ ⲛⲥⲁⲓⲉ ⲉϩⲟⲧⲉ ⲛⲏ ⲉⲧⲟϩⲓ ⲉⲣⲁⲧⲟⲩ ⲧⲏⲣⲟⲩ. ⲫⲁⲓ ϩⲱ ⲡⲉ ⲡⲁⲣⲏϯ ⲉⲓⲛⲉ ⲙⲙⲟⲓ ⲉⲓⲁⲣⲉϩ00) ⲉⲧⲁϣⲑⲏⲛ ⲉⲥⲣⲁϧⲓ ⲛⲉⲙ ⲧⲁ-

00) Bei Amélineau steht ⲉⲓⲁⲣⲉϥ, wohl ein Druckfehler.

ⲫⲉⲗⲟⲛⲏ ϣⲁϯϣⲉ ⲛⲏⲓ ⲛⲧⲁⲧⲟⲙⲛⲧ ⲉⲛⲏ ⲉⲧⲁ ⲧⲁⲯⲩⲭⲏ ⲙⲉⲛⲣⲓⲧⲟⲩ ⲉⲧⲉ ⲓⲱⲁⲛⲛⲏⲥ ⲡⲓⲃⲁⲡⲧⲓⲥⲧⲏⲥ ⲡⲉ ⲛⲉⲙ ⲡⲓⲉⲗⲓⲥⲉⲟⲥ ⲡⲓⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ. ⲛⲁⲓ ⲇⲉ ⲉϥϫⲱ ⲙⲙⲱⲟⲩ ⲁⲓⲉⲣ-ϣⲫⲏⲣⲓ ⲉϫⲉⲛ ⲛⲉϥⲥⲁϫⲓ ⲉⲧϩⲟⲗϫ. ⲟⲩⲟϩ ⲙⲉⲛⲉⲛⲥⲁ ⲛⲁⲓ ⲁⲩϭⲓⲧⲉⲛ ⲉϧⲟⲩⲛ ϣⲁ ⲡⲟⲩⲣⲟ ⲟⲩⲟϩ ⲁⲩⲉⲣ-ⲕⲱⲗⲩⲓⲛ ⲛⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓⲟⲥ ⲉϣⲧⲉⲙϩⲱⲗ ⲉϧⲟⲩⲛ ⲉⲡⲓⲥⲩⲛⲉⲇⲣⲓⲟⲛ ⲛⲉⲙⲁⲛ ⲛϫⲉ ⲛⲓⲥⲓⲗⲉⲛⲧⲓⲁⲣⲓⲟⲥ. ⲟⲩⲟϩ ⲁϥϫⲱ ⲙⲡⲁⲓⲥⲁϫⲓ ⲙⲡⲓⲛⲁⲩ ⲉⲧⲉⲙⲙⲁⲩ ⲉϥϫⲱ ⲙⲙⲟⲥ ϫⲉ ⲡⲓⲛⲟϩ ⲉⲧⲟⲓ ⲛⲅ̅ ⲛⲣⲟ ⲙⲡⲁϥⲥⲱⲗⲡ ⲛϫⲱⲗⲉⲙ ⲛⲁⲛ ⲓⲥϫⲉⲛ ⲙⲡⲉⲧⲉⲛⲭⲁⲛ ⲉϧⲟⲩⲛ ⲁⲗⲗⲁ ⲓⲥ ⲅ̅ ϧⲉⲛ ⲧⲁⲉⲡⲁⲣⲭⲓⲁ ⲁⲩⲓ ⲉϧⲟⲩⲛ ⲉⲟⲩⲟⲛⲧⲱⲟⲩ ⲙⲡⲓⲧⲁϫⲣⲟ ⲛⲧⲉ ⲡⲓⲛⲁϩϯ ⲉϩⲟⲧⲉ ⲉⲡⲓⲥⲕⲟⲡⲟⲥ ⲛⲓⲃⲉⲛ ⲟⲩⲟϩ ⲥⲉⲟⲓ ⲛⲉⲙⲡⲉⲓⲣⲟⲥ ⲉⲙⲁϣⲱ. ⲁⲛⲟⲕ ⲇⲉ ⲉⲧⲁⲓϫⲟⲩϣⲧ ⲙⲡⲓⲛⲁⲩ ⲉⲡⲓϧⲉⲗⲗⲟ ⲉϥⲟⲩⲉϩ ⲛⲥⲱⲓ ⲁⲓⲉⲣ ⲙⲫⲣⲏϯ ⲓⲥϫⲉⲛ ⲁⲩⲭⲁ ⲡⲁⲗⲁⲥ ϩⲓⲣⲉⲛ ⲡⲓⲣⲟ ⲙⲁⲗⲗⲟⲛ ϫⲉ ⲧⲁⲁϥⲉ. ⲛϯⲟⲩⲛⲟⲩ ⲁⲓⲕⲟⲧⲧ ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉⲟⲩⲛⲟⲧⲁⲣⲓⲟⲥ ⲉϥⲟϩⲓ ⲉⲣⲁⲧϥ ⲡⲉϫⲏⲓ ⲛⲁϥ etc.

Und als wir ans Ufer gelangt waren, folgte uns der heilige Apa Makari(os), indem er schmutzige Kleider anhatte. Petros, der Diakon (διάκων) *antwortete und sprach zu ihm: «Abba Makari(os), lege köstliche Kleider an, denn wir gehn, dem Könige zu begegnen* (ⲉⲣ-ἀπαντᾶν)». *Es sprach Makari(os) zu ihm: «Mein Sohn, das Herz des Königs ist zehntausendmal schmutziger, als diese Kleider, welche ich anhabe. Glaube mir, mein Sohn, wenn ich Kleider hätte, die schmutziger wären, als diese, würde ich sie anlegen, würde aber schöne Kleider tragen* (φορεῖν), *wenn ich gienge um zu*[18]) begegnen (ἀπαντᾶν)

Das ausgestellte Blatt erzählt, wie Makarios und Schenute bei ihrer Fahrt zum Concil von Ephesus einen Tempel des heidnischen Gottes Kothos dem Untergange weihten. Bei diesem Anlasse fand der Oberpriester des Kothos, Homeros mit Namen, den Tod. Man sieht aus dieser Stelle, dass noch in der Mitte des V. Jahrhunderts, also lange nach jener bekannten Verordnung des Theodosios, Heiden in Ägypten vorkamen».

Vergl. dazu Amélineau l. l. pagg. 115—118.

Vergl. ferner:

Zoëga l. l. pag. 280 f. Cod. Sah. CLXV. — 2 Blätter. — Pergament. — pagg. ⲥⲙⲁ. ⲥⲙⲃ. — Text. — Übersetzt bei

Crum, Coptic texts relating to Dioscorus of Alexandria in «Proceedings Soc. Bibl. Arch. XXV (1903) pag. 275 f. — Zu derselben Hs. gehört auch ein kurzes Fragment des Brit. Museums (Or. 3581 B 41 = Crum, Cat. Nr. 333). Es ist das letzte Blatt der Lage ⲕⲃ. — Vermuthlich aus einem Encomium. — Unveröffentlicht.

Ausserdem sind bei Crum, Coptic texts etc., veröffentlicht und übersetzt:

1) drei Papyrusfragmente nach Abschriften Arthur Des Rivières' (annähernd aus dem J. 1845) in der Königl. Bibliothek zu München (Kopt. Hs. No. 3. — Blatt LXVIII pag. ⲉ. ⲋ, LXXIII erstes Bl. der Lage ⲃ und LXIX. Halm-Aumer, Verz. d. oriental. Hss. I, IV. 101, 103). — Das 1. Fragment scheint eine Einleitung zu unserem Encomium zu enthalten, während das 2. dem boh. Texte bei Amélineau l. l. pag. 98,3–8; 98,10—99,1 und das 3-te l. l. pag. 119, 1–6; 8–14 entspricht. — Diese Fragmente gehören vermuthlich zu unserem Papyrusfragmente und zwar scheint letzteres, welches bei Amélineau pag. 120,2—121,3 entspricht, dem dritten, Rivières'schen Fragmente gefolgt zu sein.

2) Sieben Papyrusfragmente, ebenfalls nach Abschriften Des Rivières'. — Bruchstücke einer «Vita des Dioscorus», entsprechend einer syrischen Vita, herausg. von Nau in Journ. asiat. Xe Série I (1903), 5–108; 241–310.

Blatt XCVI	= Syr. Vita, § 11
» XCVII	scheint hierher zu gehören
» LXX, p. ⲧⲑ·ⲧⲓ	= Syr. Vita, § 13
» LXXXIII	= » » § 17
» LXXII	= » » § 18
» LXXI, p. ⲧⲛⲋ·ⲧⲛⲏ	= » » § 19
» XCII	= » » letzter § (?).

Crum l. l. 268, 270—274.

3) Cairo No. 8084. — 1 Blatt. — Pergament. — Bruchstück aus einem Encomium.

Crum, l. l. p. 274.

18) Zu Anfang der Übersetzung gebe ich zum besseren Verständniss einen kleinen hier cursiv gedrucken Abschnitt nach dem boheirischen Texte.

dem unsterblichen Könige Christus. Die Eunuchen und die Patricier (πατρίκιος, *patricius*) sind eifrig bemüht (σπουδάζειν) zu tragen (φορεῖν) ihre schönen Kleider, damit sie erscheinen schöner als (παρά) die, welche stehn bei dem Könige. Ebenso werde auch ich mein reines Kleid und mein priesterliches Gewand (φελόνιον) hüten bis zu der Stunde, in welcher ich gehn und mich vereinigen werde mit denen, welche meine Seele (ψυχή) geliebt hat, das sind Johannes der Täufer (βαπτίστης) und Elisa der Prophet (προφήτης)».

Als er (Dioskoros) dieses sagte, bewunderte ich (Makarios) seine süssen Worte. Darauf wurden wir *zum Könige* geführt. *Und er sagte* (Verso) zu seiner Rechtfertigung (ἀπολογία) zu jener Stunde, als man ihn mit uns
nicht hineinliess, indem er sprach: «Die Schnur von drei Fäden reisst nicht Eccles. 4,12.
leicht entzwei».— Wenn ihr mich nicht hineingehn lasst, so sind (doch) drei von der Eparchie (ἐπαρχία) hineingegangen, welche die Festigkeit des Glaubens (πίστις) haben, mehr als (παρά) alle Bischöfe (ἐπίσκοπος)».

Als ich mich aber (δέ) umwandte, fand ich Makarios nicht mir nachfolgend. Ich wurde als ob (ὡς) meine Zunge mir aus dem Munde, vielmehr noch (μᾶλλον) (als ob) mein Kopf mir fortgenommen worden wäre. Sogleich wandte ich mein Gesicht zurück ⟨und sah⟩ einen Notarius (νοτάριος) dastehn. *Ich sprach zu ihm.*

Anmerkungen.

Recto 1/2. ⲡⲣ̄ⲣⲟ [ⲛ̀]ⲁⲧ[ⲙ]ⲟⲩ «der unsterbliche König», boh. nur ⲡⲟⲩⲣⲟ «der König».

4. — ⲉⲧⲁϩⲉⲣⲁⲧⲟⲩ ⲉⲡⲣ̄ⲣⲟ «welche stehn bei dem Könige», boh. ⲉⲩⲟϩⲓ ⲉⲣⲁⲧⲟⲩ ⲉⲡⲟⲩⲣⲟ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡⲁⲓⲕⲟⲥⲙⲟⲥ «welche stehn bei dem Könige dieser Welt (κόσμος)».

5. — ⲥⲡⲟⲩⲇⲁⲍⲉ (σπουδάζειν) boh. ⲓⲏⲥ «eilen».

6. — ⲛⲉⲩϩⲟⲓ̈ⲧⲉ [ⲉ]ⲧⲛⲁⲛⲟⲩⲟⲩ «ihre schönen Kleider», boh. ϩⲁⲛϩⲃⲱⲥ ⲉⲛⲁⲛⲉⲩ «schöne Kleider», als Gegensatz zu ϩⲁⲛⲕⲉϩⲃⲱⲥ ⲉⲩⲗⲁⲙ «andere schlechte Kleider». Letzteres ist nur boh. erhalten, sah. dürfte dafür gestanden haben: ϩⲉⲛⲕⲉϩⲃ̄ⲥⲱ ⲉⲧⲗⲁⲁⲙ. Vgl. Jac. II, 2. ⲟⲩϩⲏⲕⲉ ϩⲛ̄ ⲟⲩϩⲃ̄ⲥⲱ ⲉⲥⲗⲁⲁⲙ. πτωχὸς ἐν ῥυπαρᾷ ἐσθῆτι. — Apok. arch. Mich. pag. 5a 2. 3. ⲛⲉϩⲃ̄ⲥⲱ ⲉⲧⲗⲁⲁⲙ.

17—19. — Johannes der Täufer und Elisa (Elisaeos) der Prophet werden häufig zusammen genannt, so z. B. bei Amélineau l. l. pag. 119. 158. Das erklärt sich daraus, dass ihre Gräber zusammen lagen. Vgl. Cod. Borg. CLX. Z. 263. 22. 23. ⲡⲉⲙϩⲁⲁⲩ ⲛ̄ⲓⲱϩⲁⲛⲛⲏⲥ ⲡⲃⲁⲡⲧⲓⲥⲧⲏⲥ ⳓ «das Grab Johannes des Täufers und Élissaios des Propheten». Nach dem koptischen und äthiopischen Synaxar fällt des Gedächtniss der Auffindung ihrer Gebeine auf den 2 Payni (Senê).

24. — ergänze ich nach boh. ⲉϧⲟⲩⲛ ϣⲁ ⲡⲟⲩⲣⲟ zu ⲉϩⲟⲩⲛ ϣⲁ ⲡⲣ̄ⲣⲟ.

25 — *Verso* 1—4. ergänze ich zu: [ⲁⲩⲱ ⲁϥϣⲁϫⲉ ⲛ̄]ⲧⲁⲡⲟⲗⲟⲅⲓ̈ⲁ ⲙ̀ⲡ[ⲛⲁⲩ] ⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲛ̀ⲧⲉ[ⲣⲟⲩ]ⲧⲙ̄ⲕⲁⲁϥ ⲉϩⲟⲩ[ⲛ ⲛⲉ]ⲙⲁⲛ. «Und er sagte die Rechtfertigung (ἀπολογία) zu jener Stunde, als man ihn mit uns nicht hineinliess». Hier ist vermuthlich zwischen ⲕⲁⲁϥ und ⲉϩⲟⲩⲛ ausgefallen ⲛ̀ⲉⲓ̄. Vergl. Z. 8. 9. ⲉϣϫⲉ ⲙ̀ⲡⲉⲧⲛ̄[ⲕⲁ]ⲁⲧ ⲛ̀ⲉⲓ̄ ⲉϩⲟⲩⲛ «wenn ihr mich nicht hineingehn lasst». Der boh. Text hat hier abweichend: ⲟⲩⲟϩ ⲁⲩⲉⲣ-ⲕⲱⲗⲩⲓⲛ ⲛⲁⲃⲃⲁ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓⲟⲥ ⲉϣⲧⲉⲙϩⲱⲗ ⲉϧⲟⲩⲛ ⲉⲡⲓⲥⲩⲛⲉⲇⲣⲓⲟⲛ ⲛⲉⲙⲁⲛ ⲛϫⲉ ⲛⲓⲥⲓ-

λεπτιαριος · ουοϩ αϥϫω μπαιςαϫι μπιναυ ετεμμαυ. «Und es hinderten (κωλύειν) den Abba Makarios hineinzugehn in den Rath (συνέδριον) mit uns die Silentiarier (σιλεντιάριος). Und er sprach dieses Wort zu jener Stunde».

5—7.—ⲡϩⲱⲥ ⲉⲧⲟ ⲛ̀[ϣⲟ]ⲙⲛ̄ⲧ ⲛ̀ⲕⲁⲡ ⲙ[ϥ̄]ϭ[ⲉ]ⲡⲏ ⲉ̀ⲥⲱⲗⲡ̄, boh. ⲡⲓⲛⲟϩ ⲉⲧⲟⲓ ⲛ̄ⲅ̄ ⲛⲣⲟⲙⲡⲁϥⲥⲱⲗⲡ ⲛϫⲱⲗⲉⲙ. Wir haben hier Eccles. 4,12. τὸ σπαρτίον τὸ ἔντριτον οὐ ταχέως ἀπορραγήσεται. In den Borgianischen Fragmenten (Ciasca) lautet diese Stelle: ⲁⲩⲱ̄ ⲡϩⲱⲥ' ⲉ̄ⲧⲟ ⲛ̄ϣⲟⲙⲛ̄ⲧ ⲛ̄ⲣⲟ ⲛϥ̄ⲛⲁϭⲉⲡⲉ[sic] ⲁⲛ ⲉ̄ⲥⲱⲗⲡ̄. Interessant ist, dass in unserem Texte ἔντριτον durch ⲛ̄ϣⲱⲙⲛ̄ⲧ ⲛ̄ⲕⲁⲡ wiedergegeben ist. Boh. findet sich diese Stelle noch einmal, und zwar auch nur als Citat in den «Virtutes S. Macarii»[19]). Kirchensl. lautet die Stelle: и҆ ве́рвь трепле́тена не ско́рѡ расто́ргнетсѧ, russ. «и нитка, втрое скрученная, не скоро порвется».

12—15.—ⲉⲟⲩⲛ̀ⲧⲁⲩ ⲙ̀ⲙⲁⲩ ⲙ̀ⲡⲱⲣ̄ϫ̄ [ⲛ̀]ⲧⲡⲓ̈ⲥⲧⲓ̈ⲥ ⲡⲁⲣⲁ ⲉⲡ[ⲓ̈ⲥ]ⲕⲟⲡⲟⲥ ⲛⲓ̈ⲙ. «welche die Festigkeit des Glaubens haben, mehr als alle Bischöfe»]. Zu ⲱⲣ̄ϫ̄ «Festigkeit, Zuverlässigkeit» ἀσφάλεια stimmt auch boh. ⲧⲁϫⲣⲟ. Boh. hat hier noch den Zusatz: ⲟⲩⲟϩ ⲥⲉⲟⲓ ⲛⲉⲙⲡⲉⲓⲣⲟⲥ ⲉⲙⲁϣⲱ «und sie sind sehr erfahren (ἔμπειρος)».

16—18.—ⲁ̀ⲛⲟⲕ ⲇⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲣ[ⲓ̈ⲕⲱ]ⲧⲉ ⲙ̀ⲡⲉⲓ̈ϩⲉ ⲙⲁ[ⲕⲁ]ⲣⲓ̈ⲟⲥ ⲉϥⲟ[ⲩⲏϩ ⲛ̀ⲥⲱⲓ̈] «als ich mich umwandte fand ich Makarios nicht mir folgend».] Vor ⲙⲁ[ⲕⲁ]ⲣⲓ̈ⲟⲥ ist hier die Partikel ⲉ ausgefallen. Boh. ⲁⲛⲟⲕ ⲇⲉ ⲉⲧⲁⲓϫⲟⲩϣⲧ ⲙⲡⲓⲛⲁⲩ ⲉⲡⲓϧⲉⲗⲗⲟ ⲉϥⲟⲩⲉϩ ⲛⲥⲱⲓ, was Amélineau etwas frei übersetzt: «Et moi lorsqu'à ce moment je vis le vieillard éloigné de moi». Diese Auffassung ist aber nicht gut möglich, denn ⲙⲡⲓⲛⲁⲩ ist hier nicht «à ce moment», sondern «ich sah nicht», dem in unserem Papyrus entspricht: ⲙ̀ⲡⲉⲓ̈ϩⲉ «ich fand nicht». Auch «éloigné de moi» ist nicht zulässig, da der Text ⲉϥⲟⲩⲉϩ ⲛⲥⲱⲓ liest, was nur «mir nachfolgend» übersetzt werden kann. «Éloigné de moi» müsste ⲉϥⲟⲩⲉ ⲙ̀ⲙⲟⲓ heissen. Auf Grund des boh. ⲉϥⲟⲩⲉϩ ⲛⲥⲱⲓ können wir in unserem Texte mit Sicherheit ergänzen: ⲉϥⲟ[ⲩⲏϩ ⲛ̀ⲥⲱⲓ]; ⲛ̀ⲧⲉⲣ... ⲧⲉ kann wohl kaum anders, als zu ⲛ̀ⲧⲉⲣ[ⲓⲕⲱ]ⲧⲉ ergänzt werden. Der boh. Text wäre hier zu überzetzen: «Als ich aber (δέ) aufblickte, sah ich den Greis mir nachfolgend nicht».

19—21.—ⲁⲓ̈ⲣ̄ⲑⲉ ϩⲱⲥ ⲛ̄[ⲥⲉⲕⲁ] ⲡⲁⲗⲁⲥ ϩⲓ̈ⲣ̄ⲙ̄ ⲡ[ⲣⲟ] ⲙⲁⲗⲗⲟⲛ ⲧⲁ[ⲁⲡⲉ] «ich wurde als ob (ὡς) meine Zunge aus dem Munde, vielmehr noch (μᾶλλον), (als ob) mein Kopf mir fortgenommen worden wäre». Boh.

19) Annales du Musée Guimet XXV, pag. 127,10.

liest hier: ⲁⲓⲉⲣ ⲙⲫⲣⲏϯ ⲓⲥϫⲉⲛ ⲁⲩⲭⲁ ⲡⲁⲗⲁⲥ ϩⲓⲣⲉⲛ ⲡⲓⲣⲟ ⲙⲁⲗⲗⲟⲛ ⲇⲉ ⲧⲁⲁⲫⲉ. Ich habe hier nach dem Boh. ergänzt.

22—25.—[ⲛⲧⲉ]ⲩⲛⲟⲩ ⲁⲓ̈ⲕ[ⲱⲧⲉ ⲙ̅]ⲡⲁ[ϩ]ⲟ ⲉⲡⲁϩⲟ[ⲩ] ⲉⲩⲛⲟⲧⲁⲣⲓ̈ⲟⲥ [ⲉϥⲁϩⲉⲣⲁⲧϥ̅] «Sogleich wandte ich mein Gesicht zurück ⟨und sah⟩ einen Notarius (νοτάριος) [dastehn]». Nach ⲉⲡⲁϩⲟ[ⲩ] ist hier sicher ⲁⲓ̈ⲛⲁⲩ ausgefallen, wie boh. zeigt.—Zu meiner Ergänzung vergl. Mart. S. Heraclidis: ⲁϥⲕⲱⲧⲉ ⲙ̅ⲡⲉϥϩⲟ ⲉⲡⲓ̅ⲏⲃⲧ.. [20]) «er wandte sein Gesicht nach Osten».

---

20) Meine «Bruchstücke kopt. Märtyrerakten» I—V, pag. 24b 25—27.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Лори лѣтомъ 1913 г.

А. Лорисъ-Калантара.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 11 сентября 1913 г.).

Занятія мои по изученію памятниковъ древности въ Лорійскомъ участкѣ Борчалинскаго уѣзда, Тифлисской губерніи (древн. область Таширъ или Лори, входившая по армянскому дѣленію въ провинцію Гугаркъ, по грузинскому въ «Сомхеѳ» или Сомехію), куда я былъ командированъ Императорской Академіей Наукъ, въ зависимости отъ незначительныхъ средствъ, которыми я располагалъ, велись въ предѣлахъ небольшого района, не могли быть длительными (всего около 3-хъ недѣль) и посвящены были главнымъ образомъ эпиграфическимъ матеріаламъ.

Въ намѣченномъ районѣ, на рѣкѣ Дзорагетъ (Бердуджа, Дебеда-чай) предметомъ моихъ занятій были слѣдующіе памятники: древній храмъ въ сел. Одзунѣ (Удзунъ, Узунъ, Уцунъ) или Узунларѣ, лежащемъ надъ ущельемъ, на лѣвомъ берегу Дзорагета; на томъ же берегу, въ Дзорагетскомъ ущеліи — развалины монастырей һОромайръ и Кобайръ; идя дальше на югъ, противъ теченія рѣки, на правомъ берегу ея, подъ сел. Дысегъ, въ ущеліи — развалины монастыря Сурб-Григоръ.

Ущелье это представляетъ громадный интересъ; оно буквально усѣяно археологическимъ матеріаломъ разныхъ эпохъ и временъ, начиная съ того времени, къ которому относятся такъ называемыя Урартскія постройки, и до послѣднихъ вѣковъ.

Памятники христіанскаго времени (развалины крѣпостей, церквей, часовенъ, также надгробные памятники, монументальные или изъ одныхъ хачкаровъ, т. е. крестныхъ камней, стоящихъ отдѣльно или группами, образующими по мѣстамъ обширныя усыпальницы) особенно цѣнны въ виду сохранившагося древне-христіанскаго сооруженія — трехнефной базилики въ Одзунѣ съ уцѣлѣвшимъ портикомъ. Подобно многимъ мѣстностямъ Арменіи XIII-й вѣкъ здѣсь тоже представленъ богаче другихъ столѣтій какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Достаточно указать на развалины церкви Сурб-Григора, великолѣпнаго образца армянскаго искусства XIII вѣка.

Вслѣдствіе очень большого количества надписей, особенно въ һОромайрѣ и Сурб-Григорѣ, при недостаткѣ у меня фотографическаго матеріала, я успѣлъ исчерпать въ этотъ разъ только Одзунъ и Кобайръ. Въ виду исключительной важности сдѣланы измѣренія и снятъ планъ Одзунскаго храма, базилики, и находящагося тамъ же памятника на могилѣ, по преданію, царя Смбата.

Общій характеръ всѣхъ памятниковъ указываетъ на тѣсную связь съ Анійской культурой, однако намѣчаются многія оригинальныя черты, общія только для лорійскихъ древностей. Особнякомъ стоитъ бо́льшая церковь съ колокольнею Кобайрскаго монастыря, своими декоративными деталями болѣе сходная съ грузинскими церквами.

Изученіе христіанскихъ памятниковъ мѣстности, лежащей на рубежѣ Арменіи и Грузіи, естественно, выдвинуло на первую очередь выясненіе вопроса о положеніи халкедонитства въ краѣ. Кромѣ Кобайра, халкедонитскаго монастыря съ надписями армянскими и на грузинскомъ языкѣ, по этому вопросу Одзунъ и hОромайръ также дали любопытный матеріалъ, доказывающій, что халкедонитство среди армянъ не было обособленнымъ, чуждымъ явленіемъ и даже позднѣе, по крайней мѣрѣ въ опредѣленную эпоху, было неразрывной частью общеармянской религіозной жизни.

Надписи по содержанію—строительныя (большая часть), о повинностяхъ, дарственныя и надгробныя; онѣ какъ въ палеографическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи языка имѣютъ особый, мѣстный характеръ: отъ извѣстныхъ мнѣ надписей другихъ мѣстностей Арменіи ихъ отличаютъ формы буквъ и новые типы лигатуръ, часто очень сложныхъ. Языкъ, подобно всѣмъ извѣстнымъ армянскимъ надписямъ, хотя древне-литературный съ діалектизмами, но діалектическія формы въ нихъ часто являются преобладающими и представляютъ богатый и интересный матеріалъ для изученія древне-лорійскаго нарѣчія.

Прочитано надписей до 120, за исключеніемъ 3—4 изъ нихъ, неизданныхъ до сихъ поръ.

Эти надписи по времени отъ XI—XIV в. (большинство относится къ XIII вѣку), кромѣ одной небольшой и дефектной, но, казалось бы, значительно болѣе древней надписи, найденной въ Одзунѣ.

Сдѣлано до ста фотографическихъ снимковъ надписей, видовъ развалинъ, архитектурныхъ частей, построекъ, надгробныхъ памятниковъ, рельефовъ. Съ тѣхъ рельефовъ и надписей, которые не могли быть сфотографированы или представляли особенный интересъ, сдѣланы эстампажи.

Передъ началомъ работы предпринятый предварительный осмотръ развалинъ Лорійскаго участка показалъ плачевное состояніе ихъ въ смыслѣ охраны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я обнаружилъ свѣжіе слѣды порчи и поврежденій памятниковъ, особенно гробницы, произведенныя неизвѣстными лицами. Объ этомъ тогда же мною было сообщено г. Тифлисскому Губернатору, встрѣтившему мое заявленіе очень сочувственно, и по его предписанію Лорійскимъ приставомъ г. Степановымъ уже приняты мѣры для ослабленія этого зла.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ принести глубокую признательность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ мнѣ чѣмъ нибудь содѣйствіе, особенно же г.г. учителямъ Гр. Аг. Шавердяну, Тигр. Титаняну, а также Сарк. Черкезяну, М. Даллакіану и С. Малхасяну, помогавшимъ мнѣ въ Одзунѣ.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Заимствованіе числительныхъ въ яфетическихъ языкахъ.

Н. Я. Марръ.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 11 сентября 1913 г.).

Мы уже имѣли случай выяснить, что сванскій языкъ сохранилъ не коренное свое слово для *семи*, а заимствованное изъ тубал-кайнской или ш-группы იშქჳით i-шqwiϑ[1]). Такъ же въ отношеніи согласнаго является заимствованнымъ сванами, уже изъ к̔арт̔скаго, სემ sem, хотя съ чисто сванской огласовкой e, закономѣрной при к̔. «a» (sam-i) и т.-к. «o» > «u» (шum-i, sum-i)[2]). Въ связи съ послѣднимъ выяснилось, что въ коренномъ сванскомъ эквивалентѣ слова *три* указанный согласный элементъ могъ звучать s q̇. Тогда же было для меня ясно, что и въ качествѣ числительнаго *два* сваны не имѣютъ коренного сванскаго слова, что (ჲორი yor-i (э, и̔, хл)>ჲერჳი yerw-i (хл) > ჲერუ yeru (шх, чл) съ другими діалектическими разновидностями (ჲერბი yerb-i тх, ჲერი yer-i) есть вкладъ тубал-кайнскаго лингвистическаго слоя въ сванскомъ, что это — чисто тубал-кайнская же діалектическая разновидность мингрельскаго ჟირი jir-i (<*jur-i) и чанскаго ჟურ jur, діалектически и ჲურ yur, восходящихъ къ тубал-кайнскому прототипу *шor: вмѣстѣ съ тѣмъ становилось очевиднымъ, что и въ грузинскомъ языкѣ ორი or-i (діал. ჳორი wor-i) *два* есть заимствованіе отъ тубал-кайновъ[3]): коренное к̔арт̔ское слово для понятія *два* при т.-к. *шor должно было звучать, безъ характера И. падежа (i), *sal[4]), и тогда по извѣстнымъ уже законамъ сравнительной фонетики

---

1) *Изъ поѣздокъ въ Сванію*, Христ. Вост., 1913, стр. 19—20.

2) Ц. с., стр. 17—18.

3) Начальный слабый коренной ჲ у тубал-кайнскаго прототипа сохраняетъ сванскій языкъ (yor-i, yerw-i > yeru), но и въ сванскомъ, какъ обыкновенно въ грузинскомъ, утрачивается онъ въ составѣ сложныхъ ეშდორი eшd-or-i (э) *двѣнадцать*, ერჳეშდ erw-eшd (шх, чл, хл, э, и̔)||ერბეშთ erb-eшt (тх) *двадцать* и производнаго ურინ ur-in (э, и̔, также х) *два раза*.

4) При закономѣрномъ подъемѣ s въ ϑ, *sal въ грузинскомъ могъ переродиться въ *ϑal: ставлю вопросъ, не предрѣшая, не имѣемъ ли его въ грузинскомъ ცალი ϑal-i? Буквально въ такомъ случаѣ слово это должно бы означать *двойникъ*, *двоица*, откуда могли получиться его наличныя значенія: по Орб. — «изъ двухъ равныхъ одинъ» (ორთა სწორთაგან ერთი), по Ч2 — «вещь, подходящая подъ пару другой; чета; тюкъ, одинъ изъ пары...»

яфетическихъ языковъ коренной сванскій эквивалентъ могъ имѣть видъ *ხეჳ q̇ew > *ხე q̇e > ხჷ *q̇ə. Оказывается, это такъ и было; сванскія формы подтверждаются фактами, наблюденными въ послѣднюю поѣздку. Прежде всего, q̇e > q̇ə съ дезаспираціею въ видѣ qe < qə появляется въ тавтологически сложномъ ერქედა er-qe-da (тх) > ერქჷდა er-qə-da [1]) *оба*; здѣсь во мн. числѣ (-da) стоитъ основа (erqe > erqə), получившаяся отъ сліянія тубал-каинскаго er- (< yerw) и коренного сванскаго qe > qə, одинаково означающихъ *два*. Что̀ однако болѣе поучительно, q̇e > q̇ə сохранились и безъ дезаспираціи въ словѣ, обозначающемъ *отрицаніе обоихъ*, когда хотятъ сказать *ни одинъ изъ двухъ*: такимъ словомъ служитъ დეხედა de-q̇e-da (тх, х) > დეხდა de-q̇-da, въ чемъ мы имѣемъ пережитокъ коренного сванскаго слова q̇e > q̇ə > q̇ *два*, поставленнаго во мн. числѣ (-da) съ отрицаніемъ de- [2]); при повелѣніи или увѣщеваніи отрицаніе de замѣняется отрицаніемъ no (г. ნუ nu), и тогда то же слово звучитъ ნოხედა no-q̇e-da > ნოხდა no-q̇-da. Но, что̀ еще болѣе поучительно, грузинскій языкъ сохранилъ полную форму коренного сванскаго числительнаго *два* прежде всего въ видѣ q̇ew, resp. q̇ev въ словѣ, очевидно, не картскомъ, а заимствованномъ изъ сванскаго — ნახევარი [3]) na-q̇ev-ar-i *половина*, букв. *вторая* (*часть*), образованномъ такъ же, какъ ნასამალი na-sam-al-i *третья часть* отъ სამი sam-i, ნაოთხალი na-otq̇-a-l- *четвертая часть* отъ ოთხი otq̇-i *четыре* и т. п. Этого мало. То же сванское слово въ другой сванской діалектической разновидности съ глухимъ k̇ вм. средняго q̇ [4]), т. е. въ видѣ k̇ev сохранено у грузинъ (въ Карталиніи до настоящаго времени), очевидно заимствованнымъ опять изъ сванскаго, земледѣльческимъ терминомъ ქევარი k̇ev-ar-i [5]), что̀ по Орб. значитъ «быки въ *два* ярма», по Ч² — «*двѣ пары* быковъ». Собственно слово это, какъ теперь выясняется, представляетъ собой сванскую діалектическую форму числительнаго *два* — k̇ev, съ сванскимъ суффиксомъ или прилагательнаго (-ar) или мн. числа (-ar); слѣдовательно, буквально означаетъ или *двойной* или *пары*.

---

1) Въ э появляется то же слово и съ перестановкой: ექჷრდა eqər-da. Слышно иногда, напр. шх, и ერქდა er-q-da.

2) Изъ устъ попутчика изъ Цвирна, ипарскаго общества, я слышалъ разновидность დეხუდა de-q̇u-da, что̀ указываетъ на существованіе и დეხჷდა deq̇əda, но діалектическая среда данной разновидности deq̇uda, съ этимъ обычнымъ вырожденіемъ ə въ u, должна быть еще тщательно выяснена; студентъ Психоневрологическаго Института Порфирій Гвишіани, уроженецъ Цвирна, спрошенный мною по этому вопросу, отвѣтилъ, что это не цвирнская форма.

3) Діал. ნახავარი na-q̇av-ari — съ картской перегласовкой.

4) Діалектъ своей мутаціею примыкалъ къ лентехскому нарѣчію.

5) На это слово обратилъ мое вниманіе I. А. Кипшидзе.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Документы изъ города Хара-хото.

А. И. Иванова.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 11 сентября 1913 г.).

I.

Китайское частное письмо XIV вѣка.

Опубликованный текстъ обѣта, даннаго тангутскимъ владѣтелемъ (см. И. А. Н. 1911 г.) ради прославленія буддизма, свидѣтельствуетъ только о значеніи и положеніи этой религіи въ сѣверо-западной части Китая въ XII в.

Въ настоящее время представляется возможность установить отправные пункты для опредѣленія времени существованія самаго города, въ которомъ найдены были цѣнное собраніе книгъ и рукописей на различныхъ языкахъ и выдающіяся произведенія буддійской иконописи XII — XIV в.

«Сутра о созерцаніи рожденія Майтрейи на небѣ Тушита» (см. И. А. Н. 1911 г., стр. 831—836) и двухъязычный словарь (см. И. А. Н. 1909 г., стр. 1221—1233) изданы были во второй половинѣ двѣнадцатаго вѣка (1189 г.), и до сихъ поръ болѣе раннихъ документовъ найти не удалось. Это обстоятельство, само собою разумѣется, не предрѣшаетъ вопроса о судьбѣ города ранѣе этого времени.

Событія, имѣвшія мѣсто въ началѣ XIII в. въ этой части Китая, по Исторіи тангутскаго владѣнія 西夏書事[1]), представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ 1217 г. войска тангутовъ, насчитывавшія до 30000 конницы, вторглись съ монголами во владѣнія чжурчженей. Этому предшествовали постоянныя нападенія самихъ тангутовъ на владѣнія чжурчженей съ 1213 года, послѣ отказа послѣднихъ притти на помощь противъ надвигавшихся монголовъ. Вообще съ воцареніемъ 李遵頊 Ли Цзунь-сюй (1211—1224, посмертное имя — Шэнь-цзунъ; годы правленія — 光定 Гуанъ-динъ) отношенія тангутовъ къ чжурчженямъ сильно измѣнились, и они оказываютъ содѣйствіе даже возстающимъ чжурженьскимъ подданнымъ, какъ это имѣло мѣсто въ 1217 г. въ г. Лань-чжоу. Въ этомъ же году, въ

1) Составилъ У Гуанъ-чэнъ на основаніи Исторій династій Сунъ, Ляо, Цзинь и Юань; издана въ 1826 г. Библіотека Румянцовскаго Музея, собраніе Скачкова.

12-мъ мѣсяцѣ монголы осадили г. Чжунъ-синъ-фу (нынѣ Нинъ-ся-фу, см. Юань-ши, 60 цз., 19 стр.), бывшій резиденціей правителя тангутовъ, и Шэнь-цзунъ бѣжалъ въ г. Си-лянъ (нын. Лянъ-чжоу).

По словамъ Си-ся-шу-ши, движеніе монголовъ было вызвано возникшими недоразумѣніями между новыми союзниками. Перейдя на сторону монголовъ, тангуты вынуждены были доставлять постоянные отряды въ помощь завоевателямъ. Требованія были совершенно непосильны, но неудовлетвореніе ихъ вызвало нападеніе монголовъ на столицу. Разгнѣванный Чингисъ переправился черезъ Хуанъ-хэ и, не встрѣчая отпора, дошелъ до столицы Тангута. Ли Цзунь-сюй бѣжалъ, оставивъ въ городѣ своего наслѣдника Дэ-жэн'я 德任. Онъ, однако, рѣшилъ войти въ переговоры съ монголами, и ему удалось спасти владѣніе, подчинившись имъ. Монголы отступили, и Ли Цзунь-сюй вернулся въ городъ (遣使請降蒙古兵退始還).

Въ слѣдующемъ году тангуты входятъ въ переговоры съ чжурчженями о возобновленіи мѣнового торга, но безуспѣшно; такою же осталась и попытка заключить съ ними миръ. Послѣ нѣсколькихъ военныхъ неудачъ и утраты части территоріи чжурчжени въ 1220 году сами уже предлагаютъ тангутамъ миръ. Не понявшіе важности момента тангуты, въ лицѣ Ли-Цзуньсюй, отклонили предложеніе. Одинъ за другимъ переходятъ во власть тангутовъ города, принадлежавшіе чжурчженямъ. Успѣхи тангутовъ были непродолжительны. Мухуали, монгольскій военачальникъ, въ 3-мъ мѣсяцѣ 1221 года переправляется черезъ Хуанъ-хэ и идетъ на западъ. Одна за другой крѣпостцы тангутовъ падаютъ, и тангутамъ приходится принять участіе въ походѣ монголовъ. Видя усиленіе монголовъ, одинъ изъ тангутскихъ военачальниковъ въ Хэ-си, Гамбо (по фамиліи Ѣ-пу), переходитъ на сторону монголовъ. Дэ-жень, наслѣдникъ престола, убѣждалъ отца, не итти противъ чжурчженей, положеніе которыхъ, несмотря на всѣ потери, было еще достаточно прочно. Отказываясь вести войска, онъ просилъ разрѣшенія постричься въ монахи, отрекшись отъ престола. Разгнѣванный Ли Цзунь-сюй заточилъ его.

Послѣднія событія убѣдили, однако, Ли Цзунь-сюй въ правильности совѣта сына, и, отчаявшись въ своихъ силахъ, онъ уступаетъ престолъ другому своему сыну, Дэ-ван'у 德旺 (1224—1226). Прослышавъ, что Чингисъ не вернулся еще изъ похода на западъ, Дэ-ванъ стремится объединить племена, жившія къ сѣверу отъ Гоби, съ тѣмъ, чтобы дать должный отпоръ монголамъ.

Осаждавшіе безуспѣшно Ша-чжоу монголы рѣшили предупредить образованіе врагами кольца, и въ 8-мъ мѣс. 1224 года г. Инь-чжоу былъ взятъ.

Въ 10-мъ мѣсяцѣ этого же года Дэ-ванъ пытается возстановить мирныя сношенія съ чжурчженями и отправляетъ къ нимъ посольство. Видя угро-

жающую Ша-чжоу опасность и полную неудачу предполагавшагося объединенія племенъ послѣ паденія г. Инь-чжоу, Дэ-ванъ отправилъ посла къ монгольской арміи, стоявшей подъ Ша-чжоу съ изъявленіемъ покорности, обѣщая отдать заложникомъ сына. Осада Ша-чжоу, продолжавшаяся полгода, была снята. Къ концу осады въ городѣ не оставалось скота, и жители терпѣли лишенія отъ недостатка пищи.

Обѣщанія своего Дэ-ванъ, надѣявшійся на помощь чжурчженей, не выполнилъ.

Возобновленіе имъ переговоровъ съ чжурчженями, къ которымъ были отправлены послы и заложники, и гостепріимство, оказанное Чи-ла-хэ-сянь-гун'ю, сыну кераитскаго хана, бѣжавшаго послѣ уничтоженія найма-новъ (см. Bretschneider Mediaeval Researches, pp. 43 etc.) къ киданямъ, гдѣ онъ и умеръ, навлекли на Тангутъ походъ самого Чингиса.

Во 2-мъ году Бао-цинъ 寶 慶, т. е. въ 1226 г., соотвѣтствовавшемъ 3-му году Цянь-динъ 乾 定 владѣнія Си-ся, во 2-мъ мѣсяцѣ монголы напали на городъ Хэй-шуй и завладѣли имъ.

«Чингисъ давно уже былъ разгнѣванъ на владѣнія Ся 積 怒 夏 國; онъ, лично командуя стотысячнымъ войскомъ, прибылъ къ Цинь-чуань 秦 川.......

Дэ-ванъ послалъ людей снять мостъ и оказать ему отпоръ. Монгольскій Сюань-фу-ши Ванъ Чжи 王 檝 ночью съ отрядомъ доставилъ лѣсъ и камень, и къ утру мостъ былъ готовъ. Двинувъ впередъ войско, онъ прошелъ пески и, войдя въ Хэ-си, ударилъ на племена Са-ли, Тэ-лэ и Чи-минь. Напавъ на г. Хэй-шуй, онъ овладѣлъ имъ. Умерло тангутовъ въ бою при взятіи города нѣсколько десятковъ тысячъ». (Юань-ши, 1 цз., 4 стр., 153 цз. 27 стр. Си ся шу-ши, 41, 8).

Итакъ, главнымъ пунктомъ операцій Чингисъ-хана въ этой области, области р. Хэй-шуй, былъ г. Хэй-шуй, отождествляемый нами съ г. Хара-хото.

Далѣе, на отрывкахъ оффиціальныхъ документовъ, найденныхъ въ г. Хара-хото и относящихся ко времени династіи Юань, мы встрѣчаемъ имя Ицзинай-лу.

Ассигнаціи, найденныя въ городѣ, всѣ относятся ко времени монголовъ.

Слѣдовательно городъ существовалъ при монголахъ и входилъ въ округъ Ицзинай-лу. Существованіе города въ XIII в. подтверждается и свѣдѣніями Юань-ши (см. Отдѣлъ Географіи, Ицзинай-лу).

Затѣмъ, на одной изъ рукописей мы находимъ помѣтку, сдѣланную рукою ея автора, а быть можетъ, и читателя, проливающую свѣтъ на названіе города, въ которомъ она найдена:

光定十年正月廿八日到黑水來, «въ 10-мъ году Гуанъ-динъ (т. е. въ 1220 году) прибылъ въ Хэй-шуй».

Далѣе идетъ помѣтка: 貞祐五年四月十七日來。番光定七年十月十七日起去西涼府來十一月初二日到來. «Въ 5-мъ году правленія Чжэнь-ю (1217 г., Сюань-цзун'а чжурчженьской династіи) прибылъ въ 4-мъ мѣсяцѣ, 17-го числа; въ 7-мъ году правленія тангутскаго Гуанъ-динъ (1217 г.), 17-го числа 10-го мѣсяца отправился въ Си-лянъ-фу, а 2-го числа 11-го мѣсяца прибылъ».

Это даетъ право думать, что автору замѣтки городъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ Хэй-шуй, такъ какъ онъ не могъ отмѣтить, что прибылъ къ рѣкѣ Хэй-шуй.

Опредѣленіе крайней даты существованія города Хэй-шуй, о которомъ мы не встрѣчаемъ уже упоминанія въ исторіи династіи Минъ, находимъ въ одномъ весьма интересномъ документѣ юаньской эпохи. Это — первая, насколько намъ извѣстно, рукопись письма частнаго характера XIV в.

«Письмо Чэнь Цай-цин'а.

陳才卿 記事
陳德昭洎大小眷等自別以來十載有七中間只
發多端何敢聲揚其事于今以自進退無
路蓋因自作自受大不幸也昨前王山驛處帶
來紅花葉鼓等物已行接受量有為是山驛
師參政大男用社兒田驛騎馬前來處恐事
發以此不敢於本人處帶回信礼物緣故是這的也
者今念主復礼順帶機子一對不有笑力當以表
面會之心此及
相見 順時
善保 不宣
至正十一年七月初四日 記事
奉寄
流沙陳德昭閤下
嶺北客居陳才卿 付

Рукопись Азіатскаго Музея (собраніе П. К. Козлова). Размѣръ оригинала: 36,3 × 22,2 сант.

«Чэнь Дэ-чжао» и[1]) всей семьѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, прошло семнадцать лѣтъ, и за это время много было перемѣнъ[2]), но развѣ я рѣшусь говорить (поднять рѣчь) о нихъ. Въ настоящее время я попалъ въ безвыходное положеніе — пожинаю, что посѣялъ; я очень несчастливъ.

Нѣсколько дней тому назадъ отъ Ванъ Шань-люй привезли шафранъ, плоды и муку, и я ихъ получилъ.

Прежде Шань-люй съ дядюшкой, совѣтникомъ Чжоу Шэ-эр, вмѣстѣ ѣхалъ на почтовыхъ и боялся, что дѣло обнаружится; вотъ почему онъ не рѣшился взять отъ меня отвѣтъ и подарки. Вотъ гдѣ причина! Теперь я поручилъ Ванъ Фу-ли захватить съ собою пару чулокъ, которые (я надѣюсь) вы примете, какъ выраженіе моего желанія свидѣться съ вами.

(Я надѣюсь, что) мы современемъ увидимся. Берегите благовременно хорошенько себя[3]).

Не пишу подробностей.

11-й г. правленія Чжи-чжэнъ (1351 г.), 7-ой мѣсяцъ, 4-ый день.

Чэнь Дэ-чжао, въ (мѣстность) Лю-ша[4]) отъ Чэнь Цай-цин'а, живущаго временно въ (мѣстности) Линъ-бэй[5])».

Итакъ, документы города Хара-хото, о которыхъ мы говоримъ въ настоящей статьѣ, относятся къ промежутку времени болѣе ста лѣтъ, считая, что первымъ документомъ является документъ первой половины XIII в., и настоящій — второй половины XIV в. Каково же отношеніе этого города, если принять, что Хэй-шуй и есть г. Хара-хото, къ городу, извѣстному подъ именемъ Эцзина (Езина)[6])?

Тотъ фактъ, что послѣднее названіе не встрѣчается въ Си-ся-шу-ши, самъ по себѣ, еще не можетъ служить доказательствомъ, что это названіе не существовало до монголовъ, такъ какъ составитель ея — китаецъ,

---

1) 洎 стоитъ вмѣсто 暨. 2) 潑 = 廢. 3) Послѣдніе два знака — 善保.

4) Мѣстность, лежащая близъ Ша-чжоу.

5) 嶺北 Линъ-бэй, мѣстность лежащая къ сѣверу отъ хребта (Инь-шань). Въ составъ провинціи (синъ-чжунъ-шу-шэнъ), занимавшей эти мѣста, входилъ г. Каракорумъ (Хэ-линь). Первоначально это былъ округъ (лу) Юань-чанъ (1210 г.), затѣмъ — управленіе (сы) въ 1260 г., провинція Хэ-линь въ 1307 г., и послѣ другихъ преобразованій — провинція Линъ-бэй (Линъ-бэй-дэнъ-чу-синъ-чжунъ-шу-шэнъ); наименованіе Хэ-линь было измѣнено въ Хэ-нинъ въ 1312 г. Юань-ши, 58 цз., 8 стр.

7-ой, 14-ый и 15-ый знаки послѣдней строки оригинала сохранились плохо, но легко могутъ быть возставлены.

6) Г. Е. Грумъ-Гржимайло принадлежитъ опредѣленіе г. Езина, остатками котораго онъ считаетъ развалины Харчеджи ханъ-хото на лѣвомъ берегу Эцзинъ-гола, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки и къ сѣверу отъ уроч. Хара-могты. Описаніе путешествія въ Западный Китай, т. II, С.-Пб. 1899, стр. 62.

и имъ принято китайское названіе; и остается предположить, что это — или названіе монгольское, или тангутское.

По Юань-ши, городъ Ицзинай-лу, называвшійся такъ при монголахъ, существовалъ на мѣстѣ китайскаго Цзюй-янь 居延, основаніе котораго относилось ко времени династіи Хань.

Возможно считать слово Эцзина фонетическимъ искаженіемъ Цзюй-янь, но болѣе вѣроятно сближеніе со словомъ «цзэни»—тангутскимъ словомъ (въ китайской транскрипціи), которое встрѣчается въ двухъязычномъ словарѣ въ значеніи — «городъ, укрѣпленный пунктъ», тѣмъ болѣе, что въ Ицзинай-лу при тангутахъ былъ военный округъ. Тангутское же слово «цзэни», очевидно, соотвѣтствуетъ тибетскому «цзонъ — городъ».

Во всякомъ случаѣ названіе «Ицзинай (Эцзина)» — было ли оно тибетскаго или монгольскаго происхожденія—оффиціально было принято для города и области только при монголахъ, современное же «Хара-хото» — монгольское названіе позднѣйшаго происхожденія.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1913.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Manichaica V.

Von C. Salemann.

(Der Akademie vorgelegt am 9/22. october 1913).

Beiträge zur christlich-soghdischen grammatik. 1—6.

Die vor ligende arbeit dient zur vervolständigung und berichtigung meiner 1907 bekant gegebenen außfürungen im II-ten stücke diser Manichaica benanten serie von beiträgen zum studium der mitteliranischen sprachen und texte, welche durch die funde in Chinesisch-Turkestan erschloßen worden sind. Die texte, welche mir bei der bearbeitung jenes aufsatzes zu gebote standen — c. 85 zeilen auß dem Neuen Testamente und außerdem ein von Sachau publiciertes damals fast noch ganz unverständliches blat — waren irem inhalte nach zwar nicht manichaeisch, sondern christlich, doch ist ihre sprache, welche man mit dem namen «soghdisch» belegt hat, zuerst in resten der Manichaeer-literatur nach gewisen worden. Darum bitte ich mir auch fernerhin die auß rein praktischen gründen zu gelaßene inconsequenz in der titelgebung zu gute halten zu wollen.

Heute steht mir ein vil reicheres material zur verfügung, als bei jenem ersten versuche in den bau einer neuen gruppe iranischer sprachen ein zu dringen. Und wenn es schon damals gelungen war die grundzüge der soghdischen grammatik fest zu legen, um wie vil außsichtsvoller und ergibiger muste das studium neuer neutestamentlicher bruchstücke in syrischer schrift erscheinen. Zwar steht noch eine statliche reihe von fragmenten der selben categorie auß, doch ist deren veröffentlichung jezt leider wol in weitere ferne

gerükt, so daß wir fürs erste uns mit dem vorhandenen materiale werden begnügen müßen.

Die veröffentlichung der neuen zum überwigenden teile den Evangelien entstammenden texte[1]), wozu noch drei stücke auß den Episteln und — in uigurischer schrift — die übersetzung des Nestorianischen glaubenskentnisses kommen, ist diß mal dankenswerter weise in einer die originalschrift genügend ersetzenden syrischen drukschrift erfolgt und macht den eindruk gröster sorgfalt. Auch ist zum ersten male ein wörterverzeichnis, allerdings one angabe der bedeutungen, bei gegeben, das troz seiner mechanischen anlage und zweklos gewißenhafter beobachtung der unebenheiten der lateinischen transcription nur von nutzen sein kan[2]).

Doch wäre es ungerecht, wolte ich hier nicht der vilfachen förderung beim studium diser texte erwänung tun, welche mir durch meines vererten freundes R. Gauthiot's publicationen zu teil geworden ist. Er ist der erste, welcher sich durch die ungeschlachte soghdisch-uigurische schrift nicht hat ab halten laßen mutig ans werk zu gehn und zusammen hängende buddhistische texte in den druk zu geben und einzelne fragen in monographien zu behandeln[3]). Mit berechtigter spannung sehen wir daher seinem Essai de grammaire sogdienne entgegen, der auch das erste wirkliche glossar enthalten sol.

---

1) Soghdische Texte. I. Von F. W. K. Müller. A. d. Abhh. d. k. preuss. A. d. W. v. J. 1912. M. 2 Tafeln. Berl. 1913. 111 pp. 4⁰ — wo nötig citiert als ST.

2) Folgende drukfeler wären zu verbeßern: 93ª z. 18 «bîrăṭ 40,4» — z. 9 v. u. «265),3» — 95ª z. 5 «faṭmâ-dâr-aṭ» — 96ᵇ z. 8 «ebenda 37,3» — z. 17 «'išṭâ-dâr-aṭ» — 100ᵇ z. 6 «anṭ 62,5» — z. 9 «paṭ-γōš-dâr-anṭ».

3) Une version sogdienne du Vessantara Jātaka, publiée en transcription et avec traduction: JAs.[10] XIX (1912) p. 163—193. 429—510 (citiert als VJ). — Le sūtra du religieux Ongles-longs. Texte sogdien avec traduction et version chinoise. Par. 1912 8⁰ (bildet den fasc. II der Études linguistiques sur les documents de la mission Pelliot; citiert als DN d. i. Dîrghanakha). — De l'alphabet sogdien: JAs XVII (1911) p. 81—95 (m. 2 taff.); vgl. XV, 386. XVII,182. — Note sur la langue et l'écriture inconnues des documents Stein-Cowley: JRAS 1911, I p. 497—507; vgl. JAs XVII, 394. — Fragment final de la Nilakanthadharani en brahmi et en transcription sogdienne par L. de la Vallée Poussin et R. Gauthiot: J,RAS 1912, II p. 629—45. — L'alphabet sogdien d'après un témoignago du XIIIᵉ siècle par E. D. Ross et R. Gauthiot: ib. I (1913) p. 521—533 (m. 1 taf.) — A propos des dix premiers noms de nombre en sogdien bouddhique: Mém. Soc. Lingu. XVII,3 (1911) p. 137—161. A propos de la datation en sogdien: JRAS 1912, I. p. 341—353. — Quelques termes techniques bouddhiques et manichéens: JAs XVIII (1911) p. 49—67. — Avestique *mərəzu-*: Mém. SL. XVIII,5 (1913) p. 343 — 347. — Bemerkungen zu Chavannes et Pelliot, Un traité manichéen retrouvé en Chine: JAs. XVIII (1911) p. 499—617. I (1913) p. 99—199.261—261—394. — Vgl. noch JAs. XVI,627. XVIII,657 (wo das colophon נפאחשטי זנה פוסטאך אוי חומטאנצו כנליה), die Note additionnelle XIX, 597—603, und die recension von Andreas' Soghdischen Excursen XV,538. — Vom oben erwänten Essai stehn mir durch die güte des verfaßers die pp. 1—183 zur verfügung; sie behandeln außfürlich die lautlere.

1. *Schriftzeichen und laute.*

Auf grund diser freudigen außsicht könte die vor ligende arbeit auf den ersten blik überflüßig und vordringlich erscheinen. Doch ist dem nicht also. Denn schon ein flüchtiger einblik in die texte selbst läßt alsbald erkennen, daß hier zwar nah verwante, aber von einander durchauß verschidene sprachformen vor ligen: die eine ist die der christlichen texte in syrischer schrift, die andere die der buddhistischen in soghdischer schrift. Dazu kommt wenigstens noch eine dritte, die sprachform der bißher nur ganz ungenügend bekant gewordenen manichaeischen texte in manichaeischer schrift. Schon in der lautbezeichung weisen dise drei schriftarten ganz bedeutende unterschide auf, wie auß der folgenden tabelle zu ersehen, in welcher die in soghdischen wörtern nicht vor kommenden buchstaben ein geklammert sind:

כ̄	כ	י	ט	[ח]	ז̄	ז	ו	[3]ה	[2]ד̄	ד	ג̄	[ג]	ב̄	א	man.
כ̄	כ	י	ט	[ח]	ז̄	ז	ו	[ה]	—	ד	—	[1]ג	ב	א	syr.
—	כ	י	ט	ח	[4]ז̄	ז	ו	[3]ה	—	—	—	—	ב	א	soghd
—	k	y	t	γ	ẓ	z	w	h	—	—	—	—	β	’	Gauthiot

ת	ש	ר	ק	צ	פ̄	פ	[ע]	ס	נ	מ	[ל]	man.
ת	ש	ר	ק	צ	פ̄	פ	[5]ע	ס	נ	מ	[ל]	syr.
—	ש	ר	—	צ	—	פ	[ע]	ס	נ	מ	[2]ל	sogdh.
—	š	r	—	č	—	p	[‘[6]]	s	n	m	δ[l]	Gauthiot

1) nur nach נ — 2) beide zeichen sind identisch — 3) nur am wortende; soghd. ה ist palaeographisch nicht klar, es könte villeicht eine ligatur von יא sein — 4) im DN. — 5) mit dem lautwerte ג̄ غ; da syr. ישוע als soghd. אישוח ST 86,3 erscheint, ist es wo *îšôγ* außgesprochen worden — 6) nur in der älteren schrift.

Die vocale werden öfters plene geschriben היוא, im christlich-Soghdischen auch durch die vocalpunkte bezeichnet, so daß nur hier *ê* von *î* unterschiden wird, waß für uns von nicht zu unterschätzendem werte ist. Außerdem wird hier י öfters durch einen darüber gesezten punkt als consonant bestimmt. In der soghdischen schrift haben die gruppen אי und או öfters den lautwert *ê* und *ô*.

Fragen wir nun, welche consonanten des Soghdischen durch jene drei reihen aramaeischer buchstabenzeichen dar gestelt werden sollen, so läßt sich vorläufig folgendes schema auf stellen:

k man. syr. ק·כ so. כ *ng* man. — syr. נג so. נח·נך
x man. syr. כ̄ so. ח γ man. ג̄ syr. ע so. ח

t man. ת·ט syr. so. ט	*nd* man. נד syr., so. נט
ϑ man. — syr. ת so. ל	δ man. ד syr. ד so. ל́
p man. syr. so. פ	*mb* man. — syr. מב so. נפ
f man. syr. פ̄ so. פ·ב	β man. ב̄ syr. so. ב

n נ *m* מ *y* י *v* ו *r* ר (*l* so. ל) *s* ס *z* ז *š* ש *ž* m. syr. ז̄ so. ז·ז̄.

Dise abweichungen der drei alphabete unter einander in der verwendung der semitischen zeichen für die soghdischen laute laßen darauf schließen, daß die übertragung diser schriftarten auf die fremde sprache zu widerholten malen, und zwar jedes mal unabhängig von den früheren versuchen erfolgt ist. Im weiteren verlaufe diser arbeit sehe ich von einer lautlichen reconstruction im einzelnen falle fast gänzlich ab und gebe die wörter in der überliferten form.

2. *Dialectische verschidenheiten.*

Wenden wir uns von den unterschiden der äußeren form der wörter, die auch in der orthographie, ins besondere in der setzung der vocalbuchstaben, iren außdruk findet, zur untersuchung der dialectischen verschidenheiten, so mag zunächst bemerkt sein, daß fürs manichaeisch-Soghdische (ms.) ein so gerinfügiges material vor ligt, daß hier nur vom christlich-Soghdischen (xs.) und buddhistisch-Soghdischen (bs.) die rede sein kan.

Da fällt in den christlichen texten [4]) vor allem der außfal der zungenlautes *r* auf, wie folgende beispile zeigen: אט 'und' ms. ארט · ארטי (neben אטי) bs. רטי — פשטאטי 'paratus' bs. פרשטאטי VJ 56 — √פס 'fragen' bs. פרם [5]) — √וכֿש 'befreien, erlösen' bs. וחארש — ספטי 'vollendet' bs. אספטך VJ 38. DN 28, zu xs. ספוניאך πλήρωμα und tphl. עספור سپری شو — זיוסטנט ὑπέστρεψαν zum ps. זורטם bs. זוארטאם VJ 431 — קטי 'factus' bs. אכרטי [6]) — קטאני 'sünde' bs. אכרטאני — נאקטי 'silber' bs. נאכרטאכו — פְּסַךְ فرسغ bs. אבסנח فرسنگ — endlich postp. סא ms. bs. סאר.

Eine eigentümlichkeit ist die wechselnde stellung des ו, die aber in beiden dialecten zu beobachten ist. Hier nur einige beispile: עושטיקא χαρή-

---

4) Ein par fragmente der ST weichen von der sonst durchgängig fest gehaltenen sprachform ein wenig ab; so findet sich ארטי 34,4. סאר 34.81.82.86. סעטמאן 'alle' 41.81.83 für gewönliches סאט.

5) VJ 290 steht außnamsweise אפסא für אפרסא «fragte», waß villeicht kein feler ist.

6) Aber das pf. wird von stamme אכלאר gebildet, vgl. xs. קתארט «fecit».

σεται bs. וחשא 'freue dich', ויחשאנט 'sie freuten sich' — כֿושו 'sechs' bs. וחושו yaghn. ÿxuı — נאפֿץ עואם neben ועאם נאפֿץ 'fremdvölkisch, ξένος' — אועזֿט (ôγzât) conj., אוכֿשט (ôxšt) pf., bs. ואחז impf. 'stig herab' VJ 20, vgl. tphl. אוכֿיסת MSt p. 50 — אושט (ôšt) impf. 81,7 neben ואשט 33,20, 78,1 mg. ἔστη bs. פאלי ואשט VJ 23ª ff. DN 12 بر پای ایستاد, wonach die übersetzung zu ändern ist: פאדי ונטיקא 22,22 στήσει (Mt 25,33) — יוציקא fut. διδάσκεις bs. יחוטצה ptc. fem. 'gelert, gewönt' yaghn. jÿxτa — besonders bei der √ כֿואי, welche in verbindung mit verschidenen praeverbien erscheint, s. u. Dise beispile, welche sich unter merere categorien verteilen laßen, erinnern einerseits an den wechsel von כֿ und וכֿ im Tphl., worüber ein anderes mal, und ans englische *wh* für etymologisches *hw*, andererseits ans awestische *urv-* für skr. *vr*.

Im Xs. felt beim pronomen 3 sg. die oblique form bs. זכן · אוין[7], die mit dem häufigen ויני nicht identisch sein kan; dagegen habe ich im Bs. weder כֿא, noch obl. ויא gefunden, s. u. Ferner weist der gebrauch der partikeln und praepositionen große abweichungen auf: so felt im Xs. gänzlich das im VJ und DN fast in jeder zeile auf tretende ני. Am grösten aber ist zwischen beiden dialecten der unterschid in der bildung und dem gebrauche der verbalformen, wie wir weiterhin sehen werden.

Auch in lexicalischer hinsicht finden sich abweichungen, welche zum teil durch die verschidenheit des religiösen bekentnisses bedingt sein können. So heißt 'sünde' bald עואן, bald קטאני, beides gleich ἁμαρτία, aber bs. meist אכרטאני, nur VJ 392 חואנה; 'prophet' ביוני (so, im Wörterverzeichniss zu ST fälschlich *bê°*, doch pl. obl. ביוניטי, dazu ביונקיא 'prophezeiung'), aber bs. pl. מארכראיט VJ 59.13ª, obl. °טי 9ª. Endlich fällt auf bs. शमन שמן 'bhikṣu', aber xs. שמנו (nur 11,6, da 27,8 vom herausgeber suppliert ist) «satan», wie im Tphl. und Türkischen.

3. Lehnwörter auß dem Soghdischen.

Hier sei mir gestattet auf die völlige identität des wortes מארכראיט mit dem arm. մարգարէ 'prophet' hin zu weisen, über dessen herkunft zu-

7) Mit der praep. צנן verschmolzen ergibt sie צאון VJ 56ᵇ. 58ᵇ. 66ᵇ. 829, wie ja צן · דן bs. לנן und קו bs. כאו vor vocalisch an lautenden pronomen und adverbien überhaupt nur als צ · ד · ק erscheinen: צינטר · ציויד bs. צנטר · ציואיל, villeicht sogar צנן ציואנט DN 34.39 ff. — ליואיל VJ 1063. לימאנטי 948 — für ק s. meine Man. II p. 557. Danach ist ST 90 n. 2 ende zurecht zu stellen. Warscheinlich sind צן und דן aber gar keine phonetischen schreibungen, sondern heterogramme wie bphl. שן.

lezt Marr gehandelt hat, hier im Bulletin 1909 p. 1153—58. Für in ist dises wort 'japhetisch' und geht auf eine √*brḳ*, *prḳ*, *vrḳ*, *mrḳ* ברק «leuchten» zurük. Von der nebenform *mrg* mit dem «femininsuffix» *ar* > *aϑ* sei es gebildet und bedeute eigentlich 'sterndeuter'; waß aber das femininum hiebei zu tun hat, wird nicht erklärt, eben so wenig woher das zum schluß stehnde *է* kommt. Ich kan meinem vererten collegen in disen außfürungen nicht folgen, um so mer als in einem uns vor ligenden texte unbewust die erklärung des wortes gegeben ist. Im VJ wird erzält, daß der prinz den bettelbrahmanen seinen elephantenkönig nicht geben durfte und wolte, und sie in unter achtzig andern elephanten auß wälen hieß. Dann heißt es weiter: רטי שן אחו [23b]ויספילראך כחה פראמאי שאנטט ני סאטו פילאן חוטאוט חנט רטי צנן שמאחו איו [25b]אאסאיל כטאם ניבן ריזאט רטי זכה פראמנט זכו פילאן חוטאו לא פטאיזאנאנט רטי זכה ויחשאנט רטי פישט זנה פראאמאנט פרו יוכא שיר אאינט רטי זכה זחארט מאראכה ונאנט רטישו פרו פטסרום זאור פטאיזאנאנט [30b]רטי שי נבאנט פאלי ואשטאנט «und zu inen sprach jener Viçvantara also: dise alle sind elephantenkönige, und davon nemet ir einen, welcher euch gerade gefallen mag; und jene brahmanen erkanten jenen elephantenkönig nicht und freuten sich über in; aber es waren dise brahmanen . . . . (Gauthiot: mais ils l'emportèrent par leur science), und sie machten alsbald [xs. זערט ταχέως[8])] eine besprechung und erkanten in kraft des zauberspruches, und stellten sich neben in hin». Die leute, welche die «besprechung machten», waren eben מארכראיט aw. *mąϑra-kara, denn מאראך: mąϑra = טאראך (xs. obl. טארי 'finster'): tąϑra, und der plural der nomina auf *-ak* lautet im Soghdischen *-êt*, wärend der cas. obl. sg. *mârkarê* oder *mârgarê* buchstab für buchstab dem *մարգարէ* entspricht. Wenn nun im Armenischen noch andere wörter von iranischem typus sich finden laßen, welche eine — ich möchte für Gauthiot's «scythique» sagen — sakische lautform auf weisen, so wüste ich nicht, warum es nicht zuläßig sein solte an zu nemen, daß auch sakische entlehnungen in jene mischsprache ein gedrungen sein könten. Die mir augenbliklich zu gebote stehnden wenigen beispile werden sich sicherlich noch vermeren laßen: *շէն* 'dorf' (Hübschmann p. 213) bs. שין 'séjour' aw. śayana; *պատշգամ* 'gemach, halle, balcon' (H. p. 225) bs. פטשכנפר 'larmier' np. پشگم; *պատասխանի* 'antwort' (H. p. 222) xs. פאצעני (bs. פטשכואנה, wenn lezteres wort hieher gestellt werden darf, zugleich mit dem vb., zb. פטאישכויאנט VJ 29 'sie antworteten'). Das erste diser drei wörter vindiciert Marr wider dem «japhetischen» sprachstamme

8) Gauthiot list anfangs *zγ'rt*, späterhin irtümlich *nγ'rt;* eben so ist 1371 אזואנט zu lesen.

(Ж. М. Н. Пр. 1908, V, p. 212), die iranische heimat der beiden andern ist bißher noch unbestritten gebliben.

Aber auch ins Türkische haben soghdische wörter aufname gefunden wie folgende fälle zeigen: אוטאך 'localité' t. отак 'hütte zelt'; אביזא 'böse' t. äвiз; xs. איש 'etwaß', auch אין pl. אישט (= [illegible]) t. em 'ding'; bs. חוטאינה 'königin' t. хатун, mit anklang an хаҕан, хан. Auch 'hölle' dürfte entlehnt sein, ob wol ich bißher nur die obliquen formen xs. טמיא γεέννα bs. טמי VJ 533 טמא 683 kenne. Dazu noch eine reihe budhistischer termini, die nicht tiefer ins Türkische ein gedrungen sind, aber zum teil auch im Mongolischen auf treten.

4. Nachweis femininer bildungen.

Nach diser abschweifung in ferner ligende gebiete kere ich wider zum Soghdischen zurük, um von einer beobachtung rechenschaft zu geben, die, so vil ich weiß, eben so neu wie für die characteristik diser sprache bedeutsam ist. Wie einst im X̌ugnî, glaube ich nämlich auch hier reste der unterscheidung des grammatischen geschlechtes gefunden zu haben und vermag dadurch eine reihe von bildungen zu erklären, welche bißher zwar bekant, aber in irem wesen nicht erkant waren.

Den außgangspunkt meiner untersuchung bildete diß mal in der tat ein punkt, und zwar der *i*-punkt der beiden wörter פטעושיק und דאריק 37,18.19 in der erzälung von Martha und Maria (Luc 10,38–42), wo der text also lautet:

(38)אט באי קט צאנו [14]וישנט· שוינטקן פר ראת·· טעטי קו יו
unum ad intravit viam super ibant illi quum ut factum est et

דיכאר סאי· [15]אט יו אינץ· קמ שי נאם מאט· מרתא. פצעשדארט
excepit Martha erat nomen cuius mulier una et vicum

[16]ויני כיפת כאני. (39)אט מאט ויא יו כואר קט שי [17]נאם מאט·
erat nomen cuius soror una ei erat et domo sua illum

מרים. אט אעט· ניסטי כא מאך [18]כיפתאונטי פאדיטי נבנט·.
propter pedes domini nostri illa assedit venit et Maria

אט פטעושיק מאט [19]כא ויני כיפת ואכשט. (40)פישט מרתא·
Martha at verba ipsius eius illa erat audiens et

אבעט דאריק [20]מאט· כא. פר ערך ספאס. אט אעט. ואנו
sic venit et ministerium multum ob illa erat habens operam

פצקואדארט [21]קו ויני סא. מנא כ̄יפתאונטא: צוט כ̄ויסם ניסט
non est cura cur domine mi illum ad allocuta est

[22]טוא. קט מנא כ̄ואר פרעדארט מנא עוטי כ̄ודקאר (verso) פר
pro solam me reliquit soror mea quod tibi

ספכ̄שו. פרמאי קו ויא סא· זאור תבראט מנא· (41) [2]פאצעני
responsum mihi det vim (auxilium) ei iube ministrando

קתארט· כ̄וטאו ישוע. ואנו פ̄ראמאי קו [3]ויא סא· מרתא· מרתא ∴
Martha Martha ei iussit sic Iesus dominus fecit

כ̄ויסם ברינץ איש טעו· [4]אט ויתרבעינץ? [°בנינץ?] פר ערפטישט·
res multas ob ‘θορυβαζομένη’ et tu es ferens curam

(42) פישט יו איץ כ̄צי [5]קט עונטי כ̄צי. פישט מרים· שירי פטיפנו·
partem bonam Maria at est necessaria quae est res una at

ויצן [6]־דארט כ̄א. כ̄יד קט איטי [9]) ני בוטקא צן ויא ∴
illa ab erit non ablata quae talem illa elegit

So auffälig es ist, daß das ptc. prs. sonst an allen stellen diser texte auf ־יק *-êk* auß geht, aber hier, wo von einer frau die rede ist, auf ־יק *-îk*, würden dise zwei beispile noch zu keinen folgerungen berechtigen, wenn nicht andere gewichtige indicien hinzu kämen, die auf geschlechtliche differenciierung schließen laßen.

Zunächst beachte man das pronomen. Sonst haben wir cas. rect. כ̄ו obl. ויני, hier c. rect. כ̄א obl. ויא, und ganz eben so ויא 4,6.72,6.73,7.8, wo widerum von frauen die rede ist. Dazu komt endlich das andre ptc. ps. ויתרבעינץ* und כ̄ויסם ברינץ, wärend 29,15 der verfaßer sich כ̄ויסם בריני nennt (Luc 1,3 ἀκριβῶς), vgl. סנאם תבריני 19,11 ‘täufer’, und ms. ואבניט אטי פטג̄ושניט = tphl. גואנאן אוד עשנואנאן M II,104.

Zur sicherstellung meiner these kommen mir aber die andern soghdischen texte, vor allem die buddhistischen, zu hilfe, welche ganz analoge erscheinungen auf weisen, die erst durch die anname meiner deutung als femininformen ire auß reichende erklärung erhalten [10]).

---

9) Die außgabe hat אסטי mit zweifelhaftem ס, aber das pf. heißt sicher אירארט 52,10 (אאיטו לארט VJ 1227, vgl. 1365) — wonach hier die änderung gewagt wurde.

10) Gauthiot, Essai de grammaire soghdienne p. 154 schreibt one die consequenzen zu ziehen: «Il n'a pas été fait mention du suffixe -č-, ancien *-ča- [nein, -kî], sous ses diverses formes. La plupart du temps il est d'ailleurs très apparent et sa nature de morphème est soulignée tout particulièrement par son alternance très fréquente avec le suffixe -k-, ancien *ka-; ainsi l'on remarquera le grand nombre de participes qui se terminent soit en -tk soit en -tč sans raison apparente [von mir gesperrt]. On retrouve ce -č- dans un bon nombre de suffixes com-

Ich füre zuerst die fälle an, wo das movierte adjectiv oder particip sich auf eine frau bezieht, dann laße ich solche substantiva folgen, welche im Altiranischen weiblichen geschlechtes sind, und mache den schluß mit wörtern, deren grammatisches geschlecht einzig auß der vor ligenden motion gefolgert werden kan.

Im VJ spricht der prinz zu seiner gemalin Mandrî, die im in die verbannung folgen wil: רטי טחו הוטיניה [324]מלי אסקוא פר זירנפלאך חאלוכא ניסטצה [325]רם טאיואאכטי פראיו «und du königin bleib hier auf dem goldverzirten (?) throne sitzend mit den kindern»; vgl. רטי אחו וין זכו [790]מנטראיה ניסטצה ראיאן «und er sah die Mandrî sitzend, weinend». — Die erwänte ansprache des prinzen beginnt mit folgenden worten: פריה חוטאיני [310]טחו ני ניזאר יחוטצה לא איש «liebe königin, du bist ans elend nicht gewönt»; eben so טחו ניזאאר [796]יחוטצה לא איש 'tu n'es pas accoutumée à la dure'; und weiter פארני טחו פר זירנפלאי חאלוך [320]יחוטצה איש «denn du bist an den goldverzirten thron gewönt». — Endlich spricht die selbe princessin zum löwen: [1048]אזר מרטחמאן חוטאו סולאאשן ולוה אי□ [49]רטי כל אזר כאו חיפל וירו סאר חוטצה [50]חאן כטאר נימי אחו מאן כאו אניו מרטי סאר [51]ויצאטט צנן זאט אכ̇ו נור מיל פרם רטי מם [52]בחא אאלאכו סאר אניו חנטאכך אכרטיה [53]אכרטצה אסכואט רטי מי בחא אנחז ני מי [54]חורא רטי כל בחא לבאט כאו וירו סאר לא [55]חוטצה חאן רטימי זכה אכרטיה שירא [56]אאט רטי מי בחא ראלוה ואץ ני שואאן «ich bin des männerkönigs Sudâšn (सुदास) gemalin, und wenn ich gegen meinen gemal schuldig sein solte, oder diser mein sin zu anderem manne neigte, von geburt an biß auf den heutigen tag, und auch, o herr, gegen jemanden ein anderes böses werk (fem.!) getan sein solte, so, mein herr, erheb dich und friß mich; aber wenn, herr, andrerseits(?)[11]) ich gegen den gemal nicht schuldig bin, und mein tun gut ist, so gib mir, herr, den weg frei (eigl. öfne mir den weg), daß ich (weiter) gehe».

Weiblichen geschlechts sind im altiranischen *âp* 'waßer', *vanâ* 'baum', *zam*, *bûmî* 'erde' — und so erscheinen sie auch in unsern texten: בולאנטצה סמאאלן אאפה VS 91.1435 «de l'eau parfumée, bien odorante» (aber בולאנטאכו

---

plexes, tels que -ḗn-č, -č-ī́k». — Auch al Bîrûnî kennt schon das suffix -č, wenn er in seiner Chronologie bei den soghdischen monatsnamen folgende bemerkung ein flicht: «Some people add a Jîm (ج) at the end of نيسن and خشوم, and pronounce نيسنج and خوشومج; they add a Nûn and a Jîm (نج) at the end of نساك (so!) and زيمدا and pronounce نساكنج and زيمدنج» (Sachau's übersetzung p. 56). Und ibid. pp. 82, 221 f. fürt er bei den monaten nur die namen auf ج an. Vgl. noch Berl. Szgsb. 1907 p. 8, wonach زيمدنج* die richtige form wäre, und in Berliner soghdischen fragmenten alle monatsnamen auf -č auß gehn.

11) ST 20,6 דבאט שפ̄רסנטקא צן מנא זאטי Mt 21, 37 ἐντραπήσονται τὸν υἱόν μου, etwa «villeicht», wie der heraußgeber übersezt.

א° ס° 868, אאפיה ס° בולאנטך 11 steht sonderbarer weise das attribut in der masculinen form). Die ware bedeutung von סמאאלן kenne ich nicht, doch dürfte es schwerlich ein adj. sein. Ferner: רטי [60e]זכה אאפה ונטן האי אפני [63e]צנסטי ונפחונצה רטישו פר לא נאוה [64e]חאי ני לא טעאם . . . . «und diser fluß war so groß. . . . . und gar («tout à fait») furchtbar und an im war weder ein schif noch eine furt (?)»; vgl. ST 60,1 פר [ירד]ן רוטי טְעאם (Io 1,28) πέραν τοῦ Ἰορδάνου.

אכו ני אויה טאיואאכטי ברהאר אכרטי חאי [1118]ני ונאכה נשאילאטצה «wo disen kindern ein vihâra gemacht war, und bäume (collectiv) gepflanzt», vgl. חרבי [834]חורטברצה ונאכה «vile eßbare (frucht) tragende bäume» (collectiv). אפני אחו לברי צנן אבט זנכאן [15b]רטנו פטסאחטך ני זכה זאיה אישפה ני [16b]מרחארטה פטסאחטצה חאי «und das tor war mit sibenfältigen edelsteinen geschmükt und die erde mit jaspis und perlen geschmükt».

Ferner: [961]זאיה זרחונצה «la terre aux légumes» (warum nicht «grünendes land»? زریون یعنی سبز وخرّم); צנן נוא c אבסאנחונצה [718]זאיה אפני אאחטאים «von neunhundertmeiligem lande bin ich gekommen»: vgl. צנן לורי זאיה 32° und öfters «auß fernem lande», צנן וילביטה [459]זאיה «d'une terre distante» (aber וילביט 739.28° ולביט 578 ולבאיט 637.686), sonst genetivconstruction צנן c[409] אבסאנה זאיה vgl. 5°.61°.486.550.608.665.776. Endlich: רטי זך סולאאשן כבני [9]רטי אחו סולאשן אאפרם [898]רטי אחו ויטר אוין להשטיה צנטרסאר זאיה שוא רטי [900]אחו אפישיסאר טיכאוש רטי וין ואנאכה [1]זאיה אכוטי זכה כנלה ומאט רטי שו מאיל [2]פטואטצה זאיה ני בראיזכה ני שיכטה [3]וין צאנאכו ני זכה אניו לחשטה «und diser Sudâšn nam abschid, und er gieng hinauß in jene steppe hinein; und diser Sudâšn war ein weniges (stük) land gegangen und er blikte rükwärts und sah eben das land, wo jene stadt (gewesen) war, und sah es gleich wie verlaßenes (? «isolée») land und dürrland und dornen (? «et ensoleillée et desséchée», aber das können keine adjectiva sein), ganz wie jene übrige steppe». Eben so [228]וסן אנחטצה בומה לרי אשכאנפו פנץ [229]אאזאון ואטלאר פילאר «à cause des êtres vivants des cinq formes d'existence des trois mondes de l'univers présent»; und ganz analog beim worte «welt»: רטי מי כהה אאחלאכו בוי ני אזו זכו [529]אנחטצה צטבאר אבצאנפל לרי אשכאנפף [530]פנץ אאזאון ואטלאר סיאאכה באן «que ce mien vœu se réalise: que je sois moi-même parasol pour les êtres vivants des cinq formes d'existence des trois régions des quatre univers présents». Vgl. ST 43,15 אִינִי פַצמפדִי אזוֹנט (Luc 16,8) οἱ υἱοὶ τοῦ αἰῶνος τούτου; 81,14 צן פַצמבדציק קטאני פידאר «um der welt sünde willen». Dazu gehört tphl. זמבודיג, das wol nicht 'weltal' bedeutet, sondern wie ܬܝܒܝܠܝܐ «wer zur welt gehört», vgl. جهانیان «die leute».

Endlich sind weiblichen geschlechtes die zehner der altiranischen zalwörter, daher: [65]אנסאורברצה LXXX פילה «80 [aw. *aštâiti*] éléphants portant des choses inappréciables», wärend sonst, wie zu erwarten, ...[68]אנסאובראכו פילאנה חוטאו u. dgl.

Ich laße nun eine reihe von wörtern concreter und abstracter bedeutung folgen, deren geschlecht historisch nicht nach zu weisen ist, die aber ganz eben so behandelt werden, wie die vorher besprochenen einst sicher weiblichen substantiva.

Zunächst gehören hieher einige abzeichen der königlichen würde udgl.: רטי שן פר צופר אבטרטנאינצה [19b]סיאאכה פרלאחטצה חאי, fast eben so 346, vgl. noch 520.1422 (aber אבטא [862]רטנינאכו ס° פרלאחטאכו חאי) «und über inen (den elephanten) waren sibenjuwelige (mit den siben arten von edelsteinen verzirte) schirme auß gebreitet». אבטרטנאינצה שאיכנאיך ס° 1422 «des parasols de cour aux sept joyaux». ס° רטני פטסאחטצה 1169 «ein juwelengeschmükter schirm» (aber אבט זנכאן [527]רטנו פטסאחטך ס°). Hier sehen wir das selbe schwanken, wie oben beim worte אאף. — Diadem: [40c]רטנו פטסאחטצה לילמה. — Kranz: ms. בוֹדאנדץ אפסאך MII,98. — Palankin: צנן כנלה ביכסאר [1258]ניזאי אוי זירנינצה רטנו פטסאחטצה כונאכאר ניסטי שואי אסכון «(der minister) war auß der stadt hinauß gefaren (und) zog dahin in seinem goldenen edelsteingeschmükten palankin sitzend» (aber זירנינאך כונאכארה 1421). — Teppich: רטי זכו זאכט [38e]צנן ורטן ואחאיז רטי זכוה זירנינאך [39e]ורטן לנן אנחטצה פרשטאך אוין פראמן [40e] לבאר לאבר «und er hob die kinder vom wagen und gab disen goldenen wagen mit den vorhandenen (?) teppichen (collectiv) dem brahmanen zum geschenk».

Ferner: זך יאטמינץ ושנאיש DN58 «cet uṣṇīṣa charnu». — [1106]רטי בן זאטאטטי זכה אספאיטצה זנאכה [7]שאו פרואסט צנן אפו נחאולן אוי חויר «und euch kindern ist die weiße wange schwarz geworden vom unbedekt sein («manque de vêtements», wörtlicher) in der sonnen». — ms. זוֹקיאמינץ אאזונד = tphl. פרזינדאן עי דרודיי MII,101 «kinder des heiles» (aw. *frazaiñti* ist fem., xuγnî *räzîn* «tochter»). — רטי בן זאטאטטי אכרטי זכה [1099]אאזאטצה בחאנאיך בנטי ני לאיה הראיוה «und euch kindern ist geworden (euer) edles königliches selbst zu magd und knecht» — xs. פטחאמברמינץ טרסאכאני אנצמן ST 87,24 «eine apostolische gemeinde der christen».

Endlich: אספטך הונץ זאור DN 28 «une force corporelle complète». — מנא ני בחא [1406]צאבאכה סאר זכה פרמאנה ואחונצה «mir, o herr, (ist) von euch das gebot ein solches». — רטי פר חרבאו כאו שמאחו [392]סאר אאלצו הואנה אכרטצה ניסט «und mit wißen ist gegen euch keinerlei sünde (von

mir) getan»; vgl. oben p. 1133 — xs. נושק זואן ST 62,6. 63,7.12 «ewiges leben», vgl. 31,9. (13,4?); das msc. steht im satze פרם בומה אאלאך נושאך נימט 226 «auf diser welt ist niemand (nicht «rien») ewig».

Das sind die fälle, wo die feminine function des suffixes -*č*, -*čī* mir klar zu tage zu ligen scheint, wenn auch, wie einige beispile zeigen, eine außgleichende tendenz sich schon geltend zu machen beginnt. Ein par stellen (יאבצה 1413. פרלאאנצי 1289. °יצי פרטאמצה 205 ff. 1080) sind mir nicht klar geworden und musten daher unberüksichtigt gelaßen werden.

Nicht hieher gehörig, weil neubildungen — warscheinlich mit defective geschribenem אינץ «frau» yaghn. inч — sind die folgenden wörter: פראאמנאנצה 1242 «brahmanenfrau» neben פראאמן msc.; שמני ני שמנאנצה ני אופאסאך ני אופאסאנצה DN 4 «bhikṣus et bhikṣuṇīs et upāsakas et upāsikās», vgl. שמני שמנאנצה VJ 120.

Außer dem suffix -צה -ץ glaube ich noch weitere spuren einer feminmotion auf -*i* gefunden zu haben. Sie heben sich allerdings nicht so deutlich hervor, wie zu wünschen wäre, da ה und י am wortende gar manche function zu vertreten haben. Immerhin sind die gesammelten beispile so frappant, daß sie verdienen auf gefürt zu werden: פריאן פריטמה חוטאיניה 301 «reine la plus aimée des aimées» (msc. פריאן פריטם זאטאכו 1149, vgl. 251) — פריה חוטאיני 309 °ניה 1074 °נה 905 (aber °פרי ח 793.799.802.1144) — חוישטרה חוטאינדה 1506 «reine souveraine» — die königin sagt חראנדה אכרטאים 2 «ich bin schwanger geworden» (zu گران[13]).

Zu den oben an gefürten לורי זאיה und °וילביטה ז stellt sich noch כירא 64 זכה זאיה זפרטה «la terre fut purifiée» (ms. זפרט ἅγιος), und zulezt könte auch der außdruk für «tag» fem. sein: זך אשטמי מיל 885 «der achte tag» (aber xs. אחשט אשטיך מילי ST 86,17 «ist auf erstanden am dritten tage»), dann wäre ST 67,12 [כ]א שמפד «der sabbat» die ergänzung eine ser glükliche.

Wie dem aber auch sei, an der behauptung muß ich fest halten, daß das Soghdische in manchen fällen noch eine lebendige femininbildung besizt, und ich zweifle durchauß daran, daß eine einleuchtendere erklärung der an gefürten erscheinungen sich werde finden laßen.

---

13) Nicht hieher stellen möchte ich ארמיה ניד 1084 «elle s'assit *soumise*», vgl. aber aw. airimê nišhidaêta «sol stil sitzen», armaêšad, also «sie sezte sich stil bei seite». Auch זכוה אינצה זיניה 1205 טוא נבאנט «et ta femme *zélée* auprès de toi je la laisserai» und אחו סולאאשן פראיצאם כאם מנטריה זיניה נאיאם 1210 אויה «S. prit Mandrî *zélée*» kan ich nicht an erkennen, da זיניה offenbar cas. obl. (loc.) ist, vgl. زينهار دادن und زينهار يافتن (also «pfand») und die ableitung des lezteren wortes von air. *zainah MSt. I p. 79 — also «zur hut, zum pfande».

5. *Das verbum substantivum.*

Nachdem somit das Soghdische in den drei erscheinungsformen, die uns überlifert sind, genügend characterisiert erscheint, wende ich mich zu meiner directen aufgabe, der erneuerten untersuchung des in den christlichen texten erhaltenen dialectes, und beginne mit dem höchst eigentümlichen verbum.

Zunächst betrachten wir das verbum substantivum, da es in mereren späterhin zu besprechenden bildungen zur anwendung kom̄t. Zu den schon bekannten formen haben sich im Xs. keine weiteren gefunden, bemerkenswert jedoch ist, daß auch hier in der zweiten und ersten person meistens das fürwort hinzu gesezt wird, wie auß folgender aufstellung zu ersehen.

— sg. 1 זו אים 54,12.18. 58,4. °זו...ני א° 59,19. זו א° 48,20. ני א° זו 58,6. 75,20.

— sg. 2 איש 58,5. °ני א° טער 58,3. 59,14. א° טער 37,3 (felt im Wörterverzeichniss). 47,15. °ט °ני א° 75,14; in ein wort geschriben אישטער 25,18.19. 43,8.11. 58,6.

— sg. 3 bißher nur mit der negation verschmolzen nach zu weisen ניסט 8,10. 45,7. 83,10-12; die zugehörigkeit an zeigend, mit nach geseztem טוא 37,21. [וי]ניסא 55,19. Substantivisch in wendungen mit ון 21,12. ἀπολέσει. בו 41,2 ἀπολεῖσθε; auch 3,3 ist באט oder בי zu ergänzen (ἀπόληται), waß der herausßgeber nicht verstanden hat.

Sonst erscheint für altes *asti* כ̄צי (*xčī*?), worin meiner meinung nach das pronomen כ̄ו stekt: vgl. yaghn. -*x* ‘ist’ (= pron. *ax* ‘diser’) und das der 3 sg. eben da an gehängte -*ui*.

— pl. 1 אימאך̄ 82,2, offenbar für אים מאך̄; die bemerkung über *’îmâ* ST 96 bleibt mir unverständlich.

— pl. 2 ני אישטא 21,15. °שמאך̄ א 45,14. °א ... °ש סעטמאן 83,5.14. alle ir... seit. °ש אישמא 10,11. 83,16. 18; 84,21 felt wol שמאך̄.

— pl. 3 כ̄נט 10,10. 43,16. [50,6]. 84,19 ist die lautgesezliche form, bei der verschmelzung aber fält der hauchlaut fort: קטנט · מאטנט · זיוסטנט (s. beim pf. med.) und, wie unten p. 1141 an gefürt, אימסנטקא.

Im Bs. haben wir einen größeren formenreichtum. Ps. sg. 1 אים 2 איש 3 אסטי und ניסט neben חצי ms. כצי · כצייי; aber auch das pronomen אחו VJ 917. DN14. pl. 2 am pf. med. אאחטאסל 115.958. אאחטסל 151 ‘seit gekommen’. 3 חנט und verschmolzen אאחטאנט 143. Conj. 1 חאן 1050,55. 3 אאט 298ff. חאט 1448 u. ö. Impf. sg. 3 חאי · אאי yaghn. *âi*, *xâi*. pl. 3 אאינט 28[b]. חאינט 1241.

6. Die verbalen bildungen vom praesensstamme.

Wie in allen neueren iranischen sprachen, mit außname etwa des jüdisch-tâtischen, geht auch die verbalflexion auf zwei stämme zurük, und wir betrachten zunächst den praesensstam.

Imperativ sg. 2 פשא ἔκκοψον. סנאי wasch. פ̄רמאי befihl. אנצאי μεῖνον. ניד sez dich. פצעא; nim. אם nim. נפים schreib — und mit an gehängtem *â*: שוא geh. ברא bring — בא 47,7.11. sei. קונא mache.

— pl. 2 יטא 31,15 gehet (? beides zweifelhaft[14]). ונטא machet. פכ̄שנטא πορεύεσθε. וינטא sehet. ורנטא glaubet. טשטא φεύγετε (wol von *tač*, vgl. אישט sg. אין 'ding', סאשט δεῖ). עז̄טא bittet. פצעאזתא (sic) 81,13. פצעזטא 78,10. איזטא κηρύξατε. אסתא 81,12 אאסתא 81,9 (sic). ניאסטא nemet hin. נא וידאסטא wundert euch nicht. מרוסטא (unsicher) betastet. איסטא kommet. פטעושטא höret. ערבתא (sic) wißet. סוקטא weilet. כ̄ורתא (sic) eßet. אברטא bringet herbei. תברטא gebet. נא פצקוירטא fürchtet euch nicht — mit bindevocal (?) אוסטיתא (sic) stellet hin. נא אושטיטא steht nicht auf — בוטא. Der wechsel von ט und ת in der endung scheint ganz wilkürlich zu sein, vgl. 2 pl. ps.

Man beachte, daß im prohibitiv נא steht, in den übrigen fällen ני (bs. beide male לא).

Im Bs. erscheint im sg. gleichfals der reine stam, mit oder one an gehängtes א, im pl. aber gibts drei endungen: שולא VJ 75 geht. כונלא 1122 machet. חונלא 75 rufet. זוארטלא 9b keret zurük — אאניל 1381 bringet, sg. אאנאי 1248. ראיל 8b weinet. פצחאול 958 empfanget. חויזל 1215 bittet. פיזל 1122 schlaget. טכאושל 24.10a schauet nach, und eine reihe von beispilen auf איל—, welche sich villeicht zum optativ stellen ließen.

Imperativus emphaticus pl. 2 תברטאסק 81,16. פצקוירטא סקן 9,4; aber in der transcription ist der lezte buchstabe in klammern gesezt; waß steht nun im originale?

Über die an gehängten סק und סקן s. u. beim praesens emphaticum.

Praesens sg. 3 שוט ST 90 nota (lis *šaut*). פטאוט harrt auß. אזאנט bekennt sich. אמפדט fällt. סאשט es zimt sich (wie DN 65.85, aber סאצט VJ 211 ff.). פנישט verliert. פ̄ראיפט (das א ist zweifelhaft) leuchtet. אברט bringt. דארט hat (nur mit bei gefügten subst. oder adj., sonst dients zur bildung des perfectum activum). בירט findet. ז̄עירט ruft — בוט; je ein mal ונטי und סיד scheint, δοκεῖ[15]). Das beispil סאשט beweist unwiderleglich, daß ich MSt. 171

14) In der stelle 49,12 ist selbstverständlich פט[כ̄ואי]טא κατασφάξατε (Luc 19,27) zu ergänzen und nicht der participialstamm (!) ein zu setzen, vgl. yaghn. тухâj, тухаста 'töten'.

15) Fraglich, da alsbald darauf eine lücke folgt. Doch vgl. VJ 285.289 זאנאנט לא סיט villeicht: «scheint nicht erkennend» d. h. bei bewustsein («resta insensible»), zu einem stamme סי(א),

recht hatte das ms. פרמאיט *framâit* lesen zu wollen, nach analogie des yaghn. фäрмâiт-iшт, denn stünde ein vocal dazwischen, so wäre das *č* des stammes nicht in *š* über gegangen, ganz wie in der 2 pl. imp. טשטא.

Im Bs. wechseln beide endungen ט- und טי- one sichtbaren grund.

— sg. 2 סוכ̄איֿ טער αἴρεις. ויני̇ טער · רופי̇ טער erntest. זיאמי̇ veraußgabst. [ק]אמי̇ wünschest. Die beiden leztern beispile könten aber auch zum optativ gehören, da das pronomen felt und sie von der conjunction קט ‘wenn’ regiert sind. Im pf. act. ist überal דארי̇ geschriben (bs. לאראי).

— sg. 1 זורטם זר kere wider (bs. זוארטאם 431); nur diß einzige beispil.

Im Bs. enden die beiden personen auf אי— und אם—. Die ms. formen ויניי u. s. w. sind M II, 100 übersezt als 2 sg., waß z. b. bei ויאב̄רטיי nicht stimmt; darum laße ich den unvolständigen saz hier lieber auß dem spile.

— pl. 3 פטעושנט · סוקנט · אושטי̇טי̇ stehn. °ס ניסטי̇ sitzen. שקירנט διώκουσι. — בנט.

Im Bs. wird plene geschriben אאסאנט 191 nemen udgl.

— pl. 2 פטעושטא . גיאסטא . אסטא . עוֹזטא.

Im Bs. erscheinen wider die selben drei endungen, wie beim imperativ; ich setze alle beispile her: וינלא 1102. טכאושל 1101. אאנאיל 1383 (oder opt. ?). וילאסאיל 1380.

— pl. 1 geht auf ים̇— auß, wie die zusammen gesezten tempora zeigen.

Im Bs. aber scheint der vocal des suffixes *ê* zu sein, vgl. בראים 1320. לאראים 626. מיראים 366.

An die fertigen praesensformen treten nun noch drei elemente סקן · סק und קן, und werden ser häufig mit der verbalform zusammen geschriben, eben so wie stäts die silbe קא—, welche das futurum bildet, wie wir sehen werden. Über die herkunft diser drei elemente, die gewis unter einander in näherer verwantschaft stehn, weiß ich nichts zu sagen als daß אסכו* ursprünglich ein selbständiger verbalstam gewesen sein muß, wie seine flexionsfähigkeit in den anderen dialecten zeigt. Auch die feineren nuancen in der function und dem sinne diser formen laßen sich bei dem geringen umfange

---

der in מנטי̇ ואריסיא בעי̇ וארצנוק פר מאך ST 31,11 διὰ σπλάγχνα ἐλέους θεοῦ ἡμῶν (Luc 1,78) und פרי̇ו קט ואריסיא—דארט 36,11 ὁ ποιήσας ἔλεος μετ’ αὐτοῦ (Luc 10,37) erscheint, so wie an folgenden stellen des VJ, welche mir aber in irer construction nicht klar geworden sind; auch der heraußgeber übersezt sie nur annähernd. וארי אפני בחא סיאים 361 «seigneur, pitié pour nous!» (1 pl.) — רטי בחא ואבאיל זארי אסיא 368 «(et, seigneur) dites qu’il soit fait pitié» — רטי שי חויזאכו זארי אסיא 824 «il sentait de la pitié pour qui demandait» — רטי בי צא זארי אסט סיאטי 1100 «on les prive(?) de pitié», waß nicht richtig sein kan, da בי encl. 2 pl. ist und das ptc. von אם ‘nemen’ איטו 1227.1365 heißt. Vgl. noch רטי זכה מנטריה וא זאריאסט חנאבאי 1111 «mais Mandrî ne cessait pas de gémir»: beide mal könte זאריאסט superlativ sein. — Wie verhält sich aber hiezu סי̇נדארט ST 29,14 ἔδοξεν?

der texte noch nicht fest stellen. Ich behalte darum die früher gewälte bezeichnung «emphaticum» bei, wofür auch wol «continuum» gesagt werden könte.

Von disen drei zusätzen erscheint im Bs. nur אסכון unverbunden nach den verschidenen formen des verbi finiti, auch imperfecti (19^a, 18^b. 782), perfecti (649) und ptc. prt. (? 1091. 1283). Außerdem aber trift man disen stamm noch selbständig in der bedeutung 'weilen, sein' in verschidenen flexionsformen, welche ich alle hier zusammen stelle: Imp. sg. 2. אסכוא VJ 265. 324. 796. — Ps. sg. 3 אסכוטי 194. 1469,75 — sg. 2 אסכואי 26^a. 54^b. 1408 — sg. 1 אסכואם 1410 — pl. 3 אסכואנט 1360,67. DN 15. 18 אסכונט 1511 (vgl. ms. אסכונד M II,97). — Conj. sg. 3 אסכואטי 50. 1185. אסכואט 77. 531. 1053. 1382. — Impf. sg. 3 אסכואז DN 2 (vgl. MSt. 51 אחאז) — Opt. sg. 3 אסכואי 860. 914,6,7,20. 1016 — pl. 3 אסכוינט 12^b.

Daneben steht, ganz in der selben function, das unveränderliche אשטן 59^c. 498. 527. 769. 774,7. 19^e. 943. 1033. — Daß wir es hier mit heterogrammen zu tun haben, läßt sich wol kaum an nemen, so verfürerisch die zusammenstellung mit חנט · חאט · חאי und חאינט erscheinen möchte.

Praesens emphaticum I sg. 2 טער ורניסקן — sg. 1 נמאימסקן κρίνω. פרמאימסקן λέγω. תבראמסקן — pl. 2 אשטיאטאסקן zeiget. פרבויטאסקן (bedeutung unbekant). ויגטא סקן שמאך 11,1. °ש ויגטאסקן 55,20. ו[ו]רנטאסקן · ודרזטאסקן [16]) τεταραγμένοι ἐστέ — pl. 1 ורנים סקן · ערבימסקן.

Praesens emphaticum II sg. 3 ערבטיסק — sg. 2 טער זאיסק λέγεις. ואביסק ט° sprichst du. תבריסק ט° · ערביסק ט° — sg. 1 פרמאימסק (י 19,8). רופמסק זו · פטעושמסק זו · קאממסק זו · ורנאמסק זו · ונאמסק · סוכאי ימסק זו ורנימסך — pl. 1 דארטאסק · תברטא סק — pl. 2 · ני ואבמסק זו · ני ערבאמסק · (in so. schrift).

Praesens emphaticum III sg. 3 זאיטקן — בוטקאן · בוטקן · — pl. 3 זאינטקן. סננטקן ἀναβαίνουσι. ויננטקן.

Futurum sg. 3 זויטקא wird leben. סבויטקא wird weg nemen (man beachte die umstellung des *v*, da alle übrigen beispile mit °סוב beginnen). יובאיטקא wird trennen. פרמאיטקא · נידקא wird sitzen. טוזטקא ἀποδώσει. אסטקא · איסטקא wird kommen. פירטקא πιστεύσει. אבירטקא (VJ 882 אאחאיר inf. marcher) — und mit der volleren form des suffixes עושטיקא · ונטיקא [17]) χαρήσεται. תברטיקא — בוטקא.

---

16) Solte dises wort wirklich zu [illegible] لرزيدن gehören?

17) So ist auch 68,21 zu ergänzen. Man beachte, daß dises zeitwort mit dem infinitiv קטא den begrif «können» auß zu drücken dient: צאני קטא ונטיקא...פר קרון 68,21 'wie wird er tun können'— ני קטא ונטאקא שמאך פר ספבשי 45,7 'vermöchte zu dienen'; und negativ קטא וני...פר ספבשי 45,10 'nicht werdet ir dienen können' — ני קטא ונאנקא זו....פר קרון 63,14 'nicht werde ich vermögen zu tun'; vgl. noch die verstümmelten stellen 9,3.42,3.70,9. Im VJ dagegen wird ון unmittelbar zu jedem infinitiv gesezt: לא ברט ונאי קאם 311.318 'wirst nicht ertragen können' — לא דרחטא ונאט 1228 'nicht fest halten könne' — לא פראאלט ו° 1230 'nicht verkaufen könne' — לא פ° ונאי 1253 'konte nicht verkaufen'. Nicht hieher gehören die beispile mit dem ptc. pt., wie: רטי מי זכו פרמאנה לא פטחושטו ונאנט 1273 'und sie hören nicht auf mein gebot', vgl. 1255 — ונטא oder וחטו ונא 656.691.

— sg. 2 יוציקא . שויקא wirst leren. — ביקא.

— sg. 1 findet sich bloß eine regelmäßig gebildete form שפרסמקא זו werde mich schämen (aber αἰσχύνομαι ps.), bei allen übrigen ist das *m* dem gutturale assimiliert, lezterer meist tönend geworden, und, wo der stam auf *n* auß geht, das eine *n* überdiß auß gelaßen (wie VJ 2ᵇ לא פטוזאנט כאם sie werden nicht erkennen). Damit ergeben sich folgende verschidene formen: זאינקא λαλήσω. נמאינְנקא κρινῶ. פריצננא זו · שוננא זו werde verlaßen. זו עוזננא ἐρωτήσω. ואבננא זו 75,4 (im glossar die unform *vâb-ang-âm-saq*!). תברננא ἀποδώσω; von auf *n* auß gehnden stämmen אזאננא ὁμολογήσω. וינגא ὄψομαι und die parallelformen ונאנקא זו 63,14. ונקא זו 42,3 ונקא 42,4 und ריט אנגמאניא[18] נניזטוננא 74,2 παρρησίᾳ ἀναγγελῶ (Joh 16,25) von ון 'tun'. Die punctation 42,3 gibt zu denken, aber sie vermag nicht zu beweisen, daß überal zwischen nasal und guttural ein *a* zu sprechen ist.

— pl. 3 אזונטקא werden leben. פצ[קו]אינטקא ἀποκριθήσονται. פטכואינטקא θανατώσουσιν. פיננטקא · וננטקא werden öfnen. אוזאמנטקא κατακρινοῦσιν (Mt 20,18; der heraußgeber übersezt 'herabführen werden'). ניזנטקא ἐκπορεύσονται. אוזנטקא συναχθήσεται (τὰ ἔθνη) werden sich versammeln (vgl. אואזי schar, אואזיט συναγωγαί — also *âvazantkâ* zu lesen). פצעאזנטקא. אעזנטק[א] ἐπαναστήσονται. שפרסנטק[א] ἐντραπήσονται. פצשנטקא γεύσονται. פטנובנטקא · פטעושנטקא μαστιγώσουσι. תברנטקא — בנטקא. Ser interessant ist noch אימסנטקא werden zu ende sein 8,9 (τελέσητε Mt 10,23), das in *âyam-sa* + *ant-qâ* zu zerlegen ist.

600.708.50ᶜ.819.1193 'hatte gesprochen'— שמאראכה שמאארט ונטא[1026] צאנאכו ואנאכה 'als sie solchen gedanken gedacht hatte', wo in beiden lezteren beispilen wol das plusqpf. gemeint ist.

«Können» mit dem passiv wird mit hilfe von בו außgedrükt: ציואיל פילאר אפני בחא אחו[370] ויספי שיראך בירט בוטי רטי פישט זאטך[371] לא בירט בוט 'des wegen weil, o könig, alles gute [wider] erlangt werden kan, aber ein son kan nicht [wider] erlangt werden'. Ganz die selbe construction haben wir im Yaghnâbi: jâфт на́ вутiшт 'kan nicht erhalten werden'; hiчâкаi на́ вiâрд (ptc. von вīр) вýчi 'kan nirgends erlangt werden'. Eben so im activ: на́ нiст вâмiшт 'ich kan nicht sitzen', на́ iд вiшт 'du kanst nicht gehn'; aber mit dem. inf. âда́м на́ гудар вý̄чi 'man kan nicht durch kommen'.

18) Meine trennung des im original zusammen geschribenen außdruckes wird dadurch gerechtfertigt, daß in den wenigen texten eine ganze reihe solcher wendungen mit ון vor komt, ganz wie im Np. mit کردن. Es sind die folgenden: mit פדקא 5,8 'rechten'. ניסט 21,12 'vernichten'. נמאני 41,2 'buße tun'. זפריאק 45,9 'vereren'. פטיתיא 45,9 'verachten'. פסכנט 45,12 'spotten'. ברטפת 77,5 'kund tun'. פרמאנטיא 78,11 (sünden) 'erlaßen'; 63,8 (felt leider das sbst.) 'richten'. Adverbial פארי ון 22 'auf stellen'. פר דוסטו ון 21,13 'an vertrauen'. Endlich noch das abstractum ורץ וניא 21,18 'wunder' eigl. 'wunderverrichtung'.—Im Yaghnâbi ist вaн ganz gebräuchlich und bedeutet 'verrichten, zu ende bringen'.

— pl. 2 ראיטאקא שמאך κλαύσετε. °מ̸ פריצטאקא · וִינטאקא · ונטאקא. עוֹזֹטאקא 73,13 und עוֹזֹטֹנא 75,3 αἰτήσεσθε (man beachte widerum die erweichung). ערבטאקא. — בוטאקא. בוטֹקא.

— pl. 1 סנִימקא . ונִימקא wir werden hinauf gehn.

Im VJ steht die vollere silbe כאם — welche wol auf den gleich lautenden verbalstam zurük gefürt werden darf — selbständig nach den flectierten formen des praesens, z. b. חורטי כאם 1089 wird eßen, שואם כאם werde gehn, ונלא כאם 1095 ir werdet tun; zusammen geschriben nur in בוטכאם 32.331.1325. בנטכאם 1412. בירטכאם DN 67.

Conjunctivus sg. 3 פסטואט ἀπαρνησάσθω. צאנו קאמִי קט זנאט · ונאט 72,6 wenn sie gebären wil. אכ̄יִזאט καταστήσει. פסאט · פצעאזאט frage. וכ̄שאט erlöse. דורטא סוקאט דן שמאך פרו εἰρήνη ὑμῖν fride weile bei euch. תבראט. Das א der endung wird auch auß gelaßen und meistens durch vocalpunkte erseszt: טביזֹט · [ק]אמֹט · סו[כ̄]איט κερδήση. קט פ̄ריזֹט κατευθῦναι. פיזֹט ῥαπίζει. קט אועזֹט καταβαῖνον. קט איסֹט ἐλθεῖν — באט.

— sg. 1 שואם · ונאם · ורנאם — באם (באן VJ 530.1453).

— pl. 3 קט כ̄ורט כ̄ורנט 34,3 'damit sie speise eßen' — בנט 38,1.63,7? — pl. 2 בוטא 38,2 *(wuâta?)*.

— pl. 1 פטכ̄ואִים ἀποκτείνωμεν. פצעאזִים ἀπολάβωμεν. ניאסִים σχῶμεν. ספאכ̄שים .... קט λατρεύειν. תברִים δῶμεν — בים.

Im VJ habe ich sichere beispile nicht für alle personen gefunden. Die sg. 3 geht gewönlich auf אט— auß, doch findet sich einmal ויצאטט (s. o. p. 1133) und einige male das vollere אטי— 50.53.88 באטי 19.101.335. — sg. 1 ist häufig und hat wie im Tphl. die alte endung אן— bewart, auch שואן DN 56. צבאאן 79 (inf. צבאאי 26 'stelen'). וחארשאן und וחארשן 60[b]. 533,7 'erlösen'. פיאטן DN 81 'schmücken'. פוארטן 82 'sich ab wenden', einmal sogar בחשאנה 734. — pl. 3 מיראנט 800 — pl. 1 באים 801. שואים 799. ברחסאים 1012 'laßet uns preisen' (aw. *bərəjya*, *bərəxδa*).

Optativus sg. 3 כ̄רִינִי · ונִי (sic) ἀγοράση. אֹברוֹברִי · סוֹקִי · קאמִי 31,11 ἐπεσκέψατο, var. ἐπισκέψεται (Luc 1,78). בִי — תברִי 8,11. 13, alle in abhängigen sätzen; villeicht auch בִי ... אט בִי (sic) 45,10.9,5 (wo das zweite one punkt) 'so wol... als auch', aber bs. וביו (ני)... וביו gibt doch zu denken.

— sg. 2 קט פשטאיִ ἑτοιμάσαι 'auf daß du bereitest' — קט בִי 42,1. — pl. 3 פסִינט.

Auß dem VJ habe ich mir merere beispile notiert: sg. 3 נרסאי ני חואוי 1242 'schalt und schlug'. סחואיאי und אושטאי 1465 (die stelle ist unklar). ראיאי und באיאפאי 745 'weinte, wischte', חונאי 1060 'rief'. וינאי und בחשאי 240, vgl. 261. אחו ונטן מינאי 429 (auch מיני 457 ff. מאנאי 29[c]) 'das mag so bleiben'. סאצאי DN 60. חויזאי 1253 bat. ניזי · ניזאי (pl. ניזיאנט 892) 'gieng hinauß'. ריזאי 1373 'vergoß' oder 'floß'. ניאסאי und ואפטאי 1021,2 'nam, fiel'. טכאושי (sic) 1135 'bewache'. רושאי 7[a] 'floß'; wol auch רטי אול שאיכני חאי [859]כנלה פאראחז וישאכו כחה ני לא וחטו [859]לא פרבאיראט באי 'und dort war ein palast....... (G: le palais était une ville délicieuse), so daß es weder gesagt noch erzält werden könte'; endlich auf ein wort im plural bezüglich: פראחאז.... בחטי ליואיל איסאי פטאיל פר אפני [138]אכי מרטחמיטי 'er began.... zu schenken jenen leuten, wer um almosen

kam'. — sg. 2 אשכראי 1247. כאמאי 1318. בוי 52e. 896. 1221.1340. בוי טחו 1198; doch auch ...קל אאם 1324 'wenn du nimst'. — sg. 1 לבראי כאם אזו 100 und זראינצאי 102 'daß ich gebe, erlöse', wärend an den parallelstellen זראינצאן oder וחארשאן steht. — pl. 3 חוראינט 973, חורינט 17b. אנשפראינט 782 (ein mal mit אסכון), zum sg. אנשפראי 806 'il marchait'. בראינט 897.

Es wird schon auf gefallen sein, daß ich in den übersetzungen merfach das bloße praeteritum setze; doch wenn auch merere fälle sich durch die stellung im abhängigen satze erklären laßen, waß eine besondere feinheit des soghdischen sazbaues ergäbe, so laßen sich die übrigen nur bei der anname verstehn, daß disem modus auch die function des np. یای استمراری eignet (s. Rückert-Pertsch, Grammatik, Rhetorik u. Poetik p. 36).

Allerdings wäre fürs Bs. auch noch eine andere erklärung zu finden, wenn man nemlich anstat *-ê* für ־אי *ài* und im pl. ־אינט *-àyant* sprechen dürfte. Dann hätten wir eine periphrastische bildung vor uns: inf. + 3 sg. impf. verbi subst., eine wendung, welche im Yaghnâbî und X̌uǧnî ire analogien hat. Doch widerspricht diser anname die schreibung in beiden dialecten.

Optativus emphaticus pl. 3 ואבִינטקן · שוִינטקן widerum mit dem nebenbegriffe der dauer.

Bs. sg. 1 לבראי כאם wurde soeben an gefürt, doch ist an eine identität der beiden partikeln nicht zu denken. Vgl. auch pl. 3 אנשפראינט אסכון 782.

Imperfectum sg. 3 אושט · ואב *ôšt* = ואשט ἔστη; bei mersilbigen stämmen wird die erste silbe meist plene geschriben, trug also wol den accent, zum unterschid vom imperativ: פ̄ראמאי neben נִיפִים · פ̄רמאי; nach den praeverben פט־ פצ־ und פר־ wird das augment *ê* ein geschoben: פציופ̄ס 16,7 μετεμορφώθη ist also nicht «*pačyūfs*» zu lesen, sondern *pač-ê-vafs*. Mit an gehängtem *-â* בא 'wurde'.

— pl. 3 ואבנט, mit augment קט פציקס̇נט 39,3 προσδεχομένοις (*patiš*+*kas*) 'welche entgegen sahen', vgl. ms. פטיסאצאנד M II,97 bereiteten.

Das VJ und DN bieten eine fülle von beispilen, aber fast nur für die dritte person, und ich füre nur einige bemerkenswerte formen an. Von zweisilbigen stämmen mit verlängerung oder verstärkung des vocals der ersten silbe: לאבר 'gab', נאיאם 'nam', פאחאון 'rief', פראמאי 'befahl', זיוארט 'kerte um', זיחיר · זיחאיר 'rief', טיכאוש 'schaute', סיחואי 'hob', סינאי 'wusch', שיכר 'fürte', שימאר 'dachte'; dazu die plurale ויחשאנט 'freuten sich', זיוארטאנט · טיכאושאנט. Mit augment: פטאיחוש 'hörte' (פטאיחושו 430,577 übersezt Gauthiot «j'ai entendu», waß mir nicht richtig scheint, one daß ich etwaß beßeres vor schlagen könte). פטאיזאן 'erkante', פטאימאינט 'legte (ein kleid) an', פטאיסאינט 'lobte', פטאישכוי 'erwiderte'; פציחרב 'empfieng', פצאיכויר 'fürchtete sich'; פראיביר · פראיבר 'erzälte', פראיטר 'essuya'; dazu die plurale: פטאישכויאנט · פטאימאינצאנט. פטאיחושאנט · פטאיזאנאנט; פציחרבאנט. — sg. 2 לא נחאוש 'hörtest nicht'. — pl. 1 פטאיחושאים 185. Endlich mit an gehängtem א: שוא 798 'gieng', זנא 'gebar', אפרסא 'fragte', בחשא 'schenkte'

רופא 'pflükte', חרבא 50^b 'ergrif'? ונא 'tat' (woneben eben so häufig das mir unerklärliche ונטא) — אבא·בא — pl. 3 בנט. Das an lautende א in אפרסא und אבא ist wol schwerlich als augment auf zu faßen.

Imperfectum continuum sg. 3 זאיסק 16,17 'redete'. זאורקין בא סק 32,16 ἐκραταιοῦτο (Luc 1,80).

Imperfectum definitum sg. 3 מאעונט 16,18 ἐπεσκίασε 'bedekte' (Mt 16,18).

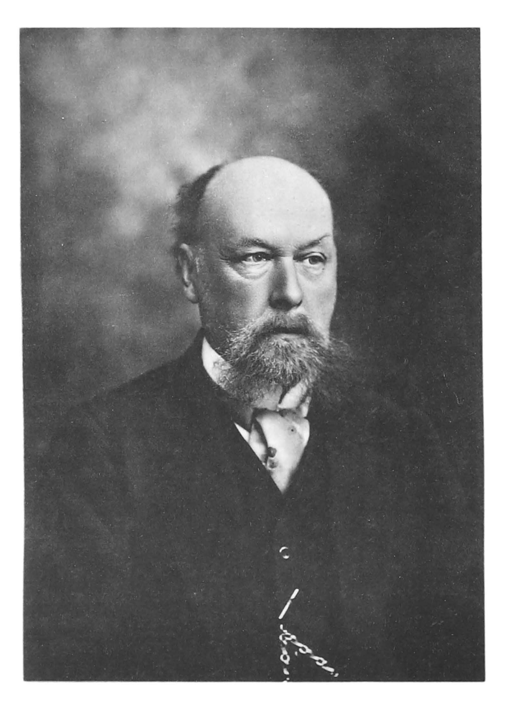
Im Bs. scheint dises praefix, dessen herkunft ich nicht kenne, noch eine nebenform –מנ zu haben (vgl. ms. מנסאצאנד M II, 97 'sie verfertigten'), wenn dises *n* nicht als praeverb zu erklären ist. Ich kenne folgende beispile: מנחז 91 ff. 'stig hinauf', pl. מנחזאנט 854,67, vgl. אנחז 19^d 'erheb dich'; צנן אחשאיון מנצאי 436 'hörte mit klagen auf' u. öfter, מנצאאי 808, sogar מנצאיאי 1116, vgl. oss. äнцаін, äнцајун 'auß ruhen', äнцој 'ruhe'. Und für die nebenform: (לרחו) אנחו מנטראחס 18^d.791.1114.1277.1332 'fut saisi d'angoisse (extrême)' udgl., vgl. אט שי טרעזאי קתארנט ST 53.6 καὶ παρεβιάσαντο αὐτόν (Luc 24,29); מנשטאי 960 'zeigte', xs. stam א(י)אשט; מנכראיף 1000 'se souleva'.

Conditionalis sg. 1 זו איסוטי 49,1 'ich wäre gekommen'. — pl. 2 ורנוטישטא 75,7 πεπιστεύκατε. Dazu kenne ich biß jezt nur noch ein einziges beispil, und zwar auß dem VJ und für sg. 3: רטי זכה [1023]מנטראיה לנן מאן כחד שימאר נמאי ני [24]אחו סולאאשן זכוה טאיואאכטה אאלאכו [1025]לבאר לבראוטאי 'und dise Mandrî dachte in irem sinne also: (sicherlich (?[19]) dürfte diser Sudâšn dise kinder jemandem zur gabe gegeben haben'. Ich kan mir dise form nur durch eine sonderbare verschmelzung mererer elemente erklären: inf. + בוט + dem bekanten tphl. הי = [illegible] = بای شرط welches aber sonst im Soghdischen noch nicht nach gewisen ist.

Damit wären alle vom praesensstamme ab geleiteten formen des verbi finiti in irer überraschenden manchfaltigkeit in eine vorläufige ordnung gebracht. Denn ich schmeichle mir nicht den syntactischen wert jeder einzelnen bildung immer richtig ab geschäzt zu haben, woher denn auch die von mir gewälten benennungen mancher zurechtstellung werden unterligen müßen, so bald unsre kentnis durch weitere texte gefördert sein wird.

---

19) נמאי könte 2 sg. imp. sein und 'urteile' heißen (vgl. [illegible] KN 3,14), denn dise bedeutung hat es an nähernd in den xs. fragmenten: פר נמאי 87,20 'zu richten'. נְמאימסקן 63,15 κρίνω. נמאינְנקא 48,18 κρινῶ; aber auch נמאנְ ונטא 41,2 μετανοήτε. נמאנְקרניא 57,14 μετάνοια. נמאנִיקִין קטישְטא 19,18 μετεμελήθητε. קטִי °נ μεταμεληθείς. Unser נמאי findet sich öfters im VJ, aber jedes mal anders construiert: mit dem opt. 1034, conj. 1457, und prs. ind. נמאאי 1152. — Ich wil aber nicht verschweigen, daß noch eine combination möglich wäre, wenn man folgende phrase in betracht zieht: צו מאיש בוטקא איני רינצאק 30,9 τί ἄρα τὸ παιδίον τοῦτο ἔσται; (Luc 1,66). Dann wäre נמאי etwa in מאי + נ = ני zu zerlegen, — aber das ש?! — Oder solte es gar mit xs. נאי ἰδοῦ zusammen zu stellen sein?

Фототипія А. Ф. Дресслера, Спб.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Всеволодъ Өедоровичъ Миллеръ.

Некрологъ.

(Читанъ въ засѣданіи Общаго Собранія 7 декабря 1913 г. академикомъ **А. А. Шахматовымъ**).

Трудная задача выпадетъ на долю того, кто пожелалъ бы дать оцѣнку всей научной дѣятельности покойнаго академика Всеволода Өедоровича Миллера: ему пришлось бы сосредоточить вниманіе на разнообразныхъ отрасляхъ знанія и, обозрѣвая труды Миллера, оказаться судьей его работъ какъ въ области исторіи русской словесности и иранскаго языкознанія, такъ и въ области этнографіи и археологіи Россіи вообще и Кавказа въ особенности. Провожая дорогого и высокоуважаемаго товарища въ могилу, мы, члены Отдѣленія русскаго языка и словесности, сознаемъ, что В. Ө. Миллеръ, какъ ученый, принадлежалъ не одной нашей тѣсной семьѣ, но гораздо болѣе широкому кругу представителей научныхъ знаній. И тѣмъ не менѣе мы убѣждены въ томъ, что въ центрѣ его интересовъ стояла русская историческая наука въ обширномъ смыслѣ. Это объясняетъ привлеченіе В. Ө. Миллера въ составъ нашего Отдѣленія и оправдываетъ нашу рѣшимость дать краткій обзоръ всей его научной дѣятельности.

В. Ө. Миллеръ началъ ее съ работы надъ русской сказкой о ворожеѣ. Эта работа была представлена имъ въ 1870 году Ө. И. Буслаеву въ качествѣ кандидатскаго сочиненія, по окончаніи курса Московскаго университета. Сюжетъ русской сказки, взятый въ трехъ варіантахъ, сопоставленъ авторомъ съ сюжетомъ санскритской сказки въ сборникѣ Kathāsaritsāgara; текстъ послѣдней передается въ стихотворномъ переводѣ. Близость русской и санскритской сказки весьма значительна; вѣрность въ сохраненіи русскими восточныхъ сказокъ оправдывается, по мнѣнію В. Ө. Миллера, исторически. «Русскіе славяне получали сказки болѣе непосредственно съ Востока, нежели прочіе европейскіе народы. Бенфей главную роль въ перенесеніи восточныхъ сказокъ въ Европу приписываетъ монголамъ». Эти

соображенія даютъ основаніе автору привлечь къ сравненію съ русской сказкой калмыцкую изъ сборника Шидди-Куръ. Затѣмъ онъ ищетъ ея родичей на западѣ и обнаруживаетъ ихъ въ литовской, нѣмецкой и французской народной словесности, останавливаясь также на латинской версіи сказки въ сборникѣ Бабеліуса 1506 года. Взаимоотношеніе всѣхъ этихъ сказокъ разобрано мастерски, но авторъ не скрываетъ отъ себя, что прочныхъ выводовъ ему нельзя дѣлать по скудости находящагося въ его распоряженіи матеріала. Ему рисуется возможность начертить полную картину перехода индусскихъ сказокъ въ Европу, но этому должны предшествовать подготовительныя работы, а именно изданіе и изученіе всѣхъ санскритскихъ сборниковъ сказокъ.

Второй по времени трудъ В. Ө. Миллера, появившійся въ 3-мъ выпускѣ Бесѣдъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности (М. 1871), представлялъ не меньшій интересъ, чѣмъ первый, по самой своей темѣ. Это—полемическая статья противъ В. В. Стасова, автора незадолго передъ тѣмъ вышедшаго труда «Происхожденіе русскихъ былинъ». Она открывается разъясненіемъ требованій, предъявляемыхъ къ сравнительному методу въ лингвистикѣ. Указавъ, что тѣ же требованія обязательны вообще при всякихъ сравненіяхъ, В. Ө. Миллеръ на разборѣ былины о Садкѣ, сопоставленной В. В. Стасовымъ съ нѣкоторыми индусскими сказками и легендами, доказываетъ неосновательность сравненій В. В. Стасова, ихъ механичность и случайность. Онъ ставитъ въ упрекъ В. В. Стасову его зависимость отъ восточнаго матеріала («исходнымъ пунктомъ служатъ восточныя сказки: къ нимъ приравниваются русскія былины»), далѣе неточность его въ передачѣ какъ русскихъ былинъ, такъ и восточныхъ сказокъ, затѣмъ стремленіе В. В. Стасова видѣть полное тождество былинъ съ восточными сказками и въ цѣломъ и въ подробностяхъ, — желаніе лишить русскія былины всего русскаго, національнаго. Со своей стороны, В. Ө. Миллеръ въ личности Садка различаетъ двѣ личности — личность бѣднаго гусляра и личность богатаго купца, слитыя народною фантазіей въ одну личность. Этотъ первый его анализъ былины о Садкѣ любопытно сопоставить съ послѣдующими обработками, предложенными В. Ө. Миллеромъ (въ 1879 и 1897 гг.). Рѣзкій отзывъ В. Ө. Миллера о трудѣ В. В. Стасова и его теоріи (замѣтимъ при этомъ, что это — единственный рѣзкій отзывъ, вышедшій изъ-подъ пера нашего ученаго) интересно противопоставить послѣдующимъ его отзывамъ о В. В. Стасовѣ (напримѣръ, въ «Экскурсахъ», о чемъ скажемъ ниже).

Поставленнымъ себѣ въ обѣихъ юношескихъ работахъ цѣлямъ В. Ө.

Миллеръ остался вѣренъ до конца своей сорокалѣтней научной дѣятельности. Анализъ произведеній русской народной словесности, ихъ историческое освѣщеніе становятся отправными точками во всѣхъ дальнѣйшихъ его разнообразныхъ трудахъ. Вотъ почему такъ интересны намъ, изслѣдователямъ русской словесности, всѣ его экскурсы въ сторону отъ основной задачи, его занятія древнеиндійской литературой, упорные труды по иранскому эпосу и иранскимъ языкамъ, его увлеченіе Кавказомъ и тщательная разработка скиѳской и сарматской культуры южной Россіи. В. Ѳ. Миллеръ хочетъ основательно пройти тотъ путь, который намѣченъ имъ въ его кандидатскомъ сочиненіи, и прослѣдить процессъ прохожденія сказки и другихъ произведеній словесности изъ Индіи въ Россію.

В. Ѳ. Миллеръ былъ необыкновенно талантливъ. Это не позволило ему замкнуться въ узкихъ рамкахъ открывшейся передъ нимъ ученой работы. Его отличныя способности облегчали ему возможность проявить широкій размахъ, соотвѣтствовавшій его богатымъ дарованіямъ. Насъ поражаютъ при этомъ та послѣдовательность и то упорство, которыя обнаруживаются въ научной дѣятельности В. Ѳ. Миллера. Его интересы съ самаго начала глубоко залегли въ области русской народной словесности: объясняется это тѣмъ, что его учителемъ былъ Ѳ. И. Буслаевъ. Но В. Ѳ. Миллеръ какъ будто еще на студенческой скамьѣ созналъ, что для изслѣдователя манившей его къ себѣ области необходима широкая историко-филологическая подготовка. Въ теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій своей дѣятельности онъ не рѣшается выступать со спеціальными работами въ области русской народной словесности и только въ началѣ девяностыхъ годовъ отдается этой наукѣ вполнѣ, выпуская рядъ обширныхъ изслѣдованій, создавая особую систему, подготовляя учениковъ и послѣдователей. Наблюдая однако подготовительныя работы В. Ѳ. Миллера, которыми заняты семидесятые и восьмидесятые годы, мы убѣждаемся въ томъ, что, выполняя ихъ, отдаваясь имъ, онъ никогда не упускалъ основной своей цѣли, созрѣвшей при слушаніи лекцій Ѳ. И. Буслаева. Иногда, правда, она отодвигалась въ далекую туманную даль, но зато она неразъ ярко вспыхивала передъ В. Ѳ. Миллеромъ, и онъ устремлялся къ ней въ талантливыхъ экскурсахъ въ области русской словесности.

Историко-филологическая подготовка для рѣшенія вопросовъ, захватившихъ В. Ѳ. Миллера въ юные его годы, потребовала прежде всего серьезныхъ занятій санскритомъ и зендомъ; имъ онъ отдавался еще въ университетѣ, работая подъ руководствомъ проф. П. Я. Петрова, но углубить ихъ В. Ѳ. Миллеръ могъ только въ заграничную свою поѣздку въ

1873 и 1874 году. Результатомъ этихъ занятій явились нѣсколько статей по ведійской миѳологіи и индусскимъ сказкамъ, но кромѣ того и магистерская диссертація, напечатанная въ 1876 году подъ заглавіемъ «Очерки арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой». Первымъ выпускомъ этихъ очерковъ по предположенію автора долженъ былъ открыться рядъ работъ, рядъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ изъ области миѳологіи индоевропейскаго племени. Изъ предисловія къ этому труду видно, что достигнутые результаты далеко не удовлетворили В. Ѳ. Миллера; приходилось прокладывать новые пути и прежде всего вводить въ сравнительную миѳологію тотъ строгій методъ, которому онъ научился въ своихъ занятіяхъ сравнительнымъ языкознаніемъ; методъ этотъ разрушалъ господствовавшія въ сравнительной миѳологіи теоріи — солярную, основанную Максомъ Мюллеромъ, и метеорологическую, вызванную остроумными статьями Куна. Этимъ теоріямъ В. Ѳ. Миллеръ противопоставлялъ историческій методъ, какъ видно изъ его указанія на то, что «одно лишь полное всестороннее изученіе культуры извѣстнаго періода могло бы предохранить изслѣдователя отъ субъективныхъ толкованій миѳовъ», а также изъ того, что самъ онъ изученію ведійской миѳологіи предпослалъ очеркъ культуры ведійскаго періода, на сколько можно найти матеріала для ея возстановленія въ гимнахъ. Этотъ очеркъ представляется весьма тщательно составленнымъ, при чемъ автору пришлось освѣтить явленія древнеиндійской жизни рядомъ сопоставленій съ культурноисторическими и этнографическими данными другихъ народностей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи. Не забудемъ, что въ то время подобныхъ работъ по культурѣ индоевропейцевъ было очень мало; трудъ В. Ѳ. Миллера внесъ несомнѣнно много новаго и цѣннаго и если бы появился въ свое время на нѣмецкомъ языкѣ, облегчилъ бы послѣдующія работы по возстановленію быта эпохи индоевропейскаго единства. Для историка русской словесности въ книгѣ В. Ѳ. Миллера, остановившагося во второй части ея на миѳѣ объ Açвинахъ-Діоскурахъ, особый интересъ представляетъ VI глава, посвященная вопросу о переходѣ древнихъ божествъ въ народныхъ святыхъ и сближенію представленій о парныхъ божествахъ Индусовъ и Грековъ съ представленіями о парныхъ святыхъ Флорѣ и Лаврѣ, Косьмѣ и Даміанѣ, Борисѣ и Глѣбѣ. Едва-ли В. Ѳ. Миллеръ сталъ бы въ восьмидесятыхъ уже годахъ защищать высказанныя имъ въ этомъ экскурсѣ главныя положенія, но его сопоставленія русскихъ легендъ и вѣрованій, связанныхъ съ парными святыми, между собою не утрачиваютъ интереса и въ настоящее время.

По защитѣ диссертаціи В. Ѳ. Миллеръ съ 1877 года начинаетъ свою

академическую дѣятельность: въ университетѣ онъ читаетъ исторію древняго востока, санскритъ и древнеперсидскій языки, на высшихъ женскихъ курсахъ онъ предлагаетъ чтенія по исторіи русскаго языка и исторіи древнерусской литературы. Къ этому 1877 году относится одно изъ любопытнѣйшихъ изслѣдованій В. Ѳ. Миллера, вызвавшее значительное оживленіе въ изученіи древнерусской письменности. Мы говоримъ объ его знаменитой книгѣ, озаглавленной «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ». Едва ли какая другая книга, относящаяся къ многочисленной ученой литературѣ объ этомъ памятникѣ, произвела болѣе сильное впечатлѣніе полною необычностью пріемовъ изслѣдованія и своеобразною постановкой вопросовъ. Книга В. Ѳ. Миллера вызвала много возраженій; едва ли кого-нибудь удовлетворили ея выводы; сравненіе Слова о полку Игоревѣ съ византійской поэмой X вѣка о Дигенисѣ Акритисѣ и мысль о вліяніи и подражаніи творца Слова этой поэмѣ должны быть отвергнуты. Но значеніе разсматриваемаго труда не въ этомъ и не въ отвѣтѣ В. Ѳ. Миллера «на главные вопросы, до сихъ поръ возбуждаемые Словомъ о полку Игоревѣ», а въ постановкѣ самыхъ этихъ вопросовъ. Пишущій эти строки думаетъ однако, что и выводы В. Ѳ. Миллера недостаточно оцѣнены критикой. Главный изъ нихъ это то, что «Слово произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный, что онъ написалъ его, а не пѣлъ и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу». Послѣдующія изслѣдованія отмѣчали также наличность книжныхъ элементовъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, а это въ сильной степени подтвердило основное положеніе В. Ѳ. Миллера. Но особенно цѣнными представляются соображенія автора относительно того значенія, которое для древней русской письменности, а въ частности и для древнекіевской повѣствовательной литературы имѣла Болгарія. «Поставщицей византійскихъ произведеній, — писалъ В. Ѳ. Миллеръ, — уже передѣланныхъ, была въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ для насъ Болгарія, въ которой соприкосновеніе съ образованностью Византіи вызвало бойкую литературную жизнь въ X-мъ вѣкѣ». Исходя изъ этого положенія, авторъ и подходилъ къ утвержденію, что образцами для творца «Слова о полку Игоревѣ» служили византійскія произведенія, воспринявшія болгарскую окраску. Мы думаемъ, что В. Ѳ. Миллеръ правъ и что его мысли не нашли себѣ пока полнаго подтвержденія только потому, что болгарская письменность X вѣка, въ особенности письменность свѣтская, исчезла почти безслѣдно въ великихъ катастрофахъ, пережитыхъ этой страной. Для насъ особенно любопытно, что В. Ѳ. Миллеръ уже въ 1877 году подходилъ къ тѣмъ взглядамъ на взаимоотношеніе искусственной и народной литературы,

которые такъ блестяще проведены имъ въ его послѣднихъ трудахъ; Слово о полку Игоревѣ, столь близкое по своему характеру къ нашимъ былинамъ, къ возникшему въ Кіевской Руси дружинному эпосу, онъ призналъ произведеніемъ книжнымъ и искусственнымъ, отразившимъ на себѣ сложныя культурныя вліянія сосѣдей; между этимъ выводомъ и проводившимся В. Ѳ. Миллеромъ положеніемъ о томъ, что наши былины представляются опредѣленнымъ видомъ поэтическихъ произведеній, сложившимся и установившимся въ своей внѣшней формѣ и техникѣ въ средѣ профессіональныхъ пѣвцовъ, есть тѣсная внутренняя связь. Она ослабляетъ рѣзкость главнаго положенія В. Ѳ. Миллера въ отношеніи къ происхожденію Слова о полку Игоревѣ, высокоталантливаго автора котораго такъ естественно причислить къ средѣ этихъ профессіональныхъ пѣвцовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ возможность еще болѣе широкаго обоснованія предположеннаго В. Ѳ. Миллеромъ вліянія Болгаріи на свѣтскую письменность и искусственное пѣснотворчество древняго Кіева и другихъ южнорусскихъ центровъ. Напомню, что къ вопросу объ этомъ вліяніи В. Ѳ. Миллеръ вернулся впослѣдствіи, анализируя былины о Дюкѣ Степановичѣ и Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ.

Впрочемъ едва ли уже въ семидесятыхъ годахъ сложились у В. Ѳ. Миллера тѣ трезвые взгляды на происхожденіе народной словесности, которые онъ сталъ проводить въ девяностыхъ годахъ. Интенсивное изученіе былинъ привязало его къ русской почвѣ и побудило къ всесторонней ея разработкѣ. Въ разсматриваемый же періодъ В. Ѳ. Миллеръ работаетъ экстенсивно и увлекаясь сравнительнымъ методомъ, теоріей заимствованій, ищетъ сюжетовъ нашей народной поэзіи на сторонѣ. Связь устной поэзіи съ письменностью, зависимость первой отъ второй, не была уяснена въ достаточной степени; В. Ѳ. Миллеръ, стремясь къ опредѣленію генезиса нашей народной словесности, обращаетъ свои взоры все еще въ ту сторону, куда направили его вниманіе Бенфей и другіе представители теоріи заимствованій. Востокъ и притомъ ближній востокъ, съ которымъ древняя Русь приходила въ непосредственное соприкосновеніе, вотъ гдѣ надо искать разгадки нашего эпоса, вотъ откуда вести сказочные и поэтическіе сюжеты нашей народной словесности. Ближній востокъ для древней Руси — это прежде всего сѣверный Кавказъ. Въ 1876 году, когда В. Ѳ. Миллеръ писалъ статью «Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ» и останавливался на этимологіи «русскопольскаго» слова собака, онъ обнаружилъ вліяніе одного изъ «эранскихъ» народовъ на восточныхъ славянъ, ибо слово собака иранское; но такимъ иранскимъ народомъ онъ могъ признать только Скиѳовъ, «въ которыхъ присутствіе эранскаго элемента» онъ считалъ дока-

заннымъ. Лѣтомъ 1879 года В. Ѳ. Миллеръ совершаетъ свою первую поѣздку въ сѣверный Кавказъ и здѣсь въ горахъ Осетіи знакомится съ иранскимъ народомъ, значеніе котораго для русской народности въ ея политическомъ и культурномъ развитіи было, конечно, тогда же оцѣнено нашимъ ученымъ, положившимъ основанія научной разработки языка, быта, исторіи Осетинъ. Мы думаемъ, что напряженные труды В. Ѳ. Миллера въ области изученія этого народа, его многократныя поѣздки въ Осетію, этнографическія и археологическія изслѣдованія, произведенныя имъ въ сѣверномъ Кавказѣ, — были вызваны увѣренностью, что Осетины, Ясы нашихъ древнихъ лѣтописей, были посредниками или одними изъ посредниковъ между культурой Востока и южнорусской народностью, воспринявшею черезъ это посредство между прочимъ и иранскіе сюжеты своего эпоса и индо-иранскіе мотивы своего сказочнаго репертуара. Лѣтомъ 1880 года В. Ѳ. Миллеръ отправляется въ Осетію вторично съ главною цѣлью записать на мѣстѣ вымирающій эпосъ Осетинъ, ихъ сказанія объ удалыхъ нартахъ; результатомъ поѣздки явилась I часть «Осетинскихъ этюдовъ», напечатанная въ 1881 году; здѣсь помѣщены нартскія сказанія въ осетинскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ, затѣмъ сказки, преданія и пѣсни, наконецъ, мѣстныя преданія, записанныя по русски въ нѣкоторыхъ аулахъ дигорской Осетіи. Въ слѣдующемъ 1882 году появилась вторая часть «Осетинскихъ этюдовъ» — докторская диссертація В. Ѳ. Миллера, содержащая въ первыхъ шести главахъ грамматическое изслѣдованіе Осетинскаго языка, а въ седьмой главѣ описаніе религіозныхъ вѣрованій Осетинъ съ приведеніемъ и нѣкоторыхъ преданій ихъ о небесныхъ свѣтилахъ. Въ 1883 году напечатана В. Ѳ. Миллеромъ статья «Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ» (Ж. М. Н. Пр. 1883, янв.), та статья о кавказскихъ преданіяхъ Прометеева цикла, которую онъ обѣщалъ предложить въ предисловіи къ I части «Осетинскихъ этюдовъ». Работы В. Ѳ. Миллера надъ Осетинами завершились въ III части «Осетинскихъ этюдовъ» (М. 1887) цѣннѣйшимъ очеркомъ историческаго прошлаго этого народа; онъ имѣетъ ближайшее отношеніе и къ русской исторіи не только потому, что даетъ опредѣленную этнографическую картину сѣвернаго Кавказа въ періодъ образованія и развитія кіевской державы, но еще и по той причинѣ, что содержитъ важныя соображенія о народностяхъ, господствовавшихъ въ южной Россіи въ эпохи, предшествовавшія появленію здѣсь Славянъ. Иранское происхожденіе Сарматовъ и Скиѳовъ — этихъ кочевыхъ иранскихъ племенъ, которыя были предками Осетинъ, доказывается цѣлымъ рядомъ лингвистическихъ и историческихъ данныхъ. Впрочемъ, В. Ѳ. Миллеръ и

послѣ выхода въ свѣтъ III части «Осетинскихъ этюдовъ» не оставлялъ своихъ занятій языкомъ и народною словесностью Осетинъ. Въ 1891 году онъ издалъ вмѣстѣ съ барономъ Штакельбергомъ дигорскія сказанія. Въ 1903 году появился его нѣмецкій трудъ «Die Sprache der Osseten» въ «Grundriss der iranischen Philologie». Къ 1904 году относятся его Ossetica (XX в. Трудовъ по востоковѣдѣнію), гдѣ сообщено все то новое, что представляетъ нѣмецкая переработка грамматическаго изслѣдованія В. Ѳ. Миллера объ осетинскомъ языкѣ сравнительно со II частью «Осетинскихъ этюдовъ». Смерть помѣшала В. Ѳ. Миллеру издать обширный словарь осетинскаго языка, собранный имъ въ теченіе многихъ лѣтъ упорной работы; онъ поступилъ теперь вмѣстѣ съ другими матеріалами въ распоряженіе Историкофилологическаго Отдѣленія и, конечно, увидѣвъ свѣтъ, упрочитъ за В. Ѳ. Миллеромъ славу основателя осетинской филологіи. Къ началу девяностыхъ годовъ относятся работы В. Ѳ. Миллера надъ языкомъ горскихъ евреевъ, который В. Ѳ. Миллеромъ охарактеризованъ какъ иранское нарѣчіе, произносимое семитской артикуляціей и построенное отчасти фонетически, отчасти морфологически, на тюркскій ладъ: въ 1892 году были изданы имъ «Матеріалы для изученія еврейско-татскаго языка»; въ 1900 и 1901 появились «Очеркъ фонетики» и «Очеркъ морфологіи еврейско-татскаго нарѣчія». Къ 1905 и 1907 году относятся «Татскіе этюды» В. Ѳ. Миллера, гдѣ дано описаніе иранскаго говора села Лагичъ Бакинской губерніи, населеннаго мусульманами, давнишними выходцами изъ Персіи. Отмѣтимъ еще любопытныя замѣтки В. Ѳ. Миллера, сообщенныя имъ по поводу выхода II тома труда акад. В. В. Латышева «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae» (Этногр. Обозр. 1890, кн. VIII), гдѣ объяснено нѣсколько иранскихъ именъ въ греческихъ надписяхъ; а также только что появившуюся въ 47 выпускѣ Записокъ Археол. Общества статью «Къ иранскому элементу въ припонтійскихъ греческихъ надписяхъ».

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ казалось, что В. Ѳ. Миллеръ окончательно отошелъ отъ занятій русской словесностью, всецѣло отдавшись изученію Кавказа. Въ 1888—1890 годахъ онъ предпринимаетъ рядъ археологическихъ экскурсій въ Терской области, затѣмъ въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ, въ с. Троицкомъ-Кайнарджи и др. Впрочемъ, одновременно В. Ѳ. Миллеру пришлось работать и въ области этнографіи русской и сосѣднихъ съ русской народностей: онъ принялъ на себя обязанности хранителя Дашковскаго Этнографическаго Музея и уже въ 1887 году издалъ I выпускъ «Систематическаго описанія коллекцій» этого музея; второй выпускъ вы-

шелъ въ 1889 году. В. Ѳ. Миллеръ интересовался этнографіей давно; это видно изъ нѣкоторыхъ трудовъ его, напечатанныхъ въ семидесятыхъ годахъ, между прочимъ и изъ отмѣченной выше первой части его магистерской диссертаціи, гдѣ удѣлено серьезное вниманіе вопросамъ соціологіи и этнографіи. Съ 1881 года онъ занималъ мѣсто предсѣдателя этнографическаго отдѣла И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этнографіи; въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ основалъ органъ этого Отдѣла — «Этнографическое Обозрѣніе» и руководилъ имъ. Однако всѣ эти работы не только не отдаляли В. Ѳ. Миллера отъ давнихъ его интересовъ русскою народною словесностью, но и побуждали его къ систематической ея разработкѣ.

Осетинскія и вообще сѣверо-кавказскія эпическія сказанія, находившіяся подъ сильнымъ вліяніемъ иранскихъ сюжетовъ и сложившіяся по мнѣнію В. Ѳ. Миллера въ степяхъ сѣверозападнаго Кавказа среди предковъ осетинъ, представляютъ въ отдѣльныхъ мотивахъ любопытныя параллели и аналогіи нашимъ былинамъ. Въ 1891 году В. Ѳ. Миллеръ въ Этнографическомъ Обозрѣніи посвящаетъ этимъ параллелямъ особую статью, гдѣ отмѣчены въ былинахъ о Святогорѣ сходныя черты съ нѣкоторыми кавказскими сказаніями (сближеніе Святогора съ осетинскимъ Муккара было сдѣлано до В. Ѳ. Миллера М. Г. Халанскимъ), далѣе среди осетинскихъ нартовъ указанъ типъ, напоминающій нашего Илью Муромца, а среди похожденій осетинскихъ героевъ — похожденія, сходныя съ похожденіями названнаго русскаго богатыря, затѣмъ разсмотрѣны кавказскія сказанія, содержащія сюжеты, сходные съ превращеніемъ нашего Добрыни въ тура чародѣйкой Мариной и съ несостоявшимся бракомъ Алеши Поповича съ Добрыниной женой. Отношеніе между былиной о Добрынѣ въ отъѣздѣ и о выходѣ его жены замужъ за Алешу Поповича и турецкой (кавказской) сказкой объ Ашикъ-Керибѣ, по заключенію В. Ѳ. Миллера, таково, какъ между оригиналомъ и копіей. Отмѣтивъ еще двѣ-три кавказскія параллели сказочнымъ сюжетамъ, проникшимъ въ нашъ эпосъ, В. Ѳ. Миллеръ въ заключеніи своей статьи останавливается на томъ значеніи, которое имѣютъ кавказскія сказанія для изученія русскаго эпоса. Посредниками между русскими славянами и сѣверокавказскими народностями были по его предположенію не только степныя кочевыя тюркскія племена и не только образовавшееся позже казачество запорожское и донское, но прежде всего русское населеніе тмутараканскаго княжества, сосѣдившее и съ Ясами и съ Касогами, а затѣмъ и покорившіе себѣ Тмутаракань Половцы, которые съ теченіемъ времени должны были, въ результатѣ татарскаго разгрома, переселиться на Кавказъ. Богатырскій эпосъ вырабатывался на сѣверо-

кавказской равнинѣ, постоянной аренѣ борьбы азіатскихъ кочевниковъ съ ранѣе осѣвшими здѣсь кавказскими и другими народностями. «При подобныхъ же условіяхъ являлись богатырскіе типы и складывались сказанія въ тѣхъ окраинныхъ русскихъ областяхъ, которыя представляли форпосты въ упорной борьбѣ осѣдлой Руси съ такими же азіатскими кочевниками. И эти кочевники, — такъ заключаетъ свое изслѣдованіе В. Ѳ. Миллеръ —, приносившіе восточные сказочные мотивы изъ Азіи, гдѣ нѣкоторыя изъ тюркскихъ племенъ могли усвоить себѣ мотивы богатаго иранскаго эпоса, представляются намъ естественнымъ звеномъ, связывающимъ оба богатырскіе эпоса: южный — кавказскій и сѣверный — русскій».

«Кавказско-русскія параллели» представляются тѣмъ переходнымъ звеномъ, которымъ связывается съ эпохой увлеченія В. Ѳ. Миллера изученіемъ иранскихъ языковъ, этнографіи и исторіи Кавказа послѣдующая его дѣятельность, спеціализировавшая его на изслѣдованіи русской народной словесности. Въ 1891 году В. Ѳ. Миллеру было предложено перейти съ каѳедры санскрита и сравнительнаго языковѣдѣнія на каѳедру русской словесности, освободившуюся за выходомъ въ отставку Ѳ. И. Буслаева. Съ 1892 года В. Ѳ. Миллеръ сталъ читать лекціи по народной словесности и сосредоточилъ свои занятія главнымъ образомъ на этой области. Еще раньше, съ января 1891 года имъ печатаются въ Русской Мысли «Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса»; въ 1892 году они выпускаются отдѣльной книгой, причемъ въ приложеніи перепечатываются и разсмотрѣнныя выше «Кавказско-русскія параллели», а также появившаяся еще раньше, въ 1889 году, статья «Иранскіе отголоски въ народныхъ сказаніяхъ Кавказа». Предисловіе къ названной книгѣ ясно опредѣляетъ отношеніе этихъ работъ В. Ѳ. Миллера къ его предшествующимъ занятіямъ. Онъ указываетъ на то, что на его взгляды на русскій былевой эпосъ и на его главнаго богатыря (Илью Муромца) оказало особенное вліяніе изученіе народной словесности Ирана и Кавказа и что онъ подошелъ къ нашему эпосу со стороны именно этого изученія. И дѣйствительно, на всемъ протяженіи Экскурсовъ проводится мысль о зависимости нашихъ былинныхъ типовъ и сюжетовъ отъ различныхъ иранскихъ сказаній. Былинный Владиміръ отражаетъ на себѣ черты «эпическаго» или «сказочнаго» царя Кейкауса, современника національнаго иранскаго богатыря Рустема, — типъ царицы Евпраксіи, жены Владиміра, сопоставляется съ типомъ Судабэ, жены царя Кейкауса. Эпическій типъ Ильи Муромца сложился подъ значительнымъ вліяніемъ личности иранскаго Рустема; но на появленіе его повліялъ и хазарскій богатырь Иліасъ, о которомъ сообщаетъ персидскій поэтъ X вѣка

Дакики. Особенный интересъ представляетъ VIII экскурсъ, озаглавленный «Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ», гдѣ въ талантливомъ изложеніи очерчена борьба древней Руси со степью и отмѣчены извлеченныя изъ былинъ бытовыя подробности, доказывающія, что нашъ богатырскій эпосъ отразилъ именно эту борьбу. В. Ѳ. Миллеръ останавливается при этомъ, конечно, и на извѣстной теоріи В. В. Стасова, выводившей нашъ эпосъ съ Востока, и опредѣляетъ свое отношеніе къ ней слѣдующимъ образомъ. «Мы, конечно, не согласимся съ нимъ, что всѣ наши былины плохо скроены по иноземнымъ образцамъ, не будемъ искать этихъ оригиналовъ *исключительно* на Востокѣ, не будемъ искусственно отрывать нашъ эпосъ отъ русской исторіи, но, именно въ силу ея указаній, признаемъ, вмѣстѣ съ г. Стасовымъ, что эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степняковъ *должны были* оказать вліяніе на русскій эпосъ».

Между разсматриваемымъ трудомъ В. Ѳ. Миллера и послѣдующими его вкладами въ изученіе русскихъ былинъ, какъ намъ представляется, бездна. Но уже въ 1891 году, въ этихъ самыхъ Экскурсахъ, намѣчается путь, который выведетъ В. Ѳ. Миллера на иной берегъ. Характерна его оговорка по поводу признанія за теоріей Стасова научнаго значенія: «не будемъ искусственно отрывать нашъ эпосъ отъ русской исторіи». Любопытно также отмѣтить отрицаніе В. Ѳ. Миллера въ концѣ VII экскурса наличности основного различія между былинами и историческими пѣснями. «То, что въ настоящее время стало былиною (въ нашемъ смыслѣ этого слова), было когда-нибудь пѣснью историческою». «Нѣтъ сомнѣнія — продолжаетъ авторъ, — что когда-то существовали въ народѣ дѣйствительно *историческія* воспоминанія, напримѣръ, о Владимірѣ, Добрынѣ, быть можетъ, уже въ видѣ пѣсенъ»; историческая пѣсня съ теченіемъ времени «подъ вліяніемъ процесса поэтизаціи» можетъ перейти въ былину. Авторъ считаетъ однако необходимымъ сдѣлать оговорку: «Мы отнюдь не возводимъ всѣхъ былинъ съ историческими именами къ историческимъ пѣснямъ (историческія имена могли входить въ чисто-фантастическіе сюжеты), но полагаемъ, что о такихъ историческихъ лицахъ, какъ Добрыня, Александръ Поповичъ, Ставръ и нѣкоторые друг., нѣкогда ходили пѣсни, съ теченіемъ вѣковъ утратившія историческія черты до неузнаваемости и перешедшія на ступень былинъ. Напротивъ, типъ Ильи Муромца и *основныя* сказанія о немъ искони не имѣли ничего историческаго и пріобрѣли историческую окраску въ теченіе времени». Сомнѣваемся въ томъ, чтобы В. Ѳ. Миллеръ сталъ защищать это свое положеніе тогда, когда онъ писалъ, напримѣръ, свою статью «Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ». Во взглядахъ В. Ѳ. Миллера, съ

тѣхъ поръ какъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе на русскомъ эпосѣ и подошелъ къ нему вплотную, произошла любопытнѣйшая эволюція. Начало ея относится, конечно, еще къ 1891 году; исходнымъ пунктомъ послужило приведенное выше разрѣшеніе вопроса о взаимномъ отношеніи былинъ и историческихъ пѣсенъ.

Въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ работъ В. Ѳ. Миллера надъ русскимъ эпосомъ положена плодотворная мысль о томъ, что былина смѣняла историческую пѣсню параллельно съ забвеніемъ той нѣкогда исторической личности, которой была посвящена пѣсня. Это положеніе сразу перенесло всѣ изысканія В. Ѳ. Миллера на почву русской исторіи. Вопросъ о поэтизаціи историческихъ сюжетовъ отошелъ на задній планъ, а на первый выдвигались вопросы о той реальной обстановкѣ, въ которой сложилась та или иная историческая пѣсня, впослѣдствіи перешедшая въ былину. Впрочемъ, непосредственную свою задачу при изученіи былинъ В. Ѳ. Миллеръ въ предисловіи къ «Очеркамъ русской народной словесности» (М. 1897) опредѣляетъ нѣсколько иначе: «Я въ «Очеркахъ» рѣдко пользуюсь сравнительнымъ методомъ для заключеній о пути проникновенія въ нашъ былевой эпосъ того или другого былиннаго сюжета. Я больше занимаюсь *исторіей* былинъ и отраженіемъ *исторіи* въ былинахъ, начиная первую не отъ временъ доисторическихъ, не снизу, а сверху. Эти верхніе слои былины, не представляя той загадочности, которою такъ привлекательна изслѣдователю глубокая древность, интересны уже потому, что дѣйствительно могутъ быть уяснены и дать не гадательное, а болѣе или менѣе точное представленіе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни былины. Такъ иногда мы найдемъ въ былинѣ слѣды воздѣйствія на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повѣсти, иногда яркіе слѣды скоморошной передѣлки, иногда присутствіе того или другого собственнаго имени, дающаго возможность для хронологическихъ заключеній». В. Ѳ. Миллеръ не рѣшается пускаться въ гаданія о генезисѣ былины: оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи ея поэтическихъ сюжетовъ и вопросъ о легшей въ ея основаніе исторической пѣснѣ, онъ старается не выходить за предѣлы самой былины, стремясь однако прежде всего возсоздать болѣе первоначальный видъ ея, свободный отъ наслоеній (верховъ). Но избранный имъ путь изслѣдованія даетъ не только «болѣе или менѣе точное представленіе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни былины», но также и представленіе о той средѣ, гдѣ она складывалась и гдѣ сложилась предшествовавшая ей историческая пѣсня.

Особенно цѣнны тѣ главы «Очерковъ», которыя посвящены общимъ вопросамъ, выдвигаемымъ изученіемъ былевого эпоса. Мысли, формулиро-

ванныя авторомъ въ очеркѣ, озаглавленномъ «Русская былина, ея слагатели и исполнители», едва ли не впервые въ нашей ученой литературѣ разсѣяли тотъ туманъ, который окружалъ представленія о народной поэзіи, о народномъ творчествѣ со временъ появленія въ Германіи теоріи народнаго эпоса, созданной Яковомъ Гриммомъ и его послѣдователями. В. Ѳ. Миллеръ своими трезвыми, основанными на научныхъ фактахъ, сужденіями опредѣлилъ зависимость народной поэзіи отъ той искусственной поэзіи, которая создается въ культурныхъ центрахъ, городахъ. Впервые В. Ѳ. Миллеромъ поставленъ былъ вопросъ, какъ могло дойти до насъ столько отдаленной старины въ былинахъ; разработка вопроса привела его къ мысли, что у насъ, на Руси, какъ у большинства народовъ, имѣющихъ эпическія сказанія, были профессіональные ихъ хранители, обрабатывавшіе ихъ, исполнявшіе ихъ въ народѣ и передававшіе ихъ въ своей средѣ новымъ поколѣніямъ профессіональныхъ пѣвцовъ. «Записанныя въ наше время былины — продолжаетъ В. Ѳ. Миллеръ — не что иное, какъ разошедшійся въ народѣ былевой репертуаръ старинныхъ профессіональныхъ пѣвцовъ». По предположенію изслѣдователя такими профессіональными пѣвцами были, главнымъ образомъ, древнерусскіе скоморохи. Онъ доказываетъ, что скоморохи были не только исполнителями былинъ передъ князьями и боярами, но также участниками въ сложеніи былинъ, въ ихъ обработкѣ. В. Ѳ. Миллеръ не договорилъ какъ будто послѣдняго слова: профессіональные пѣвцы, будь то пѣснотворцы, скоморохи, шпильманы, могли выдвигать изъ своей среды такихъ даровитыхъ, талантливыхъ исполнителей, которые становились слагателями, составителями былинъ. Опредѣливъ среду, гдѣ хранилась и исполнялась былина, В. Ѳ. Миллеръ не отвѣтилъ на вопросъ, гдѣ она возникала и составлялась. Но изъ его соображеній, изъ приведенныхъ имъ данныхъ не трудно заключить, что слагателей былинъ надо искать въ той же средѣ профессіональныхъ пѣвцовъ. Такое заключеніе совершенно естественно приводитъ насъ къ объясненію дружиннаго, княжескаго характера нашего эпоса, ибо профессіональные пѣвцы сосредоточивались вокругъ князя и его дружины; такое заключеніе объясняетъ намъ и присутствіе въ нашемъ эпосѣ книжныхъ элементовъ и международныхъ сюжетовъ; среда профессіональныхъ пѣвцовъ не могла быть чуждою книжной образованности, а нахожденіе этихъ пѣвцовъ въ городскихъ международныхъ центрахъ естественнымъ образомъ способствовало вторженію въ ихъ пѣсни странствующихъ мотивовъ. Воспринимавшая ихъ поэтическія произведенія аудиторія — князья и ихъ дружины — конечно, также оказывала свое воздѣйствіе на внутреннее содержаніе пѣсенныхъ сюжетовъ и на изображеніе внѣшней обстановки:

пѣвцы пѣли о томъ, что интересовало ихъ слушателей и что было доступно ихъ пониманію.

Изучая «Очерки русской народной словесности», мы чувствуемъ подъ собой реальную историческую почву. В. Ѳ. Миллеръ имѣлъ въ своей работѣ предшественниковъ: назовемъ А. Н. Веселовскаго, И. Н. Жданова, М. Г. Халанскаго, Н. Ѳ. Сумцова, Н. П. Дашкевича, но послѣдовательно и цѣльно проведенъ историческій методъ только въ изслѣдованіяхъ В. Ѳ. Миллера. Передъ нами открываются живыя страницы изъ исторіи народнаго творчества. Въ талантливомъ очеркѣ изображается имъ, напримѣръ, цѣлый циклъ Галицко-волынскихъ сказаній; авторъ переноситъ читателя въ обстановку древняго Галича, отмѣчаетъ особенности его политической и соціальной жизни и благодаря своему прекрасному знакомству съ источниками умѣетъ опредѣлить моменты перенесенія въ Галичъ византійской пѣсни, легшей въ основаніе былины о Дюкѣ Степановичѣ, далѣе легенды о Михаилѣ изъ Потуки, перешедшей отъ Болгаръ къ ближайшимъ къ нимъ православнымъ сосѣдямъ и давшей начало былинѣ о Михаилѣ-Потокѣ Ивановичѣ, наконецъ — угадать въ былинномъ Дунаѣ галицкаго воеводу послѣдней четверти XIII столѣтія, близкое лицо къ князю владиміро-волынскому Владиміру Васильковичу. Съ тщательностью разрабатывается В. Ѳ. Миллеромъ вопросъ о составѣ новгородскаго эпоса: бытовыя подробности, географическія названія даютъ ему основаніе отнести къ нему былину о Вольгѣ Сеславьичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ, а также былину о Чурилѣ Пленковичѣ; новгородскою по своему происхожденію опредѣляется В. Ѳ. Миллеромъ и былина о Соловьѣ Будимировичѣ, далѣе былина о Хотѣнѣ Блудовичѣ, историческую основу которой авторъ ищетъ въ одномъ изъ событій внутренней жизни Новгорода. Въ обѣихъ пѣсняхъ объ Иванѣ Гостиномъ В. Ѳ. Миллеръ открываетъ яркіе слѣды сѣверно-русскаго, вѣроятно, новгородскаго ихъ происхожденія (позже изслѣдователь указалъ на связь этой былины съ южно-русскимъ, черниговскимъ цикломъ). Съ былиннымъ Ставромъ Годиновичемъ В. Ѳ. Миллеръ отождествляетъ новгородскаго сотскаго Ставра, память о которомъ сохранила лѣтопись подъ 1118 годомъ, сообщая о заточеніи его княземъ Владиміромъ Мономахомъ. Новгородскій эпосъ воспринималъ въ себя совершенно естественно финскіе мотивы: гусельщикъ Садко имѣетъ прототипъ въ музыкантѣ и пѣвцѣ Вейнемейненѣ, а царь Водяной нашей былины близко напоминаетъ финскаго бога Ahti или Ahto, царя волнъ, владычествующаго надъ водами и рыбами; но параллели для подробностей былинной фабулы В. Ѳ. Миллеръ, слѣдуя за предшествующими изслѣдователями, ищетъ частью въ мѣстныхъ новгород-

скихъ легендахъ (ср. имя богатаго новгородскаго купца Сътъка Сытинича), частью въ международныхъ бродячихъ сюжетахъ (вліяніе одного эпизода разсказа о Садокѣ-грѣшникѣ, брошенномъ въ море, но спасшемся на островѣ и покаявшемся въ своемъ грѣхѣ; ср. указаніе А. Н. Веселовскаго на французскій прозаическій романъ Tristan le Léonois, содержащій этотъ эпизодъ, пріуроченный къ герою романа Sadoc). Отъ новгородскаго былиннаго цикла В. Ѳ. Миллеръ переходитъ къ былинамъ, основаннымъ на историческихъ пѣсняхъ и легендахъ, вызванныхъ татарскимъ разгромомъ: сюда относится былина о Батыгѣ. Былины о Саурѣ и сродныя съ нею по содержанію приводятъ В. Ѳ. Миллера вслѣдъ за М. Г. Халанскимъ къ историческимъ пѣснямъ XII вѣка, что заставляетъ его сближать Константина, сына Саура Левонидовича, съ именемъ рязанскаго тысяцкаго Константина, который по сообщенію Никоновской лѣтописи побилъ въ 1148 году многихъ Половцевъ въ загонѣ; имя Ивана Даниловича, юнаго двѣнадцатилѣтняго богатыря — съ именемъ славнаго богатыря Ивана Данилова, погибшаго по сообщенію той же лѣтописи въ битвѣ при Супоѣ въ 1136 году; съ именемъ Михаила Даниловича, въ нѣкоторыхъ варіантахъ смѣняющаго Ивана Даниловича — память о юномъ князѣ суздальскомъ Михаилѣ Юрьевичѣ; впрочемъ, мотивы разсматриваемыхъ былинъ о Саурѣ-Саулѣ возводятся изслѣдователемъ къ русской передѣлкѣ широко распространеннаго восточнаго сюжета.

Мы не можемъ, конечно, исчерпать въ краткихъ нашихъ замѣткахъ всего богатаго содержанія «Очерковъ» В. Ѳ. Миллера. Но приведенныя изъ нихъ данныя въ значительной степени опредѣляютъ ихъ значеніе: они возвратили былины русской исторіи, стремясь неизмѣнно возстановить историческую обстановку, въ которой онѣ складывались. Характернымъ для этого перваго тома «Очерковъ» является стараніе автора оставаться на почвѣ древней Руси, будь то центры удѣльныхъ земель или вольный Новгородъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ авторъ заявляетъ свое несогласіе съ М. Г. Халанскимъ, перенесшимъ такихъ богатырей, какъ Дюка Степановича, Микулу Селяниновича, Соловья Будимировича, Чурила Пленковича, въ число героевъ былинъ московскаго періода. «Огромный хронологическій скачокъ отъ времени Владимира къ московскому періоду — говоритъ В. Ѳ. Миллеръ на с. 221 — сдѣлалъ профессоръ Халанскій. Онъ, не колеблясь, относитъ Хотѣна Блудовича къ числу богатырей московскаго времени». Ср. также стр. 187—188, 103—104 и др. Точка зрѣнія М. Г. Халанскаго въ нѣсколькихъ случаяхъ представляется В. Ѳ. Миллеру недостаточно опредѣленною; но она также недостаточно исторична, поскольку герои

былинъ московскаго періода объясняются какъ идеальные образы, чистыя созданія народной фантазіи (стр. 104). Однако В. Ѳ. Миллеръ не рѣшается отвергать наличности сильной передѣлки старыхъ былинъ кіевскаго и удѣльнаго періода въ эпоху московскую, въ XVI и XVII вв. Это видно, напримѣръ, изъ его анализа былины о Добрынѣ и Маринѣ. Здѣсь мы находимъ зародышъ тѣхъ мыслей, которыя развиты В. Ѳ. Миллеромъ подробнѣе впослѣдствіи. «Мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что, отрѣшившись отъ предвзятаго мнѣнія о домонгольскомъ происхожденіи разсматриваемой былины, слѣдуетъ въ наличныхъ текстахъ ея искать хронологическихъ указаній. А такими датами иногда въ нашемъ эпосѣ служатъ соотвѣтственныя имена. Въ данномъ случаѣ упорно во всѣхъ варіантахъ былинъ волшебница носитъ историческое имя XVII в. Марины, и въ текстахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, позволяющихъ предполагать, что это имя вытѣснило какое-нибудь другое, болѣе раннее, и что оно не существовало въ первоначальномъ изводѣ былинъ». Разсмотрѣніе былины даетъ затѣмъ В. Ѳ. Миллеру основаніе видѣть въ былинной Маринѣ эпическій отголосокъ исторической Марины Мнишекъ, какою она жила въ народномъ преданіи. Итакъ уже въ девяностыхъ годахъ В. Ѳ. Миллеръ представлялъ себѣ то значеніе, которое имѣла Смутная эпоха для нашего эпоса.

Послѣдующія работы В. Ѳ. Миллера надъ объясненіемъ былинъ объединены имъ въ 1910 году во II томѣ «Очерковъ русской народной словесности». Въ предисловіи авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ пріемы своего изслѣдованія. «Не отрицая высокаго значенія изслѣдованія бродячихъ сюжетовъ путемъ сравнительнаго метода, я вижу главный интересъ нашихъ былинъ въ націонализаціи этихъ сюжетовъ, стараюсь прослѣдить исторію былины въ народныхъ устахъ и отмѣтить наслоенія, отложившіяся на ней отъ разныхъ эпохъ». Наслоенія — это тѣ верхи, о которыхъ говорилъ авторъ въ предисловіи къ I тому. Анализъ нѣкоторыхъ былинъ обнаруживаетъ въ изслѣдованіи В. Ѳ. Миллера слѣды половецкаго періода. Былинный Михайло Казаренинъ отождествляется съ лѣтописнымъ Казариномъ, воеводой кіевскаго князя Святополка-Михаила, котораго Архангелогородскій лѣтописецъ величаетъ Петровичемъ такъ же, какъ величается въ нѣкоторыхъ былинахъ Казаринъ; имя Казарина, какъ думалъ В. Ѳ. Миллеръ, сохранилось въ нашемъ эпосѣ отъ періода упорной борьбы Руси съ Половцами; прототипъ былины, ему посвященной, сложенъ въ югозападной Руси въ дотатарскомъ періодѣ. Выводы автора позволили ему сдѣлать еще нѣсколько любопытныхъ предположеній: наушникъ князя Владиміра, его коварный совѣтникъ, извѣстный изъ былины о Данилѣ Ловчанинѣ подъ

именемъ Путятина Путятовича, возводится къ историческому Путятѣ Вышатичу, воеводѣ Святополка, при чемъ предосудительная роль, данная Путятѣ былиной, объясняется нелюбовью кіевскаго населенія къ князю Святополку и къ его воеводѣ Путятѣ, проявившеюся въ народномъ бунтѣ и разгромѣ двора Путятина въ Кіевѣ послѣ смерти Святополка въ 1113 году. Къ суздальскому эпосу В. Ѳ. Миллеръ подходитъ, анализируя эпизодъ о похвальбѣ нѣкоторыхъ богатырей, читающійся въ концѣ былинъ о Камскомъ побоищѣ, о Мамаѣ, о царѣ Калинѣ; въ этомъ эпизодѣ онъ видитъ отраженіе историческаго событія, имѣвшаго мѣсто въ 1216 году, когда произошло сраженіе при Липицахъ, разрѣшившее междоусобицу между сыновьями Всеволода Юрьевича — Константиномъ, Юріемъ и Ярославомъ; суздальскіе князья Юрій и Ярославъ были разбиты Константиномъ ростовскимъ и его союзникомъ Мстиславомъ Удалымъ. Соображенія В. Ѳ. Миллера весьма остроумны, а привлеченіе имъ данныхъ объ Александрѣ Поповичѣ и другихъ богатыряхъ, участвовавшихъ по свидѣтельству лѣтописей въ Липицкой битвѣ, дѣлаетъ несомнѣннымъ существованіе исторической пѣсни о ней, при чемъ въ ней, какъ и въ лѣтописи, приводилась необыкновенная похвальба суздальцевъ, разбитыхъ затѣмъ въ сраженіи. Весьма любопытна замѣтка В. Ѳ. Миллера объ олонецкой старинкѣ о мѣстномъ силачѣ: Рахта рагнозерскій отождествляется имъ съ именемъ богатыря Рахдая, о которомъ, какъ о современникѣ Владиміра, сообщаетъ Никоновская лѣтопись подъ 6508 (1000) годомъ. Во II томѣ «Очерковъ» наше вниманіе останавливаютъ на себѣ въ особенности тѣ мысли В. Ѳ. Миллера, которыя лишь мелькомъ высказывались имъ въ работахъ, относящихся къ девяностымъ годамъ, мысли о позднемъ происхожденіи нѣкоторыхъ былинъ, въ періодъ XVI—XVII вѣка. Такова, напримѣръ, былина о Добрынѣ и Василіи Казимировичѣ. «Былина рисуетъ намъ поѣздку въ Орду съ русской данью, — замѣчаетъ В. Ѳ. Миллеръ, — но слагатель ея уже не помнитъ историческихъ поѣздокъ московскихъ князей, сопровождавшихся униженіемъ и постыдными хлопотами объ ярлыкахъ на княженіе; поѣздку предпринимаетъ не эпическій князь Владиміръ..., и такая поѣздка покрываетъ новой славой русскихъ богатырей и позоромъ обезсиленнаго татарскаго царя, хотя и носящаго страшное имя Батыя. Если допустить такой взглядъ на разсматриваемую былину, — продолжаетъ В. Ѳ. Миллеръ, — то это опредѣляло бы періодъ ея сложенія. Terminus a quo было бы такъ называемое сверженіе татарскаго ига при Иванѣ III». Но по нѣкоторымъ даннымъ авторъ склоняется къ болѣе позднему сложенію дошедшей до насъ редакціи былины и относитъ ее къ XVI вѣку. Эти данныя основываются на имени

Василія Казимирова, дѣйствующаго лица въ разсматриваемой былинѣ; оно вводитъ В. Ѳ. Миллера въ новгородскую жизнь второй половины XV вѣка, когда шла упорная борьба Новгорода съ Москвой; Василій Казимиръ, посадникъ новгородскій, былъ противникомъ московскаго великаго князя. Тщательно отмѣчены В. Ѳ. Миллеромъ черты сходства между былиннымъ и историческимъ Василіемъ Казимировымъ. При этомъ авторъ не пускается ни въ какія гипотезы и догадки; можно было бы предположить, что выведенный въ 1481 году изъ Новгорода въ Москву Василій Казимиръ послужилъ затѣмъ московскому князю, напримѣръ, хотя бы въ качествѣ посла въ татарскую орду (ср. извѣстіе 1484 г. Архангелогородскаго лѣтописца о томъ, что Иванъ III посылалъ въ Нѣмецкую землю московскую, новгородскую и псковскую рать подъ начальствомъ воеводы Казимира), и что это посольство Василія Казимира и было главнымъ основаніемъ для сложившейся о немъ исторической пѣсни и былины. Отсутствіе подобныхъ произвольныхъ необоснованныхъ догадокъ должно быть поставлено въ достоинство изслѣдованіямъ В. Ѳ. Миллера. Онъ ограничивается заключеніемъ, что предположенная имъ связь былиннаго и историческаго Василія Казимирова подкрѣпила бы его толкованіе былины о Добрынѣ и Василіи Казимировѣ, какъ эпическаго отраженія національнаго историческаго событія — прекращенія татарской дани Иваномъ III-мъ. Вотъ тѣ соображенія, которыя заставляютъ В. Ѳ. Миллера отнести сложеніе данной былины къ поздней эпохѣ: это даже не XV вѣкъ, когда еще жива была память о сверженіи татарскаго ига, а XVI вѣкъ, когда могли порости быльемъ и это событіе и главныя лица, принимавшія въ немъ участіе. Былина могла сложиться въ Новгородѣ, гдѣ такъ популярно было имя Василія Казимира, но этому имени было возможно попасть и въ Москву вмѣстѣ съ новгородскими слагателями — пѣтарями, веселыми людьми, которыхъ привозили къ Ивану Грозному изъ Новгорода для увеселенія его и его двора.

В. Ѳ. Миллеръ, анализируя разсматриваемую былину, въ качествѣ аргумента въ пользу ея поздняго сложенія приводитъ слѣдующее любопытное соображеніе: среди богатырей Владиміровыхъ первымъ стоитъ въ этой былинѣ не Добрыня, а Илья Муромецъ; Илья Муромецъ, по мнѣнію Миллера, сдѣлался главою богатырей только во 2-й половинѣ XVI вѣка. Онъ ссылается на свою статью «Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ», помѣщенную въ этомъ же томѣ Очерковъ, а напечатанную впервые въ 1908 году въ Извѣстіяхъ нашего Отдѣленія. Эта статья, равно какъ и статьи «Къ былинѣ о Камскомъ побоищѣ» (1902) и еще «Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ» (1906) разрѣшаютъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ нашего

эпоса, вопросъ объ Ильѣ Муромцѣ. Мы видѣли, что раньше В. Ѳ. Миллеръ центральное значеніе этого богатыря въ сонмѣ былинныхъ героевъ склоненъ былъ объяснять перенесеніемъ его въ русскій эпосъ извнѣ. Совершенно иначе разрѣшается имъ вопросъ въ названныхъ трудахъ. Въ основной своей редакціи — доказываетъ В. Ѳ. Миллеръ — былина о Камскомъ побоищѣ кончалась гибелью Алеши, Добрыни и вообще русскихъ богатырей, но дошедшая до насъ послѣдняя передѣлка былины объясняется внесеніемъ въ нее на правахъ главнаго русскаго богатыря Ильи Муромца, получающаго преобладающее значеніе въ нашемъ эпосѣ. Въ статьѣ 1908 года мы видимъ поразительную по силѣ аргументацію въ пользу этой замѣчательной по своимъ необходимымъ послѣдствіямъ гипотезы. Сравненіе двухъ былинныхъ сюжетовъ «Илья Муромецъ и Идолище», съ одной стороны, «Алеша Поповичъ и Тугаринъ», съ другой, приводитъ къ выводу, что первый сюжетъ является позднѣйшей переработкой второго. Алеша Поповичъ освобождаетъ отъ Тугарина Кіевъ и князя Владиміра: въ основаніе сюжета положенъ фактъ освобожденія Кіева отъ половецкаго князя Тугоркана (1096 г.), при чемъ онъ обосложнился именемъ популярнаго ростовскаго богатыря, извѣстія о которомъ восходятъ къ памятникамъ XV вѣка. Этотъ сюжетъ въ былинѣ объ Идолищѣ, побиваемомъ Ильей Муромцемъ, передѣлывается въ разсказъ объ освобожденіи Царьграда и царя Константина отъ засѣвшаго въ Царьградѣ Идолища. Тема новая; она могла возникнуть не раньше второй половины XV вѣка. Слагатель этой былины черпалъ для изображенія столкновенія Ильи съ Идолищемъ въ Царьградѣ матеріалъ изъ былины объ Алешѣ и Тугаринѣ. Въ XVI вѣкѣ Илья Муромецъ занимаетъ первое мѣсто среди русскихъ богатырей, становится ихъ предводителемъ и затмѣваетъ собою какъ древняго Добрыню, придворнаго богатыря, такъ и поповича Алешу, стариннаго ростовскаго богатыря. Останавливаясь на вопросѣ, что же могло выдвинуть на первое мѣсто Илью Муромца, сдѣлать его народнымъ любимцемъ, возвысить его надъ другими богатырями, В. Ѳ. Миллеръ отвѣчаетъ: «Едва ли мы ошибемся, если основной причиной такого возвышенія Ильи признаемъ сословныя отношенія и классовую борьбу. На этомъ неродовитомъ, самостоятельномъ богатырѣ сосредоточили свои симпатіи низшіе классы населенія, въ немъ выразили свой протестъ противъ гнета высшихъ классовъ, поддерживаемыхъ правительствомъ». При томъ безотрадномъ экономическомъ и политически безправномъ положеніи низшаго класса, въ какомъ оно оказалось въ концѣ XVI в., естественно, «что богатырь-крестьянинъ, какимъ вѣроятно уже сталъ въ этомъ вѣкѣ Илья Муромецъ въ великорусскомъ населеніи, долженъ былъ въ большей степени

привлекать народныя симпатіи, чѣмъ придворный, княжескаго происхожденія богатырь «вѣжливый» Добрыня Никитичъ, несмотря на свой славный старинный подвигъ змѣеборства, и поповичъ Алеша».

Однимъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по изслѣдованію нашего эпоса представляется намъ относящаяся къ 1906 году статья В. Ѳ. Миллера «Отголоски Смутнаго времени въ былинахъ». Здѣсь точными и опредѣленными данными доказывается, что «Смутное время отразилось въ нашемъ былевомъ эпосѣ весьма существеннымъ образомъ, не только въ отдѣльныхъ чертахъ, именахъ, намекахъ, которые можно отыскать въ современныхъ намъ записяхъ былинъ, но и въ характерѣ и дѣйствіяхъ главнаго и любимаго нашего богатыря, стараго казака Ильи Муромца». Мысль о томъ, что рядъ былинъ принадлежатъ не кіевскому и не дотатарскому періоду, а XVI—XVII вѣку, эпохѣ московскаго царства, не новая. Какъ мы видѣли, ее выдвинулъ М. Г. Халанскій; въ 1893 году объ этомъ заговорилъ по поводу «Экскурсовъ» В. Ѳ. Миллера Д. И. Иловайскій, сѣтовавшій на изслѣдователей нашего эпоса между прочимъ за то, что они въ историческихъ наслоеніяхъ его «доселѣ слишкомъ мало придавали значенія Смутной эпохѣ». Но В. Ѳ. Миллеръ — первый, кто во всей полнотѣ разсмотрѣлъ вопросъ объ отраженіи тяжелой смуты начала XVII вѣка на пѣсенномъ творчествѣ вообще и въ частности на былинахъ. Не останавливаясь на всемъ содержаніи названной статьи В. Ѳ. Миллера, отмѣтимъ рядъ его выводовъ, касающихся Ильи Муромца. Эпитетъ «старый казакъ», прилагаемый многими былинами къ Ильѣ Муромцу, толкуется имъ уже не такъ, какъ въ «Экскурсахъ», гдѣ онъ былъ склоненъ «вслѣдъ за нѣкоторыми историками, отодвинуть начало казачества въ дотатарскую эпоху и возводить этотъ эпитетъ Ильи Муромца къ болѣе отдаленному времени, чѣмъ XVI—XVII вѣкъ». Теперь В. Ѳ. Миллеръ склоняется къ мысли, «что любимый русскій богатырь сталъ казакомъ въ тотъ періодъ, когда его личностью овладѣли казаки, сдѣлали его своимъ собратомъ и защитникомъ голи кабацкой, т. е. въ періодъ казацкаго броженія въ Смутное время»; въ подтвержденіе онъ ссылается на то, что древнѣйшія свидѣтельства объ Ильѣ XVI вѣка, записи сказаній о немъ XVII и XVIII вѣка и многія былины современной записи не знаютъ Ильи Муромца, какъ казака; но кромѣ того В. Ѳ. Миллеръ указываетъ и на то, что соприкосновеніе Ильи съ казацкой и босяцкой средой въ Смутное время «внесло въ его типъ такія рѣзкія черты разнузданности, пьянаго разгула, ожесточенности противъ князя и безшабашности, въ которыхъ сильно чувствуется вѣяніе Смуты съ ея дикими проявленіями протеста низшихъ слоевъ населенія противъ правительства, церкви и общества»; въ нѣ-

которыхъ эпизодахъ «Илья является въ столкновеніи съ Владиміромъ въ полномъ смыслѣ мятежникомъ». Далѣе В. Ѳ. Миллеръ подробно разсматриваетъ предположеніе Д. И. Иловайскаго о томъ, что Илья Муромецъ сталъ въ былинахъ казакомъ подъ воздѣйствіемъ личности историческаго казака Ильи изъ Мурома, т. е. казацкаго самозванца Лжепетра (Илейки). Соглашаясь съ доводами историка, В. Ѳ. Миллеръ устанавливаетъ, что Илья Муромецъ въ былинахъ иногда носитъ обычное въ казацкой средѣ имя лжецаревича Петра, т. е. Илейки, «при чемъ былинный носитель этого имени по выходкамъ напоминаетъ казацкаго Самозванца». Слѣды Смутной эпохи В. Ѳ. Миллеръ, видитъ, наконецъ, во многихъ былинныхъ сюжетахъ, связанныхъ съ Ильей Муромцемъ (ссора Ильи съ Владиміромъ, Илья и голь, Илья и сынъ, Илья и Соловей-разбойникъ, Илья на Соколѣ кораблѣ).

Въ 1913 году Вс. Ѳ. Миллеромъ напечатаны слѣдующія работы по народной словесности: «Къ былинѣ о Соломонѣ и Василіи Окуловичѣ» (Ж. М. Н. П. 1913 № 3): анализъ былины доказываетъ, что она сложена въ XVI вѣкѣ; «О нѣкоторыхъ пѣсенныхъ отголоскахъ событій царствованія Ивана Грознаго» (тамъ же, № 7), «Къ былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ» (Изв. Отд. р. яз. и сл., т. XVII, кн. 4). Эта замѣчательнѣйшая статья пересматриваетъ еще разъ вопросъ объ Ильѣ Муромцѣ. Авторъ приходитъ къ выводу, что «Илья, какъ и ростовскій Александръ Поповичъ, былъ какимъ то мѣстнымъ богатыремъ, введеннымъ въ кіевскій эпическій циклъ Владиміра». Приведены при этомъ остроумныя соображенія въ пользу того, что Илья принадлежалъ первоначально Черниговскому циклу. Разсказы объ Ильѣ переходятъ изъ бассейна Десны въ бассейнъ Оки вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ движеніемъ, шедшимъ изъ Сѣверщины на сѣверо-востокъ въ Муромо-Рязанскую землю. Черниговскій старый Илья становится суздальскимъ богатыремъ. Далѣе находимъ попытку различить Илью сѣверо-западнаго, получившаго силу отъ Святогора, отъ сѣверо-восточнаго муромскаго крестьянина-сидня, исцѣленнаго каликами и пріобрѣвшаго силу отъ чудеснаго питья. — Въ 1913 году напечатанъ В. Ѳ. Миллеромъ еще отзывъ объ изслѣдованіи С. К. Шамбинаго «Пѣсни-памфлеты XVI вѣка» (Вѣстн. Европы).

Этими немногими выдержками и замѣтками мы заключаемъ нашъ обзоръ трудовъ В. Ѳ. Миллера въ области народной словесности. Для насъ ясно, что разработка нашего былевого эпоса была главнымъ средоточіемъ научныхъ его интересовъ въ теченіе всей его продолжительной ученой дѣятельности. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ В. Ѳ. Миллера, относящихся къ этой области, въ послѣднія два десятилѣтія захватившей его окон-

чательно, сказались выдающіяся черты его умственнаго и нравственнаго склада. В. Ѳ. Миллеръ не жалѣлъ трудовъ для достиженія научныхъ результатовъ; его широкое образованіе обезпечивало ему отличную научную подготовку; въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ постоянно шелъ впередъ, никогда не упорствовалъ въ своихъ ошибкахъ, быстро исправлялъ ихъ, забывая свое личное я, свое ученое самолюбіе; у него были антагонисты, онъ спорилъ съ ними, но его возраженія, его критика и полемика могутъ служить доказательствомъ его высокаго уваженія къ чужому мнѣнію и неизмѣннаго его доброжелательства къ людямъ. Постепенное развитіе его взглядовъ на русскій эпосъ является прекрасной иллюстраціей его научнаго безпристрастія и вмѣстѣ съ тѣмъ страстнаго стремленія постигнуть истину. Слѣдя за послѣдовательнымъ ходомъ его работъ, мы имѣемъ передъ собой постепенное развитіе научныхъ взглядовъ не одного В. Ѳ. Миллера: въ его трудахъ ясно обнаруживается общее поступательное движеніе русской ученой мысли. В. Ѳ. Миллеръ былъ ея вѣрнымъ и постояннымъ выразителемъ.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Абхазское происхожденіе грузинскаго термина родства bid̆a *дядя.*

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 15 января 1914 г.).

Не удивительно встрѣтить въ грузинскомъ лингвистическихъ свидѣтелей абхазскаго вліянія на Грузію. Абхазы, отброшенные нынѣ пришлыми элементами отъ береговой линіи, нѣкогда въ морскомъ дѣлѣ, естественно, могли быть учителями своихъ сосѣдей. Въ грузинскомъ между прочимъ сохранилось абхазское слово à-φга *парусъ*, абхазское и по формѣ (префиксъ а-, исчезающій въ формѣ единичности: φга-k *одинъ изъ парусовъ*), и по виду корня (двухсогласность его — φr: а-φrə-rà *летаніе*, *летать*, пов. аφrə, тогда какъ въ грузинскомъ онъ трехсогласный — ფრენაჲ φrena-y *летаніе*, *летать*), и по значенію: *парусъ* называется у абхазовъ терминомъ отъ корня а-φrə-rà *летать* въ связи съ образнымъ ихъ представленіемъ о суднѣ или лодкѣ какъ о птицѣ; въ связи съ этимъ *весло* по-абхазски называется словомъ, означающимъ *крыло*, именно à-až̦a[1]). По-грузински абхазскій терминъ для обозначенія паруса сохранился полностью, съ абхазскимъ префиксомъ а-, въ видѣ აფრა аφга. Его имѣемъ въ древнегрузинскомъ переводѣ св. Писанія, судя по цитатамъ Орб. и Ч^2, въ книгахъ Ис. 33,23 и *Дѣян.* 27,17 и 40[2]).

---

1) Послѣ послѣдней поѣздки въ Абхазію, зимой 1913/14 года, транскрипція абхазскихъ звуковъ будетъ исправлена и дополнена, но пока пользуюсь прежнею, *см.* Н. Марръ, ***Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію (Къ этнологическимъ вопросамъ)***, Изв., 1913, стр. 303—334, табл. I.

2) Встрѣчается однако чаще, а изъ *Дѣян.* 27 (Ч^2 по опечаткѣ 57), 17 и 40 Моск. изданіе слово сохранило лишь во второмъ случаѣ; что касается цитуемаго стиха Исаіи, текстъ его по обыкновенію различно представленъ въ Московскомъ изданіи (М) и Ошкскомъ спискѣ (О) 978-го года, такъ называемомъ Аѳонскомъ; болѣе древнее чтеніе, на которое ссылается и лексикографъ Орб., имѣемъ въ спискѣ, легшемъ въ основаніе Московскаго изданія, и въ немъ то и находимъ слово აფრა аφга *парусъ*, собственно აფრის ქსელნი аφr-is qsel-n-i ***матерія*** (букв. *основы*) ***паруса***, тогда какъ въ О стихъ (Ис. 33,23) помимо особенности редакціи, видимо, пострадалъ подъ перомъ переписчика, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія:

O განსთქდეს საბელნი შენნი: რ~ არა განაძლიერნა გარგვის მელნი შენნი: არა აღიღოს სასწაული ჳ~ლე მიეცე წარსატყუენელად.

M განირღუნეს საბელნი შენნი რ~ არა განძლიერდა. ნაქუსი შენი მიდრკა. არ მოამთავსნენ (sic) აფრის ქსელნი. არა აღიღოს ნიშანი ჳ~დის არა მიეცეს ტყუედ.

M повторяетъ въ значительной части буквально вмѣстѣ съ A^v, т. е. армянской вульгатой, редакцію LXX; кстати, какъ въ A^v использовано նշան nəšan, такъ въ M ნიშანი nišan-i, т. е. слово

Этимологія слова ბიძა biďa *дядя* извѣстна. Слово значитъ «отца + братъ». Въ данный моментъ рѣчь идетъ уже не объ этимологическомъ его анализѣ, а о томъ, откуда въ грузинскомъ появился этотъ терминъ? Представляетъ ли онъ собою чисто ќартское образованіе или происходитъ изъ другого яфетическаго, т. е. лишь родственнаго съ грузинскимъ языка? Раньше и этотъ вопросъ мнѣ казался рѣшеннымъ въ смыслѣ чисто ќартскаго его происхожденія, что̀ и отразилось въ послѣднихъ работахъ, появившихся въ печати совсѣмъ недавно, въ 1912 г.[1]). Тогда я приходилъ невольно къ такому рѣшенію потому, что затрудненіе въ объясненіи даннаго термина при предполагавшемся ќартскомъ его происхожденіи усматривалось только во второй части сложнаго слова, именно -ďa, послѣдняя же представлялась усѣченнымъ видомъ первоначальной основы (ďam-) ќартскаго слова ძმაჲ ďmay (< *ďam-a-y, resp. *ďam-al-i) *братъ*. Такое объясненіе казалось безусловно удовлетворительнымъ и окончательнымъ ввиду тожества въ сближаемыхъ словахъ какъ коренного согласнаго (ď), такъ его огласовки (a). Правда, въ первой части (b-i-) мы не имѣли отнюдь ќартской формы ни первичной—მამალი mam-al-i, ни вторичной—მამაჲ mam-a-y (ново-г. მამა mam-a), ни усѣченной, точнѣе безъ суффикса -al,—მამ-mam-, что̀ появляется не только въ Р. и Т. падежахъ მამის mam-is, მამით mam-iϑ по нормѣ ново-г. склоненія, но и неоформленно въ сложныхъ словахъ, напр., въ მამფალი mam-φal-i *патріархъ*, букв. то, что̀ у армянъ значитъ Հայրապետ hayra-pet, но въ ту недавнюю пору мысль все еще работала по линіи укрѣпленія родства грузинскаго съ семитическими, орудуя фактами изъ жизни самой грузинской рѣчи, ея одной: односогласный корень съ b выступалъ передъ нами какъ пережитокъ давно минувшей стадіи развитія грузинской рѣчи, когда она, казалось, должна была стоять ближе къ семитическимъ эквивалентамъ, именно арб. ابو, resp. بو, евр. אב и т. п. Не сознавалось, что такимъ сближеніемъ

иранскаго происхожденія, для передачи σημεῖον LXX, тогда какъ въ O чисто грузинскій терминъ სასწაული sa-staul-i. Въ общемъ однако и чтеніе M своеобразно, и оно, кромѣ того, подверглось искаженію, и во всякомъ случаѣ едва-ли ნაქუსი naqus-i *ткань* (см. Орб. подъ ნაქსოვი вм. ნაქუსი) слѣдуетъ понимать какъ *мачту* (ср. Ч[1] подъ ნაქუსი и Ч[2] подъ ნაქჳსი); по всей видимости, это—*флагъ*, и чтеніе въ такомъ случаѣ представляетъ нѣсколько свободную передачу евр. תֹּרֶן, понятаго реально какъ «мачта со значкомъ» (ср. Ис. 30,17) или прочитаннаго по недосмотру תרנס и неправильно понятаго въ связи съ евр. נֵס въ смыслѣ *значка, флага*. Съ другой стороны, O вм. корабельной «мачты» читаетъ «столбъ палатки», букв. «древа̀ палатки»: კარვის ძელნი karvis ďelni. Стихъ и въ той и въ другой редакціи грузинскаго перевода можетъ быть понятъ надлежаще лишь по изученіи грузинскаго текста всей книги Исаіи.

1) Н. Ч̒арая, *Объ отношеніи абхазскаго языка къ яфетическимъ*, § 10,в, Н. Марръ, *Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ*, стр. 1, и *Яфетическое происхожденіе абхазскихъ терминовъ родства*, стр. 423.

нарушается правильная перспектива историческаго развитія самого грузинскаго языка, не говоря о томъ, что въ то же время въ работу незамѣтно прокрадывалось несостоятельное въ основѣ предположеніе, будто мы обязаны съ семитическими эквивалентами считаться непремѣнно какъ съ первичными или хотя бы какъ съ болѣе древними формами. Фактъ же тотъ, что видъ b-i-, хотя и яфетическій, трудно объяснять на ќартской почвѣ какъ пра-форму или тѣмъ болѣе какъ позднѣйшую діалектическую разновидность[1]). Съ другой стороны, даже тогда не былъ еще въ достаточной мѣрѣ оцѣненъ особый факторъ въ развитіи яфетическихъ языковъ, именно осложненное взаимодѣйствіе, когда готовое слово проникаетъ въ качествѣ заимствованія изъ одного яфетическаго языка въ другой и, попадая въ новую лингвистическую среду, подвергается частичному воздѣйствію фонетическихъ норм этой новой среды-воспріемницы. Своимъ ď слово г. biďa *дядя*, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о ќартизмѣ; съ этимъ, въ данномъ случаѣ ќартскимъ ď, слово въ качествѣ заимствованія вошло во многія армянскія нарѣчія или правильнѣе говоры, вплоть до айраратскаго, вплоть до Эчміадзина[2]), и тѣмъ не менѣе слово по происхожденію не есть ќартское: оно не

1) Здѣсь рѣчи не можетъ быть о сокращеніи основы, наблюдаемомъ въ нѣсколькихъ грузинскихъ сложныхъ словахъ, напр. წისქვილი ṫ-is-qvil-i *мельница*, гдѣ ṫ-, resp. ṫ-is, вм. წყალი ṫkal-i *вода*, resp. წყლის ṫkl-is *воды*. Это — позднѣйшій терминъ, притомъ съ нагроможденіемъ согласныхъ въ сокращаемомъ словѣ. Въ нашемъ же словѣ затрудненіе заключается въ архаичности термина и въ то же время – въ односогласности, т. е. истертости корня, что же касается появленія b вм. m, это явленіе само по себѣ закономѣрно и для исторіи ќартскаго языка, и сейчасъ діалектически рядомъ съ г. მამა mam-a имѣемъ г. ბაბა bab-a *отецъ* (ч̔ан. и мингр. ბაბა bab-a *отецъ*, св. ბაბა bab-a *отецъ*, діал. *дѣдъ*, мн. ბაბოლი babol), отсюда рядомъ съ г. მამიდა mami-da существуетъ ბაბიდა babi-da *тетка*, букв. *сестра отца*. Кстати, эта именно разновидность съ b понятія *отецъ* bab || beb лежитъ въ основѣ двухъ терминовъ — г. ბაბუა bab-ua *дѣдушка*, букв. *родитель, отецъ* (а не «отецъ отца», какъ раньше казалось, ср. Н. Марръ, *Яф. происх. абх. терминовъ родства*, стр. 424, см. также мингр. ბაბუ bab-u *дѣдъ*, св. ხოშა ბაბა ǵoša baba букв. *большой отецъ*) и г. ბებია beb-ia (мингр. ბები beb-i) *бабушка*, букв. *родительница*, отличающихся другъ отъ друга суффиксомъ, мужскимъ -ua > u и женскимъ -ia > -i. Отсюда же, наконецъ, г. ბებერი beb-er-i *старый, старецъ, старая, старуха*, ბებრი beb-r-i id. въ названіяхъ травъ и цвѣтовъ, г. ბებრუცა beb-r-uϑ-a *старикашка*, ბებრუცანა bebr-uϑ-an-a *старушка* (ср. абх. an *мать, самка*) и др. Рядомъ съ beb-er-i имѣемъ въ грузинскомъ и ბერი b-er-i *старый, старецъ, старѣйшина, монахъ* и т. п., но своею односогласностью (b вм. bb) этотъ терминъ, какъ и рядъ другихъ, примыкаетъ къ ბიძა biďa. Конечно, объ иранскомъ происхожденіи г. ber-i въ связи съ перс. پیر (встрѣчается еще въ пеһлеви) не можетъ быть и рѣчи, и если созвучіе не случайное, то на лицо опять матеріалъ для вопроса о вкладѣ яфетическихъ языковъ въ иранскіе (ср. P. Horn, *Grundriss der neupersischen Etymologie*, 286, прим. 1). Вліяніемъ абхазскаго истертаго вида корня склоненъ я объяснить и мингр. ბადიდი ba-did-i (сѣв. мингр. говоры на рубежѣ съ Абхазіею ba-dəd-i) *старикъ*, собств. *дѣдъ*, букв. *большой отецъ*, ч̔ан. ბადი ba-d-i, ср. абх. ab-dù *дѣдъ*, букв. *большой отецъ*, хотя въ мингрельскомъ словѣ можемъ имѣть случай образованія сложнаго слова съ усѣченіемъ перваго (baba > ba-, см. І. Кипшидзе, *Гр. мингр. яз.*, § 129, А, α, β).

2) Въ *Հայոց բառ ու բան* о. Саһака Аматуни не нахожу этого весьма популярнаго въ живой армянской рѣчи слова.

содержитъ ничего специфически к̔арт̔скаго кромѣ указанной черты, именно согласнаго d̆, указанная же черта можетъ быть вторичнымъ явленіемъ, она могла появиться при заимствованіи или по заимствованіи, когда слово въ общемъ чуждой формы, заимствованное изъ родственнаго языка, было к̔арт̔изовано частично. Разъ рѣшеніе вопроса ставится на такую единственно правильную историческую почву, мы имѣемъ всякое основаніе грузинское ბიძა bid̆a возводить въ ближайшей ступени къ формѣ *biш̯a, а въ такомъ случаѣ въ терминѣ приходится усматривать съ усѣченіемъ начальнаго а-, воспринятаго какъ обычный абхазскій префиксъ, передачу абхазскаго abуеш̯а *дядя*, букв. *братъ* (-уеш̯а) *отца* (ab-). Надо, кстати, имѣть въ виду и то, что подъ вліяніемъ полугласнаго у (русск. й) въ абхазскомъ «а» перерождается въ «е», а «е» — въ «і», почему и сейчасъ при записываніи словъ изъ живой рѣчи не разъ представлялось въ высшей степени труднымъ опредѣлить, какой звукъ въ дѣйствительности на лицо въ такихъ случаяхъ, ибо въ указанныхъ условіяхъ перерожденія «а» въ «е» слышенъ звукъ средній между «а» и «е», съ перевѣсомъ въ сторону «е», а въ указанныхъ условіяхъ перерожденія «е» въ «і» слышенъ звукъ средній между «е» и «і», съ перевѣсомъ въ сторону «і». Потому-то даже весьма внимательному наблюдателю было бы легко abуеш̯а въ живомъ произношеніи воспринять какъ abуіш̯а, что съ усѣченіемъ начальнаго гласнаго элемента основы (а-) и могло дать *-bуіш̯а, т. е. явный прототипъ, къ которому восходитъ разъясняемое грузинское слово. Впрочемъ и согласный элементъ ш̯ абхазскаго слова требуетъ особаго обсужденія, но это находится въ связи съ необходимостью пересмотра въ деталяхъ анализа абхазскихъ терминовъ родства, такъ какъ помимо черкесскаго съ абхазскимъ оказались въ болѣе близкомъ родствѣ горскіе языки восточнаго Кавказа, въ числѣ ихъ десятокъ нарѣчій (а не языковъ) такъ называемой андо-дидойской группы. Съ другой стороны, вопросъ иной, можетъ ли принадлежать въ самомъ абхазскомъ слово уеш̯а, resp. аш̯а *братъ* къ вкладу спирантной группы яфетическихъ языковъ? Если же, наоборотъ, оно принадлежитъ къ вкладу сибилянтной группы, то какого именно языка? Но объ этомъ особо. Пока выяснено, что ბიძა bid̆a *дядя* грузины заимствовали отъ абхазовъ, причемъ абхазскую форму они подвергли въ деталяхъ фонетическимъ измѣненіямъ въ согласіи съ особенностями своей родной к̔арт̔ской рѣчи [1]).

---

1) г. ბიცოლა bi-ʒola *тетка*, очевидно, представляетъ новое уже грузинское образованіе съ усѣченіемъ вм. ბიძის ცოლა bid̆-is ʒol-a/i *жена дяди*, а г. ბიძია bid̆-ia — также грузинское образованіе, форма уменьшительная или ласкательная, въ значеніи *дядюшка*, по Орб. — «*дядя по матери*».

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

فرنبیره = правнукъ.

В. В. Бартольда.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 15 января 1914 г.).

Персидская частица فَر или فِر, кромѣ значеній, приведенныхъ въ словарѣ Вуллерса, встрѣчается еще при словѣ نبیره = внукъ, для выраженія понятія «правнукъ» (ср. санскр. pra- и слав. пра-). Слово فرنبیره въ значеніи «правнукъ» особенно часто встрѣчается у историка XIII—XIV вв. Вассафа; въ литографированномъ индійскомъ изданіи частица فر или опущена совсѣмъ, или является въ формѣ قر. Мною отмѣчены слѣдующія мѣста[1]):

A f. 323b, B f. 344a, L p. 500: بُرته تایزی[2] با توا[3] اغول پسر شادی نبیرهٔ احمد فرنبیرهٔ[4] بوری[5] از احفاد چنکیز خان معاهدت ومشاورت کرد.

A f. 324a, B f. 345a, L p. 501: خیشان[6] پسر ترمه بلا نبیرهٔ جمکین فرنبیرهٔ[4] قبلا قاان است[7].

A f. 330b, B f. 351b, L p. 509: میان پسران قیدو خان چبر وساربان اغول وشاه وتکمه ونیکه‌چر اغول وپسران اورکمتور کرسبه[8] وجبای نبیرهٔ بای[9] اقا فرنبیرهٔ[4] قداغان[10] پسر اوکتای[11] قاان واحفاد جغاتای توا ویسور اغول پسر اورک تمور نبیرهٔ بوقا تیمور فرنبیرهٔ[4]* قداقای که او پسر بوری نبیرهٔ میتوکا[12] فرنبیرهٔ[4] جغتای بود وبابا اغول وتمور پسران ابکان نبیرهٔ[13] بقا[14] فرنبیرهٔ[4] جوچی قاسار اینیٔ چنکیز خان وملك تمور پسر اریغ بوکا وتوکال[15] وهندو[16] اغول وپسران آقبوقا قدغان[17] وطغرل

---

1) A = рук. С.-Пб. унив. № 4; B=рук. Имп. Публ. библ. V, 3, 24; L = литографированное изданіе.

2) A برته‌تاتری L بربه تانزی. 3) A نوا. 4) L قرنبیرهٔ. 5) L سوزی
6) B semper چیشان. 7) A om. است. 8) L کرسپه. 9) A بای L یاذی.
10) AL قدآان. 11) AL اوکتا. 12) L متبوکای. 13) Om. A. 14) A تقا.
15) A وتوکان L وتوکالی. 16) AL وقندو. 17) B hic غدقان.

*قدقان[1] وذو القرنين پسر قوقو نبيرهٔ قداقای فرنبيرهٔ[2] بوری وديكر شهزادكان مشاجرت ومكاوحت قايم كشت.

A f. 405a, B f. 429a, L p. 613: ميان شهزاده يسور پسر اوركتمور نبيرهٔ بوقا تيمور فرنبيرهٔ[3] قداقای[4] از اولاد جغاتای وشهزاده ايسنبوقا باسبابی كه سبقت كرفته بود علاقهٔ موافقت بكسيخت چنانكه باز نتوان پيوست.

Въ томъ же смыслѣ употребляется частица فر въ книгѣ كتاب ملازاده, составленной не ранѣе XV в.; соотвѣтствующій отрывокъ изданъ въ моемъ трудѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» по двумъ рукописямъ, причемъ слово فرنبيره находится только въ одной изъ нихъ[5]; но текстъ третьей рукописи, въ то время мною не использованной (рукоп. С.-Пб. унив. Or. 604, f. 42a), также даетъ чтеніе فرنبيره.

Наконецъ, слово فرنبيره даже перешло изъ персидскаго языка въ джагатайскій и встрѣчается у Бабура, въ разсказѣ о его встрѣчѣ съ престарѣлой женщиной въ селеніи Дахкетъ; въ гайдерабадской рукописи по изданному A. S. Beveridge факсимиле[6] стоитъ:

اوشبو خاتون نينك اوزی دين توقان ونبيره وقيزنبيره ونبيرهٔ نبيره توقسان التی كيشی حاضر ايدی.

Очевидно, надо читать فرنبيره и переводить: «присутствовало собственныхъ дѣтей этой женщины, внуковъ, правнуковъ и внуковъ внуковъ 96 человѣкъ».

Ср. въ персидскомъ переводѣ Абд-ар-Рахима[7]: از همين زن زائيده ونبيره وفرزند نبيره ونبيرهٔ نبيره نود وشش كس حاضر بودند, въ англійскомъ переводѣ[8], сдѣланномъ съ персидскаго: «children, grandchildren, great-grandchildren and great-great-grandchildren».

Въ Керовскомъ спискѣ по изданію Ильминскаго[9] вмѣсто этого стоитъ نبيره وفرزندلاری «внуковъ и дѣтей».

---

1) A قدغای L om. 2) A نبيره L پسر. 3) L نبيرهٔ. 4) A قراقدی.

5) Туркестанъ etc., ч. I, стр. 172, прим. 2.

6) Bábar-Náma (E. J. W. Gibb Memorial, I), f. 97a.

7) بابرنامه, бомб. изд. 1308 г., стр. 61.

8) Baber, Memoirs, transl. partly by the late J. Leyden, partly by W. Erskine, London. 1826, p. 100.

9) Baber Nameh ed. Ilminski p. 118.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.

VII.

1. h. heǧd-ul || арм. q̇eǧd-el *душить*; — **2. h. eǧṫ** *растлѣніе*, *разрушеніе*; — **3. h. iǧd** *гаданіе*, *колдовство*, **h. oǧerd** *воздаяніе*, *подношеніе*.

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 26 февраля 1914 г.).

1. Въ грузинскомъ нѣсколько разновидностей корня, означающаго *душить* (> *топить*, *вѣшать*), но по словарямъ ихъ не собрать. Даже внимательные по любви къ живой рѣчи, И. М. Чконія, да и по спеціальной подготовкѣ В. Беридзе не даютъ мнѣ возможности сослаться на составленные ими цѣнные глоссаріи[1]), когда рѣчь идетъ о такой обычной разновидности корня со значеніемъ «душить», какъ ǧrϑ̣ > ǧϑ̣: ღრჩ-ობა ǧrϑ̣-oba > ღჩობა ǧϑ̣-oba *душить*. Въ послѣднемъ глаголѣ при стеченіи звонкаго ǧ съ среднимъ ϑ̣, да и при наличности r между ними, въ живой рѣчи по закону регрессивной ассимиляціи звонкій ǧ становится среднимъ, т. е. ღჩობა ǧϑ̣-oba, resp. ღრჩობა ǧrϑ̣-oba обращается въ ხჩობა q̇ϑ̣-oba, resp. ხრჩობა q̇rϑ̣-oba *душить* > *топить*[2]). Исчезновеніе плавнаго **r**, 2-го коренного, средняго въ трехсогласномъ корнѣ, обычно при стеченіи коренныхъ, не огласованныхъ. Вообще, при такомъ стеченіи страдаетъ слабый согласный (w, y, ɜ, т. е. одинъ изъ спирантовъ) еще чаще, чѣмъ плавный r || l || n. И въ нашемъ корнѣ какой-то діалектъ грузинскаго языка, ослабивъ первый согласный ǧ || q̇ въ спирантъ ɜ (или ǧ въ γ или q̇ въ h), въ современной рѣчи исчезающій, сохранилъ плавный коренной: *ɜrϑ̣ > rϑ̣, отсюда რჩობა rϑ̣-ob-a *душить* > *топить*, что,

---

1) МЯ, I и V.

2) Разновидность ხჩობა q̇ϑ̣oba приводится у Ч[2], тамъ же и ხრჩობა q̇rϑ̣oba, но съ предлогомъ დახრჩობა ϑ̣a-q̇rϑ̣oba *утопить*, *удавить* [слѣдовало бы эти значенія указать въ обратномъ порядкѣ].

кстати сказать, появляется въ литературѣ, да и то въ новой, во всякомъ случаѣ лишь свѣтской. Однако, не только ğϑ > q̇ϑ или rϑ, но и ğrϑ не представляетъ прототипа данной разновидности, прежде всего по среднему ϑ вм. звонкаго d̬ — *ğrd̬, что̀, несомнѣнно, существовало, ибо въ самомъ грузинскомъ сохранился его точный діалектическій (d̬ || ď) эквивалентъ въ разновидности ğrď, откуда, какъ находимъ это у лексикографа Орб., ღრძობა ğrď-oba «*душить* въ тишинѣ», დაღრძობა da-ğrď-oba «мерзко *удушить*», по Ч. «уморить, *удушить*»[1]).

Яфетическій корень ğrď, наличный въ грузинскомъ, со всѣми его разновидностями даетъ основаніе для установленія слѣдующей его исторіи по двумъ діалектамъ:

одинъ діалектъ — *ğrd̬ > ğrϑ > q̇rϑ, съ потерею r — *ğd̬ > ğϑ > q̇ϑ
другой діалектъ — ğrď > ğď.

Послѣдняя разновидность второго діалекта въ грузинскомъ языкѣ пока не засвидѣтельствована, но ее сохранили, болѣе того для ея болѣе подробной исторіи насъ снабжаютъ матеріалами языки Арменіи:

а) разновидность ğď корня ğrď *душить* имѣемъ въ hайской основѣ **հեղձ** he-ğď *душеніе*, интересной по самой своей формѣ, именно по характеру II-й породы he- (> e-) спирантной группы, представляющему разновидность префикса hi (-i) въ спирантныхъ же языкахъ[2]) и эквивалентъ ка̊рт̊скаго si- въ сибилянтной группѣ. Отъ этой основы, оформленной по II-й породѣ, имѣемъ цѣлый рядъ hайскихъ словъ, какъ то **հեղձում** heğď-um *душу*, **հեղձանեմ** heğď-an-em *душу*, **հեղձնում** he-ğď-n-um *задыхаюсь*, *душусь*, **հեղձումն** heğď-umn *задушеніе*, *удушіе*, **հեղձուցանեմ** heğď-uϑ-an-em *заставляю задохнуться*, *душу*, **հեղձուցիկ** heğď-uϑ-ik *удушенный* (съ **լինիմ** linim *бываю удушеннымъ > задыхаюсь*, *душусь*, съ **առնեմ** *дѣлаю удушеннымъ > удушаю*), **հեղձանախանձ** heğďa-naq̇anď *душимый завистью*. Та же разновидность корня ğď сохранена въ томъ же

---

1) Ч² დაღრძობა da-ğrď-oba только «уморить», «околѣть», а ღრძობა ğrď-oba *утонуть*, *околѣть*, но подъ созвучнымъ глаголомъ, означающимъ *вывихать*. Впрочемъ и ღრძობა ğrď-oba въ значеніи *душить* нельзя считать древне-литературнымъ, таковымъ является лишь შთობაჲ шϑ-ob-ay, по II-й породѣ შიშთვილი шi-шϑv-i-l-i (< *si-шvϑ-i-l-i) отъ корня шϑv (< *шvϑ) съ тубал-кайнскимъ эквивалентомъ шqvd || шkvd > шkd, откуда ч̊. ოშქვიდუ o-шkwid-u > ოშკიდუ o-шkid-u *душить*, *топить*, м. შქვიდაფა шqwid-aφ-a *душить > вѣшать > топить*, однако выясненіе этихъ разновидностей находится въ связи съ исторіею грузинскаго древне-литературнаго языка, а главное — къ нашей темѣ прямого отношенія не имѣетъ.

2) Въ литературѣ уже выяснено, какіе яфетическіе языки (иногда и сибилянтной группы, въ такомъ случаѣ въ качествѣ заимствованія) сохранили спирантный видъ этого префикса въ обѣихъ разновидностяхъ.

hайскомъ языкѣ и безъ яфетическаго характера II-й породы he-, но съ яфетическимъ префиксомъ nominis actoris и причастныхъ образованій, именно m-, resp. mə- (< mu-), въ формѣ mu-ğd̆-, отсюда ***մղձուկ*** mə-ğd̆-uk *удушенный, удушеніе*, основа глагола ***մղձկեմ*** məğd̆k-em *душу*, ***մղձկուտ*** mə-ğd̆k-ut *удушливый*; со значеніемъ *удушенный* ***մղձուկ*** mə-ğd̆-uk появляется въ составѣ слова, сложнаго изъ двухъ основъ — ***հեղձամղձուկ*** heğd̆a-məğd̆uk «совершенно *удушенный*», букв. *удушеніемъ удушенный*.

b) Въ армянскомъ, усвоившемъ нашъ глаголъ, повидимому, изъ hайскаго, та же разновидность ***հեղձ*** he-ğd̆ съ подъемомъ h въ q̇, слѣдовательно, префикса he- въ q̇e-, столь обычнымъ и въ сванскомъ, и дессибиляціею d̆ въ d претворилась въ ***խեղդ*** q̇e-ğd, что̀ въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи черезъ ***խեղթ*** q̇e-ğϑ дало еще ***խեխթ*** q̇e-q̇ϑ (ср. это перерожденіе ğd > q̇ϑ въ армянскомъ съ ğϑ > q̇ϑ въ грузинскомъ), откуда ***խեղդեմ*** q̇eğd-em *душу > топлю*, ***խեխթեմ*** q̇eq̇ϑ-em id.

Такимъ образомъ исторія корня нашего слова по второму изъ діалектовъ, выясненному выше на основаніи однихъ грузинскихъ матеріаловъ, благодаря свидѣтельству языковъ Арменіи можетъ быть представлена въ слѣдующемъ болѣе обстоятельномъ видѣ:

ğrd̆ (въ груз.) > ğd̆ > ğd > ğϑ > q̇ϑ.

2. Въ hайскомъ языкѣ ***եղծ*** e-ğṫ (<*he-ğṫ) *разрушеніе, растлѣніе* представляетъ тождественный случай какъ образованія формы по II-й породѣ (he- > e-), такъ утраты согласнаго r въ корнѣ—ğṫ <*ğrṫ, сохранившемся съ r опять таки въ грузинскомъ, гдѣ онъ по регрессивной ассимиляціи ğ съ ṫ предлежитъ въ видѣ q̇rṫ, основы глагола ხრწნა q̇rṫ-na *растлѣніе, разрушеніе*. Въ hайскомъ слово ***եղծ*** e-ğṫ лежитъ въ основѣ глагола ***եղծանեմ*** eğṫ-an-em *разрушаю, порчу, растлѣваю* и другихъ производныхъ словъ.

3. Какъ армяне сохранили въ св. Писаніи въ значеніи *пророка* языческій терминъ яфетическаго происхожденія ***մարգարէ*** marg-ar-ey, первоначально означавшій *звѣздочета, астролога*[1]), такъ грузины внесли въ родную христіанскую церковную фразеологію въ значеніи *священника* другой до-христіанскій терминъ яфетическаго происхожденія. На грузинскомъ языкѣ три слова для выраженія понятія «священникъ», именно: a) ქურუმი qurum-i, b) ხუცესი q̇uϑes-i и c) მღდელი mğdel-i

1) Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго [hайскаго] слова* margarey ***пророкъ*** (ИАН, 1909, стр. 1153 сл.), ср. К. Г. Залеманъ, *Manichaica. V* (ИАН, 1913, стр. 1129—1130), Н. Марръ, *Эчміадзинскій фрагментъ древнегрузинской версіи Ветхаго Завѣта* (ХВ, т. II, вып. 3, стр. 386, прим. 2).

a) ქურუმი qurum-i вмѣстѣ съ h. քուրմ qurm употребляется исключительно въ значеніи *жреца*; исторія ихъ обоихъ должна быть выяснена въ связи съ сир. ܟܘܡܪܐ и евр. כְּמָרִים.

b) ხუცესი q̇uϑes-i, архаич. ხუცჱსი q̇uϑeys-i собственно значитъ «старшій», и это первоначальное значеніе на лицо въ терминахъ—ბაზიერთ-ხუცესი bazierϑ-q̇uϑes-i *старшій надъ сокольничьими*, ბოქოულთ-ხუცესი boqoulϑ-q̇uϑes-i *старшій судебный приставъ*, სახლთ-ხუცესი saq̇lϑ-q̇uϑes-i *гофъ-маршалъ*, букв. *старшій надъ домами*, т. е. *дворцомъ*, მოლარეთ-ხუცესი molareϑ-q̇uϑes-i *министръ финансовъ*, букв. *старшій изъ казначеевъ*, მწიგნობართ-ხუცესი mtignobarϑ-q̇uϑes-i *канцлеръ*, букв. *старшій надъ книжниками* (ср. h. դպրապետ). Въ значеніи *старшаго* наше слово обыкновенно принимаетъ грузинскій префиксъ сравнительной степени უ- u-: უხუცჱსი u-q̇uϑeys-i> უხუცესი u-q̇u-ϑes-i, напр. უხუცჱსი ძმაჲ u-q̇uϑeys-i d̆ma-y *старшій братъ*, მანდატურთ-უხუცესი mandaturϑ-uquϑes-i *генералъ-адъютантъ*, მსაჯულთ-უხუცესი msad̂ulϑ-uq̇uϑesi *старшій надъ судьями*, *министръ юстиціи* и т. п., но этотъ придатокъ-префиксъ по существу излишній, такъ какъ ხუცჱს q̇u-ϑ-eys само по себѣ представляетъ форму сравнительной степени не только по суффиксу -eys, но и по префиксу q̇u-: въ префиксѣ q̇u- на лицо — двойникъ префикса q̇o-, сванскаго эквивалента грузинскаго u-, префикса сравнительной степени. Слѣдовательно, უხუცჱსი u + q̇u-ϑ-eys-i одинъ изъ тѣхъ нерѣдкихъ случаевъ образованія, когда морфологическій элементъ нарастаетъ на наличный въ словѣ свой двойникъ, и одинъ префиксъ, какъ въ данномъ случаѣ q̇u- || u- повторяется два раза въ двухъ родственныхъ разновидностяхъ: u + q̇u- [1]). Вопросъ побочный, видоизмѣнился ли q̇o- въ q̇u- на грузинской почвѣ подъ вліяніемъ грузинскаго эквивалента u- или это чисто сванская діалектическая разновидность. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло имѣемъ съ префиксомъ, взятымъ изъ сванскаго языка, въ которомъ сравнительная степень образуется при помощи одной только представки q̇o- безъ всякаго суффикса, т. е. въ сванскомъ морфологически законченнымъ явилось бы и слово безъ чисто k̇ar̂тскаго суффикса -eys или -ys, именно ხუც q̇u-ϑ, resp. *ხუცა *q̇u-ϑ̣a Такую основу и представляло первоначально наше слово, почему, во-первыхъ, нѣкоторые падежи, напр., Р., Отл. и не сохраняютъ въ немъ нароста -eys, такъ Р. ხუცის q̇uϑ-is, Тв. ხუცით q̇uϑ-iϑ; во-вторыхъ, отъ такой первоначальной основы образованы не только ხუცური q̇uϑ-ur-i *священническій*, техн. *церковное письмо*, სახუცო sa-q̇uϑ-o *священническій*, напр. სახუცო

1) ср. г. საუბარი sa+u-bar-i, г. მეუფე me+u-φe, Н. Марръ, *Опредѣленіе языка второй категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей по даннымъ яфетическаго языкознанія* (ЗВО, т. XXII, стр. 40, 43).

ხარკი sa-q̇uϑ-o q̇ark-i *священническая подать* (въ пользу епископовъ по Ч), но и съ префиксомъ მო- mo- прил. მოხუცი mo-q̇uϑ-i *пожилой*[1]). Отъ той же основы произведена и фамилія ხუცია q̇uϑi-a < *q̇uϑi-va[2]). Корень грузинскаго слова ϑ̇, картскій ли онъ, что̀ сомнительно при односогласности, или лишь картизованный съ свистящимъ s въ составѣ ϑ̇, по всей видимости, его подъема (s > ϑ̇) вм. шипящаго ш > ϑ̣, также покрывается сванскимъ ш эквивалентнаго слова ხოშა q̇o-ша *старшій*, *большой* и т. п.[3]). Такимъ образомъ ხუცესი q̇u-ϑ-eys-i *священникъ* семасически является эквивалентомъ h. երէց ereyϑ > ereϑ и греч. πρεσβύτερος, и означающихъ *старшій*, и *священникъ*.

c) Что же касается მღდელი m-ğd-el-i въ христіанской церковной терминологіи, это эквивалентъ h. քահանայ qahana-y, представляющаго армянское заимствованіе изъ сирійскаго, но значитъ оно нѣчто иное. Прежде всего неоформленный падежъ მღდელ m-ğd-el имѣемъ еще въ двухъ видахъ მღრდელ m-ğrd-el и მღუ̂დელ m-ğwd-el[4]). Префиксъ m-, какъ и суффиксъ -el служатъ для образованія имени дѣйствующаго лица, притомъ m-, съ одной стороны, самъ по себѣ можетъ образовать такое имя и, съ другой, часто является непремѣннымъ спутникомъ при имени дѣйствующаго лица, хотя бы

1) По всей видимости, удвоеніе слова q̇uϑ представляетъ ხუხუცი q̇u-q̇uϑ-i «любовныя ласки *старика*» (И. Чконія, სიტყვის-კონა, s. v.). Несомнѣнно, отъ того же слова произведенъ отыменный глаголъ მოხუცება moq̇uϑ-eba-y *состариться*, მოხუცებული moq̇uϑebul-i *состарившійся*, *старый*; видно, основа этихъ словъ ничего общаго не имѣетъ съ г. მხცოვანი m-q̇ϑ-ovan-i, древне-г. მჴცოვანი m-q̣ϑ-ovan-i *сѣдой старецъ*, словомъ производнымъ отъ ჴცე q̣ϑe, resp. მჴცე m-q̣ϑe *сѣдина*.

2) Эта фамилія, по способу образованія, несомнѣнно, или мингрельская или абхазская, встрѣчается между прочимъ и въ *Синодикѣ Крестнаго монастыря* (Bibl. Arm.-Georg., III, Предисловіе, стр. XXV,64).

3) Само собой понятно, что корень ш при картскомъ ϑ̇<s можетъ принадлежать лишь тубал-кайнскому слою сванскаго языка. Объ основѣ ша- см. Н. Марръ, *Опред. языка 2-й катег.*, § 21.

4) А. Г. Шанидзе любезно далъ мнѣ слѣдующую справку по изучаемымъ имъ горскимъ говорамъ грузинскаго языка: *священникъ* (христіанскій) по-хевсурски მღრდელი m-ğrd-el-i, даже съ перестановкой префикса m- и перваго кореннаго ğ — ღმრდელი ğmrd-el-i, равно მღდელი m-ğd-el-i (отсюда მღდლის უქმი mğdlis uqmi «одинъ изъ двунадесяти праздниковъ», по-тушински — მღდელი m-ğdel-i и ღვდელი ğwd-el-i, по-пшавски — ღვდელი ğwd-el-i [помнится мнѣ, что безъ префикса m- ღვდელი ğwd-el-i произносятъ и въ другихъ грузинскихъ говорахъ, напр., въ гурійскомъ]; ხუცესი q̇uϑes-i по-хевсурски «главный священнослужитель при полухристіанскихъ молельняхъ» (ხატი q̇at-i), отсюда ხუცობა q̇uϑ-ob-a (пов. იხუცე iq̇uϑe, 3-е л. аор. იხუცა iq̇uϑa) «совершать священнослуженіе», въ особенности «произносить извѣстную молитву передъ закалываніемъ жертвеннаго животнаго», въ томъ же значеніи ხუცესი q̇uϑes-i употребляется отчасти и у пшавовъ, но у нихъ вм. ხუცესი q̇uϑes-i обыкновенно—ხევის-ბერი q̣evis-beri букв. «старецъ ущелья».—Въ древне-грузинскомъ полугласный უ̂ могли изображать буквой ჳ, но часто писали უ безъ надстрочнаго знака brdgu, а въ ново-грузинскомъ его передаютъ согласнымъ ვ, почему въ литературѣ имѣемъ еще два начертанія неоформленнаго падежа того же слова: др.-г. მღუდელ m-ğud-el (чит. m-ğwd-el) и ново-г. მღვდელ m-ğvd-el (чит. m-ğwd-el).

послѣднее представляло и безъ него готовое самостоятельное образованіе; суффиксъ -el восходитъ въ грузинскомъ къ пра-формѣ -en, которая какъ переживаніе нерѣдко также появляется; что же касается основы нашего слова, она наиболѣе сокращенно (ğd) представлена въ классической орѳографіи მღდელ m-ğd-el, которая лингвистически представляетъ позднѣйшую разновидность. Исторія основы такова — ğrd || ğwd > ğd, пра-форма же слова при сохраненіи коренныхъ согласныхъ въ дошедшемъ до насъ въ данномъ словѣ видѣ безъ измѣненія — *ğrd-en, resp. *m-ğrd-en. Грузинскій языкъ сохранилъ тотъ же корень съ ассибиляціею третьяго коренного (ď), но съ дезаспираціею перваго (ğ > g) въ видѣ grď, что̀ сохранилось въ той же формѣ на -en въ словѣ გრძენი grď-en-i въ значеніи *кудесника, колдуна*[1]), отсюда прежде всего отыменный глаголъ გრძნებაჲ grďn-eba-y (< grďen-eba-y) *колдовство, волхвованіе*[2]); затѣмъ, отъ того же grďen съ наростомъ тубалкаинскаго суффикса nominis actoris -ur[3]) происходитъ გრძნეული grďne-ul-i (< grďen-ur-i) *чародѣй, колдунъ*. Невольно вспоминается попутно законъ чередованія b || g въ грузинскомъ, установленный подлежащимъ звукосоотвѣтствіемъ въ цѣломъ рядѣ словъ въ родѣ ბრწყილი brťkil-i || გრწყილი grťkil-i *блоха*, ბოძალი boď-al-i || კოდალი kod-al-i (< *goď-al-i) *стрѣла* и др., и приходится съ გრძენი grď-en-i *колдунъ, чародѣй* отожествить какъ діалектическую разновидность ბრძენი brď-en-i, въ грузинскомъ сохранившуюся со значеніемъ *мудрецъ, мудрый*. Но наше вниманіе сейчасъ приковывается къ первичному значенію: оно сохранено გრძენი grď-en-i *колдунъ, кудесникъ*, и такимъ образомъ то же значеніе устанавливается и за მღდელი m-ğdel-i, заставляя насъ вспомнить, что и въ семитическихъ языкахъ слово, означающее въ еврейскомъ (כֹּהֵן) и сирійскомъ (ܟܘܡܪܐ) *жрецъ, священникъ*, въ арабскомъ (كاهن) значитъ *предсказатель, гадальщикъ*. Въ грузинскомъ терминъ *гадальщикъ, кудесникъ*, по всей видимости, имѣлъ значеніе *священника* еще до возникновенія христіанской письменности, въ которой онъ и былъ использованъ исключительно въ послѣднемъ смыслѣ. Разновидности grď || ğrd даютъ основаніе возстановить первоначальный видъ основы *ğrď. Такой первичный видъ основы о

1) Шавтели 103, 1,4, Чахрухадзе, I, 3,2, въ обоихъ случаяхъ въ связи съ загадочнымъ именемъ или вообще терминомъ სარამარ saramar. Оба мѣста требуютъ спеціальнаго изслѣдованія.

2) По всей видимости, и въ გრძნობაჲ grďn-oba-y имѣемъ отыменный глаголъ отъ той же основы, впослѣдствіи получившій значеніе *чувствовать, чувство*, первоначально же означавшій *предугадываніе, предчувствованіе*, посему въ аористѣ этого отыменнаго глагола наше слово обнаруживается полностью: ვიგრძენ v-igrďen *я предугадалъ > почувствовалъ*, букв. *я былъ кудесникомъ*. Сюда же ვაგრძნობ v-agrďn-ob.

3) см. Н. Марръ, *Эчміадзинскій фрагментъ древнегрузинской версіи Ветхаго Завѣта* (ХВ, т. II, вып. 3, стр. 387, прим.).

трехъ коренныхъ согласныхъ безъ какой бы то ни было внутренней огласовки, какъ позднѣйшая эквивалентная разновидность ǧrd въ მღრდელი m-ǧrd-el-i (< *ǧrď-en-i), могъ имѣть исторію ǧrď || *ǧwď > ǧď, и вотъ изъ этихъ-то разновидностей корня двѣ сохранились въ һайскомъ языкѣ:

a) одна въ формѣ безъ огласовки и стянутая, какъ ǧrd || ǧwd > ǧd въ მღდელი m-ǧd-el-i *священникъ*, именно ǧď предлежитъ съ обычнымъ префиксомъ отглагольнаго имени II-й породы i- въ **իղձ** i-ǧď, что̀ собственно значитъ *колдовство*, *пророчество*, отсюда:

1) **ըղձապատում** əǧďa-patum *пророчество вѣщающій*, *предсказатель* (Зах. 10, 2, Іер. 29, 8: **ըղձապատումք** οἱ μάντεις, მისანთა, resp. მისანნი).

2) мн. число **իղձք** iǧď-q α) въ значеніи имени дѣйствующаго лица *гадальщикъ*, *пророкъ* I *Ц* 6, 2, Мих. 3, 7, Дан. 2, 27 [1]), β) въ значеніи отвлеченнаго понятія *пророчество*, *гаданіе*, судя по цитатамъ Больш. сл. «**Հ. բարձր. Ոսկ., յհ. ա** 18, **Անան. եկեղ., Նար.** 75»,

3) **ըղձութիւն** əǧď-uϑiwn *колдовство*, *пророчество*, обыкновенно во мн. числѣ *Числ.* 23, 23, Ис. 44, 15, Мих. 3, 6, 11.

b) другая — о трехъ согласныхъ ǧrď и въ формѣ qemn съ префиксомъ отглагольнаго имени III-й породы по нормѣ спирантной группы, слѣдовательно, o-ǧerď на лицо въ һ. **օղերձ** o-ǧerď > **ուղերձ** u-ǧerď, которое первоначально должно было означать «*слѣдуемое* за гаданіе», «*воздаяніе*» или «*даръ* за гаданіе», «*подношеніе* за гаданіе», но въ древне-армянской литературѣ сохранилось лишь съ общимъ значеніемъ *дара*, *подношенія* [2]); отсюда отыменный глаголъ **օղերձեմ** || **ողերձեմ** oǧerď-em > **ուղերձեմ** uǧerď-em *вознаграждаю*: 1) *подношу*, *посвящаю*, 2) *ублажаю дарами*, *умилостивляю*, 3) *обязываю* (дарами) и т. п. [3]). Въ значеніи *вознагражденія за гаданіе* встрѣчаемъ

---

1) Въ значеніи *гадальщика, пророка* въ ед. числѣ **իղձ** iǧď рѣже, хотя также встрѣчается, судя по цитатѣ Больш. сл., Евс. *Хр.* I. Возможно, что въ **իղձ** iǧď при значеніи «гадальщикъ», «пророкъ» гласный i префикса не первичный, а вторичный, перебой первоначальнаго u- (<hu-), префикса имени дѣйствующаго лица въ языкѣ 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей (Н. Марръ, *Опредѣленіе языка 2-й кат.*, § 36).

2) Нынѣ у армянъ **ուղերձ** u-ǧerď употребляется въ значеніи *привѣтственнаго адреса*, едва-ли не подъ вліяніемъ случайнаго созвучія съ **ուղղել** uǧǧ-el *направлять*.

3) Рядомъ съ формой qemn, т. е. ǧerď, основа имѣла и форму qomn, т. е. звучала ǧorď, откуда и могло получиться слово *oǧorď, отъ котораго въ свою очередь произведенъ глаголъ **ողորձեմ** oǧorď-em, по цитатѣ Больш. словаря (*подъ* **ուղերձեմ**) засвидѣтельствованный въ толкованіи Саргиса «**Փ. յհ.**»: **Ղպանութիւն որոմանց ողորձեալ, մթերեցի համբարս առ ինիւթ տոչորման.** Въ свою очередь, слово *ogorď при раздвоеніи могло дать на почвѣ яфетической фонетики *oǧwerď > əǧwerď. Быть можетъ, съ нашимъ словомъ и его конъектируемой разновидностью (oǧerď > əǧerď, *oǧorď > *əǧwerď) случайно совпадаетъ по созвучію названіе селенія съ церковью **Ըղվերձ** əǧwerď, какъ называетъ его архим. о. Гарегинъ (XB, т. II, вып. 2, стр. 219), или **Ըղերձ** əǧerď, какъ называлъ его Шахатунянъ (II, стр. 364), но было бы интересно от-

ըղձուԹիւն əğď-uϑiwn разъ *Числ.* 22, 7: ըղձուԹիւնք[1]), именно тамъ, гдѣ въ соотвѣтствіе ему—τὰ μαντεῖα LXX, а въ грузинскомъ текстѣ—სამისნელნი sa-misn-el-n-i, т. е. слово, произведенное отъ отыменнаго глагола მისნობაჲ misn-oba-y *гаданіе* (მისანი misan-i *гадальщикъ, кудесникъ*) съ тѣмъ картскимъ префиксомъ sa- сибилянтной группы яфетическихъ языковъ, который въ одномъ изъ языковъ спирантной группы эквивалентомъ имѣлъ, какъ извѣстно[2]), o- > -u: сохраненный тубал-каинскими языками и языкомъ 2-й категоріи, тотъ же префиксъ o- > -u наличенъ, какъ теперь ясно для желающихъ считаться съ фактами, въ нашемъ hайскомъ словѣ օղերձ o-gerď > ուղերձ u-ğerď.

крыть въ географической номенклатурѣ Арменіи дѣйствительно сродное названіе, переживаніе изъ языческой эпохи со святилищами, гдѣ предсказывали и куда стекались подношенія за предсказанія.

1) Любопытно отмѣтить, что, объясняя значеніе ըղձուԹիւն əğďuϑiwn въ этомъ библейскомъ стихѣ, составители словаря говорятъ: «какъ бы ուղերձ [uğerď] или подношеніе (ընծայ ənťay) гадальщику». Авторы ուղերձ uğerď употребили, конечно, въ качествѣ простого синонима другого слова ընծայ ənťay *даръ, подношеніе*: они не знали, что въ ուղերձ uğerď имѣютъ терминъ со спеціальнымъ значеніемъ «подношеніе *за гаданіе*».

2) Считаю лишнимъ дѣлать ссылки на литературу по вопросамъ элементарной грамматики.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Запись о русскомъ посольствѣ въ персидской рукописи.

В. В. Бартольда.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 26 февраля 1914 г.).

Въ рукописи С.-Петербургскаго университета 0.157 («Матла' ас-са'-дейнъ» Абд-ар-Реззака Самарканди), принадлежащей къ числу 36 рукописей, присланныхъ въ 1847 г. въ Казанскій университетъ изъ Персіи Диттелемъ и Березинымъ[1]), мы находимъ на послѣднемъ листѣ слѣдующую запись, сдѣланную однимъ изъ прежнихъ владѣльцевъ рукописи (изъ діакритическихъ точекъ ставимъ только тѣ, которыя находятся въ подлинникѣ):

اسم ىادشاه مسكاو
فيدر ايواناوىح الو بى[2] آق حان
اسم اىلحى كه اراىحا امده
ىرىس قدرح[3] اميرآذور الامرا

«Имя царя московскаго — Θедоръ Ивановичъ Улу-бій («великій бегъ») Акъ-ханъ («бѣлый ханъ»)[4]). Имя посла, который пришелъ оттуда — Борисъ Θедорычъ (?), главный эмиръ, конюшій»[5]).

1) [I. Θ. Готвальдъ]. Описаніе арабскихъ рукописей, принадлежавшихъ библіотекѣ Имп. Казанскаго Университета, стр. VI (оттискъ изъ Ученыхъ Зап. И. Каз. Унив.).—Въ рукописи нѣтъ ни даты, ни имени переписчика. Первая часть مطلع السعدين переписана почеркомъ *та'ликъ*, вторая — почеркомъ *насхи*, болѣе ранней рукой. Переписчикъ второй части былъ, повидимому, почти современникомъ автора сочиненія, умершаго, какъ извѣстно, въ 887=1482 г.

2) Sic Cod.

3) Или فذرح.

4) Ср. такой же титулъ Бориса Годунова въ татарскомъ сокращеніи جامع التواريخ Рашид-ад-дина (Библ. вост. историковъ, т. II, ч. I, Казань 1854, текстъ, стр. ٣: باريص فيدرآوج اولوغ بيك آق خان; перев. И. Н. Березина, стр. II: «Великимъ Княземъ и Бѣлымъ Ханомъ»). Правописаніе الو پى, даже если изъ трехъ точекъ двѣ относятся къ ى, указываетъ, повидимому на среднеазіатскій или южно-турецкій источникъ извѣстія. Ср. алтайское улу пӣ = «императоръ» (словарь В. В. Радлова, I, 1692).

5) Сочетаніе اميرآخور الامرا, конечно, нѣсколько странно.

Запись, очевидно, принадлежитъ современнику царя Θедора (1584—1598) и относится къ одному изъ посольствъ этого царя въ Персію[1]) или въ Среднюю Азію. Посольствъ въ Персію было три, именно посольства Григорія Васильчикова, кн. Андрея Звенигородскаго и кн. Василія Тюфякина; первый былъ принятъ шахомъ Аббасомъ въ Казвинѣ въ 1589 г.[2]), второй въ Кашанѣ въ 1594 г.[3]), третій умеръ во время переѣзда по Каспійскому морю (1597 г.), и шахъ могъ принять въ Исфаханѣ только «кречетниковъ»[4]). Искендеръ Мунши въ «Тарихи Алемъ-Араи Аббаси» говоритъ только о посольствѣ 1594 г. («годъ лошади»), причемъ не называетъ ни имени царя, ни имени посла; говорится только, что посолъ былъ «изъ знатныхъ русскихъ эмировъ» и что имъ была представлена грамота съ выраженіемъ дружбы[5]). Изъ русскихъ пословъ, ѣздившихъ при царѣ Θедорѣ въ Среднюю Азію, мнѣ извѣстны только имена «служилыхъ татаръ» Баикрыма Карманова и Байбири Тайшева[6]). Имя русскаго посла, бывшаго въ 1592 г. у хивинскаго хана[7]), не приводится. Изъ русскихъ архивныхъ документовъ извѣстно, что послы этого времени, кромѣ грамоты и подарковъ отъ имени царя, передавали также грамоту и подарки отъ имени «царскаго шурина, слуги и конюшаго, боярина и воеводы двороваго и намѣстника казанскаго и астраханскаго Бориса Θедоровича (Годунова)»[8]). Авторъ записи (или его источникъ), очевидно, смѣшалъ личность посла съ личностью того «конюшаго и воеводы», о которомъ говорилось въ грамотѣ.

Тою же рукою, повидимому, сдѣланы нѣкоторыя записи на первомъ листѣ рукописи. Здѣсь мы находимъ заглавіе сочиненія (هو كتاب مطلع السعدين, съ тремя точками подъ س), арабскую фразу незначительнаго содержанія[9])

1) Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ ред. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Царствованіе Θедора Іоанновича. С.-Пб. 1890 (Труды Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., ч. XX).

2) Ibid. стр. 87 и слѣд.

3) Ibid. стр. 258 и слѣд.

4) Ibid. стр. 426 и слѣд. О смерти кн. Тюфякина стр. 419.

5) Посольству въ «Тарихи Алемъ-Араи Аббаси» посвящено только нѣсколько строкъ (тегер. изд. 1314 г., стр. 344 и слѣд.):

دیکری از سوانح اینسال آمدن ایلچیان روس است که از جانب پادشاه روس بخدمت اشرف آمده تحف وهدایای لایق آوردند وایلچی یکی از امرای معتبر روس بود ونامهٔ محبّت‌آمیز نوشته اظهار خصوصیّت بسیار کرده بودند وبندکان حضرت اعلی شاهی ظلّ آلهی مقدم اورا بر حسب اکرموا الضیف ولو کان کافرا کرامی داشته تعظیم وتکریم بسیار نمودند.

6) Сборникъ кн. Хилкова, Спб. 1879, стр. 446, 487 и 488.

7) Памятники, I, 162.

8) Памятники, I, 258.

9) (?) قد وقعت فى الحمام على طريق الدهمه.

и красивое персидское четверостишіе[1]) (въ подлинникѣ безъ діакритическихъ точекъ), подъ которымъ написано:

فقیر ابرهیم فی بلدة السبزوار سنة تسع وسبعین وتسعمایة اواخر الصفر

«Бѣднякъ Ибрахимъ, въ городѣ Себзеварѣ, въ концѣ сафара 979 г.» (іюль 1571).

Если записи въ началѣ и въ концѣ рукописи дѣйствительно сдѣланы однимъ лицомъ, хотя, очевидно, въ разное время[2]), то мы въ записяхъ перваго листа находимъ отвѣтъ на вопросъ, кто изъ персовъ конца XVI в. считалъ прибытіе русскаго посольства настолько важнымъ событіемъ, что нашелъ нужнымъ записать имя московскаго царя и его посла.

---

1) دیده می‌بیند چه دریاها دروست
سینه می‌داند چه غوغاها دروست
لیك نامردی چه داند دردم
کیست در میدان مردان مردم.

2) Начертаніемъ буквъ, къ сожалѣнію, безусловно исключается чтеніе سبع وتسعين, которое соотвѣтствовало бы времени посольства Васильчикова. Въ концѣ сафара 997 г., т. е. въ половинѣ января 1589 г. Васильчиковъ былъ въ Казвинѣ (Памятники, I, 70—72).

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Koptische Miscellen CXXXIII. CXXXIV.

Von

Oscar von Lemm.

(Der Akademie vorgelegt am 26. Februar (11. März) 1914).

CXXXIII. Ein neues Bruchstück der «Memoiren des Dioscoros». — CXXXIV. Bruchstück aus einem Marienleben.

CXXXIII. Ein neues Bruchstück der «Memoiren des Dioscoros».

Wenn ich in der glücklichen Lage bin, das von mir Misc. CXXXI. Anm. 17 (pagg. 632. 634) erwähnte Bruchstück der «Memoiren des Dioscoros» (Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer. Inv. kopt. Perg. Nr. 371) nachstehend mittheilen zu können, so verdanke ich das dem liebenswürdigen Entgegenkommen Prof. Carl Wessely's, welcher mir auf meine Bitte eine Copie dieses Blattes anfertigte.

Das Blatt gehört zu derselben Handschrift wie die von Krall herausgegebenen Pergamentblätter[1]). Der Text ist sahidisch und entspricht den Seiten 116,14—118,8 des boheirischen Textes bei Amélineau[2]).

Ich lasse hier den Text nebst Übersetzung folgen.

Und während sie aber (δέ) *dastanden und beteten, ward ihnen eine Stimme, welche sprach:* Rettet euch vor die Thür des Tempels. Als wir aber (δέ) aus dem Tempel hinausgegangen waren, während (ἔτι) wir unser Gesicht noch nicht nach rückwärts gewandt hatten, entstand eine Feuermauer um den Tempel. Und als noch keine Stunde vergangen war, verzehrte das Feuer

1) Mitthlgn. aus der Sammlung der Pap. Erzh. Rainer IV (Wien, 1888), pagg. 63—74.
2) Mém. Mission au Caire IV.

Recto ϫⲉ ⲧⲟⲩϫⲉ-ⲧⲏⲩⲧⲛ̅
ⲙⲡⲃⲟⲗ. ⲙⲡⲣⲟ.ⲙ̅
ⲡⲣⲡⲉ. ⲛⲧⲉⲣⲉⲛ
Ⲉⲓ ⲇⲉ ⲉⲃⲟⲗ ϩ̅ⲙ̅ ⲡ̅ⲣ̅ⲡⲉ
ⲉⲧⲉⲓ. ⲙⲡⲁⲧⲛⲕⲧⲟ
ⲙⲡⲉⲛϩⲟ ⲉⲡⲁϩⲟⲩ.
Ⲁⲩⲛⲟϭ ⲛⲥⲟⲃ̅ⲧ̅ ⲛ̅ⲕⲱ
ϩ̅ⲧ̅ ϣⲱⲡⲉ ⲙⲡⲕⲱ
ⲧⲉ ⲙ̅ⲡ̅ⲣ̅ⲡⲉ
Ⲁⲩⲱ ⲙⲡⲁⲧⲉ ⲟ̅ⲩ̅ⲟ̅ⲩ̅
ⲛⲟⲩ ϣⲱⲡⲉ. ⲁ̅ ⲡ
ⲕⲱϩ̅ⲧ̅ ⲟⲩⲱⲙ. ⲛ̅
ⲥⲁ ⲛⲥⲛ̅ⲧⲉ.ⲙ̅ⲡ̅ⲣ̅ⲡⲉ
Ⲁⲩⲱ ⲁ ⲛϫⲟⲉ. ⲙⲡ̅ⲣ̅
ⲡⲉ ϩⲉ ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ
[ⲛⲉ]ϥϫⲟⲉ ⲙ̅ⲛ̅ ⲛⲉϥⲱ̅
[ⲛⲉ ⲛ̅ⲧ]ⲁ ⲡⲕⲱϩ̅ⲧ̅
[ⲁⲛ]ϩⲁⲗⲓⲥⲕⲉ. ⲙ̅ⲙⲟⲟⲩ.
[ϣ]ⲁϩⲣⲁⲓ ⲉⲛⲉϥⲥ̅ⲛ̅
[ⲧ]ⲉ.
[Ⲁ] ⲡⲁⲉⲓⲱⲧ ⲕⲧⲟ. ⲙ̅
ⲡⲉϥϩⲟ ⲉⲡⲁϩⲟⲩ
ⲁϥⲥϩⲟⲩⲣ̅ ⲡⲉϥⲕⲉ
ⲕⲁϩ ⲉϥϫⲱ ⲙ̅ⲙⲟⲥ
ϫⲉ ⲛⲛⲉ ⲗⲁⲁⲩ. ⲛ̅
ϣⲏⲛ. ⲉϥⲟ ⲛϩⲁⲓ
ⲃⲉⲥ. ϣⲱⲡⲉ ϩⲓⲱ
ⲱϥ. ⲟⲩⲇⲉ ⲛⲛⲉⲩ
[ϩ]ⲉ [ⲉⲗ]ⲁⲁⲩ ⲛϭⲣⲟⲟϭ

ⲛϩⲏⲧ̅ϥ̅ ϣⲁ ⲉⲛⲉϩ
Ⲉϥⲉϣⲱⲡⲉ. ⲉϥⲟ. ⲛ̅
ϣⲁⲣⲃⲁ. ⲉⲣⲉ ⲛⲉⲑⲏ
ⲣⲓⲟⲛ. ⲙⲛ ⲛϩⲟϥ ⲙⲟ
ⲥⲉ ⲛϩⲏⲧ̅ϥ̅
Ⲛ̅ⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ⲇⲉ ⲁⲩⲇⲁⲓ
ⲙⲟⲛⲓⲟⲛ ⲃⲱⲕ
ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲩⲣⲱⲙⲉ
ⲁϥⲡⲱⲧ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲡϯ
ⲙⲉ. ⲉⲣⲉ ⲡⲇⲁⲓⲙⲟⲛⲓ
ⲟⲛ ϫⲓϣⲕⲁⲕ ⲉⲃⲟⲗ
ϫⲉ ⲙ̅ⲡ̅ⲣ̅ⲧⲣⲉ ⲗⲁⲁⲩ
ⲛϩⲉⲗⲗⲏⲛ ϭⲱ. ϩ̅ⲙ̅
ⲡ̅ϯⲙⲉ. ϫⲉ ⲉⲓⲥ ⲙⲁ
ⲕⲁⲣⲓⲟⲥ ⲡⲁⲧⲕⲱⲟⲩ
ⲙⲛ ⲃⲏⲥⲁ ⲡⲙⲁⲑⲏ
ⲧⲏⲥ ⲛⲁⲡⲁ ϣⲉⲛⲟⲩ
ⲧⲉ. ⲛⲁⲇⲣⲏ[ⲡ]ⲉ ⲁⲩⲉⲓ
Ⲡⲁⲉⲓⲱⲧ ⲇⲉ ⲛ̅ⲧⲉ
ⲣⲉϥⲁⲡⲁⲛⲧⲁ. ⲉϩⲟⲙⲉ
ⲣⲟⲥ ⲡⲁⲣⲭⲓⲉⲣⲉⲩⲥ ϩⲓ
ⲧⲉϩⲓⲏ. ⲁϥⲉⲓⲙⲉ ϫⲉ
ⲛⲧⲟϥ ⲡⲉ ⲡⲛⲟϭ ⲛ̅
ⲧⲁⲩ̅ⲧ̅ⲛⲛⲟⲟⲩ ⲛ̅ⲥⲱϥ
Ⲡⲉϫⲉ ⲡⲡⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ
ⲛⲁϥ ϫⲉ ⲉⲧⲃⲉ ⲟⲩ.ⲙ̅
ⲡⲉⲕⲉⲓ. ⲛ̅ⲅ̅ⲣ̅-ϣⲁ
ϩⲙ ⲡⲉⲛⲕⲱⲛ̅ⲥ̅

Cod. Copt. Vatic. LXVIII (Amélineau, l. l. 116, 14—117, 11)

(ⲟⲩⲟϩ ⲉⲧⲁⲩⲟϩⲓ ⲇⲉ ⲉⲣⲁⲧⲟⲩ ⲁⲩϣⲗⲏⲗ ⲁⲩⲉⲙⲓ ϣⲱⲡⲓ ϩⲁⲣⲱⲟⲩ ⲉⲥϫⲱ ⲙⲙⲟⲥ.) ϫⲉ ⲧⲟⲩϫⲉ-ⲑⲏⲛⲟⲩ ⲉⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ ⲫⲣⲟ ⲛⲧⲉ ⲡⲓⲉⲣⲫⲉⲓ. ⲉⲧⲓ ⲙⲡⲁⲧⲉⲛⲕⲱϯ ⲙⲡⲉⲛϩⲟ ⲉⲫⲁⲟⲩ (l. ⲉⲫⲁϩⲟⲩ) ϩⲏⲡⲡⲉ ⲓⲥ ⲟⲩⲛⲓϣϯ ⲛⲥⲟⲃⲧ ⲛⲭⲣⲱⲙ ⲁϥⲕⲱϯ ⲙⲡⲕⲱϯ ⲙⲡⲓⲉⲣⲫⲉⲓ ⲧⲏⲣϥ ⲟⲩⲟϩ ⲁ ⲛⲓϫⲟⲓ ⲛⲧⲉ ⲡⲓⲉⲣⲫⲉⲓ ϩⲉⲓ ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ ⲟⲩⲟϩ ⲁ ⲡⲓⲭⲣⲱⲙ ⲟⲩⲱⲙ ⲛⲥⲱϥ ϣⲁ ⲉϧⲣⲏⲓ ⲉⲛⲉϥⲥⲉⲛϯ. ⲡⲁⲓⲱⲧ ⲇⲉ ⲁϥⲥⲁϩⲟⲩⲓ ⲉⲡⲓⲉⲣⲫⲉⲓ ⲉϥϫⲱ ⲙⲙⲟⲥ ϫⲉ ⲛⲛⲉ ϩⲗⲓ ⲛϣϣⲏⲛ ϣⲱⲡⲓ ⲛϧⲏⲧϥ ⲉϥⲟⲓ ⲛϧⲏⲓⲃⲓ ⲟⲩⲇⲉ ⲛⲛⲟⲩϭⲉ ϫⲣⲟϫ (l. ϭⲉⲙ-ϫⲣⲟϫ) ⲛϧⲏⲧϥ ϣⲁ ⲉⲛⲉϩ ⲉϥⲉϣⲱⲡⲓ ⲛⲏⲓ ⲛⲛⲓⲑⲏⲣⲓⲟⲛ ⲛⲉⲙ ⲛⲓϭⲁⲧϥⲓ ⲛⲧⲉ ⲡⲕⲁϩⲓ. ⲟⲩⲟϩ ϧⲉⲛ ϯⲟⲩⲛⲟⲩ ⲉⲧⲉⲙⲙⲁⲩ ⲁ ⲟⲩⲇⲉⲙⲱⲛ ⲛⲁⲕⲁⲑⲁⲣⲧⲟⲛ ϧⲱⲗ ⲉϧⲟⲩⲛ ⲉⲟⲩⲣⲱⲙⲓ ⲁϥϣⲉ ⲛⲁϥ ⲉϧⲟⲩⲛ ⲉϯⲃⲁⲕⲓ ⲁϥⲱϣ ⲉⲃⲟⲗ ⲉϥϫⲱ ⲙⲙⲟⲥ. ϫⲉ ⲙⲁⲣⲉ ⲛⲓϩⲉⲗⲗⲏⲛⲟⲥ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲫⲱⲧ ⲛⲱⲟⲩ ϫⲉ ϩⲏⲡⲡⲉ ⲓⲥ ⲃⲏⲥⲁ ⲛⲉⲙ ⲙⲁⲕⲁⲣⲓ ⲡⲓⲣⲉⲙⲧⲕⲱⲟⲩ ⲁⲩⲓ. ⲡⲁⲓⲱⲧ ⲇⲉ ⲁϥⲉⲣ-ⲁⲡⲁⲛⲧⲁⲛ ⲉϩⲟⲙⲏⲣⲟⲥ ⲡⲓⲛⲓϣϯ ⲛⲧⲱⲟⲩ ϩⲓ ⲡⲓⲙⲱⲓⲧ (ⲗ̅ⲃ̅) ⲛⲑⲟϥ ⲇⲉ ⲡⲓⲁⲣⲭⲓⲉⲣⲉⲩⲥ ⲟⲩⲟϩ ⲁ ⲡⲁⲓⲱⲧ ⲉⲙⲓ ϧⲉⲛ ⲡⲓⲡⲛ̅ⲁ̅ ϫⲉ ⲛⲑⲟϥ ⲡⲉ ⲡⲓⲛⲓϣϯ ⲉⲧⲁⲩⲱⲣⲡ ⲛⲥⲱϥ. ⲡⲉϫⲉ ⲡⲁⲓⲱⲧ ⲛⲁϥ ϫⲉ ⲉⲑⲃⲉ ⲟⲩ ⲙⲡⲉⲕⲓ ⲛⲧⲉⲕⲉⲣ-ϣⲁⲓ ϧⲉⲛ ⲡⲉⲛϧⲱⲧⲉⲃ

Verso ⲉⲩⲛⲁⲕⲟⲛⲥ̄ⲛ̄ ⲙ̄ⲡⲉⲕ
ⲛⲟⲩⲧⲉ ⲅⲟⲑⲟⲥ
ⲛ̄ⲧⲟϥ ⲇⲉ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ
ϫⲉ ⲛ̄ⲧⲟⲕ ⲣⲱ. ⲛ̄
ⲧⲕ ⲟⲩϩ̄ⲗ̄ⲗⲟ. ⲙⲉⲕⲣ̄
ϣⲁⲩ. ⲛ̄ⲁⲁⲕ ⲛ̄
ⲥⲡⲟⲛⲇⲏ ⲙ̄ⲡⲉⲛ
ⲛⲟⲩⲧⲉ
ⲛ̄ⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ⲇⲉ ⲁ ⲡⲁ
ⲉⲓⲱⲧ ⲕⲓⲙ ⲉⲛⲉ
ⲥⲛⲏⲩ. ϫⲉ ϭⲟⲡ̄ϥ̄
ⲛ̄ⲧⲉⲧⲛ̄ⲥⲟⲛϩ̄ϥ̄
ⲡⲟⲩⲏⲏⲃ ⲇⲉ ⲛⲁⲕⲁ
ⲑⲁⲣⲧⲟⲥ. ⲁϥⲱϣ
ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ ⲟⲩⲛⲟϭ ⲛ̄ⲥⲙⲏ
ϫⲉ ⲅⲟⲑⲟⲥ ⲡⲛⲟϭ
ⲛ̄ⲛⲟⲩⲧⲉ. ⲡⲉⲥⲧⲣⲁ
ⲧⲏⲅⲟⲥ ⲙ̄ⲡⲁⲏ̄ⲣ̄
ⲡⲥⲟⲛ ⲙ̄ⲡⲁⲡⲟⲗ
ⲗⲱⲛ ⲛⲁϩⲙⲉⲧ
ⲁⲛⲟⲕ ⲡⲉⲕⲁⲣⲭⲓⲉ̄
ⲣⲉⲩⲥ ⲛ̄ϩⲁⲕ
ⲡⲉϫⲉ ⲡⲁⲉⲓⲱⲧ ⲛⲁϥ
ϫⲉ ϯⲛⲁⲣⲟⲕϩ̄ⲕ̄.
ⲉⲕⲟⲛ̄ϩ̄ ⲙ̄ⲛ̄ ⲡⲉⲕ
ⲛⲟⲩⲧⲉ ⲕⲟⲑⲟⲥ
ⲛ̄ⲧⲉⲣⲟⲩⲙⲟⲟϣⲉ ⲇⲉ
ⲁⲩⲉⲓ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲡϯⲙⲉ
ⲁ ⲙ̄ⲙⲏⲏϣⲉ ⲛⲟⲣⲑⲟ
ⲇⲟⲝⲟⲥ ⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲏⲧⲟⲩ
ⲁⲩⲯⲁⲗⲗⲉⲓ ϩⲁⲧⲉⲩ
ϩⲓⲏ. sic
ⲧⲟⲧⲉ ⲁⲩⲟⲩⲉϩⲥⲁϩⲛⲉ
ⲉⲧⲣⲉⲩϫⲉⲣⲟ. ⲛⲟⲩ
ⲛⲟϭ ⲛ̄ⲃⲱⲙⲟⲥ ⲛ̄
ⲕⲱ̄ϩ̄ⲧ̄. ⲁⲩⲛⲟⲩϫⲉ
ⲛ̄ϩⲟⲙⲉⲣⲟⲥ. ⲡϩⲟⲛ̄ⲧ̄
ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲣⲟϥ ⲁⲩⲣⲟⲕ
ϩ̄ϥ̄. ⲙ̄ⲛ̄ ⲛⲉϥⲕⲉⲉⲓ
ⲇⲱⲗⲟⲛ ⲛ̄ⲧⲁⲩϩⲉ
ⲉⲣⲟⲟⲩ ϩⲙ̄ ⲡⲉϥⲏ̈ⲓ̈
ⲡⲕⲉⲥⲉⲉⲡⲉ ⲇⲉ ⲛ̄ⲛ̄
ϩⲉⲗⲗⲏⲛ. ϩⲟⲓⲛⲉ
ⲇⲉ ⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ
ⲁⲩⲣ̄-ⲭⲣⲓⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ
ⲁⲩϫⲓ-ⲃⲁⲡⲧⲓⲥ[ⲙⲁ]
ϩⲉⲛⲕⲟⲟⲩⲉ ⲇⲉ. ⲙ̄[ⲡⲟⲩ]
ⲟⲩⲱϣ ⲁⲗⲗⲁ. ⲁ[ⲩ]
ⲛⲟⲩϫⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲧ̄ⲛ̄
ⲧⲁⲁⲩ ⲧⲏⲣ̄ϥ̄ ⲉ̄ⲛ
ϣⲏⲓ. ⲙ̄ⲛ̄ ⲛ̄ϣⲱ
ⲧⲉ ⲁⲩⲡⲱⲧ. ⲙ̄ⲛ̄
ⲛⲉⲩⲉⲓⲇⲱⲗⲟⲛ
ⲉϩⲉⲡⲙⲁ ⲛ̄ϫⲁⲓⲉ̄
ⲧⲏⲡⲉ ⲇⲉ ⲛ̄ⲛⲉⲓⲇⲱ
ⲗⲟⲛ ⲛ̄ⲧⲁⲩⲟⲩⲟϭ
ⲡⲟⲩ ⲙ̄ⲡⲛⲁⲩ ⲉⲧⲙ̄
ⲙⲁⲩ. ⲁⲛϩⲉ ⲉⲣⲟⲟⲩ

L. l. 117, 11—118, 8.

ⲉⲩⲛⲁϣⲁⲧⲧⲉⲛ ⲙⲡⲉⲕⲛⲟⲩϯ ⲕⲟⲑⲟⲥ. ⲛⲑⲟϥ ⲇⲉ ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁϥ ϫⲉ ⲛⲑⲟⲕ ϩⲱⲕ ⲉⲣ-ϣⲁⲩ ⲁⲛ ⲉⲁⲓⲕ· ⲛⲥⲡⲟⲛⲇⲏ ⲙⲡⲉⲛⲛⲟⲩϯ ϫⲉ ⲛⲑⲟⲕ ⲟⲩϧⲉⲗⲗⲟ. ϧⲉⲛ ϯⲟⲩⲛⲟⲩ ⲁ ⲡⲁⲓⲱⲧ ϭⲱⲣⲉⲙ ⲉⲛⲓⲥⲛⲏⲟⲩ ϫⲉ ⲁⲙⲟⲛⲓ ⲙⲙⲟϥ ⲛⲧⲉⲛⲥⲟⲛϩϥ. ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲇⲉ ⲉⲧⲉⲙⲙⲁⲩ ⲛⲁⲕⲁⲑⲁⲣⲧⲟⲥ ⲁϥⲱϣ ⲉⲃⲟⲗ ⲉϥϫⲱ ⲙⲙⲟⲥ ϫⲉ ⲡⲓⲛⲓϣϯ ⲛⲛⲟⲩϯ ⲕⲟⲑⲟⲥ ⲡⲓⲁⲣⲭⲓⲥⲧⲣⲁⲧⲏⲅⲟⲥ ⲙⲡⲓⲁⲏⲣ ⲡⲥⲟⲛ ⲙⲡⲁⲡⲟⲗⲗⲱⲛ ⲛⲁϩⲙⲉⲧ ⲁⲛⲟⲕ ⲡⲉ ⲉⲧⲟⲓ ⲛⲁⲣⲭⲓⲉⲣⲉⲩⲥ ⲛⲁⲕ. ⲡⲉϫⲉ ⲡⲁⲓⲱⲧ ⲛⲁϥ ϫⲉ ϯⲛⲁⲣⲟⲕϩⲕ ⲉⲕⲟⲛϩ ⲛⲉⲙ ⲡⲉⲕⲛⲟⲩϯ ⲕⲟⲑⲟⲥ. ⲉⲧⲁⲩⲙⲟϣⲓ ⲇⲉ ⲁⲩⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲡⲓⲧⲓⲙⲓ ⲁ ⲫⲙⲏϣ ⲛⲧⲉ ⲛⲓⲟⲣⲑⲟⲇⲟⲝⲟⲥ ⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⲁⲩⲙⲟϣⲓ ϧⲁϫⲱⲟⲩ ⲧⲟⲧⲉ ⲁϥⲟⲩⲉϩⲥⲁϩⲛⲓ ⲛⲱⲟⲩ ⲉϭⲉⲣⲟ ⲛⲟⲩⲭⲣⲱⲙ ⲛⲥⲉϩⲓⲟⲩⲓ ⲛϩⲟⲙⲏⲣⲟⲥ ⲡⲓⲟⲩⲏⲃ ⲉϧⲟⲩⲛ ⲉⲣⲟϥ ⲟⲩⲟϩ ⲁⲩⲣⲱⲕϩ ⲙⲙⲟϥ ⲛⲉⲙ ⲛⲓⲕⲉⲉⲓⲇⲱⲗⲟⲛ ⲉⲧⲁⲩϫⲉⲙⲟⲩ ϧⲉⲛ ⲡⲉϥⲏⲓ. ⲡⲕⲉⲥⲉⲉⲡⲓ ⲛⲛⲓϩⲉⲗⲗⲏⲛⲟⲥ (ⲗ̄ⲅ̄) ⲟⲩⲙⲏϣ ⲛϧⲏⲧⲟⲩ ϣⲱⲡⲓ ⲛⲭⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ ⲟⲩⲟϩ ⲁⲩϭⲓ·ⲱⲙⲥ ϩⲁⲛⲕⲉⲭⲱⲟⲩⲛⲓ ⲙⲡⲟⲩⲟⲩⲱϣ ⲁⲗⲗⲁ ⲁⲩϭⲓ ⲙⲫⲏ ⲉⲧⲉⲛⲧⲱⲟⲩ ⲁⲩϩⲓⲧⲟⲩ ⲉⲛⲓⲙⲱⲟⲩ ⲛⲉⲙ ⲛⲓⲗⲁⲕⲕⲟⲥ ⲁⲩϣⲉ ⲛⲱⲟⲩ ⲙⲙⲁⲩⲁⲧⲟⲩ ⲛⲉⲙ ⲛⲟⲩⲓⲇⲱⲗⲟⲛ ⲉⲟⲩⲙⲁ ⲛϣⲁϥⲉ. ⲁⲩϭⲓ-ⲛⲡⲓ ⲛⲛⲓⲓⲇⲱⲗⲟⲛ ⲉⲧⲁⲩⲟⲩⲟϫⲡⲟⲩ ⲙⲡⲓⲛⲁⲩ ⲉⲧⲉⲙⲙⲁⲩ ⲁⲛϫⲉⲙⲟⲩ (ⲉⲩⲓⲣⲓ ⲛⲧⲉ̄ ⲛⲓⲇⲱⲗⲟⲛ)

die Grundfesten des Tempels. Und die Mauern des Tempels stürzten ein, die Mauern mit seinen Steinen, welche das Feuer verzehrt (ἀναλίσκειν) hatte bis zu seinen Grundfesten.

Und mein Vater wandte sein Gesicht zurück und verfluchte auch seine (des Tempels) Erde und sprach:

«Nicht soll ein Baum, welcher Schatten spendet, auf ihr entstehn, noch (οὐδέ)
R[b] soll irgend ein Same *auf ihr zu finden sein bis in Ewigkeit. Sie (die Erde) sei ein ausgedörrtes Land, in welchem die Thiere (θηρίον) und die Schlangen nisten».

Alsbald aber (δέ) drang ein Dämon (δαιμόνιον) in einen Mann ein. Er gieng in das Dorf. Der Dämon (δαιμόνιον) schrie auf: «Lass keinen Griechen (Ἕλλην) bleiben in der Stadt, denn siehe, Makarios von Tkôu, und Besa, der Jünger (μαθητής) des Apa Schenute von Atrêpe, sind gekommen».

Als mein Vater aber (δέ) dem Homeros, dem Oberpriester (ἀρχιερεύς) auf dem Wege begegnete (ἀπαντᾶν), erkannte er, dass dieser der Grosse war, nach welchem man geschickt hatte. Es sprach der Heilige zu ihm:
V[a] «Weshalb gehst du nicht und feierst nicht unsere Opferung? *Man wird uns deinem Gotte Kothos schlachten».

Er aber (δέ) sprach zu ihm: «Du bist wahrlich ein Greis und bist nicht tauglich, dass man dich mache zu einer Opferspende (σπονδή) für unseren Gott».

Alsbald aber (δέ) winkte mein Vater den Brüdern, indem er sprach: «Greifet ihn und fesselt ihn!»

Der Unreine (ἀκάθαρτος) aber (δέ) rief aus mit lauter Stimme: «Kothos, du grosser Gott, du Oberbefehlshaber (στρατηγός) der Luft (ἀήρ), du Bruder des Apollo, errette mich, deinen besonnenen Oberpriester (ἀρχιερεύς)».

Es sprach mein Vater zu ihm: «Ich werde dich lebendig verbrennen, zusammen mit deinem Gotte Kothos».

Als sie aber (δέ) fortgegangen waren, giengen sie in die Stadt hinein.
V[b] Die Menge der Rechtgläubigen (ὀρθόδοξος) *gieng ihnen entgegen und sie sangen (ψαλλεῖν) vor ihnen.

Da (τότε) befahlen sie einen grossen Feueraltar (-βωμός) zu entzünden. Sie warfen den Homeros, den Priester, auf denselben und verbrannten ihn zusammen mit seinen Götzenbildern (εἴδωλον), welche sie in seinem Hause fanden.

Was aber (δέ) die Übrigen der Griechen (Ἕλλην) betrifft, so (δέ) wurden einige von ihnen Christen (χρίστιανός) und liessen sich taufen (-βάπτισμα); andere aber (δέ) wollten nicht, sondern (ἀλλά) warfen ihre ganze

Habe in die Cisternen und die Brunnen und flohen mit ihren Götzenbildern (εἴδωλον) in wüste Gegenden.

Wir fanden aber (δέ), dass die Zahl der Götzenbilder (εἴδωλον), welche zu jener Zeit zerschlagen wurden, *dreihundert sechs* betrug.

Anmerkungen.

R. b 2—5.—(ⲡⲕⲁϩ) ⲉϥⲉϣⲱⲡⲉ ⲉϥⲟ ⲛ̄ϣⲁⲣⲃⲁ. ⲉⲣⲉ ⲛⲉⲑⲏⲣⲓⲟⲛ ⲙⲛ ⲛϩⲟϥ ⲙⲟⲥⲉ ⲛ̄ϩⲏⲧϥ̄. «(die Erde) werde ein glühendes Land, in welchem die wilden Thiere (θηρίον) und die Schlangen nisten».] Der boh. Text liest dafür: ⲉϥⲉϣⲱⲡⲓ ⲛⲏⲓ ⲛⲛⲓⲑⲏⲣⲓⲟⲛ ⲛⲉⲙ ⲛⲓϭⲁⲧϥⲓ ⲛⲧⲉ ⲡⲕⲁϩⲓ. «sie (die Erde) werde eine Behausung der wilden Thiere (θηρίον) und des Gewürms der Erde». Dem Verfasser hat hier offenbar Jes. 13,21.22 vorgeschwebt: ⲁⲩⲱ ⲛⲉⲑⲏⲣⲓⲟⲛ ⲛⲁⲙ̄ⲧⲟⲛ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ ⲙ̄ⲙⲁⲩ......[22] ⲛ̄ⲧⲉ ⲛⲉϩⲃⲱ ⲙⲟⲥⲉ ϩⲛ̄ ⲛⲉⲩⲏⲓ.[21] καὶ ἀναπαύσονται ἐκεῖ θηρία....[22] καὶ νοσσοποιήσουσιν ἐχῖνοι ἐν τοῖς οἴκοις αὐτῶν.

Von besonderem Interesse ist hier das seltene Wort ϣⲁⲣⲃⲁ. Peyron erklärt es als «ventus vehemens, atque urens» und leitet es ab von ϣⲁⲁⲣ «percutere» und ⲃⲁ «ramus, ramus palmae»; Tattam: — «ventus adurens, aestus, ardor», doch leitet er es nicht von ϣⲁⲁⲣ und ⲃⲁ ab, sondern stellt es mit שרב zusammen, wie auch schon Ign. Rossi[3]) es damit und mit chald. שרבא verglich. Ich muss hier Rossi beistimmen.

ϣⲁⲣⲃⲁ, das auch in den Formen ϣⲁⲃⲣⲁ, ϣⲁϥⲣⲁ vorkommt, kenne ich aus folgenden Stellen. Ezech. 19,12. ⲁⲩϩⲟⲣⲃⲉⲥ ϩⲛ̄ ⲟⲩϭⲱⲛⲧ̄. ⲁⲩⲱ ⲁⲩⲛⲟϫⲥ ⲉϫⲙ̄ ⲡⲕⲁϩ. ⲟⲩⲧⲏⲩ ⲛ̄ϣⲁϥⲣⲁ ⲁϥⲧⲣⲉ ⲛⲉⲥⲥⲱⲧⲡ ϣⲟⲟⲩⲉ. καὶ κατεκλάσθη ἐν θυμῷ, ἐπὶ γῆν ἐρρίφη, καὶ ἄνεμος ὁ καύσων ἐξήρανε τὰ ἐκλεκτὰ αὐτῆς. — Schenute: ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲑⲉ ⲉⲧϥⲛⲁϩⲱϭⲃ ⲁⲛ ⲛ̄ϭⲓ ⲡϣⲏⲛ ⲉⲧⲣⲏⲧ ϩⲓϫⲙ̄ ⲡⲙⲟⲟⲩ ⲉϥϣⲁⲛⲉⲓ ⲉϫⲱϥ ⲛ̄ϭⲓ ⲟⲩϣⲁⲣⲃⲁ ⲟⲩⲧⲉ ⲛ̄ⲛⲉϥⲱϫⲛ̄ ⲉϥⲧⲁⲩⲉ-ⲕⲁⲣⲡⲟⲥ ⲉⲃⲟⲗ, ⲕⲁⲧⲁ ⲑⲉ ⲉⲧⲥⲏϩ, ⲧⲁⲓ ⲟⲛ ⲧⲉ ⲑⲉ ⲛ̄ⲛ̄ⲣⲉϫϣⲓ-ⲥⲃⲱ ⲛ̄ⲧⲙ̄ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲟⲟⲧⲟⲩ ⲛ̄ⲛⲉⲧϫⲱ ⲛⲁⲩ ⲙ̄ⲡϣⲁϫⲉ ⲙ̄ⲡϫⲟⲉⲓⲥ.[4]) «und wie der Baum, welcher gepflanzt ist am Wasser, nicht verdorrt, wenn Hitze über ihn kommt, noch (οὐδέ) aufhört Früchte (καρπός) zu tragen, wie geschrieben steht, so sind die Schüler bei Gott durch diejenigen, welche ihnen mittheilen das Wort des Herrn».

Diese Worte gehn zum Theil zurück auf Jer. 17,8 (boh.) ϫⲉ ⲉϥⲉ̀ⲉⲣ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲛ̀ⲟⲩϣ̀ϣⲏⲛ ⲉϥⲫⲟⲣⲓ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϧⲁⲧⲉⲛ ⲛⲓⲙⲱⲟⲩ —— ⲟⲩⲟϩ ⲛ̀ⲛⲉϥⲉⲣϩⲟϯ

---

3) Etymologiae Aegyptiacae. (Romae, 1808) s. v.

4) C. S. C. O. Ser. 2. IV. 175, 22—24.

ⲁϥϣⲁⲛⲓ ⲛ̀ϫⲉ ⲟⲩⲕⲁⲩⲙⲁ —— ⲟⲩⲟϩ ⲛ̀ⲛⲉϥⲙⲟⲩⲛⲕ ⲉϥⲉ̀ⲉⲛ ⲟⲩⲧⲁϩ ⲉ̀ⲃⲟⲗ. — καὶ ἔσται ὡς ξύλον εὐθηνοῦν παρ' ὕδατα, —— οὐ φοβηθήσεται ὅταν ἔλθῃ καῦμα, —— καὶ οὐ διαλείψει ποιῶν καρπόν. — Jud. 8, 3. ⲁⲩϣⲁⲣⲃⲁ ⲣⲉϩⲧ ⲧⲉϥⲁⲫⲉ. ὁ καύσων ἦλθεν ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ. — Zoëga 644 not 13. (Cod. M. XXIIX) ϯϭⲓ ϫⲁϥ ⲛⲉⲙ ϣⲁⲣⲃⲁ «ich empfange Frost und Hitze; L. l. ⲙ̀ⲡⲉⲣⲱⲥⲕ ⲥⲁⲃⲟⲗ ϫⲉ ⲛ̀ⲛⲉ ⲡϣⲁⲣⲃⲁ ⲛⲉϩⲥⲓ ⲉ̀ⲣⲟⲕ. «Verweile nicht lange draussen, damit dich die Hitze nicht treffe».

Schenute (Cod. Borg. CXCVII.) ⲉⲙⲙⲟⲛ ⲡϣⲏⲛ ⲛ̄ⲧⲁ ⲡⲧⲟⲩⲣⲏⲥ ⲏ ⲡϣⲁⲣⲃⲁ ⲧⲁⲕⲉ ⲛⲉϥⲧⲁⲡ ⲉⲧⲃⲉ ϫⲉ ⲛⲉϥⲛⲟⲩⲛⲉ ⲟⲩⲟⲛϩ̄ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲁⲣⲟϥ ⲏ ϫⲉ ⲛⲥⲉϫⲉ-ⲛⲟⲩⲛⲉ ⲉⲃⲟⲗ ⲁⲛ ϩⲙ ⲡⲙⲁ ⲉⲧⲥⲡ̄ϩⲏⲧϥ̄ (l. ⲉⲧϥⲛ̄ϩⲏⲧϥ) ⲏ ϫⲉ ⲛ̄ϥⲥⲉⲙⲟⲟⲩ ⲁⲛ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ̄ ⲙ̄ⲡⲏⲅⲏ ⲏ ⲛ̄ⲭⲓⲙⲁⲣⲣⲟⲥ ⲉⲧⲕⲧⲟⲉⲓⲧ ⲉⲣⲟϥ.[5]) Amélineau übersetzt das folgendermassen: «N'y a-t-il point d'arbre dont le vent du sud ou un vent de tempête perd les branches, si ses racines apparaissent sous lui, ou s'il n'a pas pris racine dans le lieu où il est, ou s'il n'a pas bu l'eau des sources et des lacs qui l'entourent?»

Ich fasse die Stelle etwas anders auf, vor allem die Worte ⲡⲧⲟⲩⲣⲏⲥ ⲏ ⲡϣⲁⲣⲃⲁ. Ich übersetze: «Denn (ⲉⲙⲙⲟⲛ) der Südwind oder (ἤ) der Gluthwind (ϣⲁⲣⲃⲁ) hat die Spitzen des Baumes zerbrochen, weil (ⲉⲧⲃⲉ ϫⲉ) seine Wurzeln unter ihm zum Vorschein kommen oder (ἤ) weil (ϫⲉ) er nicht Wurzel gefasst hat an der Stelle, wo er sich befindet, oder (ἤ) weil er kein Wasser getrunken hat aus den Quellen (πηγή) und Strömen (χείμαρρος), die ihn umgeben».

Mart. S. Epime: ϯⲟⲓ ⲙ̀ⲫⲣⲏϯ ⲛ̀ⲟⲩⲁⲓ ⲉ̀ⲧⲁϥⲓ ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲟⲩϣⲁⲣⲃⲁ ⲛ̄ⲕⲁⲩⲙⲁ ⲉ̀ⲁϥϫⲓⲙⲓ ⲛ̀ⲟⲩⲙⲱⲟⲩ ⲉϥⲕⲏⲛ ϩⲓⲧϩⲏ ⲙ̀ⲙⲟϥ. ⲁϥⲥⲱ ϣⲁⲧⲉϥⲙⲉϩ ϧⲏⲧϥ[6]). Hyvernat übersetzt: «ego sum sicut ille, qui cum exierit a vento urente, *et* invenerit aquam frigidam ante se, bibit, donec venter suum impleverit».

Ich möchte die Sache etwas anders auffassen und übersetzen: «Ich bin wie einer, der aus einem ausgedörrten Lande gekommen ist, und, nachdem er frisches Wasser vor sich gefunden hat, trinkt, bis er seinen Bauch gefüllt hat».

Schenute: ⲛ̄ⲃⲁⲁⲙⲡⲉ ⲇⲉ ⲛ̄ⲥⲉϩⲣⲁ ⲛ̄ⲥⲱⲟⲩ ⲉϩⲉⲛⲙⲁ ⲛ̄ϫⲁⲉⲓⲉ ⲁⲩⲱ ⲛ̄ϣⲁⲣⲃⲁ (var. ⲛ̄ϣⲁⲃⲣⲁ) ϩⲙ̄ ⲡϭⲱⲛ̄ⲧ ⲙ̄ⲡϣⲱⲥ.[7]) «die Böcke aber (δέ) werden getrieben in wüste und ausgedörrte Gegenden durch den Grimm des Hirten».

---

5) Amélineau, Oeuvres de Schenoudi I. 465, 9—12.

6) C. S. C. O. Ser. 3. I. 141, 6—8.

7) Levy, Neuhebr. u. chald Wb. s. v. — Gesenius-Buhl[14] s. v. שרב

Aus allen diesen Stellen geht nun hervor, dass ϣⲁⲣⲃⲁ zunächst «Gluth, Hitze, Dürre» und «Gluthwind» bedeutet und dass solche Bedeutungen, wie «ventus vehemens» (Peyron) und «vent de tempête» (Amélineau) unhaltbar sind. ϣⲁⲣⲃⲁ ist eine Entlehnung aus dem Semitischen. Vgl. aram. שְׁרַב chald. שָׁרָבָא «Hitze, Dürre», (syr. ܫܪܒܐ ventus fervens), daneben שׁוּרְבָּא «Hitze, Trockenheit»[8]).

Ausser den oben angeführten Bedeutungen hat ϣⲁⲣⲃⲁ noch die Bedeutung «trockene, dürre, glühende Gegend», wie solches zweifellos aus unserem Texte hervorgeht. Ebenso möchte ich ϣⲁⲣⲃⲁ ⲛ̄ⲕⲁⲩⲙⲁ (Mart. S. Epime) auffassen, wo ich ⲛ̄ⲕⲁⲩⲙⲁ (-καύμα) für eine überflüssige Glosse halte.

Für ϣⲁⲣⲃⲁ in letzter Bedeutung ist aber von besonderem Interesse ein Vergleich mit שָׁרָב Jes. 35, 7. Dieses wird dort von den meisten Übersetzern und Auslegern (Franz Delitzsch, Dillmann, Kittel und anderen) als «Luftspiegelung, Kimmung, Fata morgana» aufgefasst, wogegen Cheyne[9]), Duhm, Klostermann[10]) und Guthe[11]) es als «trockenes, ausgedörrtes, glühendes Land, Gluthland» auffassen.

Wie Cheyne anführt, sagt schon Ludovicus de Dieu (Animadversiones 1648. S. 527): «Nemo negabit, quin שרב hoc loco metonymice significet 'terram siccam'». Diese Auffassung scheint mir die einzig annehmbare zu sein und würde auch in dem ϣⲁⲣⲃⲁ unserer Stelle nur eine Bestätigung finden.

Mit Recht weist Cheyne darauf hin, dass LXX שָׁרָב durch ἡ ἄνυδρος wiedergiebt und der Targum es mit שָׁרוּבָא, שַׁרְבָּא übersetzt[12]).

Ursprünglich dürfte ϣⲁⲣⲃⲁ auch Jon. 4, 8 gestanden haben. Der überlieferte Text liest: ⲁⲩⲱ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲁϥⲟⲩⲉϩⲥⲁ[ϩⲛⲉ] ⲛ̄ⲟⲩⲧⲏⲩ ⲉϥⲣⲟⲕϩ̄ ⲁⲩⲱ ⲛ..ⲣⲟⲟⲃ.[13].) Hier steht ⲛ[ϣⲁ]ⲣⲟⲟⲃ wohl fälschlich für ⲛϣⲁⲣⲃⲁ. Vergl. Jon. 4, 8 achmîm. ⲁⲟⲩ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲁϥⲟⲩⲁϩⲥⲁϩⲛⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲧⲏⲩ ⲛ̄ϣⲁⲣⲃⲁ ⲁⲟⲩ ⲉϥⲣⲁⲕϩ.[14]) καὶ προσέταξεν ὁ θεὸς πνεύματι καύσωνι συγκαίοντι. Auch die

---

8) C. S. C. O. Scr. 2. IV. 220, .

9) Cheyne, Einleitung in das Buch Jesaja. Deutsche Überzetzung von Julius Böhmer. (Giessen, 1897), pag. 211. 272 f.

10) In ihren Commentaren.

11) Bei Kautzsch, Heilige Schrift 3. (1909).

12) Vgl. Levy, Chald. Wb. s. v. שְׁרוּבָא. — ויהי שרובא לאנמין דמיין (Targum zu Jes. 35, 12). — «die dürre Gegend wird in Wasser verwandelt». Levy, Neuhebr. Wb. s. v. שְׁרוּבָא

13) Budge, Coptic Biblical Texts in the dialect of Upper Egypt. (London, 1912). — Sir Herbert Thompson, The new Biblical Papyrus. — Notes and collation. 1913, pag. 30.

Wortfolge wird schlecht überliefert sein; es dürfte ursprünglich dort gestanden haben: ⲛ̄ⲟⲩⲧⲏⲩ ⲛ̄ϣⲁⲣⲃⲁ (statt ⲛ[ϣⲁ]ⲣⲟⲟⲃ) ⲁⲩⲱ ⲉϥⲣⲟⲕϩ. — Vergl. noch schliesslich achmîm. Hos. 13, 15. ⲡϫⲁⲉⲓⲥ ⲛⲁⲉⲓⲛⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲧⲏⲩ ⲛϣⲁⲣⲃⲁ ⲁⲃⲁⲗ ϩⲛ ⲧϫⲁⲓ̈ⲉ.[14]) ἐπάξει καύσωνα ἄνεμον κύριος ἐκ τῆς ἐρήμου.

R. b 4. 5. — ⲙⲟⲥⲉ «nisten, hausen»] Vgl. Alexanderr. pag. 98 f.

V. a 17. 18—Zu ⲡⲉⲥⲧⲣⲁⲧⲏⲅⲟⲥ ⲙⲡⲁⲏⲣ «der Oberbefehlshaber der Luft» vgl. m. Cyprian. 4 b 21 und 54.

V. b. 2. 3. — ϩⲁⲧⲉⲩϩⲓⲏ] steht hier, wie so häufig, aus Versehen für ϩⲁⲧⲉⲩϩⲏ «vor ihnen, vor ihnen her».

V. b. 19—23. — ⲁ[ⲩ]ⲛⲟⲩϫⲉ ⲙⲡⲉⲧⲛⲧⲁⲁⲩ (l. ⲙ̄ⲡⲉⲧⲛⲧⲁⲩ) ⲧⲏⲣϥ̄ ⲉ̄ⲛϣⲏⲓ. ⲙ̄ⲛ ⲛϣⲱⲧⲉ]. Dafür hat boh.: ⲁⲩϭⲓ ⲙⲫⲏ ⲉⲧⲉⲛⲧⲱⲟⲩ ⲁⲩϩⲓⲧⲟⲩ ⲉⲛⲙⲱⲟⲩ ⲛⲉⲙ ⲛⲓⲗⲁⲕⲕⲟⲥ, was Amélineau übersetzt: «ils prirent ce qu'ils avaient, ils se jetèrent dans les eaux et dans les fossés». — Diese Auffassung ist aber nicht gut möglich. Sie warfen nicht sich selbst in die Flüsse und Gräben, sondern ihre Habe, denn gleich darauf heisst es: ⲁⲩϣⲉ ⲛⲱⲟⲩ ⲙⲙⲁⲩⲁⲧⲟⲩ ⲛⲉⲙ ⲛⲟⲩⲉⲓⲇⲱⲗⲟⲛ ⲉⲟⲩⲙⲁ ⲛϣⲁϥⲉ. «sie giengen allein mit ihren Götzenbildern an einen wüsten Ort».

CXXXIV. Bruchstück aus einem Marienleben.

Das hier mitgetheilte Bruchstück findet sich im Cod. Copt. Parisinus 129[17] (Apocryphes I) ff. 44—49. Es besteht aus 6 Pergamentblättern oder 12 Seiten (ⲡ̄ⲅ̄ — ϥ̄ⲇ̄. 83—94) kleinen Formats: $23\frac{1}{2} \times 17$ Cm., Schriftfläche $17\frac{1}{2} \times 10\frac{1}{2}$ Cm. Ich gebe den Text nach einer von mir im Jahre 1896 angefertigten Copie. Herrn W. E. Crum, welcher so liebenswürdig war, bei seinem Aufenthalte in Paris im Jahre 1913 mehrere zweifelhafte Lesungen im Originale nachzuprüfen, spreche ich hier meinen herzlichsten Dank aus.

Amélineau setzt die Handschrift ins XII. Jahrhundert, was wohl richtig sein dürfte. Er bezeichnet das Schriftstück als «Apocryphe sur la Passion»[15]). Es wird freilich schwer sein mit Bestimmtheit festzustellen, aus was für einem Werke unser Bruchstück stammt, aber manches spricht doch eher für ein Marienleben oder ein Enconium auf die Jungfrau Maria — so

14) Sammlung Erzherzog Rainer. — Herrn Prof. C. Wessely, welcher die grosse Liebenswürdigkeit hatte, mir die zwei Verse aus den achmimischen «Kleinen Propheten» mitzutheilen, sage ich meinen herzlichsten Dank.

15) In dem handschriftlichen Kataloge in der Bibliothèque nationale.

die ganz besondere Verherrlichung der letzteren — , als für eine apokryphe Geschichte der Passion. Auf ein Marienleben weisen auch die vor Kurzem von Crum herausgegebenen Bruchstücke desselben Werkes[16]).

Die interessantesten Stellen des Textes sind ohne Zweifel ein Hymnus auf die Jungfrau Maria, welcher dort ausdrücklich als solcher bezeichnet wird, und als Gegenstück dazu eine Verfluchung des Judas Ischarioth, welche eine grosse Verwandtschaft zeigt mit einem Abschnitte des «Buches der Auferstehung Jesu Christi, unseres Herrn» (ⲡϫⲱⲱⲙⲉ ⲛ̅ⲧⲁⲛⲁⲥⲧⲁⲥⲓⲥ ⲛ̅ⲓ̅ⲥ̅ ⲡⲉⲭ̅ⲥ̅ ⲡⲉⲛϫⲟⲉⲓⲥ[17]) (= Bartholomäus-Apokalypse) und mit Psalm 108 (109) und 68 (69)[18]). Einige Stellen des von Judas handelnden Abschnittes berühren sich ferner mit den «Akten des Andreas und Paulus»[19]).

Cod. Copt. Parisinus 129[17] (Apocryphes I) ff. 44—49.

[ⲡ̅ⲅ̅]

Ⲁ̅ⲛⲁⲩ ϫⲉ ⲁⲩⲉⲓⲁ ⲡⲉϥⲥⲱ — Copt. Parisin. 129[17] f. 44r
ⲙⲁ ⲉⲃⲟⲗ ⲉϥⲧⲱⲗⲙ̅ ⲛ̅ⲥ̅ⲛⲟϥ.
Ⲁ̅ⲛⲁⲩ ϫⲉ ⲉ̅ⲛⲉ ⲁⲩϯ ⲛ̅ⲟⲩⲕⲁⲓⲥⲉ
ⲉ̅ⲡⲉϥⲥⲱⲙⲁ ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲉϥⲙ̅ⲡϣ̂
Ⲁ̅ⲛⲁⲩ ϫⲉ ⲉ̅ⲛⲉ ⲁⲩϯ ⲉ̅ⲡⲉϥⲥⲱ
ⲙⲁ ⲛ̅ⲟⲩⲛⲉϩ ⲛ̅ⲥ̅ϯⲛⲟⲩϥⲉ.
Ⲁ̅ⲛⲁⲩ ϫⲉ ⲉ̅ⲛⲉ ⲁⲩϩⲉ ⲉⲩⲧⲁⲫⲟⲥ
ⲛ̅ⲃ̅ⲣ̅ⲣⲉ ⲁⲩⲕⲁ ⲡⲉϥⲥⲱⲙⲁ
ⲛ̅ϩⲏⲧϥ̅.
Ⲁ̅ⲛⲁⲩ ϫⲉ ⲉ̅ⲛⲉ ⲁⲩⲕⲁⲁϥ ⲉ̅ⲛⲉ
ⲥⲏⲧ ϩⲓ ⲡⲉⲥⳁⲟ̅ⲥ̅ ϫⲓⲛ ⲡⲉ[sic].
Ⲁⲩⲱ̅ ⲛⲉⲩⲛⲏⲩ ⲉⲩⲧⲁⲙⲟ ⲙⲙⲟⲥ
ⲉ̅ϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ ⲛ̅ⲧⲁⲩⲁⲁⲩ.
Ⲉⲛⲉ ⲁⲩⲧⲁⲙⲟⲥ ϫⲉ ⲁⲩⲉⲓⲛⲉ ⲙ̅
ⲡⲉϥⲥⲱⲙⲁ ⲉ̅ⲡⲉⲥⲏⲧ ϩⲓ
ⲡⲉⲥⳁⲟ̅ⲥ̅.   ⲁⲩⲱ̅ ϫⲉ ⲁⲩ

16) S. weiter unten.
17) Budge, Coptic Apocrypha. (London, 1913) pag. 46, 10. 11.
18) Vgl. Misc. LXI.
19) Zoëga 232 f. (Col. Borg. CXXXII).

Ⲕⲱⲱⲥϥ ϩⲛ̅ ϩⲉⲛⲥⲧⲁⲓ̈ⲛⲟⲩϥⲉ[sic]
ⲉ̅ⲛⲁϣⲉⲥⲟⲩⲛ̅ⲧⲟⲩ. ⲙⲛ̅ ϩⲉⲛ
ⲥⲓⲛⲇⲱⲛⲓⲟⲛ ⲉⲩⲣⲁϩⲉ.
Ⲁⲩϯ ⲉ̅ⲣⲟϥ ⲛ̅ⲟⲩϣⲁⲗ ⲙⲛ̅ ⲟⲩⲁⲗ
ⲗⲱⲏ̅. ⲁ̅ⲩⲕⲁⲁϥ ϩⲛ̅ ⲟⲩⲧⲁ
ⲫⲟⲥ ⲛ̅ⲃ̅ⲣ̅ⲣⲉ.

[ⲡ̅ⲇ̅]

Copt. Parisin. 129^{17} f. 44^{v}

Ⲛⲁⲓ̈ ⲇⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲛⲉⲩϫⲱ ⲙ̅ⲙⲟⲟⲩ
ⲛⲁⲥ. ⲉ̅ⲛⲉⲥⲉⲓⲣⲉ ϩⲱⲱⲥ ⲡⲉ
ⲙ̅ⲡⲙⲉⲉⲩⲉ̅ ⲛ̅ⲛ̅ϣⲁϫⲉ ⲛ̅ⲧⲁϥ
ϫⲟⲟⲩ ⲛⲁⲥ. ϫⲉ ϩⲁⲥ[sic] ⲡⲉ ⲉⲧⲣⲁ
ϣⲉⲡ ⲛⲁⲓ̈ ⲧⲏⲣⲟⲩ.

ϨⲨⲘⲚ Ⲛⲁⲓⲁⲧⲉ ⲛ̅ⲧⲟ ⲱ̅ ⲙⲁⲣⲓⲁ. ⲧⲉⲧ
ⲥⲟⲧⲡ̅ ⲙ̅ⲡⲁⲣⲁ ⲧ̅ⲡⲉ ⲙⲛ̅ ⲡⲕⲁϩ.
Ⲱ̅ ⲙⲁⲣⲓⲁ ⲧⲉⲧⲉⲣⲉ ⲧⲉⲯⲩⲭⲏ
ϫⲟⲟⲣ ⲛϩⲟⲩⲉ̅ ⲉ̅ⲥⲛⲏϥⲉ ⲛⲓⲙ.
ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲉⲛⲧⲁϥϫⲟⲟϥ ⲛ̅ϭⲓ
ⲥⲩⲙⲉⲱⲛ ⲡⲟⲩⲏⲏⲃ̅.
Ϫⲉ ⲛ̅ⲧⲟ ⲇⲉ ⲱ̅ ⲙⲁⲣⲓⲁ̅ ⲟⲩⲛ̅ ⲟⲩ
ⲥⲏϥⲉ ⲛⲏⲩ ⲉ̅ⲃⲟⲗ ϩⲛ̅ ⲧⲟⲩ
ⲯⲩⲭⲏ ϫⲉⲕⲁⲥ ⲉⲩⲉ̅ϭⲱⲗⲡ̅
ⲉ̅ⲃⲟⲗ ⲛ̅ϭⲓ ⲛ̅ⲙⲟⲕⲙⲉⲕ ⲛ̅ϩⲁϩ
ⲛ̅ϩⲏⲧ.
Ⲛⲁⲓⲁ̅ⲧⲉ ⲛ̅ⲧⲟ ⲱ̅ ⲙⲁⲣⲓⲁ̅ ϫⲉ ⲁ
ⲧⲟⲓⲕⲟⲩⲙⲉⲛⲏ ⲧⲏⲣⲥ̅ ϣⲱ
ⲡⲉ ⲛⲉⲗⲉⲩⲑⲉⲣⲟⲥ ⲉⲧⲃⲏⲏ̅ⲧⲉ.
Ⲛⲁⲓⲁ̅ⲧⲉ ⲛ̅ⲧⲟ ⲱ̅ ⲙⲁⲣⲓⲁ̅ ⲧⲛ̅
ⲧⲁⲥⲣ̅ ⲡ̅ⲕⲟⲥⲙⲟⲥ ⲧⲏⲣϥ̅
ⲛ̅ⲣⲙ̅ϩⲉ. ϩⲓⲧⲙ̅ ⲡ̅ⲥⲁϩⲟⲩ

ⲡ̅ⲉ̅

Copt. Paris. 129^{17} f. 45^{r}

ⲛ̅ⲧ̅ⲡⲁⲣⲁⲃⲁⲥⲓⲥ ⲛ̅ⲁⲇⲁⲙ
ⲙⲛ̅ ⲉⲩϩⲁ.
Ⲛⲁⲓⲁ̅ⲧⲉ ⲛ̅ⲧⲟ ⲱ̅ ⲙⲁⲣⲓⲁ ⲧⲛ̅
ⲧⲁⲥⲟⲩⲱⲛ ⲛⲁⲛ ⲙ̅ⲡⲣⲟ.
ⲙ̅ⲡⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ ⲛ̅ⲕⲉⲥⲟⲡ
ϩⲓⲧⲛ̅ ⲛⲉⲥϣ̅ⲗⲏⲗ.

Ⲛⲁⲓ̈ⲁ̄ⲧⲉ ⲛ̄ⲧⲟ ⲱ̄ ⲙⲁⲣⲓⲁ̄ ⲧⲛ̄
ⲧⲁ ⲛ̄ⲧⲟⲩϫⲟ ⲛ̄ⲧⲟⲓⲕⲟⲩⲙⲉ
ⲛⲏ ⲧⲏⲣ̄ⲥ̄ ϣⲱⲡⲉ ⲛⲁⲛ
ϩⲛ̄ ⲧⲉⲥⲕⲁⲗⲁϩⲏ.
Ⲛⲁⲓ̈ⲁ̄ⲧⲉ ⲛ̄ⲧⲟ ⲱ̄ ⲙⲁⲣⲓⲁ̄ ⲧⲛ̄
ⲧⲁ ⲡ̄ⲅⲉⲛⲟⲥ ⲛ̄ⲛⲉϩⲓⲟ̄ⲙⲉ·
ϫⲓ ⲛ̄ⲟⲩⲧⲁⲉⲓⲟ̄ ⲉⲧⲃ̄ⲃⲏⲛ̄ⲧⲉ.
Ⲛⲓⲙ ⲛ̄ⲣⲱⲙⲉ ϩⲓϫⲙ̄ ⲡⲕⲁϩ.
ⲕⲁⲛ ⲉ̄ⲣⲉ ⲡⲉϥⲛⲟⲩⲥ ⲧⲃ̄ⲃⲏⲩ
ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲧ̄ⲡⲉ. ⲕⲁⲛ ⲟⲩⲥⲟⲫⲟⲥ
ⲡⲉ ⲙ̄ⲡⲁⲣⲁ ⲛⲉⲛⲧⲁⲩϣⲱ
ⲡⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ ϩⲓϫⲙ̄ ⲡⲕⲁϩ.
Ⲕⲁⲛ ⲉ̄ⲁϥϫⲓ ⲙ̄ⲡ̄ⲛⲟⲙⲟⲥ ⲛ̄ⲑⲉ
ⲙ̄ⲙⲱⲩ̈ⲥⲏⲥ. ⲕⲁⲛ ⲉ̄ⲁϥϫⲓ
ⲙ̄ⲡⲉⲡ̄ⲛ̄ⲁ̄ ⲛ̄ⲧ̄ⲙ̄ⲛ̄ⲧ̄ⲡ̄ⲣⲟ
ⲫⲏⲧⲏⲥ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ϩⲟⲩⲗⲓⲁⲥ·

ⲡ̄ⲉ̄

ⲙⲛ̄ ⲥⲁⲙⲟⲩⲏⲗ. ⲡⲉⲧⲛⲁ Copt. Parisin. 129[17] f. 45v
ϣ̄ϣⲁϫⲉ ⲉⲡⲧⲁⲉⲓⲟ̄ ⲙ̄ⲡⲟⲩ
ⲃⲓⲟⲥ. ⲛ̄ⲥⲩⲙⲛⲟⲥ.
Ⲁⲗⲏⲑⲱⲥ ⲉⲓϣⲁⲛⲣ̄ ⲡ̄ⲙⲉⲉⲩⲉ̄
ⲙ̄ⲡⲟⲩⲃⲓⲟⲥ ⲛ̄ⲥⲩⲙⲛⲟⲥ.
ϣⲁⲓ̈ⲣ̄ⲑⲉ ⲉϣϫⲉ ⲛ̄ⲧⲁⲓⲡⲱ
ⲱ̄ⲛⲉ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϩⲙ̄ ⲡⲕⲟⲥⲙⲟⲥ
ⲁⲓ̈ⲃⲱⲕ ⲉⲡϫⲓⲥⲉ ⲛ̄ⲙ̄ⲡⲏⲩⲉ̄.
Ⲁⲩⲱ̄ ⲟⲛ ϣⲁⲓ̈ⲣ̄ⲑⲉ ⲉϣϫⲉ
ⲛ̄ⲧⲁⲓ̈ⲧⲱⲟⲩⲛ ⲙⲛ̄ ⲡⲁϫⲟ
ⲉⲓⲥ ⲙ̄ⲡⲟⲟⲩ.
Ϯⲡⲁⲣⲁⲕⲁⲗⲉⲓ ⲙ̄ⲙⲟ ⲱ̄ ⲧⲁ
ϫⲟⲉⲓⲥ ⲙ̄ⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ ϫⲉ ⲉ̄
ⲣⲉϩⲣⲟϣ ⲛ̄ϩⲏⲧ ⲛⲙ̄ⲙⲁⲓ̈
ⲛ̄ⲟⲩⲕⲟⲩⲓ̈. ϣⲁⲛϮϫⲱⲕ
ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲛⲉⲛⲧⲁⲓⲁⲣⲭⲉⲓ
ⲉ̄ⲣⲟⲟⲩ ⲛ̄ϣⲟⲣⲡ̄.

Ⲛⲧⲉⲣⲉϥ ⲉⲓⲙⲉ ⲧⲉ ⲛ̄ϭⲓ ⲓ̄ⲥ̄ ϫⲉ
ⲁ̄ ϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ ϫⲱⲕ ⲉ̄ⲃⲟⲗ.
ⲁϥⲣⲓⲕⲉ ⲛ̄ⲧⲉϥⲁⲡⲉ ⲁϥϮ

ⲙ̅ⲡⲉⲡⲛ̅ⲁ̅.
Ⲛⲉⲣⲉ ⲟⲩⲛⲟϭ ⲅⲁⲣ ⲛ̅ⲑⲉⲱⲣⲓⲁ̅

ⲡ̅ⲍ̅

Copt. Parisin. 129[17] f. 46r

ϣⲟⲟⲡ ⲙ̅ⲡⲛⲁⲩ ⲉ̅ⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ.
Ⲁ ⲛⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ϥⲓ ⲛ̅ⲛⲉⲩⲕ̅ⲗⲟⲙ
ⲉⲧϩⲓϫ̅ⲛ̅ ⲛⲉⲩⲁ̅ⲡⲏⲩⲉ ⲁⲩⲕⲁⲁⲩ
ⲉ̅ϩⲣⲁ̈ⲓ̈ ⲁ̅ ⲛⲉⲭⲁⲓ̈ⲣⲟⲩ
Ⲃⲓⲛ ⲕⲱ̅ ⲉ̅ⲡⲉⲥⲏⲧ ⲛ̅ⲛⲉⲩⲧⲏ̅ϩ̅
ⲛ̅ⲟⲩⲟ̅ⲉⲓⲛ. ⲁ ⲛ̅ⲍⲉⲣⲁⲫⲓⲛ
ϩⲱⲃ̅ⲥ̅ ⲙ̅ⲡⲉⲩϩⲟ ⲙ̅ⲙⲓⲛ ⲙ̅ⲙⲟⲟⲩ.
Ⲛⲉⲣⲉ ⲡⲉⲓⲱⲧ ϭⲱϣ̅ⲧ̅ ⲉ̅ⲡⲉⲥⲏⲧ
ⲉ̅ϫⲙ̅ ⲡ̅ⲕⲁϩ.
Ⲁ ⲡⲣⲏ ⲣ̅-ϩⲟⲧⲉ ⲁϥϩⲱⲡ ⲙ̅ⲡⲉϥ
ⲟⲩⲟ̅ⲉⲓⲛ. ⲁ̅ ⲡⲟⲟϩ ⲁ̅ⲛⲁⲭⲱ
ⲣⲉⲓ ⲛⲁϥ. ⲁⲩⲛⲟϭ ⲛ̅ⲕⲁⲕⲉ
ϣⲱⲡⲉ ⲛ̅ⲧⲡⲁϣⲉ ⲙ̅ⲡⲉϩⲟ̅ⲟ̅ⲩ
ⲉ̅ⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ.
Ⲁ ⲛⲉⲧⲙⲟⲟⲩⲧ ⲧⲱⲟⲩⲛ ϩⲛ̅
ⲛⲙ̅ϩⲁⲩ. ⲁ ⲡⲕⲁⲧⲁⲡⲉ
ⲧⲁⲥⲙⲁ ⲙ̅ⲡⲉⲣⲡⲉ ⲡⲱϩ ⲁϥ
ⲣ̅-ⲥ̅ⲛⲁⲩ.
Ⲛ̅ⲧⲉⲣⲉ ⲛⲁ̈ⲓ̈ ⲧⲏⲣⲟⲩ ϣⲱⲡⲉ
ⲁⲩϣⲧⲟⲣⲧ̅ⲣ̅ ⲛ̅ϭⲓ ⲛⲉⲛⲧⲁⲩ
ⲉⲓ ⲉ̅ⲃⲟⲗ ⲉ̅ⲛⲁⲩ ⲉ̅ⲣⲟϥ.
Ⲉⲛⲉⲩϫⲱ ⲙ̅ⲙⲟⲥ ⲡⲉ ϫⲉ ⲉⲓⲥ ⲟⲩ

ⲡ̅ⲏ̅

Copt. Parisin. 129[17] f. 46v

ⲙⲏⲛ̅ϣⲉ ⲛ̅ⲣⲱⲙⲉ ⲁⲩⲙⲟⲟⲩ
ⲧⲟⲩ ϩⲛ̅ ⲧⲉⲡⲟⲗⲓⲥ. ⲁⲩⲱ ⲙ̅
ⲡⲉ ϩⲱⲃ ⲛⲧⲉⲓⲙⲓⲛⲉ ϣⲱⲡⲉ.
Ϣⲛ̅ⲧⲟⲥ ⲡ̅ϣⲏⲣⲉ ⲙ̅ⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ ⲡⲉ ⲡⲁⲓ ϩ̅ⲛ̅ ⲟⲩⲙⲉ.
Ⲉⲓⲧⲁ ⲁⲩⲉⲓⲛⲉ ⲙ̅ⲡⲉϥⲥⲱⲙⲁ
ⲉⲧⲟⲩⲁ̅ⲁⲃ ⲉ̅ⲡⲉⲥⲏⲧ ϩⲓ ⲡⲉⲥ
ⳁⲟ̅ⲥ̅. ⲡⲉϩⲟⲟⲩ ⲅⲁⲣ ⲉ̅ⲧⲙ̅
Ⲙⲁⲩ ⲟⲩϩⲟⲟⲩ ⲡⲉ ⲉ̅ϥⲟⲩⲱⲛϩ̅
ⲉ̅ⲃⲟⲗ ⲛ̅ⲛⲓⲟⲩⲇⲁⲓ ⲧⲏⲣⲟⲩ.

Ⲛⲉⲩⲕⲱⲣⲉϥ ⲙⲉⲛ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲡⲉ.
ⲉ̄ⲙⲛ ⲗⲁⲁⲩ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ ⲉⲣ-ϩⲱⲃ
ⲉⲡⲧⲏⲣ̄ϥ̄. ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲁï ⲣⲱ
Ⲁⲩⲥⲱⲟⲩϩ ⲉⲧⲉⲑⲉⲱ̄ⲣⲓⲁ ⲉⲧ
ⲣⲉⲩⲑⲉⲱ̄ⲣⲉⲓ ⲙ̄ⲙⲟϥ.
Ⲡⲛⲟⲙⲟⲥ ⲅⲁⲣ ⲛ̄ⲓ̈ⲟⲩⲇⲁï ⲡⲉ ⲡⲁï
ⲛⲉⲧⲟⲩⲛⲁⲙⲟⲟⲩⲧⲟⲩ ϩ̄ⲛ̄
ⲑⲓⲉ̄ⲗ̄ⲏ̄ⲙ̄ ϩⲁⲑⲏ ⲙ̄ⲡⲁⲧⲟⲩϯ
ⲙⲡⲉⲩⲡ̄ⲛ̄ⲁ̄. ϣⲁⲩⲟⲩⲱϭ̄ⲡ̄
ⲛ̄ⲛ̄ⲥⲏⲛϥⲉ ⲛ̄ⲣⲁⲧⲟⲩ. ϩⲱⲥ
ⲉⲩϯ-ⲥⲱϣ ⲛⲁⲩ. ϫⲉ ϩ̄ⲛ̄ ⲣⲉϥ

ⲡ̄ⲑ̄

ⲣ̄-ⲛⲟⲃⲉ ⲛⲉ · ⲁⲩⲱ̄ ⲛⲉⲣⲉ ⲟⲩ — Copt. Parisin. 129^{17} f. 47^{r}
Ⲛⲟϭ ⲛ̄ϣⲧⲟⲣⲧ̄ⲣ̄ ϣⲟⲟⲡ ϩ̄ⲛ̄
ⲛ̄ⲓ̈ⲟⲩⲇⲁï ⲉⲧⲃⲏⲏ̄ⲧ̄ϥ̄.
Ⲁⲩⲱ̄ ⲟⲛ ϫⲉ ⲡⲉⲩⲥⲱⲛⲧ ⲁⲛ
ⲡⲉ ⲛ̄ⲧⲉ ⲥⲱⲙⲁ ϭⲱ ϩⲓ ⲡⲉⲥ⳨ⲟ̄ⲥ̄
ⲙ̄ⲡ̄ⲥⲁⲃⲃⲁⲧⲟⲛ.
Ⲁⲩϯ-ⲡⲉⲩⲟⲩⲟï ⲉ̄ⲡⲉⲓⲗⲁⲧⲟⲥ
ⲡⲉϫⲁⲩ ⲛⲁϥ ϫⲉ ⲉⲛⲥⲟⲟⲩⲛ
ϫⲉ ⲣⲁⲥⲧⲉ ⲟⲩϩⲟⲟⲩ ⲉϥⲟⲩⲱ̄
ⲛ̄ϩ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲡⲉ. ϫⲉ ⲛ̄ⲛⲉ ⲥⲱⲙⲁ
ϭⲱ ϩⲓ ⲡⲉⲥ⳨ⲟ̄ⲥ̄.
Ⲉϣϫⲉ ⲉⲛⲕⲉⲗⲉⲩⲉ̄ ⲙⲁⲣ̄ⲛ̄ⲟⲩ
ⲱϭⲡ ⲛ̄ⲛ̄ⲕⲁϣ ⲛ̄ⲣⲁⲧⲟⲩ
ⲉⲩϣⲁⲛϫⲱⲕ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲧ̄ⲛ̄ⲛⲁ
ϥⲓⲧⲟⲩ ⲙ̄ⲙⲁⲩ ϩⲓ ⲡⲉⲥ⳨ⲟ̄ⲥ̄.
Ⲁⲩⲱ̄ ⲁϥⲕⲉⲗⲉⲩⲉ̄ ⲛ̄ϭⲓ ⲡⲓⲗⲁ
ⲧⲟⲥ ⲉⲧⲣⲉⲩⲉⲓⲣⲉ ϩⲓ ⲛⲁï.
Ⲁⲩⲉⲓ ⲇⲉ ⲟⲛ ⲁⲩⲟⲩⲱ̄ϭⲡ ⲛ̄ⲛⲟⲩⲉ̄
ⲣⲏⲧⲉ ⲙ̄ⲡ̄ⲗ̄ⲏⲥⲧⲏⲥ ⲥⲛⲁⲩ.
ⲛ̄ⲧⲁⲩⲁϣⲧⲟⲩ ⲛ̄ⲙ̄ⲙⲁϥ
ϣⲁⲛⲧⲟⲩⲙⲟⲩ.
÷
Ⲛ̄ⲧⲉⲣⲟⲩⲉⲓ ⲉ̄ϫ̄ⲙ̄ ⲡⲉⲧⲥⲟⲟⲩⲛ

ϥ̄

ⲛ̄ϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ ϩⲁⲑⲏ ⲙ̄ⲡⲁⲧⲟⲩ — Copt. Parisin. 129^{17} f. 47^{v}
ϣⲱⲡⲉ. ⲉⲩⲟⲩⲱϣ ⲉ̄ⲟⲩⲱ̄

ϭⲛ̄ ⲛ̄ⲛⲉϥⲟⲩⲉ̄ⲣⲏⲧⲉ ϩⲱⲱϥ
ⲁⲩϩⲉ ⲉ̄ⲣⲟϥ ⲉ̄ⲁϥϯ ⲙ̄ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ̄.
÷
Ⲛ̄ⲧⲉⲣⲟⲩⲛⲁⲩ ϫⲉ ϫⲉ ⲁϥⲣ̄-ⲃⲟⲗ
ⲉ̄ⲡⲉⲓⲛⲟϭ ⲛ̄ϩⲓⲥⲉ · ⲉ̄ⲧⲉ ⲧϭⲓⲛ
ⲟⲩⲱϭⲛ̄ ⲛ̄ⲛ̄ⲥⲏϥⲉ ⲛ̄ⲣⲁⲧⲟⲩ
ⲡⲉ. ⲁⲩⲙⲟⲩϩ ⲛ̄ϭⲱⲛ̄ⲧ
ⲉ̄ⲙⲁⲧⲉ ϫⲉ ⲁϥⲣ̄-ⲃⲟⲗ ⲉ̄ⲛⲉⲩ
ϭⲓϫ. ⲉ̄ⲣⲉ ⲟⲩⲁ ⲇⲉ
Ⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ ⲉ̄ⲣⲉ ⲟⲩⲗⲟⲩⲭⲏ ⲉⲥ
ⲧⲉⲥ ⲛ̄ⲧⲟⲟ̄ⲧϥ. ⲁϥϯ ⲙ̄
ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲓ̈ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲑⲩⲙⲟⲥ
ⲉϫⲛ̄ ⲓ̄ⲥ̄. ⲁϥⲣⲁϩⲧ̄ϥ ⲉ̄ⲡⲉϥ
ⲥⲡⲓⲣ ⲛ̄ⲟⲩⲛⲁⲙ ⲛ̄ⲧ̄ⲗⲟⲩⲭⲏ.
Ⲁⲩⲱ̄ ⲛ̄ⲧⲉⲩⲛⲟⲩ ⲁ̄ ⲡⲉϥⲥ̄ⲡⲓⲣ
ⲡⲱϭⲉ. ⲁϥⲧⲁⲟⲩⲟ̄ ⲉ̄ⲃⲟⲗ
ⲛⲟⲩⲥ̄ⲛⲟϥ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲙⲟⲟⲩ.
÷
Ⲛ̄ⲧⲉⲣⲟⲩⲛⲁⲩ ⲇⲉ ⲉⲡⲙⲟⲟⲩ
ⲙⲛ̄ ⲡⲉⲥⲛⲟϥ ⲁⲩⲣ̄-ⲙⲛ̄ⲧ̄ⲣⲉ
ⲉⲩϫⲱ ⲙ̄ⲙⲟⲥ. ϫⲉ ⲙ̄ⲡⲉ ⲡⲁⲓ̈

[ϥ̄ⲁ̄]

Copt. Parisin. 129[17] f. 48r

ϣⲱⲡⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲣⲱⲙⲉ ⲉ̄ⲛⲉϩ
ⲉⲧⲣⲉ ⲥ̄ⲛⲟϥ ⲉⲓ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϩⲛ̄ ⲣⲱ·
ⲙⲉ ⲉ̄ϣⲁϥⲙⲟⲩ. ⲡⲁⲓ̈ ⲇⲉ
ⲟⲩⲥ̄ⲛⲟϥ ⲙ̄ⲙⲁⲧⲉ ⲁⲛ ⲁⲗⲗⲁ
ⲟⲩⲥ̄ⲛⲟϥ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲙⲟⲟⲩ.
÷
Ⲛ̄ⲧⲟⲟⲩ ⲇⲉ ⲁⲩⲱϣ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϩⲓ ⲟⲩ
ⲥⲟⲡ. ϫⲉ ⲛⲁⲙⲉ ⲡ̄ϣⲏⲣⲉ
ⲙ̄ⲡ̄ⲛⲟⲩⲧⲉ ⲡⲉ ⲡⲁⲓ̈.
Ⲡⲓⲗⲁⲧⲟⲥ ⲇⲉ ⲁϥϫⲓ ⲛ̄ⲟⲩⲙⲟ̄ⲩ.
ⲁϥⲉⲓ̄ⲱ̄ ⲛ̄ⲛⲉϥϭⲓϫ ⲙ̄ⲡⲉⲩ
ⲙ̄ⲧⲟ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲉϥϫⲱ ⲙⲙⲟⲥ.
ϫⲉ ϯⲟⲩⲁⲁⲃ ⲉ̄ⲡⲉⲥⲛⲟϥ
ⲙⲡⲓⲣⲱⲙⲉ ⲛ̄ⲇⲓⲕⲁⲓⲟⲥ.
Ⲡⲁⲛⲁⲑⲁⲣⲧⲟⲥ ⲇⲉ ⲁⲩⲱ ⲡ̄
ϣⲟⲩⲧⲙⲧⲁⲟⲩⲉ̄ ⲡⲉϥⲣⲁⲛ
ⲓⲟⲩⲇⲁⲥ. ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉϥⲛⲁⲩ

ⲉⲡⲛⲟϭ ⲛ̄ⲛⲟⲃⲉ ⲛ̄ⲧⲁϥⲁⲁϥ
ⲙⲛ̄ ⲡⲛⲟϭ ⲛ̄ϣ̄ ⲧⲟⲣⲧⲣ̄ ⲛ̄
ⲧⲁϥϣⲱⲡⲉ. ⲁϥⲣ̄-ϩⲟⲧⲉ ⲉ
ⲙⲁⲧⲉ ⲉϥⲥⲱⲧⲙ̄ ⲉ̄ⲡⲉϥⲣⲁ͠
ϩⲛ̄ ⲣⲱϥ ⲛ̄ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓⲙ. ϫⲉ
ⲡⲉϥⲙⲁⲑⲏⲧⲏⲥ ⲁϥⲧⲁⲁϥ ⲉⲃ°ⲗ

ϥ̄ⲃ̄

Ⲡⲉϫⲁϥ ϫⲉ ⲟⲩⲟⲓ̈ ⲛⲁⲓ̈ ⲁⲛⲟⲕ — Copt. Parisin. 129^{17} f. 48^{v}
ϫⲉ ⲁⲓ̈ϯ ⲛ̄ⲟⲩⲥ̄ⲛⲟϥ ⲛⲁⲧ
ⲛⲟⲃⲉ ⲉ̄ⲡⲙⲟⲩ.
Ϣ̄ ⲓ̈ⲟⲩⲇⲁⲥ ⲡⲁⲛⲟⲙⲟⲥ ⲉ̄ⲃⲟⲗ
ⲧⲱⲛ ⲟⲛ ⲁ ⲡⲉⲕⲣⲁⲛ ⲉⲧ
ϫⲁϩⲙ̄ ⲉⲓ ⲉⲧⲙⲛⲧⲉ. sic
Ⲉⲩⲉ̄ⲃⲉⲧ ⲡⲉⲕⲣⲁⲛ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϩ̄ⲙ
✢ ⲡϫⲱⲱ̄ⲙⲉ ⲙ̄ⲡⲱⲛϩ̄
✢ ⲛ̄ⲥⲉⲣ·ⲡ̄ⲙⲉⲉⲩⲉ̄ ⲛ̄ⲛⲁⲛⲟⲙⲓⲁ̄
✢ ⲛ̄ⲛⲉⲕⲉⲓⲟ̄ⲧⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲙⲧⲟ ⲉ̄ⲃⲟⲗ
✢ ⲙ̄ⲡϫⲟⲉⲓⲥ. ⲛ̄ⲥⲉⲧⲙ̄ϥⲱ
✢ ⲧⲉ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ⲙ̄ⲡⲛⲟⲃⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲕⲙⲁⲁⲩ
✢ ϫⲉ ⲙⲡⲉⲕⲣ̄-ⲡⲙⲉⲉⲩⲉ̄ ⲉⲉⲓⲣⲉ
✢ ⲛ̄ⲟⲩⲛⲁ
Ⲛ̄ⲛ̄ⲥⲁ ⲛⲁⲓ̈ ⲁϥϫⲓ ⲛ̄ⲟⲩϣⲟϫ
ⲛⲉ ⲛⲁϥ ⲛ̄ϭⲓ ⲡⲉϥϣ̄ⲃⲏⲣ
ϩⲛ̄ ⲧ̄ⲕⲁⲕⲓⲁ̄ ⲛ̄ⲥⲁⲧⲁⲛⲁⲥ.
ⲉϥϫⲱ ⲙ̄ⲙⲟⲥ. ϫⲉ ⲉⲕϩ̄ⲙⲟ
ⲟⲥ ⲉⲕⲣ̄ ⲟⲩ ⲉⲕⲥⲟⲟⲩⲛ ϫⲉ
ⲉⲣϣⲁⲛ ⲡⲁⲓ̈ ⲃⲱⲕ ⲉ̄ⲡⲉⲥⲏⲧ
ⲉ̄ⲁⲙⲛ̄ⲧⲉ ϥ̄ⲛⲁⲉⲓⲛⲉ ⲉϩⲣⲁⲓ̈
ⲛ̄ⲧⲉⲭⲙⲁⲗⲱⲥⲓⲁ̄ ⲛⲙ̄ⲙⲁϥ

ϥ̄ⲅ̄

Ⲡ̄ⲗⲏⲛ ⲥⲱⲧⲙ̄ ⲛ̄ⲥⲱⲓ̈ ⲛ̄ⲅ̄ⲧⲱ — Copt. Parisin. 129^{17} f. 49^{r}
ⲟⲩⲛ ⲛ̄ⲅ̄ⲃⲱⲕ ⲛ̄ⲅ̄ⲱϭⲧⲕ̄ ⲛ̄ⲅ̄ⲙ°ⲩ.
Ⲁⲩⲱ̄ ϥ̄ⲛⲁϣⲉⲛⲉϩⲧⲏϥ ϩⲁⲣⲟⲕ.
ⲛ̄ϥⲛ̄ⲧ̄ⲕ ⲉϩⲣⲁⲓ̈ ⲙⲛ̄ ⲧⲉⲭⲙⲁ
ⲗⲱⲥⲓⲁ̄ ⲧⲏⲣ̄ⲥ
Ⲁϥⲧⲱⲟⲩⲛ ⲛ̄ϭⲓ ⲡⲉⲛⲧⲁ ⲧⲉϥ

ϩⲁⲛ ⲉⲓ ⲛⲁϥ ⲛⲁⲕⲱⲥ ⲙ̅ⲡⲁ ⲧⲉϥⲉⲓⲙⲉ. ⲁϥϫⲓ ⲙ̅ⲡⲙⲁⲁⲃ ⲛ̅ϩⲁⲧ ⲁϥⲃⲱⲕ ϣⲁ ⲛⲁⲣⲭⲓⲉ̅ ⲣⲉⲩⲥ. ⲡⲉϫⲁϥ ⲛⲁⲩ ϫⲉ ϫⲓ ⲛⲁï ⲛⲏⲧⲛ̅. ϫⲉ ⲁⲓϯ ⲛ̅ⲟⲩⲥ̅ⲛⲟϥ ⲛⲁⲧⲛⲟⲃⲉ ⲉⲡⲙⲟⲩ · ⲡⲉϫⲁⲩ ⲛⲁϥ ϫⲉ ⲙⲛ̅ⲧⲁⲛ ϩⲱⲃ. ⲛ̅ ⲧⲟⲕ ⲉⲧⲣⲟϣⲉ. sic

Ⲡⲁⲥⲉⲃⲏⲥ ⲇⲉ ⲁϥⲛⲉϫ ⲛ̅ϩⲟⲙⲛ̅ⲧ ⲉ̅ϩⲟⲩⲛ ⲉ̅ⲡⲉⲣⲡⲉ ⲁϥⲃⲱⲕ ⲁϥ ⲟϭⲧϥ̅. ⲡⲁï ⲡⲉ ⲡ̅ϩⲱⲃ ⲛ̅ⲛⲉⲧⲇⲓⲁⲃⲁⲗⲉ ⲙ̅ⲙⲟï ϩⲁⲧⲙ̅ ⲡϫⲟⲉⲓⲥ. ⲁⲩⲱ̅ ⲁⲩϫⲱ ⲛ̅ϩⲉⲛ ⲡⲉⲑⲟⲟⲩ ⲛ̅ⲥⲁ ⲧⲁⲯⲩⲭⲏ.

Ⲛⲧⲉⲣⲉ ⲣⲟⲩϩⲉ ⲇⲉ ϣⲱⲡⲉ ⲛ̅ⲧ̅ⲡⲁ ⲣⲁⲥⲕⲉⲩⲉ̅ ⲙⲛ̅ⲛ̅ⲥⲁ ⲧ̅ⲣⲉⲩⲕⲁⲁϥ

ϥ̅ⲇ̅

Copt. Parisin. 129[17] f. 49[v]

ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ ϩⲓ ⲡⲉⲥ⳨̅ⲟ̅ⲥ̅ · ⲁⲩⲉⲓ ⲛ̅ϭⲓ ⲟⲩⲙⲏⲛ̅ϣⲉ ⲉⲩϩⲏⲡ ⲛ̅ ⲧⲉ ⲡⲉⲛϫⲟⲉⲓⲥ ⲛⲁï ⲛ̅ⲧⲁⲩ ⲡⲓⲥⲧⲉⲩⲉ̅ ⲉ̅ⲣⲟϥ.

Ⲛⲉ ⲟⲩⲛ̅ ⲟⲩⲁ ⲧⲉ ⲛ̅ϩⲏⲧⲟⲩ ϫⲉ ⲓⲱⲥⲏⲫ ⲉ̅ⲃⲟⲗ ϩ̅ⲛ̅ ⲁ̅ⲣⲓⲙⲁⲑⲓⲁ̅ ⲙⲛ̅ ⲛⲓⲕⲱⲇⲏⲙⲟⲥ. ⲡⲉⲛ ⲧⲁϥⲉⲓ ϣⲁ ⲓ̅ⲥ̅ ⲛ̅ⲧⲉⲩϣⲏ.

Ⲛⲁï ⲁⲩⲉⲓ ϣⲁ ⲡⲉⲓⲗⲁⲧⲟⲥ ⲁⲩⲁïϯ ⲙ̅ⲡⲥⲱⲙⲁ ⲛ̅ⲓ̅ⲥ̅ ⲉⲧⲣⲉϥⲧⲁⲁϥ ⲛⲁⲩ. ⲡⲓⲗⲁⲧⲟⲥ ⲇⲉ ⲁϥ ⲣⲁϣⲉ ⲉ̅ⲙⲁⲧⲉ. ⲁϥⲟⲩⲉϩⲥⲁϩ ⲛⲉ ⲉⲧⲁⲁϥ ⲛⲁⲩ. ϫⲉ ⲛ̅ⲧⲟϥ ϩⲱⲱϥ ⲡⲓⲗⲁⲧⲟⲥ ⲛ̅ϥⲡⲓⲥ ⲧⲉⲩⲉ̅ ⲉⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲓ̅ⲥ̅.

Ⲁⲩⲱ̅ ⲁⲩϫⲓ ⲓ̅ⲥ̅ ⲁⲩϫⲟⲕⲙϥ ⲁⲩϯ ⲉ̅ⲣⲟϥ ⲛ̅ϩ̅ⲛ̅ⲥⲧⲟïⲛⲟⲩϥⲉ ⲙⲛ̅ ϩ̅ⲛ̅ϩⲏⲛⲉ. ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲉⲩⲥⲱⲛⲧ ⲙⲛ̅ ϩⲉⲛⲥⲓⲛⲇⲱⲛⲓⲟⲛ ⲉⲩⲣⲁϩⲉ ⲁⲩϣⲓⲛⲉ ⲇⲉ ⲉⲩⲛⲁⲕⲁ ⲡⲉϥ ⲥⲱⲙⲁ ⲧⲱⲛ.

Ⲛⲉⲩⲛ̅ ⲟⲩϣ̅ⲏⲛ ⲇⲉ ϩⲙ ⲡⲙⲁ ⲉⲧⲙ̅

[ⲙⲁⲩ]

Cod. Copt. Parisinus 129[17] ff. 44–49.

«Sieh, ob sie Seinen mit Blut befleckten Leib (σῶμα) gewaschen haben. fol. 44r (pag. 83).

Sieh, ob sie Seinem Leibe (σῶμα) ein Begräbniss nach Seiner Würde haben zu Theil werden lassen.

Sieh, ob sie Seinem Leibe (σῶμα) wohlriechendes Öl gegeben haben.

Sieh, ob sie ein neues Grab (τάφος) gefunden und Seinen Leib (σῶμα) in es gelegt haben.

Sieh, ob sie Ihn vom Kreuze (σταυρός) herabgenommen haben, oder nicht».

Und sie kamen und erzählten ihr alles, was sie gethan hatten.

Sie erzählten ihr, dass sie seinen Leib (σῶμα) vom Kreuze (σταυρός) herabgenommen und ihn bestattet hatten in Wohlgerüchen von hohem Werthe und reinen Leinentüchern (σινδόνιον).

Sie thaten auf ihn Myrrhe und Aloë (ἀλόη) und legten ihn in ein neues Grab.

*Dieses alles aber (δέ) sagten sie ihr; sie selbst gedachte der Worte, welche er zu ihr gesprochen, hatte: «Es ist nothwendig, dass Ich dies alles erdulde». fol. 44v (pag. 84).

Selig bist du, o (ὦ) Maria, die kostbarer ist als (ⲙ̄ + παρά) Himmel und Erde. Hymnus (ὕμνος).

O (ὦ) Maria, deren Seele (ψυχή) schärfer ist, als alle Schwerter, nach (κατά) dem, was gesagt hatte der Priester Symeôn: «Du aber (δέ) Maria, ein Schwert wird durch deine Seele (ψυχή) dringen, damit offenbar werden die Gedanken vieler Herzen». Luc. 2, 25.

Selig bist du, o (ὦ) Maria, denn die ganze Welt (οἰκουμένη) ist deinetwegen frei (ἐλεύθερος) geworden.

Selig bist du, o (ὦ) Maria, die du die ganze Welt (κόσμος) befreit hast von dem Fluche* der Übertretung (παράβασις) Adams und Evas. fol. 45r (pag. 85).

Selig bist du, o (ὦ) Maria, die uns wiederum geöffnet hat das Thor des Paradieses (παράδεισος) durch ihre Gebete.

Selig bist du, o (ὦ) Maria, in deren Leibe das Heil der ganzen Welt (οἰκουμένη) entstanden ist.

Selig bist du, o (ὦ) Maria, um derentwillen das Geschlecht (γένος) der Weiber Ehre empfangen hat.

Welcher Mensch auf Erden, wenn auch (κἄν) sein Verstand (νοῦς) lauter wäre wie der Himmel, wenn er auch (κἄν) weiser (σοφός) wäre, als alle, die

gelebt haben auf Erden, wenn er auch (κἄν) das Gesetz (νόμος) empfangen hätte wie Moses, wenn er auch (κἄν) den Geist (πνεῦμα) der Prophetie (-προφήτης)
fol. 45v (pag. 86). empfangen hätte wie Elias* und Samuel, wer wird den Ruhm deines ehrbaren (σεμνός) Lebens (βίος) verkünden können?

Wahrlich (ἀληθῶς), wenn ich deines ehrbaren (σεμνός) Lebens (βίος) gedenke, bin ich, als ob ich gewandert wäre aus der Welt (κόσμος) und gestiegen wäre in die Höhe der Himmel.

Und ferner bin ich, als ob ich heute mit meinem Herrn auferstanden wäre.

Ich bitte (παρακαλεῖν) dich, o (ὦ) meine Herrin, du Jungfrau (παρθένος), mit mir ein wenig Geduld zu haben, bis ich vollende was ich zuerst begonnen habe».

Joh. 19, 28. 30. Als aber (δέ) Jesus wusste, dass alles vollbracht war, neigte er sein Haupt und gab seinen Geist (πνεῦμα) auf.

fol. 46r (pag. 87). Es war aber (γάρ) ein grosses Schauspiel (θεωρία) *zu jener Stunde. Die Engel (ἄγγελος) nahmen ihre Kränze, die auf ihren Häuptern waren, und legten sie nieder. Die Cherubim (Χειρουβείμ) liessen ihre Lichtflügel sinken. Die Seraphim (Σεραφείμ) bedeckten ihr eigenes Angesicht. Der Vater schaute
Luc. 23, 45. herab auf die Erde. Die Sonne fürchtete sich und verbarg ihr Licht. Der
Matth. 27, 51. Mond zog sich zurück (ἀναχωρεῖν). Die Todten standen auf aus den Gräbern.
Mc. 15, 38. Der Vorhang (καταπέτασμα) des Tempels zerriss in zwei Theile.

Luc. 23, 45. Als dieses alles geschah, erschraken die, welche gekommen waren,
fol. 46 (pag. 88). es zu schauen. Sie sprachen: «Siehe, eine *Menge Menschen ist getödtet worden in der Stadt (πόλις) und etwas derartiges ist nicht geschehen. Wirklich (ὄντως), dieser ist Gottes Sohn in Wahrheit».

Darauf (εἶτα) nahmen sie seinen heiligen Leib (σῶμα) vom Kreuze (σταυρός) herab. Jener Tag aber (γάρ) ist ein Festtag für alle Juden. Sie waren nämlich (μέν) alle müssig; keiner von ihnen arbeitete überhaupt. Deswegen eben versammelten sie sich zu dem Schauspiel (θεωρία), um es zu sehen (θεωρεῖν).

Und (γάρ) das Gesetz (νόμος) der Juden ist dieses: Denen, welche sie in Jerusalem tödten wollten, pflegten sie bevor sie ihren Geist (πνεῦμα) aufgegeben hatten, die Schienbeine zu zerschlagen, als ob sie sie schmähten also:
fol. 47r (pag. 89). sie sind Sünder. *Und es entstand eine grosse Erregung unter den Juden deswegen. Und ferner war es nicht ihre Gewohnheit, dass ein Leichnam (σῶμα) am Kreuze (σταυρός) bleibe am Sabbat (σάββατον). Sie kamen zu Pilatos und sprachen zu ihm: «Du weisst, dass morgen ein Festtag

ist, auf dass kein Leichnam (σῶμα) am Kreuze (σταυρός) bleibe. Wenn du befiehlst (κελεύειν), wollen wir seine Schienbeine zerschlagen, und wenn sie verschieden sind, werden wir sie vom Kreuze (σταυρός) abnehmen. Und Pilatos befahl (κελεύειν), dass sie demgemäss thun sollten. Sie kamen aber (δέ) wieder und zerschlugen die Beine der beiden Räuber (λῃστής), welche mit ihm gekreuzigt worden waren, bis sie starben. Vgl. Joh. 19, 31.

Als sie kamen zu dem, welcher *alle Dinge kennt, bevor sie entstanden sind, mit dem Wunsche auch seine Beine zu zerschlagen, fanden sie ihn, dass er seinen Geist (πνεῦμα) (schon) aufgegeben hatte. Vgl. Joh. 19, 23. fol. 47v (pag. 90).

Als sie aber (δέ) sahen, dass er dieser grossen Qual entgangen war, nämlich dem Zerschlagen der Schienbeine, wurden sie sehr von Zorn erfüllt, weil er ihren Händen entgangen war. Einer von ihnen aber (δέ), in dessen Hand eine feste Lanze (λόγχη) war, trat in grossem Zorn (θυμός) an Jesus heran und stiess ihn mit der Lanze (λόγχη) in seine rechte Seite.

Und alsbald spaltete sich seine Seite und liess hervorgehn Blut und Wasser. Als sie aber (δέ) das Wasser und das Blut sahen, bezeugten sie, indem sie sprachen: «*Niemals ist solches einem Menschen geschehen, dass Blut aus einem Menschen herauskäme, wenn er gestorben ist». fol. 48r (pag. 91).

Sie aber (δέ) riefen zusammen aus: «In Wahrheit, der Sohn Gottes ist dieser».

Pilatos aber (δέ) nahm Wasser und wusch seine Hände vor ihnen und sprach: «Ich bin rein an dem Blute dieses gerechten (δίκαιος) Menschen».

Als aber (δέ) der unreine (ἀκάθαρτος) und der nicht würdig ist, dass sein Name genannt werde, Judas, sah die grosse Sünde, die er gethan hatte und die grosse Erregung, die entstanden war, fürchtete er sich sehr, als er seinen Namen in aller Munde hörte, (in dieser Weise): «Sein Jünger (μαθητής) hat ihn verkauft».

*Er sprach: «Wehe mir, denn ich habe unschuldiges Blut dem Tode preisgegeben». fol. 48v (pag. 92).

O (ὦ) Judas, du Gottloser (ἄνομος), woher kam dein befleckter Name in unsere Mitte?

Getilgt werde dein Name aus dem Buche der Lebenden und gedacht werde der Verschuldung (ἀνομία) deiner Eltern vor dem Herrn, und nicht werde getilgt die Sünde deiner Mutter, weil du nicht gedachtest Barmherzigkeit zu üben. Ps. 108 (109), 13. 14. Ps. 108 (109), 16.

Darauf fasste für ihn einen Beschluss sein Genosse in der Schlechtigkeit (κακία), der Satan (σατανᾶς) und sprach: «Was sitzest du da und was thust

fol. 49^r (pag. 93). du da, wo du weisst, dass wenn dieser (Christus) in die Hölle hinabsteigt, er die Gefangenen (αἰχμαλωσία) mit sich heraufbringen wird. *Gehorche mir nur (πλήν). Erhebe dich und geh und erhänge dich und stirb. Und er wird sich deiner erbarmen und wird dich heraufbrigen mit allen Gefangenen (αἰχμαλωσία)».

Es erhob sich der, dessen Ende zu ihm auf böse Weise (κακῶς) kam, bevor er es wusste. Er nahm die dreissig Silberlinge und gieng zu den Hohenpriestern (ἀρχιερεύς) und sprach zu ihnen: «Nehmt dieses, denn ich habe unschuldiges Blut dem Tode übergeben».

Matth. 27,4. Sie sprachen zu ihm: «Wir haben nichts damit zu schaffen. Sieh du zu!».
cf. Matth. 27, 5. Der Gottlose (ἀσεβής) aber (δέ) warf das Geld in den Tempel, gieng hin und erhängte sich.

Ps. 108 (109), 20. «Dies ist die Sache derer, welche mich anklagten (διαβάλλειν) bei dem Herrn und Böses sprachen gegen meine Seele (ψυχή)».

fol. 49^v (pag. 94). Als es aber (δέ) am Rüsttag (παρασκευή) Abend geworden war, nachdem er *vom Kreuze (σταυρός) herabgenommen worden war, kam eine Menge im geheimen zum Herrn, welche an ihn glaubten (πιστεύειν). Es war aber (δέ) einer unter ihnen, nämlich Joseph von Arimathia, und Nikodemos, welcher zu Jesus bei Nacht gekommen war. Diese kamen zu Pilatos und baten (αἰτεῖν) den Leib (σῶμα) Jesu, dass er ihn ihnen geben möchte. Pilatos aber (δέ) freute sich sehr und befahl, ihn ihnen zu geben, denn er selbst, Pilatos, glaubte (πιστεύειν) an den Herrn Jesus.

Und sie nahmen Jesus und wuschen ihn und legten auf ihn Wohlgerüche und Gewürze nach (κατά) ihrer Gewohnheit und reine Leinentücher (σινδόνιον) und fragten, wo sie ihn hinlegen sollten.

Joh. 19, 41. Es war aber (δέ) ein Garten an jenem Orte || *(wo er gekreuzigt wurde, und in dem Garten ein neues Grab, in das noch nie jemand gelegt war).*

Anmerkungen:

fol. 44^r 11. — ϫⲓⲛ ⲡⲉ[sic] l. ϫⲓⲛ ⲙ̄ⲡⲉ «oder nicht»]. Die gewöhnliche Form dafür ist ϫⲓⲛ ⲙ̄ⲙⲟⲛ. Stern Vgl. § 594. ϫⲓⲛ ⲙ̄ⲡⲉ findet sich auch in den «Mysterien des Apostels Johannes»: ⲙ̄ⲡⲛⲁⲩ ⲛ̄ⲧⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲧⲁⲙⲓⲟ ⲛ̄ⲁⲇⲁⲙ ⲁϥⲧⲁⲙⲓⲉ ⲧⲕⲉⲉⲩϩⲁ ⲛ̄ⲙ̄ⲙⲁϥ ϫⲓⲛ ⲙ̄ⲡⲉ[20]), was Budge übersetzt: «at the time when God created Adam, He also created Eve with him from the heavens(?)». Also ist hier

ϫⲓⲛ = from
und ⲙ̄ⲡⲉ = the heavens(!).

20) Budge, Coptic Apocrypha in the dialect of Upper Egypt. (London, 1913) pag. 68.

Ich übersetze: «Zur Zeit, da Gott Adam erschuf, erschuf er da auch die Eva mit ihm (zusammen), oder nicht?».

fol. 44v 4. — ϩⲁⲥ[sic] ⲡⲉ steht für ϩⲁⲡⲥ ⲡⲉ.

fol. 45r 21/22. — ⲡⲉⲡⲛ̅ⲁ̅ ⲛ̅ⲧⲙⲛ̅ⲧⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ] Vgl. Apoc. 19, 10. ⲡⲉⲡⲛⲉⲩⲙⲁ ⲛ̅ⲧⲉ ⲧⲉⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲉⲓⲁ. τὸ πνεῦμα τῆς προφητείας. ⲙⲛ̅ⲧⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ = ⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲉⲓⲁ.

fol. 46v 9/10. — ⲟⲩϩⲟⲟⲩ ⲉϥⲟⲩⲱⲛϩ̅ ⲉⲃⲟⲗ]. Act. 2, 20 lesen wir ⲡⲉϩⲟⲟⲩ ⲙ̅ⲡϫⲟⲉⲓⲥ ⲡⲛⲟϭ ⲉⲧⲟⲩⲟⲛϩ̅ ⲉⲃⲟⲗ. τὴν ἡμέραν Κυρίου τὴν μεγάλην καὶ ἐπιφανῆ. — ⲉⲧⲟⲩⲟⲛϩ̅ ⲉⲃⲟⲗ entspricht hier einem ἐπιφανής, was gewöhnlich mit «glänzend», oder, da es sich um den Gerichtstag handelt, auch mit «schrecklich» übersetzt wird. Diese Bedeutungen kann ⲉϥⲟⲩⲱⲛϩ ̇ⲉⲃⲟⲗ an unserer Stelle unmöglich haben, sondern ist wohl eher in dem Sinne von «offenbar, öffentlich» zu fassen sein. Ein «öffentlicher Tag» dürfte aber so viel bedeuten, wie «Festtag»; dazu würde stimmen, wenn es weiter heisst, dass die Juden alle müssig waren und nicht arbeiteten[21]).

---

21) Während des Druckes erhalte ich Gaselee, Parerga Coptica II. III. (Cantabrigiae, 1914). Hier lesen wir pag. 2 f. im Cod. Copt. Parisinus 129[20] f. 135 recto 1. 2

[ⲛ̅ⲕⲩⲣⲓ]ⲁⲕⲏ ⲙⲛ ⲛⲥⲟⲩⲁ ⲙⲛ ⲛϣⲁ ⲛ[ⲛⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ]
ⲉⲧⲟⲩⲟⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ· ⲛϩⲟⲩⲟ ⲇⲉ ⲟⲛ [ⲡⲉϩⲙⲉ ⲉ]
ϩⲟⲟⲩ ⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ ϣⲁⲛⲧⲟⲩⲉïⲉ [ⲉⲡⲛⲟϭ]
ⲙⲡⲁⲥⲭⲁ ⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ·, was Gaselee übersetzt:

..... «Dominicas et primos mensium dies et festas sacras manifestationis, sed praecipue autem quadraginta sacros dies donec perveniant ad magnum Pascha sacrum».

Zunächst möchte ich hier einiges anders ergänzen. Statt ⲛ[ⲛⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ] — ⲛ[ⲛⲉϩⲟⲟⲩ], also ⲛ[ⲛⲉϩⲟⲟⲩ] ⲉⲧⲟⲩⲟⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ. Die Ergänzung ⲛϣⲁ ⲛ[ⲛⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ] ist hier nicht gut möglich, weil dies nur «die Feste der Heiligen» bedeuten würde, während «festas sacras» nur einem ⲛϣⲁ ⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ entsprechen könnte, was aber wegen des ⲛ auch nicht dagestanden haben kann. So glaube ich nicht zu irren, wenn ich hier ⲛ[ⲛⲉϩⲟⲟⲩ] ergänze.

Ferner ergänze ich: [ⲡⲉϩⲙⲉ ⲛ]ϩⲟⲟⲩ und ϣⲁⲛⲧⲟⲩⲉï ⲉ[ⲡⲛⲟϭ] ⲙⲡⲁⲥⲭⲁ.

Die Übersetzung würde dann lauten: «die Sonntage (χυριαχή) und die ersten Tage (eines Monats) und die Feste der Tage ⲉⲧⲟⲩⲟⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ» etc.

Zu ϣⲁ und ϩⲟⲟⲩ ⲉⲧⲟⲩⲟⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ führt Gaselee noch mehrere Belegstellen an. Hauptsächlich begründet er seine Übersetzung «festas sacras manifestationis» auf eine Stelle bei P. Batiffol, Didascalia 318 Patrum pseudepigraphica (Par. 1887), wo für χωρὶς τῆς πεντηχοστῆς μόνης χαὶ τῶν ἁγίων ἐπιφανίων im koptischen steht: ⲭⲱⲣⲓⲥ ⲡⲉⲛⲧⲏⲕⲟⲥⲧⲏ ⲙ̅ⲙⲁⲧⲉ ⲙ̅ⲛ̅ ⲛ̅ϩⲟⲟⲩ ⲉⲧⲟⲩⲟⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ. (Rossi I. 9). Weiter sagt Gaselee: «Epiphaniam nostram significari non duco, quae apud Orientales Theophania nuncupatur, sed potius D. n. Jesu Christi manifestationem inter resurrectionem et ascensionem suam».

In dem «Marienleben» kann aber nicht von einem Epiphaniasfeste die Rede sein, denn es handelt sich dort um den Tag, da Christus am Kreuze hieng. In dem Testamente einer gewissen Susanna ist auch von ⲛⲛⲟϭ ⲛϣⲁ ⲉⲧⲟⲩⲁⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ die Rede, was Stern (Ä. Z. XXII (1884), pag. 147. S. jetzt Crum und Steindorff, Kopt. Rechtsurkunden I. № 76, 30) übersetzt mit «den grossen bekannten Festen». ⲉⲧⲟⲩⲟⲛϩ ⲉⲃⲟⲗ muss verschiedene Bedeutungen gehabt haben. Die Sache wird wohl nicht ins klare zu bringen sein, so lange nicht mehr Belege vorliegen.

fol. 47v 11/12 — ⲟⲩⲗⲟⲩⲭⲏ ⲉⲥⲧⲉⲥ] ⲉⲥⲧⲉⲥ = ⲉⲥⲧⲏⲥ, von ⲧⲱⲥ «hart, fest werden» ⲟⲩⲗⲟⲩⲭⲏ ⲉⲥⲧⲏⲥ wäre also «eine feste, starke Lanze».

fol. 48v 6. ⲉⲧⲙⲏⲧⲉ «in die Mitte»] dürfte wohl für ⲉⲧⲛ̄ⲙⲏⲧⲉ «in unsere Mitte» stehn. Zu den Parallelen aus den Psalmen vgl. Misc. LXI.

fol. 48v 15—49r 5. — Dieser Abschnitt ist von besonderem Interesse. Wir finden hier einen Zug der Judaslegende, welcher schon aus den «Akten des Andreas und Paulus» bekannt war, nämlich, dass Judas sich deshalb erhängt haben soll, um noch vor Christus in die Hölle zu gelangen weil er hoffte, dass er alsdann auch gerettet werden würde [22]). Während nun aber in den Akten des Andreas und Paulus dieser Zug nur kurz angedeutet ist, wird er in unserem Texte ausführlicher behandelt.

In den genannten Akten wird erzählt, wie Paulus in die Hölle kommt und Judas dort antrifft, der jenem seine ganze Geschichte erzählt. Da heisst es denn auch: ⲡⲉϫⲁⲓ ϫⲉ ⲉⲓⲛⲁⲧⲱⲟⲩⲛ ⲧⲁⲱϭⲧ ⲙⲙⲟⲓ ⲁⲓⲣϣⲟⲣⲡ ⲉⲣⲟϥ ⲉⲁⲙⲛⲧⲉ. «Ich sagte:» «Ich werde mich erheben und mich erhängen»» und ich gelangte vor ihm in die Hölle» [23]).

In unserem Texte steht dagegen: «Darauf fasste für ihn einen Beschluss sein Genosse in der Schlechtigkeit, der Satan und sprach:» «Was sitzest du da und was thust du da, wo du (doch) weisst, dass wenn dieser (Christus) in die Hölle hinabsteigt, er die Gefangenen mit sich heraufbringen wird. Gehorche mir nur. Erhebe dich und geh und erhäng dich und stirb. Und er (Christus) wird sich deiner erbarmen und wird dich heraufbringen mit allen Gefangenen».

Wir sehen also, dass während das Motiv für die Handlungsweise des Judas in den «Akten» kaum angedeutet ist, es in unserem Texte auf eine Einflüsterung des Satans zurückgeführt wird.

fol. 49r 13/14 ⲛ̄ⲧⲟⲕ ⲉⲧⲣⲟϣⲉ.] Matth. 27,4. ⲛ̄ⲧⲟⲕ ⲉⲧⲣⲱϣⲉ σὺ ὄψει.

fol. 49r 17—20. — Dies ist die Sache derer, welche mich anklagten bei dem Herrn und Böses sprachen gegen meine Seele»]. Diese Worte dürften hier kaum an richtiger Stelle stehn; sie bilden Ps. 108 (109), 20 und gehören

---

22) Vgl. Creizenach, Judas Ischarioth in Legende und Sage des Mittelalters. Diss. (Leipzig) — Halle a. S. 1875. (Sep.-abdr. aus den Beitr. zur Gesch. d. deutschen Sprache u. Litt. Bd. II, Haft. 2.) pag. 6.

23) Zoëga 233, 5. — Dulaurier, Fragment des révélations apocryphes etc. (Par. 1835), pag. 33. — Der die Judaslegende behandelnde Abschnitt ist nach Dulaurier wiederabgedruckt bei Douhet, Dictionnaire des légendes du christianisme. (Paris, 1855, col. 720—722. — Dulaurier übersetzt ⲁⲓⲣϣⲟⲣⲡ ⲉⲣⲟϥ ⲉⲁⲙⲛⲧⲉ mit «et ainsi je préviendrai son arrivée dans l'Amenthès», doch da hier das Perfectum I ⲁⲓⲣϣⲟⲣⲡ steht, wird ein «préviendrai» nicht gut möglich sein.

daher wohl unmittelbar hinter fol. 48v 14 (nach den Worten ϫⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲕⲣ̄ⲡⲙⲉⲉⲩⲉ ⲉⲉⲓⲣⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲛⲁ «weil du nicht gedachtest Barmherzigkeit zu üben»), wo noch drei Verse aus Ps. 108 stehn. nämlich V. 13, 14 und 16.

Bruchstücke desselben Werkes finden sich noch unter den vor kurzen von Crum edierten Papyrusfragmenten der Sammlung des Lord Amherst of Hackney, die später in den Besitz von Mr. J. Pierpont Morgan übergiengen[24]). Es sind 4 Fragmente, die bei Crum unter № 4 abgedruckt sind. Drei von ihnen bieten Abschnitte, die im Parisinus fehlen, wogegen Fol. 4 einem Abschnitte von Par. entspricht.

Wir können jetzt Fol. 4 dieses Bruchstüchs folgendermassen ergänzen.

→ *Recto.*	↑ *Verso.*
ⲛⲁ..........	[ϩⲣⲟⲧⲉ ⲁϥϩ]ⲱ
ϣⲁ.........	[ⲡ ⲙ̄ⲡⲉ]ϥⲟⲩⲟ-
ⲉⲛⲉϩ........	[ⲉⲓⲛ] ⲁ ⲛⲉⲓⲟⲩ
ϩⲓϫⲙ̄ ⲡⲕⲁϩ ⲕ[ⲁⲛ]	ⲁⲛⲁⲭⲱⲣⲉⲓ
ⲉⲣⲉ ⲡⲉϥϩⲏⲧ ⲥ̣[ⲙⲟⲛⲧ]	ⲛⲁⲩ ⲁ ⲧⲕⲁⲕⲉ
ⲛⲑⲉ ⲛⲧⲡⲉ [ⲕⲁⲛ]	ϣⲱⲡⲉ ⲛⲧⲡⲁ
ⲉⲩⲥⲟⲫⲟⲥ ⲡ[ⲉⲉ]	ϣⲉ ⲙⲡⲉϩⲟⲟⲩ
ⲡⲉϩⲟⲩⲟ ⁿⲉⲛⲧⲁⲩ-	ⲁ ⲛⲉⲧⲙⲟⲟⲩⲧ
ϣⲱⲡⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ	ⲧⲱⲟⲩⲛ ⲁⲩⲉⲓ ⲉ
ϩⲓϫⲙ ⲡⲕⲁϩ	ⲃⲟⲗ ϩⲛ ⲛⲉⲙ
ⲕⲁⲛ ⲉⲁϥϫⲓ ⲡⲛⲟ	ϩⲁⲁⲩ
[ⲙⲟ]ⲥ ⲛⲑⲉ ⲙ̄ⲙⲟ	ⲁ ⲡⲕⲁⲧ[ⲁⲡⲉⲧⲁⲥⲙⲁ]
[ⲩⲥⲏⲥ] ⲕⲁⲛ ⲉⲁϥ-	ⲙ̄ⲡⲣ[ⲡⲉ ⲡⲱϩ]
[ϫⲓ] ⲙ̄ⲡ[ⲉⲡⲛ̄ⲁ]	[ⲁϥⲣⲥⲛⲁⲩ]

Recto. 1—3 wage ich nicht zu ergänzen 5 statt ⲡⲉⲩϩⲏⲧ ist sicher ⲡⲉϥϩⲏⲧ zu lesen, wie schon Crum vermuthet. — 14 erg. nach Par, ⲡ̄ⲉ 20 ff.: ⲕⲁⲛ ⲉ̄ⲁϥϫⲓ ⲙ̄ⲡⲉⲡⲛ̄ⲁ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧ̄ⲡⲣⲟⲫⲏⲧⲏⲥ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ϩⲏⲗⲓⲁⲥ. In Par. steht für ⲉⲣⲉ ⲡⲉϥϩⲏⲧ — ⲉⲣⲉ ⲛⲉϥⲛⲟⲩⲥ ⲧ̄ⲃ̄ⲃⲏⲩ. — 6. steht bei Crum ⲛⲧⲛⲉⲓ̣.... Vermuthlich ist dort zu lesen ⲛⲧⲡⲉ wie in Par.

---

24) Crum, Theological texts from Coptic papyri. (Oxford, 1913), pag. 11—16. (Anecdota Oxoniensia. Semitic Series P. XII).

Zu *Recto* vergl. Par. ⲡ̅ⲉ̅ 11—22.

Verso. 1—3. Vergl. Par. ⲡ̅ⲍ̅ 10.11 ⲁ ⲡⲣⲏ ⲣ̅ϩⲟⲧⲉ ⲁϥϩⲱⲡ ⲙ̅ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲉⲓⲛ «die Sonne fürchtete sich und verbarg ihr Licht». 3—5. ⲁ ⲛ̅ⲥⲓⲟⲩ ⲁⲛⲁⲭⲱⲣⲉⲓ ⲛⲁⲩ «die Sterne zogen sich zurück (ἀναχωρεῖν)»; dafür steht ⲡ̅ⲍ̅ 11.12. ⲁ ⲡⲟⲟϩ ⲁ̅ⲛⲁⲭⲱⲣⲉⲓ ⲛⲁϥ. «der Mond zog sich zurück (ἀναχωρεῖν)». — 7. Statt ⲙⲡⲉϩⲟⲟⲩ steht Par. ⲡ̅ⲍ̅ 13.14: ⲙ̅ⲡⲉϩⲟⲟⲩ ⲉⲧⲙ̅ⲙⲁⲩ. — 9.10. ⲁⲩⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ «sie giengen heraus» fehlt in P. 10.11. — ⲛⲉⲙϩⲁⲁⲩ] P. ⲡ̅ⲍ̅ 16 ⲛⲙ̅ϩⲁⲩ.

Bei Vergleichung der beiden Texte sieht man, dass wir hier zwei verschiedene Recensionen vor uns haben.

Die Fragmente werden aber jetzt anders zu ordnen sein. Da Fol. 3 dem Inhalte nach auf den Parisinus folgt, wenn auch nicht unmittelbar, so muss auch Fol. 4 auf Fol. 3 folgen, da ersteres sich zum Theil mit dem Parisinus deckt. Foll. 1 und 2 kommen vor den Parisinus zu stehn, aber auch nicht unmittelbar.

ⲁⲩⲥⲫⲣⲁⲅⲓ̣ⲍ̣ⲉ ⲙ-
ⲙⲟϥ ϩⲛ ⲟ̣ⲩ̣ⲥⲫⲣⲁ
ⲅⲓⲥ· ⲁⲩⲱ ⲙⲏⲛ
Ⲥⲁ ⲛⲁ̈ⲓ̈ ⲟⲛ ⲙⲡⲥ
ⲥⲟⲗⲥⲗ ⲛ̣ϩⲏⲧ ⲉⲥ-
ϫⲱ̅ ⲙⲙⲟⲥ ϫⲉ
ⲉⲓ̈ⲧⲙ̅ⲃⲱⲕ ⲧⲁ-
ⲛⲁⲩ ⲉⲡⲧⲁⲫⲟ̅ⲥ̅
ⲛⲑⲉ ⲛⲧⲁⲩⲕⲁ
ⲁϥ ⲙⲙⲟ̅ⲥ̅ ⲛϯ-
ⲛⲁϩⲙⲟⲟ̅ⲥ̅ ⲁⲛ
Ⲉⲣⲉ ⲛⲁ̈ⲓ̈ ⲇⲉ ϣⲟ̅
ⲟⲡ ⲛ̅ⲧⲉⲓ̈ϩⲉ ⲙⲁⲗ-
ⲗⲟ̅ⲛ̅ ⲇ̅ⲉ̅ ⲛⲉ[ⲣ]ⲉ̣
ⲟⲩⲛⲟ̅ⲥ̅ ⲛ[..]ⲣⲃ̣
[.]ϩ.........

[...]ⲧ̣ⲛⲟⲩ
[...]ⲉⲧⲉ ⲡ-
[ⲥⲁ]ⲃⲃⲁⲧⲟⲛ ⲡⲉ
ⲉ̣ⲥϫⲱ ⲙⲙⲟⲥ
ϫ[ⲉ] ⲙⲁⲣⲛⲧⲱ
[ⲟ]ⲩⲛ ⲛⲧⲉⲩϣⲏ
ⲛⲧⲛⲃⲱⲕ ⲉⲃⲟⲗ
ⲛⲙⲙⲁⲥ ⲛⲧⲛ-
ϫⲓ̈ⲧⲥ ⲉⲃⲟⲗ ⲛⲥ-
ⲛⲁⲩ ⲉⲡⲉϥⲥⲱ-
ⲙⲁ ϫⲉⲛⲛⲉⲥⲙⲟ̅ⲩ̅
ⲛⲧⲉϥⲁⲫⲟⲣⲙⲏ
ⲁⲩⲧⲱⲟⲩⲛ ⲁⲩ-
[ⲥ]ⲟⲃⲧⲉ ⲛ̅ϩⲉⲛ-
[ϩ]ⲛ̅ⲡ̅ⲉ̅ ⲉⲛⲁϣⲱ-
[ⲟⲩ] ⲙⲛ ϩⲉⲛ
[...]ϣⲏⲣⲓ..

Verso

ⲡ[ⲉ]ⲭ̅ⲥ̅

ⲛⲉ ⲉⲧⲣ̣[ⲉⲩⲙⲟ]
ⲟϣⲉ ⲉⲃ[ⲟⲗ ⲉ]ⲩ
ⲣ-ϩⲟⲧⲉ ⲡⲉ ⲁ[ⲩ]ⲱ
ⲉⲩϣⲧⲣⲧⲱⲣ

ⲉⲧϥ̅ϫ̅ⲱ̅ ⲙⲙⲟ-
ⲟⲩ ⲛⲁ̅ⲩ̅ ϫⲓ̈ⲛ ⲉϥ-
ϣⲟⲟⲡ ⲛⲙⲙⲁⲩ
ⲡⲉ ϫ̅ⲉ̅ ϩⲁ̅ⲡ̅ⲥ̅

ⲉⲛⲉⲣⲉ ⲛ̄ⲓ̈ⲟⲩ
ⲇⲁⲓ ⲥⲁⲣ ϭⲟⲣϭ
ⲉⲡⲉⲧⲛⲁⲃⲱⲕ

ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲡⲙϩⲁ-
ⲁⲩ ⲛ̄ⲥⲉⲉⲓ̈ⲣⲉ ⲛⲁⲩ̄
ⲛϩⲉⲛⲡⲉⲑⲟ
ⲟⲩ· ⲛⲉⲣⲉ ⲛⲣⲉϥ-
ⲣⲟⲉ̈ⲓ̈ⲥ ⲣⲟⲉ̈ⲓ̈ⲥ ⲉ
ⲣⲟϥ̄ ⲡⲉ ϫⲉ ⲛ
ⲛⲉⲩϥⲓ̈ ⲙ̄ⲡⲉϥ-
ⲥⲱⲙⲁ ⲛϫ[ⲓⲟ]ⲩⲉ
ⲛⲉⲣⲉ ⲟⲩϣ[ⲧⲟⲣ]
ⲧⲣ ϣⲟⲟⲡ [ⲉⲧ]
[ⲃ]ⲏⲏⲧϥ ϫ[ⲉ]

ⲉⲧⲣⲁ̄ϣⲡ̄ ⲛⲉⲓ̈
ϩⲓⲥⲉ ⲁⲩⲱ̄ ⲛⲧⲁ-
ⲧⲱⲟⲩⲛ ⲛⲉⲣⲉ
ⲛⲁ
ⲟⲩⲕⲉ ⲛⲃⲟⲗ ⲙⲛ
ⲟⲩϣⲧⲟⲣⲧⲣ
ⲁⲩⲱ ⲁⲩⲕⲱ̄ ⲛ̄
ⲥⲱⲟⲩ ⲛⲛⲁⲓ̈
ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲁⲩⲙⲟ̄
ⲟϣⲉ ⲛ̄ⲙⲙⲁⲥ
[ⲉ]ⲧⲃⲉ ⲧⲉⲥ ⲙⲛⲧ̄
ⲁⲛⲁⲅⲕⲏ ⲙⲛ̄
[ⲡⲉⲥϣⲧⲟ]ⲣⲧⲣ

Recto. — . . . . sie versiegelten (σφραγίζειν) mit einem Siegel (σφραγίς). Und auch darnach war sie am Herzen nicht getröstet, indem sie sprach: «Wenn ich nicht gehe und das Grab sehe, wie sie ihn hineingelegt haben, werde ich mich nicht setzen. Aber (δέ) da es sich so verhielt und besonders (μᾶλλον δέ) da es ein grosser . . . . welcher ist der Sabbath (σάββατον), sprachen sie(?): «Lasst uns in der Nacht aufstehn und hinausgehn mit ihr, und sie hinausführen, dass sie seinen Leib (σῶμα) sehe, damit sie nicht sterbe seinetwegen (**ⲛⲧⲉϥⲁⲫⲟⲣⲙⲏ** — ἀφορμή)». Sie standen auf und bereiteten viele Gewürze und . . . . . .

Verso. a . . . . . dass sie hinausgehn sollten, indem sie sich fürchteten und erregt waren. Denn (γάρ) die Juden lauerten denen auf, welche zum Grabe hinausgehn wollten, um ihnen Böses anzuthun. Die Wächter bewachten es (das Grab), damit sie seinen Leib (σῶμα) nicht stählen; und es entstand seinetwegen eine Erregung, weil [*sie der Worte gedachten*] (*Verso* b), welche er zu ihnen gesprochen hatte: «Es ist nothwendig, dass Ich diese Leiden erdulde und dass Ich auferstehe». Es war (noch) Finsterniss draussen und Erregung und sie verliessen alle diese und giengen mit ihr wegen ihrer Noth (ἀνάγκη) und ihrer Unruhe . . . . . .

Verso b 4—6. — **ϩⲁⲡⲥ ⲉⲧⲣⲁϣⲡ̄ ⲛⲉⲓ̈ϩⲓⲥⲉ ⲁⲩⲱ ⲛ̄ⲧⲁⲧⲱⲟⲩⲛ.** «Es ist nothwendig, dass ich erdulde diese Leiden und auferstehe». Ein ungenaues Citat, das aber hauptsächlich auf Luc. 9, 22 zurückgeht: **ϩⲁⲡⲥ ⲡⲉ ⲉⲧⲣⲉ ⲡϣⲏⲣⲉ ⲙ̄ⲡⲣⲱⲙⲉ ϣⲡ̄ ϩⲁϩ ⲛ̄ϩⲓⲥⲉ . . . . . . ⲛ̄ϥⲧⲱⲟⲩⲛ ϩⲙ̄ ⲙⲡⲉϩϣⲟⲙⲛ̄ⲧ ⲛ̄ϩⲟⲟⲩ.** Vgl. noch Marc. 8, 31. Luc. 17, 25. 24, 26. Joh. 20, 9. — Ähnlich findet

sich im Parisinus (f. 44ᵛ4): ϩⲁⲥ (l. ϩⲁⲛⲥ) ⲡⲉ ⲉⲧⲣⲁϣⲉⲡ ⲛⲁï ⲧⲏⲣⲟⲩ. «Es ist notwendig, dass ich alles dieses erdulde». In dem Zusammenhange, in welchem diese Worte an letzter Stelle stehn, kommen sie oder ähnliche im N. Testamente nicht vor.

Fol. 1.

↑ *Recto.*		→ *Verso.*	
[ⲡⲙ]ⲁ ⲛⲛⲉϩⲟ-		ⲉⲓⲛⲉ ⲛⲛⲉⲩⲧ[ⲁ-]	
ⲟⲩ ⲛⲧⲁⲕⲑⲃⲃⲓ-		ⲉïⲟ ⲛïⲱⲁⲕⲉ[ⲓⲙ]	
ⲟⲛ ϩⲙ ⲡⲧⲣⲉ		ⲁⲩⲣ ⲥⲁϣϥ ⲛ-	
ⲡⲁϩⲏⲧ ⲙⲕⲁϩ		ϩⲟⲟⲩ ⲉⲩⲟⲩ-	
ⲁⲕϫⲁⲥⲧ ⲛⲑⲉ		ⲱⲙ ⲉⲩⲥⲱ [ⲉⲩ]	
ⲛⲟⲩⲡⲉⲧⲣⲁ ⲁⲕ-	Rand.	ⲉⲩⲫⲣⲁⲛⲉ ⲉ-	Rand.
ϫï ⲙⲟⲉïⲧ ϩⲏⲧ		ϫⲙ ⲡⲛⲁ ⲛ-	
ⲁⲕⲉⲛⲧ ⲉⲃⲟⲗ		ⲧⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ	
ⲉⲩⲟⲩⲁⲥⲧⲛ ⲁⲕ-		ϫⲟⲕϥ [ⲉⲃⲟⲗ]	
ⲧⲁⲗⲟ ⲛϩⲉⲛⲣⲱ-		ⲙⲛ̄ ïⲱⲁⲕ[ⲉⲓⲙ]	
ⲙⲉ ⲉϫⲛ ⲛⲉⲛ-		ⲙⲛ ⲁⲛ[ⲛⲁ]	
[ⲁ]ⲡⲏⲩⲉ· ⲁⲕⲉⲛⲧ			

Ps. 89 (90), Fol. 1. *Recto.* .[Wir jubelten und waren fröhlich] an Stelle der Tage,
14. 15. die du uns gedemüthigt hast. Wenn mein Herz traurig war, erhobst du mich
Ps. 60 (61), 3.
Ps. 17 (18), 20. wie einen Felsen (πέτρα), du führtest mich und brachtest mich hinaus an
Ps. 65 (66), 12. einen freien Platz. Du führtest Menschen über unsere Häupter und führtest [*uns durch Feuer und Wasser».* — *Dieses und noch anderes sagte* David *an dem Tage, da die heilige Jungfrau geboren wurde. Es hörten (das) ihre Nachbarn und brachten ihr ihre Ehrengeschenke. Auch die Männer*][25]) *(Verso)* brachten ihre Ehrengeschenke dem Ioakim. Sie verbrachten sieben Tage essend und trinkend und jubelnd (εὐφράνεσθαι) über die Gnade, die Gott vollbracht hatte an Ioakim und Anna.

Wir haben hier einen Hymnus auf Ioakim und Anna. Wie Crum unten[26]) darauf hingewiesen hat, ist es derselbe Hymnus, der in dem von Forbes Robinson nach dem Cod. Clarend. B. 3 14 und Cod. Borg. CXVII herausgegebenen Bruchstücke eines Marienlebens steht. Robinson hat gezeigt, dass dieser Hymnus aus einzelnen Versen oder Verstheilen verschiedener Psalmen zusammengesetzt ist[27]).

---

25) Ergänzt nach Forbes Robinson, Coptic apocryphal Gospels, pag. 11. S. weiter.
26) L. l., pag. 11.
27) Robinson, Apocryph. Gospels l. l.

Ps. 89(90), 14. [ⲁⲛⲧⲉⲗⲏⲗ ⲁⲛⲟⲩⲟⲓⲟϥ] Rob.

15. [ⲉⲡⲙ]ⲁ ⲛⲛⲉϩⲟⲟⲩ ⲛⲧⲁⲕⲑⲃⲃⲓⲟⲛ

Ps. 60(61), 3. — ϩⲙ ⲡⲧⲣⲉ ⲡⲁϩⲏⲧ ⲙⲕⲁϩ ⲁⲕϫⲁⲥⲧ ⲛⲑⲉ ⲛⲟⲩⲡⲉⲧⲣⲁ ⲁⲕϫⲓ-ⲙⲟⲉⲓⲧ ϩⲏⲧ.

Hier ist zu beachten die Lesart ⲁⲕϫⲁⲥⲧ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛⲟⲩⲡⲉⲧⲣⲁ «du erhobst mich wie einen Fels» gegenüber einem ϩⲓϫⲉⲛ ⲟⲩⲡⲉⲧⲣⲁ Rob. und ϩⲛ̄ ⲟⲩⲡⲉⲧⲣⲁ (ἐν πέτρᾳ) im sah. Psalter.

Ps. 17(18), 20. ⲁⲕⲉⲛⲧ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲩⲟⲩⲟⲥⲧⲛ

Rob.: ——— ⲉⲡⲟⲩⲱϣⲥ. ⲉⲃⲟⲗ

Sah. Psalt. ⲁϥⲛ̄ⲧ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲩⲟⲩⲟⲥⲧⲛ

Ps. 65(66), 12 — ⲁⲕⲧⲁⲗⲟ ⲛϩⲉⲛⲣⲱⲙⲉ ⲉϫⲛⲛⲉⲛ[ⲁ]ⲡⲉⲩⲉ: ⲁⲕⲉⲛⲧ. . . . .

Rob.: ⲛ̄ϩⲛ̄ⲣⲱⲙⲉ; Rob. Psalt. ⲛⲉⲛⲁⲡⲏⲩⲉ

Der zwischen dem Recto und Verso fehlende Abschnitt lässt sich nach Robinson ergänzen. Dort steht: Ⲁⲕⲉⲛⲧⲉⲛ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲉⲛ ⲟⲩⲕⲱϩⲧ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲙⲟⲟⲩ., was aus folgenden Worten desselben Psalmverses zusammengezogen ist: ⲁⲛⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲛ̄ ⲟⲩⲕⲱϩⲧ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲙⲟⲟⲩ. ⲁⲕⲛ̄ⲧ ⲉⲃⲟⲗ ⲉⲩⲙⲁ ⲙ̄ⲙⲧⲟⲛ.

Hiermit schliesst der Hymnus. Weiter hat Robinson: Ⲛⲉⲓ ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲓⲕⲟⲟⲩⲉ ⲁ ⲗⲁⲁⲩ ϫⲟⲟⲩ. ⲙ̄ⲡⲉϩⲟⲟⲩ ⲛ̄ⲧⲁⲩϫⲡⲟ ⲛ̄ⲧⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ ⲛ̄ϩⲏⲧϥ. Ⲁⲩⲥⲱⲧⲙ ⲛ̄ϭⲓ ⲛⲉⲥⲣⲙ̄ⲣⲁⲩⲏ· ⲁⲩⲉⲓⲛⲉ ⲛⲁⲥ ⲙ̄ⲡⲉⲩⲧⲁïⲟ. Ⲛⲉϩⲟⲟⲩⲧ ϩⲱⲟⲩ ⲉⲓⲛⲉ ⲛⲛⲉⲩⲧⲁïⲟ ⲛ̄ⲓⲱⲁⲕⲓⲙ., wonach in diesem Fragmente die Lücke zwischen Recto und Verso zu ergänzen ist.

Der Schluss des Fragments deckt sich, abgesehen von einigen Varianten, mit Robinson's Text.

Morgan: V. 3 ⲁⲩⲣ Rob. ⲁⲩⲉⲣ

» ⲉϫⲙ ⲡⲛⲁ ⲛⲧⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ϫⲟⲕϥ [ⲉⲃⲟⲗ] ⲙⲛ̄ ⲓⲱⲁⲕ[ⲉⲓⲙ] ⲙⲛ ⲁⲛⲛⲁ

«*sie freuten sich* über das Erbarmen, das Gott vollbracht hatte an Ioakim und Anna.

Rob. ⲉϫⲙ ⲡϩⲱⲃ ⲛ̄ⲧⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲁⲁϥ ⲙ̄ⲙⲁⲩ· ⲉⲧⲃⲉ ⲓ̄ⲱⲁⲕⲓⲙ· ⲙⲛ̄ ⲁⲛⲛⲁ.

——— «über die Sache, welche Gott gethan hatte an ihnen um Ioakims und Annas willen».

Weiter dürfte in dem Fragmente dasselbe gestanden haben, was bei Robinson folgt.

Aus der Übereinstimmung des Hymnus aber und eines weiteren Abschnittes bei Robinson mit dem Morgan'schen Fragmente möchte ich schliessen, dass das von Robinson nach dem Cod. Clarend. b 3 14 und Cod.

Borg. CVII herausgegebene Bruchstück zu demselben Werke gehört wie Cod. Copt. Parisinus 129[17] foll. 44—49 und die von Crum edierten vier Morgan'schen Fragmente.

Die Reihenfolge, wenn auch keine unmittelbare, der Fragmente dürfte sich folgendermassen gestalten:

1) Clarend. b 3 14 + Borg. CVII. — Paralleltext: Morg. № 4, fol. 1.
2) Morgan № 4, fol. 2.
3) Parisin. 129[17] foll. 44—49. — Par.: Morgan № 4, fol. 4.
4) Morgan № 4, fol. 3.

Fol. 2.

↑ *Recto.*	→ *Verso.*
[ⲡⲛ]ⲟⲩⲧⲉ ⲁⲁϥ	ⲁ[ⲩ]ⲱ ⲛⲉⲧ[ⲃⲱⲕ]
[ⲛⲙ]ⲡϣⲁ ⲉ	ⲛⲙⲙⲁⲩ ⲉ̣ⲛ̣[ⲉⲩ-]
[ⲧ]ⲣⲉϥϥⲓ̈ⲧⲥ	ⲙⲁ ⲛϣⲓ̈ⲛⲉ [ⲉⲧ-]
[Ⲡ]ⲗ̣ⲏⲛ ⲙⲡⲉ	ⲥ̣ⲟⲟϥ ⲉⲧⲉ̣ [ⲛⲉⲩ-]
[ⲧ]ⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ	ⲙⲁ ⲛϣⲱⲡ[ⲉ]
ϣⲓⲛⲉ ⲛⲥⲁ	ⲡⲉ· ⲟⲩⲇⲉ [ⲟⲩ-]
ⲛⲉⲥⲉⲓⲟⲧⲉ	ⲟⲛ ⲛⲓ̈ⲙ ⲉⲧⲡⲓ̈ⲥ̣-
ⲁⲗⲗⲁ ⲛⲉⲥⲟ ⲛⲑⲉ	ⲧⲉⲩⲉ ⲛⲙⲙⲁⲩ
ⲛⲛⲉⲓ̈ϭⲣⲟⲟⲙ-	ⲉⲧⲉⲩϩⲁⲓ̈ⲣⲉ
ⲡⲉ ⲉⲧⲙⲟⲟⲛⲉ	ⲥⲓⲥ ⲉⲧⲥⲟⲟϥ
ⲛⲛⲁⲩ ⲛⲓ̈ⲙ	ⲛⲁⲓ̈ [ⲉⲧ]ⲥϩⲁ[ⲓ]
ϩⲙ ⲡⲣⲡⲉ ϣⲁ	ⲛⲟϭ ⲛⲧⲱⲗⲙ
ⲡⲉϩⲟⲟⲩ ⲛⲧⲁⲥ-	ⲉⲧⲙⲛⲧⲛⲟⲩ-
ⲙⲡϣⲁ ⲙⲡⲉⲓ̈	ⲧⲉ ⲛⲉⲙⲙⲁⲛⲟⲩ
ⲛⲟϭ· ⲛⲧⲁⲉⲓ̈ⲟ	ⲛ̅ⲗ ⲉ̣....ⲉ̣
ⲛϩⲏⲧϥ ⲉⲧⲣⲉⲥ-	ⲧⲉⲧⲣⲓⲁⲥ ⲉⲧⲟⲩ-
ϫⲡⲟ ⲙⲡⲉⲭ̅ⲥ̅	ⲁⲁⲃ ⲡⲓ̈ⲱⲧ
Ⲙⲁⲣⲟⲩϫⲓ̈ ϣⲓ̈	ⲙⲛ ⲡϣⲏⲣⲉ
ⲡⲉ ⲧⲉⲛⲟⲩ ⲛ-	ⲙⲛ ⲡⲉⲡⲛ̅ⲁ̅
ϭⲓ ⲙⲙⲓ̈ⲗⲓⲧⲓ	ⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ ⲉⲩ-
sic ⲛⲓ̈ⲁⲛⲟⲥ ⲛⲁⲓ̈	ϥⲓ̈ ⲙⲙⲁⲩ ⲙ-
ⲉⲧϩⲩⲡⲟⲧⲉⲩⲉ	ⲡⲉⲙⲙⲏ ⲙ
ⲉ̣.[	ⲧ̣ⲉⲛⲏⲛ ⲉⲣⲉ-

Rand. Rand.

Fol. 2. *Recto*. . . . Gott machte ihn (?) würdig sie (es?) zu nehmen. Doch (πλήν) die Jungfrau (παρθένος) fragte nicht nach ihren Eltern, sondern

(ἀλλά) sie war wie jene Tauben, die zu jeder Zeit sich im Tempel aufhalten, bis zu dem Tage, an welchem sie würdig wurde dieser grossen Ehre, dass sie Christus gebären sollte. Mögen die Meletianer jetzt beschämt werden, welche Verdacht hegen (? ὑποπτεύειν)......

Verso....und welche mit ihnen giengen zu ihren unreinen Orakeln, d. i. ihren Wohnstätten, noch (οὐδέ) irgend einer, welcher glaubt (πιστεύειν) an ihre Häresie (αἵρεσις), welche grosse Makel zuschreibt der Göttlichkeit Emmanuels, indem sie ...... der Heiligen Dreieinigkeit (τριάς), dem Vater, dem Sohne und dem Heiligen Geiste (πνεῦμα), indem sie entfernen das *mê* (μῦ) und das *nê* (νῦ).......»[28]).

Nach Crum ist vielleicht zu lesen: V. Z. 1: [ⲇⲁⲓ]ⲙⲱⲛ ⲉⲧ, Z. 11 [ⲉⲧϫ]ⲉ ϩⲉ[ⲛ- und 23/24 ⲙⲛ (?ⲙ̄) ⲡⲉⲛⲛⲏ.

---

28) Es handelt sich hier um eine Verstümmelung des Namens Emmanuel durch Entfernung der Buchstaben ⲙ (emme) und ⲛ (enne), wodurch ein ⲉⲁⲟⲩⲏⲗ entsteht, welches an die Namen der Dämonen in gnostischen und magischen Texten erinnert, und wozu ⲁⲉⲓⲟⲩⲱⲏⲗ (Erzh. Rainer, Mitthl. V, 120) zu vergleichen wäre. Vergl. Crum's Anmerkung L. l. pag. 14.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Koptische Miscellen CXXXV—CXL.

Von

Oscar von Lemm.

(Der Akademie vorgelegt am 26 Februar (11 März) 1914).

CXXXV. Zu Budge's neuen sahidischen Bibeltexten. — CXXXVI. Zu den Akten des Concils von Ephesus 11. — CXXXVII. Zum IV. Bande der Leipoldt'schen Schenute-Ausgabe. — CXXXVIII. Zur Vita des hl. Aphu 2—5. — CXXXIX. Giebt es im Koptischen ein Verbum ϩⲱⲃ̄ⲛ̄? — CXL. Zu den koptischen Apophthegmata patrum 1.

CXXXV. — Zu Budge's neuen sahidischen Bibeltexten [1]) 1—3.

Diese neuen nach dem Papyrus Orient. No. 7594 des Britischen Museums veröffentlichten Bibeltexte sind schon mehrfach besprochen worden [2]). Ausserdem hat Sir Herbert Thompson sich der grossen Mühe unterzogen, diese Texte nach dem Originale durchzucollationieren und hat dann vor kurzem die Resultate seiner Arbeit veröffentlicht [3]).

Gleich nach Erscheinen von Budge's Edition hatte ich die Texte durchgearbeitet und mir viele Notizen gemacht, die ich zu veröffentlichen gedachte. Durch das Erscheinen von Thompson's Collation wurde selbstverständlich ein grosser Theil meiner Notizen überflüssig. Es blieben aber doch manche Stellen nach, in denen ich mit Sir Herbert Thompson nicht übereinstimmen konnte; diese theilte ich ihm mit und er war dann so liebenswürdig, die Stellen nochmals nachzuprüfen.

Was ich im folgenden gebe sind die Ergebnisse dieser Nachprüfung, sowie meine Stellungnahme zu denselben und noch zu einigen anderen Stellen.

---

1) Coptic biblical texts in the dialect of Upper Egypt edited by E. A. Wallis Budge. With 10 plates. London, 1912.

2) Carl Wessely: D. L. Ztg. 1912. Nr. 41. 12 Okt. 2576—77.—Crum: Z. D. M. G. LXVI. 1912, 780—784. — A. Rahlfs: Th. L. Ztg. 1913. Nr. 1, 3—5.

3) Sir Herbert Thompson. The new biblical papyrus. A Sahidic version of Deuteronomy, Jonah, and Acts of the Apostles from M. S. Or. 7594 of the British Museum. London 1913. Printed for private circulation.

1.

Deuteronomium.

VI, 9. — нетоүа] Peyron führt тоүа, das grösstentheils im Plural vorkommt, als Femininum an, wohl auf Grund von φλιά. Wie nun aber aus Exod. 12, 7 hervorgeht, ist es Masculinum: ежⲙ̄ нетоүа̄.

VI, 14. — н̄не тн̄вωн еоүаϩ тноүтн̄ н̄саϩе нне ноүте] — Hier hat Budge offenbar an саϩе «verfluchen» gedacht; es ist aber natürlich н̄са ϩеннеиоүте zu trennen.

VII, 2. — пϥтаат] Bei Sir Herbert Thompson nicht notiert; nach nochmaliger Vergleichung steht jedoch in der Hs. нϥтаат.

VII, 7. — н̄тωтн̄ гар тетн̄сові̄н н̄ нп епара н̄неϩеѳнос. — Zu нп steht in der Fussnote: ὀλιγιστοί. Daraus sieht man, dass B. нп als Wort ansieht, wir haben hier aber нпе «Zahl» und es ist тетн̄сові̄н н̄нпе abzutheilen.

VIII, 2. — аүω енер пмееүе н̄теϩін тнрес ента пжоеіе пеннοүте тренмо[оϣ]е н̄ϩнтс — ет (l. ете) тмеϩϩме н̄ром[п]е те таї — ϩн̄ терниос.] Die Worte, welche ich hier zwischen Gedankenstriche gesetzt habe und welche bedeuten: «dies ist das vierzigste Jahr», fehlen sowohl in der LXX, als auch im Boh. καὶ μνησθήσῃ πᾶσαν τὴν ὁδὸν ἣν ἤγαγέ σε κύριος ὁ θεός σου ἐν τῇ ἐρήμῳ· енеерфмеүі мпімωіт тнрϥ фнетаϥенн ϩιωтϥ н̄же пσωіс пеннοүϯ ϩι пϣаϥе. Sie finden sich aber im Urtexte: זֶה אַרְבָּעִים שָׁנָה; dieselben Worte stehn noch einmal am Schluss von V. 4, entsprechend LXX ἰδοὺ τεσσαράκοντα ἔτη, boh. ϩнппе ⲙ̄ н̄ромпі. Auch im Sah. dürften sie an dieser Stelle gestanden haben. Die Hs. hat hier leider eine grössere Lücke: VIII, 3—IX, 7.

IX, . . аїσωϩ н̄ птооү l. аїσω ϩн̄ птооү.

IX, 13. — Man beachte hier die Form маϫ für манϩ. — Vergl. роϫоү für ронϩоү.

IX, 19. — ϯо н̄ϩоте]. — ϯо ist bei B. mit einem *(sic)* versehen und in der Fussnote steht «for ϯр». Also müsste es hier nach Budge heissen: *ϯр н̄ϩоте. Dies wäre aber erst recht falsch, da es ein Verbum рн̄ϩоте nicht giebt, sondern nur р̄-ϩоте; ϯо ist aber ganz richtig.

Genau ebenso liest ein Londoner Fragment [4]), wogegen der Borgianische Text (bei Ciasca) ϯр̄ϩоте hat; also ist

ϯо н̄ϩоте = ϯр̄ϩоте, ἔκφοβός εἰμι.

4) Erman, Bruchstücke der oberaegypt. Uebersetzung des A. T. (Gött. 1880), pag. 17.

Vgl. Deut. 28, 60. ⲛⲁⲓ̈ ⲉⲛⲉⲕⲟ ⲛ̄ϩⲟⲧⲉ ϩⲏⲧϥ̄. ἦν διευλάβου.

X, 1. — ⲕⲁϩⲕ̄] — Dies dürfte wohl für ⲕⲁϩⲕϩ stehn, als Grundform für ⲕⲁϩⲕⲉϩ-, ⲕⲉϩⲕⲱϩ⸗, ⲕⲉϩⲕⲱϩ. Die Grundform ist hier aber durchaus erforderlich, weil das Object durch ⲛ(ⲙ̄) angeknüpft ist: ⲙ̄ⲡⲗⲁⲝ ⲥⲛ̄ⲧⲉ. In ⲕⲁϩⲕ̄ für ⲕⲁϩⲕϩ̄ dürfte der schwache Laut ϩ abgefallen sein, wie wir ja auch finden ⲣⲉϥⲕⲉϩⲕ-ⲱⲛⲉ Sir. 45, 11, neben ⲣⲉϥⲕⲉϩⲕⲉϩ-ⲱⲛⲉ. Vgl. auch ⲉⲓⲉⲣ-ⲃⲟⲟⲛⲉ für * ⲉⲓⲉⲣϩ-ⲃⲟⲟⲛⲉ, von ⲉⲓⲱⲣϩ̄.

XI, 2. — ϩⲃⲛⲟⲩⲉ] B.: «perhaps ϩⲃⲛⲟⲩⲉⲓ». Was diese Bemerkung sagen will, verstehe ich nicht, da doch ϩⲃⲛⲟⲩⲉ, ϩⲃⲏⲩⲉ der regelrechte Plural von ϩⲱⲃ ist. ϩⲃⲛⲟⲩⲉⲓ wäre boheirisch.

XVII, 17. — ⲟⲩⲱ] Von Thompson nicht notiert. Das Facsimile hat deutlich ⲁⲩⲱ.

XVIII, 10. — ⲛ̄ⲛⲉ ⲩϩⲉ ⲉⲣⲉ ϥⲉϣⲉⲓ̈ ⲉⲣⲃⲟⲟⲛ ⲉ ϩⲣⲁⲓ ⲛ̄ϩⲏⲧⲕ̄] d. i. ⲛ̄ⲛⲉⲩϩⲉ ⲉⲣⲉϥⲉϣⲉⲓ̈ⲉⲣⲃⲟⲟⲛⲉ ϩⲣⲁⲓ ⲛ̄ϩⲏⲧⲕ̄. Von Thompson nicht notiert. Sollte jedoch die Hs. wirklich so lesen, so wäre doch ⲉⲣⲉϥⲉϣⲉⲓ̈ⲉⲣⲃⲟⲟⲛⲉ in ⲉⲣⲉϥⲉⲣⲉⲓ̈ⲉⲣ-ⲃⲟⲟⲛⲉ zu emendieren.

XIX, 6. — ⲛ̄ⲛⲉϥⲡⲱⲧ ⲛ̄ⲥⲁ ⲡⲉⲛⲧ[ⲁϥ]ⲙⲟⲟⲩⲧ ⲉⲧⲣⲉ ϫⲉⲗ. — Nach Thompson steht hier ⲡⲉⲛⲧ[ⲁϥ]ⲙⲟⲟⲩⲧϥ; — ⲉⲧⲣⲉ ist hier sehr verdächtig; — ϫⲉⲗ ist nach Th. ⲙ̇ϫⲉ ⲁ̣ zu berichtigen. Bei B. steht weiter: ⲡⲉϥ[ϩⲏⲧ] ‖ ⲉⲣⲟ[ϥ]. Dies kann unmöglich dagestanden haben, da hier das Verbum fehlt. Ich schlage vor: ⲡⲉϥ[ϩⲏⲧ ϩⲙⲟⲙ] ‖ ⲉⲣⲟ[ϥ]. Vgl. boh. ⲁϥϧⲙⲟⲙ ⲛ̀ϫⲉ ⲡⲉϥϩⲏⲧ. — ⲛϥ̄. . . . ‖ [ⲧⲉ]ϥⲯⲩⲭⲏ. Vielleicht: ⲛϥ[ⲣⲁϩⲧ̄] ‖ [ⲧⲉ]ϥⲯⲩⲭⲏ.

XIX, 14. — ϩ. . . ⲕⲗⲏⲣⲟⲛⲟⲙⲓⲁ] erg.: ϩ[ⲛ̄ ⲟⲩ]ⲕⲗⲏⲣⲟⲛⲟⲙⲓⲁ.

XIX, 20. — ⲛ̄ⲕ[ⲉ ⲥⲛⲡⲉ. . . .] Thompson erg. ⲛ̄ⲕ[ⲉⲥⲉⲉⲡⲉ. . . .]. Ich vermuthe, dass hier ⲡ̄ⲕ[ⲉⲥⲉⲉⲡⲉ. . . .] stehn muss.

ϫⲟ] Nach Th. steht in der Hs. ϫⲉ; wir können dann ergänzen: ⲉⲓ̂ⲣ[ⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲓ‖ϣⲁ]ϫⲉ, vgl. boh. ⲓⲣⲓ ⲙ̇ⲡⲁⲓⲥⲁϫⲓ.

XX, 5. — ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲧⲣⲉϥ[ⲙⲟⲟⲩⲧ ⲉ]ⲡⲡⲟⲗⲉⲙⲟⲥ. — Erg.: ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲧⲣⲉϥ[ⲙⲟⲩ ϩⲙ̄] ⲡⲡⲟⲗⲉⲙⲟⲥ.

XXII, 14. — Budge erg. ⲧⲉⲓ̈ⲥϩⲓⲙⲉ ⲁⲓϫⲓⲧⲥ̄ ⲉϩ[ⲉ ⲉⲣ]ⲟⲥ ⲛⲉⲙⲁⲥ d. h. «dieses Weib habe ich genommen um sie zu finden mit ihr», was keinen Sinn giebt. Ich ergänze: ⲉϩ[ⲙⲟ]ⲟⲥ ⲛⲉⲙⲁⲥ «um mit ihr zu sitzen» d. h. «um sie zu ehelichen».

XXII, 17. — ⲛⲁⲓ̈ ϭⲉ ⲛⲉ ⲛⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛ̄ⲧⲁϣⲉⲉⲣⲉ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲣⲟⲟⲩⲛⲉ]. Der Satz ist hier in Unordnung; es muss heissen: ⲛⲁⲓ̈ ϭⲉ ⲛⲉ ⲛⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲣⲟⲟⲩⲛⲉ ⲛ̄ⲧⲁϣⲉⲉⲣⲉ. Vgl. V. 15: ⲡⲉⲥⲙⲟⲧ ⲛ̄ⲧⲙⲛ̄ⲧⲣⲟⲟⲩⲛⲉ ⲛ̄ⲧϣⲉⲉⲣⲉϣⲏⲙ und boh. V. 17: ⲛⲁⲓ ⲛⲉ ⲛⲓⲙⲉⲧⲡⲁⲣⲑⲉⲛⲟⲥ ⲛ̄ⲧⲉ ⲧⲁϣⲉⲣⲓ.

XXIII, 20. — ⲛ̄ⲛⲉ ⲕⲧⲧⲟϥ. So die Hs., wie Thompson mir mittheilt; l. ⲛ̄ⲛⲉⲕⲕⲧⲟϥ.

XXIV, 21. — ⲛ̄ⲛⲉⲕⲕⲟⲧⲕ̄ ⲉⲡⲁϩⲟⲩ ⲉⲥⲣⲁⲧʼ. — Ich hatte hier ⲥⲣⲓⲧ emendiert. Nach Thompson steht in der Hs. deutlich ⲥⲣⲁⲧ und dahinter ist noch der Strich, der über dem folgenden Buchstaben gestanden hat, erhalten. Es unterliegt also wohl keinem Zweifel, dass dort ⲥⲣⲁⲧ[ϥ̄] gestanden hat, doch ruft diese Form einige Zweifel hervor, da von dem Verbum ⲥⲣⲓⲧ keine der anderen Formen zu belegen ist. Die Form hat der Schreiber sicher nach Analogie von V. 19 entstehn lassen, wo wir lesen: ⲛ̄ⲛⲉⲕⲕⲟⲧⲕ̄ ⲉϣⲓⲧϥ, dabei wird ihm aber ⲥⲣⲣⲁⲧϥ̄ vorgeschwebt haben. Vers 20 steht ⲥⲣⲓⲧʼ.

Vgl. noch Zoëga 624, 23—31 (Cod. Borg. CCLXXVI), wo der ganze Gedankengang auf Deut. XXIV, 19—21 beruht. Auch hier steht einfach ⲥⲣⲓⲧ. — ⲥⲣⲏⲧ, welches bei Peyron aus dieser Stelle als Nebenform von ⲥⲣⲓⲧ angeführt ist, existiert in Wirklichkeit nicht; es findet sich Z. 26 in der Verbindung ⲕⲁⲧⲁ ⲧⲉϥϭⲟⲙ ⲉⲥⲣⲏⲧ, wo ⲣⲏⲧ auf ⲣⲱⲧ «plantari, conseri» zurückgeht.

XXV, 19. — ϩⲁⲣⲟⲥ ⲛ̄ⲧⲡⲉ l. ϩⲁⲣⲱⲥ ⲛ̄ⲧⲡⲉ Vergl. Misc. LXII.

XXVIII, 2. ϫⲱⲕ ⲛ̄ϭⲓ ⲛⲉⲓ̈ⲥⲙⲟⲩ erg. [ⲛ̄ⲥⲉⲉⲓ ⲉ]ϫⲱⲕ ⲛ̄ϭⲓ ⲛⲉⲓ̈ⲥⲙⲟⲩ.

XXVIII. 3. — . . . . ⲛ̄ ⲧⲡⲟⲗⲓⲥ, erg. [ⲉⲕⲥⲙⲁⲙⲁⲁⲧ ϩ]ⲛ̄ ⲧⲡⲟⲗⲓⲥ. — ⲉⲕ. . . . . ⲡ]ⲉⲕⲥⲱϣⲉ. erg. ⲉⲕ[ⲥⲙⲁⲙⲁⲁⲧ ϩⲙ̄ ⲡ[ⲉⲕⲥⲱϣⲉ.

XXVIII, 4. — ⲁⲩⲱ . . . . ⲥ]ⲙⲁⲙⲁⲁⲧ ⲛ̄ϭⲓ ⲛⲉϫⲡⲟ . . . . ⲅⲉⲛⲛⲏⲙⲁ ⲙ̄ⲡⲉⲕ . . . . e. ⲁⲩⲱ [ⲥⲉⲛⲁϣⲱⲡⲉ ⲉⲩⲥ]ⲙⲁⲙⲁⲁⲧ ⲛ̄ϭⲓ ⲛⲉϫⲡⲟ [ⲛ̄ϩⲏⲧⲕ ⲙⲛ̄ ⲛ̄]ⲅⲉⲛⲛⲏⲙⲁ ⲙ̄ⲡⲉⲕ[ⲕⲁϩ]. Vgl. V. 19.

XXVIII, 6. — ⲉⲕⲥⲙⲁ[ⲙⲁⲁⲧ . . . . . . ⲃⲱⲕ ⲉϩⲟⲩⲛ. Th. . . . . ⲕⲃⲱⲕ ⲉϩⲟⲩⲛ. — erg.: ⲉⲕⲥⲙⲁ[ⲙⲁⲁⲧ ϩⲛ̄ ⲡⲉ]ⲕⲃⲱⲕ ⲉϩⲟⲩⲛ [ⲁⲩⲱ ⲉⲕⲥⲙⲁⲙⲁⲁⲧ ϩⲛ̄ ⲡⲉⲕⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ]. Vgl. V. 19. und Ps. 120, 8.

XXVIII. 9. — ⲙⲟⲟϣⲉ ϩ[ⲛ̄ ⲛⲉϥ . . . . E.: ϩ[ⲛ̄ ⲛⲉϥϩⲓⲟⲟⲩⲉ].

XXVIII, 14. — [ⲧⲏ]ⲩⲧⲛ̄. — Nach Th. ist in der Lücke höchstens für einen Buchstaben Raum vorhanden, nach den Spuren zu urtheilen ⲟ; wir müssen daher ergänzen: [ⲧⲏⲟ]ⲩⲧⲛ̄, wie in der nächsten Zeile, wobei aber ⲧⲏ noch in der vorhergehenden Zeile gestanden haben muss.

XXVIII, 39. — ⲧϥⲛⲧ̄.] Auffallend ist hier der weibliche Artikel, da ϥⲛⲧ̄ sonst masculinum ist.

XXVIII, 49. — ⲉⲣⲉ ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲉⲓⲟ ⲛ̄ⲑⲉ ⲙ̄ⲡⲟⲩⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲁⲉⲧⲟⲥ.] l. ⲡⲉϥⲟⲩⲟⲉⲓ ⲟ.

XXVIII, 60. — ⲉⲕⲟ ⲛ̄ϩⲟⲧⲉ ϩⲏⲧϥ. vgl. oben zu IX, 19.

XXVIII, 67. — ⲙ̄ⲡⲛⲟⲩ ⲛⲣⲟⲩϩⲉ. Vermuthlich ⲙ̄ⲡⲛⲁⲩ zu lesen.

XXIX, 20. — ϩⲁ[ⲧⲛ̄ ⲡⲉ]· — Ich hatte hier ϩⲁ[ⲣⲱⲥ ⲛ̄ⲧⲡⲉ] ergänzt. Sir Herbert Thompson schrieb mir, dass für letztere Ergänzung zu wenig Raum vorhanden sei. Es sind nun zwei Möglichkeiten vorhanden. Es kann

entweder fälschlich dort ϩⲁ[ⲣⲟⲥ ⲛ̄ⲧⲡⲉ] gestanden haben, wie oben XXV, 19, oder, wenn auch dafür kein Raum vorhanden sein sollte, einfach ϩⲁ [ⲧⲡⲉ].

XXXI, 7. — ⲛϥ̄ⲛⲁⲕⲁⲁⲕ [ⲁⲛ. . . . ⲥⲱ. . . . Erg. ⲛϥ̄ⲛⲁⲕⲁⲁⲕ [ⲁⲛ ⲛ̄]ⲥⲱ[ϥ].

XXXI, 8. — ⲛ̄[ⲛⲉ ⲉⲕⲉ]ⲣ̄ϩⲟⲧⲉ E. ⲛ̄[ⲛⲉⲕ]ⲣ̄ϩⲟⲧⲉ.

XXXII, 14. — ⲛⲉϩ ⲉⲓⲉⲓⲃ’ ⲙⲛ̄ ⲛ̄ⲟⲉⲓⲗⲉ l. ⲛⲉϩⲉⲓⲉⲓⲃ’ etc.

2.

Jonas.

I, 4. — ⲁϥⲧⲟⲩⲛⲟⲥ ⲟⲩⲛⲟϭ ⲛ̄ⲧⲏⲟⲩ l. ⲁϥⲧⲟⲩⲛⲉⲥ.

I, 8. — ϩⲓϫⲱⲛ l. ϩⲓϫⲱⲕ.

IV, 8. — ⲟⲩⲧⲏⲩ ⲉϥⲣⲟⲕϩ̄ ⲁⲩⲱ . . . || ⲣⲟⲟⲃ.

Ich emendiere hier: ⲟⲩⲧⲏⲩ [ⲛ̄ϣⲁ]ⲣⲃⲁ ⲁⲩⲱ ⲉϥⲣⲟⲕϩ̄.

Vgl. dazu achmîm. ⲟⲩⲧⲏⲩ ⲛ̄ϣⲁⲣⲃⲁ ⲁⲟⲩ ⲉϥⲣⲁⲕϩ. Der Schreiber wird hier an ϭⲉⲣⲟⲟⲃ gedacht und vielleicht auch so geschrieben haben. Hier haben wir in dieser Hds. einen zweiten Fall von willkürlicher Umstellung der Wörter. Vgl. oben zu Deut. XXII, 17. — Weiteres zu ϣⲁⲣⲃⲁ s. Misc. CXXXIII.

3.

Acts.

IV, 11. — ⲡⲁⲓ ⲡⲉ ⲡⲱⲛⲉ ⲛⲧⲁϥⲥⲧⲟϥ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲓⲧⲛ̄ ⲛⲉⲧⲕⲱⲧ l. ⲛⲧⲁⲩⲥⲧⲟϥ

VIII, 20. — ⲡⲉⲕϩⲁⲡ ⲉϥⲉϣⲱⲡⲉ ⲛⲁⲕ ⲉⲛⲧⲁⲕⲟ] ϩⲁⲡ ist ein Fehler für ϩⲁⲧ, wie das schon Budge bemerkt, ganz unberechtigt ist dagegen die Note zu ⲛⲁⲕ «for ⲛⲙ̄ⲙⲁⲕ(?)», da ⲛⲁⲕ ganz richtig ist. Vergl. z. B. Ä. Z. XXX (1892), 40: ⲡⲥ̣ⲁϩⲟⲩ ⲉⲃⲉϣⲱⲡⲉ ⲛⲁⲩ. «der Fluch soll ihnen zu Theil werden».

VIII, 27. — ⲉⲟⲩϣⲧ̄’ l. ⲉⲟⲩⲱϣⲧ̄’

VIII, 30. — ⲁⲕⲣ̄ⲛⲟⲓ̈ l. ⲁⲕⲛⲟⲓ̈

VIII, 32. — ⲁⲩⲛ̄ⲧϥ ⲉⲡⲉϥⲙⲁ ⲛ̄ⲕⲟⲛⲥ̄.] Horner: ⲉⲁⲩⲛ̄ⲧϥ ⲉⲕⲟⲟⲛⲥ̄ — Woide: ⲉⲕⲟⲟⲛⲥ̄ϥ, Ciasca: ⲡⲉϥⲙⲁ ⲛ̄ⲛ̄ⲕⲟⲛⲥϥ̄. (Jes. 53, 7). Ich schlage vor: ⲛ̄ⲕⲟⲛⲥ̄ϥ.

IX, 13. — ⲡⲁⲓ̈ⲣⲱⲙⲉ l. ⲡⲉⲓ̈ⲣⲱⲙⲉ

IX, 40. — ⲁⲥⲥⲟⲩⲱⲛ ⲛ̄ⲛⲉⲥⲃⲁⲗ l. ⲁⲥⲟⲩⲱⲛ etc.

IX, 6. — ⲡⲉⲧϣ̄ⲉ l. ⲡⲉⲧⲉϣϣⲉ

IX, 43. — ϩⲁϩⲧⲛ̄] B. «a mistake for ϩⲁⲧⲛ̄». Vgl. X, 6. ϩⲁϩⲧⲛ̄ ist ebenso richtig, wie ϩⲁⲧⲛ̄. Vgl. Stern, pagg. 363 f.

X, 13. — ϩⲁⲗⲁⲧⲁ l. ϩⲁⲗⲁⲧⲉ

X, 30. — ϫⲡ̄ⲥⲓⲧⲉ, zusammengezogen aus ϫⲡ̄ ⲯⲓⲧⲉ.

XII, 8. — [ⲡⲉⲕⲥ]ⲕⲁⲛⲇⲁⲗⲟⲛ erg. [ⲛⲉⲕⲥ]ⲕⲁⲛⲇⲁⲗⲟⲛ.

XII, 12. — ⲟⲩⲥⲙⲏ ⲛⲟⲩⲧⲉ l. ⲟⲩⲥⲙⲏ ⲙ̄ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ

ⲁϥⲣ̄ϥⲛ̄ⲧϥ̄ l. ⲁϥⲣ̄ϥⲛ̄ⲧ

XIII, 34. — ϯⲛⲁϯ ⲛⲏⲧⲛ̄ ⲛ̄ⲛⲉⲧⲟⲩⲁⲁⲃ ⲛ̄ⲇⲁⲩⲉⲓⲇ ⲉⲧⲛ̄ϩⲟⲧ.] — B. bemerkt dazu: «An insufficient rendering of Δώσω ὑμῖν τὰ ὅσια Δαβὶδ τὰ πιστά», was ich nicht recht verstehe.

XIII, 35. — ϩⲛ̄ ⲕⲉⲙⲁ.] Budge's Bemerkung dazu: «The Coptic has no equivalent for ἐν ἑτέρῳ» verstehe ich nicht.

XIII, 43. — ⲁⲩⲁϩⲟⲩ l. ⲁⲩⲟⲩⲁϩⲟⲩ

XIV, 15. — ⲁⲛⲟⲛ ϩⲱⲱⲛ ⲁⲛ ϩⲉⲛⲣⲱⲙⲉ.] B. bemerkt zu ⲁⲛ: «for ⲛⲁⲛ(?)» — Was hier ⲛⲁⲛ «uns (dat.)» soll, verstehe ich nicht. ⲁⲛ ist die gekürzte Form von ⲁⲛⲟⲛ, mit der Bedeutung «wir sind».

XVIII, 14. — ⲁϥϭⲱϩ ⲙ̄ⲙⲁⲩ l. ⲁϥϭⲱ ⲙ̄ⲙⲁⲩ. Offenbar wollte der Schreiber zuerst ϩⲙ̄ ⲡⲙⲁ ⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ schreiben, besann sich aber rechtzeitig und schrieb ⲙ̄ⲙⲁⲩ, ohne das ϩ zu tilgen.

XIX, 19. — ⲟⲩⲙⲏⲏϣⲉ ⲟⲛ ⲛ̄ⲛⲉⲛⲧⲁⲩⲉⲓⲣⲉ ⲛ̄ϩⲉⲛⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲧⲉⲣⲟⲥ.] (Auch im Index steht ⲡⲉⲣⲧⲉⲣⲟⲥ). In der Fussnote dazu lesen wir: «The received Greek text has τὰ περίεργα. The word ⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲧⲉⲣⲟⲥ is the Greek ὑπέρτερος + ⲙⲛ̄ⲧ the sign of the abstract. H. has ⲛ̄ϩⲉⲛ ⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ, which suggests that the Coptic translator had in mind the $\sqrt{}$ ὑπερπερισσεύω». Nach Thompson liest die Hs. ebenso wie H. (und Woide) ⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ. ⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ hat aber weder mit ὑπέρτερος, noch mit ὑπερπερισσεύω etwas zu thun. ⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ besteht aus ⲙⲛ̄ⲧ + πέρπερος und ist = περπερότης. Das Wort findet sich auch im Cyprian, wo Act. 19, 19 als Citat vorkommt; auch hier dient ϩⲉⲛⲙⲛ̄ⲧⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ zur Wiedergabe von τὰ περίεργα. — πέρπερος und περπερότης kommen wohl im N. T. nicht vor, doch haben wir dort das Verbum περπερεύεσθαι 1. Cor. 13, 4, dem im kopt. ⲣ̄-ⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ : ⲉⲣ-ⲡⲉⲣⲡⲉⲣⲟⲥ entspricht. — Zu ⲡⲉⲣⲓⲉⲣⲅⲟⲥ (περίεργος) vgl. 1 Tim. 5, 13 (boh.) und App. pp. Zoëga 327, 32.

XX, 24. — [ⲛ̄ϯⲙⲁ]ⲉⲓⲟ ⲁⲛ [ⲛ̄ⲧ]ⲁⲯⲩⲭⲏ. erg.: [ⲛ̄ϯⲧⲙⲁ]ⲉⲓⲟ. Vgl. Woide.

XX, 36. — ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉϥϫⲉ ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉϥϫⲉ, das eine zu streichen.

XXI, 5. — [ⲉⲛⲕⲱⲗϫ] | [ⲛ]ⲉⲛⲡⲁⲧ

e. ——— | [ⲛ̄ⲛ]ⲉⲛⲡⲁⲧ

XXI, 20. — [ⲧ]ⲟⲩⲇⲁⲓⲁ e. [ϯ]ⲟⲩⲇⲁⲓⲁ

XXI, 31. — ⲁ ⲡⲟⲩⲱ ⲃⲱⲕ ⲉϩⲣⲁⲓ (B. read ⲁ ⲡⲟⲩⲁ). ⲡⲟⲩⲱ ist ganz richtig: ⲟⲩⲱ bedeutet «Nachricht». Ebenso liest Woide.

XXI, 35. — ⲛ̄ϩⲁⲗⲩⲥⲓ ⲥⲛ̄ⲧⲉ. B. «read ⲛ̄ϩⲁⲗⲩⲥⲓⲥ ⲥⲛ̄ⲧⲉ». — Aus letz-

terem ist ϩⲁⲗⲩⲥⲓⲥⲛ̄ⲧⲉ zusammengezogen, wie X, 30 ϫⲛ̄ⲥⲓⲧⲉ aus ϫⲛⲯⲓⲧⲉ und bei Vokalen: ⲛ̄ⲥⲁⲩⲥⲁ aus ⲛ̄ⲥⲁ ⲟⲩⲥⲁ XXIII, 19 und ⲛⲉⲩⲁ aus ⲛⲉ ⲟⲩⲁ XXXIII, 6 u. passim. Vergl. Alexanderroman pag VII, 8 XI, 4.

XXII, 7. — [ⲥⲙⲉ]. e: [ⲥⲙⲏ]

XXII, 16. — ⲧⲱⲟⲩ ⲛ̄ⲅ̄] B. «for ⲧⲱⲟⲩⲛ ⲛ̄ⲅ̄» l. ⲧⲱⲟⲩⲛⲅ̄, wie 10 nach Th.

XXIV, 5 — [ϩⲁⲓⲣ]ⲉⲥⲓⲥ e. [ⲑⲉⲣ]ⲉⲥⲓⲥ vergl. V, 17. ⲑⲉⲣⲉⲥⲓⲥ XV, 5. ⲧϩⲉⲣⲉⲥⲓⲥ, doch auch ϩⲁⲓⲣⲉⲥ[ⲓⲥ] XXIV, 14.

XXIV, 10. — ϫⲉ ⲉⲓⲥⲟⲟⲩⲛ ⲙ̄ⲙⲟⲥ ϫⲉ ⲉⲓⲥⲟⲟⲩⲛ ⲙ̄ⲙⲟⲛ]. ϫⲉ bis ⲙ̄ⲙⲟⲥ zu streichen.

XXIV, 16. — ⲥⲩ[ⲛⲁⲓⲇⲏ]ⲥⲓⲥ, e.: ⲥⲩ[ⲛⲓⲇⲏ]ⲥⲓⲥ συνείδησις. — XXIII, 1. [ⲥⲩ]ⲛⲓⲇⲏⲥⲓⲥ

XXVII, 37. — [ⲛⲉⲛⲉⲓⲣⲉ ⲧⲏⲣⲛ̄ ⲛⲁϣ]ϥⲉⲧⲏ[sic] ⲙ̄ⲯⲩⲭⲏ.] Zu beachten ist hier ϣϥⲉⲧⲏ «fünfundsiebzig», während die anderen Handschriften wie der griechische Text: ϣϥⲉⲧⲁⲥⲉ «sechsundsiebzig» lesen.

XXVII, 41. — ⲁⲩⲧⲱⲙⲛ̄ⲧ ⲇⲉ ⲉⲩⲙⲁ ⲉϥⲟ ⲛϩⲱⲛϩ ⲛ̄ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ.] H. ⲛ̄ϩⲱⲱⲛϩ̄. Hier ist V. 17 zu vergleichen: ⲙⲁ ⲉϥⲟ ⲛϩⲱⲛ. folglich ist auch hier ⲉⲩⲙⲁ ⲉϥⲟ ⲛϩⲱⲛ (ⲛϩⲱⲱⲛ) ϩⲛ̄ ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ zu lesen.

XXVIII, 4. — ⲁⲥⲙⲉϩⲣⲱⲥ ⲛ̄ⲧⲉϥϭⲓϫ. Vgl. Misc. CXIV, 4.

ⲙ̄ⲡ'ⲉ ⲡⲉϥ[ⲙ̄]ⲡϣⲁ ⲛⲁⲁϥ ⲉⲱⲛϩ̄.] Zu ⲙ̄ⲡ'ⲉ ⲡⲉϥ[ⲙ̄]ⲡϣⲁ bemerkt B.: «For ⲙ̄ⲡⲉϥⲙ̄ⲡϣⲁ». Der Text ist hier ganz richtig; [ⲙ̄]ⲡϣⲁ ist hier Substantiv, vergl. boh. ⲙ̄ⲡⲉ ⲡⲉϥϩⲁⲡ ⲭⲁϥ ⲉⲱⲛϧ, also ⲙ̄ⲡϣⲁ = ϩⲁⲡ.

XXVIII, 13. — ⲁⲩⲧ[ⲛⲩ ⲣ]ⲏⲥ. e. ⲁⲩⲧ[ⲟⲩⲣ]ⲏⲥ

XXVIII, 25. — ⲉⲛⲥⲉⲧⲏⲧ' ⲁⲛ ⲛ̄|. . . . e. ⲛ̄|[ϩⲏⲧ]

Zum Schluss noch einige Bemerkungen zu Budge's Index der griechischen Wörter und der Eigennamen. Wir finden da manche Wörter, die sich mit keinem griechischen zusammenstellen lassen. So steht dort ⲕⲁⲛⲓ. Wenn wir die Stelle Apok. 21, 5 nachschlagen, so lesen wir: ϯⲛⲁⲧⲁⲙⲓⲉ ⲛ ⲕⲁⲛⲓ ⲙⲛ ⲃ̄ⲣⲣⲉ. Es ist hier aber abzutheilen: ϯⲛⲁⲧⲁⲙⲓⲉ ⲛⲕⲁ ⲛⲓⲙ ⲛ̄ⲃ̄ⲣⲣⲉ. (καινὰ ποιῶ πάντα) und ⲕⲁⲛⲓ verschwindet. Offenbar hat hier Budge an καινή gedacht.

ⲡⲉⲓⲥⲉ. — Deut. 16, 7: ⲁⲩⲱ ⲉⲕ[ⲉ]ⲡⲉⲓⲥⲉ etc. Wir haben hier das Verbum ⲡⲉⲓⲥⲉ, ⲡⲓⲥⲉ «kochen, braten».

Dazu noch folgendes Curiosum. Wie bekannt, wird im Sahidischen bei den mit ⲣ anlautenden Wörtern der Spiritus asper durch ein vorangestelltes ϩ wiedergegeben. So finden wir denn auch hier unter ϩ : ϩⲣⲱⲇⲏ, ϩⲣⲉⲫⲁⲛ, ϩⲣⲟⲩⲃⲏⲛ, ϩⲣⲟⲇⲟⲥ u. a. m. — Act. 18, 2 findet sich ϩⲣⲱⲙⲏ und dieses steht bei Budge auch unter ϩ; doch dasselbe findet sich auch Act. 28, 13 aber diese Stelle ist unter ϩ nicht zu finden. Sie findet sich merkwürdigerweise

unter ⲣ, aber nicht als ϩⲣⲱⲙⲏ, sondern ⲣⲣⲱⲙⲏ, obgleich im Text wirklich ϩⲣⲱⲙⲏ steht. Hierzu gesellt sich unter ⲣ noch ein ⲣⲣⲁⲫⲉⲓⲛ[sic], obgleich der Text (Deut. 2, 11) deutlich ϩⲣⲁⲫⲁⲉⲓⲛ[sic] (Ῥαφαεὶν) bietet. Das Wort ϩⲣⲉⲫⲁⲛ hat das Glück in demselben Index aus einer Stelle zweimal angeführt zu werden, einmal als ϩⲣⲉⲫⲁⲛ, das andere mal als ⲣⲉⲫⲁⲛ.

Ferner. Viele griechische Wörter die den Asper oder Lenis haben lauten im Sahidischen mit ϩ an. Tritt nun vor sie der Artikel ⲡ oder ⲧ, so wird derselbe mit dem ϩ zu ⲫ, resp. ⲑ verbunden, z. B. ⲑⲓⲕⲱⲛ = ⲧ + ϩⲓⲕⲱⲛ, ⲑⲓⲣⲏⲛⲏ = ⲧ + ϩⲓⲣⲏⲛⲏ. Wenn wir solche Wörter in einem Verzeichniss anführen, so haben wir erst das ⲫ, resp. ⲑ in seine Bestandtheile zu zerlegen und den Artikel bei Seite zu lassen. ⲑⲓⲕⲱⲛ müssen wir in ⲧ + ϩⲓⲕⲱⲛ zerlegen und das Wort unter ϩⲓⲕⲱⲛ anführen. Budge dagegen trennt in solchen Fällen den mit dem Asper verbundenen Artikel ab und verzeichnet in seinem Index Wörter, die in Wirklichkeit nicht existieren. So finden mir bei Budge ⲉⲗⲡⲓⲥ. Im Texte steht ⲑⲉⲗⲡⲓⲥ = ⲧ + ϩⲉⲗⲡⲓⲥ; ⲉⲣⲉⲥⲓⲥ —— ⲑⲉⲣⲉⲥⲓⲥ = ⲧ + ϩⲉⲣⲉⲥⲓⲥ; ⲓⲕⲱⲛ —— ⲑⲓⲕⲱⲛ = ⲧ + ϩⲓⲕⲱⲛ; ⲩⲡⲟⲙⲟⲛⲏ —— ⲑⲩⲡⲟⲙⲟⲛⲏ = ⲧ + ϩⲩⲡⲟⲙⲟⲛⲏ.

CXXXVI. — Zu den Akten des Concils von Ephesus 11.

11.

Misc. XXXIX, 1 habe ich den Ausdruck ⲙⲁ ⲛ̄ϩⲱⲛ zu erklären versucht. Ich suchte dort nachzuweisen, dass die Auffassung des Wortes als «Landungsplatz» und als «passage accessible» nicht haltbar sei. Ich nahm dort an, dass ⲙⲁ ⲛ̄ϩⲱⲛ in ⲙⲁ ⲛ̄ϩⲱⲡ zu emendieren sei und letzteres etwa «verborgener Ort, Schlupfwinkel» oder ähnliches bedeuten müsse. Auch Piehl[5]) wollte ⲙⲁ ⲛ̄ϩⲱⲛ in ⲙⲁ ⲛ̄ϩⲱⲡ verbessern und mit «récif, bas-fond» übersetzen.

Wie es sich aber jetzt erweist, ist die Emendierung zu ⲙⲁ ⲛ̄ϩⲱⲡ nicht möglich, da ϩⲱⲛ in verschiedenen Verbindungen mit ⲙⲁ noch mehrfach zu belegen und zweifellos richtig ist.

ϩⲱⲛ, ϩⲱⲛ ⲉϩⲟⲩⲛ hat folgende Bedeutungen: 1) sich nähern, nahe sein; dem Ende nahe sein, zu Ende gehn (Arbeit); 2) anstossen, aufstossen, anrennen; auflaufen, stranden; 3) trans. in die Nähe bringen, ziehen; ϩⲱⲛ ⲉⲃⲟⲗ herausziehen.

In den Verbindungen mit ⲙⲁ dürfte ϩⲱⲛ die Bedeutung «auflaufen, stranden» haben. Vergl. Cod. Borg. CCCI (Zoëga 637). ϩⲉⲛⲉϫⲏⲩ ⲅⲁⲣ

5) Sphinx I (1897), 128.

ⲉⲩϣⲁⲛϩⲱⲛ ⲏ ⲛ̄ⲥⲉⲱⲙⲥ̄ ϣⲁⲩⲥⲟⲕⲟⲩ ⲉϩⲣⲁï ϩⲛ̄ ⲟⲩⲉ (l. ⲟⲩ) ⲉⲃⲟⲗ ϩⲙ̄ ⲡⲙⲁ ⲛ̄ⲧⲁⲩϩⲱⲛ ⲏ ⲉⲁⲩⲱⲙⲥ̄ ⲙ̄ⲙⲁⲩ, ⲉϣⲁⲩⲥⲟⲕⲟⲩ ϩⲛ̄ ϩⲉⲛⲛⲟⲩϩ ⲉⲩⲧⲏⲕ ϫⲛ̄ ⲙ̄ⲙⲟⲛ ϩⲛ̄ ⲛⲉϩⲛⲁⲁⲩ. ⲉϣⲁⲩⲧⲁⲁⲩ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲛ̄ⲉⲓⲉⲛⲥⲁ «Denn (γάρ), wenn Schiffe auflaufen oder (ἤ) untersinken, womit werden sie abgezogen von der Stelle, wo sie aufgelaufen sind oder (ἤ) wo sie gesunken sind? Werden sie gezogen mit festen Tauen oder etwa mit den Gegenständen, die ihnen als Zierath gegeben sind?» Etwas weiter heisst es in demselben Texte: ⲟⲩⲧⲃ̄ⲛⲏ ⲉϥϣⲁⲛϩⲉ ⲇⲉ ⲟⲛ ⲉϩⲣⲁï ⲉⲩϣⲱⲧⲉ ⲉϣⲁⲩⲥⲟⲕϥ̄ ⲁⲛ ⲉϩⲣⲁï ϩⲛ̄ ⲙ̄ⲡⲉⲣⲓⲑⲉ<ⲙⲁ> ⲏ ⲛ̄ⲉⲓⲉⲛⲥⲁ ⲉϣⲁⲩⲧⲁⲁⲩ ⲉⲣⲟⲟⲩ, ⲁⲗⲗⲁ ϩⲛ̄ ϩⲉⲛⲛⲟⲩϩ ⲉⲩⲧⲏⲕ. «Wenn aber (δέ) auch ein Rind in einen Brunnen fällt, wird es nicht heraufgezogen an den Halsbändern (περίθεμα) oder (ἤ) an dem Schmucke, der ihnen angelegt ist, sondern (ἀλλά) mit festen Stricken».

ⲡⲙⲁ ⲛ̄ⲧⲁⲩϩⲱⲛ ⲙ̄ⲙⲁⲩ «der Ort, auf welchen sie aufgelaufen sind» dürfte «eine seichte Stelle, Sandbank» sein, wie schon Zoëga es mit *syrtis* übersetzt. Diese Bedeutung passt aber auch vorzüglich an unserer Stelle der Akten des Concils von Ephesus: ⲉⲡⲉïⲇⲏ ϭⲉ ⲙ̄ⲡⲉ ⲡⲛ̄ϫⲟï ⲉϣⲙⲟⲟϣⲉ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲡⲗⲓⲙⲏⲛ ⲉⲃⲟⲗ ϫⲉ ⲟⲩⲛ̄ ϩⲙ̄ⲙⲁ ⲛ̄ϩⲱⲛ ⲛ̄ϩⲏⲧϥ̄ ⲁïⲁⲗⲉ ⲉⲩⲕⲟⲩï ⲛ̄ⲥⲕⲁⲫⲟⲥ. ⲁⲛⲟⲕ ⲙⲛ̄ ⲛⲉⲕⲗⲏⲣⲓⲕⲟⲥ ⲉⲧⲛ̄ⲙ̄ⲙⲁⲓ ⲁï† ⲡⲁⲟⲩⲟï ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲧⲡⲟⲗⲓⲥ. «Da (ἐπείδη) nun unser Schiff in den Hafen (λιμήν) nicht einlaufen konnte, weil Sandbänke (seichte Stellen) in ihm waren, bestieg ich einen kleinen Kahn (σκάφος), ich und die Kleriker (κληρικός), die mit mir waren, und ich trat ein in die Stadt (πόλις)».

Es kommen noch dazu einige Stellen, wo ϩⲱⲛ mit ⲙⲁ etwas anders verbunden ist.

Act. 27,17. ⲉⲩⲣ̄ϩⲟⲧⲉ ⲙⲏⲡⲱⲥ ⲛ̄ⲥⲉϩⲉ ⲉϩⲣⲁⲓ ⲉⲩⲙⲁ ⲉϥⲟ ⲛ̄ϩⲱⲛ. : ⲉⲩⲉⲣϩⲟ† ⲇⲉ ⲙⲏⲡⲱⲥ ⲛ̄ⲥⲉϩⲉⲓ ⲉϧⲣⲏⲓ ⲉ†ⲥⲓⲣⲧⲏⲥ. φοβούμενοί τε μὴ εἰς τὴν σύρτιν ἐκπέσωσι. — L. l. 27,41. ⲁⲩⲧⲱⲙⲛ̄ⲧ ⲇⲉ ⲉⲩⲙⲁ ⲉϥⲟ ⲛ̄ϩⲱⲛ ϩⲛ̄ ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ. : ⲉⲧⲁⲩϩⲉⲓ ⲇⲉ ⲉⲟⲩⲙⲁ ⲉϥⲟⲓ ⲛ̄ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ ⲥⲛⲟⲩ†. περιπεσόντες δὲ εἰς τόπον διθάλασσον. Zu letzterer Stelle vgl. noch 27,29. ⲉⲩⲣ̄ϩⲟⲧⲉ ⲙⲏⲡⲟⲧⲉ ⲛ̄ⲥⲉⲧⲱⲙⲛ̄ⲧ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉϩⲉⲛⲙⲁ ⲉⲩⲛⲁϣⲧ̄. φοβούμενοί τε μήπως εἰς τραχεῖς τόπους ἐκπέσωσιν.

ⲙⲁ ⲉϥⲟ ⲛ̄ϩⲱⲛ dient, wie wir sehen, zur Wiedergabe von 1) ἡ Σύρτις und 2) mit dem Zusatze ϩⲛ̄ ⲑⲁⲗⲁⲥⲥⲁ — von τόπος διθάλασσος. Unter der Syrte sind hier die Sandbänke an der afrikanischen Küste gemeint[6]).

«Als τόπος διθάλασσος «Ort, der an beiden Seiten Meer hat», kann eine Landzunge bezeichnet sein, die in unserm Falle als unter dem Wasserspiegel sich vorstreckend zu denken wäre (Meyer), oder auch eine vor dem

6) Wendt, Die Apostelgeschichte. 9. Aufl. (1913). Zu 27,17 (Meyer, Komm. üb. d. N. T.) — Guthe, Kurzes Bibelwörterbuch s. v.

eigentlichen Strande vorgelagerte Sandbank, ein «Aussengrund», der vor und hinter sich tieferes Wasser hat (Breusing)....... Aber unter τόπος διθάλασσος) kann auch ein «Sund» verstanden sein, d. i. eine Wasserstrasse, die zu beiden Seiten offene See hat» [7]).

Wir hätten also jetzt die folgenden mit ϩⲱⲛ verbundenen Ausdrücke:

1) ⲙⲁ ⲛ̄ϩⲱⲛ

2) ⲙⲁ ⲛ̄ⲧⲁⲩϩⲱⲛ.... ⲙ̄ⲙⲁⲩ

3) ⲡⲙⲁ ⲉϥⲟ ⲛ̄ϩⲱⲛ

CXXXVII. — Zum IV. Bande der Leipoldt'schen Schenute-Ausgabe [8]).

169, 23—170, 3. — ⲥⲉϩⲟⲩⲟⲣⲧ̄ ⲛ̄ϭⲓ ⲟⲩⲉϩⲓⲙⲉ [ϩ]ⲣⲁⲓ ⲛ̄ϩⲏⲧⲛ̄ [ⲉ]ⲥⲛⲁⲡⲱⲧ ⲉ[ϩ]ⲟⲩⲛ ⲉϩⲉⲛϣⲉ[ⲉ]ⲣⲉϣⲏⲙ ⲛ̄ⲥ[ⲧⲱ]ϩⲥ̄ ⲙ̄ⲙⲟⲟⲩ [ⲛ̄ⲥ]ϩⲱⲥ ϩⲛ̄ ⲟⲩ[ⲡⲁⲑⲟⲥ] ⲛ ⲛ̄ⲥ[...]ϫⲛ̄ ⲙ̄ⲙⲟ[ⲟⲩ ϩⲛ̄] ⲟⲩⲡⲁⲑⲟⲥ ⲛ̄ⲉⲡⲓⲑⲩⲙⲓⲁ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲙⲛ̄ⲧⲁⲣⲅⲟⲥ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲥⲱⲃⲉ ⲙⲛ̄ ⲟⲩⲁⲅⲁⲡⲏ ⲉⲥϣⲟⲩⲉⲓⲧ.

Die Lücke ergänze ich zu: ⲛ̄ⲥ[ⲛⲟⲩ]ϫⲛ̄. — ⲛⲟⲩϫⲛ̄, ⲛⲟⲩϫϭ̄ : ⲛⲟⲩϫϧ bed. «besprengen». Zur Zusammenstellung von ⲧⲱϩⲥ̄ und ⲛⲟⲩϫⲛ̄ vergl. Lev. 8, 30. ⲁⲩⲱ ⲙⲱⲩⲥⲏⲥ ⲁϥϫⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲙ̄ ⲡⲛⲉϩ ⲙ̄ⲡⲧⲱϩⲥ̄ · ⲁⲩⲱ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲙ̄ ⲡⲉⲥⲛⲟϥ ⲉⲧϩⲓϫⲙ̄ ⲡⲉⲑⲩⲥⲓⲁⲥⲧⲏⲣⲓⲟⲛ · ⲁϥⲛⲟⲩϫⲛ̄ ⲛ̄ϩⲏⲧⲟⲩ ⲉϫⲛ̄ ⲁⲁⲣⲱⲛ ⲙⲛ̄ ⲛⲉϥⲥⲧⲟⲗⲏ. : ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲱⲗⲓ ⲛ̄ϫⲉ ⲙⲱⲩⲥⲏⲥ ⲉⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ ⲡⲓⲛⲉϩ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡⲓⲑⲱϩⲥ ⲛⲉⲙ ⲉⲃⲟⲗ ϧⲉⲛ ⲡⲓⲥⲛⲟϥ ⲫⲏⲉⲧⲭⲏ ϩⲓϫⲉⲛ ⲡⲓⲙⲁⲛ̀ⲉⲣϣⲱⲟⲩϣⲓ ⲟⲩⲟϩ ⲁϥⲛⲟⲩϫϧ ⲉϫⲉⲛ ⲁⲁⲣⲱⲛ. καὶ ἔλαβε Μωυσῆς ἀπὸ τοῦ ἐλαίου τῆς χρίσεως καὶ ἀπὸ τοῦ αἵματος τοῦ ἐπὶ τοῦ θυσιαστηρίου, καὶ προσέρρανεν ἐπὶ Ἀαρὼν καὶ τὰς στολὰς αὐτοῦ.

Prov. 7, 17. — ⲁⲓ̈ⲛⲟⲩϫϭ̄ ⲙ̄ⲡⲁϭⲗⲟϭ ⲛ̄ⲟⲩⲕⲣⲟⲕⲟⲥ : ⲁⲓⲛⲟⲩϫϧ ⲛ̀ⲧⲁϣⲁⲓⲣⲓ ϧⲉⲛ ⲟⲩⲕⲣⲟⲕⲟⲥ. διέρραγκα τὴν κοίτην μου κροκίνῳ.

Schenute. (Cod. Borg. CCI). ⲛ̄ⲧⲁⲛⲟⲩϫϭ̄ [9]) ⲉϫⲛ̄ ⲧⲏⲩⲧⲛ̄ ⲛ̄ⲟⲩⲙⲟⲟⲩ ⲉϥⲥⲟⲧⲡ [10]) «und ich werde euch besprengen mit schönem Wasser».

Mart. S. Victoris 13a 15—19: [ⲁ]ⲩⲱ ⲁⲓ̈ⲣ̄ϣⲟ[ⲙⲛ̄ⲧ] ⲛ̄ϩⲟⲟⲩ ⲉⲓ̈ⲥⲱϩ[ⲛ̄] ⲉⲓ̈ⲛⲟⲩϫⲛ̄ ϣⲁⲛⲧⲉⲕⲣ̄ ⲡⲉⲕϣⲟⲙⲛ̄ⲧ. «Und ich verbrachte drei Tage, indem ich eintauchte und besprengte, bis du deinen dritten (Tag) erreicht hattest».

Wir können jetzt oben übersetzen: «Verflucht sei ein Weib unter euch, welches hineingeht zu den jungen Mädchen und sie salbt, und leidenschaftlich

---

7) Wendt, l. l. zu 27, 41. — Preuschen, Hwb. zum N. T. s. v. διθάλασσος.

8) C. S. C. O. Ser. II. T. V.

9) Var.-Cod. Parisin. 130[3] ⲛⲟⲩϫⲛ̄

10) Amélineau, Oeuvres de Schenudi II. 72, 10.

(πάθος) singt oder (ἤ) sie besprengt in sinnlicher Leidenschaft (πάθος ἐπιθυμίας), und in Müssigkeit (ἀργός) und Spiel, und in eitler Liebe (ἀγάπη)». ⲙⲛ̄ⲧⲁⲣⲅⲟⲥ steht hier vermuthlich für ⲙⲛ̄ⲧⲁⲅⲣⲓⲟⲥ = ἀγριότης «Unbändigkeit, Ausgelassenheit».

Vergl. Schenute (Cod. Borg. CLXXXV): ⲉⲧⲃⲉ ⲛϣⲉⲉⲣⲉ ⲇⲉ ϣⲏⲙ ⲛⲧⲁⲛⲥⲱⲧⲙ ⲉⲧⲃⲏⲏⲧⲟⲩ ϫⲉ ⲥⲉⲛⲁⲡⲱⲧ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲛⲉⲩⲉⲣⲏⲩ ϩⲛ ⲟⲩⲱϣ ⲛⲥⲁⲣⲕⲓⲕⲟⲛ ⲙⲁⲧⲁⲙⲟⲓ ⲉⲧⲃⲏⲏⲧⲟⲩ ϩⲛ ⲟⲩⲱⲣϫ ϫⲉ ⲉⲓⲉⲉⲙⲉ (l. ⲉⲓⲉⲉⲓⲙⲉ) ⲁⲩⲱ ϯⲛⲁⲧⲁⲙⲱⲧⲛ ϫⲉ ⲉⲩⲛⲁⲣ ⲟⲩ ⲛⲁⲩ.[11]) «Inbetreff der Jungfrauen aber (δέ) über die wir gehört haben, dass sie zu einander laufen in fleischlichen (σαρκικός) Begierden, berichtet mir von ihnen genau, damit ich es wisse, und ich werde euch mittheilen was ihr ihnen thun sollt»[12]).

Vergl. noch Schenute (C. S. C. O. Ser. II. T. V. 124,7—20. (cf. Zoëga 568,26—30). Hier findet sich mehreremal der Ausdruck ⲡⲁⲑⲟⲥ ⲛⲉⲡⲓⲑⲩⲙⲓⲁ.

Zu [ϩⲛ̄] ⲟⲩⲡⲁⲑⲟⲥ ⲛ̄ⲉⲡⲓⲑⲩⲙⲓⲁ vergl. 1 Th. 4,5. ϩⲛ̄ ⲟⲩⲡⲁⲑⲟⲥ ⲛ̄ⲉⲡⲓⲑⲩⲙⲓⲁ ⲁⲛ. μὴ ἐν πάθει ἐπιθυμίας.

Zum ganzen vgl. noch Leipoldt, Schenute von Atripe pag. 142, wo es in einem an die «Mutter» des Frauenklosters gerichteten Briefe, in dem es sich um Verhängung verschiedener Strafen handelt, heisst: «Taëse, die Schwester des kleinen Pschai, von der ihr uns berichtet habt, dass sie zu Sansnō geeilt ist in Freundschaft und fleischlichem Gelüste: fünfzehn Stockhiebe».

199,23—200,1—. ⲙⲛ̄ⲛ̄ⲥⲁ ⲧⲣⲉⲩⲛ̄ⲧ[ⲥ̄] ⲇⲉ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ̄ ⲥⲱⲙⲁ, ⲁⲓⲛⲁⲩ ⲉⲩⲓ[. .]ⲗⲁⲣⲓⲟⲛ ⲛ̄ⲕⲱϩⲧ̄ ϩⲓ ⲡⲉⲥⲙⲁⲕϩ̄, ⲉⲥⲥⲟⲛϩ̄ ⲉⲧⲟⲟⲧⲥ̄ ⲙ[.]ⲣⲁⲧⲥ̄. ⲁⲩⲙⲟⲣⲥ̄ ⲉⲡⲥⲁⲧ ⲛⲟϩ[.]ⲥⲕ[. .].

Die erste Lücke ergänze ich zu ⲉⲩⲕ[ⲟⲗ]ⲗⲁⲣⲓⲟⲛ. — ⲕⲟⲗⲗⲁⲣⲓⲟⲛ, κολλάριον, *collare*, *collaria* ist die «Halsfessel». Vgl. z. B. Mart. S. Victoris 20a18—20: ⲉⲣⲉ ϥⲧⲟⲟⲩ ⲛ̄ⲕⲟⲗⲗⲁⲣⲓ̈ⲟⲛ ϩⲙ̄ ⲡⲉϥⲙⲁⲕϩ̄. «indem vier Halsfesseln an seinem Halse waren». — Mart. S. Heraclidis: ⲁϥⲁⲙⲁϩⲧⲉ ⲙ̄ⲡⲕⲟⲗⲗⲁⲣⲓ̈ⲟⲛ ⲉⲧϩⲙ̄ ⲡⲙⲁⲕϩ̄ ⲙ̄ⲡⲇⲓⲕⲉⲟⲥ. «er ergriff die Halsfessel, die am Halse des Gerechten war»[13]). Vgl. noch Mart. S. Theod. Str. (C. S. C. O. I 171,11 f.) u. Mart. S. Epime (L. l. I 149,3).

Ferner ergänze ich: ⲙ[ⲛ̄] ⲣⲁⲧⲥ̄. — ⲉⲥⲥⲟⲛϩ̄ ⲉⲧⲟⲟⲧⲥ̄ ⲙ[ⲛ̄] ⲣⲁⲧⲥ «gefesselt an Händen und Füssen». Vergl. z. B. Mart. E. Epime (L. l. I. 149,2.3).

---

11) Amélineau, Oeuvres de Schenoudi I, 17.

12) Vergl. noch Misc. XXVI.

13) Meine Bruchst. Kopt. Märtyrerakten I—V. pag. 27 b10—14.

Schliesslich ergänze und emendiere ich: ⲛ̄ⲟⲩϩ[ⲧⲟ ⲉ]ϥⲕ[ⲏⲙ] oder, wenn das ⲥ sicher sein sollte, zu: ⲛ̄ⲟⲩϩ[ⲧⲟⲣⲉ ⲉ]ⲥⲕ[ⲏⲙ]. Am wahrscheinlichsten dürfte jedoch ursprünglich dagestanden haben: ⲛ̄ⲟⲩϩ[ⲧⲟ] ⲛⲕ[ⲁⲙⲉ].

Also die Seele wurde an den Schweif eines schwarzen Pferdes gebunden. Vgl. dazu was ebenso in Bezug auf eine Seele in der «Vita Pachomii» steht: ϣⲁⲩϫⲉⲙⲥ ⲉⲥⲭⲏⲙ ⲟⲩⲟϩ ⲉⲥⲟⲓ ⲛ̀ⲭⲁⲙⲉ ⲉⲙⲁϣⲱ. ⲙⲉⲛⲉⲛⲥⲱⲥ ⲛ̀ⲥⲉⲙⲟⲣⲥ ⲉⲛⲥⲁⲧ ⲛ̀ⲟⲩϩⲑⲟ ⲙ̀ⲡⲛ̅ⲁ̅ ϫⲉ ⲛ̀ⲑⲟⲥ ϩⲱⲥ ⲟⲩⲡⲛ̅ⲁ̅ ⲧⲉ [14]). «sie wird erfunden (die Seele) schwarz und sehr schwarz seiend; darauf wird sie an den Schweif eines geistigen Pferdes gebunden, denn sie selbst ist ein Geist».

Zu vergleichen sind hier noch die schwarzen Pferde in der Vision eines Greises, die er beim Tode eines Reichen hat. App. pp. (Zoëga 335): ⲁϥϭⲱϣⲧ̄ ⲁϥⲛⲁⲩ ⲉϩⲛ̄ϩⲧⲟ ⲛ̄ⲕⲁⲙⲉ ⲁⲩⲱ ⲛⲉⲧⲧⲁⲗⲏⲩ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲉϩⲛ̄ⲕⲁⲙⲉ ϩⲱⲟⲩ ⲛⲉ ⲉⲩⲙⲉϩ ⲛ̄ϩⲟⲧⲉ ⲉⲣⲉ ⲟⲩⲃⲁⲕⲗⲁ ⲛ̄ⲕⲱϩⲧ̄ ϩⲛ̄ ⲧϭⲓϫ ⲙ̄ⲡⲟⲩⲁ ⲡⲟⲩⲁ. «Er blickte auf und sah schwarze Pferde und die auf ihnen ritten waren auch schwarz und schrecklich anzusehen, und hatten ein jeder einen Feuerstab (βάκλον, *baculum*) in der Hand». Ohne Zweifel sind hier unter den schwarzen Reitern «die zwei unbarmherzigen Engel» (ⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲃ̅ ⲛ̀ⲁⲑⲛⲁⲓ, ⲛⲓⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲛ̀ⲁⲑⲛⲁⲓ) der «Vita Pachomii» (l. l.) gemeint. Obgleich weder in dem koptischen, noch in dem griechischen [15]) und lateinischen Texte [16]) ausdrücklich von zwei Reitern die Rede ist, so muss dem Pfarrer Rottler doch ein lateinischer Text vorgelegen haben, der von zwei Reitern spricht, da es in seiner Übersetzung heisst: «Indem er aber allda sasse, da sahe er zwey kohl schwartze und erschröckliche Reuter, welche ganz feurige Stäb in den Händen hatten, auff schwartzen Pferden daher reiten» [17]) [18]).

14) Ann. du Mus. Guimet XVII, 127.

15) Епископъ Виссаріонъ, Древній патерикъ 2 pag. 369. (XVIII, 46). (Codd. Bibl. Synod. Mosq. № 452 & 163).

16) Migne, P. L. 73. 1012. (VI. 3, 14).

17) Matthaeus Rottler, Vitæ patrum, oder Leben der Vätter etc. (Dillingen, 1691), pag. 728a.

18) Während des Druckes erhielt ich das 1. Heft des 68. Bandes der Z. D. M. G. mit dem 2. Theile des Artikels von Adolf Grohmann, Die im Äthiopischen, Arabischen und Koptischen erhaltenen Visionen Apa Schenute's von Atripe. — Dazu seien mir folgende Bemerkungen gestattet.

Pag. 22 Anm. 6. — Das im Texte stehende قمامصة wird daselbst richtig als der Plural von قُمَّص (vergl. ቆሞስ ፡) bezeichnet, doch ist dieses mit ⲕⲟⲙⲏⲥ, ⲕⲟⲙⲓⲥ, *comes* nicht zu vergleichen, sondern auf ἡγούμενος zurückzuführen, während ⲕⲟⲙⲏⲥ einem arab. قَوْمَس, قُمَّس, قُمَّاص (vgl. ቈሞስ ፡) entspricht.

In der kopt. Apokalypse Schenute's ist zu verbessern:

pag. 34 f. 135r 24 [βου]λάριον in [κολ]λάριον s. o.

» 34 f. 135r 26 ist nicht von einem Eselein (ὀνίσκος), sondern von einem schwarzen Pferde die Rede. s. o.

pag. 35b. 136r 12. — Zu κημός vgl. K. K. St. XIII, 39 (71) u. 153 (184) ff.

CXXXVIII. — Zur Vita des hl. Aphu 2—4[19]).

2.

Rossi I. 3, 6a (II 38—47).

ⲛⲉ ϣⲁϥⲁⲡⲁⲛ
ⲧⲁ ⲇⲉ . . . ⲛ
ⲛ̄ⲧ. ⲛϣⲣ̄ⲡ
40 ϣⲁϫⲉ ⲉⲣⲟϥ
ⲛ̄. . . . . . ⲧⲉ
ⲣⲟⲙⲡⲉ ⲛ̄ϥ
ⲧⲁⲙⲟϥ ⲉⲡⲉ
45 ϩⲟⲟⲩ ⲙ̄ⲡⲧⲁ
ϣⲉⲟⲉⲓϣ ⲉ
ⲧⲟⲩⲁⲁⲃ.

(L. l. pag. 83): «Egli poi si mostrava fra gli uomini solo quando gli era annunziato il giorno della predicazione santa».

Ich ergänze Z. 39—42: [ⲙ̄ⲛⲥⲟ]ⲛ ⲛ̄ⲧ[ⲁ]ⲛϣⲣ̄ⲡ-ϣⲁϫⲉ ⲉⲣⲟϥ ⲛ̄[ⲟⲩ-ⲥⲟⲛ] ⲧⲉⲣⲟⲙⲡⲉ und übersetze den ganzen Passus: «Er begegnete (ἀπαντᾶν) aber (δέ) dem Bruder, von dem wir zuerst gesprochen haben, einmal im Jahre und meldete ihm den Tag der heiligen Predigt».

Meine Ergänzungen beruhen auf folgenden Stellen.

L. l. I. 3, 5b (I, 36—II, 2).

36 ⲙⲛ̄ⲛ̄ⲥⲁ ⲧⲣⲉⲩⲛ̄
ⲕⲟⲧⲕ̄ ⲇⲉ ⲁϥ
ϣⲱϫ̄ⲡ̄ ⲙⲁⲩ
ⲁⲁϥ. ⲉϥⲥⲟⲟⲩⲛ
40 ⲙ̄ⲙⲁⲧⲉ ⲛ̄ⲟⲩ
ⲥⲟⲛ. ⲡⲁ̈ⲓ̈
ϩⲱⲱϥ ⲟⲛ
ⲛ̄ⲧⲁϥϫⲓ-ⲥⲃⲱ
ⲉⲧϭⲓⲛⲃⲱⲕ
45 ⲉϩⲣⲁ̈ⲓ̈ ⲉⲧⲡⲉ.
II, 1 ⲛ[ⲙ̄ⲙⲁϥ] ⲉⲃⲟⲗ
ϩⲓⲧⲟⲟⲧⲟⲩ.

«Nachdem sie aber (δέ) gestorben waren, blieb er allein, und er kannte nur einen Bruder. Auch dieser aber lernte mit ihm den Weg zum Himmel kennen durch sie (die Schüler der Apostel)».

L. l. I, 3, 18b. c. (XXV, 13—17).

ⲁⲩⲱ ⲛⲉϣⲁϥϯ	«Und er gab
ⲛ̄ⲛⲱⲡ ⲛ̄ⲧⲉⲕ	Rechenschaft
ⲕⲗⲏⲥⲓⲁ ⲛ̄ⲟⲩ	der Kirche
ⲥⲟⲛ ⲧⲉⲣⲟⲙ	(ἐκκλησία) ein-
ⲡⲉ	mal im Jahre».

19) Vgl. Misc. XLIV.

3.

Rossi I. 3, 5 c. 6 a. (fol. II, 31—37).

ϫⲓⲛⲧⲁⲩⲥⲟⲧϥ
ⲅⲁⲣ ⲛ̄ϭⲓ ⲛⲁ . .
ⲕⲙ . . ⲛ̄ⲧⲙ̄ⲛ̄ⲧ
ϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ
ⲛ̄ⲧⲁϥⲁⲣⲭⲉⲓ̈ ⲉ
ⲡⲉⲓⲃⲓⲟⲥ ⲛ̄
ⲧⲉⲓⲙⲓⲛⲉ

(L. l. pag. 83). «dalle quali (le infirmità degli uomini) lo salvò la vigoria della giovinezza in cui cominciò questo genere di vita».

Z. 32. 33 ergänze ich.: ⲛⲁⲕⲙ[ⲏ]. Zu ⲁⲕⲙ[ⲏ] ⲛ̄ⲧⲙ̄ⲛ̄ⲧϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ vergl. ἀκμὴ ἡλικίας Diod. 3, 58.

«Seit nämlich (γάρ) die Vollkraft (ἀκμή) der Jugend ihn erlöst hatte (von der menschlichen Schwachheit ⲧⲙⲛ̄ⲧϭⲱⲃ ⲛ̄ⲛ̄ⲣⲱⲙⲉ), begann (ἄρχειν) er eine solche Lebensweise».

4.

Rossi I. 3, 13 a (fol. XV, 18—35).

Ⲉϣϫⲉ ϣⲁⲣⲉ
ⲛⲁⲓ̈ ϭⲉ ϣⲱ
ⲡⲉ ⲛ̄ⲟⲩϩⲓ
ⲕⲱⲛ ⲉⲙ̄ⲛ̄
ⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲙⲙⲟⲥ
ⲟⲩⲇⲉ ⲙⲉⲥⲕⲓⲙ
ⲉⲥⲟ̄ ⲛ̄ⲁ . . .
ⲑⲉⲧⲟⲥ.
ⲡⲓⲕ(ⲓⲙ) ⲙⲁⲗ
ⲗⲟⲛ ⲡⲣⲱⲙⲉ·
▒ ⲉⲣⲉ ⲡⲉ
ⲡ̅ⲛ̅ⲁ̅ ⲙ̄ⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ ⲛ̄ϩⲏⲧϥ.
ⲉϥⲉⲛⲉⲣⲅⲉⲓ
ⲁⲩⲱ ⲉϥⲧⲁⲓ̈ⲏⲩ
ⲡⲁⲣⲁ ⲛ̄ⲍⲱ
ⲟⲛ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲉⲩ
ϩⲓϫⲙ̄ ⲡⲕⲁϩ

Z. 24. 25. ergänze ich zu ⲛ̄ⲁ[ⲛⲁⲓⲥ]ⲑⲉⲧⲟⲥ (ἀναίσθητος). Vgl. Rossi II. 3, 89 a (LXXXIII. ⲣ̅ϥ̅ⲅ̅ 31. 32.): ⲉⲓⲟ' ⲛ̄ⲁⲛⲁⲓ(ⲥ)ⲑⲏⲧⲟⲥ. «indem ich gefühllos war». — Z. 26. 27 ⲡⲓⲕ(ⲓⲙ) ⲙⲁⲗⲗⲟⲛ. Revillout (Rev. égyptol. III (1885) pag. 30, 2. 3 v. u.) liest ⲡⲱⲥⲟ ⲙⲁⲗⲗⲟⲛ (πόσῳ μᾶλλον), was der Sinn erfordert und wo Rossi selbst übersetzt: «tanto più». — Z. 27: [ⲉⲧ]ⲉⲣⲉ. — «Wenn also dieses geschieht mit einem Bilde (εἴκων), in dem kein Geist (πνεῦμα) ist und welches sich nicht bewegt, indem es gefühllos (ἀναίσθητος) ist[20]), um wieviel mehr (πόσῳ μᾶλλον) (kommt solches zu) dem Menschen, in dem der Geist (πνεῦμα) Gottes ist, welcher wirket (ἐκεργεῖν) und erhaben ist über (παρά) alle lebenden Wesen (ζῷον), die auf Erden sind».

20) Es ist im Vorhergehenden die Rede von den Ehren, die dem Bilde des Königs erwiesen werden.

5.

Rossi I. 3, 13a (Fol. XV, 36—43).

36 ⲉⲧⲃⲉ ⲧⲇⲓⲁⲫⲟ
ⲣⲁ ⲇⲉ ⲛ̄ⲛ̄ϣⲱ
ⲛⲉ ⲙⲛ̄ ⲛ̄ⲁⲩⲁ
ⲙⲛ̄ ⲛ̄ϭⲱϫⲃ̄
40 ⲉⲧⲛ̄ϩⲏⲧⲛ̄ ⲉⲩ
ⲡⲉⲧⲉⲩⲥⲓⲥ[sic]
ⲛⲁⲛ ⲉⲧⲃⲉ
ⲡⲉⲛⲟⲩϫⲁⲓ̈.

(L. l. pag. 85): «Per la questione poi delle malattie e del colore (della pelle), e dei difetti che sono in noi, sono....... a noi per la nostra salute».

Das hier von Rossi in der Übersetzung übergangene ⲡⲉⲧⲉⲩⲥⲓⲥ ist = *ⲡⲁⲓⲇⲉⲩⲥⲓⲥ (παίδευσις) und ⲉⲩⲡⲉⲧⲉⲩⲥⲓⲥ = ⲉⲟⲩⲡⲉⲧⲉⲩⲥⲓⲥ d. i. «zur Züchtigung». Der ganze Passus ist zu übersetzen: «Was aber (δὲ) betrifft die Verschiedenheit (διαφορά) der Krankheiten und der Hautfarben und der Schwachheiten, die in uns sind, (so dienen sie) uns zu einer Züchtigung (παίδευσις) für unser Heil».

CXXXIX. Giebt es im Koptischen ein Verbum ϩⲱⲃⲕ̄?

Bei Peyron lesen wir:

«ϩⲱⲃⲕ T. stimulare, incitare *aculeo* Z. 501».

Und Tattam hat: «ϩⲱⲃⲕ, Sah. intentare, minari, M. S. Borg. CCIII».

In dieser Hs. tritt ϩⲱⲃⲕ in folgender Verbindung auf. ⲛ̄ϯⲛⲁⲩ ⲁⲛⲟⲕ ⲁⲛ ⲉϭⲉϩⲱⲃ ⲛ̄ⲥⲁ ⲧⲣⲉⲩⲁⲁⲩ ⲛⲁⲩ ⲛ̄ϩⲙ̄ϩⲁⲗ ϩⲙ̄ ⲡⲉⲩⲥⲱⲙⲁ. ⲛ̄ⲥⲉⲙⲟⲣⲟⲩ ⲉϩⲟⲩⲛ ⲉⲡⲛⲁϩⲃ̄ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ϩⲉⲛⲧⲃ̄ⲛⲟⲟⲩⲉ. ⲛ̄ⲥⲉϩⲱⲃⲕ ⲉⲣⲟⲟⲩ ⲛ̄ϩⲉⲛϫⲟⲟⲕⲉϥ ⲉⲧⲣⲉⲩⲕⲱⲧⲉ ⲉϩⲉⲛϭⲱⲙ ⲉⲧⲥⲟⲟⲩ. [21]) Amélineau übersetzt das folgendermassen: «Je ne vois pas, moi, qu'ils aient autre chose à faire qu'à les faire tous esclaves en leur corps ou à leur attacher un joug comme à des bêtes de somme, afin qu'on les excite à coup d'aiguillon à tourner en des jardins pour les arroser».

Es ist hier von der schlechten Behandlung der Armen die Rede, die den Zugthieren gleichgeachtet werden.

Ich vermuthe aber, dass statt ϩⲱⲃⲕ, welches sonst weiter nicht zu belegen ist, ϩⲱⲣⲕ zu lesen ist. Vergl. Sir. 14, 22. ⲟⲩⲁϩⲕ̄ ⲛ̄ⲥⲱⲥ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲣⲉϥϭⲱⲣϭ ⲛ̄ⲅ̄ϩⲱⲣⲕ̄ ⲉⲣⲟⲥ ϩⲓ ⲛⲉⲥϩⲓⲟⲟⲩⲉ. «folge ihr (der Weisheit) nach wie ein Jäger und laure ihr auf auf ihren Wegen». ἔξελθε ὀπίσω αὐτῆς ὡς ἰχνευτής, καὶ ἐν ταῖς εἰςόδοις αὐτῆς ἐνέδρευε. — Jos. 8, 4 (Cod. Paris. 44 fol. 108. — Peyron) ϣⲱⲡⲉ ⲉⲧⲉⲧⲛ̄ϩⲟⲣⲕ̄ ἐνεδρεύσατε. — Num. 22, 5. ⲁⲩⲱ ⲡⲁⲓ̈ ϩⲟⲣⲕ̄ ϩⲓⲧⲟⲩⲱⲓ̈. καὶ οὗτος ἐγκάθηται ἐχόμενός μου.

21) Vgl. jetzt auch Amélineau, Oeuvres de Schenoudi II, 130.

ϩⲱⲣⲕ̄ hat die Bedeutung «nachstellen, auflauern» und so möchte ich oben statt «qu'on les excite», was ja dem Sinne nach auch gut passt, übersetzen: «und ihnen auflauert (oder nachstellt) mit dem Treibstachel».

Freilich muss man sich hüten das Qualitativ ϩⲟⲣⲕ zu verwechseln mit ϩⲟⲣⲕ (ϩⲟⲣ⸗ⲕ) von

*ϩⲱⲣ ϩⲣ̄ ϩⲟⲣ⸗ *ϩⲏⲣ

«sich hüten, sich in Acht nehmen», z. B. 1 Reg. 19, 2 ⲧⲉⲛⲟⲩ ϭⲉ ϩⲟⲣⲕ ⲉⲣⲟⲕ ⲙ̄ⲡⲛⲁⲩ ⲛ̄ϩⲧⲟⲟⲩⲉ ⲛ̄ⲣⲁⲥⲧⲉ. ⲛ̄ⲅ̄ϩⲙⲟⲟⲥ ϩⲉⲛ ⲟⲩⲙⲁⲛϩⲱⲡ. φύλαξαι οὖν αὔριον πρωΐ, καὶ κρύβηθι καὶ κάθισον κρυφῇ. Vgl. Kl. K. S. XLV. V. pagg. 0212—0214 (394—396).

CXL. Zu den koptischen Apophthegmata patrum 1.

1.

Die Worte Zoëga 328, 6: ϩⲱⲥⲧⲉ ϩ̄ⲛⲕⲟⲩⲓ ⲛ̄ϣⲏⲙ .... ⲛⲉⲛ-ⲧⲁⲩⲣ̄-ⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲧⲟⲟⲧⲥ̄ ⲛ̄ⲧⲉⲥⲡⲟⲣⲛⲓⲁ übersetzt Arthur Levy folgendermassen: «so dass (ὥστε) einige Kinder aus ihrer Schlechtigkeit (πορνεία) hervorgiengen»[22]). Diese Übersetzung ist nun aber keineswegs haltbar, denn ⲣ̄-ⲃⲟⲗ mit nachfolgenden ⲉ, ϩⲛ̄ oder ⲛ̄ⲧⲛ̄ kann nie «hervorgehn» bedeuten, sondern nur «entgehn». Z. B. Sir. 16, 13. ⲡⲣⲉϥⲣ̄·ⲛⲟⲃⲉ ⲛⲁⲣ̄-ⲃⲟⲗ ⲁⲛ ϩⲛ̄ ⲛⲉϥⲧⲱⲣⲡ̄ οὐκ ἐκφεύξεται ἐν ἁρπάγμασιν ἁμαρτωλός.

Aber auch der entsprechende lateinische Text[23]) zeigt die Unmöglichkeit dieser Auffassung. Daselbst heisst es: «ut pauci..... potuerint effugere libidinem ejus». — Wir müssen nun noch sehen, in welchem Zusammenhange dieser Consecutivsatz steht. Es heisst dort: ⲛⲉⲥⲉⲓ̈ⲣⲉ ⲡⲉ ϩⲓ̈ⲛⲁⲓ ϩⲙ̄ ⲡⲉⲥⲥⲱⲙⲁ ⲛ̄ⲥⲱⲱϥ ⲛⲓ̈ⲙ. ϩⲱⲥⲧⲉ ϩ̄ⲛⲕⲟⲩⲓ̈ ⲛ̄ϣⲏⲙ ⲛ̄ⲧⲉ ⲡϯⲙⲉ ⲉⲧⲙ̄ⲙⲁⲩ ⲛⲉⲛⲧⲁⲩⲣ̄-ⲃⲟⲗ ⲛ̄ⲧⲟⲟⲧⲥ̄ ⲛ̄ⲧⲉⲥⲡⲟⲣⲛⲓ̈ⲁ. «corpore autem suo ita in turpitudine abutebatur, ut pauci de vico ipso potuerint effugere libidinem ejus». — Die von Levy angeführten Worte können aber nur folgendermassen übersetzt werden: «so dass nur wenige Jünglinge ihrer Hurerei (πορνεία) entgiengen».

---

22) Arthur Levy, Die Syntax der koptischen Apophthegmata patrum Aegyptiorum. Diss. (Strassburg). — Berlin, 1909. pag. 81 f. (§ 263).

23) Vitae patrum VI. 1, 15. (Migne, P. L. 73, 996 a.) — Ein griechischer Text scheint nicht erhalten zu sein, wenigstens fehlt er in den Codd. Mosquenses 452 und 163.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

Eranica 1—4.

Von C. Salemann.

(Der Akademie vor gelegt am 16./29. April 1914).

1. ap. iyam.

Auf dem felsen von Bîsutûn hat Darius seinem sigesmanifeste eine bildliche darstellung bei fügen laßen. Wir sehen den könig, von seinem bogenträger und dahinter dem lanzenhalter (wol *arštibara, vgl. NRc) begleitet, wie er den linken fuß auf den mit flehend erhobenen händen am boden ligenden falschen Smerdis (iyam Gaumâta*h* hya*h* maguš adurujiya*t*) sezt. Gleich danach stehn am halse gefeßelt die neun übrigen rebellenfürer: 2 iyam Ařina*h* — 3 iyam Nadi*n*tabaira*h* — 4 iyam Fravartiš — 5 iyam Martiya*h* — 6 iyam Čiřa*n*taxma*h* — 7 iyam Vahyazdâta*h* — 8 iyam Araxa*h* — 9 iyam Frâda*h* —, und auf jeden namen folgt das verb, außer bei 10 iyam Sku*n*xa*h* hya*h* Saka*h*[1]).

Eben so stellen am grabmale des Darius in Naqš i Rustam die beiden reihen von je vierzehn thronträgern nebst je einer zu beiden seiten der tafel stehnden figur die in der inschrift auf gezälten tributpflichtigen völkerschaften dar, wie Andreas und nach im Weissbach[2]) erwisen haben. Doch sind bißher nur die folgenden beischriften bekant geworden: 1 iyam Pârsa*h* — 2 iyam [Mâda*h*] — 3 iyam *H*uvaja*h* — 4 iyam Parþava*h* — 15 iyam Sakâ*h* tigraxa[udâ*h*] — 17 iyam Aþuriya*h* — 29 iyam Mačiyâ*h*.

Alle erklärer übersetzen Bh 1—8 «diser NN log»[3]), oder wo das verb

1) Bh IV, 5 ff. sagt der könig: pasâva*t* yaþâ xšâyaþiya*h* abavam XIX hamaranâ akunavam vašnâ A*h*uramazdâha*h* adamšim ajanam utâ IX xšâyaþiyâ*h* agrbâyam 'nachdem ich könig geworden, liferte ich 19 schlachten, durch die gnade Ahuramazdâ's schlug ich sie und nam 9 könige gefangen', die dann in etwaß andrer reihenfolge auf gefürt werden: 1. 2. 3. 5. 4. 6. 9. 7. 8, — aber 10 trit erst Bh V, 27 auf.

2) F. H. Weissbach. Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis: Abhh. sächs. GdW., h.-ph. XXIX, i. Lpz. 1911.

3) Richtig übersezt allein Bartholomae AIW 160: «das (auf dem Bild) hier ist G., der M.; er log; so sagte er».

felt «diß ist, sind». Sie faßen also iyam als nom. sg. m., ungeachtet dessen, daß dise form durchauß dem nom. s. g. f. aw. îm, skr. iyám entspricht und als solcher DPers d,6. Sz c,10 und verstümmelt aber sicher zu ergänzen Bh IV, 89 belegt ist. So findet sich auch in allen grammatiken und wörterbüchern biß Tolman die angabe, daß ap. iyam so wol msc. als fem. sei, nur Bartholomae GR I, 1, 238 fügt dazu die bemerkung 'eigentlich nur fem.'. Schwirigkeiten aber macht im NR 29, und Weissbach auch noch NR 15, welches ja erst er selbst veröffentlicht hat. Der erstere wil eine verlesung für imaiy an nemen (AIW 161 n), der andere sezt eine ungewönliche pleneschreibung vorauß, die er durch analogien zu rechtfertigen sucht (l. c. 49). Er übersiht jedoch, daß die altpersische keilschrift ganz consequent einen unterschid macht zwischen etymologisch berechtigtem 'schluß-a' und den ursprünglichen wortendungen -a*h* -a*t* -a*n*. Ferner ist die eigentümlichkeit des altpersischen außer acht gelaßen, wonach die völkerschaften und ire länder meist mit dem singular des volksnamens bezeichnet werden (Bh I, 14, ff. II, 7. 8. IV, 9 ff. DPers e, 10 ff. N Ra, 22 ff. und sonst, wie auß der concordanz zu ersehen). Dabei gelten Arminiya*h* und Armina*h* ganz gleich, waß wol auch für Apuriya*h* NR 17 neben dem sonstigen Apurâ f. zu trift. Nur sechs namen stehn im plural, und zwar NRa: Sakâ*h* haumavarkâh, Sakâ*h* tigraxaudâ*h* (auch NR 15), Sakâ*h* tyaiy taradraya*h*[4]); Yaunâ*h* takabarâ*h*; Putiyâ*h*; Kušiyâ*h*; Mačiyâ*h*[5]); Karkâ*h* — in DPers e: Yaunâ*h* tyaiy *h*uškahyâ utâ tyaiy drayahyâ; Sakâ*h*. Aber Bh. I, 16 steht als name der provinz der singular Saka*h*, eben so NRa, 28 Yauna*h*, wärend Bh I, 16 nur Yaun... erhalten ist. Eine dritte form ist Sakâ f. (belegt durch Bh V, 21 [aš]iyavam abiy Sakâm), wie Apurâ, ferner Bâxtriš, Hara*h*uvatiš[6]) wärend Þataguš, Bâbiruš, Marguš und Hinduš msc. sind. Aber in NR 15 den nom. sg. f. an zu nemen verbietet das epithet. Daher muß es bei der früheren deutung der formen in den beischriften von NR als plurale verbleiben. Solche

4) Dises wort faßt Bartholomae AIW 640 als compositum auß tara*h* + draya*h*, aber nach analogie von Vahyaz-dâta müste es dann doch *taraz-dr° lauten; ich möchte mich lieber für die graphische zusammenrückung zweier selbständiger wörter (warscheinlich mit nur einem accente) auß sprechen.

5) Doch wol gentilicium zu Maka*h* Bh I, 17. DPers l, 18. Ist diese anname richtig, so dürfte Bh V, 21 villeicht [hadâ kâr]â Sa[čiyâ] ergänzt werden (vgl. hadâ anâ Pârsâ kârâ DPers l, 8) — wenn nur die herren historiker nicht einspruch erheben solten.

6) Im altrußischen gibts nicht wenige solcher femininen collectiva. Ich entneme die folgenden einer freundlichen mitteilung meines vererten collegen A. Šachmatov: Зимѣгола Semgallen, Корѣла Karelen, Летьгола (Лѣтьгола) Lettigallen, Литва (Литъва), Меря, Мещера, Мордва (Мърдва), Мурома, Печера, Тепра (Тьпра), Угра (Югра) Ugrier, Черемиса oder Черемись; wie lezteres sind gebildet Весь (Вьсь) Wepsen, Корсь (Кърсь) Kuren, Либь (Ливь) Liven, Лопь Lappen, Пермь (Пьрмь), Русь, Сумь Suomi: Finnen, Чюдь, Ямь (Емь, Ѣмь) Hämäläiset.

‘plurale’[7]) bezeichnung von ländern wurde dann in späterer zeit die vor her-schende, z. b. [illegible] ایران (dial. ارّان) und [illegible] ‘ توران بدخشان ‘ ختلان واخان ‘ مکران ‘ مازندران ‘ گیلان ‘ گرگان ‘ کرمان ‘ شغنان ‘ شروان ‘ روشان ‘ دیلمان ‘ usw.[8]).

Nachdem nun das sämtliche material vor gelegt ist, wenden wir uns zur besprechung der frage, ob im altpersischen das ursprüngliche femininum iyam wirklich auch masculine function hat. Dem aw. aêm, ein mal ayəm[9]), skr. ayám müste eigentlich ein ap. *ayam entsprechen, und der mangel des nom. m. gerade beim pronomen der dritten person wäre um so auffälliger, als das f. iyam und das n. ima*t* bezeugt sind, und in den übrigen casus der geschlechtsunterschid eben so regelmäßig durch gefürt wird, wie in den beiden anderen nächst verwanten sprachen. Und ferner steht iyam noch zwei mal beim n. pl. m. — denn eine verlesung an zu nemen ist wegen NR 29 auß geschloßen.

Ich meine, solch schweren vorwurf ungrammatischen verhaltens dürfte man sich dem altpersischen gegenüber nur im äußersten falle gestatten, und schlage daher folgende deutung der so oft wider kerenden wendung vor. An al den oben an gezogenen stellen kan iyam als nom. sg. fem. verstanden werden[10]), so bald man es auf ein zu supplierendes hauptwort fem. gen. im sinne von ‘bild, figur, person’ udgl. bezieht. Von den uns bekanten ap. wörtern passt weder patikara, da es msc. ist, noch dipi f. ‘inschriftentafel’. Eher möchte man an das allerdings nicht belegte *tanû denken (vgl. تنی چند ‘ دو تن), wobei freilich Bâbiruš und die so eben rehabilitierten plurale einige schwirigkeiten bereiten möchten. Bleiben wir aber beim begriffe ‘figur’, so ist alles in der besten ordnung, da die thronträger (patikaram dîdiy tyaiy manâ gâpum bara*n*tiy) in NR als repraesentanten ires volkes und landes in den beischriften mit den selben namen bezeichnet sind wie in der grabschrift, und zwar in der nämlichen reihenfolge.

Wären wir im besitze aller vorauß zu setzenden beischriften, so ergäbe

---

7) Ich gebrauche dise benennung nur auß bequemlichkeitsgründen; denn es steht doch noch nicht fest, ob hier in der tat der alte gen. pl. vor ligt, oder aber ein patronymica udgl. bildendes suffix -ân; vgl. AIW 1926-7 eine ganze reihe patronymica und geographischer namen auf -ana, und nur wenige auf -âna, darunter auch ap. Varkâna., aw. Vəhrkânô-šayana.

8) So auch Kûš-ân, vgl. Baron A. v. Staël-Holstein im JRAS 1914 p. 85 ff.

9) Ys 44, 12 d, wo die tradition die √yâ siht, da sie [illegible] आगमने übersezt.

10) Villeicht hat dise erklärung wenigstens zum teil schon Edwin Lee Johnson vor geschwebt, wenn er in seinem Index verborum zu Tolman’s Cuneiform Supplement p. 12 schreibt: «iyam (m.) Bh. b. 1, u. s. w. iyam (f.) Bh. 4,98. . . . . iyam (with nom. pl. m.) Dar. NR XV; NR XXIX».

sich villeicht anlaß zu weiteren sprachlichen erörterungen. Wir können somit nicht umhin uns dem von Weissbach so nachdrüklich betonten wunsche an zu schließen, die denkmäler von Naqš i Rustam möchten baldmöglichst einer gründlichen nachprüfung unterzogen werden.

2. hağđaṅhum Ys 62,9. Vd 18,26.

Im AIW 1743 lesen wir: «*ha-γδαηhəm (so) Adv. 'in Erfüllung der Bitte'... aus ar. sa-gdhasa... zum V. gad» (aw. ǰaiđyêmi, ap. ǰadiyâmiy). In der anmerkung lent Bartholomae die deutungen seiner vorgänger als unhaltbar ab; und doch, deucht mich, sind manche von inen schon auf dem rechten wege gewesen, sie hätten nur noch einen schrit weiter gehn sollen, um das rätsel diser wortbildung zu lösen.

Doch sehen wir uns zunächst die verse im zusammenhange an. Sie lauten Yasna 62 (vgl. Âtaš Nyâyiš (5) 13–16) folgender maßen:

7 vîspaêibyô sastîm baraiti	âtarš mazdå ahurahê,
yaêibyô aêm hãm.pačâitê[a]	xšafnîmča sûirîmča;
vîspaêibyô hača izyeitê	hubərəitîm uštabərəitîmča
vaṅtabərəitîmča, Spitama.	
8 vispanãm para.čarəṅtãm	âtarš zasta adiđaya:
čîm haxa haśê baraitî,	fračarəþwå armaêšâiđê?
9 âad̲ yezi.šê aêm baraiti	aêsməm vâ aśaya bərətəm
barəsma vâ aśaya fra.starətəm	urvarãm vâ hađanaêpatãm,
â.hê pasčaêta frînaiti	âtarš mazdå ahurahê,
xšnûtô ad̲bištô hağđaṅhum:	
10 upa þwâ haxšôid̲ gəuš vãþwa,	upa vîranãm pourutås,
upa.þwâ vərəzvad̲ča manô	*vərəzvaitiča haxšôid̲ aṅuha;
*urvâxšaṅuha gaya ǰigaêša	tå xšapanô yå ǰvâhi.
imad̲ âþrô âfrivanəm,	yô ahmâi aêsməm baraiti
hikûš raočas.pairištəm,	aśahê bərəǰa *yaoždâtãm[b].

Im Vendîdâd 18,27 ist nur die lezte strophe upa usw. erhalten und das vorher gehnde paraphrasiert:

26.... yatârô paurvô âþrê ahurahê mazdå aêsmanãm paiti baraiti yaoždâtanãm frasnâtaêibya zastaêibya, ahmâi âtarš âfrinâd̲ xšnûtô ad̲bištô hağđaṅhum.

---

[a] var. pačaiti; mit einem sternchen sind von Geldner's außgabe ab weichende schreibungen kentlich gemacht — [b] als gen. part. zu faßen.

Schon Haug und Geldner haben gesehen, daß das wort hağđańhum zu dem haxšôid̲ des segenspruches in enger beziehung stehn muß, auch Kanga (A complete dictionary of the Avesta language. Bby. 1900 p. 567) fürt das wort auf die √hač zurük; und in der tat ist hier nicht ha-ğđ° zu teilen, sondern es ligt ein compositum auß dem ptc. *hağđa + ańhva vor, beides stämmen, welche ja im texte selbst auf treten. Einen faßbaren sin ergibt dises compositum freilich nicht, eben so wenig wie unser Vaterunser, Ave Maria, Tedeum udgl. und eine reihe awestischer wörter, auf die wir alsbald zu sprechen kommen. Das sind alles termini für gebete und sprüche, in welchen die den terminus bildenden elemente vor kommen. Unser wort hat also die ganz concrete bedeutung: «der segen, worin die worte haxšôid̲ ańuha vor kommen», und darum ist die lesart hağđańhum die einzig richtige, und das ə in °ńhəm als der bekante vertreter des u auf zu faßen, wie so oft bei awestischen citaten in pehlevîtexten.

Ganz analog ligt die sache Hâđôxt Nask 3,20, wo die sele des bösen asnê kamərəđâd̲ hańdvaraiti kimãm gâþwyãm vačô srâvayô «kãm nəmôi zãm» (Ys. 46). Auch hier zeigt das citat, daß das wort kimãm auß dem anfangsworte des verses gebildet ist, wie schon Darmesteter ganz recht gesehen hat. Von der sele des gerechten dagegen heißt es eben da 2,2: asnê vağđanâd̲ nišhidaiti uštavaitîm gâþãm srâvayô uštatâtəm nimraomnô «uštâ ahmâi usw.»; vgl. AIW 420.

Eine ganze reihe solcher künstlicher ableitungen findet sich im Avesta selbst, meist in den überschriften der einzelnen gâthâ's, dann auch in pehlevîschrift im IX-ten buche des Dênkard als namen der 22 capitel (fragard) der beiden bücher (nask) Sûđgar ([illegible] cap. 2—23) und Bag ([illegible] oder [illegible] cap. 47—68), und der capitel 2—23 des Varštmânsr ([illegible] cap. 25—46). In der folgenden zusammenstellung ersetze ich den bekanten wortlaut der awestischen verse durch hinweise auf Geldner's außgabe, und gebe die lesarten des DK genau nach der handschrift, welche das Asiatische Museum auß West's nachlaße erworben hat[11]).

1. ahuna (vairya) Ys. 27,13 [illegible] DK IX, 2.25 [illegible] DK IX, 47.

11) Die handschrift ist für prof. Kielhorn geschriben worden, von im hat sie West erhalten und dann vervolständigen laßen und mit K und B collationiert (Pahl. T. IV p. xxxvii). Leider aber ist das stük IX, 24,14—47,17 nicht in unserem besiz, sondern warscheinlich mit dem übrigen Westschen nachlaße ins Britische Museum gekommen. Zum glük fand sich aber in unserem foliobande ein blätchen von West's hand «Pahl. names of Fargards in the first three Nasks» mit den lesarten beider alten codices, dem ich das felende entnemen konte.

2. aśəm vohû	Ys. 27,14	[illegible] B 3.26 [illegible] K 26. [illegible] 48.
3. yêńhê hâtãm	Ys. 27,15	eben so 4.27 [illegible] 49.
4. yânîm manô	Ys. 28,0	[illegible] 5.28. [illegible] 50.
5. xšmâvaya-gəuš-urva hâitiš	Ys. 29	[illegible] B 6. [illegible] B 29. [illegible] K 6.29; 51.
6. ad-tâvaxšya h°	Ys. 30	[illegible] B 7. [illegible] K 7. [illegible] B [illegible]° K 30. [illegible] 52.
7. tâ-və-urvâta h°	Ys. 31	[illegible] 8.53. [illegible] 31.
8. xvaêtumaiti h°	Ys. 32	[illegible] 9.32. [illegible] 54.
9. yaþâišiþa h°	Ys. 33	[illegible] B 10. [illegible] 33. [illegible] 55 [illegible] K 10.
10. yâśyaoþana h°	Ys. 34	[illegible] 11. [illegible] 56. felt 34.
11. yasnasča haptańhâitiš	Ys. 35—41	[illegible] 12. [illegible] 35. [illegible] 57.
12. uštavaiti hâitiš	Ys. 43	[illegible] B 13.36. [illegible] K 13; 58.
13. tad-þwâ-pərəsa h°	Ys. 44	[illegible] 14. [illegible] 59. felt 37.
14. ad-fravaxšya h°	Ys. 45	[illegible] B 15.38. 60. [illegible]° K 15.
15. kamnamaêza h°	Ys. 46	[illegible] 16. °[illegible] B 39.61.
16. spənta-mainyuš h°	Ys. 47	[illegible] 40.62. [illegible] 17.
17. yêzida h°	Ys. 48	[illegible] 18. 41. 63.
18. ad-mâyava h°	Ys. 49	[illegible] 19. [illegible]° 42. [illegible] 64.
19. kad-môi-urva h°	Ys. 50	[illegible] 20. [illegible]° 65. [illegible] 43.
20. vohu-xšaþra h°	Ys. 51	[illegible] B °[illegible] K 21. [illegible] 44. °[illegible] 66.
21. vahištôištiš h°	Ys. 53	[illegible] 22. 45. 67.
22. airyamana (iśya)	Ys. 54	[illegible] B 23. [illegible] K 23; 46. 68.

Zu der selben categorie gehören endlich termini wie ahuna airyamana Vsp 24,1; ahunəm vairîm; airyamanô išyêhê Vsp 24,2 u. a.

Diser tatbestand ist auch bei der interpretation von Yašt 13,89 übersehen worden, wo es von Zoroaster heißt: yô paoiryô stôiš astvaiþyå staod aśəm, nâist daêvô, fraorənata mazdayasnô zaraþuštriš vîdaêvô ahura dkaêšô.

Zu übersetzen ist hier: «er, der zuerst das gebet as̆em vohû gebetet, den spruch nâismî daêvô (Ys. 12, 1. Vsp. 24, 3) her gesagt, (und die bekentnisformel) fravarânê mazdayasnô zaraþuštriš vîdaêvô ahura.d̲kaêšô (Ys 1, 1) gesprochen hat» — die nominative gehören also nicht zu fraorenata, sondern sind bloßes citat[12]).

Zum schluß stehe hier eine übersetzung der an gefürten verse, deren abhängigkeit von Bartholomae's faßung dem kenner nicht verborgen bleibt:

An alle richtet die weisung das feuer des Mazdâ Ahura,
welchen es kocht das nachtmal so wol wie das frühmal;
von allen heischt es gute pflege und erwünschte pflege
und huldigende pflege, o Spitama.
Bei allen vorbei gehnden beschaut das feuer die hände:
«waß bringt der freund dem freunde, der wandelnde dem stil sitzenden?»
Und wenn im jener bringt entweder brenholz nach der ordnung geholtes,
oder barsom nach der ordnung gespreitetes, oder das (räucher)kraut hađanaêpatâ, —
da segnet in darauf das feuer des Mazdâ Ahura

zufriden, ungekränkt, mit dem spruche, darin es heißt 'zu teil ein gemüt':

«Dir werden zu teil eine herde von vih, zu teil eine fülle von männern,
«dir ein regsamer sin und zu teil ein regsames gemüt;
«ein frohgemutes leben lebe die nächte, die du leben wirst.»
Das ist des feuers segenspruch, wer im brenholz bringt,
trockenes, zum leuchten erlesenes, von dem nach der ordnung des heiligen rechtes gereinigten.

3. Kârnâmag IX, 3—13.

Die großartige leistung, welche seit jaren in hrn. prof. Nöldekes übersetzung des Ardeschirromanes vor ligt, darf sicherlich unseres preises entraten, die wir auß ir so viles gelernt haben. Aber eben so gewis ists, daß der vererte altmeister eine erneute behandlung einzelner schwiriger stellen nicht anders denn freundlich auf nemen wird. Darum gestatte ich mir die oben bezeichnete episode in transcription und revidierter übersetzung vor zu legen (vgl. Bezz. Btr. IV, 57—59).

---

12) Vgl. Wolff, Avesta übersetzt (Strßb. 1910) p. 242, wo die anmerkung 6) ganz gut hätte weg bleiben können, da in theologicis noch ganz anderes nicht unmöglich ist.

Der text ligt mir vor in einer abschrift der Münchner handschrift Zend 74 (Haug 29), mit den varianten von M 60 (Haug 15) und L (Brit. Mus. Add. 24.413), welche ich der güte Nöldekes verdanke, und in drei indischen außgaben: von Darab Dastur Peshotan Sanjana, Bby. 1896 (A, deren bezifferung ich bei behalte) — von Khudâyâr Dastur Shaharyâr Irani in den Pahlavi Texts, Bby. 1899 (B) — von Edalji Kersâspji Ântiâ, Bby. 1900 (C). Auß disen quellen wäle ich die mir passend scheinenden lesarten, gebe jedoch an, wo ich von inen allen und iren varianten ab weiche, außer bei ۱ und ۍ, deren setzung oder weglaßung in pehlevîhandschriften ja gar keine textkritische bedeutung hat; immerhin sind sie besternt, sobald sie in allen quellen felen.

3 Pus ê Ardavân dô awâg xvêš tan dâšt, u dô pa virêg ô Kâwul šâh šuđ êstâđ. 4 u-šân ô xvâhar[a] ê xvêš, čôn zan ê Ardaxšîr bûđ, nâmag niwišt pêgâm frêstîđ ku:

Râst hast ân ê šumâ zanân rây gôvênd, ku ka tô marg ê xvêš [piđ u] ân ê xvêš hamtôxmagân[b] *ê[c] ên vinâhgâr ê yazdân dušman asažâgîhâ pa marg ôzađ framôš kard, u-t mihr u dôšârm ê awâg ôyšân mustômandân brâđarân kê pa âžâr u saxtih u bîm u sahm u anâžarmîh pa uždêhîgîh u[d] šahr ê Kâwulân griftâr, u ân ê dô vađbaxt brâđarân ê tô kê ên mihrdruž pa band u zêndân pâđəfrâh âvard kê marg pa êyâft[e] hamê xvâhênd, — u-t hamôgên až daxšag bê hišt, 6 u-t mênišn awâg ôy mihrdruž râst bê kard, u-t êč tîmâr u andêšišn[f] awâg[g] nêst. 7 zađ šuđ ân kas kê pas až im rôž pa êč zan pa gêhân vistâxv u awêgumân[h] bavêđ! 8 nûn ên ku agar-ut[i] hambun-ič mihr ê amâ hast, čârag ê amâ xvâh u kên *ê piđar u ân *ê xvêšâvandân *u hamtôxmagân framôš ma kun; u ên zahr gîr ê-mân[k] awâg mard *ê awêgumân *ê xvêš ô nazdîg ê šumâ frêstîđ až ên mard stanêđ[l], u ka tovân pêš až xvarišn ô ân vinâhgâr u mihrdruž dahêđ, tâk andar zamân mîrêđ u tô ân[m] har dô brâđar ê bastag višâyênd u amâ-č awâž ô šahr u bûm u yâg ê xvêš âyêm, u tô rovân vahištîg[n] nâm ê[o] yâvêđag[p] ô xvêš kard bêđ, u awârîg zanân andar gêhân kunišn* ê xvaw ê tô rây nâmîgtar u grâmîgtar bavênd.

9 Duxt ê Ardavân ka-š ân nâmag pa ân âyênag dîđ awâg zahr ê-š oviš

---

a) xvah A — b) Nöldeke, die hdss. bieten das verdorbene [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] oder [illegible] A: vgl. § 8 — c) richtig ein gesezt in A — d) alle — e) [illegible] alle — f) [illegible] [illegible] BCH — g) [illegible] ABC — h) [illegible] BC; ‘all [illegible]’ C nota. H — i) [illegible] A [illegible] A var BC var [illegible] A var CH — k) codd. [illegible] — l) [illegible] ABC [illegible] C var H — m) [illegible] A — n) ABC, aber ‘all [illegible]’ C [illegible] H, wohinter wol kaum [illegible] stekt — o) [illegible] BCH — p) [illegible] C —

frêstîđ andêšîđ ku: hamgônag awâyêđ kardan u ân čahâr brâđ ô vađbaxt až band rastag kardan.

10 Rôž ê[q] Ardaxšîr až naxčîr gursênag u têšnag andar xânag mađ uš vâž kard êstâđ u kanîžag ân zahr awâg pist u šîr[r] gumêxt ô dast *ê Ardaxšîr dâđ pa ên ku: his až awârîg xvarišn framây xvardan, čê pa garmîh u ranžagîh nêk. 11 Ardaxšîr stađ xvardan kâmist. êđôn gôvênd ku varžâvand âđur ê Farnbag[s] ê pêrôžgar êđôn čôn âluh ê ê suxr andar parrîđ u parr ô pist zađ u ân yâm až[t] pist [illegible] až dast ê Ardaxšîr ô zamîg ôwast. 12 Ardaxšîr u Ziyânag har dô ka pa ân âyênag dîđ, stard bûđ hand; 13 gurbag[u] u sag ê andar xânag bûđ hand ân xvarišn bê xvard u awar murd hand. 14. Ardaxšîr dânist ku ân zahr bûđ, pa zađan ê man ârâst êstâđ.

Von den sönen des Ardavân hielt (Ardašîr) zwei bei sich und zwei waren zum Kâbulšâh flüchtig gegangen. Sie schriben irer schwester, da sie die gemalin des Ardašîr[1] war, einen brief und santen ir folgende botschaft: War ists, waß man von euch frauen sagt, denn da du den tod deines vaters und deiner verwanten, welche jener missetäter der gottesfeind schmählicher weise mit tode geschlagen, vergeßen hast, und liebe und erbarmen mit jenen kummervollen brüdern, welche in der verbannung und im lande Kâbul in leid und not und furcht und schrecken und unere befangen sind, und die (liebe) zu deinen beiden unglüklichen brüdern, welche jener treubrüchige mit ketten- und kerkerstrafe belegt hat, so daß sie sich den tod als gottesgabe wünschen, — da du al das außer acht gelaßen[2] und deinen sin mit disem treubrüchigen zufriden gegeben hast, so gibts bei dir keine sorge noch bedenken. Geschlagen ist der man, der nach dem heutigen tage auf irgend eine frau in der welt sich verläßt und vertraut! Nun dises: wenn du noch überhaupt liebe zu uns hast, so suche ein mittel für uns und vergiß nicht der rache für den vater und die angehörigen und verwanten. Nim dises gift, das wir mit unserem zuverläßigen manne an dich gesant haben, nims von disem manne entgegen und, wenns dir möglich ist, gib es vor dem eßen jenem missetäter und treubrecher, damit er alsbald sterbe und beide deine gefangenen brüder los kommen, und auch wir wider zu unserm reiche und lande und heimat kommen, dir aber die sele selig und ewiger rum erworben werde, und die übrigen frauen in der welt um deines edlen tuns willen namhafter und geachteter werden.

Als die tochter des Ardavân jenen brief solchen inhaltes sah nebst dem

q) nur AH — r) [illegible] BC شکّر وپست Fird. — s) [illegible] BCH [illegible]° A — t) [illegible] A var — u) [illegible] ABC [illegible]° H —

gifte, das er ir gesant hatte, dachte sie: dem gemäß gebürt es sich zu handeln und jene vier unglüklichen brüder von den feßeln frei zu machen.

Eines tages kam Ardašîr von der jagd hungrig und durstig nach hause. Er hatte das tischgebet gesprochen und die junge frau gab jenes gift mit mel und milch gemischt dem Ardašîr in die hand, mit den worten: vor[3] der übrigen speise geruhe es zu genießen, denn bei hitze und ermüdung ists gut. Ardašîr nam und wolte es trinken. So sagt man, daß das erhabene feuer Farnbag das sigreiche gleich wie ein roter adler herbei flog und mit dem flügel das mel(-getränk) traf, und jener becher . . . .[4] auß der hand des Ardašîr zur erde fiel. Als Ardašîr und Ziyânag[5] alle beide so etwaß sahen, waren sie betroffen; eine katze und ein hund, die im hause waren, fraßen jene speise und starben (alsbald)[6]. Ardašîr erkante: das war gift, mich zu töten wars her gerichtet.

Bemerkungen.

1. Nach Nöldeke's vorgange schreibe ich den namen mit *î*, nicht mit dem vil an sprechenderen *ê*, denn Firdausî hat im reime in den meisten fällen یای معروف, und zwar lifert der dem Ardašîrbuche entsprechende abschnit des Šahnâma folgende fälle: a. اسیر ، عبیر ، قیر ، وزیر p. پذیر ، پیر ، تیر ، تیزویر ، گیر , 'milch' شیر ، ناگزیر ، زریر ، دبیر , und nur zwei mal شیر 'löwe'.

2. [illegible] 'außer acht laßen'. Leider steht mir kein anderes beispil für dise wendung zu gebote, in der daxšag eine ganz andre bedeutung hat, als gewönlich, wo es dem aw. daxšta entspricht. Aber für den gegensäzlichen begrif 'in acht halten' kan ich folgende stellen an füren: Pahl. Texts 90,31 [illegible] 'den leib vor färlichkeiten hüten und die vergänglichkeit[13] der irdischen güter und das ende des leib(lichen dasein)s in acht haben'. — ib. 91,3 hêm u xôy ê nêk vîrâstan u pa daxšag dâštan 'gutes wesen und sitte beobachten und in acht haben'. — ib. 91,7 tan až frêhbûdîh-xvâhišnîh ([illegible]) pâdan u ranž až axvarsandîh ([illegible]) u bîm až frêhbûdîh pa daxšag dâštan 'den leib vor unmäßigen wünschen hüten und den kummer auß unzufridenheit so wie die gefar auß unmäßigkeit in acht haben'. — Ferner MX 18,2 čê rây

---

13) vgl. [illegible] PT 88,5. 153,4 (= Ganj ê šâyəgân § 159 — Pandn. ê Z. ed. Freiman § 45); [illegible] DK IX, 16,1. Man könte ja mit Freiman frašâvand lesen, aber waß verbleibt nach abtrennung des suffixes -âvand? Wie da eine ableitung von فرسودن herauß kommen sol, mag er selbst verantworten; übrigens passt die bedeutung gar nicht, wie schon die citate bei Vullers leren.

14) nach pâz. miuîdan [illegible]; die außgabe bietet [illegible] one varianten — 15) pâz. vardišnî

mardumân ên čahâr čiž ê-šân pa daxšag vêš awâyêđ mêníđan[14]) kêmtar mênênd: 3 vardišnîgîh[15]) ê čiž ê gêtîg u margîh ê tan u âmâr ê rovân u bîm ê dôžôx 'warum beachten die menschen so wenig dise vier dinge, die sie um so mer in acht haben solten: den wandel der irdischen dinge, den tod des leibes, die abrechnung der sele und die gefar der hölle'.

3. [Pahlavi] vgl. § 8 [Pahlavi]. Ich habe das wort schon GR I,1 p. 320 besprochen und MSt I, 85 nach gewisen, daß das rätselhafte [Pahlavi] (var. [Pahlavi]) هُس welches im FhP im zur erklärung bei gesezt ist, sich im tphl. חם wider findet, mag man es nun has oder his (so K 25) lesen wollen. Ich wil hier das ganze material zusammen stellen, so weit es noch der erwänung wert ist. Denn, ab gesehen vom FhP (ed. Haug 19,2; ed. Sal. 83,7. 96,14; ed. Junker 25,54), kan füglich ignoriert werden, waß Anquetil II, 513 = ed. Kleuker III, 189; Spiegel, Einl. II, 389; Justi, Bundh. 199; Haug, PPGl. 131, Anklesaria, Cama Mem. Vol. p. 292, und Ântiâ Kârnâmak p. 34 n. 4, eben fals West PT. II, 5 n. III, 21 n zur erleuterung des wortes bei gebracht haben. Von den mir bekanten belegen ist unsre stelle, so wie DD 1,4 schon im GR l. c. an gefürt und übersezt worden. Es verbleiben nur noch die wenigen folgenden. Die glosse zu Vd 5,56/159 gebe ich nach Spiegel (mit Wests' collation von L_4 und T_{12}), Peshotan Sanjana und Hoshang Jamasp[16]), wobei ich widerum eclectisch verfare: ê ka-š êđôn bê šust â-š pas-ič har sê šaw yakbâr tan u vistarg pa gômêž u âw bê šôyišn; vistarg ka bâr ê awadum (varr. [Pahlavi]) šôyêđ â šâyêđ, u ka his šust â nê šâyêđ 'und wenn sie sich so gewaschen hat, so hat sie darauf alle drei nächte leib und kleid mit gômêz und waßer zu waschen; wenn sie das kleid zulezt (?) wäscht, so ists gestattet, aber wenn sie es früher gewaschen hat, so ists nicht gestattet'. Schwiriger ist MX 2,156: ku ahrov nar u nâirîg pas až [a] bê viđêrišnîh xvaštum až xvarišnân [b] mênôgân yazdân his ân ê maiđyôzarəm rôgan oviš [c] barênd = Ner. yat muktâtmanâṃ narâṇâṃ nâriṇâṃ paçčât tanôḥ âtmanaçča viyôgakâlât sukhatamân âhârân [d] paralôkačariṇaḥ iaǰadaḥ çîghraṃ tân yân maîdiûǰaramasamayasya dîptimataḥ sammukhaṃ samânayanti: 'dem gerechten manne und weibe bringen nach dem hin scheiden die beste von den speisen die himlischen yazatas zuvor dar, (nämlich) die mittsommerbutter'. Die drei

परिश्रमता — 16) Wertvol durch die beigabe des originaltextes und eines glossars, und leider doch nur mit vorsicht zu benutzen, wegen zu subjectiver behandlung des textes, besonders in den ersten capiteln.

a) Pâz. sezt hier tan u bôy ein, aber dem aw. astasča baođanhasca viurvišti entspricht stäts tan u bôy bê vardišnih Ys 55,2/54,8. Vd 8,81/225. Hn 2,17. — b) add. [Pahlavi] Phl. — c) om. Phl. — d) add varr. khâdyêbhyaḥ —

stellen MHd 8,12 (وكذ), 43,5 (وكذ ،ط) und 110,7 (وكذ ع) schreibe ich nicht auß, da ich sie nicht verstehe, wol aber die stelle auß dem Tischsegen (stâyênî-dârîh ê sûr âfarîn, bei West GR II, 124 stâyišn ê drôn genant), wo der comparativ vor komt, PT 156,9: hamâg zôhr *ê âđur farnbag etc. u awârîg âđurân âtaxšân ê pa dâđgâh nišâst êstênd, čand histar hamêšag-sôž ê (u ?) hamêšag-yažišn u hamêšag-zôhr bavând ‘alle darbringungen dem Farnbag- u. s. w. feuer und den übrigen feuern und flammen, welche auf iren altar gesezt sind, vor allem mögen sie stäts brennen und inen stäts opfer und stäts darbringungen zu teil werden’. Da die handschriften für وكذ öfters كذ bieten, so wäre es villeicht an gezeigt das wort an zwei stellen des KN wider her zu stellen, und zwar 2,3 ذ، وكذ [illegible] ‘biß (kurz) vor der morgenröte’ und 2,13 kanîžâg côn his ô [bâm] bûđ awâž ô gâh ê xvêš nazdîg ê Ardavân šuđ ‘als sich der morgen nahte, gieng das mädcehen wider an seinen plaz bei Ardawân’. So übersezt Nöldeke, der mit recht das in allen handschriften und außgaben felende wort bâm ‘morgen’ ergänzt.

Wenn nun הם der mp. vertreter von وكذ ist, so fragt sichs, waß hinter disem schriftbilde stekt. Semitisch ists jeden fals nicht, es hat im gegenteil ein ganz iranisches außsehen. Und merkwirdiger weise glaube ich das wort כזד an einer stelle gefunden zu haben, die seine iranische herkunft außer zweifel sezt. Im jüdisch-persischen Ezechielcommentar, dem ich die richtige lesung des mp. passivs verdanke, lesen wir zu 11,17: אין סבב רא בי גוי צ̇ונין גופת יי׳ כודאה גירד אבאז כונום שומא רא אז מיאן רמאן וגירד כונום שומא רא אז זמיהא אן כי פרגנדה אמדית פא אישאן ובי דהום שומא רא זמי ישראל: ..... פס המי גויד כי אן סבב רא כי אישאן צ̇ונין גופתנד תו יא נביא אן כבר די אישאן רא. כי נא צ̇ונין חסת כי גופתנד: ונא ג̇אדה אן רא כי אישאן אין סכון גופתנד יי׳ ישראלן רא אז גלות גירד אבאז כואהד כרדן׳ כי כזד פא רוזיגאר קדים כבר דאדה הסת כי אגר אבא טאעת יי׳ אבאז גרדיד׳ יי׳ גירד אבאז כונד שומארא וג׳ «Darum sprich: so sprach Gott der herr: widerum sammele ich euch auß den völkern und sammele euch auch aus den ländern, in welche ir zerstreut worden seit, und gebe euch das land Israel..... Also er sagt: darum daß sie also sprachen, gib du o prophet inen die kunde: daß es nicht also ist, wie sie sagten. Und nicht darum, daß sie dises wort sagten, wird Gott die Israeliten auß der verbannung widerum sammeln. Denn einst vor alten zeiten hat er die kunde gegeben, daß, wenn ir wider zum gehorsam Gottes zurük keret, Gott euch widerum sammeln wird». Das ist die einzige belegstelle in diser zimlich umfangreichen handschrift, und meine lesung ist durch fachleute bestätigt; doch kan ich den einwurf nicht entkräften, es möchte hier eine verschreibung für כוד خود vor ligen, das eben so gut in den context passt.

4) [illegible] weiß ich nicht zu deuten. Über [illegible] verweise ich vorläufig auf GR l. c., das material ist zu umfangreich, um es in diser anmerkung zu behandeln, um so mer, als die sache noch verzwikter steht, als mit [illegible].

5) s. Justi, Namenbuch p. 385. Man beachte, daß, wie in der dort citierten stelle Vd 3,25/86 die frau [illegible] neben dem manne [illegible] erscheint, in der juristischen terminologie des MHd dise beiden namen zur bezeichnung mänlicher und weiblicher rechtspersonen verwant werden. Jeden fals aber hat dises mêrag mit dem np. میر auß ar. امیر nichts zu tun.

6) Da برمردن im Np. nicht gebräuchlich ist, läge es nahe [illegible] برجا zu emendieren, wenn dise wendung sich nicht noch sonst fünde. So steht widerholt [illegible] fol. [illegible] r. von den 20 blättern des MHd, welche Tehmuras Dinshawji gehören (s. GR II 116 unten).

4. Die pâzandhandschrift des Asiatischen Museums.

Unsere aus Wests's nachlaße erworbene junge handschrift (29,8 × 23 cm. 56 fol. 18 lin., große indische Awestaschrift[17]) ist nah verwant mit der handschrift der India Office Library L22, wie aus Wests unvolständigen angaben hervor geht[18]). Sie enthält folgende stücke in einer durchauß verwarlosten rechtschreibung:

fol. 1v–9v Bundahišn XVIIĪ–XXIII: Panãmi. yazdãn. dâđagar. Ayar. čûnaš. gôgryadrht. qânəñd. gôəd. pa. dîn ku......; fol. 9v—27v I—XIV; fol. 27v—33 XXIV—XXVII; fol. 33—36v XXX; fol. 36v—37v XXXII; fol. 37v—38v XXXIV (vgl. WPT I,xxxi).

fol. 38v. Šâyist nê šâyist XVIII (WPT I,387); fol. 38v—40v XX (ib. 372).

fol. 40v Aufzälung der capitelanfänge des Bdh (16—23. 1—14. 24—32, mit lücken), welche 41,1 ab bricht; worauf in der selben zeile

fol. 41 phl. colophon one anfang, mit dem jare 936 Yazd., wie in L22 (d. i. 1566/7).

fol. 41v—45 Šnš XV=Mâđîgân ê haft amahrspand (WPT I,372. GR II,1,115 § 87).

fol. 45—46v Čîm ê drôn (GR § 91); fol. 46v Šnš XIV (WPT I,369. GR § 91).

fol. 46v—48v Andarž ê dânâg mard (GR § 89).

fol. 48v—49v Xvêškârîh ê rêđagân (GR >; ed. Darmesteller JA[8] XIII (1889), 555 ff.; ed. Junker Szgsb. Hdlbg. AdW., ph.-h. 1912 no. 15).

17) O. Harrassowitz, Cat. 292 no. 7—18) West, Pahlavi Texts I, xxx f. lxvi. AV, v n.

fol. 50—55 Bdh XV—XVII.

fol. 55 colophon: نقل لکاتب دستور روستم‌چی ولد خورشیدچی ابن جمشید دستوان
(sic) دستور جاماسپ‌چی ایرود آشاچی الـکاتب تمام شد

fol. 55v. colophon:

بروز اسفندارمد امشاشفند sic بماه هربرد sic سنه ۱۲۴۳ یزده‌زردی تمام شد ساکن قصبه نوساری بن حرف sic ایروذ شاپور دستور شهراب‌چی sic بن دستور کاوس‌چی بن دستور شهراب‌چی sic ..... ? ماهیار بن رانا این کنا دسمور جاماسپ‌چی منوچهرچی ایدلچی بن داراب‌چی بن جمشید بن دستوران دستور جاماشپ‌چی sic ایرود آساچی بن مکان مومبی شهر است بن طلقه sic دستور است (d. i. 1873/4).

fol. 56 nicht von der hand des schreibers: || نقل نوشته شد از کتاب الکاتب دستور روستم ولد خورشیدجی ابن جمشیدجو sic دستور جاماسپ‌چی تمام شد ساکن قصبه نوساری روز دیبادر بماه اسفندارمد سنه ۱۱۸۳ یزدجردی مطابق سنه هجری (one zal) موافق سنوت ۱۸۷۰ هندی (d. i. 1813/4).

In phl.-schrift: frajaft pa [Pahlavi] u šâđîh u râmišnîg (sīc) andar rôž ê spandarmađ mâh spandarmađ sâl IM u C (d. i. 1730/1) až šâhân šâh [Pahlavi] [Pahlavi] šahr êyâr kâtib al hurûfāt man dên bandag dastûr zâđ hērwađ Rustam pus dastûr Xvaršêđ pus dastûr J̆amšêđzîg dastûrân dastûr Jâmâspzîg pus Âsâzîg pus Frêđônzîg andar [Pahlavi] [Pahlavi] ... folgen segenswünsche.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences).

Отчетъ о командировкѣ въ Лондонъ.

В. В. Бартольда.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 10 сентября 1914 г.).

Лѣтомъ текущаго года я былъ командированъ въ Лондонъ для занятій въ Британскомъ Музеѣ, причемъ мнѣ было выдано, изъ суммъ на подготовку изданій, 100 р. подъ отчетъ, на предметъ заказа фотографическихъ снимковъ съ рукописей.

Главною цѣлью моихъ занятій было ознакомленіе съ еще неиспользованными источниками по исторіи Тимура и Тимуридовъ. Изъ рукописей Британскаго Музея сюда относятся:

1) Or. 159 (Rieu, Pers. Man., p. 180) — сочиненіе анонимнаго современника о событіяхъ первыхъ лѣтъ послѣ смерти Тимура. Мною заказаны снимки со слѣдующихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ новыя данныя по сравненію съ источниками, бывшими извѣстными до сихъ поръ: 8 б — 10 а, 19 б — 23 а, 42 б — 48 а, 52 б — 57 а, 62 б — 64 а, 100 б — 119 б, всего 39 снимковъ. При этомъ обнаружилось, что европейская пагинація не вполнѣ соотвѣтствуетъ первоначальной восточной и что нѣкоторые листы переплетены невѣрно; л. 113 долженъ быть помѣщенъ между 117 и 118.

2) Or. 1566 (Rieu, Pers. Man., p. 1062)—анонимное сочиненіе, безъ заглавія, по всеобщей исторіи, доведенное до смерти Тимура (807 = 1405)

и составленное для его внука Искендера около 815 = 1412—3 г. Кромѣ экземпляра Британскаго Музея (дата — 867 = 1463 г.), мнѣ извѣстенъ еще экземпляръ (дата — 902 = 1497 г.), находившійся нѣкоторое время въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи, но не пріобрѣтенный Академіей и возвращенный владѣльцу; тогда же мною изъ этого экземпляра были сдѣланы выписки, использованныя мною потомъ въ нѣкоторыхъ работахъ, особенно въ статьѣ «Народное движеніе въ Самаркандѣ въ 1365 г.» (ЗВО. XVII, 01). Имя автора остается неизвѣстнымъ; предположеніе, что съ этимъ сочиненіемъ тожественен трудъ Мухаммеда б. Фадлаллаха Мусеви اصحّ التواريخ, сохранившійся въ рукописи Оксфордской Бодлеянской библіотеки Elliot 2 (Ethé, Pers. Man., p. 21, № 32), какъ теперь уже выяснено въ печати (статья Л. Зимина въ *Прот. Турк. Кружка Люб. Арх.* годъ XVIII), не оправдалось. По моему заказу были сдѣланы снимки со слѣдующихъ листовъ рукописи Британскаго Музея: 248 б — 264 а, 283 б — 286 а, 305 б — 308 а, 309 б — 311 а, 318 б — 320 а, всего 26 снимковъ.

3) Add. 7914 (Rieu, Turk. Man., p. 284) — рукопись, датированная 914 = 1508—9 г. и заключающая въ себѣ 12 крайне рѣдкихъ произведеній средне-азіатской турецкой поэзіи VIII—X = XIV—XVI вв. По моему заказу были полностью сфотографированы №№ VIII и IX (Rieu, p. 289), л. 273 б — 314 а, всего 41 снимокъ. Первое, تعشّق نامه, сочиненіе царевича изъ дома Тимуридовъ Сиди-Ахмеда [1]), составлено въ 839 = 1435—6 г., второе, محبّت نامه нѣкоего Хорезми, принадлежитъ къ числу раннихъ произведеній турецкой литературы (754 = 1353 г.) и кромѣ того любопытно, какъ едва

1) Въ каталогѣ Rieu онъ названъ сыномъ Мираншаха, причемъ приводится стихъ:

اجوندا تا انینکتیک شاه بولغای * دعاکوی ابن میرانشاه بولغای

Поэтъ, очевидно, хочетъ сказать: «Скорѣе, чѣмъ явится въ мірѣ такой царь, какъ онъ (Шахрухъ), я буду сыномъ Мираншаха»; изъ этого ясно, что онъ къ числу сыновей Мираншаха *не* принадлежалъ. Въ генеалогіи Тимуридовъ Сиди-Ахмедъ (произношеніе *Сиди* опредѣляется размѣромъ стиха) упоминается среди сыновей Омаръ-шейха; въ годъ смерти Тимура ему было 15 лѣтъ (Zafar-Nâme, Кальк. изд. II, 734).

ли не единственное дошедшее до насъ поэтическое сочиненіе, написанное въ Золотоордынскомъ государствѣ[1]).

Снимки доставлены въ Академію и внесены въ инвентарь 1914 г. подъ №№ 1532—1534. Всего за 39 + 26 + 41 = 106 снимковъ мною заплачено 5 ф. 13 ш. 6 п., т. е. 53 р. 74 к.; оставшіеся 46 р. 26 к. возвращены мною въ кассу Правленія 4 сентября съ приложеніемъ подлинныхъ счетовъ фотографа R. B. Flemming, для возстановленія соотвѣтствующаго кредита, въ чемъ мнѣ выдана квитанція за № 107.

Сверхъ того мною были сдѣланы выписки изъ нѣкоторыхъ другихъ рукописей Британскаго Музея и библіотеки India Office, которыми я надѣюсь своевременно воспользоваться для своихъ работъ. Изъ просмотрѣнныхъ мною рукописей Британскаго Музея, не вошедшихъ въ печатный каталогъ, особенный интересъ представляетъ рукопись Or. 6711 — небольшой географо-статистическій трудъ объ Иранѣ и Туранѣ, составленный въ 1243 = 1827—8 г. въ Константинополѣ, на персидскомъ языкѣ, Нâсир-ад-дûномъ, сыномъ эмира Ма‘сÿма (бухарскаго). Авторъ, очевидно, — тотъ бѣжавшій изъ Бухары царевичъ Дûнъ-Нâсиръ-бекъ, о которомъ говоритъ Абд-ал-Керûмъ бухарскій (изд. Шефера, стр. 70), хотя по Абд-ал-Керûму онъ прибылъ въ Константинополь (изъ Персіи) только въ 1245 = 1829—30 г. Изъ рукописей India Office я обратилъ вниманіе на исторію царствованія Шахруха, составленную Хâфизи-Абрÿ и доведенную до 816 = 1413 г. (Ethé, Ind. Off., p. 76, № 171, по старому каталогу № 173). Вопреки мнѣнію Этэ, мы имѣемъ здѣсь не отрывокъ изъ исторической или историко-географической компиляціи Хâфизи-Абрÿ, но самостоятельный трудъ того же автора, написанный раньше обѣихъ компиляцій, еще до 817 = 1414 г.: при имени

1) Вопреки мнѣнію д-ра Rieu упомянутый въ поэмѣ Мухаммедъ-Ходжа-бегъ, «опора шаханшаха Джанибека» (золотоордынскаго), не тожественъ съ правителемъ Андхуда, Шибургана и Балха, такъ какъ эти города никогда не принадлежали золотоордынскимъ ханамъ. Что авторъ жилъ не въ Средней Азіи, а въ южной Россіи, особенно ясно видно изъ описанія его паломничества въ Мекку (л. 312 б): онъ переѣхалъ черезъ море, проѣхалъ по «румскому царству, отъ одного конца его до другого», и прибылъ въ Сирію изъ «царства тайфура» (византійскаго императора).

Искендера, возставшаго въ этомъ году противъ Шахруха, еще употреблена формула خلّد الله ملكه (л. 119 б). Въ общемъ мы уже здѣсь имѣемъ почти тотъ же историческій матеріалъ, который потомъ вошелъ въ مطلع السعدين; такъ, въ разсказѣ о китайскомъ посольствѣ 815=1412 г. приводится текстъ письма китайскаго императора и отвѣтныхъ писемъ Шахруха (л. 176 а—179 а).

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences).

Koptische Miscellen CXLI—CXLIV.

Von
Oscar von Lemm.

(Der Akademie vorgelegt am 7. (20.) Mai 1914).

CXLI. Zu einem Fragment der Bodleiana — CXLII. Hat es in Nubien eine Ortschaft ϊⲗⲗⲁⲣⲧⲏ (Illartê) gegeben? — CXLIII. Zu Crum's Theological Texts 1—5. — CXLIV. Zu den koptischen Apophthegmata patrum 2.

CXLI. Zu einem Fragment der Bodleiana.

In meinen Miscellen LXXVII habe ich die Vermuthung ausgesprochen, dass wir in dem von Winstedt herausgegebenen winzigen Fragmente der Bodleiana *M. S. Coptic, g. 3*[1]) ein Bruchstück aus einem von Johannes Chrysostomus handelnden Werke vor uns hätten.

Ich gründete meine Vermuthung besonders auf den dort auftretenden Namen Eudoxia. Ich hatte das Fragment so verstanden, dass Chrysostomus sich an den Kaiser (Arcadius) mit der Bitte wendet, ihn nicht zu hindern, in seine Stadt (Antiochien) zurückzukehren, um sich vor den Nachstellungen der ihm feindlich gesinnten Eudoxia zu schützen.

Leider hatte Winstedt nur das Verso mitgetheilt, da das Recto nichts Biblisches enthielt[2]). Auf meine Bitte schickte mir nun Winstedt vor kurzem eine Copie des Recto, wofür ich ihm hier meinen herzlichsten Dank ausspreche. Durch letzteres wurde aber meine Vermuthung, dass hier von Chrysostomus die Rede sei, bestätigt, da sich dort der Name [ⲓⲱ]ϩⲁⲛⲛⲏⲥ vorfand.

Ich theile nachstehend das ganze Fragment mit, mit meinen Ergänzungen und Emendationen.

1) Proc. Soc. Bibl. Arch. XXVI (1904), pag. 216.

2) Winstedt hatte das Verso zusammen mit Bibelfragmenten ediert, da es eine Anspielung auf das goldne Kalb enthielt.

Bodl. M. S. Coptic, g. 3.

Recto

[ⲓ̄ⲥ̄]	ⲭ̄ⲥ̄ ⲣ̄ⲏ̄ⲍ̄	ⲣ̄ⲏ̄ⲏ̄	
......	ϩⲁⲛⲛⲏⲥ · ⲉⲧ	ⲁⲩⲣ ⲡⲉϥⲱ̀ⲃϣ	ⲣ......
......	ⲣⲉϥϭⲱ ϩⲁϩⲧⲏϥ	ⲁⲩⲧⲁⲙⲓⲟ ⲙ̀ⲡ	....
......	ⲛ̀ϩⲛ̀ⲕⲉⲕⲟⲩⲓ	ⲙⲁⲥⲉ · ⲁⲩϣⲙ̀	....
......	ⲛ̀ϩⲟⲟⲩ. ϫⲉ	ϣⲉ ⲛ̀ⲛⲉϩⲃⲏⲩⲉ	ⲧ......
......	ⲛⲉϥⲙⲉ ⲙ̀ⲙⲟϥ	ⲛ̀ⲛⲉⲩϭⲓϫ:—	ⲡ......
......	ⲡⲉ · ⲛ̀ⲑⲉ ⲛⲟⲩⲁⲅ	Ⲧⲉⲛⲟⲩ ϭⲉ ⲡ̀ⲣⲣⲟ	Ⲏ.......
....ω	ⲅⲉⲗⲟⲥ ⲛ̀ⲧⲉ ⲡ̀	ⲙ̀ⲡⲣ̀ⲕⲱⲗⲩ	....
......	ⲛⲟⲩⲧⲉ ·	ⲙ̀ⲙⲟⲓ ⲉⲧⲙ̀	Ⲟ. .....
......	[Ⲁ]ⲩⲱ ⲛ̀ⲑⲉ ⲛⲟⲩ	ⲃⲱⲕ ⲉⲧⲁⲡ[ⲟ]	....
......	ⲧⲉⲗϯⲗⲉ ⲙ̀ⲙⲟ	ⲗⲓⲥ ϫⲉ ⲛ̀ⲛⲉ	....
......	[ⲟⲩ]. ⲉⲥⲁϣⲉ ⲛ̀ⲥⲁ	ⲉⲩⲇⲟⲝⲓⲁ ⲣ̀ⲡ[ⲉⲥ]	....
......	[ⲟⲩⲕⲁ]ⲇⲟⲥ · ⲙ̀	ⲟⲩⲱϣ.......	....
......	....	ⲣⲉ.........	....
......	....	....	....

Recto: [Er (Arcadius) bat (παρακαλεῖν) *Jo]*hannes, dass er bei ihm bliebe noch einige Tage, denn er liebte ihn wie einen Engel (ἄγγελος) Gottes. Und wie ein Wassertropfen hängt an einem Eimer (κάδος).........

Verso: «Sie vergassen Ihn. Sie machten das Kalb und dienten den Werken ihrer Hände. Jetzt also, o König, hindere (κωλύειν) mich nicht, in meine Stadt (πόλις) zu gehen, damit nicht Eudoxia ihren Willen thue.... ....

Recto 1 — ϩⲁⲛⲛⲏⲥ ist natürlich zu [ⲓⲱ]ϩⲁⲛⲛⲏⲥ zu ergänzen; vorher dürfte etwa gestanden haben: [ⲁϥⲡⲁⲣⲁⲕⲁⲗⲉⲓ ⲛ̄].

12. — In Winstedt's Copie steht.... ⲗⲟⲥ. Statt ⲗⲟⲥ ist aber ⲇⲟⲥ zu lesen und zu [ⲕⲁ]ⲇⲟⲥ zu ergänzen. Vergl. Jes. 40,15 ⲉϣϫⲉ ⲛ̄ϩⲉ̄ⲑⲛⲟⲥ ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲉⲩⲟ̄ ⲛ̀ⲑⲉ ⲛ̄ⲟⲩⲧⲗϯⲗⲉ ⲉ̄ⲃⲟⲗ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲕⲁⲧⲟⲩⲥ. πάντα τὰ ἔθνη ὡς σταγὼν ἀπὸ κάδου.

Vermuthlich gehört dieses Fragment zu Cod. Parisin. 129[17] ff. 2. 3., Goleniščev 37 und Parisin. 132[1] ff. 14. 15. Vergl. K. K. St. LIII. — Ausserdem dürften noch dazu gehören die beiden nachstehend veröffentlichten Fragmente: Cod. Borgianus CCXC (I. B. 14. No. 122), fol. 6 und ein Fragment der Bibliothèque Nationale zu Paris, dessen No. mir unbekannt ist. Auf letztere machte mich Winstedt aufmerksam und schickte mir gleichzeitig seine Copien zu; auch für diese sage ich ihm meinen herzlichsten Dank. Bei dem

Cod. Borgianus CCXC f. 6.

Recto.

ⲥⲱⲧⲏⲣ · ϫⲉ ⲕⲁⲛ
ⲉⲩϣⲁⲛⲥ́ⲕⲁⲛ
ⲇⲁⲗⲓ̈ⲍⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ
ⲛ̇ϩⲏⲧⲕ . ⲁⲗⲗⲁ
ⲁⲛⲟⲕ ⲙ̇ⲙⲟⲛ ·
Ⲉⲧⲃⲉ ϫⲉ ⲁϥϫⲓ̈ⲥⲉ
ⲛ̇ϩⲏⲧ . ⲁϥⲣ̇ϣⲟⲣⲡ̄
ⲁϥⲁ́ⲡⲁⲣⲛⲁ ⲙⲙⲟϥ.
ϫⲉ ϥ̇ⲥⲏϩ ϫⲉ ⲛⲏⲉ ⲡ̄
ⲣⲱⲙⲉ ⲟⲩⲱϩ ⲉ́ⲧⲟⲟ́
ⲟⲧϥ̇ ⲛϣⲟⲩϣⲟⲩ
ⲙ̇ⲙⲟϥ ϩⲓϫⲙ̇ ⲡ̄
ⲕⲁϩ: ⲁⲩⲱ́
Ⲟⲛ ϫⲉ ⲡⲉⲧϫⲓ̈ⲥⲉ
ⲙⲙⲟϥ · ⲥⲉⲛⲁⲑ̇ⲃⲃⲓ̈
ⲟϥ · ⲡⲉⲧⲑ̇ⲃⲃⲓⲟ́
ⲇⲉ ⲙ̇ⲙⲟϥ ⲥⲉⲛⲁ
ϫⲁⲥⲧϥ: —
Ⲁⲕⲉⲓ̈ⲙⲉ ⲧⲉⲛⲟⲩ
ϫⲉ ⲙ̇ⲛ ϫⲓ̈ϩ̣ⲟ ⲙ̇ⲡⲙ
ⲧⲟ ⲉ́ⲃⲟⲗ ⲙⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ: ⲕⲁⲧⲁ
Ⲡⲉⲕⲙⲉⲉⲩⲉ́ ⲛⲉⲛ
ⲧⲁ ⲡ̄ⲛⲟⲩⲧⲉ
ⲁⲛⲉⲓ́ⲭⲉ ⲛ̇ϩⲩⲗⲉⲓ̈
ⲉϥⲣ̇ⲛⲟⲃⲉ ⲉ́ⲛⲉⲑⲩ
ⲥⲓ̈ⲁⲥⲧⲏⲣⲓ̈ⲟⲛ
ϣⲁⲣⲉ ⲡ̄ⲗⲁⲟⲥ
ⲧⲏⲣϥ̇ ⲧⲁⲕⲟ ⲉⲧ
ⲃⲏⲏⲧⲟⲩ ⲛ̇ⲥⲉϫⲟ
ⲟⲥ ϫⲉ ⲙ̇ⲛ ⲛⲟⲩⲧⲉ
ϣⲟⲟⲡ: —
Ⲛ̇ⲑⲉ ⲡ̄ⲇⲓ̈ⲟⲕⲗⲏ

[ⲧⲓ̈ⲁ̄]ⲛⲟⲥ [ⲡⲉⲛⲧⲁϥ]
[ϫⲟ]ⲟⲥ [ϫⲉ ⲙⲡ̄]
ⲛⲟⲩ[ⲧⲉ ⲛ̄ⲥⲁ ⲡⲁ]
ⲡⲟⲗⲗ[ⲱⲛ]. . . .
ⲃⲉ ⲡⲟⲩ. . . . .
ⲧⲁϥⲁⲣ. . . . .
Ⲉⲣϣⲁⲛ ⲡ̣[ⲣⲱⲙⲉ]
ⲣ̇-ⲛⲟⲃⲉ ϩⲁ [ⲡⲉⲧϥ̄]
ⲉⲣ-ⲡⲙⲉⲉⲩⲉ
ⲙ̇ⲛ ⲡⲉⲛⲧⲁϥⲧⲁ
ϩⲟϥ · ⲧⲉϥⲕⲟⲧϥ̇
ⲉⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ϥ̇ⲛⲁ
ⲟⲩϫⲁⲓ̈: ⲙⲏ
Ⲛⲡⲉ ⲡⲉⲥⲡⲉⲣⲙⲁ
ⲛⲁⲥⲉⲃⲏⲥ ⲧⲁⲩⲟ́
ⲉⲡⲉⲥⲏⲧ ⲛ̇ⲥⲟⲗⲟ
ⲙⲱⲛ ⲡⲣ̇ⲣⲟ · ⲉ́ⲧⲉ ⲧ
ⲙⲱⲁⲃⲓ̇ⲧⲏⲥ ⲧⲉ: —
Ⲡⲉϫⲉ ⲡⲉⲭⲁⲗⲕⲩ
ⲇⲱⲛ ϫⲉ ⲣ̇ϣⲁⲛ
ⲡ̇ⲣⲱⲙⲉ ⲟⲩⲱⲙ
ϩⲛ̇ ⲛ̇ϭⲓⲛⲟⲩⲱⲙ
ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲙ̇ⲡⲕⲁϩ
ϣⲁϥϩⲕⲟ · ⲡⲉⲧ
ⲟⲩⲱⲙ ⲇⲉ ⲛ̇ⲧⲟϥ
ϩⲛ̇ ⲛⲁⲧⲡⲉ ϣⲁ
ⲣⲉ ⲟⲩⲥⲟⲡ ⲣⲱϣⲉ: —
Ⲁⲗⲗⲁ ⲧⲁⲙⲟⲓ̈ ⲉⲧ
ⲃⲉ ⲁⲇⲁⲙ ϫⲉ ⲁϥ
ⲱ́ⲥ̇ⲕ ⲙ̇ⲡⲁⲧⲟⲩ
ⲛⲟϫϥ̇ ⲉ́ⲃⲟⲗ ϩ̇ⲙ
ⲡ̇ⲡⲁⲣⲁⲇⲓ̈ⲥⲟⲥ
ϫⲓⲛⲧⲁϥⲣ̇ⲛⲟⲃⲉ ·
Ⲡⲉϫⲉ ⲡⲁⲣⲭⲏⲉ́

Cod. Borgianus CCXC f. 6.

Verso.

[ⲡⲓ̈ⲥⲕⲟⲡⲟⲥ
. . . .
. . . . .ⲁⲣⲟⲕ
. . . .ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ
[ⲥⲟⲟⲩⲛ] ⲉ̀ⲛⲉⲧ
[ⲛⲁ]ϣⲱⲡⲉ ϩⲁ
[ⲑⲏ ⲙ̀]ⲡ̣ⲁⲧⲟⲩ
[ϣⲱ]ⲡⲉ :—
[Ⲕⲁⲓ] ⲅⲁⲣ ϩⲙ ⲡⲉ
[ϩ]ⲟⲟⲩ ⲛ̀ⲧⲁ ⲁ̀ⲇⲁⲙ ·
ⲣ̀ⲛⲟⲃⲉ · ⲁ ⲡⲛⲟⲩ
ⲧⲉ ⲛⲟϫϥ̀ ⲉⲃⲟⲗ
ϩⲙ̀ ⲡ̀ⲡⲁⲣⲁⲇⲓ̈
ⲥⲟⲥ ⲙ̀ⲡⲉⲓ̈ϩⲟⲟⲩ
ⲛⲟⲩⲱⲧ ⲉ̀ⲧⲉ ⲧ
ⲛⲟϭ ⲛ̀ⲛⲏⲥⲧⲓ̈ⲁ ⲧⲉ ·
Ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉ ⲁ̀ⲇⲁⲙ ϫⲓ̈
ⲙ̀ⲡϣⲏⲛ ⲛ̀ⲧⲟ
ⲟⲧϥ ⲛ̀ⲧⲉϥⲥ̀ϩⲓ
ⲙⲉ ⲛ̀ϥⲟⲩⲱⲙ
ⲛ̀ⲧⲉⲩⲛⲟⲩ · ⲁϥ
ⲕⲱⲕ ⲁϩⲏⲩ
ⲙⲛ̀ ⲧⲉϥⲥ̀ϩⲓ̈ⲙⲉ
ⲁⲩⲛⲁⲩ ⲉ̀ⲡⲉⲩϣⲓ̈
ⲡⲉ ⲙⲁⲩⲁⲁⲩ ⲉ̀ⲙⲛ̀
ⲡⲉⲧϣⲱⲡ ⲙ̀ⲙⲟ
ⲟⲩ ⲉ̀ⲣⲟϥ ϩⲛ̀ ⲡⲉ
ϣⲏⲛ ⲙ̀ⲡⲡⲁⲣⲁ
ⲇⲓ̈ⲥⲟⲥ :—
Ⲁ ⲡⲉⲓ̈ⲱⲧ ⲡ̀ⲡⲁⲛ
ⲧⲱⲕⲣⲁⲧⲱⲣ
ϭⲱϣⲧ̀ ⲉ̀ⲡⲉⲥⲏⲧ
ϩⲓϫⲱⲟⲩ · ⲁϥⲛⲁⲩ
ⲉ̀ⲣⲟⲟⲩ ⲉⲩϣ̀ⲧⲉⲣ
ⲧⲱⲣ ⲛ̀ⲥⲁ ⲥⲁ̀ ⲛⲓⲙ :—

Ⲁϥⲛⲁⲩ ⲉⲡⲡⲁⲣⲁ
ⲇⲓ̈ⲥⲟⲥ ⲉ̀ⲁϥⲱ̀ⲕⲙ̀
ⲁϥⲕⲁ-ϫⲱϥ ⲉ̀ⲡⲉ
ⲥⲏⲧ ϫⲉ ⲁ ⲡⲛⲟⲃⲉ
ϣⲱⲡⲉ ⲛ̀ϩⲏⲧϥ̀ ·
Ⲁ ⲛⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲉⲧⲣⲟ
ⲉⲓ̈ⲥ ⲛⲙⲙⲁϥ ⲣ̀ϩⲟ
ⲧⲉ · ϫⲉ ⲁⲣⲁ · ϥ̀ⲛⲁ
ϭⲛ̀-ⲁ̀ⲣⲓ̈ⲕⲉ ⲉ̀ⲣⲟⲛ
ϩⲱⲱⲛ ⲉⲧⲃⲉ ⲁ̀
ⲇⲁⲙ · ⲁ ⲧⲥⲏ
Ϥⲉ ⲙ̀ⲡⲉⲭⲁⲓⲣⲟⲩ
ⲃⲓ̈ⲛ ⲉⲧⲣⲟⲉⲓ̈ⲥ ⲉⲡ
ϣⲏⲛ ⲙ̀ⲡⲱⲛϩ̀
ⲃⲱⲗ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲁ ⲑⲟ
ⲧⲉ ⲛⲁⲇⲁⲙ ⲉϥ
ⲕⲏⲕ ⲁϩⲏⲩ :—
Ⲡⲉϫⲉ ⲡⲉⲓ̈ⲱⲧ ⲉ
ⲡⲉϥϣⲏⲣⲉ ⲙ̀ⲙⲉ
ⲣⲓⲧ · ϫⲉ ⲡⲁⲙⲟ
ⲛⲟⲅⲉⲛⲏⲥ ϭⲱϣⲧ
ⲉ̀ⲡⲉⲥⲏⲧ ⲉⲡⲡⲁ
ⲣⲁⲇⲓ̈ⲥⲟⲥ · ⲧⲉⲕ
ⲛⲁⲩ ⲉⲡⲣⲱⲙⲉ
ⲛ̀ⲧⲁⲛⲧⲁⲙⲓ̈ⲟϥ
ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲉⲛⲉⲓ̈ⲛⲉ
ⲙⲛ̀ ⲧⲉⲛϩⲓ̈ⲕⲱⲛ ·
ⲛ̀ⲧⲁⲛⲧⲁⲉⲓ̈ⲟϥ
ⲡⲁⲣⲁ ⲛⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ
ϫⲉ ϥ̀ϣⲟⲟⲡ ⲛⲁ
ϣ ⲛ̀ϩⲉ ⲧⲉⲛⲟⲩ :—
Ⲁ ⲡϣⲏⲣⲉ ⲛ̀ⲁⲅⲁ
ⲑⲟⲥ ⲛⲁⲩ ⲉ̀ⲁ̀ⲇⲁⲙ
ⲉϥϣⲧ̀ⲣⲧⲱⲣ
ϩⲁ ⲡϣⲓⲡⲉ ⲙ̀ⲡⲁ̣

Pariser Fragmente hat Winstedt leider verabsäumt die No. des Bandes und des Blattes zu notieren. Auch Hyvernat, welcher mir eine Photographie des Recto des Borgianus zuschickte, sage ich hier meinen besten Dank.

Ich lasse hier die Texte nebst Übersetzung folgen.

Cod. Borgianus CCXC fol. 6.

Recto. [Er (Petros) sprach zum] Erlöser (σωτήρ): «Wenn auch (κἄν) alle an Dir Anstoss nehmen (σκανδαλίζεσθαι) so doch (ἀλλά) ich nicht». Weil er hochmüthig wurde, verleugnete (ἀπαρνεῖσθαι) er Ihn zuerst, denn es steht geschrieben: «Der Mensch soll sich nicht beständig rühmen auf Erden». und Mc. 14, 29.
ferner: «Wer sich erhöhet wird erniedrigt werden und wer sich erniedrigt Matth. 23,12.
wird erhöht werden».

Du hast jetzt erfahren, dass kein Ansehen der Person vor Gott ist. Nach deiner Meinung geht das ganze Volk (λαός) zu Grunde wegen der Dinge, die Gott ertrug (ἀνέχειν) von Eli (ϩⲏλⲉⲓ̈, Ἠλεί), als er sündigte an dem Altar (θυσιαστήριον) und sie sprachen: «Es giebt keinen Gott», wie Diokletianos, *welcher sagte: «Es giebt keinen Gott ausser Apollo.... R. b
.... Wenn der Mensch sündigt in dem, was er denkt und in dem, was er zustande gebracht hat und (wenn) er zurückkehrt zu Gott, wird er errettet werden.

Hat nicht (μή) der gottlose (ἀσεβής) Same (σπέρμα) gestürzt Salomo, den König — d. i. die Moabitin (Μωαβῖτις)?

Es sprach der «Chalcedon»: «Wenn der Mensch isst von allen Speisen der Erde, wird ihn hungern, wer aber (δέ) dagegen von den himmlischen isst, dem genügt ein (einziges) Mal. Aber (ἀλλά) berichte mir von Adam, ob er ruhig dahinlebte, bevor er aus dem Paradiese (παράδεισος) geworfen wurde, seit er gesündigt hatte».

Es sprach der Erzbischof (ἀρχιεπίσκοπος)* .... V. a
.... dir...... Gott *weiss*, was geschehen wird, bevor es geschehen ist. Denn (καὶ γάρ) an dem Tage, da Adam sündigte, warf ihn Gott aus dem Paradiese (παράδεισος), an diesem selben Tage, welcher ist das grosse Fasten (νηστεία).

Als Adam empfangen hatte den Baum (sic!) von seinem Weibe und sogleich gegessen hatte wurde er nackt mit seinem Weibe. Sie sahen selbst ihre Schande und keiner von den Bäumen des Paradieses (παράδεισος) nahm sie auf.

Der Vater, der Allmächtige (παντοκράτωρ), schaute auf sie herab und sah sie beunruhigt allerseits*. Er sah das Paradies (παράδεισος) traurig ge- V. b
worden und mit gesenktem Haupte, weil die Sünde in ihm war. Die Engel

(ἄγγελος), die mit ihm wachten, fürchteten sich, indem sie sprachen: «Wird Er denn (ἄρα) auch uns anklagen wegen Adam»? Das Schwert des Cherubim (Χερουβείμ), welcher den Baum des Lebens bewacht, schwand (wörtlich: löste sich auf) vor Schreck vor dem nackten Adam.

Es sprach der Vater zu Seinem geliebten Sohne: «Mein Eingeborener (μονογενής), blicke herab auf das Paradies (παράδεισος) und schau den Menschen, welchen Wir geschaffen haben nach (κατά) Unserem Ebenbilde und Unserem Bilde (εἰκών) und den Wir geehrt haben mehr als (παρά) die Engel (ἄγγελος), wie er jetzt ist».

Der Gute (ἀγαθός) sah Adam beunruhigt vor Schande........

Anmerkungen.

Borg. CCXC *f. 6. Ra. 25 ff.* — **ϩⲩⲗⲉⲓ̈ ⲉϥⲣ̄ⲛⲟⲃⲉ ⲉ̀ⲡⲑⲩⲥⲓ̈ⲁⲥⲧⲏⲣⲓ̈ⲟⲛ** «Eli, welcher sündigte an dem Altar (θυσιατήριον)». Es dürfte hier wohl eine Verwechselung mit Eli's Söhnen, Hophni und Pinchas, die sich an dem Opfer versündigten, vorliegen. Vgl. 1 Reg. 2, 12 ff.

Ra 33 — Rb 4. — **ⲇⲓⲟⲕⲗⲏ[ⲧⲓ̈ⲁ]ⲛⲟⲥ [ⲡⲉⲛⲧⲁϥϫⲟ]ⲟⲥ [ϫⲉ ⲙⲛ̄] ⲛⲟⲩ[ⲧⲉ ⲛ̄ⲥⲁ ⲡⲁ]ⲡⲟⲗⲗ[ⲱⲛ]**. «D., welcher sprach: 'Es ist kein Gott ausser Apollo'»]. Vgl. Mart. S. Victoris 5 a 7—10 : **ⲛ̄ⲧⲕ̄ ⲟⲩⲛⲟ[ⲩⲧⲉ] ⲉϥⲟ̄ⲛϩ̄ ⲡⲁⲡ[ⲟ̀ⲗ]ⲗⲱⲛ̄. ⲡⲉⲛ[ⲧⲁ]ϥϯ ⲛⲁⲛ ⲙ̄ⲡⲉϫ[ⲣⲟ : ~]** «du bist ein lebendiger Gott, o Apollo, welcher uns den Sieg verliehen hat» und ähnliche Redensarten in den Märtyrerakten.

Rb 28—32. — **ⲁⲗⲗⲁ ⲧⲁⲙⲟⲓ̈ ⲉⲧⲃⲉ ⲁⲇⲁⲙ ϫⲉ ⲁϥⲱⲥⲕ ⲙ̀ⲡⲁⲧⲟⲩⲛⲟϫϥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ϩⲙ̀ ⲡⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ ϫⲓⲛⲧⲁϥⲣ̄-ⲛⲟⲃⲉ.** «aber berichte mir von Adam, ob er ruhig dahin lebte, bevor er aus dem Paradiese geworfen wurde, seit er gesündigt hatte». Indirekte Frage mit Fortlassung des Frageworts. Vgl. Stern § 604. — **ⲱⲥⲕ**, was gewöhnlich «morari, tardare» βραδύνειν bedeutet, habe ich hier im Sinne von ῥαθυμεῖν, segniter agere, desidere gefasst, wie Sir. 35(32), 11. **ⲃⲱⲕ ⲉⲡⲉⲕⲏⲓ̈ ⲛ̄ⲅ̄ⲧⲙ̄ⲱⲥⲕ̄.** ἀπότρεχε εἰς οἶκον καὶ μὴ ῥαθύμει.

Va 4—8 ergänzt nach Dan. Sus. 42. **ⲡⲉⲧⲥⲟⲟⲩⲛ ⲉϩⲱⲃ ⲛⲓⲙ ⲙ̄ⲡⲁⲧⲟⲩϣ[ⲱ]ⲡⲉ**, ὁ εἰδὼς τὰ πάντα πρὶν γενέσεως αὐτῶν.

Va 11—16. — **ⲁ ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛⲟϫ·ϥ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲙ̀ ⲡ̀ⲡⲁⲣⲁⲇⲓ̈ⲥⲟⲥ ⲙ̄ⲡⲉⲓ̈ϩⲟⲟⲩ ⲛⲟⲩⲱⲧ ⲉ̀ⲧⲉ ⲧⲛⲟϭ ⲛ̀ⲛⲏⲥⲧⲓ̈ⲁ ⲧⲉ.** «Gott warf ihn hinaus aus dem Paradiese an diesem selben Tage, welcher ist das grosse Fasten».

Zu **ⲧⲛⲟϭ ⲛ̀ⲛⲏⲥⲧⲓ̈ⲁ** «dem grossen Fasten (νηστεία)» ist vielleicht das «Leben Adams und Evas» zu vergleichen. Zu Anfang wird dort berichtet, dass, nachdem sie aus dem Paradiese vertrieben waren und zuerst sieben Tage trauernd und klagend verbracht hatten, sie sieben Tage und dann noch wei-

tere neun Tage nach Speise suchten. Sie fanden aber keine Engelspeise, wie sie solche im Paradiese genossen hatten, sondern nur thierische Speise. Darauf thaten sie Busse und Adam fastete ganze vierzig Tage[3]).

Wenn nun in unserem Texte der Tag des Sündenfalls und der Vertreibung aus dem Paradiese als das «grosse Fasten» bezeichnet wird, so ist das wohl so zu verstehn, dass mit diesem Tage für Adam und Eva das grosse Fasten begann. Möglich, dass darin auch eine Anspielung auf den «Versöhnungstag» steckt, welcher bei Josephus, Ant. 14, 4, 3 als ἡ τῆς νηστείας ἡμέρα und bei Philo, De septenario p. 296 M als ἡ νηστείας ἑορτή bezeichnet wird[4]).

Va 17—20. — ⲛ̄ⲧⲉⲣⲉ ⲁⲇⲁⲙ ϫⲓ̈ ⲙ̄ⲡϣⲏⲛ ⲛ̄ⲧⲟⲟⲧϥ ⲛ̄ⲧⲉϥⲥϩⲓ̈ⲙⲉ «als Adam den Baum von seinem Weibe genommen hatte»]. — Hier ist zunächst ⲛ̄ⲧⲟⲟⲧ·ϥ in ⲛ̄ⲧⲟⲟⲧ·ⲥ zu emendieren wegen ⲥϩⲓ̈ⲙⲉ; ⲡϣⲏⲛ «der Baum» steht aber für ⲡⲕⲁⲣⲡⲟⲥ ⲙ̀ⲡϣⲏⲛ «die Frucht (καρπός) des Baumes».

Vb 1—4. — ⲁϥⲛⲁⲩ ⲉⲡⲡⲁⲣⲁⲇⲓ̈ⲥⲟⲥ ⲉ̀ⲁϥⲱ̀ⲕⲙ̀ ⲁϥⲕⲁ-ϫⲱϥ ⲉ̀ⲡⲉⲥⲏⲧ «Er sah das Paradies traurig geworden und mit gesenktem Haupte». — Hier ist ⲡⲁⲣⲁⲇⲓⲥⲟⲥ als Person gedacht.

Cod. Parisinus (?)

?
ⲙ̣ⲙⲟⲥ ⲉϩⲟⲩⲛ
ϩⲁ ⲧⲉϥⲥⲧⲟ
ⲗⲏ · ⲉϥⲧⲁⲙⲟ
ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲉⲧⲗⲱⲣ sic.
ⲭⲏ · ⲙ̄ⲛ̄ ⲛⲉⲉⲓ̈ⲃ̄ⲧ̄
ⲉⲧϩⲛ̄ ⲛⲉϥϭⲓ̈ϫ
ⲉⲩⲟ ⲙⲙⲁⲉⲓⲛ
ⲛⲁⲧⲃⲱⲧⲉ ⲉ̀
ⲃⲟ[ⲗ] ϣⲁⲛⲧⲉϥϯ
?[ϩⲁⲡ ⲉ]ⲡⲕⲟⲥⲙⲟⲥ
[ⲧ]ⲏⲣϥ̄.
[Ⲡ]ⲉϫⲉ ⲡⲁⲣⲭⲏⲉ̀
ⲡⲓ̈ⲥⲕⲟⲡⲟⲥ · ϫⲉ
ⲛⲉⲛⲉⲓ̈ⲟⲧⲉ ⲛⲉⲛ
ⲧⲁⲩⲉⲣ ⲛⲁⲓ̈ ⲛⲁϥ ·
Ⲡⲉϫⲉ ⲡⲉⲭⲁⲗⲭⲏ
ⲇⲱⲛ · ϫⲉ ⲉ
ϣⲱⲡⲉ ⲁϥⲧ[ⲱ]
ⲟⲩⲛ ⲉⲧⲃⲉ
ⲙ̄ⲡⲛⲁⲩ
. . . .

ⲗ̄ⲅ̄

Ⲡⲉϫⲉ ⲡⲁⲣⲭⲏⲉ
ⲡⲓ̈ⲥⲕⲟⲡⲟⲥ ϫⲉ
ⲛⲓ̈ⲙ ⲡⲉ ⲡⲁⲓ̈ ⲛ̇
ⲧⲟⲟⲩⲛ ⲉⲧⲕⲱ
ⲗⲩ ⲛⲧⲉϥⲙⲁ
ⲁⲩ · ϫⲉ ⲙ̄ⲡⲣ̄
ϫⲱϩ ⲉⲣⲟⲓ ϣⲁⲛ
ϯⲃⲱⲕ ⲉϩⲣⲁⲓ
ϣⲁ ⲡⲁⲉⲓ̈ⲱⲧ
Ⲡⲉϫⲉ ⲡⲉⲭⲁⲗ
ⲭⲏⲇⲱⲛ. ϫⲉ
ⲙⲛ̄ϭⲟⲙ ⲙ̄ⲙⲟϥ
ⲉⲧⲱⲟⲩⲛ ⲉⲉⲓ̈ ⲉ̀
ⲃⲟⲗ. ⲉ̀ⲛⲉ ⲡⲱ
ⲛ[ⲉ] ϣ[ⲧⲁⲙ] ⲙ̄[ⲡⲣⲟ]
[ⲙ̄ⲡⲧⲁⲫⲟⲥ]
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

3) Kautzsch, Apokryphen u. Pseudepigraphen II, pag. 512 ff.
4) R. E.[3] V und XX s. vv. Fasten und Versöhnungstag.

ⲗ̅ⲇ̅

ⲉ̀ⲣⲉ ⲡⲁⲣⲓ̈ⲕⲉ ⲙ̅
ⲡ[ⲉ]ϥⲙⲟⲩ ϩⲓ̈
ϫⲛ̄ ⲛⲉϥⲙⲁⲑⲏ
ⲧⲏⲥ. ϫⲉ ⲛ̄
ⲧⲟⲟⲩ ⲁⲩⲃⲓ̈ⲧϥ
ϣⲁⲛⲧⲉⲛϫⲟ
ⲟⲥ [ϫⲉ] ⲙ̅ⲡⲉϥⲧⲱ
ⲟⲩⲛ:—
Ⲡⲉϫⲉ ⲡⲁⲣⲭⲏⲉ
ⲡⲓ̈ⲥⲕⲟⲡⲟⲥ. ϫⲉ
·ⲥⲱⲧⲙ̅ ⲧⲁⲧⲁ
ⲙⲟⲕ. ϫⲉ
ⲛⲓ̈ⲙ ⲡⲉⲛⲧⲁϥ
ϥⲉⲓ̈ ⲙ̀ⲡ[ⲱⲛⲉ
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ⲉϣϫⲉ ⲁⲛⲟⲕ
ⲡⲉ ⲡⲉⲧⲛ̄ϣⲓ
ⲡⲉ ⲛⲥⲱϥ ⲕⲁ
ⲁⲩ ⲉⲃⲟⲗ ⲧⲁⲣⲟⲩ
ⲃⲱⲕ:—
Ⲁⲩⲕⲁ ⲛⲁⲡⲟⲥⲧⲟ
ⲗⲟⲥ ⲉ̀ⲃⲟⲗ ⲁⲩ
ⲃⲱⲕ ⲡⲟⲩⲁ ⲡⲟⲩ[ⲁ]
ⲉ̀ⲛⲉⲩⲙⲁ · ⲙ̀ⲡ[ⲉ]
ⲗⲁⲁⲩ ⲙ̀ⲙⲟⲟⲩ [ⲉⲓ]
ⲉ̀ⲡⲉϥⲧⲁⲫ[ⲟⲥ]
ⲉⲓ̈ⲙⲏⲧⲉⲓ ⲡ
ϣⲏⲣⲉϣⲏⲙ
ϫⲉ ⲓ̈ⲱϩⲁⲛⲛⲏⲥ
ⲙⲛ̄ ⲟⲩϩⲗⲗ[ⲟ] ϫⲉ
ⲡⲉⲧⲣⲟⲥ. ⲉⲩ
ⲟⲩⲏϩ ⲛ̄ⲥⲱϥ ϣ[ⲁ]
ⲧⲁⲩⲗⲏ ⲙⲡⲁⲣ
[ⲭⲓⲉⲣⲉ]ⲩⲥ:—
. . . .

Cod. Parisinus. (?)

. . . . *er steckte seine Hand* (?) unter sein Gewand (στολή), indem er ihm zeigte die Lanze (λόγχη) und die Nägel in seinen Händen, als unauslöschliche Zeichen, bis er richten wird die ganze Welt (κόσμος).

Es sprach der Erzbischof (ἀρχιεπίσκοπος): «Deine Väter sind es, die ihm das gethan haben».

Es sprach der «Chalcedon» (Χαλκηδών): «Wenn er auferstanden ist wegen . . . .

Es sprach der Erzbischof (ἀρχιεπίσκοπος): «Wer ist es, der seiner Mutter also wehrte (κωλύειν): 'Rühre Mich nicht an, solange Ich nicht aufgestiegen bin[5]) zu Meinem Vater'».

Es sprach der «Chalcedon» (Χαλκηδών): «Er kann sich nicht erheben um hinauszugehn, da der Stein *[das Grab?]* verschliesst . . . .

5) wörtlich: «bis Ich aufgestiegen bin».

.... die Schuld an seinem Tode liegt auf seinen Jüngern (μαθητής), denn sie haben ihn fortgenommen, bis wir sagten, dass er nicht auferstanden sei.

Es sprach der Erzbischof (ἀρχιεπίσκοπος): «Höre, dass ich dir mittheile, wer den *[Stein]* fortgenommen hat.................... wenn Ich es bin, den ihr sucht, so entlasst sie, auf dass sie gehn».

Sie entliessen die Apostel (ἀπόστολος), einen jeden an seinen Ort. Keiner von ihnen kam zu Seinem Grabe (τάφος) ausser (εἰμήτι) dem Jünglinge, nämlich Johannes, mit einem Greise, nämlich Petrus, die ihm nachgefolgt waren bis zum Palast (αὐλή) des Hohenpriesters (ἀρχιερεύς). Vgl. Matth. 26, 58. Mc. 15, 13. Lc. 11, 21.

Anmerkungen.

Par. R (ⲖⲀ) *a 4—6.* — ⲧⲖⲱⲅⲭⲏ.ⲙⲛ ⲛⲉⲉⲓⲃⲧ ⲉⲧϩⲛ ⲛⲉϥϭⲓϫ «die Lanze und die Nägel in seinen Händen»]. Ⲗⲱⲅⲭⲏ (λόγχη) steht hier im Sinne von ϣⲥ ⲛⲗⲟⲅⲭⲏ punctio lanceae, Lanzenstich. Vgl. Cod. Borg. CCXXXI. ⲁⲩϯ ⲛⲟⲩϣⲥ ⲛⲗⲟⲅⲭⲏ ⲉⲡⲁⲥⲡⲓⲣ ⲉⲧⲃⲉ ⲡⲣⲱⲙⲉ.[6] «sie thaten einen Lanzenstich (-λόγχη) in meine Seite um des Menschen willen». Ebenso steht hier ⲉⲓⲃⲧ für ϣⲥ ⲛⲉⲓⲃⲧ oder ϣⲥ ⲛⲛⲉⲓⲃⲧ «Nägelmal». Vgl. Joh. 20, 25. ⲉⲓⲧⲙⲛⲁⲩ ⲉⲛⲉϣⲥ ⲛⲛⲉⲓⲃⲧ ϩⲛ ⲛⲉϥϭⲓϫ.ⲁⲩⲱ ⲧⲁⲛⲉϫ ⲡⲁⲧⲏⲏⲃⲉ ⲉϫⲛ ⲛⲉϣⲥ ⲛⲉⲓⲃⲧ.ⲁⲩⲱ ⲧⲁⲛⲉϫ ⲧⲁϭⲓϫ ⲉϫⲙ ⲡⲉϥⲥⲡⲓⲣ ⲛϯⲛⲁⲡⲓⲥⲧⲉⲩⲉ ⲁⲛ. Ἐὰν μὴ ἴδω ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ τὸν τύπον τῶν ἥλων, καὶ βάλω τὸν δάκτυλόν μου εἰς τὸν τύπον τῶν ἥλων, καὶ βάλω τὴν χεῖρά μου εἰς τὴν πλευρὰν αὐτοῦ, οὐ μὴ πιστεύσω.

Par. R (ⲖⲄ) *b 5—9* — ϫⲉ ⲙⲡⲣϫⲱϩ ⲉⲣⲟⲓ ϣⲁⲛϯⲃⲱⲕ ⲉϩⲣⲁⲓ ϣⲁ ⲡⲁⲉⲓⲱⲧ «Rühre Mich nicht an, solange Ich nicht aufgestiegen bin zu Meinem Vater».] Winstedt liest hier zu Anfang: ⲁϫⲉⲁϥⲓ ϫⲱϩ, doch dürfte hier kaum etwas anderes stehn, als ⲙⲡⲣϫⲱϩ ⲉⲣⲟⲓ, da wir ein Citat (Joh. 20, 7) haben. Zu beachten ist hier die Variante ϣⲁⲛϯⲃⲱⲕ für ⲙⲡⲁϯⲃⲱⲕ. Vergl. dazu boh. Act. 7, 2 ⲙⲡⲁⲧⲉϥϣⲱⲡⲓ ϧⲉⲛ ⲭⲁⲣⲣⲁⲛ, wofür Stern pag. 284 (§ 449) die Variante ϣⲁⲛⲧⲉϥϣⲱⲡⲓ anführt.

---

6) C. S. C. O. V, pag. X, 22 f. — Mit diesem ϯ ⲛⲟⲩϣⲥ etc. ist nicht zu verwechseln das ϯ ⲛⲟⲩϣⲥ Sir. 30, 10, welches ganz anderen Ursprungs ist und einem γομφιάζειν entspricht. Vergl. m. Alexanderroman pag. 81 f. Anm. 122. — Zu den bisher bekannten Verbindungen mit ϣⲥ kommt jetzt noch hinzu ϣⲥ ⲛϣⲟⲩⲣⲉ «Dornenmal» Budge, Coptic Apocrypha 44, 13.

CXLII. Hat es in Nubien eine Ortschaft ⲓ̈ⲗⲗ̄ⲁⲣⲧⲏ (Illartê) gegeben?

In dem Kolophon des Cod. Orient. 6804 des Britischen Museums[7]) ist nach Budge Z. 12 folgendes zu lesen: ⲧⲁⲓ̈ ⲉⲧⲕⲏⲧ ⲛ̄ⲓ̈ⲗⲗⲁⲣⲓ (?). Im Vorwort (pag. XVI) verbessert er dieses zu ⲧⲁⲓ ⲉⲧⲕⲏⲧ ⲛ̄ⲓ̈ⲗⲗ̄ⲁⲣⲧⲏ, wie der Codex wirklich liest, und bemerkt dazu: «Of Illartê and its church nothing is known, but the form of the name of the town, or village, suggests that it was situated in Nubia, perhaps near the Island of Taras».

Budge nimmt also an, dass in einer nubischen Ortschaft mit Namen ⲓ̈ⲗⲗ̄ⲁⲣⲧⲏ *Illartê* eine Kirche gestanden habe, in welche diese Handschrift gestiftet gewesen sein soll.

Ich bin jedoch etwas anderer Meinung. In der Gestalt, in welcher uns dieser Kolophon vorliegt, scheint mir weder der Name des Stifters, noch der Ortschaft, wo sich die betreffende Kirche befunden haben soll, zu stehn. Nach den vielen Fehlern der Handschrift und ganz besonders des Kolophons zu urtheilen muss sie von unkundiger Hand copiert worden sein, und zwar nach einer Vorlage, die auf Pergament geschrieben worden war. Dieses geht wohl mit grösster Wahrscheinlichkeit aus folgenden Worten, die sich auf den ursprünglichen Schreiber und Stifter der Handschrift beziehn, hervor: ⲁϥⲥϩⲁⲓ[ϥ] ϩⲛ̄ ⲛⲉϥⲙⲉⲙⲃⲣⲁⲛⲟⲛ ⲙ̄ⲙⲓⲛ ⲙ̄ⲙⲟϥ. «er schrieb es (das Buch) auf seine eigenen Pergamentblätter (μέμβρανον, μέμβρανα lat. *membrana*)».

Was nun aber ⲓ̈ⲗⲗⲁⲣⲧⲏ betrifft, so glaube ich, dass darin kein Ortsname steckt, sondern dass in ⲛ̄ⲓ̈ⲗⲗ̄ⲁⲣⲧⲏ eine ungenaue Wiedergabe von ἐν ἱλαρότητι Rom. 12, 8 vorliegt. Für eine verkürzte Schreibung spricht der lange Strich über dem zweiten ⲗ, welcher sich ebenso in anderen verkürzten Schreibungen wiederfindet, wie ⲡ̄ⲛ̄ⲁ̄, ⲑⲓⲉ̄ⲗⲏⲙ, ⲇ̄ⲁ̄ⲇ̄ u. a. m. Für ἐν spricht die Schreibung ⲛ̄, da man bei Ortsnamen eher ϩⲛ̄ zu erwarten hätte. Zum doppelten ⲗ vergl. ⲓ̈ⲁⲗⲗⲁⲣⲟⲇⲟⲧⲏⲥ für ἱλαρὸν (καὶ) δότην Prov. 22, 8 ἱλαρὸν (γὰρ) δότην II Cor. 9, 7. S. Misc. II, pag. 142. — Ferner ist noch zu beachten, dass in ⲓ̈ⲗⲗ̄ⲁⲣⲧⲏ das η nicht durch das gewöhnliche ⲏ der Unciale wiedergegeben ist, wie auch sonst in der Handschrift, sondern durch *h* der cursiven Minuskel. Auch letzterer Umstand spricht für eine directe Herübernahme aus dem Griechischen.

Zu allen diesen Argumenten kommt nun noch der wichtige Umstand

---

7) Budge, Coptic Apocrypha [No. I: The Book of Resurrection] pag. 48. Plate XLVIII.

hinzu, dass die Handschrift mit ziemlicher Sicherheit aus dem Faijûm stammt[8]), so dass von Nubien kaum noch die Rede sein kann[9]).

CXLIII. Zu Crum's Theological Texts[10]) 1–5.

1.

№ 3. — Fol. 1. Recto b 8–14:

8 ⲁϥ-
ⲡⲁϩⲧϥ̄ ⲉϫⲛ̄
10 ⲙ̄ⲡ[ⲁⲧ] ⲙ̄ⲡⲉϥ-
ⲉⲓ̈[ⲱⲧ] ⲉϥϫⲱ
ⲙⲙ[ⲟⲥ] ϫⲉ ⲱ̣̄
ⲡⲁ[ⲉⲓⲱ]ⲧ ⲙ̄
14 ⲡ̣ⲣ[. . . .] ⲙ̣ⲡ̄ϥ̣

«He cast himself at His father's feet, saying, 'O(?) my father do not». . . . .

Vgl. dazu Rossi II. 4, 65 a nach meiner Ergänzung:

ⲁϥ
ⲧ[ⲱⲟ]ⲩⲛ ⲉⲃⲟⲗ
ϩ[ⲙ̄ ⲡ]ⲉ[ϥ]ⲑⲣⲟ
[ⲛⲟⲥ ⲁϥⲡⲁϩ]ⲧϥ̄
ⲉϫⲛ̄ ⲙ̄ⲡⲁⲧ ⲙ̄
ⲡⲉϥⲉⲓⲱⲧ :—

Z. 13. 14 ff. dürfte etwa folgendes gestanden haben: ⲙⲡⲣ[ⲧⲁⲕⲟ] ⲙ̄ⲡⲕ̄[ⲧⲁⲙⲓ̈ⲟ] oder ⲙ̄ⲡⲕ̄[ⲡⲗⲁⲥⲙⲁ] oder ähnliches. Vergl. Apok. arch. Michaëlis 16, 1–4. ⲡ̄ⲧⲁⲙⲓ̈ⲟ̄ ⲛ̄ⲛⲉⲕϭⲓ̄ϫ ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲧⲁⲁϥ ⲉ̄ⲧⲟⲟⲧϥ̄ ⲙ̄ⲡⲇⲓ̈ⲁ̄ⲃⲟⲗⲟⲥ:~ «das Werk deiner Hände, gieb es nicht in die Hand des Teufels (διάβολος)».

Fol. 7 Recto a 10–13.

ⲉⲕⲉⲕⲱ ⲙ̄[ⲡ-]
ⲕⲁϣ ϩⲓ̄ϫ[ⲙ-]
ⲡⲕⲁⲗⲁⲙ[ⲁⲣⲓ-]
ⲟ̣ⲛ ϭ[

8) Vgl. Crum in Z. D. M. G., Bd. 68, pag. 176 f.

9) Auf den Kolophon gedenke ich bei einer anderen Gelegenheit zurückzukommen.

10) W. E. Crum, Theological texts from Coptic papyri, edited with an appendix upon the Arabic and Coptic versions of the Life of Pachomius. Oxford, 1913. (Anecdota Oxoniensia. Semitic Series XII.)

«thou shalt put the reed into the reed-case (καλαμάριον)».

Vgl. K. K. S. LIV (pag. 54): ⲉⲛⲱⲭ ⲡⲉⲅⲣⲁⲙⲙⲁⲧⲉⲩⲥ ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲛⲟⲩϫⲉ ⲙ̄ⲡⲉⲕⲕⲁϣ ⲉⲡⲉⲕⲙⲉⲗⲁ «Henoch, du Schriftgelehrter (γραμματεύς), stecke dein Schreibrohr nicht in deine Tinte (μέλαν)».

Fol. 7 Recto b 5—11:

Ⲡⲉϫⲉ ⲉⲛⲱⲭ
ⲛⲁⲥ ϫⲉ ⲟⲩⲛ
sic ⲕⲟⲩ̣ⲛ [.ⲙ]ⲡⲉ ⲛ
ⲛⲟⲩⲧⲉ [⳨] ⲛ̄ⲟⲩ
ⲁⲅⲅⲉ[ⲗⲟ]ⲥ ϩⲛ̄
ⲧⲡ̣[ⲉ] ⲛ̄ϥⲕⲁ-
[ⲁϥ

«Enoch said unto her, 'Doth not God then (οὐκ οὖν) [appoint?] an angel (ἀγγ.) from heaven and (doth) he (not) set him'...» Zu [appoint?] bemerkt Crum:]ⲛ̄, as part of a 2-rad. verb., is more difficult, though as accus., superlined bevor ⲟⲩ, it is also unlikely».

Hier sind verschiedene Möglichkeiten vorhanden. Haben wir in ⲛ̄ den Rest einer verkürzten Verbalform mit unmittelbarer Anknüpfung des Objects, so könnten hier überhaupt nur zwei Verba in Betracht kommen: ⲥⲟⲩⲛ̄ «kennen» und ϭⲛ̄- «finden». Ist das ⲛ̄ hier aber Präposition, was hier wohl zutrifft, so dürfte in der Lücke kaum ein anderes Verbum, als ϫⲓ̈ «nehmen, führen» zu ergänzen sein. Dieses würde hier auch am besten passen und der Satz würde zu übersetzen sein: «Hat Gott denn nicht einen Engel vom Himmel genommen und ihn gesetzt *(auf die Erde?)*». Dieser Engel ist aber, wie aus dem Verso hervorgeht, der Engel des Mitleids, Erbarmens (ⲡⲁⲅⲅⲉⲗⲟⲥ ⲛⲧⲙⲛⲧϣⲁⲛⲉϩⲧⲏϥ).

Fol. 7. Verso b.

1 [..ⲛ]ⲛⲟ[ⲃⲉ
[ⲛ]ϥϥⲓ [ⲛⲛⲁ]ⲅⲁ
ⲑⲟⲛ ⲛ[ϥⲧ]ⲁ-
ⲗⲟⲟⲩ ⲉ[ⲛ]ⲉ̣ⲥⲁ
5 ⲉϥϣⲁⲛⲛⲁⲩ
ⲉⲛⲛⲟⲃⲉ ⲉⲩ-
ⲥⲱⲛ ⲡⲁⲣⲁ
ⲛⲁⲅⲁⲑⲟⲛ
ϣⲁϥϥⲓ̈ ⲙⲛⲉϥ
10 ϩ[ⲣ]ⲁⲃⲇⲟⲥ ⲉⲧ
[ϩⲛ] ⲧⲉϥϭⲓ̈ϫ
[ⲛⲟ]ⲩⲛⲁⲙ ⲛ̄ϥ
13 ⲧ[ⲁⲗⲟ]ϥ ⲉϫⲛ-

«sins and he taketh the good-deeds (ἀγ.) and placeth them on another side. If he see the sins drawing (down the balance) beyond (παρά) the good-deeds (ἀγ.), he taketh his staff (ῥάβδος), that is in his right hand, and layeth it upon» . . . . . .

Es ist hier von der Wägung der guten und bösen Thaten die Rede. Die bösen Thaten werden auf die eine, die guten auf die andere Wagschale gelegt. Wie nun der Engel der Barmherzigkeit sieht, dass die bösen Thaten überwiegen, wirft er seinen Stab auf die Wagschale mit den guten Thaten und macht sie auf diese Weise sinken.

Vergl. dazu Elias-Apoc. 13, 11—14. ϯⲛⲟⲩ ϭⲉ ⲛⲁϣⲏⲣⲉ ⲡⲁⲅⲱⲛ ⲡⲉ ⲡⲉï ϫⲉ ⲫⲁⲛ ⲧⲟⲩϩⲉⲓ ⲛ̄ⲛⲁⲅⲁⲑⲟⲛ ⲙⲛ̄ ⲙ̄ⲡⲉⲑⲁⲩ ϩⲛ̄ ⲟⲩⲙⲁϩⲉ. «Jetzt also, meine Söhne, dies ist der Kampf (Process?), wo es nothwendig ist (ϫⲉ ⲫⲁⲛ), dass man wäge die guten und die bösen Thaten auf einer Wage»[11]).

Der Engel, welcher seinen Stab auf die Wagschale mit den guten Thaten legt, dürfte kaum ein anderer sein, als Michael, der Engel des Mitleids κατ' ἐξοχήν.

Der Stab (ῥάβδος) des Erzengels Michael wird auch sonst noch erwähnt. Vgl. Rossi II. 4, 66. (Frammenti diversi · Parte prima). Recto b 2—4, 9—15. ⲁϥⲉⲓ ⲉⲃⲟⲗ ϩⲛ̄ ⲧⲡⲉ ⲛ̄ϭⲓ ⲙⲓⲭⲁⲏⲗ . . . . . . ⲁϥϯⲧⲟⲟⲧϥ ⲉⲡⲉϥϩⲣⲁⲃⲇⲟⲥ ⲉⲧϩⲛ̄ ⲧⲉϥϭⲓϫ ⲁϥⲛⲟϫϥ [ϩⲁ] ⲡⲉⲑⲣⲟⲛⲟⲥ ⲛ̄ⲇⲓⲟⲕⲗⲏⲧⲓⲁⲛⲟⲥ «Es kam vom Himmel herab Michael . . . . . und nahm seinen Stab (ῥάβδος), welcher in seiner Hand war und warf ihn zum Throne (θρόνος) des Diokletianos».

2.

№ 7. — Fol. 3. *Recto* (?) a 1—4.

ⲛⲁϣⲧⲉⲭⲛⲉ	. . . shall be able
ⲁⲗⲟⲕⲉï ⲛ̄ⲧ	fitly to account for
ⲉⲛϭⲓⲛⲉⲓ ϣⲁ-	(τεχνελογίζειν)
ⲣⲟⲛ ·	Thy coming unto us?

Crum bemerkt dazu: «Could τεχνολογίζειν have such a meaning? The verb Rossi II. 1, 34. c would scarcely be the same».

Meines Erachtens entspricht ⲧⲉⲭⲛⲉⲁⲗⲟⲕⲉⲓ durchaus nicht einem τεχνολογίζειν. Ich glaube, dass die eigenthümliche Form ⲧⲉⲭⲛⲉⲁⲗⲟⲕⲉⲓ einfach

11) Rösch, Vorbemerkungen zu einer Grammatik der achmim. Mundart. Diss. Strassburg, (1909), pag. 187.

auf einem Versehen des Schreibers beruht. Es findet sich nämlich in der 2. Columne das Verbum ⲅⲉⲛⲉⲁⲗⲟⲅⲉⲓ (γενεαλογεῖν). Der Schreiber wird nun, als er ⲧⲉⲭⲛⲟⲗⲟⲅⲉⲓ (τεχνολογεῖν) schreiben wollte, gerade auf die 2. Columne seiner Vorlage hingesehen und dort das Verbum ⲅⲉⲛⲉⲁⲗⲟⲅⲉⲓ erblickt und dadurch statt ⲧⲉⲭⲛⲟⲗⲟⲅⲉⲓ ein ⲧⲉⲭⲛⲉⲁⲗⲟⲅⲉⲓ, resp. ⲧⲉⲭⲛⲉⲁⲗⲟⲕⲉⲓ geschrieben haben. Auch Crum's Zweifel an der Identität von ⲧⲉⲭⲛⲉⲁ̣ⲗⲟⲕⲉⲓ unserer Stelle mit dem Verbum Rossi II. 1, 34. c sind unberechtigt. Wir lesen dort folgendes:

(Fol. 35. *Verso* a 5—19).

Ⲡⲁⲣⲛ̄ⲛⲟⲩ
ϫⲉ ⲉⲃⲟⲗ ⲙ̄
ⲙⲟⲛ ⲙ̄ⲙⲟⲛ
ⲙⲉⲛ ⲛⲓⲙ ⲛ̄
ⲧⲉ ⲡⲇⲓⲁⲃⲟ
ⲗⲟⲥ ⲛ̄ⲧⲉ ⲛ̄
ϩⲁⲓⲣⲉⲧⲓⲕⲟⲥ
ⲛ̄ⲧⲛ̄ϫⲡⲟ'
ⲛⲁⲛ ⲛ̄ⲧⲡⲓⲥ
ⲧⲓⲥ ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲙ̄
ⲙⲁⲅⲟⲥ ⲙⲛ̄
ⲛ̄ϣⲟⲟⲥ ⲉⲧ
ⲥⲟⲩⲧⲱⲛ
ⲛⲁï ⲉⲧⲉ ⲙ̄
ⲡⲟⲩⲧⲉⲭⲛⲟ*

Hier haben wir zuletzt den Rest des von Crum gemeinten Verbums ⲧⲉⲭⲛⲟ....., womit dieses Fragment abbricht. Glücklicherweise hat sich aber auch das Fragment erhalten, welches sich unmittelbar daran anschliesst. Es findet sich Rossi II. 4, 95. Frammento VIII *Recto* b. Dort heisst es:

*ⲗⲟⲅⲓⲁ ⲛ̄
ⲧⲡⲓⲥⲧⲓⲥ
ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲛ̄
ϣⲟⲟⲥ ⲉⲧ
[ⲥⲟⲩ]ⲧⲱⲛ ** [12])

Hieran schliesst sich nun wieder unmittelbar an die Fortsetzung von

12) Die Worte Rossi II. 4, 95. 3—5:

ⲛ̄ⲑⲉ ⲛ̄ⲛ̄
ϣⲟⲟⲥ ⲉⲧ
[ⲥⲟⲩ]ⲧⲱⲛ

sind einfach eine durch den Schreiber verursachte Wiederholung von Rossi II. 1, 34 c 14—17.— Vgl. auch Leiden 380, wo sie fehlen.

Rossi II. 1, 34. c. (*Verso* b 1—11).

** ⲁⲗⲗⲁ ⲁⲩ
ⲡⲣⲟⲥⲕⲩⲛⲉⲓ
ⲙ̄ⲡϣⲏⲣⲉ
ϣⲏⲙ ⲉⲧ
ⲕⲏ ϩⲙ̄ ⲡⲟⲩ
ⲟⲙ̄ϥ ⲉⲩⲡⲓⲥ
ⲧⲉⲩⲉ ϫⲉ ⲛ̄
ⲧⲟϥ ⲡⲉ
ⲡⲧⲉⲗⲓⲟⲛ
ⲉⲧϫⲏⲕ ⲉ
ⲃⲟⲗ.

Wir hätten hier also das Wort ⲧⲉⲭⲛⲟ*ⲗⲟⲅⲓⲁ. Nun ist es aber im Koptischen keine so seltene Erscheinung, dass für den Infinitiv der griechischen Verba, in welcher Form sie im Koptischen erscheinen, das entsprechende Substantiv eintritt, wie wir das besonders häufig bei ⲃⲟⲏⲑⲓⲁ (βοήθεια) für und neben ⲃⲟⲏⲑⲉⲓ (βοηθεῖν) beobachten können. Auch in unserem speciellen Falle steht ⲧⲉⲭⲛⲟⲗⲟⲅⲓⲁ für ⲧⲉⲭⲛⲟⲗⲟⲅⲉⲓⲛ. Dies wird noch bestätigt durch Leyden 380 f., wo wir ein Bruchstück desselben Textes haben und wo für ⲧⲉⲭⲛⲟⲗⲟⲅⲓⲁ steht ⲧⲉⲭⲛⲟⲗⲟⲅⲉⲓ (τεχνολογεῖν).

Das Rossi'sche Bruchstück lautet aber in der Übersetzung:

«Lasst uns verwerfen jegliche Gedanken des Teufels (διάβολος) *(und)* der Häretiker (αἱρετικός) und uns erwerben den rechten Glauben (πίστις) der Magier (μάγος) und der Hirten, diese, welche nicht sachgemäss behandelten (τεχνολογία = τεχνολογεῖν) den Glauben (πίστις), sondern (ἀλλά) ihre Ehrfurcht bezeigten (προσκυνεῖν) dem kleinen Kinde, das in der Krippe lag, indem sie glaubten (πιστεύειν), dass Er der Vollkommene (ⲧⲉⲗⲉⲓⲟⲛ. Leyd. ⲧⲉⲗⲉⲓⲟⲥ, τέλειος) sei».

Im Morgan'schen Fragmente müssen wir zunächst zu Anfang ergänzen und emendieren: [ⲛⲓⲙ ⲡⲉⲧ]-ⲛⲁϣⲧⲉⲭⲛⲟⲗⲟⲅⲉⲓ etc. Wir können dann übersetzen: «Wer wird sachgemäss behandeln (τεχνολογεῖν) können Dein Kommen zu uns?».

3.

№ 17. — Fol. 1, *Verso* a.

Rand.

ⲇⲓⲟ]ⲕⲗⲏ [ ]
]ⲁⲙ [..]
]ϥⲙ.ⲧ
]ⲁϥϯ ⲣ
] ϫⲉ [ⲉ]ⲓⲥ ·

[. . . .] ⲟ [. .] ⲉⲁⲛ
. ⲉ [. . ⲡ]ϩⲙϩⲁⲗ
ⲙ̄ⲡⲛⲟⲩⲧⲉ
[ⲫ]ⲓⲗ[ⲟⲑ]ⲉⲟⲥ
ϩⲛ̄ⲟⲩϭⲉⲡⲏ

«. . . Diocletian . . . . [saying,]
'Lo . . . . the servant of God
Philotheus quickly'.»

Zu Z. 4—7 vergl. Mart. S. Victoris 2 b 24—25: ⲁ[ϥϯ]ⲣⲁⲛ ⲉ̄ⲣⲟⲟⲩ ϫ[ⲉ ⲛⲟⲩ]ⲧⲉ ⲛ̄ϩⲟⲓ̈ⲛ[ⲉ ⲁⲛ ⲛⲉ.] «er nannte sie Götter, obgleich sie keine (solche) waren».

Ich ergänze nun oben:

[ϫⲉ. ⲙⲁⲣⲟⲩ]
[ⲃⲱⲕ ⲛ̄ϭⲓ̈ ⲛⲉ]
[ⲧⲟⲩⲱⲧ ⲛⲉⲛ]

[ⲧⲁ ⲇⲓⲟ]ⲕⲗⲏ[ⲥ ⲡⲣ̄]
[ⲣⲟ ⲧ]ⲁⲙ[ⲓⲟ]
[ⲟⲩ ⲁ]ϥⲙ[ⲟⲩ]ⲧⲉ
[ⲉⲣⲟⲟⲩ] ⲁϥϯⲣ[ⲓ]
[ⲛⲟⲩ] ϫⲉ [ⲛ]ⲟ[ⲩ]
[ⲧⲉ ⲛ̄ϩ]ⲟ[ⲓ̈ⲛ]ⲉ ⲁⲛ
[ⲛ]ⲉ [ϣⲁ ⲡ]ϩⲙϩⲁⲗ
[ⲙ̄]ⲡ[ⲛⲟⲩ]ⲧⲉ
[ⲫ]ⲓⲗ[ⲟⲑ]ⲉⲟⲥ
ϩⲛ̄ ⲟⲩϭⲉⲡⲏ.

«[*Mögen die Götzenbildor*, welche Dioklês, *der König*, gemacht und sie gerufen und genannt hat Götter, obleich sie keine sind, *gehen* zu dem Knechte Gottes Philotheos in Eile».

4.

№ 22. *Recto.* p. ⲋ̄ 13—16

ⲇⲓⲟⲕⲗⲏⲧ]ⲓⲁⲛⲟⲥ ϫⲉ ⲡ-
[ⲣⲣⲟ]ⲡ ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̄[
]ϩⲓⲣ̄ⲙ̄[
]ⲁⲧ[

Vergl. Mart. S. Victoris 3 a 6—10.

ⲇⲓⲟⲕⲗⲏⲧⲓⲁⲛⲟⲥ
ⲇⲉ ⲁϥⲧⲱϭⲉ ⲉ̄ⲃⲟⲗ
ⲛⲟⲩⲥϩⲁⲓ̈ ϩⲓⲣ̄ⲙ̄ ⲡ̄
ⲣⲟ ⲙ̄ⲡⲡⲁⲗⲗⲁ
ⲧⲓ̈ⲟⲛ ·

Danach ist oben vielleicht zu ergänzen:

ⲇⲓⲟⲕⲗⲏⲧ]ⲓ̣ⲁⲛⲟⲥ ⲇⲉ ⲡ-
[ⲣⲣⲟ ⲁϥⲧⲱϭⲉ?] · ⲉⲃⲟⲗ ⲛ̄
[ⲟⲩⲥϩⲁⲓ̈] ϩⲓⲣⲙ̄ [ⲡⲣⲟ]
[ⲙ̄ⲡⲡⲁⲗⲗ]ⲁ̣ⲧ[ⲓⲟⲛ]

«Diokletianos aber (δέ) machte bekannt ein Schreiben an der Thür des Palastes (*παλάτιον*, *palatium*)».

Verso p. ⲇ̄

ⲡⲣⲉⲥⲃ[ⲩⲧⲉⲣⲟⲥ· ⲉⲓⲧⲉ ⲇⲓⲁ-]
ⲕⲟⲛⲟⲥ· ⲉⲓ[ⲧⲉ ⲁⲛⲁⲅⲛⲱⲥ-]
ⲧⲏⲥ· ⲉⲓⲧⲉ [ⲣⲙϩⲉ · ⲉⲓⲧⲉ]
ϩ̄ⲙ̄ϩⲁⲗ· ⲉⲓ[ⲧⲉ
ⲑⲩⲥⲓⲁⲍⲉ · [ⲛⲟⲩ-] ·
ⲧⲉ ⲁⲩⲱ ⲡ[ⲉⲧⲛⲁϫⲟⲟⲥ]
ϫⲉ ⲁⲛⲅ̄ ⲟⲩⲭ[ⲣⲏⲥⲧⲓⲁⲛⲟⲥ]
ⲉⲩⲉⲇⲏⲙⲉⲩ[ⲉ ⲙⲡⲉϥ-]
ⲙⲟⲩ ϩ̄ⲛ ⲧⲥ̣[ⲏϥⲉ· ⲛⲧⲱⲧⲛ]
ⲇⲉ ⲧⲏⲣⲧ̄ⲛ̄ [ⲛⲁⲍⲓⲱⲙⲁ-]
ⲧ̣ ⲕⲟⲥ ⲙ̄ⲡ
ⲥϩⲁⲓ̈ ⲉⲣⲏⲥ
ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲕⲁ[ⲧⲁ ⲙⲁ
.. . .]ϫⲉⲕⲁ[ⲥ
. . . .]ⲛⲁϣ[
[ϫⲉ[

Vgl. dazu Mart. S. Victoris 3 a 10—b ⲛⲁⲓ̈ ⲇⲉ ⲛⲉⲧⲥⲏϩ ⲉⲡⲇⲓ̈ⲁ̄ⲧⲁⲅⲙⲁ · ϫⲉ ⲁⲛⲟⲕ ⲡⲉ ⲇⲓ̈ⲟⲕⲗⲏⲧⲓ̈ⲁ̄ⲛⲟⲥ ⲡ̄ⲣ̄ⲣⲟ. ⳹ⲕⲉⲗⲉⲩⲉ ϫⲓ̈ⲛ ⲧⲉϩⲣⲱⲙⲁⲛⲓ̈ⲁ̄ ϣⲁ ⲣⲏⲥ ⲉ̄ⲡⲓ̈ⲗⲁⲭ. ϫⲉ ⲉⲓ̈ⲧⲉ ⲉ̄ⲡⲁⲣⲭⲟⲥ · ⲉⲓ̈ⲧⲉ ⲕⲱⲙⲓ̈ⲥ · ⲉⲓ̈ⲧⲉ ϩⲏⲅⲉⲙⲱⲛ ·[ⲉ]ⲓ̈ⲧⲉ ⲧ̄ⲣⲓ̈ⲃⲟⲩⲛⲟⲥ · [ⲉ]ⲓ̈ⲧⲉ ⲙⲁⲧⲟⲓ̈ · [ⲉ]ⲓ̈ⲧⲉ ⲉ̄ⲡⲓ̈ⲥⲕⲟⲡⲟⲥ. [ⲉⲓ̈]ⲧⲉ ⲡ̄ⲣⲉⲥⲃⲩⲧⲉⲣⲟⲥ · [ⲉⲓ]ⲧⲉ ⲇⲓ̈ⲁ̄ⲕⲟⲛⲟⲥ · [ⲉⲓ̈ⲧ]ⲉ ϩⲙ̄ϩⲁⲗ. [ⲉⲓ̈ⲧⲉ ⲣⲙ̄]ϩⲉ · ⲉⲩⲉ̄[ⲑⲩⲥⲓ̈ⲁ̄ⲍ]ⲉ ⲧⲏⲣⲟⲩ [ⲛ̄ⲛⲁⲛⲟⲩⲧⲉ. ⲁ]ⲩⲱ̄ [ⲡⲉⲧⲛⲁϫⲟⲟⲥ ϫⲉ ⲁⲛⲅ̄ ⲟⲩⲭⲣⲏⲥⲧⲓ̈ⲁ̄]*ⲛⲟⲥ. ⲉⲩⲉ̄ϥⲉⲓ ⲙ̄ⲡⲉⲧⲛ̄ⲧⲁϥ

ⲉ̄ⲛⲧⲁ[ⲙⲓ̈]ⲟⲛ ⲙ̄ⲡⲣ̄ⲣⲟ · ⲁⲩⲱ̄ ⲛ̄ⲥⲉⲙⲟⲩⲟⲩⲧ ⲙ̄ⲙⲟϥ ϩⲛ̄ ⲧ̄ⲥⲏϥⲉ · ⲛ̄ⲧⲱⲧⲛ̄ ⲇⲉ ⲱ ⲛⲉⲥⲩⲛⲕ̄ⲗⲏⲧⲓ̈ⲕⲟⲥ ⲙ̄ⲡⲡⲁⲗⲗⲁⲧⲓ̈ⲟⲛ ⲥ̄ϩⲁⲓ̈ ⲉ̄ⲣⲏⲥ ϩⲛ̄ ⲛⲉⲭⲱⲣⲁ ⲧⲏⲣⲟⲩ · ⲕⲁⲧⲁ ⲡⲉⲓ̈ⲇⲓ̈ⲁ̄ⲧⲁⲅⲙⲁ · ϫⲉⲕⲁⲥ ⲉ̄ⲣⲉ ⲟⲩⲟⲛ ⲛⲓ̈ⲙ ϣⲙ̄ϣⲉ ⲛ̄ⲛⲁⲛⲟⲩⲧⲉ ⲛⲁⲓ̈ ⲛ̄ⲧⲁⲩϯ ⲛⲁⲛ ⲙ̄ⲡⲉϫⲣⲟ ϩⲙ̄ ⲡ̄ⲡⲟⲗⲩⲙⲟⲥ.

Z. 4—6: [ ][5] ⲑⲩⲥⲓⲁⲍⲉ · [ⲛⲟⲩ][6] ⲧⲉ etc.

Z. 9. 10 ⲉⲩⲉⲇⲏⲙⲉⲩ[ⲉ ⲙⲡⲉ
ⲙⲟⲩ ϩⲛ̄ ⲧⲥ̣[ⲏϥⲉ·],

was Crum übersetzt: «[his] death shall be adjudged (δημεύειν) with the s[word]». Zu δημεύειν bemerkt Crum: «Or? 'be publicly executed'; cf. δῆμος».

Hier scheint nun etwas ausgefallen zu sein, denn δημεύειν bedeutet «die Güter eines Bürgers für Staatseigenthum erklären, sein Vermögen einziehen»; damit ist aber ⲙⲟⲩ kaum zu verbinden. Vergl. Victor: ⲉⲩⲉϥⲓ ⲙⲡⲉⲧⲛ̄ⲧⲁϥ ⲉⲛⲧⲁⲙⲓⲟⲛ ⲙⲡⲣ̄ⲣⲟ. ⲁⲩⲱ̄ ⲛ̄ⲥⲉⲙⲟⲩⲟⲩⲧ ⲙ̄ⲙⲟϥ ϩⲛ̄ ⲧ̄ⲥⲏϥⲉ · «man bringe dessen Besitz in die Schatzkammer (ταμιεῖον) des Königs und man tödte ihn mit dem Schwerte».

Danach würde ich oben ergänzen: ⲉⲩⲉⲇⲏⲙⲉⲩ[ⲉ ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲛ̄ϥ] ⲙⲟⲩ ϩⲛ̄ ⲧⲥ[ⲏϥⲉ·] «dass man einziehe (δημεύειν) dessen Besitz und er sterbe durch das Schwert»[13]).

Z. 10—16 ergänze sich: [ⲱ ⲛⲉⲥⲩⲛⲕⲗⲏ]
ⲧ̣ⲓⲕⲟⲥ ⲙ̄ⲡ[ⲡⲁⲗⲗⲁⲧⲓⲟⲛ]
ⲥϩⲁⲓ̈ ⲉⲣⲏⲥ [ϩⲛ̄ ⲛⲉⲭⲱⲣⲁ]
ⲧⲏⲣⲟⲩ ⲕⲁ[ⲧⲁ ⲡⲉⲓⲇⲓⲁⲧⲁⲅ]
[ⲙⲁ] ϫⲉⲕⲁ[ⲥ ⲉⲣⲉ ⲟⲩⲟⲛ]
[ⲛⲓⲙ] ⲛⲁϣ[ⲙ̄ϣⲉ ⲛ̄ⲛⲁ]
[ⲛⲟⲩⲧⲉ] ϫⲉ[

Wir können dann den ganzen Abschnitt mit einigen Ergänzungen nach Victor übersetzen:

«*Dieses aber* (δέ) *stand geschrieben in dem Erlasse* (διάταγμα): '*Ich bin Diokletianos, der König. Ich befehle* (κελεύειν) von *Rom an bis zum Süden von Philae also:* '*Sei es* (εἴτε) *Eparch* (ἔπαρχος), *sei es* (εἴτε) *Comes* (κόμης,

---

13) Während des Druckes erhalte ich Budge, Coptic martyrdoms. In dem Mart. S. Victoris steht dort 2, 11 ⲉⲩⲉϯⲙⲉⲩⲉ ⲙ̄ⲙⲟϥ ⲛϥ̄ⲙⲟⲩ ϩⲛ̄ ⲧⲥⲏϥⲉ. Budge übersetzt freilich: «(he) shall be remembered»; er hält also ϯⲙⲉⲩⲉ für ein koptisches Wort ϯ-ⲙⲉⲩⲉ (= ⲙⲉⲉⲩⲉ), es ist aber = ⲇⲏⲙⲉⲩⲉ. Ein Verbum ϯ-ⲙⲉⲉⲩⲉ giebt es nicht, sondern ⲣ̄-ⲡⲙⲉⲉⲩⲉ, resp. ⲣ̄-ⲡⲉϥ (ⲡⲉⲥ) ⲙⲉⲉⲩⲉ.

comes), *sei es* (εἶτε) *Statthalter* (ἡγεμών), *sei es* (εἶτε) *Tribun* (τριβοῦνος, *tribunus*), *sei es* (εἶτε) *Soldat*, *sei es* (εἶτε) *Bischof* (ἐπίσκοπος), *sei es* (εἶτε) Priester (πρεσβύτερος), sei es (εἶτε) Diakon (διάκονος), sei es (εἶτε) Vorleser (ἀναγνώστης), sei es (εἶτε) Freier, sei es (εἶτε) Sklave, sei es (εἶτε)....... — dass sie opfern (θυσιάζειν) meinen Göttern, und wer sagen wird: 'Ich bin ein Christ (χριστιανός)', dessen Besitz ziehe man ein (δημεύειν), und er sterbe durch das Schwert. Ihr aber (δέ) alle, o (ὦ) ihr Senatoren (συγκλητικός) des Palastes (παλατιον, *palatium*), schreibet in den Süden, in alle Länder (χώρα) gemäss (κατά) diesem Erlasse (διάταγμα), damit jedermann meinen Göttern diene........»

5.

№ 23. — *Verso* 6—10:

ⲁϥⲧⲱ
ⲟⲩⲛ ⲁϥ[ⲁ]ⲗⲉ ⲉϫⲛ
ⲟⲩⲕⲗⲟⲟⲗⲉ [ⲛⲟⲩⲟ]
[ⲉⲓ]ⲛ ⲙⲛⲙ[
[.ⲁ]ⲣⲭⲁⲅⲅ[ⲉⲗⲟⲥ]

Z. 9. 10. ergänze ich: ⲙⲛ ⲙ[ⲓⲭⲁⲏⲗ ⲡⲁ]ⲣⲭⲁⲅⲅ[ⲉⲗⲟⲥ «Er (der Sohn der Güte) bestieg eine Lichtwolke mit Michael, dem Erzengel.

CXLIV. Zu den koptischen Apophthegmata patrum 2.

2.

Herr Akademiker P. Nikitin, welcher schon seit längerer Zeit eine Ausgabe der griechischen Apophthegmata vorbereitet, macht mich freundlichst darauf aufmerksam, dass von der Zoëga 327, 21—331, 15 stehenden Erzählung der koptischen Apophthegmata nicht nur der lateinische, sondern in einer Anzahl von Handschriften auch der griechische Text erhalten ist, so z. B. in B, D, E, L und M[14]).

Die Misc. CXL mitgetheilten Worte: «corpore autem suo ita in turpitudine abutebatur, ut pauci de vico ipso potuerint effugere libidinem ejus»[15])

14) B = Mosquensis 163
D = Venetus Marcianus 346
E = Parisinus Coislinianus 127
L = Mediolanensis Bibl. Ambrosianae C 30 inf.
M = Mediolanensis Ambros. F 100 sup.
Unter diesen Siglen werden die Codices in Nikitin's Ausgabe citiert werden. — Diese Erzählung ist in Bessarion's (Wissarion) Патерикъ wohl nur durch ein Versehen ausgefallen.

15) Vitae patrum VI. 1, 15. (Migne, P. L. 63, 996 a).

entsprechen den folgenden griechischen: τῷ δὲ σώματι οὕτως ἐκέχρητο εἰς αἰςχρότητα, ὥστε ὀλίγους τοῦ χωρίου δυνηθῆναι διαδρᾶσαι (varr. διαδράναι) τῇ ἐκείνης ἀσέλγειαν. Der koptische Text bietet dafür: **нεсεірε пε ϩι нαι ϩм̄ пεссωмα н̄сωωϥ нιм. ϩωсτε ϩн̄нοτι н̄ϣнм н̄τε п϶мε εтм̄мαт нεнтαтр̄-ϐολ н̄тοοτс̄ н̄τεсπορнια.**

Zu beachten ist, dass hier dem griech. ἀσέλγεια ein kopt. **πορнια** (πορνεία) gegenübersteht. Es sind hier zwei Möglichkeiten vorhanden: entweder hat der Kopte in seiner Vorlage πορνεία gelesen, oder er hat das seltenere ἀσέλγεια durch das ihm geläufigere πορνεία wiedergegeben. Letzteres hat in diesem Falle vielleicht die grössere Wahrscheinlichkeit für sich, da solche Fälle, wo im Koptischen ein griechisches Wort durch ein anderes ihm sinnverwandtes griechisches Wort ersetzt wird, garnicht so selten sind[16].

Doch in demselben Texte steht etwas weiter (Zoëga 330, 13) für ἀσέλγεια — сωωϥ, wodurch es auch sonst häufig wiedergegeben wird, neben ϫωϩм̄. Vergl. die folgenden Bibelstellen. *Sah.* ϫωϩм̄ Sap. 14, 26. Rom. 13, 13. Gal. 5, 19. Eph. 4, 19. Jud. 4 und сωωϥ Mc. 7, 22. 2 Cor. 12, 21. 2 Pe. 2, 2. 18; *boh.* сωϥ Mc. 7. 22. Rom. 13, 13. 2 Cor. 12, 21. Eph. 4, 19; 2 Pe. 2, 2. 7. 18. Jud. 4 und ϭωϫεм Gal. 5, 19. 1 Pe. 4, 3. ἀσέλγεια kommt, wie es scheint, im Koptischen nicht vor.

---

16) Vgl. Wessely, die griechischen Lehnwörter der sahidischen und boheirischen Psalmenversion. (Wien, 1910). pag. 4. (D. S. d. K. Akad. d. Wiss. Philos.-histor. Cl. LIV, III. — Rahlfs in Theol. Lit. Ztg. 1911, 644 f. — Stern, Gramm. pag. 5 Einleitung.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1914.

(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences).

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.

VIII[1]).

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 5 ноября 1914 г.).

1. q̇əndọ̭yq (< **q̇unḍ̭-oy-q**) *веселіе, пиръ;* — **2. q̇əndal** (< **q̇ınd-al** < **q̇und-al**) *радоваться, веселиться;* — **3. təq̇ur** (< **te-q̇ur**) *печальный*, букв. *невеселый;* — **4. q̇əraq̇** (< **q̇ur--aq̇**) *превеселый*[2]).

Есть въ яфетическихъ языкахъ, отсюда нерѣдко и въ языкахъ Арменіи, слова, которыя проявляютъ поразительное сродство, какъ звуковое, такъ и семасическое, и съ сирійскимъ (иногда вообще съ сѣверными семитическими), и съ персидскимъ, и греческимъ. У яфетическаго міра имѣются особыя реальныя лингвистическія отношенія и съ сѣверносемитическими языками и съ неродственными персидскимъ и греческимъ, какъ съ языками сосѣдними. Эта сторона сродства, результатъ взаимнаго общенія, вовсе не выяснена, даже вопросъ о ней не ставился никѣмъ. Если въ археологіи, болѣе прогрессивно и менѣе замкнуто проявляющей свою жизнедѣятельность, ближе «иранскаго» или «сасанидскаго» художественнаго міра не приходится замѣчать интересъ изслѣдователей классическихъ древностей, въ лингвистикѣ и къ иранизмамъ только теперь начинаютъ добираться интересующіеся греческимъ языкомъ, притомъ опять таки по торнымъ теоретическимъ путямъ, черезъ головы ближайшихъ сосѣдей. Потому всѣ корни, общіе у яфетическихъ языковъ съ языками указанныхъ сосѣдей или кажущіеся таковыми, не могутъ получить окончательнаго освѣщенія своей исторіи; въ частности

1) См. Изв. И. А. Н. 1914. № 5, стр. 357.

2) Такъ какъ въ яфетидологической транскрипціи точки имѣютъ строго опредѣленное значеніе (ими снабжены лишь сложные ассибилованные или аспированные звуки), то i и j въ ней появляются безъ точки: ı, ȷ.

нельзя пока окончательно устанавливать и того, кто дѣйствительно собственникъ ихъ и кто заимствователь. Однако это не мѣшаетъ прослѣдить то, что прослѣживается благодаря сравнительной фонетикѣ яфетическихъ языковъ. Не предрѣшая вопроса объ источникѣ, такая работа подготовитъ провѣренный яфетическій матеріалъ для его болѣе продуманнаго рѣшенія.

Мнѣ всегда казалось, что глаголъ г. ხარება q̇ar-eba *радовать, веселить* представляетъ основу (q̇ar), родственную съ греч. *χαρά радость, χαρῆναι радоваться,. χαρτός радостный, пріятный*[1]), а въ h. խնդալ q̇әnd-al *радоваться, веселиться* имѣемъ другую основу, съ наращеніемъ n при d, q̇әd- > q̇әnd-, сродную съ сир. ܚܕܐ *радовался* (корень наличенъ и въ асс., равно въ евр.), а по значенію въ армянскомъ языкѣ *смѣяться* сродную и съ перс. خنده q̇ende *смѣхъ*. Я склоненъ былъ даже въ обоихъ случаяхъ усматривать заимствованіе: въ грузинскомъ изъ греческаго, а въ hайскомъ изъ сирійскаго или персидскаго, причемъ въ армянскомъ, а также и въ древнелитературномъ со значеніемъ *улыбаться, смѣяться*, какъ въ персидскомъ[2]). Не устраняя вовсе факта вѣроятнаго сродства, обзоръ яфетическихъ эквивалентныхъ матеріаловъ выдвигаетъ необходимость болѣе осмотрительнаго рѣшенія вопроса объ ихъ происхожденіи, именно вопроса о томъ, кто въ отношеніи основы q̇ar является заимствующею стороной — яфетическій міръ или греки. Во всякомъ случаѣ яфетическіе факты таковы.

Основа q̇ar присуща не западнымъ нынѣ яфетическимъ языкамъ, чанскому и мингрельскому, а восточному, именно грузинскому, точнѣе картскому. Отъ той же основы имѣемъ სახარებაჲ sa-q̇ar-eba-y *Евангеліе*, букв. *предметъ радости*, მახარებელი ma-q̇ar-eb-el-ı *благовѣститель, евангелистъ*, სიხარული sı-q̇ar-ul-ı *радость, веселье;* послѣдняя форма представляетъ собою имя дѣйствія II-й породы, т. е. съ характеромъ ı, наличнымъ въ префиксѣ sı-; когда хотятъ образовать имя дѣйствующаго лица по той же породѣ, характеръ породы проникаетъ внутрь основы — ıq̇ar > q̇ıar, и съ показателемъ лица m- получается მხიარული m-q̇ıar-ul-ı (<*mı-q̇ar-ul-ı) *весельчакъ, веселый, радостный.*

Въ ш- языкѣ (однако только въ мингрельскомъ, но не въ чанскомъ) эта картская разновидность налицо исключительно въ качествѣ заимствова-

---

1) При нашей постановкѣ вопроса пока можно не интересоваться этимологіею греческаго слова, которое, признаваемое аріо-европейскимъ по корню, отожествляется съ л. gratus, resp. grâto-s (L. Meyer, *Handb. der griech. Etymologie,* 1901, III, стр. 299) и рядомъ словъ другихъ европ. и восточныхъ (санск., авест.) языковъ (W. Prellwitz, *Et. Wörterbuch*, 1892, s. v.).

2) խնդ въ значеніи *шутка, смѣхъ* встрѣчается еще у Лазаря Парпца (см. цитаты, Больш. слов.).

нія изъ грузинскаго, часто съ картскимъ же наращеннымъ вспомогательнымъ глаголомъ, напр. — იხარებუქ i-b-q̇ar-eb-uq *веселюсь*, ოხარებუ o-q̇ar-eb-u *предметъ радостной вѣсти*, или даже цѣликомъ по-картски, т. е. съ картскимъ предлогомъ, префиксомъ и суффиксомъ—გახარება ga-q̇ar-eba *радовать, радость*, სახარება sa-q̇ar-eba *Евангеліе*, მახარებელი ma-q̇ar-eb-el-i *вѣстникъ радостной вѣсти* и т. п., но иногда съ морфологіею ш- языка — ქვახარი qə-vaq̇ari *я обрадовалъ*, მახარია ma-q̇ar-ia > მახა ma-q̇a (<maq̇ar)[1]) *милый, дружокъ*. Равнымъ образомъ заимствованы мингрельскимъ изъ грузинскаго слова съ основою II-й породы безъ префикса m-: ხიარულება q̇iar-ul-eba *веселіе*, ხიარულო q̇iar-ul-o *весело*.

Что же касается истыхъ эквивалентовъ ш- языка, то они должны бы звучать съ перегласовкой a въ o и съ перерожденіемъ r или въ l по одному діалектическому теченію, или въ d || nd по другому діалектическому теченію, т. е. при тожествѣ перваго коренного, сейчасъ не обсуждаемомъ, основа картская, т. е. s- языка, q̇ar въ ш- языкѣ могла звучать *q̇or, а также діалектически — q̇ol- или q̇ond-.

Всѣ три разновидности налицо:

a) q̇ol- появляется въ формѣ II-й породы q̇iol (< i-q̇ol), параллельной картскому q̇iar, въ словахъ—ხიოლი q̇iol-i *радость*, მოხიოლე mo-q̇iolə *мнѣ весело, радуюсь, аор.* მა-ხიოლე ma-q̇iolə *я обрадовался*.

b) q̇ond-, resp. q̇od сохранилась въ обѣихъ разновидностяхъ въ типичной для ш- языка формѣ III-й породы съ обычнымъ перерожденіемъ въ основѣ гласнаго o въ u, но сохранилъ ее не мингрельскій и не чанскій, а вульгарный грузинскій, въ качествѣ очевиднаго заимствованія изъ мингрельскаго, въ словахъ: a) (по Ч[2]): «ოხუჯი o-q̇ud-i *ласки, шутки*, ვოხუჯობ v-oq̇ud-ob куралешу», b) ოხუნჯი o-q̇und-i *забавникъ, шутникъ*, ოხუნჯობა o-q̇und-oba *шутить, забавляться*. Страннымъ можетъ показаться, что форма имени дѣйствія или мѣста, образуемая съ префиксомъ o-, получила значеніе имени дѣйствующаго лица («забавникъ», «шутникъ»). Однако префиксъ o- и въ качествѣ признака имени дѣйствующаго лица можетъ получить оправданіе на основаніи фактовъ языка 2-й категоріи[2]). Въ семасическомъ же отношеніи можно сослаться на параллельное явленіе, употребленіе одной и той же формы въ трояком значеніи—имени дѣйствія, мѣста

---

1) Полная форма maq̇ar сохранилась въ составѣ гурійской фамиліи მახარაძე maq̇ara-ʒe *Махарадзе*. Въ Гуріи извѣстна и фамилія съ грузинскимъ სიხარული si-q̇ar-ul-i *веселіе*: სიხარულიძე siq̇aruli-ʒe *Сихарулидзе*.

2) Н. Марръ, *Опредѣленіе языка второй категоріи Ахемен. клинообразн. надписей по даннымъ яфетич. языкознанія*, § 36.

и дѣйствующаго лица — въ словѣ vaṱar[1]): у армянъ оно (վաճառ vaṱar) значитъ *продажа, торговля*, у иранцевъ (пehl. văčār, нов-и. bāzār) — *мѣсто торговли, рынокъ*, а у грузинъ (ვაჭარი vaṱar-ı), равно у свановъ (ღვაჭარ ġwaṱăr) — *торговецъ, купецъ.*

1) Эта то основа q̇unḓ сохранена непочато hайскимъ խնդուք q̇ənḓ-oy-q (<q̇unḓ-oy-q) *веселье, пиръ*, съ обычной для hайскаго мутуацiею ḓ въ ṱ — hайскимъ же խնծուք qənṱ-oy-q (< q̇unṱ-oy-q) id.[2]).

2) Та же основа съ обычной и для ш- языка, какъ вообще для яфетической рѣчи, дессибиляцiею ḓ въ d налицо въ разновидности q̇und > q̇ınd-, наличной въ основѣ h.-арм. глагола խնդալ q̇ənd-al (<q̇ınd-al < q̇und-al) *радоваться, веселиться*, равно *смѣяться*[3]).

Есть случай сохраненiя первичной огласовки ш- языка (o) въ той же дессибилованной основѣ, именно въ q̇od (<q̇oḓ||q̇onḓ), но по второй породѣ — q̇ıod, что представляетъ параллель м. ხიოდე q̇ıoḓ и г. ხიარ- q̇ıar въ მხიარული m-q̇ıar-ul-ı и т. п., но эта любопытная разновидность сохранена опять таки не мингрельцами, а ихъ сосѣдями, имерами и сванами —

а) въ имерскомъ говорѣ грузинскаго языка, по сообщенiю студ. Е. Микеладзе, ხიოდი q̇ıod-ı значитъ «*веселое настроенiе* у больныхъ тѣми эпидемическими болѣзнями», напр., корью, оспою, которыя грузины величаютъ титуломъ ბატონები baton-eb-ı *господа*, resp. *госпожи*, собственно *боги, ангелы*; отсюда и отыменный глаголъ უხიოდე u-q̇ıod-e, по В. Беридзе — მოუხიოდე mo-u-q̇ıode[4]) «приведи его (такого больного) въ *веселое настрое-*

---

1) О происхожденiи этого термина рѣчь будетъ особо. Къ толкованiю, данному Н. Г. Адонцемъ, *Арменiя въ эпоху Юстинiана*, стр. 381 сл., ср. Horn, *Grundriss der neup. Et.*, 166.

2) Основу q̇unḓ мингрельскiй сохранилъ, по всей видимости, въ фамилiи ხუნჯუა q̇unḓ-ua Хунджуа (лицо съ такой фамилiею обитаетъ въ г. Поти, происходя, по словамъ моего источника, студента С. Читая, изъ сенакскаго уѣзда). Въ Имерiи, именно въ с. Симонеṫ-и Кутаисскаго уѣзда, живутъ, по словамъ студента Д. А. Кипшидзе, носители фамилiи съ той же какъ будто основою безъ n (nḓ<ḓ) въ составѣ — ხუჯაძე q̇uḓa-ďe *Худжадзе.* Для меня пока еще менѣе ясно, имѣемъ ли то же слово q̇unḓ въ составѣ названiя селенiя ხუნჯულორი q̇unḓulor-ı, около с. Кулаша, въ Кутаисскомъ уѣздѣ, на которое обратилъ мое вниманiе студ. Евс. Микеладзе. Надо, впрочемъ, быть осторожнымъ въ данномъ случаѣ, особенно съ разновидностью основы q̇uḓ, такъ какъ ოხუჯეში o-q̇uḓe-ш *хороводная пляска* происходитъ отъ ხუჯი q̇uḓ-ı *плечо*, и отъ того же слова I. А. Кипшидзе производитъ названiе мингрельскаго праздника — ხეხუნჯობა q̇e-q̇unḓ-oba (*Грам. мингр. яз.*, стр. 409, подъ ხუჯი).

3) Нашу основу q̇und, быть можетъ, сохранила въ своемъ составѣ гурiйская фамилiя ხუნდაძე q̇unda-ďe *Хундадзе.* Если бы эта, а не иная этимологiя, оказалась дѣйствительной, фамилiю «Хундадзе», какъ и *Худжадзе* [resp. *Хунджадзе*] пришлось бы признать по первой составной части мингрельскимъ эквивалентомъ грузинской — «Сихарулидзе», равнозначущей русской фамилiи «Веселовскiй»: вторая составная часть «дзе» ძე ďe, какъ извѣстно, значитъ *сынъ.* То же самое должна означать фамилiя Хунджуа (см. выше, прим. 2), по второй составной части -ua (< -va) — мингрельская.

4) *Грузинскiй (картскiй) глоссарiй* (*ЯМ*, VII), s. v. ხიოდი.

нie», утѣшь его. Впрочемъ, по В. Беридзе (ц. с.), ხოდი q̇iod-i, съ чѣмъ онъ правильно сопоставляетъ разбираемое ниже сванское q̇iad, появляется и въ качествѣ простого приложенія къ почетному званію болѣзней-божествъ, т. е. къ batonebi.

b) въ сванскомъ языкѣ то же слово сохранило первичное значеніе, но безъ перегласовки a въ o; слово звучитъ ხად q̇iad (< *i-q̇ad), причемъ въ однихъ говорахъ, именно наиболѣе близкихъ къ мингрельскому (тх, тр), оно значитъ *радость*, въ другихъ (у, хл и др.)—*голубчикъ, пожалуйста*, а въ иныхъ, такъ, напр., въ шх это — эквивалентъ г. ბატონი, фр. *monsieur* въ обращеніи. Что это въ сванскомъ—ласкательное слово (*«радость ‹моя›»*, *«голубчикъ ‹мой›»*), это ясно и изъ его ласкательной формы ხადულ q̇iad-ul. Во всякомъ случаѣ производный отъ него по сванской морфологіи глаголъ значитъ *радовать* — ლიხადე li-q̇iad-e, въ иныхъ говорахъ—ლიხად li-q̇iad, *н.* მახად ma-q̇iad *я радуюсь*.

3) Такъ какъ nd̂, resp. d̂ представляетъ діалектическое въ ш- языкѣ перерожденіе именно r, то мы въ правѣ бы ожидать въ мингрельскомъ или въ чанскомъ и разновидность q̇ur въ значеніи *веселья*, и, очевидно, его и имѣемъ въ качествѣ усвоенія изъ ш- языка яфетической вѣтви въ основѣ h.-арм. տխուր tə-q̇ur (< te-q̇ur) *печальный*, букв. *не веселый*[1]).

4) У армянъ и эта разновидность въ безударномъ слогѣ ослабляетъ u въ ə, притомъ не только въ производныхъ отъ təq̇ur словахъ, *напр.*, տխրութիւն tə-q‹ə›r-uϑiwn *печаль*, но и въ образованномъ отъ чистой основы q̇ur имени на -aq̇ — խրախ qər-aq̇[2]) *превеселый, веселый, радостный*, наличномъ въ цѣломъ рядѣ производныхъ или составныхъ словъ, въ числѣ ихъ и въ խրախճանք q̇ər + aq̇-ṭan-q *веселье, пиршество*, букв. *веселое* приглашеніе, *званый обѣдъ, торжество* и т. п.[3]).

---

1) Отрицаніе tə- аріоевропеисты разсматриваютъ какъ чисто армянскій эквивалентъ индог. dus- (Hübschmann, *AG*, стр. 495,391), дѣйствительно предлежащаго въ языкахъ Арменіи въ видѣ dəj- (դժ-<դուժ-) въ числѣ заимствованій изъ персидскаго (ц. с., стр. 141,195, гдѣ впрочемъ դժոխք dəjoq̇-q *адъ* потребуетъ иного освѣщенія въ связи съ исторіею г. ჯოჯოხეთი d̂o-d̂oq̇-eϑ-i *адъ*), но аріоевропеистамъ не было извѣстно, что въ языкахъ Арменіи не все—аріоевропейское, есть въ нихъ и яфетическое «кое-что», растущее по мѣрѣ изученія яфетическихъ языковъ, въ одномъ изъ коихъ, именно въ сванскомъ დე de является отрицательной частицею какъ самостоятельно, такъ въ качествѣ префикса, напр. დეყედა dè-q̇e-da *«ни* одинъ изъ двухъ», причемъ въ качествѣ префикса эта отрицательная частица теряетъ огласовку передъ гласнымъ, такъ, напр., დäრ d-ā̈r (<de-yar) *никто*, и при мутуаціи hайскаго языка св. de, естественно, должно было стать te-, а въ безударномъ слогѣ и tə-.

2) Суффиксъ -aq̇, осложняющійся и въ -aq̇t, требуетъ особаго обсужденія.

3) Во второй части составного слова ճան ṭan мы имѣемъ также яфетическую основу въ разновидности ш- языка (тубал-каінской) со значеніемъ *приглашеніе, званый пиръ*, см. Н. Марръ, *Яфет. элем. въ языкахъ Арменіи*, II, стр. 471—472, см. также его же *Замѣтки по*

Любопытенъ фактъ, что истыя разновидности ш- языка сохранены не его наличными представителями, т. е. мингрельскимъ и ч̣анскимъ, а сосѣдними языками. При этомъ родныя для нихъ формы у мингрельцевъ ш-языка почти полностью вытѣснены грузинскими эквивалентами, а у ч̣ановъ (лазовъ) совершенно вытѣснены, но не грузинскимъ, а, какъ наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, сванскимъ эквивалентомъ. При огласовкѣ s- языка a (q̇ar) и ш- языка o (q̇ol: q̇ıol) сванскій, какъ извѣстно, закономѣрно проявляетъ огласовку e, и вотъ основу q̇el, по огласовкѣ безусловно сванскую, мы и находимъ въ ч̣анскомъ глаголѣ ოხელუ o-q̇el-u, единственномъ со значеніемъ «быть веселымъ, радоваться» > «быть довольнымъ», откуда ч̣. ხელა q̇el-a *радость*, ч̣. ხელერი q̇el-er-ı *обрадованный*, *веселый*. Въ этой разновидности какъ показательница сванизма характерна именно огласовка e, такъ какъ согласный l̦ можетъ быть и переживаніемъ разновидности ш- языка вм. r. Въ самомъ сванскомъ возстанавливается въ видѣ первоначальной формы именно q̇er, что̀ въ виду паденія r дало въ сванскихъ нарѣчіяхъ, сохранившихъ долготу гласныхъ, разновидность q̇ē, такъ какъ паденіе r обязательно вызываетъ удлиненіе непосредственно предшествующаго гласнаго; отсюда ლიხენე lı-q̇ē-ne (< lı-q̇er-ne) *радовать*, *аор.* ლოხხენ loq̇-q̇ē-n (< loq̇-q̇er-n) *я обрадовалъ*, მეხენე mə-q̇ē-ne (< mə-q̇er-ne) *вѣстникъ радости* и т. п.

Вполнѣ въ порядкѣ вещей и то, что въ самомъ сванскомъ отложилась и форма ш-языка въ разобранномъ уже словѣ ხიად q̇ıad. Сомнѣніе остается впрочемъ въ отношеніи послѣдняго коренного этой сванской формы, какъ и г. ხიოდი q̇ıod-ı, есть ли d дессибилованный на почвѣ ш- языка d̦, resp. nd̦, или въ немъ имѣемъ, какъ это наблюдается часто, сванскій эквивалентъ плавнаго l, т. е. q̇ıad восходитъ къ *q̇ıal, а q̇ıod — къ q̇ıol, наличному въ мингрельскомъ въ видѣ q̇ıol̦[1]). Затѣмъ болѣе существененъ тотъ фактъ, что при закономѣрности соотвѣтствій другихъ звуковъ, особенно яркой въ огласовкѣ, первый коренной держится безъ измѣненія. Мы такое явленіе уже отмѣчали, но оно наблюдалось, притомъ не разъ, въ заимствованіяхъ внутреннихъ, изъ яфетическаго въ яфетическій языкъ.

текстамъ св. Писанія въ древнихъ переводахъ армянъ и грузинъ, § 7 (XB, т. II, стр. 168). Что г. ტანა t̤an-a *пиръ*, собств. «*званый* обѣдъ» есть картизованный (t̤ вм. ţ) тубал-кайнскій терминъ, подтверждается и мингрельскимъ ტანაფა ţan-aф-a *звать*, *приглашать* (I. Кипшидзе, *Гр. мингр. яз.*, стр. 185, s. v.).

1) Такую замѣну l зубнымъ d находимъ и въ грузинскомъ, напр. въ корнѣ vl < *ħvl||svl *ходить*, *аор.* მოველ mo-vel *я пришелъ*, но и მოვედ mo-ved, resp. მოვედი mo-vedı id.